This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

МАГАЗИНЪ
КНИЖНАГО СКЛАДА
НАРОДНОЙ БИБЛІОТЕКИ
Петровскія лин. № 15.

Gift of

Estate of Mary B. Orocchi

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

НОВАЯ АМЕРИКА

НОВАЯ

АМЕРИКА

СОЧИНЕНІЕ

ВИЛЬЯМА ДИКСОНА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ШЕСТАГО АНГЛІЙСКАГО ИЗДАНІЯ

Съ восемью рисунками, печатанными въ Лондонѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1867.

Типографія и Литографія Н. Тиблена и Комп. (Н. Неклюдова.)
Вас. Остр. 8 л., № 25.

E 168
D6312

Содержатель Типографіи Николай Андреяновичъ Неклюдовъ жительство
имѣетъ въ Малой Мѣщанской, д. № 1

ОГЛАВЛЕНІЕ

			Стр
Предисловіе.			
Примѣчаніе къ шестому изданію			I—V.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

ГЛАВА	I.	Страна Запада	1
«	II.	Кровавый Канзасъ	8
«	III.	Континентальная Почта	16
«	IV.	Луговыя Степи	24
«	V.	Луговые Индѣйцы	31
«	VI.	Краснокожіе	37
«	VII.	Жизнь Индѣйцевъ	44
«	VIII.	Провожая Почту.	52
«	IX.	Общины Краснокожихъ.	59
«	X.	Индѣйскій Вопросъ	64
«	XI.	Городъ Равнинъ	70
«	XII.	Правосудіе въ Степяхъ	77
«	XIII.	Сіерра Мадре	82
«	XIV.	Горькій Ручей	90
«	XV.	Спускъ съ Горъ	98
«	XVI.	Новый Іерусалимъ	103
«	XVII.	Мормонскій Театръ	110
«	XVIII.	Храмъ	117
«	XIX.	Два Пророка	122
«	XX.	Бѣгство изъ Неволи	128
«	XXI.	Водворніе въ Утахѣ	132
«	XXII.	Трудъ и Вѣра	138
«	XXIII.	Миссіонерскіе Труды	142
«	XXIV.	Мормонское Откровеніе.	147
«	XXV.	Святскія Правила.	151
«	XXVI.	Высшая Политика	156
«	XXVII.	Бракъ въ Утахѣ	161
«	XXVIII.	Полигамическое Общество . . .	166
«	XXIX.	Ученіе о Многоженствѣ	171

стр.

ГЛАВА XXX. Великій Расколъ 178
« XXXI. Печать Супружества 182
« XXXII. Женщина на Соленомъ Озерѣ . . 188
« XXXIII. Республиканская Платформа . . . 195

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

ГЛАВА I. Помѣстье Дяди Сама 203
« II. Четыре Расы 207
« III. Отношенія Половъ 213
« IV. Лэди 220
« V. Скватерскія Женщины 225
« VI. Женская Политика 229
« VII. Мужья и Жены 236
« VIII. Семейное Право 240
« IX. Ливанская Гора. 246
« X. Шэкерскій Домъ 252
« XI. Шэкерскій Союзъ 259
« XII. Мать Анна 265
« XIII. Церковь Воскресенія. 272
« XIV. Духовные Циклы. 279
« XV. Спиритизмъ 286
« XVI. Ясновидящія 296
« XVII. Равенство Правъ. 301
« XVIII. Безвредные Люди. 306
« XIX. Возстаніе Женщинъ. 313
« XX. Онкидскій Ручей 321
« XXI. Святость. 327
« XXII. Библейская Семья 333
« XXIII. Новыя Начала. 341
« XXIV. Пантагамія *(Сложный Бракъ)* . . . 348
« XXV. Юная Америка 354
« XXVI. Обхожденіе. 358
« XXVII. Свобода 365
« XXVIII. Законъ и Правосудіе 370
« XXIX. Политика 375
« XXX. Сѣверъ и Югъ 381
« XXXI. Негры 388
« XXXII. Возстановленіе Союза 396
« XXXIII. Единство. 404

РИСУНКИ

	Стр.
Робертъ Вильсонъ, шерифъ въ Денверѣ . .	76— 77.
Главная улица въ Городѣ Солёнаго Озера . .	102—103.
Бригамъ Юнгъ	124—125.
Элиза Сноу, женщина-поэтъ.	164—165.
Четыре расы	212—213.
Лэди у Шэкеровъ	250—251.
Библейскіе Коммунисты,—Пророкъ и Семейство	324—325.
Новый Капитолій въ Вашингтонѣ	396—397.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изученіе прошлаго, долго занимавшее мое перо, привело меня въ прошедшее лѣто къ берегамъ рѣки Джемсъ и къ Плимутской Скалѣ. Я искалъ стараго міра, а нашелъ новый. На востокѣ и западѣ, на сѣверѣ и югѣ я встрѣтилъ новыя идеи, новыя стремленія, новые методы, однимъ словомъ Новую Америку.

Люди, насадившіе эти свободные штаты и совершившіе тѣмъ величайшее дѣло Англіи въ теченіе всей ея исторіи, были побуждаемы двумя великими чувствами: широкой любовью къ свободѣ и глубокимъ религіознымъ сознаніемъ; потому въ нашей Великой Плантаціи свобода и религія имѣютъ такое вліяніе на всѣ формы общественной и семейной жизни, о которомъ въ Англіи не имѣютъ и понятія. Въ основѣ многочисленныхъ прочныхъ обществъ и охранительныхъ церквей мы находимъ самыя странныя ученія, самые смѣлые опыты; и только видя, какіе внутренніе элементы дѣйствуютъ въ нихъ, мы можемъ достойно удивляться могучей силѣ этихъ обществъ и церквей.

То, что я видѣлъ относительно перемѣнъ, происходящихъ нынѣ въ дѣйствительной жизни мужчинъ и женщинъ на Американской почвѣ, подъ вліяніемъ двухъ главныхъ стремленій, къ свободѣ и религіи, представлено на этихъ страницахъ.

6 St. James'Terrace,

Первый день новаго года 1867.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ШЕСТОМУ ИЗДАНІЮ.

Я получилъ отъ отца Нойеса, основателя Библейскаго Коммунизма, критику на мое описаніе Библейскаго Семейства въ Онеидѣ; такъ какъ онъ и его послѣдователи полагаютъ, что я, «въ пылу и поспѣшности» отозвался объ нихъ нѣсколько несправедливо, то я позволяю себѣ представить ихъ жалобы на судъ публики, которая, по ихъ словамъ, введена мною въ заблужденіе; конечно я прибавлю отъ себя тѣ примѣчанія, которыя найду необходимыми.

Приведя мои слова о тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя представлялись мнѣ для собранія самыхъ точныхъ свѣдѣній въ Онеидѣ, м-ръ Нойесъ замѣчаетъ: «Онъ дѣйствительно имѣлъ возможность узнать истину, но, очевидно, по какой-то причинѣ онъ не хорошо разжевалъ то, что слышалъ.» М-ръ Нойесъ очень легко объясняетъ себѣ причину моего дурнаго пищеваренія; и его объясненіе вѣроятно покажется читателямъ столь же страннымъ какъ мнѣ. Во всякомъ случаѣ вотъ что говоритъ учитель Святости: «Я предполагаю, что дѣйствительно дурное пищевареніе имѣло какое-нибудь вліяніе на тотъ колоритъ, который онъ придалъ своему взгляду на насъ. Говоря правду, *ему не понравилось наше житье*. У насъ не было ни чая, ни кофе, ни говядины, ни вина. Недостатокъ всего этого для веселаго англичанина составляетъ нестерпимое лишеніе. Мормоны и Шэкеры лучше заботились объ его желудкѣ. У него очень болѣла голова послѣ первой ночи, проведенной у насъ. Я догадался, что «въ машинѣ ослабъ винтъ.» На мои распросы онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно немного разстро-

ился отъ скудной діеты. Тотчасъ же со всей возможной энергіей я принялся за починку машины; послалъ за чаемъ, кофе, говядиной, и поставилъ предъ нимъ лучшее вино, какое только у насъ было, хотя я вполнѣ съ нимъ согласенъ,—оно очень плохо. Но было уже поздно. Происшедшій диссонансъ невозможно было исправить. Химическая часть посѣщенія была испорчена и я боюсь, что это испортило и его книгу. Мы должны принять ее за критику на нашу несчастную неловкость и недогадливость въ дѣлѣ гостепріимства.»

Все, сказанное м-ромъ Нойесомъ, вѣроятно, справедливо относительно фактовъ; хотя я не помню, чтобъ у меня болѣла голова именно въ упомянутое утро. Я не могу отрицать, чтобы «химическая часть посѣщенія» была не испорчена, ибо я рѣшительно не понимаю, что подразумѣвается подъ «химіей моего пребыванія въ Онеидѣ».

М-ръ Нойесъ объясняетъ далѣе, что мое описаніе Библейскихъ Коммунистовъ должно быть принято за мое собственное, а не за его описаніе или за одобренное имъ. Этого именно я и желалъ, этого и достигъ. Разсказъ о его дѣлѣ съ его собственной точки зрѣнія, вѣроятно, заинтересовалъ бы многихъ, но этотъ интересъ былъ бы совершенно иной, чѣмъ тотъ, какъ бы онъ великъ или малъ ни былъ, который можетъ возбудить объективный взглядъ на его Семейство. Я не думаю, чтобы кто-нибудь изъ читателей «Новой Америки» принялъ мою картину Онеидскаго Семейства за офиціальный очеркъ.

М-ръ Нойесъ жалуется, что въ моемъ описаніи есть «одинъ важный пропускъ», именно отсутствіе спеціальнаго объясненія его «основнаго научнаго открытія», его теоріи воздержанности мужчинъ. Я сознаюсь въ этомъ пропускѣ, онъ сдѣланъ мною нарочно. Я объяснилъ это научное открытіе профессору Гёкели и другимъ моимъ друзьямъ, изучающимъ физіологію; но я сомнѣваюсь, хорошо ли бы я сдѣлалъ, поступивъ иначе, ибо, по моему смиренному мнѣнію, свѣтъ едва ли еще подготовленъ къ обнародованію подобныхъ теорій въ популярной книгѣ, хотя бы даже было совершенно справедливо, какъ говоритъ М-ръ Нойесъ, что «это первый принципъ нашей теоріи коммунизма, теоретически и исторически, безъ чего мы никогда не рѣшились бы испытать сложнаго брака.»

М-ръ Нойесъ замѣчаетъ, что я говорю о немъ какъ о «пророкѣ», а объ его послѣдователяхъ, какъ о «святыхъ»; первое слово они никогда не употребляютъ, второе же, хотя было прежде въ ходу, но теперь оставлено. «Я сказалъ ему опредѣлительно, что меня зовутъ въ общинѣ м-ромъ Нойесомъ и иногда отцомъ Нойесомъ, но что у меня нѣтъ никакого офиціальнаго прозвища.» Это вопросъ не важный и

м-ръ Нойесъ даже не имѣетъ и притязанія придавать ему важность. Если я сдѣлалъ ему непріятное, употребляя оскорбительное въ его глазахъ слово, то я очень объ этомъ сожалѣю; оправдаться же могу тѣмъ, что перенялъ это слово отъ моихъ ново-англійскихъ друзей и прибѣгалъ къ нему лишь для отличія, а вовсе не съ цѣлью «представить въ карикатурѣ» этихъ своеобразныхъ людей. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ «Новой Америки» слово «пророкъ» уже замѣнено словомъ «проповѣдникъ».

То, что слѣдуетъ далѣе, заслуживаетъ гораздо большаго вниманія. М-ръ Нойесъ возстаетъ противъ моего разсказа о его бракѣ, такъ какъ этотъ разсказъ выражаетъ мысль, что онъ былъ бѣденъ и желалъ жениться только ради денегъ. Мой разсказъ, конечно, выражаетъ эту мысль; и если я ошибочно полагаю, что самъ м-ръ Нойесъ представляетъ этотъ фактъ въ такомъ же точно свѣтѣ, то я готовъ немедленно сознаться въ своемъ заблужденіи и извиниться передъ нимъ. «Диксонъ не видалъ Гарріетъ,—говоритъ м-ръ Нойесъ,—и неужели онъ предполагаетъ, что если я былъ довольно глупъ и безбоженъ, чтобы жениться на женщинѣ ради ея денегъ, то я еще имѣлъ непостижимое счастье получить лучшую жену на свѣтѣ и одаренъ такимъ изящнымъ вкусомъ, что только въ послѣдствіе открылъ это и превратилъ мой бракъ въ бракъ по любви, такъ что я нынѣ «живу въ мірѣ», какъ говорится въ старой сказкѣ, и «умру въ горшкѣ жира». Еслибъ онъ прочелъ всѣ мои письма къ ней въ то время, когда я за ней ухаживалъ, и прослѣдилъ бы путь нашей брачной жизни до сей поры, то узналъ бы что Гарріетъ А. была Жозефиной моей жизни во всѣхъ отношеніяхъ, съ начала до конца, и что ея деньги были малѣйшей цифрой въ томъ итогѣ качествъ, за которыя я женился на ней и люблю ее до сихъ поръ.»

Я отложу въ сторону, какъ подлежащее спору, всѣ мои личныя воспоминанія о томъ, что самъ м-ръ Нойесъ говорилъ мнѣ въ Онеидѣ о своей молодости, ухаживаніи за своей будущей женой и свадьбѣ, а буду защищаться на основаніи его печатныхъ словъ, въ его собственномъ офиціальномъ органѣ, одинъ экземпляръ котораго онъ самъ мнѣ поднесъ. Въ «*Циркулярѣ*» отъ 8-го января 1866 г. помѣщена статья м-ра Нойеса подъ названіемъ «*Финансовый Романъ*», въ которой онъ описываетъ свое положеніе передъ бракомъ, тѣ причины, которыя его побудили сдѣлать предложеніе миссъ Гольтонъ, и тѣ денежныя выгоды, которыя онъ извлекъ изъ ея согласія выйти за него замужъ. Въ этой статьѣ онъ говоритъ:

«Я долженъ былъ за квартиру и въ типографію всего около восьмидесяти долларовъ. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ выйдти

изъ такого положенія. Но однажды, распечатывая полученныя письма, я нашелъ въ одномъ изъ нихъ именно восемьдесятъ долларовъ. Это письмо было отъ Гарріетъ А. Гольтонъ, что теперь Гарріетъ А. Нойесъ. Она послала мнѣ эти деньги по высшему наитію, получивъ ихъ отъ своего дѣда такимъ путемъ, который она не могла не считать чудеснымъ. Этими деньгами я заплатилъ всѣ свои долги.»

Это мѣсто статьи, относящееся до затруднительнаго положенія проповѣдника, было отмѣчено мной и внесено въ составъ моего разсказа. Далѣе м-ръ Нойесъ говоритъ:

«Весною я отправился въ Пётней. Тамъ я увидѣлъ Гарріетъ А. Гольтонъ, женщину, присылавшую мнѣ восемьдесятъ долларовъ, когда я находился въ Итакѣ. Я нашелъ, что она вполнѣ вѣрила въ меня. Между нами не было особой любви въ сантиментальномъ родѣ, но она читала мои сочиненія, напечатанныя въ Нью-Гэвенскомъ *Perfectionist* и познала истину сердцемъ своимъ; она уважала меня и вѣрила какъ въ человѣка посланнаго Богомъ. Я вскорѣ написалъ ей письмо, въ которомъ предложилъ свою руку, на такихъ условіяхъ, которыя были согласны съ соціальными принципами общины.»

Это мѣсто статьи я также отмѣтилъ и примѣнилъ къ дѣлу. Еще далѣе м-ръ Нойесъ говоритъ:

«Этимъ бракомъ, кромѣ ея самой и хорошаго общественнаго положенія, ибо она принадлежала къ одному изъ первыхъ семействъ Вермонта, я получилъ достаточно денегъ, чтобъ построить себѣ домъ и типографію, купить станки и шрифты для начатія работы. Мы купили эти станки и шрифты чрезъ три недѣли послѣ свадьбы и приступили къ дѣлу изданія. Ея дѣдъ давалъ намъ денегъ на прожитье въ продолженіе шести лѣтъ, до своей смерти, послѣ которой жена моя, какъ его прямая наслѣдница, получила 9,000 долларовъ. Всего мы получили отъ него не меньше 16,000 долларовъ.»

На основаніи этихъ-то словъ я сказалъ, что м-ръ Нойесъ не скрываетъ, что онъ женился на миссъ Гольтонъ изъ-за денегъ. Въ той же статьѣ онъ еще говоритъ: «Истина привлекла Гарріетъ Гольтонъ ко мнѣ — *она вышла замужъ не за меня, а за газету.*»

Въ сущности это тоже самое, что я сказалъ: «Онъ не скрываетъ, что женился на Гарріетъ изъ-за денегъ; по его собственнымъ словамъ она была ниспослана ему какъ награда за проповѣдываніе Истины.»

Я разстаюсь съ своимъ критикомъ въ совершенно добромъ расположеніи духа, въ доказательство чего привожу, для большаго круга читателей, чѣмъ подписчики «*Циркуляра*», его взглядъ на общее значеніе моей книги:

«Хороша ли она? Справедлива ли она? Поможетъ ли она Новой Америкѣ и всему свѣту идти впередъ, къ «лучшимъ временамъ»? Да; въ одномъ по крайней мѣрѣ отношеніи эта книга лозунгъ настоящей минуты. *Она объявляетъ вопросъ на очереди. Тяжба Рабства* была на сценѣ въ продолженіи тридцати лѣтъ. Конецъ ея наступилъ; пьеса сыграна. Занавѣсъ упалъ. Диксонъ, какъ граціозный режиссеръ, выступаетъ впередъ и говоритъ всей Америкѣ, значитъ всему міру: Милостивыя государыни и господа, слѣдующее представленіе будетъ Тяжба Брака!»

Вотъ взглядъ отца Нойеса; мнѣ нечего прибавлять, что онъ выражаетъ свое мнѣніе, а не мое.

9 Марта, 1867 г.

НОВАЯ АМЕРИКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НОВАЯ АМЕРИКА.

ГЛАВА I.

Страна Запада.

«Полагаю, что эти янки должны держать ухо востро по сю сторону Рѣки, коли не любятъ, чтобы имъ выбивали глазные зубы,—а, судья?»

Человѣкъ, къ которому были обращены эти слова, поднялъ свой подбородокъ изъ блюда варенаго маиса и солонины, посмотрѣлъ прежде на меня, потомъ на моего товарища и, подмигнувъ направо и налѣво, очень медленно произнесъ:—Полагаю, что вы правы, шерифъ.»

Нѣсколько словъ объясненія необходимы, чтобы понять этотъ образчикъ судебнаго остроумія, представленный за обѣденнымъ столомъ въ маленькой гостинницѣ города Атчисона, замѣчательной только тѣмъ диковиннымъ количествомъ грязи и всякой нечистоты, которое могло помѣститься въ такомъ крошечномъ мѣстѣ.

Янки, предупрежденные шерифомъ держать ухо востро, подъ опасеніемъ лишиться глазныхъ зубовъ, были мой другъ Чарльзъ В. Дильке и я, оба несомнѣнно англійской крови и рожденія. Англійскія лица не каждый день видны въ Канзасѣ; и эти западные молодцы (каждый мужчина по ту сторону Миссури молодецъ, точно также какъ каждая женщина—лэди, по собственному природному праву), имѣя смутныя понятія объ этнологіи и выговорѣ, принимаютъ каждаго человѣка съ бѣлымъ лицомъ и безъ охот-

ничьяго ножа за янки, ѣдущаго изъ Ново-Англійскихъ штатовъ на поиски золотаго песку, особыхъ льготъ и угловыхъ участковъ. «Рѣка» означаетъ Миссури, который протекаетъ тутъ между населеннымъ штатомъ того же имѣни и дикимъ ненаселеннымъ пространствомъ земли, извѣстнымъ на картахъ подъ именемъ Канзаса, а въ поэзіи и романахъ—Кроваваго Канзаса. Для западнаго молодца Миссури это—Темза, Рейнъ, Сена; это потокъ, приносящій ему торговлю, красоту, роскошь и искусство; каждый мужчина и каждая женщина, т. е. каждый молодецъ и каждая лэди, живущіе въ западной нагорной странѣ, за этой каймой холмовъ и лѣсовъ, говорятъ о поѣздкѣ внизъ на Рѣку, какъ поселянинъ Пикардіи хвалится поѣздкой въ Парижъ или Лондонскій лавочникъ толкуетъ о посѣщеніи Брайтона и острова Уайтъ. Рѣка отдѣляетъ его, какъ онъ говоритъ, отъ Востока, отъ Штатовъ, и самая ходячая шутка, повсюду отъ Атчисона до Солёнаго Озера,—что человѣкъ, переправляющійся черезъ Миссури, ѣдетъ въ Америку. Въ своихъ высокихъ сапогахъ, мягкой шляпѣ, кожанномъ поясѣ, буйволовой шкурѣ на спинѣ, со своимъ охотничьимъ ножомъ и шестиствольнымъ револьверомъ, западный молодецъ чувствуетъ къ невооруженнымъ, трезвымъ, смирнымъ людямъ, живущимъ на противуположномъ берегу Рѣки, нѣчто въ родѣ гордаго презрѣнія, которое заіорданскій арабъ питаетъ къ поселенцамъ Галилеи, и жестокой ненависти испанскаго гидальго восточнаго берега Дуэро къ португальскимъ разносчикамъ, пресмыкающимся на западномъ берегу.

Что же касается до вопроса о выбиваніи глазныхъ зубовъ, то я въ этомъ отношеніи придерживаюсь крайняго мнѣнія. Пять или шесть лѣтъ тому назадъ, посѣтивъ моего стараго друга Ландора въ его флорентійскомъ домѣ и выражая ему радость, что нахожу его такимъ здоровымъ и бодрымъ (ему было тогда восемьдесятъ четыре года), я услышалъ въ отвѣтъ на мои поздравленія эти знаменательныя слова: «милый мой, не говори этого—я потерялъ четыре зуба.» Я улыбнулся, но маститый старецъ продолжалъ: «не смѣйся надо мной, я скорѣе предпочелъ бы лишиться всего ума, чѣмъ одного зуба.» Вообще я наврядъ-ли пойду такъ далеко какъ Ландоръ; но угроза выбить ваши глазные зубы, конечно, въ состояніи возмутить спокойствіе даже святаго. Однако мы

перешли нашъ Іорданъ и на этой сторонѣ Рѣки должны подвергнуться своей судьбѣ.

Вчера спозаранку, въ душное августовское утро, мы выѣхали изъ Сентъ-Луи, блестящаго и трудолюбиваго города, въ которомъ кипитъ и дикая, и прирученная жизнь, города полусаксонскаго, полулатинскаго и въ настоящую минуту пораженнаго паникой, въ родѣ той, какую нагоняетъ, по временамъ, чума на Каиръ и Алеппо. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца палящаго зноя, зноя громадной низменной равнины, въ трехстахъ миляхъ отъ ближнихъ горъ и въ восьмистахъ отъ горнаго кряжа, холера уносила безчисленныя жертвы съ набереженъ, гдѣ работаютъ несчастные ирландцы, изъ тѣхъ смрадныхъ трущобъ, гдѣ живутъ безпечные негры.

Въ нынѣшнемъ году не возникло Говардскаго общества, какъ въ предыдущее посѣщеніе города чумой, когда 1500 молодыхъ, богатыхъ и способнѣйшихъ гражданъ посвятили себя всецѣло дѣлу милосердія. Теперь же ничего не было сдѣлано, чтобы достойно встрѣтить врага, вѣчно грозящаго такому городу, какъ Сентъ-Луи, выстроенному надъ стокомъ цѣлаго континента. Съ безумiемъ, едвали гдѣ встрѣчавшемся внѣ стѣнъ Гоэы, городской совѣтъ пересталъ составлять дневные отчеты объ умершихъ, число которыхъ можно было угадывать лишь по похоронным процессіямъ, безпрерывно тянувшимся по улицамъ, и по могильнымъ спискамъ десяти или двѣнадцати большихъ кладбищъ. Процентъ смертности былъ огромный и еще преувеличивался въ ариѳметической прогрессіи отъ страха. Огни пылали на всѣхъ улицахъ; известью наполняли всѣ подземныя трубы; страшные разсказы, плодъ южнаго воображенія, нашептывались вамъ на ухо во время обѣда; вы тутъ слышали, что всѣ сторожа бѣжали съ кладбищъ, даже каторжные и убійцы, которымъ обѣщали прощеніе, если они будутъ хоронить жертвы холеры; что непогребенные трупы валялись грудами; что гробы были поджигаемы бѣглецами; что тысячи ужасовъ, которымъ и названія нѣтъ, совершались на кладбищахъ и въ склепахъ. Похоронный гулъ колоколовъ раздавался весь день и всю ночь.

Мы выѣхали изъ города рано утромъ. Къ полудню мы уже ѣли виноградъ и дыни въ Маконѣ; въ полночь мы достигли

Сентъ-Джозефа (болѣе нѣжно называемаго Сентъ-Джо) на Миссури, въ какихъ-нибудь двѣнадцати миляхъ отъ Атчисона и конечно на восточномъ берегу. Въ два часа ночи мы кончили наше странствіе по желѣзному пути и поѣздъ остановился въ полѣ, не у какого-нибудь опредѣленнаго мѣста, а такъ, на пустопорожней землѣ, поросшей вонючей травой, и вблизи отъ переправы черезъ рѣку.

Когда мы дошли до конца послѣдней доски на полотнѣ желѣзной дороги, то отрадно было услышать въ такую холодную, мрачную ночь крикъ трактирнаго гонца: (гонцемъ здѣсь называется человѣкъ исполняющій все): «Есть кто въ Planter's House (Плантаторскій Домъ)?» Да, да, мы всѣ. И вскорѣ мы вваливались съ своими мѣшками, палками, пальто и пледами въ дилижансъ, дожидавшійся у досокъ. Уфъ! что за чудовище лежитъ у насъ подъ ногами? Что-то въ родѣ громадной, черной собаки спало на полу и, какъ только мы влѣзли въ дверку, начало храпѣть и лягаться. Это чудовище было слишкомъ велико для собаки; быть можетъ это былъ буйволъ, который, видя дилижансъ пустымъ, забрался въ него отъ страшнаго холода. Но вотъ чудовище начало ругаться и проклинать насъ всевозможными крупными словами. Когда этотъ страшный звѣрь окончательно очнулся, то оказался кучеромъ дилижанса, прикрытымъ буйволовой шкурой. Помѣстившись кое-какъ съ дюжиной подобныхъ намъ несчастныхъ, мы воскликнули: Хорошо! Впередъ!

— Полагаю вы будете ждать парома,—промолвилъ кучеръ, посреди цѣлаго потока прилагательныхъ и укоризнъ, которыя барынямъ и пасторамъ показались бы слишкомъ крупными.

— Когда придетъ паромъ?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— Ну, полагаю, въ семь.

Было два часа, ночь сырая, холодная; дилижансъ былъ набитъ пассажирами и мы находились въ открытомъ полѣ. Разбудивъ трактирнаго гонца, который, вмѣстѣ съ кучеромъ, снова захрапѣлъ въ самомъ покойномъ мѣстѣ дилижанса, мы узнаемъ, что можно переправиться, если мы желаемъ, чрезъ рѣку даже и ночью, въ маленькой лодочкѣ. Конечно желаемъ! Мы поплелись по травѣ, таща съ собой вещи, которыхъ никто не хотѣлъ нести за нами; спустившись осторожно къ берегу и слыша плескъ воды, мы стали во все горло звать помощи съ противуположной стороны. Берегъ

былъ крутой и мягкій, подъ ногами виднѣлась черная глина, а густой желтоватый туманъ тяжело нависъ надъ быстрымъ потокомъ. На противоположныхъ высотахъ чернѣлся абрисъ маленькаго городка. Мы могли разобрать нѣсколько бѣленькихъ домиковъ, разбросанныхъ тутъ и тамъ; подъ ними темной лентой тянулся берегъ. Но гдѣ же лодка? Не на нашемъ берегу, ибо лодочникъ Биль жилъ въ своей одинокой холостой сторожкѣ на Канзаской сторонѣ. У! У! воинственный кликъ, поднятый трактирнымъ гонцомъ, который долженъ былъ бы разбудить семь спящихъ красавицъ, только повторялся глухимъ эхо на Канзаскихъ крутизнахъ. Лодка не появлялась; постоявъ на берегу съ добрый часъ и видя, что туманъ все становился гуще, а рѣка какъ будто шире, мы ушли назадъ, не очень взбѣшенныя тѣмъ, что нашъ воинственный кликъ не разбудилъ лодочника.

Возвратясь въ дилижансъ мы нашли, что возница храпѣлъ на томъ же мѣстѣ. Мы никогда не забудемъ тѣхъ грозныхъ залповъ ругательствъ и проклятій, которыми онъ обстрѣливалъ насъ въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ часовъ, а также той грубой, но добродушной готовности, съ которой онъ бросилъ намъ попону и буйволовую шкуру. Мой товарищъ легъ и заснулъ; сонъ легко приходитъ въ юности; что же касается до меня, то я всю ночь ходилъ взадъ и впередъ по доскамъ, вторично спустился къ берегу, смотрѣлъ, какъ блѣднѣли звѣзды на небѣ, бранилъ вонючую траву и курилъ сигару.

Въ семь часовъ паромъ явился; въ восемь мы сидѣли за столомъ въ Planter's House, среди этихъ дикихъ аристократовъ Канзаса,—веселой компаніи продувныхъ ребятъ,—изъ которыхъ у каждаго былъ охотничій ножъ въ карманѣ и шестиствольный револьверъ за кушакомъ.

— Можете вы мнѣ сказать, сэръ, въ которомъ часу почта отходитъ изъ Атчисона на Солёное Озеро?—вотъ простой вопросъ, на который, какъ читателямъ уже извѣстно, шерифъ отвѣчалъ намекомъ на небезопасность нашихъ глазныхъ зубовъ въ Канзасѣ. Не понявъ сразу этого отвѣта, я посмотрѣлъ прямо въ лицо моему собесѣднику и повторилъ свой вопросъ, на этотъ разъ очень медленно, что возбудило во всемъ обществѣ взрывъ дьявольскаго хохота. Тутъ мы узнали отъ судьи, что континентальная почта

(желая воспользоваться которой, для нашей поѣздки въ Денверъ и на Солёное Озеро, мы нарочно пріѣхали изъ Сентъ-Луи въ Атчисонъ, откуда отходятъ мальпосты) перестала ходить по Платтской дорогѣ и что всѣ люди и экипажи отосланы рѣкой въ Ливенвортъ, откуда почта будетъ впредь отходить, перерѣзывая степи по кратчайшему и удобнѣйшему пути.

Почта, почтовый агентъ, служители, мулы, фургоны—все отправлено рѣкой въ Ливенвортъ и потому намъ остается только взять свои вещи и слѣдовать по тому же пути. Наши новые знакомые смѣются надъ нашей неудачей съ какимъ-то грубымъ добродушіемъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что переводъ почты изъ Атчисона въ Ливенвортъ—большой ударъ для ихъ города, особенно для тѣхъ, которые положили свои деньги на сооруженіе города и принуждены вѣчно стоять за него или пасть вмѣстѣ съ нимъ. Принимая насъ за товарищей ихъ несчастья, жители Атчисона надѣются, что мы сочтемъ себя жертвой заговора и сознаемся, что у насъ выбили хоть одинъ изъ глазныхъ зубовъ.

Въ сотнѣ различныхъ фразъ намъ объясняютъ, что почта покидаетъ лучшую дорогу чрезъ луговыя степи въ пользу худшей. Платтская дорога, говорятъ намъ, безопасна и удобна, хорошая дорога съ хорошими станціями и мулами; всѣ военные посты на ней отлично укрѣплены, а индѣйцы вдоль всего пути очень дружелюбно смотрятъ на бѣлыхъ. Однимъ словомъ, это настоящая дорога. Новая же называется дорогой Дымныхъ Горъ, отъ постояннаго тумана, царствующаго на протяженіи ста миль.

— Ну, господа,—сказалъ шерифъ,—вы ее увидите и будете сами судить, правы ли мы. Впрочемъ, вамъ можетъ быть пріятно лишиться и остальныхъ глазныхъ зубовъ?

Одинъ изъ гражданъ Атчисона вынимаетъ при этомъ газету того дня и указываетъ намъ на извѣстія изъ страны Дымныхъ Горъ; по словамъ корреспондента Черный Котелъ, Римскій Носъ, Пестрая Собака и нѣкоторые другіе знатнѣйшіе предводители краснокожихъ вышли на боевую тропу. Тутъ же разсказывалось о томъ, какъ Чейенны (Cheyennes) разграбили и предали огню нѣсколько уединенныхъ ранчъ бѣлыхъ, и приведенъ списокъ бѣлыхъ, убитыхъ этими дикарями. Изъ той же газеты мы узнаемъ, что на сѣверѣ положеніе дѣлъ стало скорѣе хуже, чѣмъ лучше. На партію бѣлыхъ, спускавшуюся по

Миссури, напали Черноногіе Индѣйцы, помѣнялись съ бѣлыми выстрѣлами и поплыли за ними въ погоню, но не могли догнать вслѣдствіе быстроты, съ которой люди гребли въ лодкахъ. Партія, избѣгнувшая такимъ образомъ индѣйскаго топора, свидѣтельствуетъ, что семь бѣлыхъ, спускаясь въ лодкѣ по той же рѣкѣ, были захвачены въ плѣнъ и убиты Кросами,—индѣйскимъ племенемъ, недавно заключившимъ мирный трактатъ съ правительствомъ; но, вслѣдствіе какой-то обиды, по ихъ словамъ, они сожгли трактатъ, выкрасили себя охрой и вермильономъ и, подобно своимъ братьямъ Чійеннамъ и Сіуксамъ, вышли на боевую тропу.

Въ эту минуту входитъ въ комнату высокій торжественный молодецъ, вооруженный ружьемъ, шестиствольнымъ револьверомъ и охотничьимъ ножемъ; намъ его представляютъ какъ капитана Волькера; «знаменитаго капитана Джемса Волькера, сэръ, который перешелъ черезъ равнины 27 разъ и въ честь котораго названъ Волькерскій Ручей», ручей, о которомъ мы къ нашему стыду ничего не знаемъ, даже его славнаго названія. Капитанъ Волькеръ выражаетъ мнѣніе, что мы будемъ дураки, если повѣримъ свои черепа дорогѣ Дымныхъ Горъ, ибо Платтская дорога единственно безопасная. На наше возраженіе, что такъ какъ почта болѣе не ходитъ по этой безопасной дорогѣ, то и мы врядъ ли можемъ отправиться по ней, онъ отвѣчаетъ, что мы хорошо бы сдѣлали, еслибъ остались въ Атчисонѣ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ онъ подготовитъ насъ къ пути и научитъ основательно политикѣ луговыхъ степей. Впрочемъ, если мы не понимаемъ своей пользы, то можемъ убираться къ чорту, что̀ конечно и случится, если мы познакомимся съ ножемъ Чійенновъ.

Ясно, что жители Атчисона очень плохаго мнѣнія о Ливенвортской дорогѣ, въ сравненіи со своей.

Узнавъ, что маленькій пароходъ отходитъ послѣ полудня внизъ по рѣкѣ въ Ливенвортъ, мы отсылаемъ свои вещи и велимъ взять билеты. Теперь девять часовъ утра и такъ какъ намъ нечего дѣлать, то наши новые друзья считаютъ своимъ долгомъ оставаться съ нами, чтобъ намъ помочь; эта учтивость нимало не была бы непріятна, еслибъ они только не такъ часто и не такъ иронически отзывались о томъ, что насъ поддѣли. Около полудня одно случайное обстоятельство возвышаетъ насъ въ ихъ мнѣніи на го—

раздо большую высоту, чѣмъ та, съ которой мы очевидно упали. Это дало намъ возможность оставить городъ, въ нравственномъ отношеніи, съ распущенными знаменами и съ мечемъ въ рукахъ.

Расхаживая по улицѣ и наслаждаясь разговоромъ и сигарой, мы вдругъ замѣчаемъ на одной вывѣскѣ слова «Почтовое отдѣленіе» и, зайдя, находимъ одно письмо, адресованное на мое имя совершенно неизвѣстнымъ мнѣ почеркомъ. Заплативъ слѣдуемые три цента, я сламываю печать и нахожу, что письмо не ко мнѣ, вслѣдствіе чего я складываю письмо и возвращаю почтмейстеру, говоря, что это не ко мнѣ и пускай его приберегутъ для настоящаго собственника, которому оно, быть можетъ, очень важно. Взглянувъ на меня довольно странно, почтмейстеръ беретъ письмо и возвращаетъ мнѣ мои три цента. «Видѣлъ,—говоритъ шерифъ одному изъ своихъ друзей,—чортъ возьми какъ тонко: прочелъ свое письмо и деньги получилъ обратно! Повѣсьте меня, если я теперь думаю, что они янки.»

Одного мошенничества, повидимому, достаточно, чтобы породнить весь міръ между собой!

ГЛАВА II.

Кровавый Канзасъ.

— Ну, Самъ,—сказалъ я веселому негру, лѣтъ тридцати пяти, съ быстрыми глазами и ловкой рукой на бритье, пока онъ покрывалъ пудрой мое лице и поливалъ розовой водой волосы, въ парикмахерской Planter's House, въ Ливенвортѣ,—гдѣ вы выросли?

— Я росъ въ Миссури, саръ.

— Такъ вы родились невольникомъ?

— Да, саръ, я былъ невольникомъ въ Вестонѣ; очень ужъ у меня дурной былъ господинъ; всегда пьянъ и все билъ бѣдныхъ негровъ.

— А какъ вы получили свободу, Самъ,—ходили вы на войну?

— Нѣтъ, саръ; я не хожу на войну; полагаю, что война большой грѣхъ; я переплылъ.

— Переплылъ? Ахъ да, вы хотите сказать, что вы переплыли изъ Миссури въ Канзасъ, изъ рабовладѣльческаго штата въ свободный?

— Это правда, саръ. Въ одну очень темную ночь я улизнулъ изъ Вестона; пробѣжалъ сквозь лѣсъ вдоль берега, спустился въ воду съ помощью длинныхъ вѣтвей, нависшихъ надъ рѣкой, и переправился на этотъ грязный берегъ (при этомъ онъ указалъ на громадное количество ила, окаймляющаго Ливенвортъ, когда вода низка). Тамъ прождалъ я до утра, смотря на звѣзды въ небѣ и на свѣтъ въ этихъ домахъ; а когда насталъ день, я вышелъ изъ-за тростниковъ и явился на дамбу.

— И вы были свободны?

Самъ отвѣчалъ на это оскаливъ только зубы.

— Помогли ли вамъ въ вашемъ бѣгствѣ люди съ этой стороны рѣки? Невольники всегда имѣли друзей въ Канзасѣ.

— Нѣтъ, саръ; мнѣ никто не помогалъ, я ни кому не говорилъ, ибо самъ не зналъ за минуту передъ тѣмъ, что улизну. Господь вложилъ мнѣ это въ голову. Я методистъ, саръ; большая часть негровъ методисты; я только что воротился домой изъ часовни, думая о неисповѣдимыхъ путяхъ Господнихъ, какъ вдругъ мнѣ кто-то шепнулъ на ухо: «встань, Самъ, бѣги и будь человѣкомъ.» То былъ голосъ Господа, я зналъ это хорошо. Сначала я не зналъ, что дѣлать; я думалъ, что не хорошо было убѣжать и украсть себя у господина—я вѣдь стою 1200 долларовъ. Потомъ я сталъ думать, что хорошо повиноваться голосу Господа,—вѣдь я болѣе принадлежу Господу, чѣмъ господину; тогда я и улизнулъ въ лѣсъ.

— Конечно, васъ преслѣдовали?

— Да, саръ,—отвѣчалъ Самъ, подвергая мое лице послѣднимъ вамахамъ своей ловкой руки,—господинъ переѣхалъ въ Ливенвортъ и нашелъ меня на улицѣ. «Поди сюда, проклятый негръ,» воскликнулъ онъ, схватывая меня за горло и вынимая свой револьверъ. У него была готова лодка, но тутъ собрался народъ. «Пусти этого негра на свободу,» крикнулъ одинъ; «коли ножомъ этого противнаго негра,» произнесъ другой. Тутъ началась свалка; дрались изъ-за меня цѣлый день и моя сторона взяла верхъ.

Эта маленькая исторія произошла только шесть лѣтъ тому назадъ. Миссури, плодопосный штатъ по ту сторону рѣки, богатые лѣса котораго я вижу передъ собою, былъ въ то время невольничьимъ штатомъ, съ немногочисленнымъ, но пламеннымъ, энергичнымъ населеніемъ рабовладѣльцевъ и торговцевъ рабами. Девять лѣтъ передъ симъ, т. е. въ 1851 г., когда весь міръ собирался на юбилей прогресса въ Гайдъ-Паркѣ, все это громадное пространство земли, лежащее на западѣ Миссури, отъ берега этой рѣки до Скалистыхъ Горъ, не имѣло никакого названія. Толпы дикихъ индѣйскихъ племенъ, Канзасцы, Чійенны, Аранпагесы, охотились на безконечныхъ равнинахъ, преслѣдуя до ихъ тайныхъ логовищъ лосей, буйволовъ, антилопъ. Два большіе пути были проложены чрезъ луговыя степи; одинъ велъ на югъ въ Санта Фе, въ Новой Мексикѣ, другой—на западъ, по берегу рѣки Платты, къ Солёному Озеру и въ Сан-Франциско; но страна эта все-еще была громаднымъ полемъ охоты индѣйцевъ, на которомъ бѣлые люди не могли селиться законнымъ образомъ. Съ полдюжину фортовъ выстроено было правительствомъ въ этой индѣйской странѣ,—Фортъ Бентъ, Фортъ Ларами, Фортъ Ливенвортъ, Фортъ Калхунъ, Старый Фортъ,—но скорѣе съ цѣлью сохранить права краснокожихъ, чѣмъ помочь въ бѣдѣ бѣлымъ путешественникамъ и торговцамъ. Но пока всѣ народы земли собирались въ Гайдъ-Паркѣ и удивлялись великолѣпной странѣ, которая даже тогда еще представляла пустыню, — толпа поселенцевъ переправилась черезъ Миссури на плотахъ и въ лодкахъ, завладѣла крутыми берегами между фортами Калхуномъ и Ливенвортомъ, разбила лагери изъ бревенчатыхъ шалашей, огородила кольями лучшіе уголки земли, преимущественно по берегамъ ручьевъ и овраговъ, и, такимъ образомъ, положила основаніе нынѣ многолюднымъ и цвѣтущимъ городамъ Омахѣ, Небраскѣ, Атчисону и Ливенворту, городамъ свободной территоріи Небраски и свободнаго штата Канзаса.

Тогда-то началась по всей линіи Миссури та страшная, кровожадная борьба, которая снискала этой странѣ мрачное названіе Кроваваго Канзаса. Она продолжалась шесть лѣтъ и была прологомъ междуусобной войны.

Лоренсъ и Ливенвортъ были результатами этой долго-

временной рѣзни, образцомъ которой можетъ служить исторія Сама.

Всякому извѣстно, что великая борьба между сторонниками свободной почвы и рабовладѣльцами въ Америкѣ заключилась въ 1820 г. перемиріемъ, извѣстнымъ въ исторіи подъ названіемъ: Миссурійской Сдѣлки; этимъ договоромъ было постановлено между обѣими сторанами, что рабство никогда не будетъ введено въ западныхъ округахъ, лежащихъ за 36° 30′ с. ш., исключая той части Миссури, которая простирались за эту черту. Въ продолженіе тридцати лѣтъ перемиріе это строго поддерживалось, и даже когда борьба за свободу свирѣпствовала въ другихъ мѣстахъ,—на западѣ вполнѣ уважалась Миссурійская Сдѣлка. Чѣмъ болѣе приближалось время окончательной борьбы, тѣмъ громче обѣ стороны выражали свое недовольство этимъ договоромъ. Рабовладѣльцы Миссури, имѣя исключительное преимущество селиться со своими рабами за установленной чертой, желали распространить свое «домашнее учрежденіе» во всей странѣ, а позади себя—покрайней мѣрѣ, до Скалистыхъ Горъ, если имъ не удастся оттуда дойти и до Восточнаго океана. Весь Югъ поддерживалъ рабовладѣльцевъ въ ихъ намѣреніяхъ, хотя эти дѣйствія прямо противорѣчили закону. Тайныя общества возникли во многихъ штатахъ:—Голубыя Ложи, Соціальные Союзы, Сыны Юга и многія другія; всѣ члены этихъ обществъ давали клятву помогать плантаторамъ въ распространеніи рабства на западъ отъ Миссури, несмотря на явное нарушеніе этимъ своей собственной сдѣлки, своего собственнаго перемирія.

Рабовладѣльцы Миссури одержали сначала побѣду безъ единаго выстрѣла; тихо, спокойно, актомъ мѣстнаго законодательства, который не обратилъ на себя вниманія ни въ Бостонѣ, ни въ Нью-Іоркѣ, они распространили свою границу на западъ отъ линіи, проведенной съ сѣвера на югъ, чрезъ городъ Канзасъ до берега рѣки, прибавляя, такимъ образомъ, шесть большихъ и теперь многолюдныхъ округовъ къ своему штату, то есть къ рабовладѣльческой почвѣ. Актъ этотъ былъ совершенно незаконенъ, но никто въ восточныхъ городахъ не замѣтилъ этого, пока билль не сдѣлался закономъ и отмежванный участокъ не населился плантаторами и ихъ рабами. Игра, казалось, была совершенно въ ихъ

рунахъ. Съ этой новой рабовладѣльческой почвы, простирающейся на противоположномъ берегу, Голубыя Ложи, Соціальные Союзы и Сыны Юга переправились чрезъ рѣку въ эти уединенныя Делаварскія пустоши, въ эти Канзасскія степи —поле охотничьихъ подвиговъ индѣйцевъ; каждый господинъ, въ сопровожденіи своихъ сыновей и негровъ, захватывалъ самыя лучшія земли. Отъ Сентъ-Луи до Новаго Орлеана ихъ мужеству рукоплескали, ихъ успѣхъ предсказывали. Въ Вашингтонѣ рабовладѣльческіе сенаторы, вмѣсто того чтобы привлечь къ отвѣту этихъ Миссурійскихъ плантаторовъ и исполнить законъ, ясно говорившій противъ нихъ, поддерживали ихъ въ этомъ поведеніи, оскорбительномъ для свободныхъ штатовъ. Цѣлой системой народныхъ агитацій, они добились новой сдѣлки, въ силу которой вопросъ о рабствѣ былъ предоставленъ рѣшенію самаго народонаселенія всякой неорганизованной страны, выражавшей желаніе вступить въ союзъ, какъ территорія или штатъ. Подобный актъ плантаторы Миссури и Кентуки считали за открытое объявленіе, что Канзасъ и Небраска должны быть организованы, какъ рабовладѣльческія территоріи. Но теперь Новая Англія явилась на сцену. Обращеніе Небраски изъ свободной почвы въ рабовладѣльческую выдвинуло бы на сѣверъ черту рабства, въ западной странѣ, почти на одинаковую высоту съ Бостономъ! Сѣверное Общество Поданія Помощи Эмигрантамъ было основано въ Массачузетѣ; богатые фермеры, ученые профессора и юные поэты запрягли лошадей въ большіе фургоны и потянулись, черезъ континентъ, къ Миссури, давъ клятву поселиться въ новыхъ индѣйскихъ земляхъ, принять сдѣлку конгресса и, въ качествѣ свободныхъ гражданъ, вотировать свободную конституцію для Канзаса. Голубыя Ложи уже стояли въ то время лагеремъ въ Ливенвортѣ и Атчисонѣ, и когда первый выходецъ изъ Новой Англіи, перейдя черезъ рѣку, объявилъ стражамъ, что онъ не владѣетъ неграми,— его посадили въ лодку, безъ пищи, безъ веселъ, и пустили по теченію среди презрительныхъ восклицаній и угрозъ. Сыны Юга созвали собраніе въ Вестпортѣ на Канзасской границѣ, но во владѣніяхъ Миссури, и послѣ многихъ краснорѣчивыхъ рѣчей единогласно была принята слѣдующая резолюція:

«Вышеупомянутое общество будетъ всегда готово на зовъ каж-

даго гражданина Канзасской Территоріи оказать помощь и удалить всѣхъ поселенцевъ, являющихся туда подъ покровительство Сѣвернаго Общества Поданія Помощи Эмигрантамъ.»

«Squatter Sovereign», газета, издающаяся въ городѣ Атчисонѣ (основанномъ и названномъ такъ Давидомъ Атчисономъ, сенаторомъ Миссури), напечатала, въ одномъ изъ своихъ первыхъ нумеровъ, слѣдующую декларацію плантаторовъ:

«Мы будемъ попрежнему судить закономъ Линча, вѣшать, топить, обмазывать дегтемъ и осыпать перьями всякаго аболиціониста, который осмѣлится осквернить нашу землю своимъ посѣщеніемъ.»

Въ іюлѣ 1854 г., тридцать Ново-Англійскихъ сторонниковъ свободной почвы переправились черезъ рѣку въ лодкахъ; они были хорошо вооружены и запаслись достаточнымъ количествомъ продовольствія и палатокъ. Поднявшись по рѣкѣ Канзасу, они остановились у подножія одной крутизны, посреди громадной луговой степи, покрытой цвѣтами. Разставивъ свои палатки и начавъ рубить лѣсъ для своихъ шалашей, они назвали это мѣсто городомъ Лоренсомъ, въ честь своего популярнаго казначея. Въ августѣ къ нимъ присоединилось еще семьдесятъ человѣкъ, также хорошо вооруженныхъ и твердо рѣшившихся выстроить городъ и сдѣлать землю свободной. Теперь настало время Миссурійцамъ показать свою энергію; сотня янки, отдѣленныхъ отъ своихъ друзей шестью большими штатами, явилась въ ихъ среду, вызывая ихъ исполнить угрозу,—повѣсить, утопить или подвергнуть закону Линча всякаго, кто перейдетъ въ Канзасъ, не имѣя въ своей свитѣ негараба. Триста пятьдесятъ Сыновъ Юга осѣдлали коней, переплыли черезъ рѣку и рано утромъ, разбивъ укрѣпленный лагерь и разставивъ пикеты, послали сказать въ Лоренсъ, что новые поселенцы должны тотчасъ оставить Территорію, и дать обѣщаніе никогда не возвращаться. Три часа было дано сторонникамъ свободной почвы, чтобы уложить свои вещи и приготовиться къ походу. Американскій рожокъ призвалъ переселенцевъ къ оружію; учтивый, но рѣшительный отказъ былъ отосланъ въ лагерь Миссурійцевъ; когда Сыны Юга замѣтили, что янки готовы на бой и повидимому будутъ бороться до послѣдней капли крови, они начали подозрѣвать другъ друга, сомнѣваться въ исправности своихъ ружей и неза-

мѣтно стали исчезать одинъ за другимъ изъ лагеря. Къ ночи ряды ихъ очень поубавились, а къ полудню другаго дня лагерь былъ совершенно снятъ и отъ него не осталось никакого слѣда.

Съ того дня Лоренсъ сталъ быстро развиваться и процвѣтать. Не разъ онъ попадалъ въ руки Миссурійцевъ, и слѣды пуль и ядеръ виднѣются еще до сихъ поръ на нѣкоторыхъ изъ строеній; но его свободные жители никогда не были изгнаны изъ него и теперь— это прелестный маленькій городокъ, напоминающій своей чистотой и блескомъ большіе города Новой Англіи. Лоренсъ въ настоящее время столица свободнаго штата.

И на улицахъ Ливенворта, на которыя я теперь смотрю, также происходило много жестокихъ битвъ, ибо Сыны Юга живутъ вблизи, въ нѣсколькихъ селеніяхъ на противуположномъ лѣсистомъ берегу. Кровь лилась почти во всѣхъ переулкахъ, особенно во время выборовъ, когда тысячи Миссурійцевъ переѣзжали черезъ рѣку на лодкахъ, овладѣвали избирательными ящиками и вотировали громаднымъ, но ложнымъ большинствомъ рабовладѣльческую конституцію. Одинъ изъ лучшихъ гражданъ Ливенворта Вильямъ Филлипсъ, адвокатъ, былъ однажды схваченъ Сынами Юга за то, что онъ, какъ юристъ, подписалъ протестъ противъ злоупотребленій, опозорившихъ выборы; его бросили въ лодку и перевезли на противоположный берегъ, въ Вестонъ; тамъ его обмазали дегтемъ, облѣпили перьями и, провезя торжественно въ телѣжкѣ по всему городу, стали продавать съ аукціона, какъ невольника; наконецъ, посреди отчаянныхъ криковъ и угрозъ, его присудили въ собственность одному негру. Бѣжавъ изъ Вестона, Филлипсъ возвратился въ Ливенвортъ еще съ большей рѣшимостью поддерживать политику свободной почвы и всегда идти впереди всѣхъ, гдѣ только будетъ опасность.

Черезъ недѣлю будетъ ровно десять лѣтъ, какъ шайка Голубыхъ Ложъ, отправившись съ противуположнаго берега, вышла на здѣшнюю дамбу, завладѣла городомъ, остававшимся въ продолженіи многихъ часовъ въ ихъ рукахъ, и, подъ предлогомъ исканія оружія— совершенно незаконные поиски съ ихъ стороны, — грабила и оскорбляла сторонниковъ свободной почвы въ каждомъ домѣ. Филлипсъ не дозволилъ этимъ молодцамъ перейдти черезъ порогъ своей двери; вслѣдствіе этаго домъ былъ взятъ приступомъ и его владѣ-

лецъ убитъ. Прежде чѣмъ Филлипсъ палъ мертвымъ, онъ положилъ на мѣстѣ двухъ враговъ. Домъ его былъ сожженъ до основанія, вмѣстѣ со многими другими жилищами, и всѣ сторонники свободной почвы, которыхъ только можно было найдти въ Ливенвортѣ, были посажены на пароходъ и отправлены внизъ по рѣкѣ.

Однако Ново-Англичане собрались снова вокругъ своего знамени еще въ большемъ числѣ, съ большей энергіей и ненавистью къ врагамъ; они теперь сдѣлались настоящими, единственными поселенцами и владѣльцами земли, ибо Миссурійцы не были ни тѣмъ, ни другимъ. Тутъ, точно также какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, доказано было фактами, что рабство, какъ общественная система, лишено колонизаціонной силы. Рабы не могли извлечь пользы изъ луговыхъ степей; неграмъ, работающимъ подъ наблюденіемъ и изъ подъ палки господина, нужна плодоносная почва Миссисипи и Алабамы. Стойкіе же молодцы Нью-Гампшира и Массачузета, съ пистолетомъ въ одной рукѣ и лопатой въ другой, боролись, работали, трудились до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣли честное большинство на выборахъ и рѣшительное превосходство надъ своими врагами въ открытомъ полѣ.

Однимъ изъ комическихъ эпизодовъ этой борьбы была битва Чернаго Джака, въ которой капитанъ Клей Пэтъ, виргинецъ, придававшій себѣ значеніе ученаго полководца, во главѣ пятидесяти шести Сыновъ Юга, грозилъ проглотить живьемъ стараго Джона Брауна изъ Осаватоми (въ послѣдствіи, къ несчастью, героя Гарперъ-Ферри) съ его двадцатью сподвижниками. Пэтъ организовалъ свои силы какъ маленькую армію, съ кавалеріей, пѣхотой, лагерными принадлежностями и фурштатомъ; а такъ какъ онъ только-что ограбилъ свободный городъ Пальмиру, то его обозные мулы были тяжело нагружены военной добычей. Браунъ вышелъ въ открытое поле, чтобы дать честный бой и, послѣ здоровой рѣзни, Клей Пэтъ сдался старому Джону, самъ со своимъ мечомъ, двадцатью живыми людьми, всѣми раненными и убитыми, обозомъ, всей пальмирской добычей и своей роскошной палаткой.

Въ 1861 г., нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ граждане Ливенворта сразились на дамбѣ и отстояли моего друга Сама, раны Кроваваго Канзаса были залечены принятіемъ его въ Союзъ —свободнымъ штатомъ.

ГЛАВА III.

Континентальная Почта.

Континентальная почта—одно изъ великихъ дѣлъ великой республики. Отчеты почтоваго вѣдомства свидѣтельствуютъ о томъ, какъ много писемъ,—а вы можете сами судить какъ онѣ важны,—идетъ на западъ, изъ Атлантическихъ городовъ въ города Восточнаго океана. Эта почта государственное учрежденіе.

Пока мы были еще въ Лондонѣ, мечтая о нашемъ путешествіи въ Скалистыя Горы, мы всегда утѣшали себя тѣмъ, что, отправляясь къ дикимъ индѣйцамъ, Чійеннамъ и Сіуксамъ, мы всегда будемъ странствовать съ государственной американской почтой. Смотря на карты, обнимая взглядомъ громадныя пространства, на которыхъ кочуютъ Чійенны, Сіуксы, Команчи и Аравнагесы, невольно думаешь, что путешествіе въ этихъ странахъ должно быть приправлено интереснымъ опасностями; но при этомъ тотчасъ является въ умѣ успокоительная мысль, что вдоль всей дороги чрезъ дикія степи, черезъ горы, американская почта ходитъ ежедневно подъ прикрытіемъ сильнаго эскорта вооруженныхъ всадниковъ. Какая-то магическая сила слышится въ этомъ словѣ «ежедневно». То, что дѣлается ежедневно, должно быть безопасно. Не былъ ли бы жалокъ человѣкъ, который побоялся бы путешествовать, даже по дорогѣ угрожаемой Чійеннами и гремучими змѣями, подъ прикрытіемъ солдатъ Соединенныхъ Штатовъ, въ обществѣ государственной почты? Когда сенаторъ Кольфаксъ ѣздилъ черезъ равнины въ прошломъ году, чтобы изслѣдовать вопросы индѣйскій, рудокопный и мормонскій, между живыми индѣйцами, рудокопами и мормонами, вмѣсто того, чтобы читать о нихъ въ оффиціальныхъ отчетахъ,—въ его свитѣ были только: одинъ генералъ, одинъ полковникъ и двадцать четыре солдата, скакавшіе вокругъ экипажа: однако же онъ публично заявилъ, что достигъ благополучно Денвера и Солёнаго Озера, хотя краснокожіе немного его пугали и много задерживали на пути, грабя всѣ станціи и угрожая каждую минуту содрать кожу съ его головы.

Кольфаксъ, правда, былъ государственное, оффиціальное лицо и, кромѣ своего эскорта, имѣлъ значительное число хорошо

вооруженныхъ людей. Мы — иностранцы и только вдвоемъ; мы слегка вооружены револьверами, ибо постоянно мечтали, что если будетъ борьба, то ее поведетъ нашъ храбрый эскортъ, посылаемый для защиты государственной почты.

Въ Ливенвортѣ мы нашли почтовыхъ агентовъ, къ которымъ у насъ были письма отъ ихъ Нью-Іоркскаго начальника, ибо мы имѣемъ письма ко всѣмъ служащимъ въ континентальной почтовой кампаніи, вдоль нашего пути. Ничего нельзя вообразить учтивѣе и непріятнѣе ихъ отвѣтовъ, на наши разспросы. Все будетъ для насъ сдѣлано, что только возможно при настоящихъ обстоятельствахъ. Мы пріѣхали въ самое неблагопріятное время. Еслибы мы только явились мѣсяцемъ раньше или мѣсяцемъ позже, то все было бы въ порядкѣ. Теперь же мы найдемъ путешествіе по равнинамъ нѣсколько затруднительнымъ, но агенты почти не сомнѣвались, что мы благополучно достигнемъ своей цѣли.

Подобныя слова возбуждаютъ наше любопытство и даютъ просторъ воображенію, такъ какъ наше здоровье, нашъ покой, быть можетъ наша жизнь зависятъ отъ положенія, въ которомъ находятся равнины. Дѣло въ томъ, что старая дорога, вдоль рѣки Платты, была замѣнена по приказанію конгресса новымъ кратчайшимъ путемъ, перерѣзывающимъ громадную индѣйскую страну Дымно-Горной Рѣки. Кратчайшій путь быть можетъ лучшій, еслибъ дорогу провели заранѣе, уровняли ее и построили мосты, а главное, еслибъ индѣйскія племена, которыя охотятся по этому направленію за буйволами и антилопами, были далеко откинуты назадъ или приручены мирными трактатами. Но ничего подобнаго еще не сдѣлано.

До сихъ поръ бѣлые проложили и содержали два пути черезъ эти равнины: 1) Платтскую дорогу изъ Омахи и Атчисона черезъ Кирнэ, Денверъ и Городъ Соленаго Озера на Сан-Франциско; 2) Арканзасскую дорогу, шедшую изъ города Канзаса черезъ фортъ Аткинсонъ и фортъ Мудрый на Пуэблу, золотоносную страну Колорадо и оттуда въ Сан-Франциско. Индѣйцы повидимому помирились съ существованіемъ этихъ двухъ дорогъ. Платтской дорогѣ они даже перестали оказывать всякое сопротивленіе; они прежде боролись, но съ одинаковымъ неуспѣхомъ, сначала съ Мормонскими пилигримами, потомъ съ искателями золота, являвшимися боль-

шими толпами, въ 80 или 100 человѣкъ, съ хорошими ружьями и револьверами, съ многочисленными фургонами. Къ Арканзасской дорогѣ они питаютъ гораздо больше антипатіи, такъ какъ она проложена только для опыта и право путешествовать по ней куплено у ихъ предводителей. Все-же, хотя и неохотно, со многими протестами и ропотомъ, они выказывали до сихъ поръ и будутъ выказывать впредь готовность уважать бѣлыхъ при проходѣ ихъ чрезъ индѣйскія владѣнія, по той или другой изъ этихъ дорогъ. Но въ громадныхъ луговыхъ степяхъ, между этими дорогами, пролегаютъ главныя тропы буйволовъ и пастбища, на которыхъ кормятся всѣ остающіеся еще въ индѣйскихъ владѣніяхъ антилопы, чернохвостые олени и лоси. Буйволовыя тропы, по словамъ Чійенновъ и Аранпагесовъ, ихъ собственность и они должны или сохранить ихъ свободными отъ прохода бѣлыхъ, или подохнуть, какъ собаки. Они заявляютъ нежеланіе умирать отъ появленія бѣлыхъ и потому хотятъ охранять буйволовыя тропы Канзаса и Колорадо (какъ бѣлые начали называть равнины—на бумагѣ) отъ навожденія маль-постовъ и желѣзной дороги.

Дѣло въ томъ, что новая дорога, выбранная конгрессомъ для континентальной почты,—безъ сомнѣнія, самая кратчайшая линія между Сентъ-Луи и Сан-Франциско,—перерѣзываетъ на двѣ части эти буйволовыя тропы, эти пастбища антилопъ и лосей; и, какъ очень хорошо знаютъ Чійенны и ихъ союзники Команчи, Аранпагесы, Кіовасы, Сіуксы и Апачи, желѣзная дорога послѣдуетъ за маль-постами, ибо рельсы уже положены до Вамего, близъ форта Рилэ. Теперь краснокожіе, понимая, что маль-посты только предвѣстники еще худшаго и что свистъ машины вскорѣ послѣдуетъ за щелканьемъ кнута возницы, собрали на совѣтъ всѣ свои племена и рѣшили, какъ увѣряютъ нѣкоторые, попытать счастья въ открытой войнѣ съ бѣлыми, за обладаніе буйволовыми тропами. Когда паровозъ распугаетъ своимъ свистомъ всѣхъ буйволовъ и антилопъ, говорятъ эти храбрые охотники, то не къ чему будетъ поднимать сѣкиры или натягивать тетиву. Теперь имъ самое удобное время начать военныя дѣйствія, теперь или никогда; и хотя нѣкоторые старики, сѣдые отъ прожитыхъ лѣтъ и мрачные отъ перенесеннаго горя, совѣтуютъ сохранить миръ съ бѣлыми сосѣдями и подчиниться волѣ Верховнаго Духа,—юные храбрецы, гордясь своей силой и не-

вѣдая многочисленности бѣлыхъ и громадности ихъ средствъ, всѣ стоятъ за войну. Если блѣднолицые не появятся на буйволовыхъ тропахъ, то индѣйцы сохранятъ миръ; если же они выстроятъ свои ранчи, выроютъ колодцы и станутъ собирать сѣно на этихъ тропахъ, то Чійенны и Аранпагесы, съ помощью своихъ братій, обитателей равнинъ горной страны, сожгутъ все ихъ добро и сдерутъ кожу съ ихъ головъ.

Таковы слухи, передаваемые намъ всѣми въ Канзасѣ. Нѣсколько людей, правда, смотрятъ на испугъ, овладѣвшій Ливенвортомъ, Лоренсомъ и Вамего, какъ на панику, имѣющую мало или почти никакого основанія; эти люди—открытые партизаны новой дороги чрезъ Дымно-Горную Рѣку, желающіе чтобъ ее поскорѣй открыли и постоянно поддерживали. Но ихъ очень мало, и я не слышу, чтобы хотя одинъ изъ этихъ героевъ предполагалъ поселиться вдоль дороги въ странѣ Чійенновъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ въ Ливенвортѣ, намъ придется путешествовать по этой дорогѣ на протяженіи 1300 миль, черезъ страну, большая часть которой никогда не была изслѣдована, гдѣ не существовало никакой искусственной дороги, гдѣ много овраговъ, много потоковъ, но нѣтъ ни одного моста; черезъ страну, въ которой горы, ручьи и рѣки не имѣютъ еще именъ и гдѣ небольшіе военные посты Соединенныхъ Штатовъ состоятъ лишь изъ бревенчатыхъ шалашей, отдѣленныхъ другъ отъ друга двумя сотнями миль.

Все-же путь, по которому ходитъ взадъ и впередъ ежедневно такая великолѣпная почта, какъ та, которая отправляется изъ Нью-Іорка въ Сан-Франциско, не говоря уже о тысячѣ меньшихъ городовъ, поддерживающихъ ее своими вкладами, — такой путь долженъ быть, по крайней мѣрѣ, столь же безопасенъ, какъ дорога изъ Дамаска въ Банію. Но когда мы сказали нѣчто въ этомъ родѣ одному пріятелю въ Ливенвортѣ, то узнали съ изумленіемъ, что никогда по этому пути не ходила ежедневная почта, что ничего подобнаго еще и не пытались устроить, что для ежедневной почты на дорогѣ не было достаточно ни людей, ни муловъ, что въ сущности предъ нами отправленъ одинъ только фургонъ, и то пустой, что даже не знаютъ, гдѣ теперь находится этотъ фургонъ и миновалъ ли онъ благополучно равнины.

Мы бросаемъ безпокойный взглядъ на наши пистолеты и чувствуемъ, что наши волосы становятся дыбомъ; дѣло принимаетъ видъ вмѣстѣ и трагическій и комическій; мы невольно вспоминаемъ съ какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ добродушныя шутки нашихъ лондонскихъ друзей о томъ, какъ лучше всего вести себя подъ ножемъ индѣйца, сдирающаго кожу съ головы. Мы узнаемъ также, что мы единственные пассажиры, взявшіе билеты, такъ что число револьверовъ, готовыхъ на помощь нашему военному эскорту, въ случаѣ схватки съ Чійеннами и Команчами, ограничивалось повидимому только двумя. Всѣ наши знакомые въ этомъ городѣ побуждаютъ насъ достать больше оружія и лучшаго достоинства,—совѣтъ, который почтовые агенты вполнѣ поддерживаютъ. Новое оружіе Запада, называемое Смитъ и Вестонъ,—очень красивая машина для бросанія свинца въ человѣческое тѣло; право, самый ярый любитель смертоносныхъ орудій не могъ бы желать ничего лучшаго. Охотничьи ножи и тому подобное холодное оружіе совершенно излишни англичанину, который если и видѣлъ, то конечно никогда самъ не примѣнялъ на дѣлѣ искусства распарывать бокъ непріятеля; поэтому мы купили пару револьверовъ Смитъ и Вестонъ и потомъ заплатили 500 долларовъ за нашъ проѣздъ до Солёнаго Озера. Эскортъ потомакскихъ ветерановъ при помощи этихъ шестиствольныхъ пистолетовъ конечно справится со всѣми Чійеннами, Арапагесами и Сіуксами, которые вздумали бы отстаивать силой права человѣка, особенно права краснокожихъ на буйволовыя тропы.

Рельсы желѣзной дороги уже положены на западъ до Вамего—Чистый-Ключъ,—вѣроятно названный такъ потому, что въ этомъ селеніи нѣтъ ни капли воды. Тамъ мы должны пересѣсть въ маль-постъ, который оказывается стариннымъ и очень подержаннымъ дилижансомъ изъ Конкорда. Это экипажъ неизвѣстный въ Европѣ, хотя можно представить себѣ всю его уродливость и неудобство, отрѣзавъ купэ французскаго дилижанса и увеличивъ объемъ ротонды до того, чтобы въ ней могли помѣститься девять человѣкъ. Подойдя къ маль-посту, мы увидѣли, что вся его внутренность была загромождена мѣшками съ письмами, всего вѣсомъ 42 центнера; тутъ были правительственныя депеши, любовныя письма, торговые приказы, счеты, фактуры, всякаго рода пріятныя и непріятныя посланія, цѣнность которыхъ должна быть вы-

ше всего на свѣтѣ для губернаторовъ, банкировъ, эмигрантовъ, прикащиковъ и горничныхъ; кромѣ этого груза, еще пять пассажировъ записаны въ книжкѣ (кромѣ насъ—одна молодая женщина и двое дѣтей) и имѣютъ право, заплативъ сколько слѣдуетъ денегъ, рисковать своей жизнью въ этомъ экипажѣ. Но ѣхать всѣмъ невозможно, въ чемъ вполнѣ убѣждается почтовый агентъ, бросивъ взглядъ на экипажъ и на громадные мѣшки съ письмами. Что дѣлать? почта должна идти, хотя бы пассажирамъ пришлось остаться въ Вамего на мѣсяцъ; такъ какъ возница уже помахиваетъ бичемъ и оглашаетъ воздухъ проклятіями, которыя бѣдная барыня съ дѣтьми должна поневолѣ выслушивать, агентъ быстро рѣшается, какъ поступить въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, проситъ насъ занять мѣста съ нашими револьверами, отдаетъ лаконическій приказъ возницѣ и экипажъ трогается посреди облака пыли, оставляя за собой удивленную и громко протестующую путешественницу. Мы смотримъ другъ на друга съ изумленіемъ, ибо въ Америкѣ, въ этомъ раѣ для женщинъ, юбка привыкла всегда быть на первомъ планѣ:—ей лучшая комната въ трактирѣ, ей первое мѣсто за столомъ, ей удобнѣйшій уголокъ въ дилижансѣ и все это, несмотря ни на какія ваши права давности. А! понимаю, это дѣло револьверовъ. Тронувшись съ мѣста, мы выглядываемъ въ окно, чтобъ посмотрѣть, какой эскортъ будетъ охранять насъ въ Чіенненской странѣ. Но никого не видно! «Эскортъ, объясняетъ агентъ, присоединится къ вамъ въ Соединительномъ Городѣ, если будетъ въ этомъ надобность; вы должны считать, что почта отходитъ только оттуда». Съ этими словами, онъ любезно махаетъ рукой и облако пыли скрываетъ его отъ насъ.

Часа черезъ два, мы проѣзжаемъ фортъ Рилэ, а черезъ три мы были въ Соединительномъ Городѣ, состоящемъ изъ шести деревянныхъ бараковъ. Мы тутъ останавливаемся и ужинаемъ (горячій кэкъ, чай и томаты); еще черезъ часъ, посреди пріятнаго разговора съ хозяиномъ гостинницы, мы слышимъ голосъ возницы: «Садиться!» Выбѣжавъ въ темноту, съ туго-перетянутымъ поясомъ и съ заряженными, на случай схватки, пистолетами, мы находимъ, что нашъ громадный дилижансъ замѣненъ легкимъ степнымъ фургономъ, гораздо меньшаго объема, но столь крѣпкой постройки, безъ двери, съ очень дурными рессорами, съ холщевыми занавѣсками

вмѣсто оконъ. Въ этотъ фургонъ впихнуты всѣ мѣшки съ письмами такъ искусно, какъ умѣютъ это дѣлать только на западѣ, и такъ плотно, что кажется совершенно невозможнымъ помѣщеніе двухъ живыхъ существъ, между мѣшками и стѣнками. Но послѣ неимовѣрныхъ усилій, согнувъ и скрестивъ ноги, выгнувъ шею журавлемъ и прижавъ локти, мы совершили этотъ подвигъ; насъ къ этому понудили, несмотря на всю нашу неохоту, обѣщанія почтоваго агента, что вышесказанные мѣшки осядутъ въ нѣсколько минутъ и тогда мѣста будетъ вдоволь. Это однако дѣло не легкое, замѣчаемъ мы другъ другу, такъ какъ у насъ въ ногахъ наши собственныя вещи—пистолеты, книги, карты, пледы, фляжки съ водкой, соленыя мяса, ящики съ сигарами, палки, зонтики. Насъ начинаетъ одолѣвать страхъ, что если багажъ значительно не осядетъ, то намъ придется провести въ этомъ экипажѣ недѣльку не очень пріятную.

Но что это, мы уже отъѣзжаемъ, а эскорта еще не видно!

Вотъ тебѣ на!—Мы обращаемся за объясненіемъ къ агенту.

— Вотъ видите,—отвѣчаетъ онъ,—офицеръ, начальствующій здѣсь, не можетъ дать своихъ солдатъ; его команда въ настоящую минуту очень не многочисленна, а всѣмъ окрестностямъ, какъ впереди, такъ и по сторонамъ, угрожаютъ индѣйцы; солдатамъ слишкомъ много дѣла и тутъ, на мѣстѣ. Но—прибавляетъ добродушно агентъ въ видѣ утѣшенія — вы найдете дорогу въ исправности; вчера были посланы солдаты въ степь, вы ихъ обгоните; прощайте!

И мы отправились въ путь.

Истина, теперь, словно откровеніемъ осѣнила нашъ умъ:

Мы составляемъ эскортъ!

Ни одна душа не сопровождаетъ почту, кромѣ мальчика возницы (перемѣняющагося каждыя сорокъ или пятьдесятъ миль); никакого нѣтъ ни эскорта, ни почтоваго агента, никого кромѣ насъ. Я не могу сказать, чтобы, хоть однажды во время всего моего путешествія, я видѣлъ почтальона, которому поручена эта почта. Жители Нью-Іорка и Сентъ-Луи довѣряютъ важнѣйшую, чѣмъ отправляемая изъ какого-либо города въ свѣтѣ, исключая Лондона, почту—одному возницѣ, безъ почтальона и еще въ мѣстахъ самыхъ опасныхъ для путешественниковъ и торговцевъ на западѣ отъ

Китайской Татаріи. Никто не сомнѣвается, что Чійенны и Сіуксы держатъ теперь совѣтъ на этихъ самыхъ равнинахъ, если уже они не вышли на военную тропу; мало того, всѣмъ извѣстно, что они предупредили, по индѣйскому обычаю, о своемъ намѣреньи остановить всякое движеніе по этой дорогѣ—и все-же почта идетъ черезъ ихъ буйволовыя тропы безъ почтальона, хотя бы самаго стараго, едва имѣющаго силы трубить въ свой рогъ.

Быть можетъ, я забываю то довѣріе, которое они питаютъ къ своему англійскому эскорту. Они знаютъ, что мы вооружены, и увѣрены, что мы умѣемъ обходиться съ нашимъ оружіемъ. «Дорога немножко безпокойна, говоритъ одинъ изъ сторожей, когда мы выѣзжаемъ съ его станціи, — но правительство ничего для насъ не сдѣлаетъ, пока его не пробудитъ къ дѣятельности какое-нибудь большое несчастье; оно не ставитъ въ грошъ жизнь нѣсколькихъ людей, особливо бѣдныхъ возчиковъ.» Другой пріятель выражаетъ надежду, что съ нашихъ головъ сдерутъ кожу, ибо онъ полагаетъ, что подобное событіе произвело бы пріятное и полезное дѣйствіе на Нью-Іоркъ.

Итакъ мы заплатили 500 долларовъ, чтобъ охранять почту Соединенныхъ Штатовъ до Солёнаго Озера. Это цѣна большая; но, быть можетъ, стоило ее заплатить, еслибы мы вздумали воспользоваться тѣмъ удобнымъ случаемъ, который намъ представлялся. Вся почта была въ нашихъ рукахъ. Шесть дней и шесть ночей мы остаемся съ глазу на глазъ съ нашими пистолетами и съ корреспонденціей Соединенныхъ Штатовъ; нашъ единственный товарищъ, мальчикъ на козлахъ, не можетъ видѣть, что происходитъ внутри фургона, когда занавѣски спущены. Однажды какой-то мѣшокъ выпалъ изъ фургона, и конечно его бы такъ и забыли въ степи, еслибъ мы не велѣли возницѣ остановиться и подобрать его. Въ другой разъ одинъ изъ мѣшковъ лопнулъ, и цѣлый потокъ писемъ полился по нашимъ ногамъ. Намъ предстояло широкое поле дѣйствія; мы свободно могли читать и прятать въ карманы что хотѣли. А вѣдь тайна одного письма въ иныхъ рукахъ можетъ стоить болѣе 500 долларовъ, заплаченныхъ нами за удовольствіе охранять всю почту!

ГЛАВА IV.

Луговыя Степи.

Изъ всѣхъ штатовъ и территорій, которые до сихъ поръ существуютъ на бумагѣ, Канзасъ можно назвать степнымъ штатомъ по преимуществу. Небраска, Колорадо и Индѣйская Территорія покрыты дѣйствительно луговыми степями, большими травяными равнинами, не плоскими, какъ многіе полагаютъ, но волнистыми и возвышающимися отъ береговъ рѣкъ къ горнымъ кряжамъ постепенными очень отлогими, но обширными извилистыми террасами. Но въ Канзасѣ, безспорно, подобныя равнины представляются въ самомъ громадномъ видѣ и ихъ отдѣльныя черты достигаютъ наибольшаго совершенства.

На старыхъ картахъ, которыя показываютъ естественныя произведенія каждой части Великой Республики, округъ, извѣстный теперь подъ названіемъ Канзаса, имѣлъ своимъ представителемъ буйвола, подобно тому, какъ Небраска—антилопу, Іова—бобра, Ута—медвѣдя. На эти-то равнины, сверху—изъ индѣйской территоріи на югѣ, приходятъ пастись дикія и многочисленныя стада, которыми кормятся Чіенны, Арапагесы, Команчи и Кіовасы.

На протяженіи двухъ сотъ миль, на западъ отъ Миссури, равнины зеленѣютъ деревьями, большая часть которыхъ возвышается вдоль рѣки Канзаса и ея многочисленныхъ бухтъ и заводей. Тутъ ростутъ дубы, орѣшники и водяные вязы. Каштановыя и кленовыя деревья вовсе не встрѣчаются. Вся земля покрыта кустарниками, цвѣтами, между которыми особенно отличаются дикіе ноготки, трилистникъ, кувшинки (въ лужахъ), вонючая трава и подсолнечники. Эти подсолнечники далекаго запада не походятъ на темно-бурыхъ большихъ холостяковъ, растущихъ по одиному на стеблѣ въ нашихъ огородахъ, — это маленькіе золотистые цвѣты, висящіе листями и, подобно нашимъ лютикамъ, ихъ нѣсть числа, какъ звѣздамъ на небѣ. Во многихъ мѣстахъ луговыя степи горятъ ихъ золотистымъ свѣтомъ. Тамъ и сямъ изъ-за листвы выглядываютъ бѣлые срубленные дома, называемые по сю сторону Рѣки *ранчами*, съ ихъ зелеными занавѣсками, крошечными садиками и стадомъ овецъ. На волнистой равнинѣ виднѣются и табуны лошадей. Тутъ

гонятъ скотъ, тамъ тянется длинный обозъ фургоновъ. По временамъ мы проѣзжаемъ индѣйскія селенія, гдѣ пустили корни, хотя колеблющіеся и ненадежные, нѣкоторыя Делаварскія семейства, изгнанныя изъ атлантическихъ лѣсовъ, нынѣ занятыхъ набережными и дворцами Дувра, Балтиморы и Филадельфіи. Эти Делаварцы уже давно похоронили свои сѣкиры, надѣли панталоны и забыли употребленіе боевой краски. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались фермерами, живутъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ блѣдными сосѣдями и даже женятъ своихъ сыновей на дочеряхъ бѣлыхъ. О селеніе Шоніевъ можно сказать тоже самое. Между ними разбросаны ранчи бѣлыхъ; это опасные сосѣди для туземцевъ, ибо блѣднолицый, постигнувъ всѣ слабости индѣйскаго характера и дѣлаясь прежде полезнымъ, а потомъ страшнымъ для всего племени, обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что становится господиномъ и владѣльцемъ ихъ земель.

Воздухъ теплый, пахучій; благоуханіе степныхъ цвѣтовъ смѣшивается съ прохладой снѣговъ на отдаленныхъ Сіеррахъ. Небо совершенно голубое, безъ золотистаго оттѣнка, рѣжущаго глаза въ нашихъ южныхъ пейзажахъ. Небольшое облако своей бѣлизной предохраняетъ лазурь отъ монотонности, и такимъ образомъ въ одномъ видѣ соединяются красоты сицилійскаго и англійскаго неба.

Чѣмъ болѣе мы отдаляемся отъ Рѣки, тѣмъ болѣе рѣдѣютъ и совершенно исчезаютъ лѣса; страна расширяется направо и налѣво, равнины лѣниво возвышаются. Вокругъ ручьевъ и всевозможныхъ лужъ, по большей части засохшихъ, все-еще растутъ кой-какіе кустарники; дикій вьюнокъ очень распространенъ, также виргинская ползучка, но болѣе всего растеніе, называемое смолистой травой. Эта смолистая трава, кажется, избрана самой природой для украшенія равнинъ. Когда земля или очищена огнемъ, или изрыта степными буранами, то смолистая трава исчезаетъ, а на ея мѣстѣ появляется огненная трава и вымираетъ чрезъ двѣ или три жатвы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и послѣ одной; тогда это второе растеніе замѣняется третьимъ — колючей травой. (P. S. Не дозволяйте колючей травѣ попасть въ ваши панталоны, а то она,—словно живая и понимаетъ, что вамъ не нра-

вится ея щекотанье, — чѣмъ вы болѣе сердитесь, тѣмъ быстрѣе поднимается вверхъ по ногѣ). Послѣ этого являются еще сорта три или четыре дикой травы, а когда всѣ эти ниспосланные природой удобрители почвы усѣютъ ее своими отцвѣтшими былинками, то фермеръ можетъ явиться со своей мотыкой и сѣмянами на совершенно готовую почву.

Путешествуя и днемъ и ночью (какъ обязаны люди, везущіе государственную почту), мы мало-по малу оставляемъ за собой всѣ слѣды людей, за исключеніемъ одного. Степная курица кудахтаетъ въ дикомъ шалфеѣ, гремучая змѣя извивается между подсолнечниками, волкъ тихо пробирается вдоль дороги, мертвые мулы, лошади, волы усѣиваютъ дорогу, на которой вороны да волки находятъ себѣ пищу. Эти бѣлые рога и скелеты вѣрныхъ слугъ человѣка составляютъ часто единственные слѣды того, что онъ когда-то прокладывалъ себѣ дорогу черезъ эти равнины.

Смѣлостью, искусствомъ и терпѣніемъ западный торговецъ проложилъ себѣ путь черезъ эту трудную для всякаго доступа страну, открывая, такимъ образомъ, прямое сообщеніе для торговли и путешественниковъ между Атлантическимъ и Великимъ океанами. Онъ совершилъ этотъ подвигъ какъ частный человѣкъ, безъ помощи государства, безъ поощреній со стороны какого-либо ученаго учрежденія и цѣною крови и денегъ, которыхъ никогда не счесть на землѣ; по этой именно причинѣ западный молодецъ ни въ грошъ не ставитъ пролитую кровь и не жалѣетъ денегъ, когда онѣ по его мнѣнію вложены въ дѣло, которое должно принести барыши. Держа свою жизнь въ собственныхъ рукахъ, этотъ смѣлый, веселый малый, щедрый на ругательства и божбу, но готовый всегда помочь, когда помощь можетъ принести пользу, мало цѣнитъ кровь свою и чужую,—меньше Араба, почти менѣе Китайца. Этотъ путь чрезъ луговыя степи вымощается имъ снова и снова собственными костями, но слѣды его странствій, его страданій исчезаютъ съ осенними цвѣтами. Природа здѣсь слишкомъ сильна, чтобы человѣкъ могъ сдѣлать что-нибудь болѣе, какъ только означить свой слѣдъ на ея чудной картинѣ,—слѣдъ, который можетъ сутки сохраниться въ густой травѣ или на сѣромъ пескѣ и потомъ исчезнетъ какъ зыбь, оставляемая кораблемъ на океанѣ. Степь не жилище для человѣка. Даже еслибъ онъ имѣлъ

время засѣять ее и собрать жатву, онъ едва ли бы могъ взростить хоть одну былинку травы или колосъ индѣйской ржи на этой открытой равнинѣ, гдѣ миріады саранчи носятся въ воздухѣ, поѣдая, съ голода, каждый зеленый листокъ, каждую вѣточку. Вотъ мы ѣдемъ мимо уединенной ранчи, близъ которой ея смѣлый и довѣрчивый владѣлецъ засѣялъ поле ржи, чтобъ имѣть хлѣбъ зимой. Посмотрите на жатву бѣдняка! Легіоны саранчи осыпали его поле, и каждый колосъ, который далъ бы ему хлѣбъ, безвозвратно исчезъ.

Въ этихъ нагорныхъ странахъ природа—господинъ и царь. Бекасы и ржанки тутъ изобилуютъ; также встрѣчаются черные дрозды, вороны, вороны и коршуны. Цвѣты все-еще покрываютъ землю и болѣе всего карлики-подсолнечники, такъ густо разбросанные повсюду, что весь пейзажъ принимаетъ горящій золотистый оттѣнокъ. Карликъ-подсолнечникъ дѣйствительно степной цвѣтокъ по преимуществу; онъ освѣщаетъ какъ-бы свѣтлой улыбкой лице природы всюду по нашему пути, отъ рѣки Миссури до Большаго Солёнаго Озера; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ растетъ низко, хило, имѣя стебель не выше фута и цвѣтокъ не больше обыкновеннаго ноготка; въ другихъ же мѣстахъ онъ возвышается надъ землей на 10 и 12 футовъ, а цвѣты висятъ роскошными кистями, каждый не менѣе піона. Муравьи работаютъ подъ землей; маленькія луговыя собачки,—клоуны пустыни,—сидятъ на своихъ земляныхъ буграхъ и покрикиваютъ, пока мы не подъѣдемъ совсѣмъ близко: тогда съ дикимъ хохотомъ и съ насмѣшливыми возгласами онѣ бросаются головой впередъ въ отверстія своихъ норъ и исчезаютъ изъ вида, весело помахивая хвостиками. Совы, луговыя собачки и гремучія змѣи живутъ очень дружелюбно между собой; совы и змѣи обитаютъ норы луговыхъ собачекъ и иногда, я полагаю, ѣдятъ этихъ животныхъ, когда нѣтъ другаго корма. Быть можетъ это только суевѣріе,—но возчики и возницы, переправляющіеся черезъ степи, твердо убѣждены, что мясо луговыхъ собачекъ очень ядовито и что люди, поѣвъ его, сходятъ съ ума. Однажды съ отчаяннаго голода я былъ принужденъ убить одну такую собачку.

— Господи!—воскликнулъ мальчикъ изъ ранчи, въ которой я остановился,—вы не станете этого ѣсть, сэръ!

— Отчего же нѣтъ? Я такъ голоденъ, что съѣлъ бы Чіенна.

— Ну, сэръ, отвѣчалъ мальчикъ,—мы жители степей считаемъ сову, гремучую змѣю и луговую собачку за одно діавольское отродіе и увѣрены, что кто поѣстъ ихъ мяса непремѣнно сойдетъ съ ума.

— Положи въ кострюлю; я рискну.

Мясо оказалось превосходнымъ и вкусомъ нѣсколько напоминало бѣлку. Видя, что я сосалъ съ удовольствіемъ косточку, и мальчикъ схватилъ ножку и съ жадностью ее уничтожилъ. Я надѣюсь однако, что возчики будутъ упорствовать въ своемъ убѣжденіи насчетъ ядовитости мяса луговыхъ собачекъ; уморительныя штуки этихъ маленькихъ животныхъ должны возбудить къ нимъ сочувствіе всякаго путешествующаго по этимъ степямъ, гдѣ комическій элементъ очень скуденъ.

Наконецъ мы проѣхали фортъ Эльсвортъ—собраніе деревянныхъ бараковъ, въ которыхъ лежитъ до сотни человѣкъ, какъ говорятъ, не очень хорошо вооруженныхъ, старательно избѣгающихъ высовывать ноги наружу и оставляющихъ поэтому въ покоѣ Чійенновъ и Аппагесовъ. Теперь передъ нами открывается путь въ двѣсти двадцать миль по опасной странѣ, гдѣ нѣтъ ни одного военнаго поста, нѣтъ ни города, ни лагеря, ни даже уединенной ранчи, ничего, кромѣ бревенчатыхъ конюшенъ, строющихся для муловъ континентальной почты. Мы—одни, имѣя передъ собой лишь природу и государственную Американскую почту. Повсюду мы видимъ много признаковъ, что Чійенны и Аппагесы—гдѣ то по близости; по временамъ мы замѣчаемъ очевидныя доказательства пикетовъ на отдаленныхъ крутизнахъ Дымныхъ Горъ или видимъ голубоватый дымокъ, поднимающійся съ береговъ какого-нибудь ближняго ручья.

Мы теперь находимся между Большимъ Ручьемъ и Большой Лѣсной Станціей, въ самомъ сердцѣ дикой охотничьей страны,—страны длинныхъ, низкихъ, волнистыхъ горъ, покрытыхъ короткой, сладкой травой, составляющей любимую пищу буйвола Мы перестали стрѣлять въ гремучихъ змѣй и степныхъ цыплятъ, сберегая заряды для болѣе благороднаго употребленія,—для самозащиты, хотя иногда очень соблазняетъ мысль положить на мѣстѣ антилопу, лося или черпохвостаго оленя. Такъ какъ изъ большихъ звѣрей здѣсь водятся только буйволы, а противъ ихъ жесткой, грубой кожи наши маленькіе револьверы безсильны, то мы си-

димъ въ нашемъ фургонѣ и смотримъ спокойно на проходящія мимо стада; длинной линіей, цѣлыми полками, эти черныя, косматыя животныя постоянно идутъ передъ нами, то съ сѣвера на югъ, то съ юга на сѣверъ, но всегда впереди насъ и перерѣзывая намъ дорогу. Необозримая равнина кишитъ жизнью, по большей части жизнью буйволовъ, самцовъ и самокъ. Въ продолженіе послѣднихъ сорока часовъ они не исчезаютъ изъ нашихъ глазъ; тысячи за тысячами, десятки тысячъ за десятками тысячъ, однимъ словомъ несмѣтныя полчища этихъ дикихъ животныхъ окружаютъ насъ; всѣ онѣ годны для пищи человѣку и тутъ достаточно провіанта, чтобъ наполнить до скончанія вѣковъ шалаши Арапагесовъ, Команчей и Чійенновъ. Раза два возница намѣревается стрѣлять по буйволамъ, но страхъ краснокожихъ всегда умѣряетъ его охотничья стремленія.

Буйволы, составляя предметъ забавы для бѣлыхъ охотниковъ,—пища краснокожихъ; и Чійеннскій воинъ не можетъ понять, зачѣмъ блѣднолицымъ являться въ его страну и уничтожать буйволовъ, ради мелкой забавы. Онъ понялъ бы, еслибъ бѣлые убивали буйволовъ для пищи, для поддержанія своей жизни, хотя бы индѣйцы чрезъ это и теряли свою собственность; но человѣкъ, убивающій буйвола изъ одного удовольствія, не имѣя ни малѣйшаго желанія съѣсть его,—это загадка, и всякій краснокожій положилъ бы съ радостью конецъ этой загадкѣ своей сѣкирой или ножомъ.

Чѣмъ мы болѣе поднимаемся вверхъ по равнинѣ, по длинному ряду волнистыхъ террасъ, нигдѣ не представляющихъ плоскости болѣе чѣмъ на двѣнадцать миль протяженія, тѣмъ солнце печетъ немилосерднѣе, тѣмъ песокъ становится горячѣе подъ нашими ногами. Саранча, ящерицы, змѣи кишатъ въ воздухѣ и на землѣ; жара невыносимая, часто напоминающая мнѣ мертвенно душный полдень въ Іорданской долинѣ. Воды мало и та очень дурна; сухой жаръ внѣшней природы проникаетъ въ вашу кровь и отравляетъ ее.

На четвертый день нашего путешествія по равнинамъ погода стоитъ чисто тропическая. Короткая, сладкая трава, составляющая любимую пищу буйволовъ, осталась теперь далеко за нами на нижнихъ равнинахъ, гдѣ влага, хотя и очень скудная, не безъизвѣстна, какъ здѣсь на протяженіи многихъ и многихъ миль. Тропа,

по которой мы пробираемся, усѣяна скелетами воловъ, лошадей и муловъ, убылью той жизни, которая поддерживаетъ торговлю между рѣкой и океаномъ. Вороны и волки на нашихъ глазахъ жирѣютъ отъ этихъ остатковъ животной жизни; они дотого ручны, что едва обращаютъ вниманіе, не оставляя своего обѣда, на нашъ фургонъ, съ трескомъ катящійся по песку. Золотистый паръ, слѣдствіе жары, обнимаетъ всю землю и миражъ соблазняетъ наше пересохшее горло обѣщаніемъ воды, никогда недостижимой. Безмолвіе, словно безмолвіе смерти, сжимаетъ насъ со всѣхъ сторонъ. Но вотъ на западѣ поднимается облачко, не болѣе луговой собачки; вотъ оно выростаетъ до величины лисицы, буйвола, горы; чрезъ нѣсколько минутъ оно покрываетъ все небо чернымъ и сѣрнистымъ саваномъ, по которому сверкаетъ и блеститъ молнія.

Съ неожиданной рѣзкостью въ тихомъ, безмолвномъ воздухѣ раздается ударъ грома, словно пушечный выстрѣлъ. За нимъ слѣдуетъ порывъ вѣтра и дождя, вздымающій къ небу песокъ и заметающій его въ окна и щели нашего фургона, покрывая насъ грязью и водой. Никакими средствами нельзя укрыться отъ потопа и чрезъ нѣсколько минутъ мы совершенно промокли и покрылись грязью. Въ продолженіе четырехъ или пяти часовъ свирѣпствуетъ этотъ степной буранъ, съ дождемъ и песчанымъ смерчемъ. Два или три раза мулы останавливаются въ страхѣ, повертываются спиной къ небесному огню и отказываются идти впередъ, несмотря ни на какія побужденія словомъ и кнутомъ. Еслибъ они не были привязаны къ фургону, то бѣжали бы безъ оглядки отъ грозы до тѣхъ поръ, пока она не прекратилась бы. Теперь же они только могутъ стоять неподвижно и жалобно мычать. Когда буря утихла, звѣзды появились на небѣ, воздухъ сталъ свѣжій, пріятный и мы продолжали тащиться по мокрой, дымящейся равнинѣ.

Мы совершенно разстроили свое здоровье недостаткомъ сна, пищи и движенія, ибо мы тащимся по непробитымъ тропинкамъ весь день и всю ночь, останавливаясь только у ручьевъ за водой и въ бревенчатыхъ станціяхъ для перемѣны муловъ. Мы не имѣемъ порядочной пищи и питья и заключены въ такомъ экипажѣ, который вѣроятно изобрѣтенъ самимъ дьяволомъ, въ машинѣ, въ которой невозможно ни сидѣть, ни стоять, ни лежать. Мой

другъ страдаетъ желчнымъ разстройствомъ, меня мучитъ сыпь на всемъ тѣлѣ; однако при существованіи въ насъ этихъ элементовъ зла, мы все-же каждое утро невольно удивляемся тому неожиданному порыву жизни, который овладѣваетъ нами съ разсвѣтомъ. Мы выползаемъ изъ нашей несчастной берлоги, берлоги безъ двери, безъ оконъ, безъ ступенекъ и покрытой только грубой парусиной, замѣняющей и крышку и бока — и входимъ въ пыльную, грязную конюшню, играющую роль станціи, усталые, голодные, изнуренные безсонницей, съ разпухшей головой, избитыми лицами и изрѣзанными руками. Наши виски лихорадочно бьются, наши ноздри забиты пескомъ, наши руки и ноги сведены судорогами; но не успѣли мы выполоскать рта, окунуть голову въ воду, которую мы не смѣемъ пить, и пройти двѣ или три мили впереди фургона по волнистой степи, вдыхая въ себя утренній воздухъ, какъ мы вдругъ останавливаемся и, смотря другъ на друга, невольно улыбаемся. Вліяніе этого воздуха магическое; всѣ страданія, всѣ судороги, все изнеможеніе какъ-бы мгновенно исчезаютъ; кровообращеніе дѣлается правильнымъ, легкія дѣйствуютъ свободно, ноздри словно открываются изнутри и глаза кажется извергаютъ какой-то невидимой силой накопившійся песокъ. Мы чувствуемъ достаточно силы перенести всѣвозможныя страданія, еслибы только можно было достать пищи. Но пищи достать нельзя.

ГЛАВА V.

Луговые Индѣйцы.

Краснокожіе обитатели равнинъ собирались недавно на совѣтъ въ полѣ, близъ Форта Эльсворта, чтобъ обсудить, вредно ли или полезно для нихъ позволить бѣлымъ людямъ, подъ предводительствомъ ихъ Великаго Отца въ Вашингтонѣ, открыть новую дорогу по ихъ странѣ чрезъ Дымно-Горную-Рѣку; и воинственныя пле-

мена этой страны, Чійенны и Аррапагесы, поддерживаемые своими южными и сѣверными союзниками, могущественными Сіуксами, дикими Кіовами, умными Команчами и ловкими Аппачами, рѣшили, говорятъ, начать войну.

Эти Индѣйцы увѣряютъ, что ихъ обманули бѣлые; они всегда это говорятъ, выходя на военную тропу, ибо гордость никогда не позволяетъ краснокожему сознаться, даже самому себѣ, что онъ дѣлаетъ дурно, что онъ нарушаетъ данное слово. Въ этихъ постоянныхъ пограничныхъ распряхъ, Индѣйцы, по ихъ словамъ, всегда правы. Насколько мы узнали отъ Чійенновъ и ихъ союзниковъ, — рано весной, нынѣшняго года (1866), маіоръ Винкупъ, правительственный чиновникъ, занимающійся заключеніемъ трактатовъ—очень дѣятельной и выгодной отраслью администраціи, пріѣзжалъ къ этимъ степнымъ охотникамъ и раздавалъ имъ оружіе, попоны, муку, водку, въ промѣнъ за обѣщаніе со стороны Индѣйцевъ вести себя хорошо на дорогахъ относительно эмигрантскихъ фургоновъ и торговыхъ обозовъ. Винкупъ, увѣряютъ они, сказалъ на словахъ, чтобъ они не боялись за свои буйволовыя тропы, такъ какъ Великій Отецъ въ Вашингтонѣ не имѣлъ никакого намѣренія открыть новую дорогу чрезъ Дымныя Горы. Послѣ того какъ уѣхалъ Винкупъ, они стали опасаться, не былъ ли онъ вѣстникомъ лжи, ибо они слышали, что въ то самое время, когда онъ спалъ въ ихъ жилищахъ, ѣлъ лосей съ Римскимъ Носомъ, Пестрой Собакой и Чернымъ Соколомъ,—предводителями Чійеннскихъ воиновъ,—бѣлые составляли планы для проведенія прямой дороги чрезъ самое сердце ихъ буйволовыхъ тропъ.

Конечно они слыхали отъ блѣднолицыхъ, что всѣ дороги должны быть свободны и открыты. Имъ говорятъ, что дорога изъ Сентъ-Луи въ Нью-Іоркъ такъ же свободна для краснокожаго, какъ и для бѣлаго, и что слѣдовательно, тропа изъ Сентъ-Луи къ Солёному Озеру должна быть такъ же свободна бѣлому, какъ и краснокожему; но Римскій Носъ, Черный Соколъ и Пестрая Собака—люди слишкомъ умные, чтобъ обмануться такими дѣтскими сказками. Они отвѣчаютъ, что въ ихъ смыслѣ дорога изъ Сентъ-Луи въ Нью-Іоркъ не открыта. Развѣ позволили бы Черному Соколу охотиться на поляхъ Огіо? Развѣ Пестрой Собакѣ позво-

лили бы раскинуть свой шатеръ на улицахъ Индіанополиса? Развѣ Римскій Носъ могъ бы по дорогѣ изъ Сентъ-Луи въ Нью-Іоркъ убивать встрѣчаемыхъ коровъ и барановъ, животныхъ, которыя замѣнили его буйволовъ и лосей? Если все это имъ не дозволено, то, спрашиваютъ они, можно ли эту дорогу назвать открытой для нихъ, охотниковъ за дикими звѣрями, и обитателей *вигвамовъ*, степныхъ шалашей? Эти Чійенны, эти Араппагесы и Сіуксы такъ же хорошо знаютъ, какъ и всѣ блѣднолицые въ Вашингтонѣ, что ихъ законы не наши законы, что ихъ свобода не наша свобода. Еслибъ у индѣйцевъ былъ обычай имѣть свой особенный воинственный кликъ, то конечно они взяли бы себѣ лозунгомъ: «поле охоты для охотниковъ!»

Римскій Носъ и Пестрая Собака говорятъ намъ, что лучшее поле охоты, остающееся теперь въ рукахъ краснокожихъ, именно эти луговыя степи, простирающіяся вдоль и вокругъ Дымно-Горной-Рѣки, песчаная пересохшая ложбина которой тянется на сто миль у подножія высокаго, крутаго кряжа, называемаго Дымными Горами, отъ вѣчнаго тумана, скрывающаго его вершины. Тутъ растетъ сладкая трава, которую буйволы любятъ жевать, и сюда приходятъ тѣ громадныя стада, отъ которыхъ зависитъ продовольствіе индѣйцевъ на всю зиму. Обезпокойте эти стада на ихъ теперешнемъ пастбищѣ и куда они уйдутъ? На югѣ лежитъ Арканзасская дорога изъ Сентъ-Луи въ Санта-Фе, на сѣверѣ—Платтская изъ Омахи къ Солёному Озеру. Никакой звѣрь не останется жить на дорогѣ, проложеной бѣлымъ человѣкомъ, и потому сдѣлать почтовый трактъ чрезъ Дымно-Горную-Рѣку значитъ лишить краснокожихъ ихъ пищи. Лось и антилопа могутъ пастись вблизи эмигрантовъ и торговцевъ, но буйволъ, хотя болѣе смѣлое и дикое животное, слишкомъ для этаго остороженъ.

— Бѣлые придутъ, буйволы уйдутъ, говоритъ Черный Соколъ съ его рѣзкой логикой,—а уйдутъ буйволы, *скво* и *папузы* уйдутъ. [1])

Съ точки зрѣнія Чернаго Сокола польза отъ сопротивленія бѣлымъ, простирающимъ руку на ихъ поле охоты, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

---

[1]) Скво—жена, папузы—дѣти, на языкѣ дикихъ индѣйскихъ племенъ.

Еще другая причина помогла возбудить то волненіе въ Индѣйцахъ, которое такъ угрожаетъ намъ на этихъ равнинахъ.

Одна изъ самыхъ главныхъ распрей, раздѣляющая восточную Америку отъ западной, Штаты на востокъ отъ Миссисипи отъ Штатовъ и Территорій на западъ отъ Великаго Водопоя, порождена вопросомъ, какой политики держаться правительству въ своихъ сношеніяхъ съ краснокожими? Всѣ восточные города стоятъ за розовую воду и дѣтскую болтовню; всѣ западные города за револьверъ и охотничій ножъ. Каждая сторона имѣетъ свои понятія и руководится своими страстями. Въ Бостонѣ никто не вѣритъ, чтобы краснокожій индѣецъ могъ сдѣлать что-нибудь дурное; въ Денверѣ никто не вѣритъ, чтобы краснокожій индѣецъ могъ сдѣлать что-нибудь хорошее. Каждая партія обвиняетъ другую въ незнаніи и въ излишней горячности; Массачузетъ смотритъ на краснокожаго единственно съ романтической точки зрѣнія, какъ на представителя племенъ и расъ, дорогихъ для искусства и поэзіи и которые быстро уходятъ въ область сновъ и мечтаній; Колорадо смотритъ на него прозаично, какъ на нищаго, грабителя и убійцу, похищающаго бѣлыхъ женщинъ и сдирающаго кожу съ головъ бѣлыхъ мужчинъ. Въ Массачузетѣ, въ Род-эйландѣ, въ Нью-Гампширѣ почти каждый Американецъ или нарисовалъ картину, или сочинилъ пѣсню, или прочелъ романъ изъ жизни Индѣйцевъ, а въ Колорадо, Новой Мексикѣ и Калифорніи почти каждый обитатель имѣетъ родственника убитаго или родственницу, похищенную этими романтичными героями. Это различіе можетъ легко объяснить радикальную противоположность въ мнѣніяхъ Востока и Запада насчетъ истинной индѣйской политики. Пользуясь сильнымъ вліяніемъ въ Вашингтонѣ, Массачузетъ обыкновенно настаивалъ на своемъ въ Канзасѣ и повсюду, куда достигаетъ власть судьи; но Колорадо, находясь близь луговыхъ степей, настаивалъ на своемъ въ уединенныхъ полянахъ и безвѣстныхъ ручьяхъ.

Такимъ образомъ въ прошломъ году Колорадо нанесъ грозный, неожиданный ударъ своему дикому врагу; отрядъ конныхъ волонтеровъ, подъ начальствомъ полковника Шевингтона, напалъ на Чійеннскій лагерь у Песчанаго Ручья, лежащаго немного впереди насъ и гдѣ въ то время собралось около тысячи Индѣйцевъ подъ начальствомъ Бѣлой Антилопы, стараго и извѣстнаго Чійеннскаго

полководца. Колорадскіе волонтеры, набранные по приказаніямъ, полученнымъ изъ Вашингтона, бросились неожиданно на индѣйцевъ, убивая въ попыхахъ и злобѣ храбрыхъ молодцевъ, ихъ женъ и дѣтей. Бѣлая Антилопа палъ какъ герой въ любой поэмѣ: видя, что защита была немыслима, что бѣгство было невозможно, онъ вскочилъ на песчаный бугоръ и, широко раскрывъ свою вышитую куртку, громко закричалъ блѣднолицымъ, чтобъ они стрѣляли въ него. Съ двадцатью пулями въ груди онъ упалъ на землю; большая часть его сподвижниковъ легла около него, старые и молодые, мужчины и женщины, храбрые воины и слабыя дѣти. Шестнадцать волонтеровъ было убито, а ихъ товарищи возвратились въ Денверъ, покрытые, какъ они воображали, славой своего подвига.

Въ Новой Англіи этотъ набѣгъ на Чійеннскій лагерь клеймятъ повсюду названіемъ Индѣйской Рѣзни; въ степныхъ ранчахъ, въ городахъ близь розсыпей его повсюду прославляютъ подъ названіемъ Великаго Боя. Ваше мнѣніе объ этомъ событіи принимается и тутъ и тамъ за доказательство вашего здравомыслія. Въ Бостонѣ за малѣйшее сочувствіе, которое вы выразили бы Великому Бою, вы подверглись бы общественному остракизму; въ Денверѣ заикнитесь только объ Индѣйской Рѣзнѣ и васъ тотчасъ пырнутъ въ бокъ охотничьимъ ножемъ. Послѣ всего сказаннаго, я думаю, излишне прибавлять, что на западѣ отъ Миссури я никогда не встрѣчалъ ни одного человѣка, который бы не говорилъ, что битва при Песчаномъ Ручьѣ, хотя и довольно жестокая въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, была хорошимъ и полезнымъ дѣломъ строгости,—дѣломъ, которое необходимо повторять дважды въ годъ, до тѣхъ поръ пока послѣднее Индѣйское племя не исчезнетъ на луговыхъ степяхъ.

На западѣ увѣряютъ, что когда Шевингтонъ напалъ на индѣйскій лагерь, Чійенны были въ миру съ бѣлыми, и что американскій флагъ развѣвался надъ шатромъ Бѣлой Антилопы. Шевингтонъ отрицаетъ эти факты, говоря, что Чійеннскій лагерь былъ убѣжищемъ Собачьихъ Воиновъ, шайки краснокожихъ разбойниковъ, которые въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ грабили окрестныя поселенія бѣлыхъ и убивали возчиковъ и эмигрантовъ. Этотъ фактъ, по словамъ Шевингтона и его Колорадскихъ друзей, доказывается

тѣмъ, что во-первыхъ Индѣйцы имѣли въ своемъ лагерѣ бѣлую дѣвочку лѣтъ шестнадцати и трехъ маленькихъ дѣтей, которыхъ они продали горожанамъ, послѣ долгихъ и унизительныхъ переговоровъ; во-вторыхъ они хвастались, что въ ихъ жилищахъ есть еще другія бѣлыя женщины, которыхъ они ни за что не отдадутъ и не продадутъ; въ-третьихъ, послѣ взятія индѣйскаго лагеря, бѣлые нашли цѣлую груду лентъ, колецъ, фотографій и человѣческихъ череповъ.

Одно жестокое дѣло, совершенное индѣйцами, говорятъ, особенно возбудило негодованіе въ Денверѣ. Въ ранчѣ, на Бѣгучемъ Ручьѣ, близъ города, жилъ съ женой и двумя дѣтьми честный и хорошій фермеръ, по имени Гунгэтъ; его уважали всѣ сосѣди. Краснокожіе напали на его уединенную ферму, угнали весь скотъ, сожгли хуторъ, надругались надъ его женой, изрубили его дѣтей и застрѣлили его самаго. Головы всего Гунгэтскаго семейства были отрублены и кожа съ нихъ содрана; тѣла же ихъ изрублены и истолчены въ мелкіе куски. Въ такомъ состояніи ихъ нашли бѣлые и принесли въ Денверъ, гдѣ они были выставлены на показъ, какъ раненые въ Парижѣ въ 1848 г. Кровь Колорадцевъ закипѣла и они обезумѣли отъ жажды мести.

Бѣлая Антилопа заплатилъ своей кровью за кровь Гунгэта.

Два изъ череповъ, найденныхъ волонтерами Шевингтона въ лагерѣ Песчанаго Ручья, были, говорятъ, совершенно свѣжи; одинъ мужской только что похолодѣлъ а съ другаго женскаго, по словамъ доктора, кожу содрали не болѣе десяти дней передъ тѣмъ.

Распря рождаетъ распрю, и борьба прошлаго года, конечно, породитъ борьбу нынѣшняго. Сынъ Бѣлой Антилопы ходитъ теперь по степямъ и взываетъ къ различнымъ племенамъ, чтобы онѣ отомстили за смерть его отца, на что вполнѣ согласны Римскій Носъ, Черный Соколъ, Крупный Буйволъ, Пика и Малая Попона. Эти могущественные предводители тѣмъ охотнѣе возьмутся за это дѣло, что оно дастъ имъ случай удовлетворить своей страсти къ крови и можетъ очистить вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ любимыя буйволовыя тропы отъ ненавистныхъ бѣлыхъ.

ГЛАВА VI.

Краснокожіе.

Длинный рядъ поэмъ и романовъ пріучилъ англійскаго читателя смотрѣть на краснокожаго скорѣе какъ на живописную фигуру, украшающую луговыя степи и озера, чѣмъ какъ на живую силу посреди американскихъ городовъ. Индѣйцы занимаютъ въ нашемъ умѣ то же мѣсто, что герои, существующіе только въ сказкахъ и драмахъ. Когда мы вспоминаемъ о Могиканѣ или Ирокезѣ, то мы представляемъ себѣ его покрытымъ боевой краской, или въ охотничьей одеждѣ, или сидящаго на совѣтѣ подъ деревомъ мира, видящаго Бога въ облакахъ и слышащаго Его въ завываніяхъ вѣтра. Мы видимъ, какъ онъ выходитъ съ Соколинымъ Глазомъ на боевую тропу, какъ онъ слѣдитъ за Миннехахой въ своемъ вигвамѣ, какъ онъ бросаетъ свое старое поле охоты въ Огіо и идетъ искать новаго отечества на далекій и неизвѣстный западъ. Образъ краснокожаго соединенъ неразрывно въ нашемъ умѣ съ картиной быстрыхъ потоковъ, безмолвныхъ долинъ и зеленѣющихъ омегъ. Но представляется ли онъ намъ въ своей охотничьей одеждѣ, или татуированный и въ перьяхъ, съ трубкой мира въ зубахъ или съ ножомъ, занесеннымъ надъ головой врага,—онъ все одинъ и тотъ же образъ, плодъ воображенія, картина, поэма, романъ, а не человѣкъ плоти и крови, одаренный чувствами, пламенными страстями, плодотворными идеями, сильный въ сопротивленіи и глубоко поражающій всѣхъ, кто входитъ съ нимъ въ столкновеніе.

Въ Соединенныхъ Штатахъ краснокожаго знаютъ лучше. Онъ живетъ между ними точно такъ же, какъ и черный негръ; онъ характеромъ менѣе гибокъ, но зато болѣе развитъ умственно; у него своя политика, свое искусство, свои преданія; онъ обладаетъ способностью, которой не имѣетъ негръ, нетолько воспринимать идеи, но и развивать ихъ. Американцы имѣютъ дѣло съ краснокожимъ постоянно, ежедневно, какъ съ человѣкомъ, обладающимъ

правами на землю, которыхъ не отрицаетъ ни одинъ янки и на которыя не покушается ни одинъ честный янки.

Никакая раса людей не изгоняла изъ извѣстной страны другую расу, отбирая ея земли и города, безъ того чтобъ не встрѣтить мѣстную нравственную силу, которая имѣла могущественное вліяніе на ихъ политику, нравы и занятія. Человѣкъ—живая сила, дѣйствующая и вліяющая на своихъ ближнихъ по естественному закону. Всякая сила—понятіе сравнительное. Если сильный дѣйствуетъ на слабаго, то слабый вліяетъ обратно на сильнаго. Число — могущественная сила, и если высшая раса отличается малочисленностью, то она непремѣнно, въ бо́льшей или меньшей степени, снизойдетъ до уровня своихъ враговъ, несмотря на первоначальное превосходство своихъ физическихъ и умственныхъ качествъ. Такъ римскіе властители Греціи усвоили ея искусство, языкъ, религію и наконецъ самую страну, которую они побѣдили мечемъ. Нормандскій герой сталъ англійскимъ джентльменомъ и стремился сдѣлать это имя самымъ гордымъ титуломъ на землѣ. Въ третьемъ поколѣніи поселенцы, выведенные Стронгбо, оказались болѣе Ирландцами по чувству, чѣмъ сами Кельты. Грубые воины герцога Ролло превратились въ нѣжныхъ Сицилiанцевъ. Манджурскіе Татары сдѣлались Китайцами. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда огнемъ и мечемъ истребляли первоначальныхъ обитателей страны, результатъ былъ одинъ и тотъ же. Израильтянамъ приказано было избить всѣхъ Аморитянъ, Хананеянъ и пр.; и они убивали эти народы безмилосердно, какъ было повелѣно Богомъ, однако обычаи и идеи язычниковъ какъ-бы приросли къ почвѣ и въ продолженіе многихъ поколѣній избранный народъ впадалъ въ грѣхъ, поклоняясь мѣстнымъ богамъ. Дагонъ, Молохъ. Астаротъ отвлекали людей отъ Іеговы, и искусство Тира и Сидона вліяло на тѣхъ, которыхъ мечъ Явина не могъ изгнать изъ страны. Точно такимъ же образомъ тѣ краснокожіе, которыхъ наши предки нашли на берегахъ Атлантическаго океана и которыхъ они оттѣсняли назадъ, прежде до Аллеганъ, потомъ до Огіо и Вабасха, потомъ до Миссисипи и наконецъ за эту рѣку на далекій западъ до Канзаса и Арканзаса,—эти краснокожіе оставили слѣды своего прежняго существованія въ народномъ сознаніи, въ народной политикѣ, въ народной нау-

кѣ, въ народной жизни Соединенныхъ Штатовъ. Это вліяніе точно такъ же очевидно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ краснокожіе совершенно исчезли, какъ и въ тѣхъ, гдѣ они еще существуютъ, между спиритуалистами Новой Англіи и Мормонами Долины Солёнаго Озера. Человѣкъ есть то, что онъ поѣдаетъ, и народъ принимаетъ образъ того народа, который онъ поглощаетъ. Тамъ, гдѣ индѣйцы совершенно исчезли, благодаря поглощенію ихъ, блѣднолицые сильно измѣнились и эта перемѣна можетъ быть измѣрена степенью той силы сопротивленія, которую выказали краснокожіе,—качество, обладаемое нѣкоторыми племенами въ высочайшей степени. Гдѣ индѣйцы выдержали борьбу съ блѣднолицыми, какъ на Онеидскомъ Ручьѣ, въ Вайяндотѣ, въ Миссіи св. Маріи и во многихъ другихъ мѣстахъ, они сохраняютъ вполнѣ свою силу дѣйствовать и вліять на бѣлыхъ, измѣняя ихъ національный характеръ.

Англо-Саксонская сила поглощенія очень велика, но Чійенны и Дакоты представляютъ быть можетъ самую трудную пищу, которую когда-либо Англо-Саксонцамъ приходилось переваривать. Англо-Саксонецъ не далеко ушелъ въ процессѣ поглощенія краснокожаго, однако онъ уже обнаруживаетъ сотней признаковъ неблаготворное дѣйствіе этой несваримой пищи на его здоровье. Фибры индѣйца замѣчательно крѣпки. Кто можетъ сказать, что до сихъ поръ, несмотря на легкую побѣду бѣлыхъ, вліяніе бѣлаго на краснокожаго было сильнѣе, чѣмъ краснокожаго на бѣлаго?

Пускай тѣ, кто такъ думаетъ, придутъ сюда, на западныя равнины, въ эту землю, гдѣ краснокожіе и бѣлые живутъ вмѣстѣ, далеко не въ мирныхъ отношеніяхъ. Тутъ они увидятъ, что каждая раса переняла недостатки другой; если индѣецъ превзошелъ своего блѣднаго брата въ пьянствѣ, то бѣлый человѣкъ только сравнялся съ краснымъ братомъ въ жестокости и хитрости. Если янки научилъ индѣйца пить водку, то индѣецъ научилъ янки держать множество женъ. Почти всѣ старые охотники и возчики, жившіе между индѣйцами, полигамисты: Джакъ Бэкеръ изъ Яснаго Ручья имѣетъ двухъ скво; Маджери съ Южной Платты имѣетъ трехъ, а Бентъ изъ Дымныхъ Горъ, говорятъ, женился на шестерыхъ. Какъ справедливо сказалъ одинъ индѣйскій предводитель полковнику Мерси: «первое, чего требуетъ янки въ степяхъ, это

какъ можно болѣе женъ.» Если Малый Медвѣдь напивается и бьетъ свою скво до смерти, то Джемсъ Смитерсъ научился въ шутку сдирать кожу съ головы. Я слышалъ постоянно въ степяхъ такіе анекдоты, отъ которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ. Джакъ Дункиръ, изъ Центральнаго Города, содралъ кожу съ головъ пяти Сіуксовъ въ присутствіи своихъ бѣлыхъ товарищей. Тотъ же самый Колорадскій молодецъ въѣхалъ, говорятъ, однажды въ Денверъ съ прикрѣпленной къ сѣдлу ногой индѣйскаго воина, ногой, отрѣзанной отъ туловища, которымъ онъ, по собственнымъ его словамъ, питался около трехъ дней. Никто не повѣрилъ его разсказу, но всякое хвастовство въ своемъ родѣ фактъ и нѣтъ сомнѣнія, что въ Денверѣ бѣлый человѣкъ открыто хвастался тѣмъ, что онъ варилъ и ѣлъ человѣческое мясо. Подобнымъ дѣломъ гордился бы Поній и долго бы хвасталъ имъ на собраніяхъ своего племени. Янки быстро научается соперничать съ краснокожимъ въ его жестокостяхъ. Одинъ изъ волонтеровъ, сдѣлавшихъ набѣгъ на Песчаный Ручей, возвратился въ Денверъ съ сердцемъ женщины на длинной жерди; онъ убилъ скво, распоролъ ей грудь и вытащилъ сердце. Никто его не осудилъ за это, и постыдный трофей былъ встрѣченъ радостными криками уличной черни. Я съ удовольствіемъ долженъ замѣтить, что во мнѣніи бѣлыхъ, даже между грубыми обитателями розсыпей, произошла перемѣна относительно поступка этого человѣка; это не значитъ, чтобы кто-нибудь вздумалъ арестовать имъ за преступленіе, или чтобы товарищи по службѣ гнушались имъ за эту шутку, но его дѣло и его самого подняли на смѣхъ въ кабакахъ, курильныхъ и игорныхъ домахъ, и человѣкъ этотъ, не имѣя ни ума, ни терпѣнія перенести всѣ презрительныя о немъ отзывы, бѣжалъ изъ города и никогда болѣе не возвращался. Между Чійеннами подобное преступленіе возвысило бы совершившаго его воина до званія предводителя. Одно дѣйствіе бѣлыхъ, хотя и не сопровождавшееся лишеніемъ жизни, показалось мнѣ еще болѣе возмутительнымъ, чѣмъ убійство женщинъ и дѣтей,—это надругательство надъ индѣйскими могилами. Однажды казенный обозъ, проходя чрезъ Индѣйскую Территорію, поровнялся съ грудой камней и скалъ, на которую знающій поселенецъ, сопровождавшій обозъ, указалъ какъ на гробницу одного индѣйскаго предводителя; тогда западные молодцы

разнесли камни, выбросили кости убитаго воина и похитили все, что нашли: лукъ со стрѣлами, буйволовый рогъ (одинъ офицеръ американской арміи подарилъ мнѣ на память этотъ рогъ), бусы и различныя украшенія, остатки буйволовой одежды, служившей саваномъ для умершаго воина.

Вмѣстѣ со многими недостатками, Янки заимствовали у индѣйцевъ нѣкоторыя изъ ихъ простыхъ добродѣтелей—гостепріимство, высокое уваженіе къ данному слову и полное презрѣніе къ страданію и смерти.

Краснокожіе научили весь міръ курить индѣйское зелье. Какое благодѣяніе получили они отъ блѣднолицыхъ, которое можно было бы сравнить съ подаркомъ, сдѣланнымъ дикимъ человѣкомъ—образованному?

Не для краснаго словца, а дѣйствительно можно сказать, что въ Бѣлой Америкѣ вліяніе краснокожихъ широко распространено и очень сильно чувствуется, какъ въ области общественныхъ учрежденій, такъ и въ области мысли.

Союзъ Пяти Племенъ былъ образцемъ, которымъ руководствовались бѣлые при образованіи Союза Тринадцати Колоній; они не только брали примѣръ съ индѣйцевъ относительно главной основы союза, но также и относительно многихъ своеобразныхъ подробностей. Ирокезы сочинили теорію «Права Штатовъ», которую европейскіе колонисты заимствовали у нихъ, — теорію неопредѣленную и опасную, подразумѣвавшую право Штатовъ на отдѣльныя дѣйствія, почти что на отчужденіе отъ союза; причину тысячи распрей и междоусобной войны, которой конецъ еще не достигнутъ. Ирокезы приняли теорію распространенія своей власти и владѣній, не чрезъ расширеніе границъ какого-нибудь племени, уже заключающагося въ союзѣ, но принимая цѣликомъ новое племя въ союзъ; этотъ новый принципъ политическаго развитія также заимствованъ бѣлыми. Подъ вліяніемъ этихъ двухъ принциповъ Пять Племенъ превратились въ Восемь Племенъ, а Тринадцать Колоній, слѣдуя по ихъ стопамъ и продолжая ихъ дѣло, разрослись въ Сорокъ Шесть Штатовъ и Территорій.

На конференціи 1774 г., когда коммисары Пенсильваніи, Мериланда и Виргиніи отправились въ Ланкастеръ на совѣщаніе съ Ирокезскими предводителями, великій вождь Касаннатего обратился къ

нимъ съ слѣдующими словами, которыхъ не постыдился бы произнесть древній грекъ, членъ Ахейской лиги: — «Наши мудрые предки учредили союзъ и дружбу между Пятью Племенами. Этотъ союзъ сдѣлалъ насъ могущественными. Онъ далъ намъ силу и власть надъ сосѣдними народами. Держась того же правила, вы пріобрѣтете новую силу и новую власть, а потому совѣтую, никогда не отдѣляйтесь другъ отъ друга, чтобы съ вами не случилось.» Оффиціальные отчеты индѣйскаго управленія, представленные конгрессу, удостовѣряютъ, что эта Ирокезская конфедерація была настоящимъ, политическимъ зерномъ Соединенныхъ Штатовъ.

Всѣ краснокожіе Пяти Племенъ имѣли возвышенныя понятія о свободѣ, какъ въ общественныхъ, такъ и въ домашнихъ отношеніяхъ. Всѣ люди считались равными. Сахемъ, (предводитель) если даже онъ происходилъ изъ царскаго рода, выбирался народомъ. У нихъ не существовало ни наслѣдственныхъ званій, ни титуловъ, кромѣ тѣхъ званій, которыя опредѣляли ихъ занятія, какъ воинъ, совѣтникъ и пророкъ. Они возставали противъ рабства во всѣхъ его видахъ. Никакой Ирокезъ не могъ владѣть своими ближними. Если онъ во время войны бралъ плѣнныхъ, то они или предавались смерти, или усыновлялись его племенемъ. Чувство свободы было такъ сильно развито въ Пяти Племенахъ, что они объявили самую почву свободною,—и нельзя было найти ни одного раба на тѣхъ равнинахъ, гдѣ охотились краснокожіе, даже въ то время, когда негровъ продавали и покупали на всѣхъ улицахъ Бостона, Филадельфіи и Нью-Іорка. Съ теченіемъ времени однако нѣкоторыя изъ менѣе благородныхъ племенъ, Черокезы, Чоктавзы и Чикасавсы научились отъ бѣлыхъ покупать и похищать негровъ, научились держать ихъ въ рабствѣ и обходиться съ ними, какъ съ муломъ или собакой.

Между многими индѣйскими племенами, хотя болѣе между Делаварцами, Могиканами и Сенеками, чѣмъ въ этихъ дикихъ западныхъ провинціяхъ, женщина пользовалась замѣчательною властью и вліяніемъ, не только въ вигвамахъ, гдѣ она занимала почетное мѣсто, но и въ общественныхъ мѣстахъ, въ общественной жизни; она пользовалась даже правомъ присутствовать на собраніяхъ и обсуждать вопросы о мірѣ и войнѣ. Между высшими индѣйскими племенами храбрые воины гордятся тѣмъ, что они оказываютъ

уваженіе своимъ женамъ, уваженіе, превосходящее обыкновенную учтивость жителей городовъ, которое, за недостаткомъ лучшаго слова, можно назвать рыцарскимъ. Нельзя не обратить особаго вниманія на это благородное чувство сильнаго къ слабому, на это мягкое обращеніе грубаго съ нѣжнымъ, на это преклоненіе воина передъ хозяйкой дома. Конечно въ благоустроенномъ обществѣ, гдѣ права охраняются законами, а не оставлены на произволъ индивидуальной воли, подобное открытое покровительство женщинъ мужчинами совершенно излишне. Это—добродѣтель дикарей и полудикарей, охотниковъ и пастуховъ, индѣйцевъ Сенековъ и арабовъ Анезовъ. Но она не преминула возыметь сильное вліяніе на нравственную и поэтическую красоту народныхъ обычаевъ гораздо благороднѣйшей расы.

Кто можетъ сомнѣваться, что индѣйскія идеи о колдовствѣ, о полигаміи, о многобожіи, о переселеніи душъ, о присутствіи на землѣ духовъ, о будущей наградѣ,—кто можетъ сомнѣваться, что эти понятія глубоко врѣзались въ народный умъ американцевъ и донынѣ вліяютъ, къ добру или ко злу, на ихъ религіозныя понятія.

Что всего болѣе поражаетъ англичанина въ этихъ краснокожихъ (послѣ краски, покрывающей ихъ тѣло, и перьевъ на головѣ), это ихъ раздѣленіе на колѣна—древнѣйшая форма, въ которой воплотилось человѣческое общество. Эта система—восточнаго происхожденія; ее можно найти въ Индіи и Мидіи, въ Аравіи и Скиѳіи, между кочевыми и пастушескими народами. На первой ступени перехода отъ дикаго состоянія къ цивилизованному всѣ расы дѣлились на колѣна, или семейства, или кланы. Въ Спартѣ было три такихъ колѣна, въ Аѳинахъ четыре, въ Палестинѣ двѣнадцать, въ Римѣ три. Каждая изъ этихъ странъ, повидимому, имѣла одно колѣно, выражавшее притязанія на нѣкотораго рода царственное происхожденіе. Иліянское въ Спартѣ, Эвпатриды въ Аѳинахъ, колѣно Іуды въ Палестинѣ и Рамны въ Римѣ. Между многочисленными же колѣнами краснокожихъ мы не находимъ подобнаго отличія; Чійенны не признаютъ нравственнаго надъ собою превосходства Сіуксовъ, Могиканъ или Сенековъ; каждое племя составляетъ отдѣльное тѣло и главная забота краснокожихъ—поддерживать независимость каждаго колѣна. Отсюда бѣлые поселенцы заимствовали свои «Права Штатовъ».

ГЛАВА VII.

Жизнь Индѣйцевъ.

Исторія Миннехахи, *Смѣющейся Воды*, обнаружила тотъ фактъ, что существуетъ между сынами луговыхъ степей и озеръ много преданій, драгоцѣнныхъ для поэзіи и искусства. Вся жизнь Краснокожаго Индѣйца—ни что иное, какъ романъ. Отыскиваетъ ли онъ слѣды звѣря, охотится ли за бизономъ, ухаживаетъ ли за красавицами, принося имъ въ подарокъ черепа убитыхъ враговъ, прыгаетъ ли онъ въ дикой воинственной пляскѣ, хоронитъ ли свою сѣкиру и бросаетъ ножъ, говоритъ ли рѣчь своимъ товарищамъ на общемъ собраніи племенъ, презираетъ ли онъ всѣ пытки, которымъ его подвергаютъ враги, взявшіе его въ плѣнъ, сидитъ ли подъ деревомъ и куритъ трубку мира, — всегда и вездѣ Индѣецъ представляетъ художественную картину; поведеніе его всегда поэма. Лѣсъ, въ которомъ онъ живетъ, равнина, на которой онъ охотится, рѣка, по которой онъ плаваетъ, полны для него міріадами духовъ. Его челнокъ—ковчегъ, его хуторъ — скинія. Со всѣхъ сторонъ, онъ находится въ постоянномъ соотношеніи съ внутренней душею каждаго предмета; природа шепчетъ ему на ухо изъ каждаго листа, изъ каждаго камня. Что же удивительнаго, если его устная поэзія такъ дика и смѣла, такъ нова и свѣжа, такъ похожа и вмѣстѣ не похожа на первобытныя пѣсни Гомера, Оссіана и древнихъ Германцевъ?

Однажды юный охотникъ полюбилъ горячо прекрасную дѣву и жаждалъ назвать ее женою; все его колѣно гордилось имъ за быстроту его бѣга и храбрость на войнѣ; отецъ красавицы охотно отдалъ ему свою дочь. Въ день свадьбы она умерла. Пробивъ разсѣлину въ землѣ, женщины обвили ея трупъ полотномъ и, поднявъ громкій вопль, опустили въ трещину и закрыли травой. Но юный охотникъ не могъ оставить своей красавицы. Лукъ его съ ненатянутой тетивой виситъ въ его шалашѣ, падпа

лѣниво лежитъ на землѣ, ибо сердце его погребено въ лѣсной могилѣ и ушамъ его недоступны, невѣдомы болѣе звуки войны и охоты. Одну радость еще знаетъ онъ на землѣ: сидѣть одному близь того зеленаго холмика, подъ которымъ навѣки покоится его любовь, и думать о ней, слѣдовать мысленно за нею въ страну духовъ. Старики не разъ говорили ему въ дѣтствѣ, что души умершихъ переселяются на Благословенные Острова, лежащіе далеко на югѣ, въ тепломъ климатѣ, на лонѣ мирнаго озера, подъ сѣнью яркаго, голубаго неба. Однажды, сидя на холодной землѣ и смотря на снѣгъ, покрывавшій деревья, онъ вздумалъ: пойду я искать этотъ островъ, гдѣ обитаетъ душа моей милой. Повернувшись лицомъ къ югу, началъ онъ свое странствіе; шелъ онъ долго по горамъ, долинамъ и озерамъ, по странѣ, походившей на его родину; но чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ менѣе было снѣга на деревьяхъ, льду на водѣ, тѣмъ воздухъ становился прозрачнѣй, тѣмъ земля роскошнѣе зеленѣла. Вотъ уже показались почки, цвѣты на фруктовыхъ деревьяхъ, цвѣты въ полѣ и жаворонки запѣли въ высотахъ. Увидѣвъ въ густой травѣ маленькую тропинку, пошелъ онъ по ней, съ трудомъ пробираясь между деревьями, и наконецъ достигъ высокой горы, на которой возвышался индѣйскій шалашъ. У дверей этого жилища стоитъ сѣдовласый старикъ съ блѣднымъ лицомъ и съ огненными глазами, покрытый кожами дикихъ звѣрей и опираясь на посохъ. Онъ встрѣчаетъ его съ грустной улыбкой. Юный охотникъ хотѣлъ повѣдать ему свою исторію. «Тише, промолвилъ старикъ,—я тебя ждалъ и нарочно вышелъ, чтобы тебя привѣтствовать. Та, которую ты ищешь, была здѣсь; она отдохнула немного и продолжала свой путь. Войди въ мое жилище.» Когда охотникъ подкрѣпилъ свои ослабѣвавшія силы пищей и сномъ, старикъ вывелъ его изъ шалаша и сказалъ: «Вонъ видишь заливъ и за нимъ поляну. Это и есть страна умершихъ душъ. Ты стоишь на границѣ ея предѣловъ и мой шалашъ — ворота въ эту страну. Брось свой колчанъ и узелъ; оставь здѣсь свое тѣло и свою собаку, ступай теперь въ страну душъ.» Охотникъ поднялся съ земли и полетѣлъ словно птица, размахивающая крыльями. Лѣса, озера, горы были тѣ же что и прежде, но онъ смотрѣлъ на нихъ другими глазами и ощущалъ ка-

кое-то странное чувство. Природа, казалось, вдругъ просвѣтлѣла и наполнилась невѣдомыми звуками. Воздухъ сталъ мягче, небо блестящѣе, трава зеленѣе. Птицы теперь радушно пѣли ему съ деревьевъ, звѣри безъ боязни пробѣгали мимо его. Ни единое существо не боялось его, ибо кровь не проливается въ странѣ духовъ. Онъ идетъ безъ всякаго усилія, скорѣе летя по воздуху, чѣмъ ступая по землѣ; онъ проходитъ сквозь горы и деревья, какъ человѣкъ во плоти проникаетъ сквозь облако дыма. Наконецъ передъ нимъ открывается широкое, блестящее озеро, съ прелестнымъ, веселымъ островкомъ посреди. У берега стоитъ челнокъ, выточенный изъ бѣлаго камня, съ готовыми веслами. Прыгнувъ въ лодку и отчаливъ отъ берега, онъ вдругъ сознаетъ, какъ будто во снѣ, что другой бѣлый челнокъ идетъ рядомъ съ нимъ и что въ немъ сидитъ его красавица, блѣдная и прелестная, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Когда онъ отчалилъ отъ берега и она отчалила; ея весла вторили его веслам словно музыкальныя струны. Мирная радость наполнила сердце охотника; они вмѣстѣ подвигались къ Благословенному Острову. Вперивъ глаза на виднѣвшуюся впереди его землю, онъ вдругъ съ ужасомъ обернулся къ своей возлюбленной: прямо на нихъ грозно бѣжалъ бѣлый, пѣнящійся валъ, и въ глубинѣ чистыхъ прозрачныхъ водъ онъ ясно увидѣлъ тѣла утопленниковъ и кости тысячи людей, погибшихъ отъ напора этого грознаго вала. Руки его могучи и сердце мужественно, онъ не боится за себя, но страшно ему за нее; она одна въ своей блестящей скорлупѣ подвергнется роковой опасности, и никто не можетъ помочь ей. Но, направивъ смѣло свои челноки прямо на валъ, они прорѣзываютъ его, словно птицы воздухъ. Рядомъ съ ними, впереди и сзади виднѣлось много лодокъ, и въ каждой лодкѣ была душа умершаго человѣка. Одни челны боролись съ опасностями, другіе погибали, третьи уже погибли. Челны, несшіе души дѣтей, быстро летѣли, не удерживаемые никакой преградой. Челны съ душами юношей и молодыхъ дѣвъ встрѣчались съ сильными порывами вѣтра и волненіемъ. Челны же съ душами людей возмужалыхъ и старыхъ борятся съ грозными бурями и роковыми смерчами. Каждый встрѣчаетъ преграды по дѣламъ своимъ, ибо миръ и буря не въ водахъ озера духовъ, но въ сердцахъ тѣхъ людей, которые переправляются черезъ него. При-

ставъ благополучно къ берегу, охотникъ и его красавица весело выпрыгнули изъ своихъ челновъ на Золотой Островъ. Какую перемѣну нашли они тутъ послѣ холодной и мрачной земли! Тутъ не видно могилъ, не слыхать о войнѣ; въ воздухѣ не свирѣпствовали грозы, туманы не застилали солнца; льда не вѣдали на Благословенномъ Островѣ; крови не проливали; холода и жажды не испытывали, ибо воздухъ, которымъ тамъ дышатъ, замѣняетъ и пищу и питье; ноги ихъ никогда не устаютъ и голова не болитъ; не оплакиваютъ тутъ мертвыхъ;—и съ радостью остался бы навѣки въ землѣ духовъ охотникъ со своей ненаглядной. Но великій духъ, творецъ жизни, приближается къ нему и говоритъ голосомъ нѣжнымъ, какъ морская зыбь въ лѣтній вечеръ: «Иди въ страну, изъ которой пришелъ; твой часъ еще не насталъ. Возвратись въ свое племя и дѣлай свое дѣло, какъ честный человѣкъ. Когда ты исполнишь свой долгъ, то возвратишься къ любимой тобою душѣ. Она здѣсь принята и останется навсегда, столь же юная, столь же счастливая, какъ въ ту минуту, когда Я призвалъ ее изъ страны снѣга и льдовъ.» Не успѣлъ умолкнуть голосъ Творца жизни, какъ охотникъ очнулся:—у ногъ его была зеленая могила, надъ головою снѣгъ, дрожащій на деревьяхъ, въ сердцѣ тупая тоска.

Увы! это былъ сонъ!

Краснокожій вѣритъ въ Бога или, лучше сказать, во многихъ боговъ; онъ вѣритъ также въ загробную жизнь, которую будетъ раздѣлять со своею лошадью, соколомъ и собакою. Онъ убѣжденъ, что есть добрый духъ и злой духъ, одинаковые по достоинству и силѣ; онъ убѣжденъ, что есть духи, обитающіе въ горахъ, въ лѣсахъ, въ облакахъ, въ рѣкахъ; духи вѣтра, звѣздъ, солнца и мороза. Ни одинъ греческій пастухъ никогда не населялъ Гиметъ и Аркадію, Оріонъ и Большую Медвѣдицу такими толпами воздушныхъ безтѣлесныхъ образовъ. Но индѣецъ никогда не воздвигалъ, храмовъ своимъ божествамъ, довольствуясь видѣть ихъ въ деревѣ и цвѣткѣ, въ солнечныхъ лучахъ и въ грозѣ, въ соколѣ, въ бобрѣ и въ форели. Его единственная религія—религія природы, его единственная обрядность—нѣчто въ родѣ колдовства. Онъ вѣритъ въ вѣдьмъ и колдуновъ, въ ихъ силу превратить человѣка въ животное и животное въ человѣка. Сонъ для него

только жизнь въ иной формѣ, и то, что онъ видитъ во снѣ, для него такъ же дѣйствительно какъ ежедневно случающіеся факты. Въ его воображеніи воздухъ кишитъ духами, которые витаютъ вокругъ него, когда онъ охотится или сражается съ врагами, и которые могутъ услышать его зовъ и обнаружить свое присутствіе, свое желаніе—звуками и знаками. Краснокожій—первобытный источникъ спиритизма и верченія столовъ; и въ искусствѣ призывать дьяволовъ на помощь съ нимъ далеко не могутъ соперничать такіе мелкіе колдунишки, какъ Давенпорты и Юмы.

Религіозные обряды краснокожаго не многочисленны и кабалистичны: такъ онъ поетъ у одра больнаго и предлагаетъ мясо умершему; онъ кладетъ талисманы себѣ въ ухо, въ носъ, вокругъ кисти руки. Эти талисманы, имѣющіе силу отгонять отъ него злыхъ духовъ, состоятъ обыкновенно изъ морскихъ раковинъ. У краснокожихъ нѣтъ священниковъ, какъ мы ихъ понимаемъ, но они униженно преклоняются передъ своимъ пророкомъ (Джоссакидомъ); они слѣпо повинуются ему нетолько относительно души, но и тѣла. Дѣйствительно, пророкъ ихъ вмѣстѣ и докторъ, ибо болѣзнь по понятію краснокожихъ столько же недостатокъ физическій, сколько и духовный, и побѣждается лишь тѣмъ, кто имѣетъ власть надъ грѣхомъ и смертью. Бригамъ Юнгъ исполняетъ почти тѣ же обязанности на одномъ концѣ Селено Озера, которыя пророкъ Шошоновъ исполняетъ на другомъ.

Краснокожіе не имѣютъ опредѣленныхъ законовъ. Ихъ правительство патріархальное, въ которомъ главной властью пользуются, какъ у всѣхъ дикихъ народовъ, старики каждаго колѣна, исключая военнаго времени, когда предводительство забираютъ въ свои руки самые храбрые и самые хитрые. Они ничего не знаютъ о подачѣ голосовъ, тайной или явной; но при избраніи своихъ предводителей крикомъ объявляютъ свою волю. Они не имѣютъ никакого понятія о силѣ и значеніи труда, и только съ горечью и неохотою даже лучшіе изъ нихъ соглашаются вести торговлю. Они имѣютъ какое-то смутное сознаніе, что были искони вѣковъ дикими племенами, расою охотниковъ и воиновъ, рыцарей лука и палицы; они слишкомъ горды чтобы работать и трудиться, чтобъ исполнять обязанности женъ и трусовъ. Еслибы голодъ не побуждалъ ихъ охотиться, они ничего не дѣлали бы, какъ только

пили и дрались. Въ этомъ Крики и Дакоты превосходятъ самыхъ отъявленныхъ разбойниковъ Денвера, Ливенворта и Нью-Іорка.

Я не могу сказать, чтобъ ихъ домашняя жизнь была благородна и весела. Луговой молодецъ, верхомъ на своей сильной, маленькой лошадкѣ, съ винтовкой на сѣдлѣ, съ свернутой попоной за спиною, въ красивой куртке изъ звѣриной кожи, украшенной бусами и шнурками, а рядомъ съ нимъ его жена, едва поспѣвающая за его лошадью, неся на спинѣ своего ребенка и корзинку съ провизіей въ рукахъ,—вотъ первая картина рыцарскихъ нравовъ индѣйской жизни, которая представилась моимъ глазамъ. Безпорядочная толпа Утскихъ воиновъ, сломя голову несущихся по улицамъ Денвера, бросающихся въ лавки и красящихъ свои лица, тогда какъ ихъ жены и дѣти шлепаютъ по грязи, нагруженныя капустой, буйволовыми кожами и различными домашними принадлежностями,—вотъ вторая подобная картина. Лѣнивая, дерзкая толпа Поніевъ, курящихъ табакъ и пьющихъ водку на линіи желѣзной дороги, соединяющей Атлантическій океанъ съ Восточнымъ, тогда какъ ихъ жены работаютъ тутъ же, какъ простые землекопы, нанимаемые храбрыми молодцами за пятьдесятъ центовъ въ день и порцію зерна и мяса въ сыромъ видѣ,—вотъ третья картина. Чѣмъ болѣе встрѣчались подобные примѣры, тѣмъ болѣе я сталъ убѣждаться, что благородный Индѣецъ далеко не такой джентльменъ, какъ могъ предполагать довѣрчивый читатель *Послѣдняго изъ Могиканъ*. «Отчего эти люди сами не работаютъ, вмѣсто того, чтобы напиваться и наѣдаться, пока ихъ жены копаютъ землю и таскаютъ бревна»? спросилъ я у одного изъ моихъ Омахскихъ друзей. Онъ отвѣчалъ съ улыбкой: «Развѣ вы не видите, что они воины и джентльмены,—они не могутъ унизить себя работою».

Жена Сіукса, Понія и Чійенна, несмотря на нѣкоторую ея власть въ домѣ, на нѣкоторую свободу рѣчи на совѣтѣ, если она отличается сильнымъ характеромъ,—во многихъ отношеніяхъ пользуется не лучшимъ положеніемъ, чѣмъ положеніе раба; тѣ права, которыми она можетъ пользоваться, принадлежатъ ей скорѣе какъ члену колѣна, а не какъ матери и женѣ. Мужъ по всей вѣроятности купилъ ее за попону, за старую винтовку,

за боченокъ водки; и отъ характера этого человѣка, отъ его настроенія, отъ его привязанности къ ней зависитъ то, будетъ ли онъ обходиться съ нею какъ съ лэди или какъ съ собакой. Онъ можетъ продать ее, онъ можетъ прогнать ее. Превосходство охотника надъ своей женою подобно его превосходству надъ своей лошадью. Она—одинъ изъ домашнихъ предметовъ, принадлежащихъ ему. Она—одна изъ многихъ подобныхъ ей, ибо индѣецъ полигамистъ и держитъ гаремъ въ степи. Она должна исполнять всю работу, какъ внутри дома, такъ и внѣ; она должна вбивать въ землю столбы шалаша, приносить воду изъ ручья, таскать дрова изъ лѣсу, копать коренья и собирать желуди, сушить кожу содранную съ вражьихъ головъ, чинить вигвамъ, наконецъ носить своихъ дѣтей во время похода. И хотя она должна исполнять тысячу различныхъ обязанностей, она едвали имѣетъ какія-нибудь права, какъ женщина и жена. Мужъ можетъ прогнать ее за самый пустой проступокъ. Ребенокъ можетъ быть вырванъ изъ ея объятій. Не всегда даже уважается ея женская стыдливость. Въ то время какъ ея грѣхи, въ которые ее могутъ вовлечь страсти, наказываются самымъ отвратительнымъ образомъ,—мужъ можетъ принудить ее на такія безнравственныя дѣла, которыя унижаютъ ее нетолько въ ея собственныхъ глазахъ, но и въ глазахъ тѣхъ, которые раздѣляютъ съ нею ея позоръ. Если она окажется невѣрной, безъ согласія мужа, обычай дозволяетъ ему отрубить ей носъ; если же ему вздумается,—онъ можетъ продать всѣ ея прелести любому гостю. При свободной жизни въ лѣсахъ, Шошоны и Команчи очень часто предлагаютъ свою жену всякому страннику, посѣщающему ихъ шалашъ. По принятой теоріи, жена и вообще всякая женщина есть вещь, принадлежащая дому, и слѣдовательно ея красота, ея стыдливость, ея работа, все принадлежитъ ея господину и онъ можетъ отдавать то, или другое, или третье кому онъ захочетъ. Ей предстоитъ только одно—выслушивать и повиноваться.

Зато индѣйская скво и представляетъ именно то, чѣмъ должны были ее сдѣлать подобныя обычаи жизни. Если ея мужъ жестокъ, то она дикая; если онъ не опрятенъ, то она грязна до невозможности; если онъ легкомысленнаго поведенія, то она развратна до безстыдства. Когда предстоитъ какое-нибудь низкое, чудовищное

дѣло, то оно предоставляется женамъ. Если врага надо подвергнуть пыткѣ, — на него спускаютъ женщинъ. Индѣецъ въ состояніи убить своего плѣнника однимъ ударомъ палицы, но подвергать его медленнымъ страданіямъ, сдирать съ него кожу, вырывать ногти, ломать суставы, жечь пятки, вывертывать глаза— это дѣло демоновъ, принимающихъ образъ женщинъ.

Волонтеры, сражавшіеся съ индѣйцами въ дѣлѣ при Песчаномъ Ручьѣ, разсказывали мнѣ, что женщины дерутся гораздо ожесточеннѣе чѣмъ мужчины; а всѣ бѣлыя женщины, которыя имѣли двоякое несчастье—попасть въ руки индѣйцевъ и пережить свой позоръ, свидѣтельствуютъ (насколько я слышалъ), что скво гораздо жестокосерднѣе своего господина. Исторія плѣна бѣлой женщины у Сіуксовъ или Араппагесовъ не должна быть никогда разсказана. Въ Колорадо находятся пятьдесятъ, быть можетъ сто женщинъ, перенесшихъ такой позоръ; и страшно смотрѣть на сверкающіе глаза, страшно слушать проклятія отцовъ, женіховъ или сыновей этихъ несчастныхъ созданій, когда при нихъ говорятъ о Чѣенахъ не какъ о собакахъ, убивать которыхъ долгъ всякаго честнаго человѣка.

Рискованное, опасное дѣло было бы для янки сказать одно слово въ пользу индѣйцевъ на улицахъ Денвера и Центральнаго Города или вдоль дороги, пересѣкающей Скалистыя Горы.

Однако, со всѣми ихъ недостатками, индѣйцы отличаются нѣкоторыми добродѣтелями и многими хорошими способностями. Они храбры и, говоря вообще, нравы у нихъ замѣчательно чисты. Въ терпѣньи у нихъ мало соперниковъ, а въ мужественной стойкости—вовсе нѣтъ. Они любятъ своихъ дѣтей и довольно вѣрны своимъ женамъ. Ихъ уваженіе къ лѣтамъ, къ уму и къ храбрости принимаетъ видъ религіознаго чувства и составляетъ только низшую степень того поклоненія, которымъ они окружаютъ своего Великаго Духа. Во время войны и противъ врага они считаютъ всѣ средства честными; но главный и худшій недостатокъ дикаря, привычка лгать, встрѣчается, говоря относительно, очень рѣдко у краснокожихъ.

ГЛАВА VIII.

Провожая почту.

Шайками отъ пятнадцати до сорока человѣкъ, хорошо вооруженные и на хорошихъ лошадяхъ, Чійенны и ихъ союзники двигаются вдоль нашего пути, грабя станціи и угрожая возчикамъ и возницамъ огнемъ и свинцомъ. Война краснокожихъ никогда не бываетъ неожиданна; такъ какъ много колѣнъ и племенъ надо вовлечь въ нее, то много бываетъ передъ тѣмъ бѣготни, куренія табаку и нескончаемыхъ переговоровъ. Когда человѣкъ пожелаетъ начать войну, онъ долженъ сначала склонить на это свое колѣно и его главу, потомъ онъ долженъ объѣхать всю страну, всѣ другія колѣна и племена, нашептывая, проповѣдуя, возбуждая къ дѣятельности до тѣхъ поръ, пока не закипитъ кровь храбрыхъ воиновъ. Надо созывать собранія, взвѣшивать различные совѣты и постановлять общія рѣшенія. Если переговоры, въ которыхъ главнымъ образомъ участвуютъ старые, осторожные воины, идутъ тихо, то нѣкоторые изъ юныхъ храбрецовъ украдкой бросаются на непріятельскую землю и навлекаютъ на себя гнѣвъ враговъ ограбивъ ранчу, угнавъ воловъ или похитивъ женщинъ. Они знаютъ, что бѣлые непремѣнно пойдутъ въ драку и что двое или трое изъ краснокожихъ непремѣнно будутъ убиты, что безъ всякаго сомнѣнія побудитъ тѣ племена, къ которымъ они принадлежали, поднять громкій крикъ о мести.

Вообще бѣлые, малочисленные и не поддерживаемые правительствомъ, никогда не сопротивляются этимъ нападеніямъ индѣйцевъ, если только при этомъ не пролита кровь или не похищена женщина; ибо, говоритъ блѣднолицый, гораздо дешевле кормить краснокожихъ, чѣмъ драться съ ними, такъ какъ идти въ драку съ краснокожимъ надо всегда съ веревкою на шеѣ. Бѣлый не можетъ стрѣлять въ шайку Команчевъ, хотя вполнѣ убѣжденъ, что они его враги и хотятъ посягнуть на его жизнь.

Еслибъ онъ убилъ индѣйца, онъ подвергся бы суду, какъ убійца. Краснокожій поэтому имѣетъ полную возможность выбирать и время и мѣсто своего нападенія,—имѣетъ великое преимущество стрѣлять, когда захочетъ. Только послѣ убійства кого-нибудь, бѣлый имѣетъ право отвѣчать на выстрѣлъ выстрѣломъ. Такимъ образомъ, когда индѣйцы нападаютъ на уединенныя ранчи и станціи въ степяхъ, бѣлые должны, если можно такъ выразиться, заклать тельца упитаннаго, т. е. выставить на столъ всѣ свои припасы: ветчину, сущеные буйволовые языки, соленые фрукты, варить и жарить все, что только у него есть подъ рукою, и накормить тѣхъ, которые собираются его убить. Онъ долженъ считать себя счастливымъ, если, съѣвъ все, до послѣдняго куска говядины и послѣдней корки хлѣба, они уйдутъ въ лѣса, не утащивъ съ собою женщинъ и череповъ своихъ гостепріимныхъ хозяевъ. Конечно мало женщинъ живетъ на этихъ опасныхъ равнинахъ,—кажется не болѣе двѣнадцати между Вамего и Денвером.

Мелкія шайки Чійенновъ и Араппагесовъ, идущія впереди насъ, вышли изъ громаднаго лагеря Шести Племенъ, расположеннаго близь форта Эльсворта подъ предводительствомъ Римскаго Носа. Они идутъ немного впереди насъ въ качествѣ лазутчиковъ и подстрекателей; они оскорбляютъ по дорогѣ бѣлыхъ и съѣдаютъ всю провизію. На всякой станціи, послѣ форта Риле, мы слышали объ ихъ недавнихъ посѣщеніяхъ и грабительствахъ.

Краснокожіе однако не показываются бѣлымъ иначе, какъ если они дружелюбны и хотятъ просить милостыни. Перебираясь черезъ одинъ изъ длинныхъ, но невысокихъ гребней Дымныхъ Горъ, мы замѣчаемъ небольшую шайку Чійенновъ, двигающуюся вдоль противоположнаго гребня; они верхомъ и ведутъ въ поводу лишнихъ лошадей; по блеску ихъ винтовокъ мы можемъ заключить, что они хорошо вооружены. Не такъ какъ Бедуинъ, —каждый краснокожій имѣетъ свой собственный револьверъ, даже у нѣкоторыхъ за поясомъ виднѣется два или три револьвера, а на сѣдлѣ почти у каждаго прикрѣплена винтовка. Они кажется перерѣзываютъ намъ дорогу. «Что это за индѣйцы?» спрашиваю я возницу, подлѣ котораго сижу на козлахъ.—«Да, полагаю, какія-нибудь собаки,» отвѣчалъ онъ съ рѣзкостью западныхъ обитателей.—«Они кажется остановились и повидимому стараются

скрыть отъ насъ бѣлую лошадь, которую ведетъ одинъ изъ нихъ.» — «Ничего не понимаю, прибавляетъ возница послѣ нѣкотораго колебанія: — еслибъ они были дружелюбны, то подошли бы къ намъ и стали бы просить милостыню; еслибъ они были разбойники, то спрятались бы за камни; полагаю, что они вышли на боевую тропу». Немного далѣе мы могли ихъ разсмотрѣть лучше и сосчитать: ихъ всего пять человѣкъ съ четырьмя лошадьми, кромѣ тѣхъ, на которыхъ они сидятъ. Пять человѣкъ не могли и помыслить напасть на фургонъ, въ которомъ могло находиться съ дюжину вооруженныхъ людей, особливо когда занавѣски спущены и они не могутъ сосчитать издали дѣйствительное число своихъ враговъ. Знать, съ какимъ количествомъ враговъ имѣешь дѣло, составляетъ главное основаніе военной системы индѣйцевъ, которые болѣе гордятся своимъ успѣхомъ, чѣмъ своей храбростью. Искусные на всякаго рода хитрости, они всегда боятся засады и рѣдко рѣшаются напасть на врага, когда, по недостатку свѣта или какой другой причинѣ, они не видятъ ясно, съ кѣмъ именно имѣютъ дѣло.

Это правило индѣйцевъ теперь для насъ чрезвычайно полезно. Въ присутствіи нашихъ Чійеннскихъ сосѣдей, мы спускаемъ занавѣски нашего фургона, такъ что Краснокожіе, видя, что двое на козлахъ — я и возница, не могутъ отгадать сколько еще находится людей внутри съ револьверами и ружьями. Они знаютъ, что вообще никто не сидитъ на козлахъ въ палящій зной, если внутри всѣ мѣста не заняты. Это правило для насъ не дѣйствительно, такъ какъ всѣ мѣста внутри заняты мѣшками съ письмами, но Чійенны и Команчи не вѣдаютъ нашихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Поэтому, зная ихъ обычай, мы безъ удивленія, но съ большимъ удовольствіемъ увидѣли, что они вскорѣ послѣ непродолжительнаго совѣта вытянулись въ длинную линію вдоль ручья и быстро стали удаляться.

На слѣдующей станціи мы узнаемъ, что тутъ была эта шайка Чійенновъ съ лошадьми въ поводу, которыхъ они вѣроятно украли изъ какого-нибудь обоза; они были очень дерзки и повелительны, не жалѣли грубыхъ словъ и угрозъ. Они съѣли все, что только было на станціи, заставили бывшихъ тамъ людей варить имъ кофе, приносить чистую воду и подковывать лошадей; удаляясь, они

рѣшительно объявили, что правительство должно прекратить почтовое сообщеніе по этой дорогѣ, увести муловъ и сжечь строенія.

Выпивъ немного вонючей воды, подправленной нѣсколькими каплями коньяку, къ счастью взятаго нами изъ Нью-Іорка, мы оставляемъ эту станцію и отправляемся по слѣдамъ грозныхъ молодцевъ. Мы минуемъ овраги, въ которыхъ, по словамъ нашего возницы, они непремѣнно насъ подстерегаютъ; мы минуемъ зеленые холмики, подъ которыми едва успѣли охладѣть черепа бѣлыхъ людей, съ которыхъ содрана кожа. Длинная зеленая линія Дымныхъ Горъ тянется влѣво въ полумилѣ отъ нашей дороги, которая въ продолженіе двухъ или трехъ сутокъ будетъ идти вдоль берега Дымной Рѣки. Спустившись къ Нижнему Ручью, мы находимъ тамъ всѣхъ обитателей въ ужасномъ страхѣ, несмотря на то, что только нѣсколько миль отдѣляетъ ихъ отъ форта Эльсворта. Только-что посѣтила станцію шайка Чійенновъ, которые, съѣвъ все, что могли, и унеся остальное, обѣщали возвратиться черезъ пятнадцать дней, сжечь всѣ строенія и умертвить всѣхъ людей. Всѣ увѣрены, что индѣйцы воротятся прежде истеченія пятнадцати дней, ибо они видѣли много признаковъ гнѣвнаго настроенія краснокожихъ, признаковъ, которые для насъ были непонятны. Кузнецъ выходилъ въ поле утромъ, и въ одинъ часъ навидѣлся столько страстей, что быстро возвратился назадъ. Фермеръ, живущій въ сосѣдней ранчѣ собралъ домой всѣхъ своихъ людей и лошадей, бывшихъ въ степи. Каждый изъ живущихъ здѣсь вооруженъ и наготовѣ; всего же здѣсь пять человѣкъ противъ стольких же тысячъ Краснокожихъ. Съ нѣкоторымъ удовольствіемъ узнаемъ мы, что семь солдатъ отправились изъ форта для наблюденія за индѣйцами. Когда мулы были запряжены, мы выстрѣлили изъ револьверовъ и снова ихъ зарядили, выпили кружку плохой воды, закурили сигары и снова сѣли въ фургонъ.

При самомъ выѣздѣ нашемъ изъ станціи вбѣгаетъ на дворъ лошадь безъ всадника, вся въ мылѣ; ее тотчасъ признаютъ за лошадь одного изъ солдатъ, проѣхавшихъ мимо станціи рано утромъ въ тотъ день, отыскивая буйволовъ и краснокожихъ. Очевидно этотъ всадникъ нашелъ того или другаго. Нашъ возница Биль останавливаетъ муловъ, колеблясь, ѣхать ли ему или нѣтъ; но черезъ минуту, съ рѣшимостью, нахмуривъ брови и съ отвратитель-

ной улыбкой, онъ немилосердо хлещетъ муловъ и мы быстро несемся по пустыннымъ, знойнымъ равнинамъ.

Въ полумилѣ отъ станціи мы натыкаемся на издыхающую лошадь, которая, по словамъ возницы, также принадлежала другому изъ проѣхавшихъ мимо станціи солдатъ. У несчастнаго животнаго распоротъ животъ; но чье это дѣло? рога ли буйвола или ножа краснокожаго,—нельзя рѣшить. Сѣдло и узда сняты, но ничто не говоритъ, кѣмъ и для чего.

Крѣпко сжавъ въ рукѣ револьверъ, мы пристально смотримъ на всѣ предметы, окружающіе насъ, какъ вблизи, такъ и вдали. На Мѣловой Крутизнѣ мы находимъ живущихъ тамъ сторожей, Келли и Вольдена, въ ужасномъ страхѣ. Келли, родомъ Ирландецъ, съ гримасой на лицѣ отпускаетъ шутку о грязныхъ скотахъ, только-что бывшихъ на станціи; но Вольденъ, родомъ янки и бывшій на войнѣ, очень блѣденъ и все молчитъ. Они оба увѣрены, что Чійенны затѣеваютъ что-то недоброе. Мы подчуемъ добрыхъ молодцевъ коньякомъ, пожимаемъ имъ руки и, пожелавъ имъ не унывать, продолжаемъ свой путь.

(Я долженъ съ горестью прибавить, что три недѣли спустя оба эти человѣка были убиты Чійеннами. Индѣйцы явились въ шалашъ и, какъ всегда, спросили пищи и табаку. Келли подалъ имъ обѣдъ, который они съѣли второпяхъ. Я не знаю, какимъ образомъ случилось, что эти бѣдные люди неосторожно отвернулись, но въ ту же минуту Чійенны, воспользовавшись случаемъ, пронзили копьемъ Келли и выстрѣлили въ упоръ въ Вольдена. Первый умеръ на мѣстѣ, второй еще прожилъ нѣсколько часовъ и самъ разсказалъ всю печальную исторію одному бѣлому, проѣзжавшему мимо.)

Вся дорога совершенно открыта и ничѣмъ не защищена, ибо два форта Эльсвортъ и Волласъ съ слабымъ гарнизономъ отстоятъ другъ отъ друга на сто двадцать миль. Если они въ состояніи защищать другъ друга, то и этого довольно. Въ одной милѣ разстоянія отъ форта Волласа находится станція, въ которой живетъ мистрисъ Бартоломью съ дочерьми; когда наканунѣ туда явилась шайка Чійенновъ и, съѣвъ всѣ ихъ припасы, грозила сжечь ихъ жилище, женщина эта послала за помощью въ фортъ, въ которомъ находится гарнизонъ въ сто пятьдесятъ человѣкъ и два

полевыя орудія; но лейтенантъ Бэтсъ, офицеръ, начальствующій въ фортѣ, отвѣчалъ, что если м-съ Бартоломью и ея дочери нуждаются въ покровительствѣ, то онѣ должны сами пріѣхать въ фортъ, такъ какъ онъ не можетъ послать ни одного человѣка для защиты той дороги, по которой мы веземъ почту Соединенныхъ Штатовъ.

При насъ онѣ уложили въ узелъ всѣ свои вещи и отправились искать спасенія на военномъ постѣ.

Изъ Большой Лѣсной станціи Краснокожіе только что ушли, когда мы туда въѣхали; тутъ провела три дня шайка въ двадцать весемь человѣкъ подъ начальствомъ Малой Пононы. Индѣйцы во все это время ѣли жирную ветчину, пили горячій кофе и командовали сторожами, словно цари побѣжденными рабами. Страна, говорятъ они, составляетъ ихъ собственность и все что произрастаетъ на ней, также принадлежитъ имъ. Уходя, они сосчитали деревья, придающія необыкновенную прелесть этому мѣсту, ихъ было всего пятьдесятъ одно. «Не смѣть рубить ни одного дерева, сказали они:—намъ онѣ нравятся.» Указывая на стогъ сѣна, они прибавили съ улыбкой: «Косите траву, много косите, — дѣлайте большой огонь.» Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ отъ двора, предводитель ихъ обернулся и воскликнулъ: «Черезъ пятнадцать дней мы будемъ здѣсь; если васъ не застанемъ, хорошо, если же застанемъ, то.....»,—и онъ сдѣлалъ рукою знакъ, изображавшій огненные языки пламени.

Въ Чейеннскихъ Источникахъ мы видѣли другую семейную сцену. Задолго до того, какъ мы достигли этой станціи, мы слышали отъ возчиковъ объ ея содержателѣ Джакѣ Дунбарѣ, какъ о безпокойномъ колорадскомъ дьяволѣ, одномъ изъ героевъ дѣла при Песчаномъ Ручьѣ, участвовавшемъ въ смертельномъ залпѣ по Бѣлой Антилопѣ. Мы надѣялись встрѣтить хоть одного человѣка, не испуганнаго набѣгомъ индѣйцевъ на нашу дорогу; но, въѣхавъ къ нему во дворъ, мы тотчасъ замѣтили, что дѣло не ладно; жена Дунбара живетъ съ нимъ и онъ, естественно, страшится, чтобы индѣйцы, очень хорошо зная объ его подвигахъ на Песчаномъ Ручьѣ, не начали свою месть съ дорогой для него головы. Взглянувъ на накладную фургона, онъ тотчасъ увидѣлъ, что нѣтъ въ немъ ни мѣстечка пустаго и что даже пассажиры, заплатившіе свои сотни долларовъ

должны были остаться по недостатку мѣстъ; но, какъ говоритъ онъ, это вопросъ о жизни и смерти женщины. Онъ подходитъ къ намъ съ обнаженной головой и умоляетъ отвезти жену въ безопасное мѣсто. Что касается до него самого, то онъ охотно останется тамъ, гдѣ велитъ ему долгъ, и будетъ защищать до послѣдней возможности какъ себя, такъ и свою конюшню. Но бѣдная женщина не можетъ сражаться, и въ случаѣ его неожиданной смерти, прежде, чѣмъ онъ успѣетъ убить ее, судьба ея была бы страшнѣе всего, что только можетъ представить себѣ воображеніе Англичанина.

Что же намъ было дѣлать, какъ не согласиться; мы перекладываемъ заново мѣшки съ письмами, съеживаемся еще болѣе и такимъ образомъ въ фургонѣ является свободное мѣстечко, въ которомъ и помѣщается худенькая жена героя. Подушка, затянутая за головку, предохраняетъ ее отъ толчковъ; но когда тридцать часовъ спустя мы вытаскиваемъ бѣдную женщину изъ фургона, право трудно сказать будетъ ли она жить или умретъ.

Ночью, мы мужчины, немножко отдыхаемъ, сидя на козлахъ и вдыхая въ себя свѣжій, холодный воздухъ. Только убійственная жара дня невыносима.

По мѣрѣ того, какъ солнце опускается къ западу, воздухъ становится холоднѣе и мягче, пріятнѣе для тѣла и пріятнѣе для легкихъ; словно новая жизнь пробѣгаетъ по жиламъ. Нашъ пульсъ бьется сильнѣе, грудь свободно подымается и мы чувствуемъ въ себѣ какую-то новую силу. Таинственное, задумчивое уединеніе луговыхъ степей проникаетъ въ нашу душу съ наступленіемъ ночи; и когда на горизонтѣ появляется луна, освѣщая своими нѣжными серебристыми лучами волнующееся море травы, — красота и величіе природы такъ благодѣтельно дѣйствуютъ на насъ, что мы могли бы привѣтствовать Чіенна или Сіукса какъ человѣка и брата, еслибы только у него въ рукахъ не было ножа, для скальпированія нашихъ головъ.

ГЛАВА IX.

Общины Краснокожихъ.

Между Большими Озерами и Мексиканскимъ заливомъ живетъ около двухсотъ племенъ и колѣнъ краснокожихъ: Крики, Дакоты, Могиканы, Чійенны, Понія, Шошоны, Черокезы, Сіуксы, Команчи и другія,—всѣ болѣе или менѣе отличающіяся друга отъ друга своей наружностью и нравами. Представители всѣхъ этихъ племенъ однажды странствовали по горамъ и долинамъ, плясали свою воинственную пляску, охотились за бизономъ и передавали свои многосложныя имена американскимъ рѣкамъ и штатамъ.

Что дѣлать съ этимъ народонаселеніемъ лѣсовъ?—было заботою поселенца съ самыхъ первыхъ дней, когда Саксонцы явились въ эту землю. По временамъ, быть можетъ, искатель приключеній слишкомъ щедрою рукою употреблялъ противъ нихъ порохъ и воду, но его хорошая натура вскорѣ заставляла его сожалѣть, что онъ прибѣгалъ къ такимъ средствамъ, къ этимъ ангеламъ-истребителямъ цивилизаціи. Такимъ образомъ со временъ Пенна, по крайней мѣрѣ права краснокожаго на землю признавались всѣми писателями и законъ предписывалъ вознаграждать его за потерянное имъ поле охоты.

Эта политика уплаты деньгами за земли, отнятыя бѣлыми у краснокожихъ, была тѣмъ болѣе справедлива и благородна, что индѣйцы, какъ напримѣръ Сенеки и Валла-Валлахи, не имѣютъ яснаго сознанія, что подразумѣвается подъ правомъ на землю. На землю?—они не знаютъ, что такое земля. Сенекъ понимаетъ, что онъ имѣетъ право ловить рыбу въ Гудзоновой рѣкѣ; Валла-Валлахъ понимаетъ, что онъ имѣетъ право охотиться за бизономъ на равнинахъ у подножія Голубыхъ Горъ; но какъ нѣчто, что можно пахать и засѣвать, на чемъ можно строить дома и рыть колодцы, — земля была для нихъ тоже, что для насъ море и небо. Они стояли за свое право проходить по этой землѣ, но чтобы требовать ее себѣ въ собственность и охранять

отъ вторженія другихъ людей,—ничего подобнаго никогда не приходило въ голову краснокожимъ; впрочемъ, еслибъ они и научились выразить притязаніе на такое право, то образованные люди никогда бы его не признали. Никакое охотничье племя не имѣетъ такого рода права; быть можетъ никакое охотничье племя и не можетъ имѣть такого права, ибо въ строгомъ политико-философскомъ смыслѣ единственное, исключительное право собственности, которое человѣкъ можетъ пріобрѣсть надъ землею, даромъ природы, создается имъ самимъ силою того труда и капитала, которые онъ вкладываетъ въ землю, какъ для своей, такъ и для общей пользы. Дѣло въ томъ, что охотникъ за звѣремъ ничего не производитъ для земли, по которой онъ странствуетъ; онъ не очищаетъ лѣса, не осушаетъ болота, не окаймляетъ берега рѣки набережными или плотинами, не сажаетъ деревьевъ, не обработываетъ садовъ, не строитъ городовъ; то, что онъ находитъ при своемъ рожденіи, тоже оставляетъ онъ по своей смерти; при такихъ условіяхъ онъ точно такъ же не можетъ пріобрѣсть собственности на землю, какъ и на воздухъ. Но, имѣя дѣло съ такими племенами, какъ Сіуксы и Делаварцы, благоразумно ли выдвигать на первый планъ нашу политическую логику?—Законъ, уважать который сильный долженъ заставить слабаго,—можетъ быть смягчаемъ милостью, даже когда его нельзя совершенно отстранить. Любовью можно сдѣлать многое, говорятъ филантропы. Вотъ передъ нами земля, мы приходимъ и завладѣваемъ ею, получаемъ такимъ образомъ въ собственность громадное богатство и изгоняемъ охотниковъ изъ тѣхъ лѣсовъ, съ тѣхъ рѣкъ, гдѣ они до нашего прихода находили себѣ пищу. Въ этомъ дѣлѣ все—наша выгода, все—ихъ потеря. Наши нужды едвали могутъ быть мѣриломъ нашихъ правъ; и если Валла-Валлахъ имѣетъ мало правъ на землю, то чужестранецъ, изгоняющій его, вовсе не имѣетъ никакихъ, кромѣ того общаго права, которое повидимому присуще каждому человѣку, права на землю, на которой онъ родился. Сдѣлка, поэтому, казалась бы единственнымъ разумнымъ примиреніемъ столь противоположныхъ требованій и Англичанинъ, ревностно слѣдящій за всѣмъ, что дѣлаютъ его братья въ Соединенныхъ Штатахъ, можетъ съ гордостью утѣшать себя, что во всѣхъ столкновеніяхъ янки съ индѣйцами, сильные всегда милостиво и благородно обходились со слабыми.

Вашингтонъ постановилъ, чтобы тѣмъ племенамъ, которыхъ поселенцы оттѣснили отъ берега, платили постоянную ренту за отнятыя у нихъ земли; для исполненія этого заключались условія между правительственнымъ чиновникомъ и предводителемъ племени; и эти платежи Апалачамъ и Алгонкинамъ, съ самаго того времени и до сихъ поръ, производятся съ необыкновенною акуратностью и добросовѣстностью.

Но законное исполненіе этого торговаго обязательства далеко не удовлетворяло совѣстливыхъ людей, которые чувствовали, что, явившись на индѣйскія равнины и въ непроходимые ихъ лѣса, они изгоняли расу охотниковъ съ ихъ поля охоты и лишали ихъ всякихъ средствъ къ существованію. Развѣ нельзя ничего болѣе сдѣлать для краснокожихъ? Бѣлые видѣли, что прошлаго не воротишь. И племя охотниковъ, питающееся мясомъ антилопъ и буйволовъ, не могло оставаться въ странѣ, гдѣ возникли фермы и искусственные луга. Послѣдняя стрѣла прорѣзала воздухъ въ ту минуту, когда положено было основаніе перваго дома европейскаго переселенца; тогда судьба лука и охотника была рѣшена, лукъ сломанъ, охотникъ оттѣсненъ въ далекія страны; ихъ исчезновеніе сдѣлалось только вопросомъ времени. Охотникъ нуждается для своего пропитанія въ такомъ пространствѣ земли, которое достаточно для прокормленія тысячи человѣкъ, умѣющихъ добыть себѣ кусокъ хлѣба сохой и лопатой. Въ планетѣ столь заселенной, какъ наша, не можетъ быть достаточно свободнаго мѣста для прокормленія охотниковъ, ибо боберъ, котораго они ловятъ въ силки, лось, за которымъ они гоняются по степямъ, бизонъ, котораго они убиваютъ, водятся только въ странѣ, рѣдко безпокоимой присутствіемъ человѣка. Дымъ хижины отпугиваетъ буйволовъ и оленей. Даже пастушеское племя находитъ себѣ достаточно мѣста только въ дикихъ равнинахъ Азіи и Африки, гдѣ свирѣпствуетъ съ страшною силою борьба между палаткою и городомъ. Однако народъ, живущій скотоводствомъ, гоняющій предъ собою свои стада въ поискахъ лучшаго пастбища, требуетъ очень мало земли для своего прокормленія, въ сравненіи съ народомъ, живущимъ охотою. Такъ что жъ? Развѣ краснокожіе должны исчезнуть съ земли? Развѣ они должны вымереть, для того, чтобы бѣлые жили на ихъ землѣ? Тысячи голосовъ протестовали противъ

такой системы дѣйствій, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока бѣлый человѣкъ могъ бы сказать, что всѣ средства для спасенія индѣйцевъ были имъ приняты и всѣ усилія не имѣли успѣха.

Тогда возникъ вопросъ (оставленный только послѣ многихъ опытовъ), нельзя ли Сенековъ, Делаварцевъ, Онеидовъ и Чиппевейсовъ перевоспитать, убѣдить ихъ жить въ деревянныхъ домахъ, сдѣлаться осѣдлыми, сѣять рожь и садить фруктовыя деревья, носить панталоны и башмаки, посылать дѣтей въ школу? Многіе набожные люди, горя желаніемъ сдѣлать добро краснокожимъ, хотя не понимая истиннаго пути, котораго держится природа въ дѣлѣ развитія всего живущаго на землѣ,—много перенесли трудовъ и много потратили денегъ на эти опыты. Эти реформаторы вполнѣ вѣрили въ свою силу, въ возможность сдѣлать все, такъ сказать паромъ, воспроизвесть новую жизнь, новые обычаи подъ стекломъ теплицы и привить цивилизацію, какъ прививаютъ растеніе. Они принялись за свое дѣло съ упорною энергіею. Земля была дана краснокожимъ, учителя посланы къ нимъ, выстроены школы, часовни, мельницы, дома, все необходимое для земледѣлія: сохи, бороны, сѣмена, фруктовыя деревья, лошади, волы, куры, свиньи, все было припасено въ изобиліи съ фермъ бѣлыхъ. Вѣрная исторія всѣхъ этихъ опытовъ была бы исторіей громадныхъ усилій и почти столь же громаднаго всеобщаго неуспѣха. Это—еще новое доказательство, что природа не терпитъ, чтобъ нарушали ея законы, измѣняли ея порядокъ и произвольно шагали по ея ступенямъ.

Племя Сенековъ помѣстили въ отличномъ, плодородномъ мѣстѣ на рѣкѣ Аллеганѣ; племени Онеидовъ отвели отличный уголокъ земли въ центрѣ Нью-Іоркскаго штата, называемый Онеидскимъ Ручьемъ. Въ пользу этихъ остатковъ краснокожихъ племенъ, не жалѣли ни заботъ, ни денегъ; фермы были для нихъ устроены, дома выстроены; но они не хотѣли работать своими руками, они выказали полное отсутствіе постоянства и осторожности, необходимыхъ для успѣха въ земледѣліи и скотоводствѣ. Хорошій урожай заставлялъ ихъ лѣниться и не думать о завтрашнемъ днѣ; при дурномъ же урожаѣ они худѣли отъ голода и болѣзни. Одно или два семейства, въ которыхъ текла капля бѣлой крови, оказались довольно порядочными поселенцами; остальныя же жи-

ли на отведенной имъ землѣ до тѣхъ поръ, пока не продали всѣ деревья и весь скотъ. Когда лѣса порѣдѣли и скотъ исчезъ, они начали продавать свою землю, сначала опредѣленнымъ отъ правительства агентамъ, и мало по малу удалялись въ дикую страну Зеленаго Залива. Большая часть племени уже оставила Онеиду и конечно современемъ, за исключеніемъ можетъ быть однихъ Волверовъ, всѣ обитатели покинутъ свой старый Ручей. Билль Бичтри, одинъ изъ остающихся еще тамъ въ настоящее время индѣйцевъ, нарѣзалъ мнѣ нѣсколько палокъ, и показалъ луки и стрѣлы, которые онъ выдѣлываетъ на продажу. Хотя онъ никогда въ своей жизни не метялъ стрѣлы во врага и очень пріятнымъ голосомъ поетъ псалмы, но онъ считаетъ всякое другое занятіе, кромѣ приготовленія палокъ и стрѣлъ, недостойнымъ для потомка храбрыхъ воиновъ.

Делаварцы, которыхъ мы видѣли близъ Ливенворта, и Поттавоттаміи, которыхъ мы нашли въ миссіи Св. Маріи, находятся въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Онеиды, ибо они поселены посреди дружелюбныхъ бѣлыхъ, между которыми они живутъ хорошо, хотя число ихъ замѣтно уменьшается. Оба эти племени занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Делаварцы считаются однимъ изъ благороднѣйшихъ племенъ краснокожихъ; у нихъ черты гораздо утонченнѣе, они гораздо умнѣе и опрятнѣе Чійенновъ и Поніевъ. Остатокъ этого народа можетъ быть спасенъ окончательнымъ смѣшеніемъ краснокожихъ съ окружающими ихъ бѣлыми, не питающими къ нимъ такой ненависти, какъ къ Сіуксамъ и Утахамъ. Поттавоттаміи имѣли счастье обратить вниманіе католическаго епископа на ихъ поселеніе въ Канзасѣ. Въ миссіи Св. Маріи съ полдюжины патеровъ основали школу и часовню; они учатъ народъ религіи и болѣе мягкимъ нравамъ образованной жизни. Двѣ тысячи дѣтей воспитываются нынѣ этими патерами. Въ миссіи Св. Маріи крыши домовъ лучше выстланы, скотъ лучше содержится и земля лучше обработана, чѣмъ гдѣ-либо я видѣлъ у индѣйскихъ племенъ, съ однимъ только исключеніемъ.

Въ Віандотте на рѣкѣ Миссури поселено нѣсколько семействъ Шоніевъ, и на этомъ поселеніи,—скорѣй чѣмъ гдѣ-либо въ землѣ Краснокожихъ,—друзья цивилизаціи могутъ остановиться съ удо-

вольствіемъ и надеждой. Армстронгъ, ихъ глава и богатѣйшій человѣкъ, имѣетъ въ своихъ жилахъ англійскую кровь; этимъ правомъ на уваженіе между своимъ племенемъ пользуются многіе изъ Шоніевъ. Они обработываютъ поля, занимаются скотоводствомъ, продаютъ сушеные плоды и овощи; нѣкоторые изъ нихъ женятся на бѣлыхъ дѣвушкахъ, а еще большее количество выдаютъ своихъ дочерей за бѣлыхъ; есть даже такіе, которые постигаютъ тайну банкирскихъ дѣлъ и даютъ деньги подъ залоги. Особымъ законодательнымъ актомъ предоставлено этимъ Шоніямъ званіе гражданъ Канзаса, въ силу чего они засѣдаютъ между присяжными и подаютъ голосъ при избраніи членовъ конгресса.

Однако Віандоттскіе Шоніи народъ смѣшанной крови и потому едвали ихъ примѣръ можно противупоставить десяткамъ примѣровъ совершенной неудачи всѣхъ попытокъ превратить краснокожихъ въ образованныхъ гражданъ Великой Республики.

ГЛАВА X.

Индѣйскій Вопросъ.

Всѣ неудачи основать большую колонію краснокожихъ на старыхъ земляхъ, нѣкогда принадлежавшихъ Ирокезамъ и Алгонкинамъ, постоянно ставились въ вину краснокожимъ. Но справедливо ли это обвиненіе? Вина ли Деловарцевъ, что они не могутъ въ одно поколѣніе перейти изъ охотничьяго состоянія въ земледѣльческое. Если человѣкъ выстроилъ себѣ шалашъ изъ зеленыхъ вѣтокъ, а не изъ твердаго дерева, то чья вина, если буря снесетъ этотъ шалашъ?

Всякій, кто читалъ исторію нашей расы, знаетъ, что, переходя изъ дикаго состоянія въ образованное, человѣкъ долженъ пройти три степени, соотвѣтствующія какъ-бы его младенчеству, юности и возмужалости. На первой ступени своего развитія человѣкъ охотникъ, живетъ исключительно охотой; на второй ступени онъ

пастухъ, живетъ своими стадами козъ, овецъ и верблюдовъ; на третьей ступени онъ земледѣлецъ, живетъ преимущественно производствомъ ржи, маиса, фруктовъ и овощей. Эти три ступени человѣческой жизни имѣютъ своими лучшими представителями три расы: Ирокезовъ, Арабовъ и Германцевъ въ современномъ ихъ положеніи; но каждая изъ этихъ ступеней не есть дѣло расы, а способна къ развитію сама по себѣ и сама въ себѣ. Арабъ, который теперь ведетъ пастушескую жизнь, былъ прежде охотникомъ. Саксонецъ, нынѣ обработывающій землю, былъ нѣкогда охотникомъ, потомъ пастухомъ, прежде чѣмъ сдѣлался земледѣльцемъ. Движеніе человѣка съ одной ступени на другую—постоянно, безостановочно, и повинуется законамъ физическихъ и нравственныхъ перемѣнъ. Движеніе это медленно, однообразно, безмолвно, невидимо. Однимъ словомъ движеніе это—ростъ.

Никто не можетъ произвольно перешагнуть съ первой ступени человѣческаго развитія на вторую, тѣмъ менѣе съ первой ступени на третью. Всякій ростъ дѣло времени, зависящее отъ элементовъ, находящихся внѣ власти человѣка, который можетъ помочь, но не ускорить его. Какъ въ уходѣ за виноградной лозой, такъ и въ воспитаніи дѣтей, разумное служеніе природѣ — единственный способъ помочь развитію.

Три ступени человѣческаго развитія очень рѣзко отдѣляются другъ отъ друга; разстояніе между Ирокезомъ и Арабомъ такъ же широко, какъ между Арабомъ и Саксонцемъ.

Обычаи охотника почти тѣ же, что и обычаи хищныхъ звѣрей. Онъ скалитъ зубы на все, что дышетъ жизнью. Каждый звѣрь на землѣ, каждая птица въ воздухѣ—его врагъ, противъ котораго онъ какъ-то невольно поднимаетъ палицу и натягиваетъ тетиву. Переходя въ положеніе пастуха, онъ привыкаетъ къ обществу лошадей, собакъ и верблюдовъ, животныхъ болѣе нѣжной породы; онъ видитъ себя обязаннымъ, заботиться объ овцахъ и козахъ, о коровахъ и курахъ, слабыхъ существахъ, которыя онъ долженъ сожалѣть и холить, подчиняясь ихъ капризамъ, подъ опасеніемъ лишиться ихъ. Если онъ хочетъ жить на ихъ молокѣ и яйцахъ, если онъ хочетъ одѣваться въ ихъ шерсть и шкуру, онъ долженъ изучать ихъ нужды и заботиться о нихъ съ родительскимъ попеченіемъ. Его обязанностью будетъ—служить

нимъ и охранять ихъ, отыскивать имъ лучшія пастбища и воду, принимать въ соображеніе ихъ нужды въ различныя времена года, приготовлять имъ убѣжище отъ полуденнаго зноя и ночнаго холода. Такимъ образомъ отношенія человѣка къ низшему міру должны подвергнуться громадной перемѣнѣ. Прежде, въ своемъ дикомъ состояніи, онъ точилъ ножъ противъ каждаго живаго существа; теперь же онъ сдѣлался ревностнымъ изслѣдователемъ природы, попечительнымъ отцомъ вѣчно увеличивающагося семейства животныхъ и птицъ.

Заботы, присущія всѣмъ пастушескимъ племенамъ: Арабу, въ его палаткѣ, Кафиру въ его шаланѣ, Киргизу въ его кибиткѣ,— совершенно невѣдомы Сенекамъ, Шошонамъ и Утахамъ, ибо болѣе мягкіе нравы вслѣдствіе отеческихъ отношеній человѣка къ домашнимъ животнымъ не мыслимы въ охотничьихъ племенахъ. Для перехода изъ положенія Сенека въ положеніе Араба требуется много лѣтъ, можетъ быть много поколѣній; и даже достигнувъ степени пастушескаго состоянія, несмотря на всю громадную перемѣну обычаевъ и жизни, охотникъ будетъ еще только на полдорогѣ къ той ступени, на которой находится сѣющій и жнущій Саксонецъ. Послѣ того, какъ краснокожій достигнетъ второй ступени въ своемъ восхожденіи по лѣстницѣ прогресса, тѣ, которые посѣщали Наръ-Дегабъ въ Сиріи и слѣдили за попытками Турокъ сдѣлать осѣдлыми Фердунскихъ Арабовъ, станутъ терпѣливо и спокойно ждать послѣдующихъ результатовъ его усилій и дѣятельности.

Чіенинъ—лѣсной дикарь, котораго ни холодъ, ни голодъ не могутъ заставить работать ни для себя, ни для жены, ни для дѣтей. Это очень естественно. Человѣкъ можетъ умереть отъ мороза и даже отъ недостатка пищи не принося безчестія своему племени; но работать своими руками, по его понятіямъ, составляетъ положительное безчестіе. Воинъ не долженъ марать своихъ рукъ трудомъ; ибо его единственныя обязанности на свѣтѣ сражаться и охотиться. Если надо сѣять маисъ, вырывать корни, разводить огонь, носить воду, то для этого есть скво! Въ Чіенинскомъ жилищѣ вообще немного дѣла, но много ли, мало-ли,—мужчина никогда не принимаетъ участія въ домашнихъ заботахъ. Въ нѣкоторыхъ западныхъ племенахъ, на земляхъ которыхъ охота ста-

ла скудна и бобры избѣгаютъ ловушекъ, жены и дѣти индѣйцевъ сѣютъ кое-какія зерна; но охотники не обращаютъ на это никакого вниманія; и если осенью, по своемъ возвращеніи съ охоты, они находятъ, что жены не посѣяли во время маиса, то они смѣются надъ такимъ нерадѣніемъ, какъ надъ пустяками, ибо имъ чужда даже мысль, чтобъ кто-нибудь былъ обязанъ работать, надѣясь на урожай для своего пропитанія. Если у колѣна не хватитъ пищи, то охотникъ знаетъ только одно средство помочь горю,—пойти войной противъ сосѣда и съ помощью своего самострѣла и сѣкиры возстановить равновѣсіе между ртами, нуждающимися въ пищѣ и количествомъ мяса буйволовъ и лосей, приготовленнымъ для пищи. Этотъ грубый способъ удовлетворенія своихъ нуждъ одинъ только ему и извѣстенъ, и его простому уму никогда не можетъ представиться мысль свести концы съ концами, помощью пчеловодства или скотоводства.

Можемъ ли мы удивляться поэтому, что когда Сенекамъ отвели землю въ Аллеганахъ, плодоносной и роскошной странѣ, богатой соснами и другими полезными деревьями, они мало или вовсе не обработывали землю, не сѣяли, не жали; можемъ ли мы удивляться, что они продавали бѣлымъ дерево, что они отдавали въ аренду бѣлымъ свои мельницы, переправы чрезъ рѣку и пристани, однимъ словомъ, что они почти умирали съ голоду, получая нѣсколько долларовъ ренты, тогда какъ болѣе энергичный и предпріимчивый янки, поставленный въ подобное же положеніе, превратилъ бы естественное богатство страны въ слитки золота? Подобно своему брату Арабу въ Наръ-Дегабѣ, Сенекъ въ Аллеганахъ не могъ осквернить своихъ рукъ работой, составляющей занятіе не воиновъ, а женщинъ.

Поэтому простая справедливость требуетъ признать, что неудача всѣхъ попытокъ превратить разомъ охотника въ земледѣльца произошла отъ общихъ законовъ природы, а не отъ неумѣнья человѣка. Чрезъ бездну нельзя въ одну секунду перебросить мостъ, но энергичные и добронамѣренные друзья краснокожей расы, не вѣдая науки, должны были сами выработать себѣ эту истину изъ смутной идеи въ очевидный фактъ. Въ ихъ невѣдѣніи общихъ законовъ развитія, они видѣли съ грустью, что самое ихъ сочувствіе и щедрость приводили только къ гибельнымъ послѣдствіямъ,

ибо индѣйцы, отдавъ свои земли въ руки бѣлыхъ и получая взамѣнъ ничтожную ренту, отвыкали отъ своихъ прежнихъ занятій и не принимались ни за какія новыя. И къ какому конечному результату привела эта перемѣна въ жизни Краснокожихъ? Гнѣздясь на окраинахъ городовъ, они ѣли и пили, ссорились и курили, преждевременно старѣя и умирая. Изъ 100,000,000 долларовъ заплоченныхъ краснокожимъ, говорятъ, по крайней мѣрѣ 50,000,000 издержано ими въ кабакахъ и другихъ притонахъ разврата. Главное же горе заключается въ томъ, что краснокожіе въ своемъ дикомъ состояніи должны жить подъ лучезарнымъ свѣтомъ высшей цивилизаціи. Мхи, растущіе въ ихъ родныхъ лѣсахъ, точно такъ же погибли бы, еслибъ ихъ неожиданно пересадить на открытую поляну, подъ палящіе лучи солнца.

То же самое торопливое желаніе побудить краснокожихъ вступить въ близкія сношенія съ образованными бѣлыми руководитъ политикой, которой держатся правительственные чиновники на западныхъ равнинахъ. Въ Американской части Краснокожей Индіи отсутствіе всякаго правосудія—фактъ, повсюду встрѣчающійся, а въ Канадской части недостатокъ правосудія—большая рѣдкость; это происходитъ оттого, что охотники и торговцы, живущіе за Канадской границей, поступаютъ съ грабителями и убійцами со скоростью и простотой, неизвѣстными Американскимъ судьямъ. Мой другъ Джемъ Бекеръ, старый охотникъ, живущій со своими женами и дѣтьми на Ясномъ Ручьѣ близъ Денвера, объяснилъ мнѣ все это дѣло въ двухъ словахъ;—вотъ, видите, полковникъ,—сказалъ мнѣ Джемъ, для котораго каждый джентльменъ былъ полковникъ,—различіе заключается въ слѣдующемъ: если Сіуксъ убьетъ бѣлаго близъ форта Эллиса, то вы, Англичане, скажете «приведите его живаго или мертваго, вотъ 200 долларовъ» и когда индѣйцы приведутъ его, вы скажете: «судите его и, если онъ виноватъ, повѣсьте на ближайшемъ деревѣ». Все дѣло кончается въ одинъ день и кровь преступника падаетъ на голову самихъ же индѣйцевъ. Но если Сіуксъ убьетъ бѣлаго близъ форта Ларами, то мы, Американцы, говоримъ: «приведите его осторожно и вмѣстѣ со всѣми свидѣтелями его преступленія; его надо предать суду, присяжныхъ, которые ничего не знаютъ о его преступленіи, и дать ему хорошаго адвоката, который могъ бы его защитить». Такимъ

образомъ по большей части преступникъ освобождается, получаетъ подарокъ отъ какой-нибудь барыни, возвращается въ свое племя и дѣлается знатнымъ предводителемъ.

Я слыхалъ нѣсколько разсказовъ о томъ, какъ индѣйскіе убійцы, захваченные на мѣстѣ преступленія, были отосланы на судъ въ Вашингтонъ, за 3,000 миль отъ сцены и свидѣтелей ихъ преступленій; освобожденные за недостаткомъ уликъ, требуемыхъ сложной судебной теоріей, они возвращались въ свои степи со многими подарками отъ филантропическихъ дамъ и тотчасъ получали званіе предводителей своихъ племенъ. Болѣе простая и быстрая форма суда требуется на этихъ равнинахъ, иначе постоянно будутъ повторяться незаконныя проявленія народной мести, подобныя битвѣ при Песчаномъ Ручьѣ.

Истина заключается въ томъ, что восточные города всегда отворачивались отъ Индѣйскаго вопроса, боялись смѣло взглянуть ему въ лицо и надѣялись, что онъ самъ собою исчезнетъ и перестанетъ безпокоить ихъ умы. «Мы все идемъ впередъ,—сказалъ мнѣ Сьюардъ, когда разговоръ зашелъ объ этомъ предметѣ:—девяносто лѣтъ тому назадъ мой дѣдъ имѣлъ такія же непріятности отъ индѣйцевъ въ 60 миляхъ отъ Нью-Іорка, отъ которыхъ вы страдали въ 600 миляхъ отъ Сентъ-Луи.» Я часто удивляюсь поразительной увѣренности Американцевъ въ томъ, что они поставятъ на своемъ и переживутъ все, что находятъ теперь для себя непріятнымъ; но однако я не убѣжденъ, чтобъ эта политика постепеннаго изгнанія краснокожихъ съ континента была единственно возможной.

Если политика побуждаетъ открыть новую дорогу изъ Сентъ-Луи въ Сан Франциско, то та же политика должна заставить сдѣлать эту дорогу безопасною. Справедливость этого должны признать въ Бостонѣ, точно также, какъ и въ Денверѣ. Но какъ обезопасить дорогу, пересѣкающую буйволовыя тропы? Отправляясь ли каждой весной къ индѣйскимъ племенамъ выманивать мирный трактатъ у Римскаго Носа и Пестрой Собаки, платя за это оружіемъ, порохомъ, попонами и водкой? Вотъ умѣренная метода дѣйствій и никто кромѣ правительственныхъ агентовъ не находитъ, чтобы она увѣнчивалась успѣхомъ. Я же со своей стороны полагаю, что такая метода можетъ имѣть только одинъ результатъ,

именно дать краснокожимъ ложное понятіе о слабости бѣлыхъ. Чійенны дѣйствительно увѣрены, что они сильнѣе, храбрѣе и многочисленнѣе Американцевъ. Если кто-нибудь изъ нихъ, побывавъ въ Сентъ-Луи, станетъ разсказывать своему племени, что бѣлые такъ многочисленны, что ихъ нельзя сосчитать, какъ цвѣтовъ въ луговой степи, то его принимаютъ за лжеца, одержимаго злымъ духомъ. Такимъ образомъ краснокожіе презираютъ бѣлыхъ.

Если новыя дороги должны быть открыты, сообщеніе по нимъ поддерживаемо и если вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣютъ пролитія крови, то необходимо измѣнить относительное положеніе бѣлыхъ и краснокожихъ, необходимо, чтобъ порядокъ вещей въ этой странѣ согласовался съ дѣйствительными фактами. Индѣйцевъ надо заставить просить мирныхъ трактатовъ. Если вы признаете ихъ право на землю, то купите ее у нихъ. Когда они будутъ просить у васъ мира, то дайте имъ его на благородныхъ, выгодныхъ условіяхъ и потомъ заставьте ихъ свято исполнять трактаты. Небольшая строгость необходима сначала, ибо Чійенны никогда еще не чувствовали на себѣ тяжести бѣлой руки; но политика открытая, милосердная и твердая скоро сдѣлалась бы понятною этимъ сынамъ степей. Если же Американцы будутъ придерживаться своей теперешней политики невмѣшательства, предоставляя торговцамъ, эмигрантамъ и путешественникамъ прокладывать дорогу посреди этихъ степей, то безпорядки на Индѣйскихъ границахъ никогда не прекратятся.

ГЛАВА XI.

Городъ Равнинъ.

Во главѣ этихъ волнистыхъ луговыхъ степей стоитъ Денверъ, Городъ Равнинъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ (время быстро идетъ въ этихъ западныхъ городахъ; два года переносятъ васъ въ средніе вѣка, а

поселенецъ, прожившій здѣсь пять лѣтъ, считается патріархомъ) Денверъ былъ холостымъ городомъ, въ немъ не было ни одной женщины.

— Я вамъ скажу, сэръ,—воскликнулъ одинъ изъ моихъ товарищей, обитатель деревяннаго домика, извѣстнаго эмигрантамъ и рудокопамъ подъ названіемъ Плантаторскаго Дома,—пять лѣтъ тому назадъ, когда я впервые пріѣхалъ въ Денверъ, я бы далъ десять долларовъ за то только, чтобъ увидать издали юбку служанки.

Человѣкъ, произносившій эти слова, сидѣлъ у ногъ женщины среднихъ лѣтъ и увядающей красоты. Часъ спустя я спрашивалъ у этой барыни: — Скажите пожалуйста, сударыня, джентльменъ, который съ радостью бы далъ десять долларовъ, чтобъ увидать юбку,—вашъ мужъ?

— Зачѣмъ вы это спрашиваете, сэръ?

Предложивъ свой вопросъ безъ всякой особой причины, я отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ: — Вѣроятно, сударыня, я спросилъ васъ объ этомъ, надѣясь, что такой любитель прекраснаго пола нашелъ себѣ достойную награду за всѣ свои стремленія.

— Нѣтъ,—отвѣчала она съ улыбкой,—я не жена его, хотя могла бы ею сдѣлаться завтра, еслибъ этого захотѣла. Онъ только-что похоронилъ одну жену и хочетъ попытать счастье съ другой.

Подъѣзжая впервые къ Плантаторскому Дому, я увидѣлъ близъ двери маленькую вывѣску, на которой было написано:

«Госпожа Мортимеръ,
Ясновидящій Докторъ».

Въ окнахъ магазиновъ Большой Улицы я впослѣдствіи увидѣлъ афишку, которая, судя по грязному ея виду, казалось уже долго служила; въ ней объявлялось, что знаменитая госпожа Мортимеръ пріѣхала въ Денверъ и принимала ежедневно нуждающихся въ ея совѣтахъ, по болѣзнямъ сердца, если можно такъ выразиться. Ея комната въ гостинницѣ была сосѣдняя съ моею и верхняя часть постоянно запертой двери была стеклянная, такъ что я могъ во всякое время дня и ночи знакомиться съ ясновидящей, подойдя лишь къ двери и вставъ на цыпочки. Но странно сказать, что въ продолженіе всѣхъ четырехъ сутокъ мнѣ ни разу

не пришло въ голову обезопасить себя отъ козней-сосѣдки хотя бы поверхностнымъ изслѣдованіемъ ея лагеря; и когда я теперь бесѣдовалъ съ поблекшей красавицей въ гостинной, я нимало не подозрѣвалъ, что это была знаменитая госпожа Мортимеръ, которая могла предсказать каждому человѣку его судьбу, показать каждому мужчинѣ портретъ его будущей жены, а каждой женщинѣ портретъ ея будущаго мужа — за бездѣльную плату двухъ долларовъ съ человѣка.

Бѣдная чародѣйка! не много въ ней поэтическаго и очаровательнаго; нѣтъ и слѣда того искусства, ума и ловкости, которыми отличалась настоящая древняя чародѣйка. Однако, она все-же составляетъ любопытную черту Города Равнинъ; и я слышалъ, что пока ея пребываніе между рудокопами было новинкой, она возбуждала большое любопытство и доллары такъ и сыпались въ ея карманы. Но чары ея кажется потеряли всю свою силу; хозяинъ, не отличаясь романтическимъ настроеніемъ и предохраняемый какъ слѣдуетъ своей женой, говоритъ, бомбардируетъ ея счетами; и поэтому несчастная судьба принуждаетъ ее пренебрегать своими чувствами. Ея жизнь въ этомъ городѣ мошенниковъ и игроковъ должна быть очень тяжела; ближайшій городъ находится въ шестистахъ миляхъ, а мѣсто въ дилижансѣ стоитъ двѣсти долларовъ. Бѣдная предвѣщательница будущаго! звѣзда ея кажется очень померкла.

(*Прим.* По моемъ возвращеніи изъ Города Солёнаго Озера въ Денверъ я не нашелъ болѣе на двери трактира маленькой вывѣски и началъ уже бояться, что несчастная судьба увлекла артистку или въ Ливенвортъ или въ Омаху; но, взбираясь по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату, я встрѣтилъ бѣдную женщину на площадкѣ и очень вѣжливо ей поклонился. Я узналъ впослѣдствіи отъ одного знакомаго, что она покинула свое ремесло ради семейной жизни, хотя, увы, безъ титула лэди и жены.

Мужчины въ Денверѣ, даже въ высшихъ классахъ, хотя они и отличаются многими добродѣтелями—храбростью, постоянствомъ, щедростью, предпріимчивостью, терпѣніемъ, героическими добродѣтелями древнихъ Скандинавскихъ боговъ,—также подобно древнимъ Скандинавскимъ богамъ, чрезвычайно шатки въ нравствен-

номъ отношеніи; а въ обществѣ, гдѣ нравственность слаба, всегда можно ждать сильнаго отвращенія къ браку,—какъ къ самому принципу лежащему въ его основѣ, такъ и къ гражданской его оболочкѣ. Люди, живущіе одиноко, далеко отъ всякаго вліянія матерей и сестеръ, всегда питаютъ мало довѣрія къ добродѣтели и вѣрности женщинъ; а безъ этого довѣрія къ женщинѣ, которое должно быть свято запечатлѣно въ сердцѣ каждаго человѣка, не можетъ явиться въ мужчинѣ желаніе заключить постоянную связь и обзавестись домомъ. Мужчина можетъ любить общество женщинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не желать связать себя на всю жизнь. Худшіе изъ мужчинъ ожидаютъ всегда, женясь, найти лучшихъ изъ женъ, а лучшія жены не уѣзжаютъ изъ Новой Англіи и Пенсильваніи въ Колорадо. Поэтому въ Денверѣ говорятъ и подтверждаютъ фактами, что въ западныхъ городахъ, хотя и очень мало женатыхъ рудокоповъ, но вы все-таки найдете немногихъ, которые желали бы жениться.

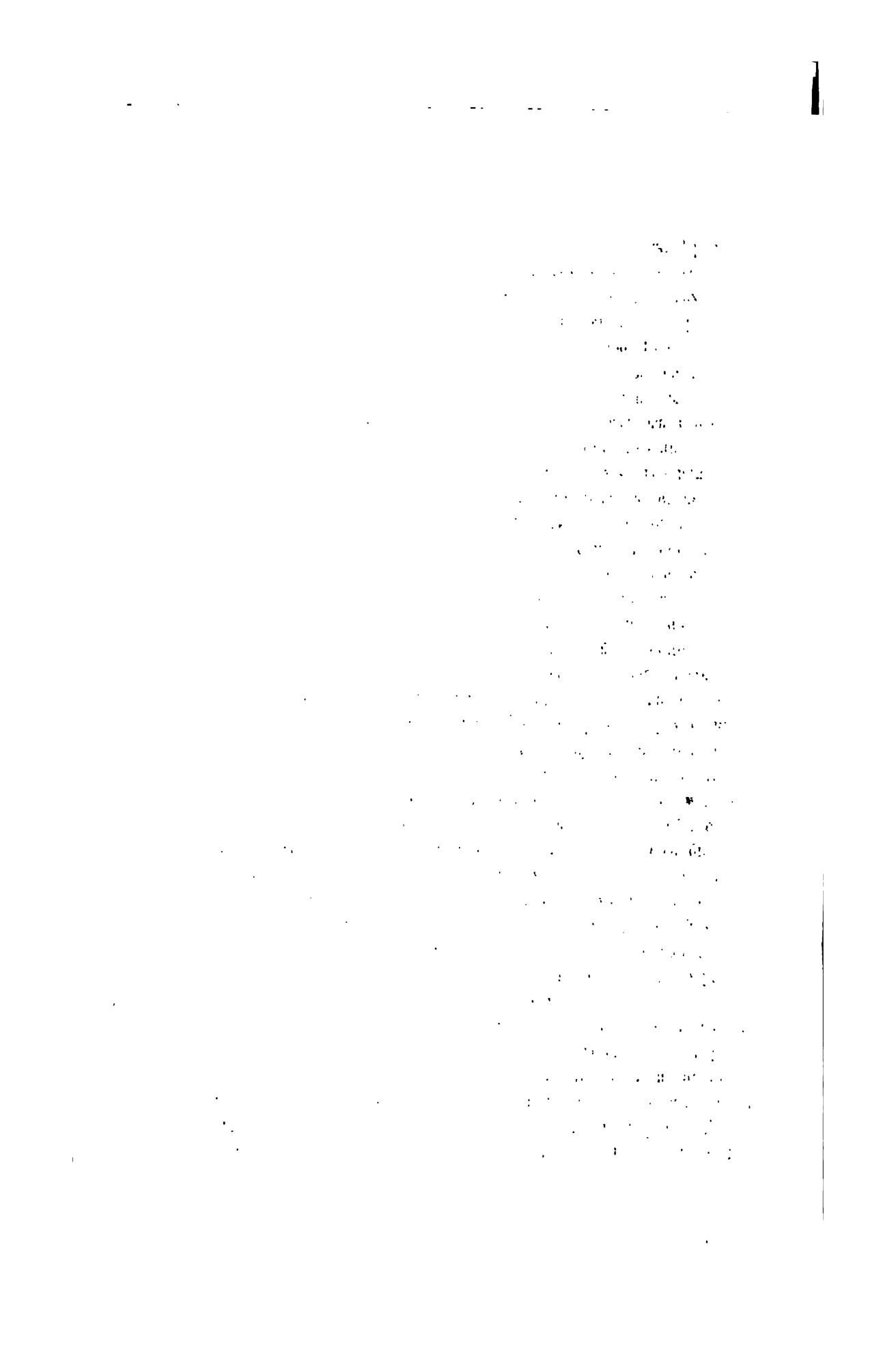
Эти распутные молодцы легко ловятся въ женскія сѣти, если только не ставится условіемъ бракъ. Они очень легко плѣняются прелестями негритянокъ и индѣйскихъ скво. Одинъ изъ богатѣйшихъ людей города, имя котораго я нарочно не привожу, только-что уѣхалъ въ горы съ парой Чейенискихъ женъ. Эти юные скандинавскіе боги очевидно страшатся войти въ христіанскую церковь.

Денверъ городъ въ 4000 человѣкъ жителей, съ десятью или двѣнадцатью улицами, съ двумя гостинницами, банкомъ, театромъ, съ полдюжиной часовенъ, пятьюдесятью игорными домами и съ сотней кабаковъ. Странствуя по этимъ знойнымъ, грязнымъ улицамъ, вамъ кажется, что вы ходите по городу демоновъ.

Каждый пятый домъ кабакъ или портерная, а каждый десятый—игорный или публичный домъ, чаще же всего, что̀ еще хуже, и то, и другое вмѣстѣ. Въ этихъ ужасныхъ трущобахъ жизнь человѣка цѣнится, не болѣе чѣмъ жизнь собаки. Года два тому назадъ, прежде чѣмъ въ нравахъ города произошла перемѣна къ лучшему, честные люди очень часто просыпались ночью отъ ружейныхъ выстрѣловъ, и на разсвѣтѣ находили мертвыя тѣла, выброшенныя изъ оконъ. Никогда не производилось слѣдствія о причинахъ столь неожиданной смерти; порядочные люди говорили

природѣ же и по привычкѣ онъ основатель штатовъ. Происходя отъ одного изъ лучшихъ квакерскихъ семействъ своего штата (предокъ его былъ тотъ самый Джильпинъ, который выѣхалъ изъ Англіи вмѣстѣ съ Пеномъ и Логономъ), наученный исторіею, той широкой и благородной вѣротерпимости, которую Пенъ проповѣдывалъ при дворѣ Карла II, а квакеры примѣнили на практикѣ на Сускеганѣ, одаренный отъ природы многими геніальными дарами: терпѣніемъ, быстрой сообразительностью, краснорѣчіемъ и энтузіазмомъ, Джильпинъ игралъ и теперь еще играетъ странную и драматическую роль въ западной странѣ. Онъ самъ говорилъ мнѣ, что по своимъ убѣжденіямъ онъ квакеръ-католикъ, т. е. человѣкъ, соединяющій въ одномъ лицѣ обѣ крайности религіозной мысли: сознаніе личности съ догматомъ авторитета, самой полной свободы съ строжайшимъ повиновеніемъ. Это необыкновенное соединеніе принциповъ и симпатій произошло не вдругъ, не по личному произволу, это результатъ исторіи и семейныхъ преданій; нигдѣ быть можетъ нельзя найти въ настоящее время такой диковинной амальгамы, какъ на пограничной землѣ, соединяющей квакерскую Пенсильванію съ католическимъ Делаваромъ. Джильпинъ вообще представляетъ множество кажущихся противорѣчій. Будучи квакеромъ, онъ въ тоже время воинъ и очень замѣчательный, ибо получилъ воспитаніе въ Вестъ-Поинтѣ. Онъ принималъ значительное участіе въ Мексиканской войнѣ и былъ самымъ молодымъ офицеромъ, который достигъ чина подполковника; еслибъ онъ не вышелъ въ отставку, отправившись на западъ, то онъ былъ бы старше чиномъ, чѣмъ Грантъ и Шерманъ. По счастью для него онъ не былъ призванъ къ командованію какимъ-нибудь отрядомъ противъ своихъ соотечественниковъ во время междоусобной войны. Дѣло Джильпина было въ иной странѣ, на далекомъ западѣ, котораго онъ—боецъ и идолъ и изслѣдованію, подчиненію и устройству котораго онъ посвятилъ весь свой умъ.

Подъ управленіемъ этого человѣка Денверъ сильно измѣнился и быстро еще измѣняется; однако, если вѣрить свидѣтельству многихъ очевидцевъ, прибытіе дюжины англійскихъ и американскихъ лэди, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ мужьями, гораздо болѣе сдѣлало для Денвера, чѣмъ весь геній и краснорѣчіе Джильпина. Лэди — громадная сила въ этой странѣ. Съ того дня,



Робертъ Видьсонъ Шерифъ Въ Денверѣ.

когда впервые на Большой Улицѣ появились шелковыя платья и кружевныя шали, эта улица сдѣлалась значительно чище и спокойнѣе; ругательства слышатся рѣже; ножи пускаются въ дѣло не такъ часто и пистолетные выстрѣлы дѣлаются рѣдкостью. Ничто изъ этихъ прелестей не прекратилось совершенно; Денверъ далеко не пользуется еще мирнымъ спокойствіемъ, но юные скандинавскіе боги уже начинаютъ совѣститься произносить крупныя слова въ присутствіи дамъ, или вынимать ножи передъ ихъ глазами.

Медленно, но радикально улучшаются нравы. Сначала дамамъ было очень плохо. Онѣ боялись знаться другъ съ другомъ, ибо каждая женщина считала сосѣдку ниже себя. Теперь все обстоитъ гораздо благополучнѣе и я могу засвидѣтельствовать по опыту, что въ Денверѣ премилое, хотя и очень небольшое женское общество.

ГЛАВА XII.

Правосудіе въ Степяхъ.

Главная исполнительная власть въ этомъ городѣ сосредоточена въ рукахъ Роберта Вильсона, шерифа, мироваго судьи и аукціониста, хотя едва ли кто нибудь въ Колорадо узналъ бы его подъ такимъ названіемъ. Какъ Квинтъ Горацій Флакъ, поэтъ и добрый малый, извѣстенъ только подъ именемъ Горація, такъ Робертъ Вильсонъ, шерифъ и аукціонистъ, извѣстенъ только подъ именемъ Боба или Боба Вильсона въ приличномъ обществѣ. Шерифъ, который, говорятъ, въ своей дикой молодости былъ игрокомъ, если еще чѣмъ не хуже, теперь человѣкъ лѣтъ сорока двухъ, очень моложавый на взглядъ, здоровый, широкоплечій, невысокаго роста, съ сильно развитой грудью и головой похожей на Олимпійскаго Юпитера. Исторіи, которыя разсказывали въ степяхъ про смѣлость и неустрашимость этого человѣка, дотого поразительны, что пульсъ усиленно бьется, мурашки пробѣгаютъ по тѣлу и кровь леденѣетъ въ жилахъ. Сегодня онъ пришелъ ко мнѣ и просидѣлъ

нѣсколько часовъ, разсказывая подробности о городѣ и территоріи, съ которыми его судьба тѣсно связана. Между прочимъ онъ разсказалъ, какъ однажды безъ всякой посторонней помощи поймалъ трехъ конокрадовъ.

По кодексу, нынѣ дѣйствующему въ Денверѣ, убійство считается, сравнительно говоря, легкимъ проступкомъ. Два или три года тому назадъ, убійство нечаянное, не преднамѣренное случалось ежедневно. Самое обыкновенное дѣло было увидѣть на разсвѣтѣ мертваго человѣка у дверей какого-нибудь игорнаго дома; а каждый десятый домъ на Большой Улицѣ былъ въ тѣ времена игорнымъ домомъ, въ которомъ открыто дозволено было пьянство, игра и всякаго рода развратъ. За рулеткой происходила драка, пистолеты выдергивались изъ-за поясовъ, и тотъ, кто хуже всѣхъ владѣлъ оружіемъ, падалъ жертвой пустой ссоры. Никто и не думалъ изслѣдывать всѣхъ этихъ исторій. Кому какое было дѣло, что одинъ разбойникъ былъ убитъ,—тѣмъ менѣе ихъ оставалось въ городѣ. Человѣческая жизнь здѣсь не принимается вовсе въ разсчетъ; и потомъ, кто же желаетъ подробнымъ изслѣдованіемъ убійства одного человѣка навлечь на себя месть цѣлой стаи дикихъ, кровожадныхъ разбойниковъ?

Одна барыня, которую я видѣлъ въ Денверѣ, жена бывшаго городскаго мэра, говорила мнѣ, что когда она впервые пріѣхала на Западъ, четыре или пять лѣтъ тому назадъ, шестьдесятъ человѣкъ лежало на маленькомъ кладбищѣ, изъ которыхъ ни одинъ не умеръ естественной смертью. Точныя свѣдѣнія, собранныя мною, доказали, что ея слова были немного преувеличены; но онѣ выражали мнѣніе, раздѣляемое почти всѣми лучшими людьми въ городѣ, и, въ сущности, не были очень далеки отъ истины. Здѣсь постоянно ссорятся и дерутся на улицахъ; но никто и не думаетъ помочь слабой сторонѣ. Однажды ночью, когда я писалъ сидя у себя въ комнатѣ, я вдругъ услышалъ подлѣ самаго окна пистолетный выстрѣлъ; выглянувъ на улицу, я увидѣлъ человѣка плавающаго въ крови. Чрезъ нѣсколько времени его унесли товарищи, но никто не подумалъ преслѣдовать убійцу, и на другой день я услышалъ, что онъ нетолько не былъ посаженъ въ тюрьму, но даже никто не зналъ опредѣлительно гдѣ онъ. Противъ моего окошка находится колодезь, и однажды, поздно вечеромъ,

два солдата пили тамъ воду; одинъ англійскій джентльменъ, стоя на балконѣ Плантаторскаго Дома, слышалъ, какъ одинъ солдатъ сказалъ другому: — Смотри, вонъ лавочникъ, стрѣляй въ него. Товарищъ его прицѣлился и выстрѣлилъ изъ винтовки. Бѣдный человѣкъ едва успѣлъ вскочить въ свою лавку и запереть дверь; смерть была очень близка, ибо пуля пролетѣла мимо самаго угла его дома и впилась въ противоположную стѣну. Никто и слова не сказалъ этимъ солдатамъ; напротивъ всѣ удивлялись моему изумленію такому небрежному поведенію властей.

Если разбойникъ завѣдомо всѣмъ не убилъ съ пол-дюжины человѣкъ и такимъ образомъ не потонулъ по макушку въ крови, то онъ можетъ быть спокоенъ и безопасенъ на западныхъ равнинахъ. Одинъ извѣстный убійца жилъ близь Центральнаго Города; всѣмъ было, извѣстно что онъ убилъ шестерыхъ или семерыхъ человѣкъ; но никто не думалъ схватить его за всѣ эти преступленія, до тѣхъ поръ пока онъ не попался на самомъ актѣ убійства. Нѣкоторые даже полагали, что онъ сердечно сожалѣлъ о своихъ прошедшихъ дѣлахъ, и онъ самъ, пьянствуя со своими товарищами, не разъ говорилъ, что ему надоѣло проливать кровь. Однажды при въѣздѣ въ Центральный Городъ онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ товарищей и предложилъ ему выпить чарочку, но тотъ, не желая, чтобъ его видѣли въ такой дурной компаніи, отказался отъ предложенія; тогда разбойникъ преспокойно выдернулъ пистолетъ и убилъ на мѣстѣ своего друга, среди бѣлаго дня, на многолюдной улицѣ, приговаривая съ комической улыбкой отвращенія:—Господи, неужели я не могу войти въ городъ, чтобъ не убить кого нибудь! Схваченный разъяренной толпой, онъ былъ подвергнутъ строгому суду и повѣшенъ ночью на знаменитомъ деревѣ въ городскомъ оврагѣ.

Но относительно воровства, въ особенности же конокрадства, общественное мнѣніе гораздо строже, чѣмъ относительно убійства. Конокрадство всегда наказывается смертью. Однажды пять хорошихъ лошадей пропало съ одной изъ конюшенъ Денвера, и когда явились къ Вильсону за совѣтомъ, то подозрѣнія его пали на трехъ мошенниковъ, игроковъ и воровъ по имени Бронли, Смитъ и Картеръ, людей недавно прибывшихъ изъ горъ и розсыпей. Такъ какъ всѣ разспросы въ кабакахъ и извѣстныхъ городскихъ тру-

щобахъ не открыли мѣсто, гдѣ скрывались подозрѣваемые люди, то Вильсонъ, вполнѣ убѣжденный въ ихъ винѣ, велѣлъ осѣдлать лошадь, осмотрѣлъ хорошенько свой револьверъ и охотничій ножъ, вскочилъ въ сѣдло и поскакалъ по Платтской дорогѣ. Время было весеннее. Снѣгъ таялъ и вода была высока. Достигнувъ рѣки, онъ раздѣлся и переплылъ вмѣстѣ съ лошадью на другой берегъ, высоко держа надъ головою свое платье и пистолетъ. Проѣхавъ цѣлый день и цѣлую ночь, онъ наконецъ догналъ разбойниковъ въ открытой степи, въ полутораста миляхъ отъ Денвера и въ пяти миляхъ отъ ближайшей ранчи. Картеръ и Смитъ каждый вели въ поводу по лошади, кромѣ той, на которой сидѣли; Бронли ѣхалъ одинъ, позади всѣхъ. Вильсонъ нагналъ ихъ рано утромъ, и такъ какъ они не знали его въ лицо, то вступилъ съ ними въ разговоръ, преимущественно съ Бронли, выдавая себя за разорившагося рудокопа, возвращающагося домой въ Штаты. Такимъ образомъ онъ ѣхалъ съ ними отъ восьми часовъ до двѣнадцати, въ надеждѣ встрѣтить или дилижансъ или торговцевъ, которые могли бы ему помочь задержать преступниковъ. Но все было тщетно. Около полудня, видя, что не откуда ему ожидать помощи въ этотъ день и чувствуя, что долженъ сдѣлать свое дѣло одинъ, онъ, неожиданно измѣнивъ тонъ и остановивъ лошадь, воскликнулъ:

— Господа, мы довольно далеко отъѣхали, теперь воротимся.

— Что ты за дьяволъ? отвѣчалъ Бронли, выдергивая свой ножъ.

— Я Бобъ Вильсонъ,—спокойно отвѣчалъ шерифъ,—я догналъ васъ, чтобъ воротить въ Денверъ. Вы обвинены въ кражѣ пяти лошадей. Отдайте мнѣ свое оружіе и будьте увѣрены что васъ будутъ судить законнымъ образомъ.

— Убирайся къ чорту!—прогремѣлъ Бронли, направляя на него пистолетъ; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ спустить курокъ, пуля разможжила ему черепъ, и онъ упалъ мертвымъ на землю. Смитъ и Картеръ, слыша за собой громкія слова и пистолетный выстрѣлъ, тотчасъ обернулись, готовые къ борьбѣ; но въ первую минуту смущенія Смитъ уронилъ свой пистолетъ, а чрезъ мгновеніе Картеръ также лежалъ мертвымъ на землѣ. Тогда Смитъ, соскочившій съ лошади, чтобъ поднять пистолетъ, протянулъ руки къ побѣдителю съ мольбою о пощадѣ.

— Эй, подержи мою лошадь, воскликнулъ Вильсонъ оставшемуся въ живыхъ разбойнику,—если ты только пошевелишься, то я выстрѣлю; а ты видѣлъ, что я промаху не даю.

— Вы чисто стрѣляете, сэръ,—отвѣчалъ разбойникъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ну слушай теперь,—сказалъ шерифъ, я отведу тебя и лошадей въ Денверъ; если ты ихъ укралъ, то тѣмъ хуже для тебя, если нѣтъ, то тебѣ нечего бояться; во всякомъ случаѣ, тебя будутъ судить по закону.

Тогда Вильсонъ поднялъ съ земли три пистолета, заряженные и съ поднятыми курками. — «Я колебался съ минуту,—разсказывалъ онъ мнѣ,—разрядить ли мнѣ ихъ или нѣтъ, но потомъ рѣшилъ оставить ихъ заряженными, ибо нельзя было предсказать, что могло случиться.» Завязавъ всѣ три пистолета въ платокъ и зарядивъ свой револьверъ, шерифъ попросилъ Смита сѣсть на лошадь и привязалъ его веревкой къ сѣдлу. Оставивъ мертвыхъ распростертыми на землѣ и пустивъ остальныхъ лошадей на траву, Вильсонъ отвезъ своего плѣнника въ ближайшую ранчу, въ которой жилъ одинъ Французъ поселенецъ, съ Англичанкой женой. Когда Вильсонъ объяснилъ имъ, кто онъ такой и въ чемъ онъ подозрѣвалъ своего плѣнника, храбрая чета тотчасъ согласилась помочь ему. Привязавъ Смита къ столбу и приказавъ женщинѣ застрѣлить его, если онъ выкажетъ желаніе освободиться (приказаніе, которое, по словамъ ея мужа, она конечно исполнила бы, еслибъ тому представилась надобность), оба молодца возвратились на то мѣсто, гдѣ происходила борьба, похоронили трупы, собрали лошадей и вынули изъ кармановъ убитыхъ все, что могло доказать ихъ тожество. Возвратившись въ ранчу, они нашли женщину на-сторожѣ, а Смита въ совершенномъ отчаяніи. Во время ихъ отсутствія онъ употребилъ всѣ усилія, чтобъ уговорить женщину отпустить его; онъ и умолялъ ее, и льстилъ ей, и старался подкупить ее. Наконецъ она принуждена была объявить, что если онъ скажетъ еще слово, то она выстрѣлитъ ему прямо въ ротъ. Тогда онъ поблѣднѣлъ и замолчалъ. На другой день шерифъ со своимъ плѣнникомъ явился въ Денверъ, гдѣ Смитъ, послѣ краткаго суда и сознанія, совершилъ восшествіе на историческое дерево.

ГЛАВА XIII.

Сіерра Мадре.

Восхожденіе на Сіерру Мадре (Мать Вершина) отъ Денвера до Бриджерскаго прохода, высшей точки горы, довольно легко по пробитой охотниками и торговцами тропинкѣ, т. е. легко относительно крутизны, но очень затруднительно отъ постоянныхъ трещинъ, ручьевъ, песку и камней. До сихъ поръ путешественникъ находитъ мало различія между горами и степями, которыя также состоятъ изъ волнистой нагорной страны, поднимающейся между Ливенвортомъ и Денвером на вышину четырехъ тысячъ футовъ, слѣдовательно равняющейся по высотѣ Сноудону. Бриджерскій проходъ составляетъ какъ-бы линію водораздѣла всего континента; восточный скатъ несетъ свои снѣга и дожди въ Атлантическій океанъ, западный въ Великій океанъ.

На протяженіи девяноста миль дорога идетъ на сѣверъ отъ Денвера вдоль подошвы низшаго кряжа, называемаго Черными Горами, отыскивая себѣ путь сквозь нависшую стѣну скалъ и снѣга. Въ Стонволѣ, близь Виргинской Долины, она открываетъ себѣ этотъ путь чрезъ узкій дефилей въ красивую лѣсную страну, орошаемую множествомъ источниковъ и потоковъ, которые такъ изобилуютъ форелью, что ее можно ловить корзинками. Картина еще не представляетъ дикаго величія горной природы, но чрезвычайно живописна отъ странной формаціи и блеска скалъ. Не успѣете вы вступить въ эту горную страну, какъ тотчасъ угадываете, почему Испанцы назвали ее Колорадо. Господствующій цвѣтъ тутъ—красный; все красное,—и скалы, и земля, и деревья, особенно осенью.

Страну, между Виргинской Долиной и Ивовыми Источниками, лежащую на югъ отъ нашей дороги, можно по-истинѣ назвать прекрасной. Дорога идетъ по вершинѣ, господствующей надъ многими прелестными долинами, сіяющими веселою зеленью, слѣдовательно и водой; тамъ и сямъ эти долины пересѣкаются мрачными скалами; весь же пейзажъ увѣнчивается вдали величественнымъ и не-

правильнымъ кряжемъ, простирающимся отъ Длиннаго Пика до Пика-Копья. Это по-истинѣ швейцарская картина; горы покрыты сосною, вершины увѣнчаны снѣгомъ; вообще картина столь же поразительная по своимъ природнымъ красотамъ, какъ знаменитый видъ Оберланда изъ Берна.

Въ Ларами мы прощаемся съ этимъ горнымъ пейзажемъ. Низкіе холмы земли и песку, покрытые дикимъ шалфеемъ и населенные луговыми собачками и совами, скрываютъ отъ нашихъ глазъ снѣжную линію.

Тамъ и сямъ на пути, прежде спуска къ Мудрому Ручью и Сосновой Рощѣ, мы проѣзжаемъ по скату или по вершинѣ возвышенности, которую изъ учтивости можно назвать горою, какъ напр: Гора Лося, Медицинская Гора и Гребень Сѣверной Платты; но мы не видимъ Пиковъ, мы не взбираемся по Альпійскимъ крутизнамъ. Трухъ, трухъ, мы тащимся въ нашемъ легкомъ фургонѣ по каменьямъ, по травѣ, по песку, чрезъ ручьи и разсѣлины, съ грустнымъ однообразіемъ, день за ночью и ночь за днемъ. Любой человѣкъ могъ бы тутъ умереть отъ совершеннаго истощенія физической силы, еслибъ не сильная реакція, производимая постояннымъ ожиданіемъ появленія Утаховъ, Сіуксовъ и Чійенновъ.

Наша жизнь въ лучшія минуты очень тягостна, вообще же невыносима. Только дважды въ сутки намъ позволяютъ ѣсть; пища дурная, вода еще хуже, а приготовленіе кушанья хуже всего. Овощей здѣсь вовсе нѣтъ; также чувствуется недостатокъ молока, чая, масла, говядины и баранины. Даже письма изъ Нью-Іорка, служащія намъ талисманомъ, не дѣйствительны въ этихъ пустынныхъ, горныхъ проходахъ и поляхъ дикаго шалфея. Еслибъ тутъ была пища, то намъ бы ее продали. но въ томъ-то и дѣло что ея нѣтъ. Вы можете получить горячаее тѣсто, которое называютъ кэкомъ, но оно слишкомъ жестко для зубовъ и переварить его нѣтъ никакой возможности людямъ, не привыкшимъ къ такой пищѣ. Здѣсь вы не найдете ни пива, ни водки, ни даже соли. Какъ особенную роскошь, здѣсь можно получить сушеное мясо буйвола или лося, приправленное значительнымъ количествомъ пыли; и за эту отвратительную ѣду васъ заставляютъ заплатить полтора доллара, а иногда и два.

Но если здѣшняя жизнь кажется тягостной вамъ, — которые проѣдемъ всю эту страну въ двѣнадцать дней и ночей, чѣмъ же она должна быть эмигранту, охотнику, вожаку? Несмотря на всѣ опасности и лишенія, эта горная дорога кишитъ обозами и людьми, двигающимися взадъ и впередъ между Рѣкою и Солёнымъ Озеромъ. Сотни людей, тысячи воловъ, муловъ и лошадей взбираются по этимъ уединеннымъ тропинкамъ, везя съ собою въ легкихъ горныхъ фургонахъ продукты восточныхъ полей и городовъ, зеленыя яблоки, сушеное зерно, солонину, муку, маринованные фрукты, чай, табакъ, кофе, рисъ, сахаръ и множество другихъ вещей, начиная отъ шляпъ и башмаковъ, до гробовъ и саванновъ. Всѣ эти товары везутся въ рудокопные округи Колорадо, Уты, Идахо и Монтаны, гдѣ они находятъ вѣрный сбытъ. Люди, идущіе съ обозами, для безопасности соединяются въ большіе отряды и такимъ образомъ обозъ, тянущійся изъ Ливенворта къ Солёному Озеру, походитъ во многихъ отношеніяхъ на большой торговый караванъ по Сирійской дорогѣ. Какой-нибудь торговецъ на Рѣкѣ въ Омахѣ (въ Небраскѣ), или въ Ливенвортѣ (въ Канзасѣ), узнаетъ напримѣръ, что горные округи терпятъ недостатокъ въ какомъ-нибудь товарѣ,—въ чаѣ, въ хлопчаткѣ, во фруктахъ или быть можетъ въ дубленой кожѣ; онъ тотчасъ соображаетъ поэтому, что чрезъ нѣсколько недѣль запросъ будетъ громадный и цѣны сильно поднимутся. Купивъ дешево товаръ, онъ рѣшается рискнуть, положившись на свои соображенія. Къ главному своему товару онъ присовокупляетъ съ дюжину мелкихъ предметовъ, напримѣръ — къ обозу чая немного живаго товару, немного краснаго вина, немного хинины и другихъ лекарствъ, попоны, перчатки, быть можетъ тысячу паръ сапоговъ. Онъ покупаетъ пятьдесятъ или шестьдесятъ легкихъ фургоновъ съ двѣнадцатью волами на каждый, нанимаетъ смотрителя обоза или капитана и сто человѣкъ сторожей, потомъ упаковываетъ свои товары и отправляетъ караванъ въ степь. Никакая контора не застрахуетъ эти товары, не поручится за благополучное доставленіе ихъ въ Денверъ, на Солёное Озеро, въ городъ Виргинію. Это путешествіе считается рискованымъ приключеніемъ. Люди, предпринимающіе его, должны быть хорошими стрѣлками и отлично вооружены; но никто не ожидаетъ, чтобъ они стали защищать свой обозъ отъ нападенія

индѣйцевъ; если число напавшихъ краснокожихъ очень велико, то возчикамъ позволяется отрѣзать постромки, вскочить на муловъ и лететь на ближній военный постъ или станцію, оставивъ фургоны, товары и муловъ на жертву индѣйцамъ. Нѣтъ человѣка, который бы желалъ, чтобъ у него содрали кожу съ головы, а возчики, имѣя быть можетъ женъ и дѣтей въ Омахѣ или Лавенвортѣ, естественно заботятся о безопасности своихъ волосъ. Убійства случаются въ обозахъ устроенныхъ самымъ лучшимъ образомъ, но храбрѣйшій западный молодецъ цѣнитъ свою жизнь дороже сотни ящиковъ чая и тысячи мѣшковъ муки.

Нѣкоторые изъ этихъ обозовъ берутъ на дорогѣ пассажировъ за пятьдесятъ долларовъ съ человѣка (въ дилижансѣ цѣна 250), предоставляя имъ кормиться вмѣстѣ съ возчикомъ и стряпать самимъ свою пищу.

Путешествіе, если оно оканчивается благополучно, совершается въ девяносто дней отъ рѣки Миссури до Соленаго Озера. Всего разстоянія тутъ тысяча двѣсти миль, до Денвера шестьсотъ и за Денверомъ столько же. Среднимъ числомъ дѣлаютъ въ день четырнадцать и пятнадцать миль, хотя нѣкоторые изъ возчиковъ доходятъ до двадцати миль въ день.

Среди дня, часа четыре или пять они отдыхаютъ, пускаютъ муловъ пастись на травѣ и сами варятъ себѣ кушанье; къ ночи они останавливаются лагеремъ подлѣ ручья или, если возможно, подлѣ лѣска. Они дѣлаютъ для безопасности заборъ изъ фургоновъ, т. е. ставятъ ихъ въ видѣ эллипса, открытаго только съ одной стороны; каждый фургонъ прижатъ къ своему сосѣду и возвышается надъ нимъ по крайней мѣрѣ третью, какъ обыкновенно чашки вѣсовъ на гербахъ; эта форма эллипса считается лучшей защитой противъ нападенія индѣйцевъ и принята за правило, послѣ многихъ опытовъ, старыми мексиканскими торговцами. Когда фургоны разставлены какъ слѣдуетъ и волы пущены на траву, возчики принимаются рубить и ломать сучья; женщины и дѣти (если таковыя есть на лицо), разводятъ огни, приносятъ воду изъ ближняго источника или ручья, ставятъ на огонь котелъ и пекутъ хлѣбъ. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей отправляются черезъ ручьи и овраги за поисками луговыхъ собачекъ, степныхъ цыплятъ и ржанокъ; въ счастливые дни эти охотники нападаютъ на слѣдъ ан-

тилопы или лося. При такой удачѣ вечеръ оканчивается веселымъ банкетомъ. Другіе охотятся за гремучими змѣями и убиваютъ ихъ, также за волками, которые обезумѣвъ отъ голода, часто рыскаютъ вокругъ лагеря. Я однажды видѣлъ, какъ убили большаго сѣраго волка въ двухъ шагахъ отъ фургона, въ которомъ спалъ одинъ ребенокъ. Когда люди отъужинали и волы достаточно наѣлись травы, ихъ загоняютъ внутрь цѣпи фургоновъ, иначе утро застало бы ихъ въ разстояніи нѣсколькихъ миль въ лагерѣ какого нибудь индѣйскаго племени. Пѣсня, сказка, быть можетъ пляска доканчиваетъ утомительный день. Въ теплую погоду люди спятъ въ фургонахъ, чтобъ избѣжать волковъ и гремучихъ змѣй. Когда же снѣгъ лежитъ глубоко въ оврагахъ, когда вѣтеръ наноситъ ледъ, то въ фургонѣ слишкомъ холодно спать, и вочаки предпочитаютъ лежать на землѣ, прикрывшись попоной и положивъ подъ голову бутылку съ водкой, вмѣсто подушки. Задолго до разсвѣта всѣ уже на ногахъ и за работой: кто закладываетъ фургоны, кто надѣваетъ ярмо на воловъ, кто наскоро съѣдаетъ свой завтракъ. Восходящее солнце уже освѣщаетъ ихъ на пути своими лучами.

Иногда владѣлецъ сопровождаетъ свой обозъ, но не часто, ибо наемный капитанъ гораздо лучше справляется съ пьяными, безпокойными, ссорящимися возчиками. Если пищи не хватитъ, если водка окажется дурною, если фургонъ сломается, то капитанъ присоединяетъ свой голосъ къ хору возчиковъ, ругающихъ своего хозяина. Говорятъ, что вспышка гнѣва, изливающаяся въ ругательствахъ, чрезвычайно полезна для людей, и такъ какъ хозяинъ не слышитъ ихъ, то ему отъ этого нехуже. Когда же онъ сопровождаетъ свой обозъ, то каждый человѣкъ имѣетъ къ нему какую-нибудь жалобу; такъ что теряется много времени и развивается духъ неповиновенія. Если что-нибудь случится неладное, а въ такой странѣ ежедневно должно случаться что-нибудь неладное, то при отсутствіи хозяина капитанъ можетъ сказать, что помочь этому онъ не можетъ и что они должны, какъ умѣютъ, выбраться изъ бѣды. Такимъ образомъ ворча, пьянствуя и ссорясь другъ съ другомъ, возчики и сторожа минуютъ горные проходы и заканчиваютъ свои девяносто дней поста и лишеній недѣлей разгула въ тайныхъ трущобахъ Города Соленаго Озера или въ уединеніи какой-нибудь горной ранчи.

Хозяинъ обоза путешествуетъ въ дилижансѣ скорѣе, но не пріятнѣе, чѣмъ его слуги, и ожидаетъ ихъ въ Денверѣ, на Соленомъ Озерѣ или въ городѣ Виргиніи, гдѣ онъ можетъ продать гуртомъ или въ розницу всѣ свои товары, фургоны и воловъ.

Жители ранчи состоятъ изъ двухъ классовъ: 1) болѣе предпріимчивый классъ людей, уходящихъ въ горы, чтобъ устроить себѣ поле, посѣять рожь и отвести на пастбище своихъ немногочисленныхъ козъ и овецъ; классъ людей ведущихъ борьбу за существованіе съ одной стороны съ скудной природой, съ другой съ враждебными краснокожими, живущихъ на дурной пищѣ и на дурной водѣ, въ надеждѣ укрѣпиться на незанятой землѣ и положить основаніе счастію своихъ дѣтей и внучатъ; 2) болѣе беззаботный, нерадивый классъ людей строющихъ бревенчатые шалаши на большой дорогѣ, по которой идутъ возчики и эмигранты, съ цѣлью продавать имъ водку и даже пьяницамъ Чійеннамъ и Сіуксамъ и такимъ образомъ обогатиться въ короткое время. Оба класса ведутъ жизнь полную опасностей и лишеній. Они еще болѣе, чѣмъ возчики и эмигранты, рискуютъ ежедневно своей жизнью, ибо каждый молодецъ, требующій водки съ револьверомъ и охотничьимъ ножемъ за кушакомъ, отличается живымъ, буйнымъ характеромъ и часто хочетъ выпить водки, когда у него нѣтъ ни гроша, чтобъ заплатить за нее.

Но самая большая опасность, грозящая постоянно обитателямъ ранчи,—это Индѣйцы, особливо же когда какое-нибудь могущественное племя, какъ Сіуксы и Понія выходитъ на боевую тропу. Краснокожій любитъ водку болѣе, чѣмъ жену или дѣтей; въ мирное время онъ готовъ продать все за ядовитое зелье, даже жену, дѣтей и военноплѣнныхъ; но когда Сіуксъ выкрасилъ себѣ щеки красной краской и затянулъ себѣ за поясъ ножъ, для скальпированія кожи съ головы врага, тогда онъ не думаетъ болѣе о покупкѣ у бѣлыхъ любимаго напитка; онъ съ остервенѣніемъ бросается на ранчу, захватываетъ водку силой и часто вмѣстѣ съ нею уноситъ и черепа продавцовъ.

Однако страсть къ барышамъ соблазняетъ обитателей ранчи, и тѣ, которые избѣгли смерти или плѣна, возобновляютъ свои сожженныя жилища и снова пополняютъ свои запасы. Если такой обитатель ранчи проторгуетъ благополучно три сезона

водкой и табакомъ, то онъ дѣлается богатымъ человѣкомъ. Падди Блэкъ, Ирландецъ изъ города Виргиніи, содержитъ ранчу близъ вершины Бриджерскаго прохода, въ мѣстности, могущей служить образцомъ пустынной, обнаженной страны. Онъ живетъ въ фортѣ Ларами и по ремеслу маркитантъ, но находитъ, что гораздо выгоднѣе продавать дурную водку возчикамъ, по три доллара за бутылку и прессованный табакъ для жеванья, по шести долларовъ за фунтъ, чѣмъ вести торгъ порядочнымъ товаромъ съ солдатами и другими жителями форта. Маленькій бревенчатый шалашъ заключаетъ въ себѣ складъ ядовъ, которые онъ предлагаетъ всѣмъ проходящимъ, въ томъ числѣ Утахамъ и Чейеннамъ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ въ году, когда дороги открыты и снѣгъ не покрываетъ землю; взамѣнъ продаваемаго зелья онъ беретъ отъ индѣйцевъ буйволовыя и бобровыя шкуры, а отъ бѣлыхъ доллары и товары, которые однако у него часто крадутъ.

Вдоль этой горной дороги, въ каждомъ обозѣ, между загрубѣлыми возчиками, новыми эмигрантами, случайными путешественниками и мѣстными жителями, нѣтъ другаго разговора, какъ объ индѣйцахъ. Никто изъ краснокожихъ въ этой странѣ не ходитъ безъ своего страшнаго ножа въ рукахъ. Сиотисвудъ, одинъ изъ ловкихъ агентовъ Компаніи Континентальной Почты разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ Сіуксы взяли изъ его фургона одного бѣлаго и сожгли его на огнѣ, на которомъ пеклась ветчина. Одинъ изъ охотниковъ за антилопами въ Виргинской долинѣ, былъ убитъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Между Горою Лоси и Сѣрными Ключами Чейенны остановили одинъ обозъ, и осьмнадцать женщинъ и мужчинъ были преданы смерти и самымъ мучительнымъ пыткамъ. Двухъ же молоденькихъ дѣвушекъ индѣйцы увели съ собою и, наругавшись надъ ними вдоволь, отослали въ фортъ Ларами для промѣна на мѣшки съ мукой.

Близъ вершины перваго горнаго прохода стоитъ уединенная почтовая станція, называемая по очень позволительному въ настоящемъ случаѣ вымыслу Сосновой Рощей; два человѣка живутъ въ бревенчатомъ шалашѣ; одинъ изъ нихъ, Джессъ Эвингъ, —герой исторіи, которая поразительнѣе многихъ подвиговъ, увѣнчанныхъ крестомъ за храбрость.

Весной нынѣшняго года шайка Сіуксовъ, въ то время бывшихъ на боевой тропѣ, подошла къ Сосновой Рощѣ, когда случайно въ ней находился только одинъ Джессъ. По обыкновенію они распорядились всѣмъ, что имъ не принадлежало: съѣли весь находившійся тамъ хлѣбъ, сушенаго лося, соленую ветчину, выпили весь кофе и, насытившись, объявили Джессу, чтобъ онъ развелъ большой огонь, такъ какъ они намѣрены изжарить его живьемъ. Жечь плѣнныхъ—обыкновенное препровожденіе времени Сіуксовъ; они жгутъ нетолько плѣнныхъ Поніевъ, ихъ естественныхъ враговъ, но и Лавочниковъ (какъ они называютъ Янки) и вообще всѣхъ блѣднолицыхъ. Джессъ съумѣлъ до сихъ поръ скрыть подъ своей одеждой ножъ и револьверъ, и Индѣйцы, ничего не подозрѣвая, думали, что онъ совершенно въ ихъ власти. Сначала онъ отказывался развести огонь, зная, что они исполнятъ свою угрозу, но когда они объявили, что если онъ не послушается немедленно, то они заставятъ своихъ женъ содрать съ него кожу, тогда Джессъ отвѣчалъ, что не можетъ развести большаго огня, если ему не позволятъ принести изъ конюшни дровъ и соломы. Сіуксы вполнѣ съ нимъ согласились и приказали ему идти въ конюшню, приставивъ для присмотра двухъ индѣйцевъ; одинъ изъ нихъ вошелъ съ нимъ въ конюшню, другой остановился на порогѣ. Быстрѣе мысли бросился Джессъ на ближайшаго и пронзилъ его ножемъ; черезъ секунду и второй лежалъ мертвый на землѣ, пораженный пулею. Пистолетный выстрѣлъ вызвалъ всѣхъ индѣйцевъ изъ шалаша, но Джессъ съ быстротою антилопы исчезъ со двора и спрятался въ оврагѣ подъ деревьями и камнями. Тутъ онъ лежалъ недвижимъ, словно мертвый, пока Сіуксы, выведенные изъ себя его исчезновеніемъ, бѣгали вокругъ его убѣжища въ продолженіе многихъ часовъ, оглашая воздухъ своими страшными криками. Ночь была очень холодная; на несчастномъ не было ни башмаковъ, ни сюртука, хуже же всего, что снѣгъ валилъ хлопьями, такъ что онъ не могъ двинуться съ мѣста, неоставивъ слѣдовъ на землѣ. По счастію снѣгъ точно такъ-же непріятенъ индѣйцамъ какъ и Янки; Джессъ ясно слышалъ, какъ они стали жаловаться на холодъ, и чрезъ нѣсколько часовъ ихъ голоса и шаги стали слышаться все слабѣе и слабѣе,—онъ понялъ, что они удалились на востокъ къ Мудрому Ручью. Когда послѣдній

слѣдъ ихъ простылъ, Джессъ выкарабкался изъ своего логовища и пустился на станцію Сѣрнистыхъ Ключей, гдѣ очутился къ разсвѣту и былъ радушно принятъ своими товарищами, которые отогрѣли его и накормили.

Храбрый молодецъ возвратился потомъ въ Сосновую Рощу, и я съ сожалѣніемъ упоминаю объ этомъ, такъ какъ индѣйцы снова угрожаютъ этой дорогѣ, а если они приведутъ въ исполненіе свою угрозу, то конечно Джессъ первый падетъ жервою ихъ мести.

ГЛАВА XIV.

Горькій Ручей.

Область Пиковъ, образующая Сіерра Мадре и имѣющая своимъ центромъ Фремонтскій Пикъ (на триста футовъ выше Монте Розы), составляетъ узелъ трехъ, водяныхъ системъ: на востокѣ, воды, собирающіяся на горныхъ вершинахъ и склонахъ отъ дождя и таянья снѣговъ, изливаются къ Миссисипи и Атлантическому океану; на западѣ стокъ горныхъ водъ направляется къ рѣкѣ Колумбіи и Восточному океану; на югѣ же къ рѣкѣ Колородо и Калифорнскому заливу. Къ юго-западу отъ этого Пика возвышается Вазатчскій кряжъ, отдѣляющій отъ этихъ водяныхъ системъ углубленіе, извѣстное подъ названіями—Утахской долины и Большаго Солёнаго Озера. Между же Сіерра Мадре и Вазатчемъ лежитъ страна Горькаго Ручья, одна изъ самыхъ пустынныхъ, безплодныхъ мѣстностей этаго материка.

Эта дикая Сахара, считая отъ Сѣрныхъ Источниковъ, до Зеленой Рѣки, простирается на 135 миль въ ширину. Это страна песку и камней, безъ единаго дерева, безъ единаго кустарника, безъ единаго источника чистой воды. Кости антилопъ и лосей, лошадей и воловъ усѣваютъ землю. Тамъ и сямъ, но гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, вы встрѣчаете человѣческую могилу; каждая изъ нихъ имѣетъ свою исторію извѣстную горнымъ

жителямъ. Этотъ камень—надгробный памятникъ пятерыхъ торговцевъ, убитыхъ Сіуксами. Вонъ тотъ шестъ означаетъ могилу молодой дѣвушки эмигрантки, умершей на пути въ обѣтованную землю. Сосѣднее дерево представляетъ висѣлицу одного несчастнаго, котораго товарищи повѣсили послѣ пьяной ссоры. Вся дорога отмѣчена подобными трагедіями, и природа здѣсь вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣлу человѣка. Тамъ и сямъ виднѣется дикій шалфей одинокими пучками посреди дурной, поблекшей травы. Подсолнечники почти совершенно исчезаютъ, а тамъ, гдѣ они еще растутъ, величиною не превосходятъ обыкновенной маргаритки. Горы низки и грязно-желтаго цвѣта. Бѣлая плева соды покрываетъ землю то цѣлыми полями, то блестящими пятнами, и непривыкшій глазъ принимаетъ это за снѣгъ или иней. Когда ручей, дающій свое горькое имя долинѣ, полонъ водою, напримѣръ рано весной, пока таетъ ледъ, воду эту можно пить, хотя вкусъ ея нѣсколько противенъ; но когда ручей пересыхаетъ въ концѣ лѣта и осенью, —вода его отвратительна какъ для человѣка, такъ и для животнаго; это просто ядъ, сожигающій внутренность и портящій кровь. Однако люди и животныя должны пить эту воду, или они умрутъ отъ жажды. Дорога очень плохая, обозъ едва ли можетъ пройдти чрезъ эту страну скорѣе, чѣмъ въ недѣлю, а многіе изъ эмигрантовъ принуждены переносить всѣ трудности и лишенія этого странствія въ продолженіе десяти или двѣнадцати дней. Когда силы воловъ ослабѣваютъ, отъ скудной пищи и ядовитаго питья, то они положительно не могутъ тащить фургона по тяжелому песку. Многіе падаютъ и никакими силами ихъ нельзя поднять; нѣкоторые просто останавливаются и нейдутъ далѣе. Напрасно возчикъ бьетъ ихъ изо всей силы; ему ничего не остается, какъ снять ярмо и оставить несчастныхъ животныхъ на дорогѣ, гдѣ вскорѣ волки и вороны доканчиваютъ ихъ горькое существованіе. Снова и снова мы встрѣчаемъ въ этой мѣстности обозы, въ которыхъ треть воловъ находятся въ госпиталѣ, т. е. освобождены отъ работы и пущены на траву; нѣкоторые изъ нихъ лѣниво слѣдуютъ по сторонамъ обоза, другіе же остаются позади подъ присмотромъ какого-нибудь мальчишки. Когда такимъ образомъ заболѣваетъ большее число воловъ, то остальные несутъ такую тяжелую службу, что весь караванъ долженъ останавливать-

ся на какую-нибудь недѣлю, въ самой нездоровой мѣстности.

Простираясь между двумя высокими кряжами Скалистыхъ Горъ, страна Горькаго Ручья,—долина, находящаяся почти на высотѣ Пилатавой Горы,—отличается, конечно, очень холоднымъ климатомъ. По словамъ здѣшнихъ пастуховъ зима кончается въ іюлѣ, а начинаетъ въ августѣ. Многіе изъ муловъ и воловъ умираютъ съ холоду, особенно осенью, когда палящее полуденное солнце быстро замѣняется ледяными вѣтрами полуночи. Морозъ охватываетъ животныхъ, какъ-бы въ расплохъ; онѣ поддаются какому-то очаровательному чувству—чувству успокоенія и опускаются на землю закрывъ глаза и совершенно здоровыя; однако на слѣдующее утро имъ не суждено болѣе подняться съ ихъ ложа сна. Почти тоже самое случается и съ людьми, которые часто ложатся спать на землю завернувшись въ звѣриную шкуру и чувствуютъ только небольшой ознобъ въ ногахъ; но опытные возчики знаютъ, что этотъ легкій ознобъ ясно показываетъ, что имъ никогда болѣе не владѣть ногами. Я слышалъ разсказъ объ одномъ капитанѣ, который, чрезвычайно заботясь о своихъ людяхъ и возчикахъ, остановился лагеремъ на ночь близъ Черныхъ Холмовъ, во время нападенія Сіуксовъ на бѣлыхъ; тепло-одѣтый и верхомъ на хорошей лошади, онъ вызвался вмѣсто несчастнаго возчика служить караульнымъ во всю ночь. Дѣйствительно до самаго утра, онъ не сходилъ съ лошади; отъ времени до времени онъ дрожалъ отъ холода и забывался на минуту, но при каждомъ шелестѣ листа открывалъ глаза и чутко прислушивался. На разсвѣтѣ, когда его люди стали подниматься, онъ кликнулъ одного изъ возчиковъ и хотѣлъ выдернуть ногу изъ кожанаго башмака, служащаго горнымъ жителямъ вмѣсто стремени, но ноги его не повиновались и какъ-бы замерли. Удивленный онъ рванулъ другую ногу, но и та осталась недвижима. Тогда его сняли съ сѣдла на рукахъ и обѣ ноги его оказались замерзшими до колѣнъ. Черезъ три дня онъ умеръ въ ужаснѣйшихъ страданіяхъ.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе въ этихъ степяхъ и горахъ, какъ встрѣтить людей безъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ, которыхъ они лишились по милости мороза.

Жители этой страны и несчастные путешественники почти

такъ же страдаютъ отъ неожиданныхъ урагановъ, какъ отъ снѣга и мороза. На возвратномъ пути съ Солёнаго Озера черезъ Горькій Ручей мы выдержали подобный ураганъ, который со снѣгомъ, грязью и дождемъ прямо хлесталъ намъ въ лице, уязвляя насъ словно дробью и пробирая насъ до костей. Сначала мы встрѣтили врага смѣло, ободряя криками лошадей и тихо подвигаясь впередъ, несмотря на разъяренную стихію; но лошади скоро поддались. Испуганныя ревомъ вѣтра, осыпаемыя градомъ, онѣ остановились какъ вкопанныя, не обращая никакого вниманія, ни на голосъ возницы, ни на его кнутъ. Наученный долгимъ опытомъ, возница зналъ, когда слѣдовало уступить животнымъ; онъ неожиданно повернулъ и поставилъ фургонъ задомъ къ вѣтру; лошадей же распрегъ и загналъ ихъ подъ экипажъ, такъ что только хвосты ихъ подвергались непогодѣ. Въ такомъ положеніи мы простояли три часа, пока ураганъ затихъ; тогда мы вышли изъ фургона, обсушили свои платья на холодномъ, ночномъ воздухѣ и подкрѣпившись немного коньякомъ и табакомъ (въ видѣ лекарства), мы продолжали нашъ путь.

Обозъ съ эмигрантами, который остановился подлѣ насъ, чтобъ обождать бурю, не былъ такъ счастливъ, какъ мы, въ своихъ распоряженіяхъ. Возчики остановили караванъ какъ только мулы и лошади отказались идти далѣе; но вмѣсто того, чтобъ согнать животныхъ подъ защиту фургоновъ, они отпустили ихъ на волю и позволили имъ бороться со стихіею, какъ кто умѣлъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не могли устоять противъ соблазна воспользоваться неожиданной свободой. Съ минуту они были недвижимы; потомъ стали фыркать, дрожать отъ страха и наконецъ отвернувшись отъ вѣтра нагнули головы и понеслись въ степь. Въ этой неистовой скачкѣ многія изъ животныхъ конечно пали мертвыми отъ страха и изнеможенія; но мы не видали, чѣмъ кончилась эта бѣда нашихъ сосѣдей, ибо, какъ только вѣтеръ спалъ, мы повернули фургонъ и отправились далѣе. Эмигрантамъ пришлось конечно дожидаться разсвѣта, чтобъ начать поиски за исчезнувшими мулами и лошадьми; вѣроятно нѣкоторыхъ они нашли въ ближнихъ оврагахъ, гдѣ тѣ искали убѣжища отъ бури; за другими же имъ конечно пришлось гоняться нѣсколько миль чрезъ мутные потоки. Будучи на ходу, съ вѣтромъ и градомъ бьющимъ

ей въ спину, лошадь никогда не остановится; она будетъ скакать черезъ горы, переплывать черезъ рѣки, прорѣзывать себѣ путь черезъ кустарники до тѣхъ поръ, пока сила бури не ослабѣетъ; тогда она вдругъ станетъ какъ вкопанная, затрясется и быть можетъ падетъ мертвой на землю.

Волы, подобно муламъ и лошадямъ, также подвержены страху бури, и опытный степной возчикъ, какъ только увидитъ первый признакъ приближающагося бурана, тотчасъ привязываетъ ихъ къ фургонамъ. Находясь всѣ вмѣстѣ внутри цѣпи фургоновъ и слыша голоса своихъ возчиковъ, они менѣе пугаются, чѣмъ когда свободны и одни, но даже и тутъ они трясутся, прижимаются къ землѣ, поднимаютъ ревъ и даже иногда умираютъ со страха.

Посреди такого смятенія, когда лошади или больны, или разбѣжались, когда капитанъ съ трудомъ сбираетъ всѣхъ своихъ воловъ, а возчики совершенно изнемогаютъ отъ усталости и голода— на обозъ обыкновенно нападаютъ *агенты большой дороги*.

Агентами большой дороги называются въ горахъ мошенники, бросившіе честную работу въ городѣ, розсыпяхъ или въ ранчѣ и предпочитающіе труду всѣ опасности и легкіе барыши разбойнической жизни. Многіе разорившіеся купцы, несчастные игроки и искатели золота, встрѣтившіе неудачу, идутъ въ разбойники и грабятъ проходящіе обозы, уводятъ муловъ у эмигрантовъ и иногда даже нападаютъ на почту. Всѣ они хорошо вооружены и нѣкоторые изъ нихъ отличные стрѣлки. Они не боятся мужчинъ, не уважаютъ женщинъ и потому не останавливаются ни предъ какимъ преступленіемъ. Ихъ руки какъ бы невольно поднимаются на всякаго, который можетъ имѣть хоть одинъ долларъ въ карманѣ. Всѣ законы, какіе они только могли нарушить, уже ими нарушены; всѣ преступленія, которыя они могли совершить, уже вѣроятно совершены, такъ что ихъ жизнь давно принадлежитъ правосудію и никакое новое преступленіе не можетъ увеличить того роковаго груза, который уже тяготѣетъ надъ нимъ. Эти разбойники, странствующіе по дорогамъ шайками человѣкъ въ пять, десять, двадцать, даже иногда въ тридцать и сорокъ, гораздо страшнѣе торговцамъ и эмигрантамъ, чѣмъ Сіуксы или Утахи. Сіуксы только дикари, которыхъ бѣлые могутъ еще поразить своимъ достоинствомъ или обмануть своей хитростью, но ихъ собственные

братья разбойники, бывшіе въ свои счастливые дни быть можетъ такими же торговцами, видятъ насквозь всѣ ихъ хитрости и сраву могутъ оцѣнить какъ ихъ силу, такъ и ихъ слабость.

Многіе изъ этихъ агентовъ большой дороги, подозрѣваемые въ сношеніяхъ съ шайками, живутъ на свободѣ: одинъ держитъ кабакъ, другой живетъ фермеромъ въ ранчѣ, третій возитъ почту. Въ этой свободной западной странѣ нельзя очень много распрашивать о репутаціи и прошедшемъ поведеніи каждаго человѣка. Сильная рука, вѣрный взглядъ и быстрое соображеніе цѣнятся гораздо болѣе въ слугѣ, чѣмъ самый лучшій аттестатъ. Жизнь тутъ представляется въ слишкомъ грубой формѣ, чтобы слѣдовать какимъ-нибудь утонченнымъ правиламъ. Я видѣлъ въ Денверѣ человѣка, котораго имя такъ же извѣстно во всемъ Колорадо, какъ Дика Турпина въ Іоркширѣ. Онъ говорятъ убилъ съ полдюжины людей, однако онъ живетъ на свободѣ и разъѣзжаетъ гдѣ хочетъ, продаетъ и покупаетъ товары и никто его пальцемъ не тронетъ; такъ силенъ страхъ, внушаемый его товарищами и вообще подобными ему разбойниками, что даже Бдительный Комитетъ и смѣлый шерифъ должны навремя смотрѣть на это сквозь пальцы. На моемъ возвратномъ пути чрезъ страну Горькаго Ручья я имѣлъ честь ѣхать вмѣстѣ съ однимъ старымъ агентомъ большихъ дорогъ, который смѣясь разсказывалъ мнѣ о своихъ подвигахъ и ни въ грошъ не ставилъ ни шерифа, ни судьи. Вотъ одинъ изъ его разсказовъ. Однажды, онъ съ товарищемъ обдѣлалъ очень счастливо одно дѣльце на большой дорогѣ и съ тысячью долларами въ карманѣ они возвращались въ Денверъ, гдѣ собирались кутнуть на свою поживу, какъ вдругъ они увидѣли вдали пятерыхъ всадниковъ, которыхъ мой собесѣдникъ тотчасъ призналъ за шайку разбойниковъ, въ которой онъ прежде находился.

— Мы пропали! сказалъ онъ своему товарищу,—эти молодцы ограбятъ насъ, отнимутъ деньги, а пожалуй и убьютъ, чтобы концы канули въ воду.

— Увидимъ, отвѣчалъ его болѣе хитрый товарищъ,—я ихъ знаю, бывалъ въ ихъ компаніи; мы должны броситься къ нимъ и молить о помощи, какъ несчастные, не имѣющіе куска хлѣба.

Забрызгавъ лицо грязью и придавъ себѣ видъ несчастныхъ,

голодныхъ, изнемогающихъ отъ усталости, они встрѣтили всадниковъ громкимъ крикомъ: «Дайте намъ, капитанъ, пять долларовъ; мы совершенно пропадаемъ и только бы намъ добраться до Денвера, а тамъ мы найдемъ друзей. Дайте пять долларовъ!» Этотъ крикъ поразилъ въ самое сердце разбойника. Онъ сунулъ въ руку моему собесѣднику пять долларовъ, прося его молчать, и потомъ догналъ своихъ товарищей, которые начали подозрѣвать, не случилось ли чего неладнаго.

Подобная же шайка агентовъ большой дороги очень недавно ограбила почту и притомъ были совершены такія жестокости, что даже въ горахъ это сочли за диковинку. Исторія этого преступленія составляетъ теперь предметъ общаго разговора и я передаю его почти-что со словъ самого убійцы.

Франкъ Вильямсъ, человѣкъ очень дурной репутаціи, но хорошій стрѣлокъ, искусный возница и опытный горецъ, поступилъ возницею въ маль-посты Континентальной дороги. Въ одномъ изъ своихъ посѣщеній Солёнаго Озера, онъ познакомился съ Паркеромъ изъ Атчисона, торговцемъ, бывшимъ по своимъ дѣламъ въ городѣ Мармоновъ и собиравшимся воротиться домой. Маккасландъ изъ Виргиніи и два другіе купца, имѣя съ собою на большую сумму денегъ золотаго песку, предполагали ѣхать вмѣстѣ съ Паркеромъ въ дилижансѣ для обоюдной безопасности. Паркеръ разсказалъ обо всемъ этомъ Франку Вильямсу за стаканомъ водки и просилъ его какъ друга и возницу посовѣтовать, какъ лучше поступить въ этомъ дѣлѣ. По наущенію Франка Вильямса всѣ четыре купца отправились въ дилижансѣ, въ которомъ кромѣ нихъ не было никого; они благополучно доѣхали до Портлифскаго оврага, гдѣ Паркеръ нашелъ Франка, который отправился по обыкновенію изъ Города Солёнаго Озера съ почтою.

Въ этомъ оврагѣ они всѣ были убиты. Въ самомъ узкомъ, мѣстѣ горнаго прохода, Франкъ неожиданно уронилъ кнутъ и, остановивъ дилижансъ, побѣжалъ его поднять; въ ту же минуту ружейный залпъ раздался у самаго экипажа, цѣлая вереница пуль просвистѣла и трое изъ пассажировъ упали мертвыми. Восемь молодцевъ въ маскахъ бросились на дилижансъ, вытащили трупы и захватили ящики съ золотымъ пескомъ и деньгами. Паркеръ былъ раненъ, хотя и не смертельно, и, видя какъ Вильямсъ возвращал-

ся съ пистолетомъ въ рукѣ, онъ крикнулъ ему умоляя о пощадѣ: «Я только раненъ; помоги мнѣ Франкъ, и я оправлюсь!» Франкъ хладнокровно приложилъ пистолетъ къ головѣ своего друга и выстрѣлилъ въ упоръ; онъ не смѣлъ оставить въ живыхъ хоть одного свидѣтеля своего преступленія. Потомъ онъ поѣхалъ съ дилижансомъ на станцію и объявилъ, что разбойники напали на почту, ограбили ее и убили всѣхъ пассажировъ. Два человѣка отправились съ нимъ для поднятія труповъ убитыхъ, и во всей странѣ отъ Денвера до Солёнаго Озера были начаты поиски убійцъ. Ни малѣйшаго подозрѣнія не пало на Франка до тѣхъ поръ пока, чрезъ нѣсколько недѣль послѣ этого событія, шерифъ Вильсонъ не узналъ отъ одного вора, что Франкъ Вильямсъ бросилъ свое мѣсто почтоваго возницы и сорилъ деньгами въ языческомъ кабакѣ на Солёномъ Озерѣ. Бобъ тотчасъ распорядился, чтобъ его выслѣдили въ этихъ трущобахъ, но пока онъ давалъ предписанія своимъ шпіонамъ, самъ Вильямсъ неожиданно появился на улицахъ Денвера, близъ того хлопчато-бумажнаго дерева, на которое шерифъ любуется сидя на своемъ аукціонерскомъ креслѣ. Въ первый же день своего пребыванія въ Денверѣ Франкъ купилъ для себя и для своихъ веселыхъ товарищей семь новыхъ паръ платья, нанялъ себѣ цѣлый домъ и угостилъ водкой почти всѣхъ мошенниковъ въ городѣ.

Однажды вечеромъ Вильсонъ велѣлъ схватить его и представить въ ночное засѣданіе Бдительнаго Комитета. Что произошло на этомъ засѣданіи, неизвѣстно; имена тѣхъ, которые присутствовали, можно только отгадывать наудачу, но на другой день для всѣхъ стало очевидно, что Франкъ Вильямсъ былъ найденъ виновнымъ въ какомъ-нибудь страшномъ преступленіи. Люди, встающіе рано, видѣли въ то утро его тѣло висѣвшимъ на длинной жерди въ Большой Улицѣ.

ГЛАВА XV.

Спускъ съ Горъ.

Послѣ форта Бриджера спускъ съ горъ дѣлается неожиданно крутымъ и зеленѣющимъ. Дорога все-еще тяжелая, каменистая, необдѣланная, то пересѣкаемая холмомъ, то опускающаяся въ овраги, то проходящая чрезъ глубокіе пески; но вообще съ вершинъ Сіерры, гдѣ природа пустынная, безплодная, повидимому не пригодная для человѣка, мы быстро спускаемся въ глубокіе овраги и узкія долины, гдѣ дикій шалфей замѣняется высокой, тучной травой. Мелкія деревья показываются въ трещинахъ и разсѣлинахъ горъ; карлы дубы и клёны одѣваются въ свой осенній нарядъ, съ розовымъ и золотистымъ отливомъ. Недоросшіе, приземистые кедры и сосны дѣлаются отличительной чертой пейзажа; шумъ воды долетаетъ изъ долинъ; длинная лента ивъ и бальзаминовъ обнаруживаетъ русло низвергающагося съ вершинъ потока. Мы проѣзжаемъ въ сумеркахъ чрезъ грязный оврагъ и во мракѣ только-что начавшейся ночи подъѣзжаемъ къ Дрожащей Осинѣ, гдѣ, огибая окраину крутой горы, мы вдругъ видимъ предъ собой огромное пламя, словно вся долина и нагорная страна въ огнѣ. Это Мормонскій лагерь. Въ темной долинѣ, гдѣ по сторонамъ высокія скалы скрываютъ небо и звѣзды, около ста фургоновъ, уставленныхъ обычнымъ образомъ въ формѣ эллипса, для защиты отъ Утаховъ и Снэковъ. Впереди каждаго фургона разложенъ костеръ, который окружаютъ мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки: кто ужинаетъ, кто поетъ веселыя пѣсни, кто танцуетъ; волы, мулы, лошади живописно разбросаны между людьми; собаки спятъ, лежа около огня или лаютъ на насъ; въ воздухѣ раздаются звуки цимбалъ, роговъ и трубъ цѣлаго оркестра музыкантовъ, что придаетъ еще болѣе странный характеръ этой неожиданной сценѣ. Хотя мы все-еще высоко въ горахъ, намъ кажется, что мы очутились на берегахъ Солёнаго Озера, этого рая Святыхъ Послѣднихъ Дней, къ которому стремятся и ткачъ

изъ Манчестера, и земледѣлецъ изъ Ландудно, и мелкій торговецъ изъ Лондона.

Часъ спустя мы въѣзжаемъ въ станцію Медвѣжьей Рѣки, которую содержитъ дѣйствующій епископъ Майерсъ, англійскій членъ Мормонской церкви, особа ограничивающая до сихъ поръ свои права на многоженство только двумя женами. Одна изъ нихъ живетъ съ нимъ на станціи, гдѣ все его хозяйство и приходъ состоитъ изъ одной нанятой служанки, молодой гостьи англичанки (я очень боюсь за ея сердце) и двухъ или трехъ слугъ. Усталые и голодные, мы смотрѣли на Майерса, какъ на образецъ рабочаго епископа для рабочаго міра. Въ Оксфордѣ онъ не пользовался бы большимъ почетомъ, а въ палатѣ лордовъ его бы никто не замѣтилъ. Говоритъ онъ языкомъ не изящнымъ и тономъ далеко немузыкальнымъ; онъ едва ли знаетъ хоть одно слово по-гречески, но зато кажется отлично понимаетъ, какъ долженъ добрый человѣкъ принять голоднаго и усталаго путника, стучащагося въ его дверь въ морозную ночь. Поправивъ огонь, подбросивъ новыхъ дровъ, нарубивъ нѣсколько бараньихъ котлетъ (это первый кусокъ свѣжаго мяса, который мы увидѣли послѣ стольких дней), онъ выбѣгаетъ изъ дверей, чтобъ принести воды изъ колодца и положить соломы въ нашъ фургонъ, для согрѣванія нашихъ ногъ въ морозную ночь. Онъ насъ угощаетъ настоящимъ чаемъ, хорошимъ хлѣбомъ и даже масломъ, а не шалфеемъ, теплымъ тѣстомъ и щепоткой соли, которые составляли до сихъ поръ нашъ ужинъ. Бараньи котлетки оказались великолѣпными; а красивая жена епископа и ея милая подруга, любезностью и граціозностью, съ которой онѣ служили намъ за столомъ, просто превращали скромный ужинъ въ великолѣпный банкетъ.

Мы оставляемъ станцію Медвѣжьей Рѣки съ полнымъ уваженіемъ къ одной изъ фазъ дѣйствующей епископальной власти, основанной Бригамомъ Юнгомъ.

Ночью мы минуемъ Нависшую Скалу и спускаемся въ Оврагъ Эхо, оврагъ, окаймленный скалами и представляющій удивительно прелестную фантастическую картину, при блескѣ свѣтлыхъ осеннихъ звѣздъ. Рано утромъ мы достигаемъ рѣки Веберъ и немного позже Кольвиля, перваго Мормонскаго селенія на нашей дорогѣ. Это селеніе состоитъ изъ деревянныхъ домиковъ, окру-

женныхъ садами и полями, еще очень грубо обработанными и едва вышедшими изъ того положенія, въ которомъ они находились нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Утахи и Банноки охотились на этой землѣ за буйволами и оленями. Здѣсь находится уголь, также вода и деревья. Мы поспѣшно бросаемъ взглядъ на дома; нѣкоторые изъ нихъ стоятъ группами и рядами; тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ двѣ двери или болѣе, по словамъ нашего возницы, —жилища старѣйшинъ, женатыхъ на двухъ или болѣе женахъ. Мы вспоминаемъ о пустынныхъ равнинахъ, по которымъ мы только-что проѣхали, о нашемъ шестидневномъ путешествіи по горамъ и оврагамъ, и смотримъ съ удивленіемъ на трудолюбіе, энергію и фанатизмъ людей, которыхъ какія бы то ни было ученія или обѣщанія могли побудить поселиться въ этой уединенной долинѣ, съ цѣлью сдѣлать ее достойнымъ жилищемъ человѣка. Вотъ Кольвиль, городъ въ горахъ, по крайней мѣрѣ начатокъ города; онъ стоитъ въ горномъ проходѣ, гдѣ всѣ инженеры объявили, что невозможно жить ни человѣку, ни животному. Небольшія поля ржи идутъ по берегамъ ручья, а на скатахъ горъ пасутся волы. Собаки сторожатъ фермы. Свиньи роются въ землѣ; цыплята бѣгаютъ по травѣ; лошади виднѣются во дворахъ. Краснощекіе ребятишки, съ голубыми глазами и съ свѣтлыми кудрями, ясно говорящими объ ихъ чисто англійской крови, играютъ передъ воротами, валяясь на соломѣ. Дѣвочки, девяти и десятилѣтнія, доятъ коровъ, мальчишки, тѣхъ же лѣтъ, выгоняютъ скотъ на пастбище; женщины моютъ бѣлье и стряпаютъ кушанье; мужчины копаютъ картофель, собираютъ плоды, рубятъ дрова и пилятъ доски. Каждый человѣкъ дѣятельно занятъ, каждое мѣстечко даетъ доходъ, хотя этотъ оврагъ вчера еще былъ пустыннымъ, каменистымъ угломъ. Между зеленою листвою виднѣется даже маленькая опрятная часовня.

Внизу, въ долинахъ картина расширяется и стада бѣлѣютъ на громадныхъ зеленѣющихъ пространствахъ. Мы проѣзжаемъ мимо Кимбальской гостинницы, станціи Континентальной почты, содержимой однимъ изъ сыновей Гебера Кимбалля. Человѣкъ съ значительнымъ состояніемъ, онъ живетъ въ этой уединенной горной мѣстности, со своими стадами и тремя женами; онъ исповѣдуетъ Мормонскую религію, хотя, говорятъ, его изгнали изъ Города

Солёнаго Озера, за пьянство и безпорядочное поведеніе на улицахъ. Говорятъ святые чрезвычайно строго поступаютъ со своими преступниками и никакое родство, какъ бы оно ни было близко или знаменито, не можетъ спасти преступника отъ приговора церкви.

Въ Горной Долинѣ, жилищѣ епископа Гарди, человѣка, имѣющаго восемь женъ, изъ которыхъ три живутъ съ нимъ здѣсь,— мы видили маленькаго Утахскаго Индѣйца, котораго Мормоны купили у его племени и воспитали. Это умный, добрый мальчикъ, который повидимому знаетъ разницу между волчьимъ мясомъ и бараньимъ и всею душою ненавидитъ своихъ братьевъ краснокожихъ. Отъ одной изъ женъ епископа мы узнали, что этого мальчика купили у его отца за нѣсколько долларовъ, что онъ очень ловкій и отлично работаетъ, когда его заставятъ, но очень лѣнивъ по природѣ и склоненъ постоянно лежать на солнцѣ; онъ очень плохо учится грамотѣ, но охотно ѣздитъ верхомъ и отлично правитъ лошадьми. Вообще онъ выказываетъ способность сдѣлаться отличнымъ слугою и научиться цѣною многихъ усилій со стороны его учителей рубить дрова и приносить воду для своихъ бѣлыхъ господъ.

Мормоны имѣютъ особый взглядъ на краснокожихъ, которыхъ они считаютъ отраслью Еврейскаго народа, переселившагося изъ Палестины въ Сѣверную Америку, во дни ихъ славы и благочестія, когда еще въ ихъ рукахъ находилось проповѣдничество истины. Когда же своимъ грѣхомъ неповиновенія Богу они лишились своего проповѣдническаго призванія, то потеряли вмѣстѣ со своимъ священническимъ саномъ и бѣлый цвѣтъ кожи, умъ и благородную физіономію. По мнѣнію Мормоновъ, эти потомки Израиля сохраняютъ нѣкоторые несчастные остатки своей прежней вѣры, своихъ древнихъ учрежденій—именно вѣру въ Великаго Духа, раздѣленіе на колѣна и многоженство. Но проклятіе Бога тяготѣетъ надъ ними и надъ ихъ потомствомъ. Они происходятъ отъ священной расы, но находящейся нынѣ подъ немилостью неба. «Современемъ, когда Богу будетъ угодно», говорилъ мнѣ Юнгъ, въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ, «ихъ снова осѣнитъ благодать; они тогда перестанутъ творить зло и научатся творить добро; они поселятся въ городахъ, сдѣлаются бѣлыми и станутъ народомъ левитовъ.»

высоко поднимаются къ небу и словно сжимаютъ въ своихъ объятіяхъ Солёное Озеро цѣпи горъ, называемыхъ Индѣйцами Оквира. Прямо предъ нами блеститъ въ зелени Новый Іерусалимъ; за городомъ извивается Іорданъ, несущій свѣжія воды Утахи чрезъ поля и долы въ Солёное Озеро, такъ прохлаждающее свѣтлую солнечную долину своей темносиней поверхностью. На озерѣ, простирающемся на сто миль въ ширину и на полтораста въ длину, возвышается два гористыхъ, пурпурныхъ острова: Антилопы (теперь называемый Церковнымъ) и Странсбюри. Со всѣхъ сторонъ озера и за голубыми его водами тянется неправильная и живописная цѣпь обнаженныхъ горъ Утахи и Невады.

Воздухъ мягкій, нѣжный, южный по своему благоуханію, сѣверный по своей свѣжести. Холодные вѣтры дуютъ иногда съ Вазачскихъ вершинъ, гдѣ снѣгъ и ледъ не таютъ даже въ лѣтніе мѣсяцы. Воздухъ до того чистъ и прозраченъ, что черная скала на Солёномъ Озерѣ, отстоящая на двадцать пять миль, кажется въ нѣсколькихъ сотняхъ ярдовъ, а горныя вершины, отстоящія другъ отъ друга миль на шестьдесятъ, кажутся пиками одной гряды.

Внизу въ долинѣ золотистый отблескъ окрашиваетъ всю картину своимъ лучезарнымъ свѣтомъ. Городъ кажется громаднымъ садомъ съ безчисленными, темнозелеными деревьями и разбросанными тамъ и сямъ бѣлыми домиками, кіосками и часовнями. На нѣкоторомъ возвышеніи надъ городомъ расположенъ лагерь, изъ котораго языческое правительство подозрительно слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается въ городѣ Святыхъ. Но самый лагерь придаетъ еще болѣе красы всей картинѣ, разнообразя цвѣтными красками общій колоритъ пейзажа—желто-бѣло-зеленый.

ГЛАВА XVI.

Новый Іерусалимъ.

Сновидѣніе вмѣстѣ съ неожиданнымъ появленіемъ горнаго потока (не болѣе Ксениля, давшаго жизнь Гренадѣ и создавшаго на обнаженной пустынѣ роскошный садъ) опредѣлили положеніе Но-

ваго Іерусалима. Бригамъ Юнгъ разсказывалъ мнѣ, что, переходя черезъ горы и отыскивая новое жилище для своего народа, онъ увидѣлъ однажды ночью образъ ангела, стоявшаго на коническомъ утесѣ и указывавшаго на то мѣсто, гдѣ должно было выстроить новый храмъ. Спустившись въ долину Солёнаго Озера, онъ прежде всего сталъ искать конической утесъ, видѣнный имъ во снѣ; и когда онъ нашелъ этотъ утесъ, то увидѣлъ, что изъ подножья его вытекалъ ручей свѣжей воды, названный имъ Городскимъ Ручьемъ. Старѣйшина Джоржъ Смитъ съ нѣкоторыми изъ піонеровъ провелъ этотъ ручей въ ближній уголокъ земли, устроилъ маленькое поле и засадилъ его картофелемъ; потомъ онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ къ сѣверу, означилъ мѣсто, на которомъ долженъ возвышаться храмъ, и обвелъ его линіей со всѣхъ четырехъ сторонъ. Это четырехъ-угольное пространство земли величиною въ десять акровъ составляетъ сердце города, священное мѣсто Мормоновъ, *гарамъ* этого юнаго Іерусалима запада.

Новый городъ былъ заложенъ между двумя большими озерами Утаха и Солёнымъ, подобно Интерлакену между Бріенцемъ и Туномъ, хотя растояніе тутъ гораздо больше, ибо оба эти озера—настоящія моря въ сравненіи съ маленькими, прелестными озерками Бернскихъ Альпъ. Рѣка, теперь называемая Іорданомъ, течетъ изъ Утахи въ Солёное Озеро; но она только идетъ до окраинѣ города и то такъ далеко внизу въ долинѣ, что до сихъ поръ она не приноситъ никакой пользы для орошенія. Юнгъ уже составилъ планъ провести каналъ изъ озера Утахи въ городъ, чрезъ нижніе отроги Вазачскаго кряжа; это предпріятіе будетъ стоить много денегъ, но за то превратитъ въ плодоносныя поля огромныя, пустынныя, обнаженныя пространства. Если Городу Солёнаго Озера дозволятъ мирно процвѣтать и распространяться, то каналъ этотъ будетъ скоро прорытъ, и окружающая страна, покрытая теперь каменьями, пескомъ и дикимъ шалфеемъ, превратится въ сады и виноградники.

Городъ, занимающій, какъ насъ увѣряли, три тысячи акровъ земли между горами и рѣкой, раздѣленъ на участки въ десять акровъ каждый. Каждый участокъ дѣлится на мелкіе надѣлы въ одинъ съ четвертью акръ—количество земли, которое полагается достаточнымъ для обыкновеннаго дома съ садомъ.

До сихъ поръ храмъ еще не отстроенъ; фундаментъ отлично выложенъ изъ массивнаго гранита; и эта работа такого рода, что обѣщаетъ простоять цѣлые вѣка; но на мѣстѣ будущаго храма кромѣ его фундамента теперь возвышаются временныя зданія— старая скинія, большой павильонъ, новая скинія. Высокая стѣна окружаетъ эти зданія, стѣна довольно несчастная, не отличающаяся ни красотою, ни крѣпостью и скорѣе походящая на деревенскій заборъ, чѣмъ на великую стѣну, окружающую платформу храма въ Моріа. Когда всѣ работы будутъ кончены, то внутри стѣны разведется садъ съ тѣнистыми аллеями и цвѣтниками.

Храмъ или лучше сказать мѣстность храма составляетъ средоточіе города и даетъ ему физіономію. Съ каждой его стороны начинается улица шириною во сто футовъ и идущая въ степь по прямой линіи. Улицы точно такой же ширины и параллельныя, простираются на сѣверъ и югъ, на востокъ и западъ; каждая изъ нихъ окаймлена простой акаціей и элантусами, а по обѣимъ сторонамъ протекаютъ ручьи, проведенные съ горъ. Всѣ улицы къ сѣверу поднимаются въ гору, и только недостатокъ рукъ мѣшаетъ имъ достигнуть озеръ на западѣ и востокѣ въ дѣйствительности, а не на бумагѣ и въ воображеніи, какъ теперь.

Главная улица проходитъ мимо передняго фасада храма; это улица торговли, конторъ и знатныхъ домовъ. Въ самомъ началѣ она предназначалась быть исключительнымъ жилищемъ высшаго класса и называлась Восточной Улицей Храма; на ней кромѣ самаго храма помѣщались домъ совѣта, казначейство и дома Юнга, Кимбаля и Вельса, трехъ главныхъ сановниковъ Мормонской церкви. Вода была проведена по ней въ изобиліи и по сторонамъ были посажены прекрасныя деревья; но торговля вскорѣ овладѣла всѣми предѣлами современнаго храма, какъ нѣкогда древнимъ храмомъ Евреевъ, и Бригамъ Юнгъ, несмотря на всю свою власть, долженъ былъ отступить передъ наплывомъ мѣнялъ и торговцевъ мясомъ и одеждой. Конторы, банки, магазины, гостинницы, однимъ словомъ всѣ удобства современной жизни быстро распространяются по Большой Улицѣ; во многихъ мѣстахъ деревья срублены, чтобъ дать болѣе простора для разгрузки товаровъ; хорошенькіе садики съ яблонями и персиковыми деревьями, окружавшіе зеленью домики Святыхъ, замѣнились вывѣсками магазиновъ и ларями мел-

кихъ продавцевъ. Въ своей торговой части Главная Улица широка, пыльна, не мощена и не обстроена; она представляетъ образцы всѣхъ трехъ ступеней развитія, по которымъ проходитъ каждый американскій городъ: тутъ вы видите и бревенчатый шалашъ, и хижину изъ необожженнаго кирпича (въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ глины и топлива много, кирпичъ бываетъ обожженный) и каменный домъ. Многіе изъ лучшихъ домовъ еще до сихъ поръ деревянные, большинство же изъ глиняныхъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, изъ которыхъ возводили зданія въ Вавилонѣ и въ Египтѣ и до сихъ поръ еще строятъ вездѣ въ Мексикѣ и Калифорніи, а нѣкоторые—изъ краснаго камня и гранита. Храмъ строится также изъ гранита, добываемаго въ ближней горѣ. Домъ Совѣта выстроенъ изъ краснаго камня, точно также какъ и многіе изъ лучшихъ магазиновъ, въ которыхъ, какъ на турецкомъ базарѣ, продается все, начиная отъ свѣчей и шампанскаго до золотаго песку, ситцу, чаю, перочинныхъ ножей, соленаго мяса и мышеловокъ. Болѣе мелкія лавки, парихмахерскія, рестораны, гостинницы и всѣ лучшіе частные дома выстроены изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей; это отличный матеріалъ для построекъ въ здѣшнемъ, сухомъ, солнечномъ климатѣ; онъ придаетъ жилищамъ чрезвычайную опрятность и дѣлаетъ ихъ зимою теплыми, а лѣтомъ прохладными. Однако, надо прибавить, что подобныя жилища имѣютъ одно неудобство — при сильномъ дождѣ они могутъ расплыться. Нѣсколько бревенчатыхъ шалашей, остатковъ первыхъ временъ поселенія, все-еще существуютъ на этой улицѣ; далѣе внизъ къ югу, гдѣ она исчезаетъ въ пространствѣ, ее снова окаймляютъ простыя акаціи и элантусы.

Въ своей центральной, дѣятельной части Большая Улица ничѣмъ не отличается отъ главныхъ улицъ Канзаса, Ливенворта и Денвера, развѣ только отсутствіемъ кабаковъ и портерныхъ. Гостинницы не имѣютъ буфетовъ, на улицахъ нѣтъ игорныхъ домовъ и всякихъ другихъ притоновъ разврата. Въ моей гостинницѣ «Солёное Озеро», содержимой полковникомъ Литлемъ, я не могу получить стакана пива или рюмки вина. Во всемъ городѣ нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы продавались горячительные напитки (хотя язычники клянутся, что чрезъ нѣсколько недѣль они откроютъ кабакъ); за столомъ въ гостинницѣ вы не увидите другаго

напитка какъ чай, утромъ, въ полдень и вечеромъ. Это отсутствіе всякаго соблазна въ видѣ всевозможныхъ американскихъ водокъ и ликеровъ конечно дѣлаетъ Городъ Солёнаго Озера совершенно непохожимъ на Ливенвортъ и на Рѣчные Города, гдѣ каждый третій домъ навѣрно кабакъ. Пройдя торговый кварталъ, мы встрѣчаемся снова съ практическимъ примѣненіемъ первоначальной идеи Юнга о новыхъ жилищахъ для своего народа; снова предъ нами тянутся знакомыя линіи акацій; опрятные домики отстоятъ отъ дороги на двадцать или на тридцать шаговъ и окружены яблонями, персиковыми деревьями и виноградными лозами, вьющимися по стѣнамъ до самой крыши.

Направо и налѣво отъ Большой Улицы, пересѣкая и идя параллельно, находится множество совершенно схожихъ между собою улицъ; вездѣ дорога тяжелая, пыльная; по сторонамъ тянутся маленькіе ручьи и длинный рядъ акацій, филареи и хлопчатника. Вся земля подъ строеніями раздѣлена на участки: на каждомъ изъ нихъ возвышается опрятный домикъ посреди фруктовыхъ деревъ. Нѣкоторые изъ этихъ домиковъ довольно красивы по формѣ и архитектурному стилю, такъ что будь они на островѣ Вайтѣ, ихъ отдавали бы въ наемъ за очень высокую цѣну. Другіе же простыя хижины въ четыре или пять комнатъ, въ которыхъ обширному полигамическому семейству Мормоновъ въ случаѣ ссоры было бы очень трудно выбрать боевыя позиціи и вступить въ правильную борьбу. Въ нѣкоторыхъ садахъ виднѣется по два и по три дома, премиленькіе швейцарскіе шале—это жилища различныхъ женъ. «Чьи это дома?» спросили мы однажды у сопровождавшаго насъ мальчика, указывая на нѣсколько подобныхъ дачекъ. «Они принадлежатъ семейству брата Кимбалля», отвѣчалъ онъ. Въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ города, на склонѣ горы расположенъ садъ старѣйшины Гирама Клосона, прелестный садъ, рдѣющій великолѣпными персиками, яблоками, сливами, которыми самая молодая изъ женъ хозяина прелюбезно насъ угощала во время нашего пребыванія въ городѣ. Въ переднемъ большомъ домѣ живутъ его первыя двѣ жены съ ихъ двадцатью дѣтьми. Но что это за бѣлый павильонъ въ углу сада съ маленькой дверкой и полускрытый кустами розановъ и вьющимися растеніями? Это жилище младшей жены Клосона, Алисы, дочери Бригама Юнга. У нея

свое особое гнѣздышко отдѣльно отъ другихъ женъ,—гнѣздышко, гдѣ она живетъ съ своими четырьмя маленькими сыновьями и гдѣ говорятъ ея воля—законъ, даже для ея мужа, подобно тому, какъ воля дочери султана — законъ въ гаремѣ паши, ея мужа. Противъ старѣйшины Клосона живетъ въ очень хорошенькомъ домѣ съ двумя женами и дѣтьми старѣйшина Нэбитъ, одинъ изъ Мормонскихъ поэтовъ и родомъ Англичанинъ. Его жилище очень походитъ на англійскую дачу, и вообще большая часть города еще состоитъ изъ зеленыхъ лужковъ и огородовъ, ожидающихъ новыхъ поселенцевъ, которые украсятъ ихъ своимъ присутствіемъ и твореніями своихъ рукъ.

Въ Первой Южной Улицѣ находятся театръ и городская ратуша, оба красивыя зданія и для Западной Америки замѣчательной архитектуры.

Въ городской ратушѣ помѣщается главное правленіе полиціи и судъ. Мормонскіе полицейскіе чрезвычайно дѣятельны и молчаливы, глазъ ихъ видитъ все, рука ихъ не пропуститъ ни одного мошенника. Никакой фактъ, какъ бы онъ мелокъ ни былъ, не ускользнетъ отъ ихъ вниманія. Одинъ изъ моихъ друзей язычниковъ, идя однажды въ театръ вечеромъ по темной улицѣ, заговорилъ съ повстрѣчавшейся знакомой Мормонской дамой; на другой день какой-то джентельменъ явился къ нему на квартиру и попросилъ его никогда не заговаривать съ Мормонской дамой въ темныхъ улицахъ, если ее не сопровождаетъ отецъ. Въ зимніе мѣсяцы въ Городѣ Солёнаго Озера постоянно живетъ отъ семи до осьми сотъ рудокоповъ, юныхъ скандинавскихъ боговъ Денверскаго покроя; каждый изъ нихъ съ охотничьимъ ножомъ за поясомъ и револьверомъ въ рукахъ громко требуетъ пива и водки, картъ и женщинъ, житейскихъ утѣхъ, въ которыхъ ему постоянно отказываютъ святые. Дѣло полиціи сдерживать этихъ отъявленныхъ разбойниковъ, и всѣ западные губернаторы и судьи не могутъ надивиться, какъ Мормоны умѣютъ держать ихъ въ приличномъ порядкѣ, проливая такъ мало крови. Вильямъ Джильминъ и Робертъ Вильсонъ не нахвалятся этими безмолвными и рѣшительными, искусными и ловкими полицейскими.

Съ мѣстнымъ судомъ мы познакомились только слегка. Нѣсколько дней тому назадъ мы встрѣтили судью и онъ пригласилъ

насъ взглянуть на его судилище; но, пока мы передъ открытіемъ засѣданія разговаривали въ его пріемной, кто-то ему шепнулъ, что мы англійскіе адвокаты, и онъ тотчасъ исчезъ изъ глазъ, отсрочивъ засѣданіе. Этотъ человѣкъ когда онъ не творитъ судъ и расправу, торгуетъ москательными товарами, въ одной изъ лавокъ Большой Улицы; и такъ-какъ мы знаемъ гдѣ его найти, то часто заходимъ, чтобы выпить стаканъ содовой воды и выкурить сигару; но мы до сихъ поръ никакъ не могли сговориться съ нимъ о часѣ, когда намъ познакомиться съ его системой правосудія.

Въ городѣ находятся два сѣрные ключа, надъ которыми Бригамъ Юнгъ построилъ деревянные шалаши. Одна изъ ваннъ открыта для всѣхъ. Вода ихъ очень освѣжаетъ силы и дѣйствуетъ успокоительно; въ ней 92° по Фаренгейту.

На улицахъ не видно нищихъ; очень рѣдко, почти никогда, не встрѣчаются пьяные; когда же таковой и попадется, то онъ конечно язычникъ, рудокопъ или солдатъ. Никто здѣсь не кажется бѣднымъ. Всѣ поражаютъ своимъ спокойнымъ тономъ и учтивостью, что рѣдкость въ этихъ западныхъ странахъ. Отъ множества деревьевъ, воды и постоянно встрѣчающейся скотины, улицы принимаютъ пастушескій характеръ, немыслимый ни въ какомъ другомъ горномъ или степномъ городѣ. Вотъ подъ зеленой акаціей стоитъ волъ, возвратившійся домой съ пастбища; а тамъ немного подалѣе у воротъ ребенокъ доитъ корову. Легкіе, горные фургоны виднѣются тамъ и сямъ, а загорѣвшіе эмигранты, только-что прибывшіе изъ степи, съ чувствомъ неизъяснимаго счастья покоятся подъ тѣнью акацій, спустивъ утомленныя ноги въ воду ручьевъ.

Большая Улица, какъ торговый кварталъ, быть можетъ болѣе всѣхъ другихъ улицъ, представляетъ цѣлый рядъ интересныхъ картинъ для глаза художника; особенно когда въ городъ вступаетъ изъ степи обозъ эмигрантовъ. Подобная сцена теперь представляется моимъ глазамъ, — обозъ, который мы обогнали въ горномъ проходѣ выше Медвѣжьей Рѣки, только-что прибылъ съ своими шестидесятью фургонами, четырьмя стами воловъ и шестью стами эмигрантами, мужчинами, женщинами и дѣтьми, исключительно Англичанами и Валлійцами. Фургоны наполняютъ улицу,

волы грѣются на солнцѣ; эмигранты суетятся съ какимъ-то возбужденнымъ выраженіемъ лица, радуясь, что окончили трудное свое странствіе черезъ море, штаты, степи и горы; женщины и дѣти кажутся очень утомленными и блѣдными; грязь, изнеможеніе, голодъ придаютъ всѣмъ этимъ людямъ какой-то дикій, не человѣческій видъ; и трудно было бы узнать въ этой живописной группѣ оборванныхъ, несчастныхъ, утомленныхъ странниковъ—трезваго Монмутскаго фермера, опрятнаго Вульвичскаго работника, наряднаго Лондонскаго ремесленника. Вьючныхъ муловъ разгружаютъ у магазиновъ; рудокопы изъ Монтано и Идахо, въ высокихъ сапогахъ и кожанныхъ поясахъ, снуютъ взадъ и впередъ. Шайка индѣйцевъ съ ихъ длинными волосами, плохой одеждой, съ гордымъ, недоступнымъ видомъ, торгуютъ самыя дрянныя и дешевыя вещи. Вонъ тотъ молодецъ въ широкой шляпѣ, несущійся въ облакѣ пыли на маленькой горячей лошаденкѣ, житель Новой Мексики; вотъ этотъ франтъ, тяжело ступающій — Калифорніецъ, а голубые мундиры, блеснувшіе въ зелени, принадлежатъ двумъ офицерамъ изъ Американскаго лагеря.

Воздухъ здѣсь удивительно ясный и прозрачный. Дождь рѣдко падаетъ въ долинѣ, хотя грозы почти ежедневно свирѣпствуютъ въ горахъ; вотъ съ запада несется черная туча, словно перекатываясь по крутизнамъ и угрожая городу потопомъ; но блеснула молнія, загремѣлъ громъ, полился дождь и разсѣявшаяся туча уходитъ на востокъ за снѣжныя вершины Ваватчскаго кряжа, благополучно миновавъ долину Солёнаго Озера.

ГЛАВА XVII.

Мормонскій Театръ.

Театръ имѣетъ въ городѣ Мормоновъ цѣль и значеніе гораздо высшія, чѣмъ допустили бы это церкви въ Лондонѣ, Парижѣ или Нью-Іоркѣ. Бригамъ Юнгъ—оригиналъ во многихъ отношеніяхъ; онъ первосвященникъ того, что они выдаютъ за новый завѣтъ,

за новое откровеніе, и однако онъ устроилъ въ своемъ городѣ театръ, прежде чѣмъ вывелъ надъ землею фундаментъ храма.

Всякому извѣстно, что драма имѣетъ религіозное происхожденіе и что сцена называется школою нравовъ. Юнгъ имѣетъ какое-то влеченіе возвращаться ко всѣмъ первобытнымъ принципамъ: въ семейной жизни къ принципамъ Авраама, въ общественной къ принципамъ Ѳеспія. Священники изобрѣли какъ древній, такъ и современный театръ; и если опытъ доказываетъ въ Городѣ Солёнаго Озера, такъ же ясно, какъ въ Нью-Іоркѣ, что люди любятъ поразвлечься, повеселиться, посмѣяться, то отчего народнымъ наставникамъ не пользоваться удобнымъ случаемъ побудить людей посредствомъ сценическихъ представленій веселиться чѣмъ слѣдуетъ и смѣяться надъ чѣмъ слѣдуетъ? Отчего Юнгу не преподавать уроки нравственности со сцены? Отчего ему не воспитать какъ слѣдуетъ своихъ актеровъ и актрисъ и не сдѣлать изъ нихъ образецъ, какъ въ отношеніи хорошаго поведенія, такъ и правильнаго произношенія словъ и приличнаго вкуса въ одеждѣ? Отчего ему не попробовать помирить религіозныя чувства съ удовольствіемъ?

Бригамъ Юнгъ можетъ быть правъ или не правъ въ своихъ понятіяхъ о пользѣ, которую можетъ принести театръ въ городѣ, гдѣ нѣтъ еще высшихъ учебныхъ заведеній и университетовъ, но онъ рѣшился сдѣлать серьезную попытку; съ этою цѣлью онъ выстроилъ образцовый театръ и теперь всѣми силами старается воспитать образцовую труппу.

Снаружи этотъ театръ представляетъ грубое дорическое зданіе, въ которомъ архитекторъ съумѣлъ достичь нѣкоторыхъ эффектовъ самыми простыми способами; внутри чрезвычайно свѣтло и просторно, такъ какъ нѣтъ ни занавѣсокъ, ни ложъ, исключая двухъ въ авансценѣ; легкія колонны отдѣляютъ ярусы, и кромѣ бѣлаго цвѣта и золота нѣтъ никакихъ другихъ украшеній. Партеръ круто возвышается прямо отъ оркестра, такъ что всѣ сидя на его скамейкахъ могутъ отлично видѣть и слышать; эти мѣста считаются самыми избранными въ театрѣ и всѣ скамьи отдаются въ наемъ цѣлымъ семействамъ. Здѣсь можно видѣть въ каждое представленіе главнѣйшихъ старѣйшинъ и епископовъ, окруженныхъ женами и дѣтьми. Они смѣются и хлопаютъ въ ладоши, словно

дѣти въ праздничныхъ пантомимахъ. Посреди партера стоитъ большое качающееся кресло — это исключительное собственное мѣсто Юнга, это мѣсто его развлеченія и веселія посреди своихъ святыхъ. Когда ему вздумается сидѣть въ своей отдѣльной ложѣ, то одна изъ его женъ, или Елиза Поэтесса, или Гарріетъ Блѣдная, или Амелія Великолѣпная, качаются въ его креслѣ, умирая со смѣха въ забавныхъ мѣстахъ пьесы. Вокругъ этого кресла, какъ самаго почетнаго мѣста, находятся скамейки тѣхъ, которые стоятъ всего ближе къ пророку: Гебера Кимболя, перваго совѣтника; Даніеля Вельса, втораго совѣтника и главнокомандующаго; Джорджа А. Смита, апостола и историка церкви; Джорджа К. Каннона, апостола; Эдуарда Гунтера, предсѣдательствующаго епископа, старѣйшины Стенгауза, издателя «Ежедневнаго Телеграфа», и многихъ другихъ менѣе блестящихъ звѣздъ Мормонства.

По сторонамъ авансцены гнѣздятся двѣ отдѣльныя ложи; одна изъ нихъ предназначена пророку, когда онъ хочетъ быть наединѣ или желаетъ поговорить съ какимъ-нибудь другомъ; другая дается актрисамъ, которыя должны играть въ этотъ вечеръ. Вообще въ этомъ образцовомъ театрѣ обращено вниманіе на то, чтобъ сдѣлать пріятное по возможности всѣмъ; и я могу поручиться, что миссъ Адамсъ, миссъ Александеръ и другія юныя артистки считаютъ огромнымъ для себя удобствомъ пользованіе этой отдѣльной ложей, въ которой онѣ могутъ являться, когда хотятъ и въ какомъ угодно нарядѣ, такъ какъ публикѣ они не видны.

Благодаря стараніямъ и умѣнью режиссера Гирама Клосона, можно поздравить президента съ тѣмъ, что его театръ нѣсколько подходитъ къ идеалу театра, какимъ онъ его себѣ представляетъ. Все на сценѣ строго соотвѣтственно между собою; миръ и порядокъ царствуютъ посреди шутокъ и смѣха. Ни внутри театра, ни вокругъ его, вы не увидите тѣхъ разгульныхъ сценъ, которыя мы привыкли встрѣчать въ Лондонскихъ театрахъ; вы не увидите ни развратныхъ женщинъ, ни мелкихъ воришекъ, ни пьяныхъ, ни нищихъ оборванныхъ дѣтей. Мормоны никогда не пьютъ водки и рѣдко курятъ табакъ, поэтому имъ единственное развлеченіе, которое себѣ позволяютъ сотни веселыхъ зрителей. Коротнія пьесы такъ же въ модѣ на театрѣ, какъ коротнія проповѣди въ синіи. Занавѣсъ, поднимающійся въ восемь часовъ, падаетъ около

половины десятаго; а такъ какъ по Мормонскому обычаю ужинаютъ до театра, то возвратившись домой Святые тотчасъ ложатся спать, не дозволяя никогда удовольствію мѣшать въ чемъ-либо работѣ завтрашняго дня. Колоколъ, созывающій на утренній завтракъ, раздается ровно въ шесть часовъ.

Но величайшая красота этого образцоваго театра находится за сценой, въ просторѣ, въ изысканной чистотѣ и необыкновенномъ свѣтѣ, проникающемъ всюду. Я довольно хорошо знакомъ съ фойе и всѣмъ закулиснымъ міромъ Европейскихъ театровъ, но я нигдѣ не видѣлъ, ни въ Италіи, ни въ Австріи такихъ изящныхъ приспособленій для удобства мужчинъ и женщинъ, принадлежащихъ къ труппѣ, какъ въ театрѣ Солёнаго Озера. Фойе тутъ просто роскошная гостинная; декораторы имѣютъ отдѣльныя студіи, парикмахеры и костюмеры цѣлые магазины; каждой актрисѣ, какую бы она маленькую роль ни исполняла, отведена особенная уборная.

Юнгъ хорошо понимаетъ, что главная реформа театра должна начаться за сценой, что вы должны возвысить актера, прежде чѣмъ очистить сцену. Съ этою цѣлью онъ нетолько устроилъ уборныя и отдѣльную ложу для актрисъ, но отдалъ на театръ своихъ собственныхъ дочерей для примѣра и поощренія всѣмъ другимъ. Три изъ этихъ юныхъ султаншъ, Алиса, Эмили и Зина, постоянные члены театральной труппы. Съ Алисой, младшей женою старшины Клосона, я имѣлъ честь познакомиться, даже смѣю сказать подружиться, и отъ нея я узналъ много подробностей о мысляхъ ея отца насчетъ театральной реформы. «Я не очень люблю играть, сказала она мнѣ однажды за обѣдомъ, быть можетъ не точно въ этихъ словахъ, но за смыслъ ихъ я ручаюсь, — но мой отецъ желалъ чтобъ я и мои сестры иногда играли, ибо онъ не считаетъ справедливымъ, чтобы дѣти бѣдныхъ людей дѣлали то, что онъ не желалъ бы для своихъ дѣтей.» Ея нелюбовь къ игрѣ, какъ она мнѣ послѣ объяснила, происходила отъ сознанія, что природа не надѣлила ее драматическимъ талантомъ; но она любила смотрѣть на хорошую пьесу и рѣдко пропускала представленіе, въ которомъ сама не участвовала. Бригаму Юнгу предстояло нетолько совершить реформу, но и создать самый театръ въ Городѣ Солёнаго Озера; главное затрудненіе режиссера, находящагося въ семи-стахъ миляхъ отъ ближайшаго театра, конечно

должно заключаться въ наборѣ актеровъ. Драматическій талантъ не ростетъ въ полѣ, какъ подсолнечникъ, или въ долинѣ, какъ персиковое дерево; его надо отыскивать въ неизвѣстныхъ тайникахъ, то въ какой-нибудь лавкѣ, то въ конторѣ, то на скотномъ дворѣ.

Въ Нью-Іоркѣ, въ Сентъ-Луи, въ Чикаго, никто не призналъ бы, что театръ—школа добродѣтели, и никакой здравомыслящій, трезвый человѣкъ не выбралъ бы для своихъ дочерей ремесло актрисы. Юнгъ ясно понимаетъ, что признавая театръ за школу нравственности ему предстоитъ бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. Развратъ, словно какое-то ядовитое испареніе, носится въ атмосферѣ всякаго театра, хотя конечно менѣе всего въ Американскихъ городахъ. Для устраненія этого зла, происходящаго большею частію отъ дурныхъ преданій, Бригамъ Юнгъ приноситъ въ жертву какъ-бы часть себя — своихъ дѣтей. Дѣйствительно это единственныя особы во всемъ Городѣ Солёнаго Озера, которыя могли совершить это дѣло очищенія современнаго театра. Такимъ образомъ Алису и Зину можно считать священными дѣвами, вступившими на театральныя подмостки для очищенія ихъ своимъ присутствіемъ отъ пятна древняго, но не присущаго самой природѣ этого учрежденія.

Юнгъ и его помощникъ Клосонъ занимаются очень энергично воспитаніемъ миссъ Адамсъ, молодой дѣвушки, которой предстоитъ научиться всему, кромѣ граціи и миловидности; они также окружаютъ своими попеченіями миссъ Александеръ, отличающуюся кромѣ красоты дѣйствительнымъ талантомъ. Объ этой миссъ Александеръ я слышалъ интересную исторію, которая доказываетъ, что Юнгъ не лишенъ остроумія и юмора. Одинъ извѣстный актеръ изъ Сан-Франциско влюбился до сумасшествія въ нее и отправился къ президенту просить у него позволенія объясниться ей въ любви.—«Э, пріятель,—отвѣчалъ Пророкъ, — я видѣлъ, какъ вы хорошо играли Гамлета и Юлія Цезаря, но вы не должны и помышлять объ Александеръ!»

Мы увидѣли впервые Бригама Юнга именно въ театрѣ, въ его отдѣльной ложѣ. У него большая голова, широкое, красивое лицо, голубые глаза, свѣтло-каштановые волосы, хорошій носъ и веселый ротъ; онъ одѣтъ просто, въ черномъ сюртукѣ и пан-

талонахъ; въ бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, на рубашкѣ блестятъ золотыя запонки; вообще онъ лицомъ и всей фигурой походитъ на Англичанина, но Англичанина средняго класса и провинціала. Вотъ портретъ Мормонскаго пророка, папы и царя, какимъ мы его видѣли въ театрѣ посреди своего народа. Одна изъ его женъ, Амелія, какъ мы узнали впослѣдствіи, сидѣла съ нимъ въ ложѣ; она также была одѣта по англійски, и отъ времени до времени смотрѣла на публику изъ за занавѣски въ бинокль, точно наши Англичанки въ Лондонскихъ театрахъ. Она очень хорошенькая и показалась намъ нѣсколько задумчивой и поэтичной. Партеръ былъ почти весь наполненъ молодыми дѣвушками; на многихъ скамьяхъ сидѣло ихъ по двѣнадцати въ рядъ; все это дѣти Кимбола, Кэннона, Смита и Вельса; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщались группами до двадцати и тридцати дѣвочекъ. Юнгъ, какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, имѣетъ сорокъ восемь дѣтей въ живыхъ, многіе изъ которыхъ уже взрослые и женатые; такъ какъ онъ показываетъ примѣръ своему народу посѣщая театръ, то конечно поощряетъ своихъ дѣтей появляться какъ по ту, такъ и по сю сторону рампы. Алиса, о которой мы уже говорили, жена Клосона. Зина, которая при насъ играла роль мистриссъ Мускетъ въ водевилѣ «Призракъ моего мужа», красивая молодая дѣвушка, высокая, полная, съ лицемъ, походящимъ на круглый мѣсяцъ, но не отличающаяся большимъ драматическимъ талантомъ. Эмили мы также видѣли; говорятъ старѣйшина Клосонъ ухаживаетъ за ней. Я слышалъ, что любовь эта взаимная и что Эмили, по всей вѣроятности, раздѣлитъ семейный очагъ со своей сестрой Алисой. Язычники увѣряютъ (они очень любятъ сплетничать о домашнихъ тайнахъ президентскаго семейства), что Алиса несчастлива со своимъ мужемъ, но это одна изъ тѣхъ сплетней язычниковъ, которая, я убѣжденъ, не справедлива. На прошлой недѣлѣ я имѣлъ удовольствіе обѣдать рядомъ съ сестрой Алисой, долго разговаривать съ ней вечеромъ и близко познакомиться съ ея четырьмя прелестными мальчуганами. Я рѣдко видывалъ такую веселую, пріятную женщину и замѣтилъ одну особенность въ ея обращеніи съ мужемъ, которая не часто встрѣчается въ восточной и западной Америкѣ—именно она звала его по имени, Гирамомъ. Американскія дамы почти вездѣ называютъ своихъ мужей мистеръ Джонъ, мистеръ

Синтъ, не Вильямъ или Джоржъ. Опасности двойнаго родства съ Мормонскимъ папой, говорятъ, очень велики; оно должно возбудить зависть въ старѣйшинахъ и въ Дугласскомъ лагерѣ, непріятное столкновеніе съ язычниками и вражду въ Вашингтонѣ; но, говорятъ, старѣйшина Клосонъ готовъ попытать счастья съ сестрою Эмили, точно также какъ съ сестрою Алисой, отвѣчая, какъ говорятъ Мормоны, на Вашингтонскія теоріи—Дезеретскими фактами.

Первая пьеса, которую мы видѣли, была: «*Карлъ XII*». Когда Адамъ Брокъ совѣтуетъ своей дочери Эвдигѣ держаться подалѣе отъ военныхъ франтовъ, всѣ молодыя дѣвушки въ партерѣ подняли громкій серебристый хохотъ, ибо всѣ намеки были отнесены къ Дугласскому лагерю и къ офицерамъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ которыхъ многіе присутствовали въ театрѣ и также весело смѣялись шуткѣ. Вообще вся пьеса была полна выходками противъ солдатъ и ихъ любовныхъ похожденій; каждая изъ этихъ выходокъ была нарочно приноровлена къ мѣстной политикѣ Святыхъ. Вмѣшательство офицеровъ и солдатъ Соединенныхъ Штатовъ въ семейныя дѣла Мормоновъ составляютъ постоянный предметъ горькихъ жалобъ Святыхъ, ибо, говорятъ, свѣтскіе воины соблазнили и увезли многихъ женъ Мормоновъ. Юнгъ разсказывалъ мнѣ объ этихъ продѣлкахъ съ большимъ неудовольствіемъ, хотя и не называлъ имена обидчиковъ. «Они постоянно тревожатъ насъ, говорилъ онъ,—вмѣшиваются въ наши общественныя и даже семейныя дѣла; мы не можемъ этого терпѣть и если поймаемъ ихъ въ преступленіи, то втопчемъ въ грязь.» Мнѣ невольно тутъ вспомнилось, что я слышалъ о Портерѣ Роквеллѣ и его Данитской шайкѣ, но я молча улыбнулся и ждалъ, что скажетъ далѣе президентъ. Онъ однако прибавилъ быстро: «Я никогда не имѣлъ такихъ непріятностей въ моемъ семействѣ.»

Забавно было смотрѣть на Пророка, когда при намекахъ *Карла* XII на любовныя похожденія его офицеровъ, онъ весело и отъ души катался со смѣху. Болѣе серьезная Амелія не предавалась такимъ шумнымъ вспышкамъ веселости, но въ такія минуты смотрѣла пристально на публику въ свой бинокль.

ГЛАВА XVIII.

Храмъ.

То, что—театръ для общественной жизни этого народа, то—храмъ для религіозной. Одинъ служитъ символомъ веселья въ этомъ свѣтѣ, другой символомъ славы въ будущемъ. Театръ построили и открыли съ возможной поспѣшностью, ибо онъ служитъ такимъ цѣлямъ, которыя не могутъ ждать; храмъ воздвигается медленно, камень за камнемъ, съ тѣмъ стараніемъ и осторожностью, которыми отличаются сооруженія, долженствующія существовать на вѣки.

Мормоны увѣряютъ, что въ ихъ крови и плоти столько религіознаго чувства, что они могутъ легко при случаѣ обойтись безъ религіозныхъ формъ. Нѣсколько дней тому назадъ я случайно слышалъ рѣчь Бригама Юнга къ ново-прибывшимъ эмигрантамъ, и практическій характеръ этой рѣчи конечно чрезвычайно удивилъ бы меня, еслибъ прежніе съ нимъ разговоры не подготовили меня къ этому.

«Братья и сестры въ Господѣ и Іисусѣ Христѣ, сказалъ онъ,—вы избраны Богомъ изъ міра и приведены Его милосердіемъ въ эту горную долину для вспомоществованія намъ при созданіи его царства. Вы утомились и изнемогли отъ долгаго странствія; отдохните же день или два, потомъ встаньте, оглянитесь и рѣшите, какъ вы будете жить. Не терзайте себя относительно вашихъ религіозныхъ обязанностей; вы избраны для этого дѣла и Богъ будетъ печься о васъ. Ободритесь и не унывайте. Посмотрите на эту долину, въ которую вы призваны изъ міра. Ваша первая обязанность научиться садить капусту, лукъ, томаты и сладкій картофель; потомъ научиться, какъ кормить свиней, строить домъ, разводить садъ, ходить за скотомъ, печь хлѣбъ, однимъ словомъ ваша первая обязанность—жить. Вторая обязанность научиться англійскому языку, тѣмъ датчанамъ, французамъ и швейцарцамъ, которые его не знаетъ, ибо сей языкъ—языкъ Божій, языкъ книги Мормоновъ, языкъ Послѣднихъ Дней. Вотъ чему вы обяза-

ны научиться прежде всего, остальное же придастся вамъ въ должное время. Да благословитъ васъ Богъ и да будетъ миръ Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами.»

Однако храмъ не забытъ; въ сущности ни одинъ народъ на свѣтѣ не посвящаетъ столько денегъ на свои религіозныя зданія и обряды, какъ Мормоны. Десятина со всего дохода, часто гораздо больше дается охотно всѣми въ пользу церкви, но первая мысль новобранца, первый совѣтъ старѣйшины, всегда одни и тѣ же, что Святой долженъ смотрѣть на трудъ, трудъ физическій и умственный, но преимущественно физическій, какъ на предназначенную жертву, которою, по Божьему изволенію, человѣкъ очиститъ себя отъ грѣха и достигнетъ вѣчнаго покоя. Всю энергію, которую другія секты влагаютъ въ религіозную полемику, Мормоны обращаютъ на трудъ. Они не избѣгаютъ словесныхъ разсужденій, они даже очень мѣтки на словахъ и быстро приводятъ надлежащіе тексты, но они предпочитаютъ вести главную свою полемику съ міромъ посредствомъ заступа.

Отъ этого они благоденствуютъ тамъ, гдѣ другой бы человѣкъ не могъ существовать. Тѣ инженеры, которые донесли Американскому правительству, что сотни поселенцевъ не найдутъ себѣ пищи въ этихъ долинахъ, не такъ ошибались какъ полагаютъ теперь люди, видящіе на дѣлѣ успѣхъ Юнга. Даже Бриджеръ, старый Вазатчскій охотникъ, предлагая тысячу долларовъ за каждое зерно ржи, полученное съ этой земли, не былъ такъ глупъ, какъ онъ можетъ казаться теперь. Всѣ эти критики говорили только о томъ, чего можно было ожидать отъ обыкновенныхъ людей, движимыхъ обыкновенными побужденіями, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обыкновенные люди погибли бы. Почва дотого здѣсь суха, дотого безплодна, что, со всей страстью къ труду, Мормонъ можетъ воздѣлать только четыре акра земли, тогда какъ язычникъ на рѣкахъ Миссури и Канзасѣ легко воздѣлываетъ сорокъ акровъ. Удалите страстную силу, движущую Мормонами, и чрезъ два года Городъ Солёнаго Озера станетъ также какъ Денверъ зависѣть отъ Индіаны и Огіо, станетъ точно также нуждаться въ чужомъ кускѣ хлѣба.

Кто же такіе эти рабочіе Святые, воздвигающіе храмъ?

Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, въ Америкѣ было весна

Мормоновъ, въ Англіи и остальной Европѣ ни одного, а сегодня (1866) двадцать тысячъ Святыхъ живутъ въ Городѣ Солёнаго Озера, четыре тысячи въ Огденѣ, но столько же въ Прово и Логанѣ; всего во всѣхъ поселеніяхъ, разбросанныхъ въ этихъ долинахъ (этихъ поселеній, организованныхъ и управляемыхъ епископами и старѣйшинами, сто шесть) полтораста тысячъ душъ; въ остальныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ около восьми или десяти тысячъ; въ Англіи и ея колоніяхъ около пятнадцати тысячъ, въ остальной Европѣ десять тысячъ, въ Азіи и на островахъ Южнаго Океана около двадцати тысячъ,—итого всѣхъ послѣдователей Евангелія отъ Іосифа Смита не менѣе двухъ сотъ тысячъ человѣкъ. Все это громадное количество людей обращено въ новую вѣру, собрано вокругъ этого храма въ продолженіе тридцати лѣтъ.

Эта сила развитія, посреди всякаго рода преслѣдованій, одинъ изъ самыхъ странныхъ фактовъ въ исторіи столь страннаго народа. Въ половинное число лѣтъ обыкновенной человѣческой жизни онъ разросся изъ ничего въ громадную, полную жизни церковь. Исламъ, проповѣдуя Единство Бога огнемъ и мечомъ, шелъ впередъ гораздо медленнѣе, чѣмъ эти Американскіе Святые. Менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ они образовали цѣлый народъ, исторгнутый изъ лона христіанской церкви, они заняли территорію, большую пространствомъ чѣмъ Испанія; они выстроили столицу въ пустынѣ, уже теперь болѣе многолюдную, чѣмъ Вальядолидъ; они вооружили и обучили армію болѣе чѣмъ въ двадцать тысячъ человѣкъ; они образовали священство, считающее въ своихъ рядахъ сотни дѣйствующихъ пророковъ, епископовъ, президентовъ, совѣтниковъ и старѣйшинъ; они создали свой собственный законъ, свое богословіе, свою собственную соціальную науку,—вполнѣ враждебные всѣмъ установленнымъ религіямъ и обычаямъ.

Считая ихъ силу только по количеству людей, Святые уже могущественны, но письменные отчеты (такъ часто преувеличивающіе цифры въ установленныхъ церквахъ и арміяхъ) въ этомъ исключительномъ случаѣ далеко не выражаютъ ихъ дѣйствительнаго могущества, какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ отношеніяхъ. Другихъ людей можно считать по головамъ; этихъ же слѣдуетъ считать не иначе какъ по головамъ и сердцамъ, ибо каждый Святой въ одно и тоже время и священникъ и солдатъ,

каждаго обучаютъ какъ духовной, такъ и физической борьбѣ. Каждый человѣкъ, достигшій возмужалости, имѣетъ мысль въ головѣ, револьверъ за кушакомъ и ружье въ рукѣ. Въ каждомъ домѣ мы находимъ оружіе; въ комнатѣ пророка, въ газетной конторѣ, въ домѣ эмигрантовъ, въ банѣ, въ общей столовой, въ обыкновенныхъ спальняхъ. Когда мы прибыли въ Городъ Соленаго Озера гостинница содержимая полковникомъ Литлемъ, однимъ изъ знатнѣйшихъ Мормоновъ, была полна гостей, и встрѣтившій насъ негръ указалъ намъ, какъ на единственное помѣщеніе, на маленькую комнатку, похожую на собачью кануру, безъ стола, шкафа или стула Мы тотчасъ представили кому слѣдуетъ наши рекомендательныя письма и друзья явились къ намъ на помощь; но гостинница была такъ набита путешественниками, что дѣйствительно нельзя было получить ни одной комнаты, и мой другъ долженъ былъ принять любезное приглашеніе полковника Литля поселиться въ его частномъ домѣ. Тамъ онъ засталъ одну изъ женъ полковника, окруженную хорошенькими дочерьми, которымъ она читала книгу, защищавшую многоженство; когда же вечеромъ онъ вошелъ въ отведенную ему спальню, принадлежавшую одному изъ сыновей полковника Литля, онъ съ удивленіемъ нашелъ подъ своей подушкой заряженный пистолетъ, на стѣнѣ два такихъ же заряженныхъ револьвера, а въ углу два ружья. Притомъ надо замѣтить, что молодой сынъ полковника Литля, хозяинъ этой комнаты, былъ мальчикъ лѣтъ семнадцати.

Сначала Святые были мирнымъ народомъ, боровшимся только мечомъ вѣры; но когда язычники-грабители стали нападать на нихъ, употребляя желѣзо и сталь противъ того, что они называли истиной, и когда оказалось, что законъ, къ которому они обратились въ своемъ затруднительномъ положеніи, не могъ оказать имъ помощи, то Святые препоясали свои чресла и взяли въ руки болѣе житейское оружіе. Они купили мечи и ружья, сформировали изъ себя батальоны, стали обучаться военному искусству и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлались гораздо страшнѣе въ Іовѣ и Иллиной-сѣ, чѣмъ можно было предположить по ихъ малочисленности. Если они не были довольно могущественны, чтобы основать новую имперію на Миссисипи, на зло общественному мнѣнію, то они были достаточно сильны, чтобы безпокоить сосѣдніе штаты и во время

Мексиканской войны выставить блестящій корпусъ. Съ того времени и донынѣ Святые не прекращали занятій военнымъ дѣломъ. Маршировку можно теперь назвать частью ихъ религіозныхъ обрядовъ, ибо Святой такъ же обязанъ участвовать въ парадѣ, какъ и присутствовать въ синіи. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что каждый взрослый мужчина въ Дезеретѣ, какъ Мормоны называютъ Утаху, одинаково готовъ во всякую данную минуту отправиться миссіонеромъ для проповѣди или солдатомъ на поле битвы. Они хвалятся, и я полагаю не попусту, что въ пятнадцать минутъ они могутъ собрать вокругъ городской ратуши три тысячи ружей и такое же число револьверовъ. Однажды, вслѣдствіе ложной тревоги, такое громадное количество людей дѣйствительно собралось подъ знаменами.

Эти строители храма называютъ себя Святыми, признаютъ Библію за истинную и крестятъ новобранцевъ во имя Христа; но они не христіане, и никакая церковь въ мірѣ не могла бы вступить съ ними въ общеніе, при теперешнемъ ихъ положеніи. Въ сущности, они подходятъ гораздо ближе по вѣрѣ, нравственности и управленію къ Утахамъ и Шошонамъ, чѣмъ къ какой бы то ни было Англо-Саксонской Церкви. Юнгъ истолковываетъ и понимаетъ Библію такъ, какъ никто ее другой не истолковываетъ и не понимаетъ. Часто увѣряли, что Святые имѣютъ новый переводъ Библіи, сдѣланный по наитію Святаго Духа; но Бригамъ Юнгъ объявилъ мнѣ, что это совершенно несправедливо. Онъ, правда, говоритъ, что понимаетъ Священное Писаніе съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, чѣмъ мы, язычники, и что небесное откровеніе пояснило ему нѣкоторыя темныя для насъ мѣста; но у него нѣтъ другой Библіи, какъ обыкновенное, установленное изданіе англійской церкви. «Библія короля Іакова, сказалъ онъ мнѣ торжественно,—моя Библія, я не знаю другой.» Дѣйствительно, мнѣ кажется, онъ считаетъ это установленное толкованіе божественнымъ и самый языкъ, которымъ оно изложено, для него святъ. «Англійскій языкъ, говорилъ онъ мнѣ неразъ,—священная форма выраженія, самый лучшій, мягкій и сильный изъ всѣхъ языковъ.» Я полагаю даже, что онъ его считаетъ языкомъ Бога и неба. «Это святой языкъ, прибавлялъ онъ, ибо на этомъ языкѣ Ангелы написали книгу Мормоновъ, на этомъ языкѣ Богъ удо-

стоилъ человѣка своимъ послѣднимъ отправленіемъ.» Когда одинъ мой пріятель зашелъ въ книжную лавку въ Городѣ Солёнаго Озера и спросилъ книгу, въ которой было бы изложено Мормонское ученіе, то книгопродавецъ подалъ ему англійскую Библію. «У насъ нѣтъ лучшей книги; все, чему мы вѣримъ, сказалъ книгопродавецъ,—вы найдете на этихъ страницахъ.» Это ихъ любимое выраженіе, но тѣмъ неменѣе въ ихъ Библіи находятся тысячи фактовъ и догматовъ, которыхъ въ нашей нельзя отыскать: такъ у нихъ своя исторія сотворенія міра, паденія человѣка, искупленія и будущей жизни, ибо въ сущности у нихъ Новое Небо и Новая Земля.

Магометанская мечеть гораздо ближе къ христіанской церкви, чѣмъ этотъ Мормонскій храмъ. Исламъ повергнулъ на землю идоловъ, Мормонство востановляетъ ихъ. Смитъ и Юингъ населили свое странное небо богами собственнаго изобрѣтенія; и Вседержитель въ ихъ глазахъ только президентъ неба, глава между духовными перами, занимающій престолъ вродѣ престола Римскаго Юпитера. Однимъ словомъ, этотъ храмъ ничто иное, какъ алтарь новаго народа, народа, создавшаго себѣ новый законъ, новую нравственность, новое священство, новую дѣятельность, новые догматы, новаго Бога.

ГЛАВА XIX.

Два Пророка.

Ничего не можетъ быть легче, какъ смѣяться надъ этими Святыми. Они состоятъ изъ людей самаго низкаго класса,—это поддонки большихъ городовъ, это грязь большихъ дорогъ, это илъ рѣчной, это пѣна морская. Ихъ Пророкъ былъ Джо Смитъ, а его сказки о золотыхъ скрижаляхъ, объ Урим'ѣ и Тумим'ѣ, объ египетской муміи, о Сполдингскомъ рукописномъ романѣ, о мечѣ Лавана, объ Ангельскихъ видѣніяхъ, о Мормонской книгѣ, о бумажныхъ деньгахъ, о духовной женѣ,—эти сказки могутъ быть

такъ разсказаны человѣкомъ юмористическимъ, что цѣлое общество язычниковъ будетъ помирать со смѣху. Быть можетъ самая слабая сторона новой церкви—это жизнь ея Пророка, а самая сильная — его смерть. Еслибъ Смитъ прожилъ довольно долго, для того чтобы исторія его жизни сдѣлалась всѣмъ извѣстною, то по всей вѣроятности въ народѣ столь насмѣшливомъ, какъ Американскій, нашлись бы немногіе, которые сохранили бы въ него вѣру.

Посмотрите на маленькое маслянистое лицо Смита и скажите, можно ли предположить, чтобы нѣчто божественное заключалось въ немъ? Но съ истиннымъ инстинктомъ сектатора, Смитъ понималъ, что сѣмена новой церкви сѣются въ крови ея мучениковъ, и потому постоянно день за днемъ подвергалъ себя преслѣдованіямъ. Никто не достигаетъ популярности до тѣхъ поръ, пока его не оскорбляютъ, никто не считается Святымъ до тѣхъ поръ, пока его не чернятъ клеветой, никто не дѣлается пророкомъ до тѣхъ поръ, пока его не побьютъ каменьями. «Гоненіе, говорилъ мнѣ Бригамъ,—нашъ удѣлъ; если мы правы, то весь міръ станетъ противъ насъ, но весь міръ не можетъ побороть избранниковъ Бога.» Смитъ сознавалъ въ душѣ своей эту истину изъ истинъ, и его враги въ Соединенныхъ Штатахъ сами помогали ему достичь желанной цѣли.

Тридцать девять разъ онъ былъ подъ судомъ, и тотъ фактъ, что, несмотря на столько обвиненій, онъ ни разу не былъ приговоренъ, свидѣтельствуетъ вполнѣ объ его необыкновенной ловкости. Каждое новое обвиненіе, взведенное на него, увеличивало число его послѣдователей. Но все-же его секта распространялась очень тихо въ сравненіи съ сектами Джорджа Фокса, Джона Веслея и даже Анны Ли. Вокругъ самого Смита, въ рядахъ его церкви постоянно были раздоры и распри; многіе изъ Святыхъ увѣряли, что ихъ пророкъ обкрадывалъ общую казну. Ригдонъ, помогавшій ему выдать романъ Сполдинга за переводъ Золотыхъ Скрижалей, бросилъ его и обнаружилъ весь обманъ. Другіе Святые послѣдовали его примѣру, и хотя много новыхъ людей ежедневно обращались въ новую вѣру въ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ Джозефа не знали во плоти, эта секта навряд-ли сохранила бы свое существованіе, еслибы западнымъ разбойникамъ не вздумалось сдѣлать изъ Смита мученика. Шайка подобныхъ молодцевъ

овладѣла тюрьмой въ Карѳагенѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, и застрѣлила его, какъ бѣшеную собаку.

Это преступленіе, извинить которое нѣтъ никакой возможности, дало новую силу его друзьямъ и открыло сердца тысячей для воспринятія его проповѣдей. Земное правосудіе было слишкомъ медленно, чтобы схватить убійцъ, и слишкомъ слабо, чтобъ ихъ наказать; кровь мученика, казалось, вопіяла къ Небу.

Когда было узнано что Смитъ умеръ, что онъ былъ убитъ за свои убѣжденія,—его слабость, его заблужденія были тотчасъ забыты. Воспоминаніе о его хитрости, сребролюбіи, распутствѣ, невѣжествѣ и грубомъ честолюбіи было похоронено въ его безвѣстной могилѣ, и возвышенная слава мученика осѣнила его главу въ глазахъ его послѣдователей и многихъ, которые еще не были его послѣдователями. Его смерть была зачтена ему за высшую добродѣтель и возвысила его гораздо болѣе, чѣмъ еслибъ онъ дѣйствительно велъ святую героическую жизнь.

Эта исторія такъ же стара, какъ время. Смитъ, живя въ Науво, ссорясь со своими послѣдователями за деньги и долги, ссорясь со своею женою Еммою за духовныхъ женъ, подвергаемый всегда обвиненіямъ въ воровствѣ и пьянствѣ, не былъ конечно человѣкомъ, котораго бы могъ бояться Американскій народъ; но его убійство въ Карѳагенской тюрьмѣ возвысило человѣка, обвиняемаго въ долгахъ, пьянствѣ, воровствѣ и распутствѣ, до сана Святаго. Люди, которые едва ли бы унизились до его общества, когда онъ былъ живъ; теперь, когда онъ умеръ, объявили его истиннымъ преемникомъ Моисея и Христа.

Подъ управленіемъ новаго предводителя, Бригама Юнга, человѣка низкаго происхожденія, замѣчательно здраваго смысла и рѣдкаго остроумія,—эта секта вышла изъ своего унизительнаго положенія постоянныхъ внутреннихъ распрей. Она облеклась въ болѣе приличную одежду, сомкнула свои порѣдѣвшіе ряды и стала работать съ новой энергіей, распространяя свою вѣру трудами миссіонеровъ. Видя, что послѣднія смуты сдѣлали положеніе Мормоновъ на Миссисипи невозможнымъ и нестерпимымъ, Юнгъ посовѣтовалъ своимъ послѣдователямъ уступить силѣ зла, удалиться изъ міра, въ которомъ они не нашли блаженнаго покоя, и поставить свои Скиніи на одной изъ тѣхъ дикихъ равнинъ далека-

Бригамъ Юнгъ.

го запада, гдѣ въ то время блуждали только немногія племена краснокожихъ индѣйцевъ: Утахи, Поніи, Шошоны; онъ совѣтовалъ водвориться въ такъ-называемой Американской пустынѣ, которую считали тогда никому непринадлежащей. Это былъ смѣлый планъ. Далеко за западными луговыми степями, далеко за Скалистыми Горами, лежала громадная пустыня, каменистая, соленая, на присвоеніе которой не посягала еще ни одна жадная рука Бѣлыхъ. Какой-то папа въ средніе вѣка пожаловалъ эту пустыню Испанской коронѣ, отъ которой она перешла на бумагѣ къ Мексиканской республикѣ; но ни Испанцы, ни Мексиканцы никогда не проникали такъ далеко на сѣверъ и не владѣли фактически землею. Посреди этой дикой пустыни лежало Мертвое Озеро, не менѣе страшное, чѣмъ Баръ-Лутъ, озеро Лота. Четвертая часть его водъ, увѣряли, состояла изъ окрѣпшей соли. Вода въ ручьяхъ и потокахъ, изливавшихся въ него, была гнилая, вода въ окружающихъ источникахъ горькая, а берега его на много миль покрыты бѣлой, солянистой корой. Эти берега не походили ни на какую другую мѣстность въ свѣтѣ, исключая Сирійскаго Гора; они были еще мрачнѣе, еще отвратительнѣе, чѣмъ Сирійскій Горъ, тѣмъ, что воды Солёнаго Озера—стоячія, зловонныя, грязныя, такъ что живому человѣку на берегахъ его невозможно дышать. И чтобъ увѣнчать всѣ эти отталкивающія условія мѣстности, эта пустыня соли, камней и гнилой воды, была закрыта отъ всего міра на востокѣ Скалистыми Горами, а на западѣ Сіеррой Невадой, кряжами горъ, столь же высокими, какъ Монбланъ, и вѣчно покрытыми снѣгомъ и льдомъ.

Краснокожіе, странствовавшіе по этой землѣ, искавшіе для своего пропитанія насѣкомыхъ и кореньевъ, скрытыхъ въ землѣ, принадлежали, какъ было всѣмъ извѣстно, къ самымъ дикимъ и низкимъ племенамъ, самой низкой и дикой расы. Стадо бизоновъ, стая чаекъ, туча саранчи составляли единственное и то перелетное населеніе этой пустыни. Весною, когда щедушная зелень силится покрыть землю, когда поднимается дикій шалфей и карликъ-подсолнечникъ, жадная саранча опускается на землю и безжалостно съѣдаетъ каждый зеленый листокъ, каждую зеленую почку. Лѣсовъ нигдѣ не было видно; трава рѣдко встрѣчалась и то мелкая, щедушная. Въ этой почвѣ находили себѣ пищу только

дикій шалфей и подсолнечникъ, растенія безполезныя для человѣка и ядовитыя, какъ тогда думали, для животнаго.

Охотники, бросавшіе взглядъ на Солёное Озеро съ горныхъ пиковъ и проходовъ Вазатчскихъ Горъ, представляли самую мрачную картину этой мѣстности, лишенной жизни, безъ зелени, безъ ручьевъ, безъ источниковъ. Вода въ колодцахъ, говорили они, такая же соленая, какъ земля въ полѣ. Не находя тутъ ни деревьевъ, ни свѣжей воды, траперы рѣшили, что эта великая Американская пустыня не годна для житья, невозможна для пропитанія цивилизованнаго человѣка. Но Юнгъ думалъ иначе. Онъ зналъ, что гдѣ Святые не втыкали въ землю свою лопату: въ Киртландѣ (въ Огіо), въ Индепенденсѣ (въ Миссури) и въ Науво (въ Иллинойсѣ)—вездѣ небо благословляло ихъ роскошною жатвою; новый Пророкъ Мормоновъ твердо вѣрилъ, что та же сильная рука, та же твердая воля, тѣ же могучіе мускулы извлекутъ богатую жатву изъ пустынной, обнаженной долины Солёнаго Озера.

Плотникъ по ремеслу, Юнгъ умѣлъ рубить деревья, тесать доски, дѣлать телѣги, ставить заборы, строить временные навѣсы. Святые, которыхъ онъ долженъ былъ вести съ собою, привыкли къ труду и лишеніямъ; они большею частью были Новоанглійскіе рабочіе или западные фермеры, люди, которые могли взяться за какое угодно дѣло, исполнить его хорошо и побороть всякую трудность. Равное число Англичанъ или Французовъ погибло бы въ этой попыткѣ перейти черезъ степи и горы, но природный Американецъ—человѣкъ на всѣ руки: онъ банкиръ, мясникъ, плотникъ, возница, государственный человѣкъ, все, что хотите и когда хотите,—это человѣкъ, знающій все, способный на все, такъ что хлѣбникъ выстроитъ вамъ мостъ, проповѣдникъ укротитъ самую дикую лошадь, адвокатъ испечетъ вамъ пирогъ. Юнгъ зналъ, что, проходя черезъ необозримыя степи и взбираясь по крутизнамъ Скалистыхъ Горъ, народъ его будетъ терпѣть большія лишенія; но его практическому уму казалось, что мужественные люди, наученные славнымъ примѣромъ, могли перенести всѣ страданія и не заплатить за это жизнію. Пищу и сѣмена для будущаго посѣва можно было повезти съ собой въ легкихъ фургонахъ, а небольшое количество воды могло исправить горькую воду ручьевъ. Каждый изъ его послѣдователей зналъ отлично ка-

кое-нибудь ремесло, каждая женщина была или прачка, или швея, или кухарка, или скотница; даже дѣти могли приносить пользу въ пути, ибо каждая Американская дѣвочка умѣетъ доить корову, каждый мальчикъ умѣетъ править волами или лошадьми.

Отрядъ піонеровъ (многіе изъ которыхъ до сихъ поръ живы) посланъ былъ впередъ въ качествѣ развѣдчиковъ, и наконецъ Юнгъ объявилъ походъ на западъ; въ каждомъ семействѣ въ Науво стали приготовляться къ странствію; этимъ приготовленіямъ нѣтъ ничего равнаго въ исторіи съ того дня, когда Моисей вывелъ народъ изъ Египта. Святые покинули цѣликомъ свои веселые дома, взяли съ собою наскоро лишь немного пищи, немного сѣмянъ и кореньевъ и съ дюжину боченковъ водки. Они запрягли своихъ воловъ и муловъ въ простые сельскіе фургоны; тѣ же, которые были слишкомъ бѣдны, чтобы купить фургоны и воловъ, устроили себѣ телѣжки и тачки. Преслѣдуемые своими врагами, Святые вышли изъ Науво, пока еще свирѣпствовала зима, перешли Миссисипи по льду и начали свое странствіе по странѣ, въ которой на протяженіи тысячи пятисотъ миль не было ни дорогъ, ни мостовъ, ни селеній, ни гостинницъ, ни колодцевъ, ни полей, ни пастбищъ. Они оставили все за собою, какъ разсказывалъ мнѣ старѣйшина Джонъ Тэйлоръ; они оставили свои поля, свои сады, свои хорошенькіе домики, съ книгами, коврами, фортепіанами и всѣмъ, что въ нихъ было. Путь, по которому предстояло идти эмигрантамъ, былъ равенъ разстоянію отъ Лондона до Лемберга, и въ шесть разъ дальше, чѣмъ изъ Каира въ Іерусалимъ. Путь этотъ лежалъ черезъ луговую степь, населенную только Поніями, Шошонами, волками и медвѣдями; его перерѣзывали быстрые потоки и длинныя гряды горныхъ кряжей; а конечная цѣль, къ которой они стремились, спасительная гавань, которую они могли достичь послѣ стольнихъ трудовъ и опасностей—были пустынные берега Мертваго Моря, безплодная долина, орошаемая соленой влагой, пастбище, покрытое соленою корою.

ГЛАВА XX.

Бѣгство изъ Неволи.

Разсказъ объ этомъ странствіи Святыхъ, какъ мы его слышали изъ устъ Юнга, Вельса, Тэйлора и другихъ стариковъ, совершившихъ его, возмутитъ и потрясетъ сердце каждаго благороднаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудитъ въ его умѣ какой-то восторженный энтузіазмъ. Когда Мормоны были насильно изгнаны изъ подъ крова, ими самими выстроеннаго, съ поля, ими самими обработаннаго, дни были коротки и снѣгъ лежалъ на землѣ. Они должны были оставить своимъ вооруженнымъ грознымъ врагамъ все, что у нихъ было: свои дома, храмъ только-что отстроенный, могилы своихъ милыхъ; они взяли съ собою только немного пищи, немного сѣмянъ и картофеля для будущаго посѣва. Дѣти ихъ отмораживали себѣ ноги и руки; старые и молодые страдали отъ голода и жажды. Громадныя равнины песку, въ который до ступицы погружались колеса фургоновъ, отдѣляли одинъ скудный ручей отъ другаго. Посреди этой пустыни не было ни одного колодца. Часто миражи издѣвались надъ несчастными, подавая имъ ложную надежду; и даже когда они останавливались у ручьевъ и потоковъ, вода часто была горька на вкусъ и вредна для здоровья. Дни были коротки, погода была холодная, и отсутствіе всякаго убѣжища отъ мороза, кромѣ парусинной крышки фургоновъ, причиняло въ долгія, зимнія ночи невообразимыя страданія. Лошади падали отъ изнеможенія и болѣзней. Между коровами и овцами также открылись недуги, такъ что молоко стало рѣдко, а баранину жарили со страхомъ, боясь, что это послѣдняя. Много старыхъ, бѣдныхъ и больныхъ людей приходилось оставлять позади подъ прикрытіемъ сильныхъ молодцевъ, въ помощи которыхъ такъ нуждался караванъ.

Эта потеря молодыхъ могучихъ силъ не составляла еще всѣхъ несчастій, обрушившихся на эмигрантовъ въ началѣ ихъ похода. Въ ту самую минуту, когда каждая рука была для нихъ дорога, вспыхнула Мексиканская война, и правительство, которое никогда

не было достаточно сильно, чтобы защитить Мормоновъ отъ оскорбленій и обидъ, теперь обратилось къ нимъ же съ просьбою о помощи людьми и оружіемъ. Юнгъ отвѣчалъ на призывъ своей родины какъ истый патріотъ: пятьсотъ юношей, цвѣтъ отряда эмигрантовъ, получивъ благословеніе своего предводителя, вступили въ ряды Американской арміи. Ослабленные удаленіемъ этой живой силы, Мормоны переправились черезъ Миссури на плотахъ собственнаго издѣлія и вступили въ Великую Пустыню, карту которой они заранѣе набросали, по дошедшимъ до нихъ свѣдѣніямъ. Теперь началась самая трудная часть ихъ странствія: они шли впередъ, сами пролагая себѣ дорогу, строя легкіе мосты, собирая траву и растенія для собственной пищи; сѣя рожь для тѣхъ, которые должны были пройти позже по этой дорогѣ; строя временные навѣсы для ночлега своимъ дѣтямъ; вырывая въ землѣ ямы, чтобъ укрыться отъ зимнихъ снѣговъ. Пища у нихъ была скудная, вода дурная, а мясо лося, антилопы или буйвола, единственное мясо, которое они могли найти въ пустынѣ, отравляло ихъ кровь. Почти всѣ боченки съ водкой, которые они взяли изъ Науво для исправленія дурной воды, были захвачены на дорогѣ правительственными агентами подъ предлогомъ, что ихъ везли къ краснокожимъ, тогда какъ запрещено было продавать имъ горячительные напитки. Четыре только боченка были спасены, и то самимъ Бригамомъ Юнгомъ. Одинъ изъ старѣйшинъ, который видѣлъ это происшествіе своими глазами и потомъ разсказывалъ мнѣ, говорилъ, что это единственный разъ, когда онъ видѣлъ пророка въ гнѣвѣ. Четыре послѣдніе боченка перевозились на плоту, когда одинъ изъ правительственныхъ чиновниковъ схватилъ уже молотокъ, чтобъ выбить дно и разлить такимъ образомъ драгоцѣнную жидкость, необходимую для спасенія жизни стольких людей Увидѣвъ это, Бригамъ выхватилъ пистолетъ, прицѣлился прямо въ лицо чиновнику и воскликнулъ: «стой, если ты только прикоснешься къ боченкамъ, ты—мертвый, клянусь Богомъ!» Чиновникъ поспѣшно соскочилъ съ плота на берегъ и болѣе не безпокоилъ эмигрантовъ.

Даже въ нашемъ путешествіи черезъ эти степи, хотя былъ августъ мѣсяцъ, погода теплая и ѣзда быстрая, мы много страдали отъ недостатка свѣжей пищи и хорошей воды. Мой товарищъ

долгого страдалъ желчью, что у него сдѣлался кровавый поносъ; желудокъ его не могъ держать никакой пищи, никакого питья, ничего кромѣ коньяку. Вода почти-что убила его. Его загорѣлое лицо сдѣлалось блѣднымъ, бѣловатымъ какъ мѣлъ, руки и ноги его ослабли и висѣли какъ тряпки, вообще его сильная натура такъ поддалась злому недугу, что сторожъ одной изъ ранчъ, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ, сказалъ мнѣ: «вамъ будетъ очень грустно, когда онъ останется позади.» Я самъ подвергся болѣзни гораздо позже и въ другой формѣ. Кожа съ моихъ рукъ стала сходить, словно я содралъ ее ножомъ; чирья усѣяли всю мою спину; ячмень вскочилъ у меня подъ рѣсницами; пальцы высыпали словно въ спорбутѣ.

Эти оба недуга, какъ разсказывалъ мнѣ Тэйлоръ, сильно свирѣпствовали въ лагерѣ эмигрантовъ,—многіе страдали кровавымъ поносомъ, еще большее число отъ цынги.

Нѣкоторые изъ Святыхъ въ виду такихъ ужасныхъ трудностей и лишеній стали отставать по дорогѣ, еще большее количество умирало преждевременною смертью. Каждый день кого-нибудь хоронили въ пустынной могилѣ, каждую ночь раздавались рыданія надъ новымъ покойникомъ. Смертность всегда очень велика въ обозахъ эмигрантовъ, даже теперь, когда проложены дороги и на всѣхъ станціяхъ вы находите хоть растительную пищу. Въ обозѣ, который пришелъ при мнѣ въ Городъ Соленаго Озера, шесть человѣкъ погибло въ степи; а одна молодая дѣвушка разсказывала, что въ отрядѣ эмигрантовъ, съ которыми она прибыла, умерло восемьдесять человѣкъ; сорокъ быть можетъ составили бы среднюю цифру смертности въ данномъ случаѣ. Но нижніе эмигранты не понесли такой громадной потери, какъ первые. «Смертность была страшная,» говорилъ мнѣ Бригамъ Юнгъ, разсказывая горькую повѣсть своего странствія. Однако при всемъ этомъ храбрый, стойкій отрядъ Святыхъ мужчинъ и женщинъ шелъ впередъ несмотря ни на что. Когда имъ становилось очень грустно на сердцѣ, оркестръ музыки начиналъ играть какую-нибудь веселую пѣсню; всѣ подтягивали ее и забывали свое горе. Днемъ они пѣли гимны, ночью плясали вокругъ сторожевыхъ огней. Унылые, мрачныя мысли, аскетизмъ были строго изгнаны изъ ихъ лагеря, изъ ихъ головы. Между немногими сокровищами, унесен-

ными или изъ Науво, былъ печатный станокъ, и газета, печатавшаяся такимъ образомъ на дорогѣ, распространяла добрые совѣты и увѣщанія по всѣмъ закоулкамъ лагеря.

Пройдя песчаныя равнины, извѣстныя впослѣдствіи образованному міру подъ названіемъ Небраски и Дакоты, они достигли подошвы первой гряды тѣхъ высокихъ разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ горъ, которыя обыкновенно группируютъ подъ однимъ названіемъ Скалистыхъ; чрезъ эти высокія стѣны не было еще въ то время ни одной тропинки и горные проходы были занесены снѣгами. Безъ слезъ старики не могутъ разсказывать теперь, какъ они взбирались по этимъ горамъ, таща за собою фургоны, отыскивая себѣ пищу, безъ всякой помощи, безъ проводниковъ. Сильные и молодые шли впередъ, пробивая тропинку для стариковъ и женщинъ, отгоняя медвѣдей и волковъ, убивая змѣй и охотясь за лосемъ и дикимъ оленемъ. Наконецъ, когда они достигли вершины горнаго прохода, ихъ глазамъ представились безконечныя, безплодныя, каменистыя равнины, съ пересохшими ложбинами потоковъ, съ обнаженными холмами, съ узкими оврагами, крутыми пропастями и ручьями горькой воды. День за днемъ, недѣля за недѣлей шли они по этимъ холоднымъ сіеррамъ, по этимъ угрюмымъ долинамъ. Пища оскудѣвала, дикія животныя встрѣчались рѣже, Утахи и Сеноки выказывали вражду, и въ концѣ ихъ путешествія, если они когда-нибудь достигнутъ этого конца, ожидала ихъ такая же обнаженная, соленая пустыня!

И все же они не отчаявались отъ враждебнаго вида этой страны. Они и не ожидали цвѣтущаго рая; рѣшившись поселиться въ этой новой странѣ, они знали, что въ ней никто не жилъ потому, что ее считали вполнѣ негодной; они ожидали найти тутъ только миръ и свободу, найти мѣсто, въ которомъ они могли испытать счастія съ глазу на глазъ съ природой и куда они потомъ могли созывать всѣхъ своихъ братій Святыхъ, какъ въ ихъ общее отечество. Наконецъ, спустившись съ вершинъ съ тревожно бьющимися сердцами и трубнымъ звукомъ, они вступили въ свою пустынную, но обѣтованную землю; они остановились на этой площадкѣ надъ Іорданомъ, близъ коническаго утеса, на которомъ Бригамъ видѣлъ ангела во снѣ; тутъ они составили планъ новаго города, изслѣдовали всѣ овраги и ручьи до ихъ начала въ горахъ; и

чрезъ нѣсколько дней отыскали, къ своему удивленію и радости, нетолько источники свѣжей воды, но и тѣнистыя рощи и зеленые луга. Ни минуты не было потеряно. Каждый тотчасъ взялся за свое дѣло подъ вліяніемъ практической мудрой теоріи, проповѣдываемой Юнгомъ о святости труда. Дезеретъ, Страна Пчелы, была объявлена обѣтованной землей и будущимъ отечествомъ Святыхъ. Это была никому невѣдомая, никому не принадлежащая страна, и они надѣялись образовать на ней независимый Штатъ.

ГЛАВА XXI.

Водвореніе въ Утахѣ.

Вскорѣ пустынная долина начала измѣнять свой видъ подъ ихъ искусными руками; горные ручьи отведены по новому направленію; поля обработаны и засѣяны; дома стали выростать изъ земли; стада овецъ и коровъ паслись на горныхъ скатахъ; соленыя копи и пильныя мельницы были устроены и пущены въ ходъ; фруктовыя деревья насажены и огороды разведены. Дороги были проложены и укатаны. Когда Мормоны вступили впервые въ эту горную долину, они нашли въ изобиліи сосны, хлопчатобумажныя деревья, березу, бузину, буксъ; все это были драгоцѣнные матеріалы для постройки ихъ новыхъ жилищъ. Вскорѣ изъ земли возсталъ Новый Іерусалимъ, заложенъ былъ храмъ, начала издаваться газета. Орѣховыя и другія крѣпкія деревья были посажены въ пригодныхъ для того мѣстахъ. Любезнымъ обращеніемъ и подарками Святые расположили къ себѣ краснокожихъ, которые до того времени были страшилищемъ всѣхъ разбойниковъ и охотниковъ дальняго запада; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ изъ враговъ они превратились въ союзниковъ бѣлаго человѣка. «Мы нашли, что гораздо дешевле кормить индѣйцевъ, чѣмъ воевать съ ними,» говорилъ мнѣ полковникъ Литль; и эта политика кормленія Утаховъ и Сенековъ постоянно поддерживалась Юнгомъ до сихъ поръ, съ двумя

мя тремя небольшими перерывами, происшедшими отъ недоразумѣній. Въ продолженіе двухъ или трехъ трудныхъ лѣтъ Святые Солёнаго Озера должны были вести борьбу съ саранчей и со сверчками, этими казнями древняго Ханаана; но благодаря множеству чаекъ, прилетавшихъ съ озера, и своему собственному искусству въ ловлѣ и уничтоженіи этихъ вредныхъ насѣкомыхъ, Мормоны наконецъ успѣли обезопасить свою жатву. Прошелъ годъ, и Мормоны не погибли въ своей пустынѣ. Напротивъ, они начали распространяться, благоденствовать и даже наживать деньги. Съ каждымъ годомъ они продолжали все болѣе и болѣе умножаться и богатѣть, до тѣхъ поръ, пока наконецъ ихъ купцы стали извѣстны въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, а ихъ городъ сдѣлался однимъ изъ чудесъ свѣта.

Въ чемъ же заключается тайна удивительнаго развитія этой новой общины въ дикой западной пустынѣ?

— «Посмотрите вокругъ себя, сказалъ мнѣ Юнгъ,—если вы желаете знать, что̀ мы за народъ. Девятьнадцать лѣтъ тому назадъ эта долина была пустыней, покрытой только тамъ и сямъ дикимъ шалфеемъ и подсолнечниками; мы, явившись сюда издалека, не принесли съ собою ничего кромѣ мѣшка съ сѣменами и кореньями, ничего не привели кромѣ нѣсколькихъ воловъ и фургоновъ; точно также и народъ, пришедшій сюда послѣ насъ, большею частью ткачи и простые работники, не принесъ съ собой ничего, ни одного гроша, ни даже умѣнья обращаться съ землей. Посмотрите теперь вокругъ себя съ этого балкона и вы увидите, что̀ мы сдѣлали.»

Какимъ же образомъ Святые совершили свое дѣло успѣшнѣе всѣхъ переселенцевъ въ этихъ пустынныхъ земляхъ западной Америки?

Сказать, что эти Святые—обманутые фанатики, будетъ ли удовлетворительнымъ отвѣтомъ? Нѣтъ ничего легче, какъ смѣяться надъ Джо Смитомъ и его церковью; но что же изъ этого? Великіе факты остаются во всей своей полнотѣ. Юнгъ и его народъ находятся въ Утахъ; церковь Мормоновъ считаетъ въ своихъ рядахъ двѣсти тысячъ душъ; армія ихъ состоитъ изъ двадцати тысячъ ружей. Вы можете смѣяться надъ вдохновеннымъ даромъ Джозефа говорить на разныхъ языкахъ, надъ его открытіемъ Урима и

Туманна (которыхъ онъ считалъ парой очковъ!), надъ его печонъ Лавана, надъ его Мормонскими бумажными деньгами, надъ его тридцатью девятью процессами, вы можете доказать съ необыкновеннымъ остроуміемъ, что самая слабая сторона новой вѣры заключается въ жизни ея основателя; но ваше остроуміе не разсѣетъ лагеря фанатиковъ. Развѣ вашъ смѣхъ сокрушитъ стѣны Новаго Іерусалима? Развѣ ваша ирониі измѣнитъ Утаховъ и Шошоновъ изъ друзей во враговъ этихъ Святыхъ? Развѣ ваши доводы остановятъ безчисленныхъ миссіонеровъ, проповѣдующихъ въ сотнѣ мѣстъ и тысячамъ слушающихъ ихъ съ жадностью евангеліе отъ Іосифа? Прошло время,—это чувствуютъ всѣ Американцы,—когда можно было принимать за шутку церковь Мормоновъ.

Въ Англіи, хотя наша земля говорятъ производитъ болѣе всего Святыхъ, мы еще не научились смотрѣть на Мормонство иначе, какъ на нѣчто смѣшное, какъ на сыпь, вскакивающую отъ времени до времени на общественномъ тѣлѣ; какъ на признакъ быть можетъ временнаго болѣзненнаго разстройства всего общества. Никто изъ насъ не научился еще смотрѣть на эту новую церковь какъ на симптомъ недуга, который кроется въ самомъ источникѣ жизни. Занималось ли когда нибудь собраніе нашихъ епископовъ и пасторовъ книгою Мормоновъ? Посѣщалъ ли какой-нибудь епископъ дома Святыхъ на Коммерческой Дорогѣ? Два или три пастора написали быть можетъ памфлеты противъ Мормоновъ, но видѣлъ ли кто-нибудь изъ нихъ вблизи этихъ Святыхъ? Рѣдкіе даже изъ частныхъ людей знакомы съ этими приверженцами новой церкви и ихъ догматами. Но наши братья въ Америкѣ едва ли могутъ относиться такъ легко къ Мормонству. Новая церковь видима и ощутительна для нихъ; для добра или для зла, но она существуетъ между ними, для нихъ это не шутка, не сыпь на кожѣ. До сихъ поръ наши собственные Святые смотрятъ на Англію, какъ на Египетъ; ихъ старое отечество для нихъ земля неволи, мѣсто ссылки изъ свѣтлой родины. Америка для нихъ Ханаанъ, Городъ Солёнаго Озера—Новый Іерусалимъ. Я не говорю, чтобъ это было намъ полезно, хотя оно имѣетъ видъ пользы, такъ какъ освобождаетъ насъ отъ грустной обязанности и удаляетъ изъ среды нашихъ городовъ нѣчто вызывающее на нашихъ лицахъ краску стыда. Бѣдные, старые, слабые изъ Святыхъ могутъ оставаться на нашихъ

улицахъ, умирать, какъ говорятъ они, въ домѣ неволи; но богатые, молодые, энергичные обязаны по догматамъ своей вѣры идти въ обѣтованную землю. При обращеніи въ новую вѣру молодыхъ людей, а особенно молодыхъ дѣвушекъ, имъ всегда совѣтуютъ перемѣну воздуха. Тысячи поэтому переселяются, хотя конечно тысячи и остаются. Въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Глазго и въ другихъ городахъ Святые имѣютъ школы и часовни, печатаютъ книги и газеты, о которыхъ Оксфордъ не имѣетъ и понятія. Не будучи политической сектой, не требуя никакихъ правъ, не жалуясь ни на какія злоупотребленія, довольные тѣмъ, что мирно дѣлаютъ свое дѣло, они избѣгаютъ вниманія прессы и такъ же мало занимаютъ собою общество, какъ Моравскіе и Плимутскіе Братья. Въ Лондонскомъ обществѣ вы услышите въ одну недѣлю болѣе разговоровъ о Принцѣ и Юнѣ, о Пріютѣ Любви и Духовныхъ Сферахъ, чѣмъ вы услышите въ полгода о Юнгѣ и Дезеретѣ. Святыхъ вы не найдете въ обществѣ; но въ Бостонѣ, Вашингтонѣ и Нью-Іоркѣ Мормоны имѣютъ громадное вліяніе и грозятъ сдѣлаться могучей силой. Уже юристы держатъ о нихъ совѣщанія, арміи двигаются противъ нихъ. Спикеръ Кольфаксъ ѣздилъ на переговоры съ Юнгомъ, и комитеты конгресса занимаются дѣлами Утахи. Повидимому приближается тотъ день, когда задачи, представленныя Мормонами на разрѣшеніе міру, будутъ разсматриваться практическими людьми, нетолько въ коллегіяхъ и часовняхъ, нетольке въ сенатахъ и судахъ, но въ лагерѣ и на полѣ брани.

Вопросъ о томъ, какъ Американскому народу поступать съ Мормонами—одна изъ самыхъ странныхъ загадокъ вѣка, который перебросилъ мостъ черезъ Океанъ, опоясалъ всю землю молніею и и приручилъ пылающихъ коней солнца. Еще можетъ быть долго будутъ искать разрѣшенія этаго вопроса, ибо мы не рѣшили еще окончательно насколько мысль свободна отъ контроля закона и насколько терпимость въ дѣлахъ вѣры подразумѣваетъ терпимость относительно тѣхъ дѣйствій, которыя проистекаютъ изъ вѣры. Большимъ шагомъ къ разрѣшенію этой трудной задачи должна быть попытка изслѣдовать что такое Мормонизмъ и какимъ путемъ онъ развился. Его нельзя просто отвергнуть, какъ совершенную нелѣпость или одинъ развратъ. Какъ странны ни

кажутся намъ эти новые сектаторы—въ нихъ должно быть какое-нибудь зерно истины. Они живутъ и благоденствуютъ; а люди, которые живутъ своимъ трудомъ, благоденствуютъ по своей собственной милости, не могутъ быть совершенно сумасшедшими. Ихъ улицы чисты, ихъ дома свѣтлы, ихъ сады изобилуютъ плодами. Миръ царствуетъ въ ихъ городахъ. Пьяницы и публичныя женщины невѣдомы въ ихъ средѣ. У нихъ болѣе первоначальныхъ школъ, чѣмъ въ какой-либо сектѣ Соединенныхъ Штатовъ. Но при томъ положеніи въ которомъ они находятся, при той вѣрѣ, которую они исповѣдуютъ, ихъ добродѣтели быть можетъ гораздо нестерпимѣе для насъ, чѣмъ были бы ихъ пороки. Многіе въ Соединенныхъ Штатахъ, по всей вѣроятности, гораздо охотнѣе терпѣли бы Мормоновъ, еслибъ они только вели себя гораздо хуже.

Что же совершили эти Святые?

Посреди свободнаго народа они основали деспотическое государство. Въ странѣ, которая отвергаетъ государственныя религіи, они поставили свою церковь выше человѣческихъ законовъ. Посреди Англо-Саксонскаго общества они ввели нѣкоторыя изъ идей и много обычаевъ краснокожихъ индѣйцевъ, Утаховъ, Шошоновъ и Сенековъ. Въ XIX столѣтіи по Р. Х. они возобновили тѣ общественные порядки, которые существовали въ Сиріи за XIX вѣковъ до Р. Х.

Образцы для ихъ системы могли найтись гораздо ближе Горана, не въ такихъ священныхъ преданіяхъ, какъ Библія. Шошонскій *вигвамъ* могъ представить Святымъ болѣе близкій примѣръ многоженства, чѣмъ палатка древнихъ патріарховъ; но если они и пользовались этими образцами, то навряд ли бы Кимбаль и Юингъ въ этомъ сознались. По ихъ словамъ Авраамъ представляетъ образецъ идеальнаго человѣка, покинувшаго свой домъ, свой родъ, свою страну изъ любви къ Богу. Сара—образецъ женщины, ибо она называла своего мужа господиномъ и дала ему въ жены свою служанку Агарь. Все что дѣлалъ Авраамъ и они могутъ и должны дѣлать; всѣ догматы и церковныя постановленія христіянства, всѣ законы и учрежденія человѣческіе для нихъ не имѣютъ никакой цѣны, если только они противорѣчатъ обычаямъ Арабскаго шейха. Поправъ ногами и

законы науки, и уроки исторіи, они проповѣдуютъ, что люди должны возвратиться назадъ, въ духѣ и буквѣ, къ тому патріархальному и первосвященническому правленію, которое существовало въ Сиріи четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, должны отбросить какъ ненужную обузу все, на что человѣкъ привыкъ смотрѣть, какъ на самыя драгоцѣнныя завоеванія времени и мысли—личную свободу, семейную жизнь, избраніе правителей, право рѣчи, единство законовъ, равенство передъ судомъ, свободу печати и выборовъ, они отбросили эти славныя побѣды времени и мысли, ради азіятскаго повиновенія одному человѣку низкаго происхожденія и необразованному, котораго они вздумали считать представителемъ Бога на землѣ. Никакой папа въ Римѣ, никакой царь въ Москвѣ, никакой калифъ въ Багдадѣ никогда не пользовался такой властью, какую Мормоны вручили Юнгу. «Я одинъ изъ тѣхъ людей, которые думаютъ, что Братъ Бригамъ долженъ дѣлать все,—говорилъ мнѣ старѣйшина Стенгаузъ, быть можетъ самый образованный и развитой человѣкъ на Солёномъ Озерѣ,—онъ сотворилъ эту церковь и онъ долженъ во всемъ все дѣлать по своему.» Многіе другіе повторяли мнѣ эти слова, нѣсколько измѣняя только выраженія. Никто и не думаетъ оспоривать волю Юнга. «Пускай тотъ прямо идетъ въ адъ, кто не можетъ выдержать взгляда Юнга», замѣтилъ мнѣ тотъ же Стенгаузъ. Даже въ кастѣ Индусовъ, въ семьѣ Киргизовъ, въ колѣнѣ Бедуиновъ такое смиренное преклоненіе всѣхъ передъ однимъ человѣкомъ показалось бы страннымъ, но въ свободной Америкѣ, между соотечественниками Сиднея и Вашингтона, въ устахъ писателя, способнаго на умныя шутки и цитирующаго послѣднюю поэму, человѣка, который достаточно Американецъ, чтобы носить въ карманахъ два пистолета—такое мнѣніе болѣе чѣмъ странно. Это—знаменіе времени.

ГЛАВА XXII.

Трудъ и Вѣра.

Джозефъ Смитъ, бѣдный мальчикъ родомъ изъ Шарона (въ Виндзорскомъ графствѣ, штата Вермонта), сынъ необразованныхъ, безграмотныхъ родителей, былъ пораженъ до безумія однимъ изъ тѣхъ религіозныхъ движеній, которыя старѣйшина Фредерикъ, проповѣдникъ Шэкеровъ на Ливанской горѣ, считаетъ свыше предопредѣленными эпохами религіозной жизни. Этотъ необразованный мальчикъ началъ дѣйствовать на окружавшихъ его восторженно возбужденныхъ людей; онъ сталъ утверждать, какъ и многіе другіе, но съ гораздо большей энергіей, что во время физическихъ изступленій ему являлись Ангелы, что онъ говорилъ съ Богомъ лицемъ къ лицу, что онъ избранъ насадить на землѣ церковь, церковь Америки, этого новаго Ханаана, предназначеннаго съ самаго начала міра быть колыбелью новой вѣры, новой всесвѣтной державы. Люди, которые слышали его проповѣдь, тотчасъ вѣровали въ него; онъ говорилъ имъ, что Богъ снова создалъ свое царство на землѣ и избралъ новое священство; всѣ, которые это слышали, уходили съ полной вѣрой въ сердцѣ и разносили радостную вѣсть въ тысячу христіанскихъ домовъ. Эта вѣсть распространялась безъ всякаго насилія, да и къ тому-же насиліе въ тѣ, первоначальные дни новой церкви было немыслимо, ибо Святые не имѣли никакого другаго оружія, кромѣ слова; они работали въ мирномъ виноградникѣ и побѣждали мирными средствами, несмотря на всю вражду и силу ихъ непріятелей. Они просили только одного: свободы проповѣдывать свое евангеліе, свободы всѣмъ слушать ихъ проповѣди; но и этого имъ не дозволяли. Они не посылали къ народамъ земли новаго Каледа, предлагавшаго или обращеніе въ новую вѣру, или рабство и смерть; они не поступали такъ, не потому, чтобъ это противорѣчило ихъ догматамъ, но просто потому, что въ свободной странѣ, подъ сѣнію гражданскихъ законовъ, они не имѣли бы возможности привести въ исполненіе подобный планъ. Съ самыхъ первыхъ вре-

менъ ихъ существованія, духъ Арабовъ двигалъ ихъ сердцами. Если настанетъ время, когда они будутъ въ состояніи препоясатся мечами, — они станутъ жестокосерднѣе Гедеона, безжалостнѣе Омара; но въ прошедшемъ они были скорѣе угнетенной, чѣмъ воинствующей церковью. Все, чего они достигли до сихъ поръ, сдѣлано словомъ, — тѣмъ, что они называютъ силой истины.

Но какъ совершили эти Святые въ пустынѣ все то, что мы теперь видимъ?

— Очень просто,—отвѣчаетъ намъ Юнгъ,—силою вѣры и труда, исполняя то, что они проповѣдуютъ, вѣруя въ то, что говорятъ.

Почти всѣ тѣ силы, которыя такъ могущественно дѣйствуютъ на умъ человѣка въ нашихъ свѣтскихъ обществахъ—геній, слава, званіе, богатство, рожденіе—почти всѣ эти силы не доставали Святымъ. Въ ихъ рядахъ до сихъ поръ не явился ни одинъ человѣкъ вродѣ Лютера, Кальвина и Веслея. Джозефъ по уму былъ ниже всякой критики. Бригамъ—человѣкъ высокаго здраваго смысла, но ничего болѣе. Пратъ—необразованный мечтатель, Кимбаль не знаетъ грамоты. Вельсъ, Канонъ, Тэйлоръ и Гуперъ, самые замѣчательные люди между Святыми, не выказали никакихъ свѣтскихъ, блестящихъ дарованій, ни учености, ни краснорѣчія, ни логики, ни поэзіи, которые могли бы объяснить ихъ быстрые и постоянные успѣхи во всѣхъ странахъ, гдѣ они бывали.

Пчела избрана Святыми, какъ эмблема Дезерета, хотя природа почти лишила эту пустынную страну такого полезнаго насѣкомаго. Домъ Юнга называется Пчелинымъ Ульемъ; въ немъ нѣтъ мѣста трутнямъ, ибо всѣ жены Пророка обязаны поддерживать себя шитьемъ, обученіемъ грамоты, тканьемъ, окраской пряжи или сушкой фруктовъ. Каждая женщина на Солёномъ Озерѣ имѣетъ свою опредѣленную работу, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, и каждая убѣждена, что трудъ дѣло благородное и святое, жертва достойная человѣка, приносящаго ее, и Бога, принимающаго ее. Женщины дѣлаютъ перчатки и вѣера, сушатъ персики и фиги, приготовляютъ сѣмена, дѣлаютъ выкройки для платьевъ, прядутъ и вяжутъ. Люси и Емелина, называемыя иногда звѣздами Бригамскаго гарема, говорятъ, великолѣпно вышиваютъ по канвѣ. Чтоже касается до шитья, то дѣйствительно Емелина въ этомъ отношеніи

большая мастерица, а маринованные персики, приготовляемые Сузанной, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго. На долю мужчинъ выпадаетъ болѣе тяжелая работа на поляхъ, въ горахъ и оврагахъ, гдѣ они роютъ землю, строятъ плотину на рѣкѣ, рубятъ дубъ и кленъ, пасутъ скотъ и ловятъ дикихъ лошадей. Но оба пола также исполняютъ нѣкоторыя работы и вмѣстѣ, т. е. каждый по мѣрѣ своихъ силъ. Эта обоюдная работа состоитъ въ постройкѣ домовъ, въ разведеніи садовъ, въ устройствѣ лавокъ и магазиновъ, въ разработкѣ копей; и каждая работа производится съ такой энергіей, съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ, какихъ вы никогда не встрѣтите на западныхъ склонахъ Вазатчскаго кряжа.

Особыхъ священнослужителей, получающихъ жалованье, нѣтъ въ новой Церкви. Каждый Святой—священникъ, и потому ни одному человѣку въ церкви не дозволяется взять ни гроша за служеніе Богу, хотя бы все его время, всѣ его способности, вся его жизнь были поглощены этимъ служеніемъ. Обязанности къ церкви занимаютъ первое мѣсто, потомъ уже идутъ обязанности къ семейству и къ самому себѣ; но каждая изъ этихъ обязанностей такъ рѣзко отдѣлена, что всякое смѣшеніе или столкновеніе между ними невозможно.

Пророки, президенты, епископы, старѣйшины всѣ имѣютъ свои занятія въ городѣ и за городомъ; продаютъ ленты, выводятъ персики, строятъ мельницы, рубятъ дрова, содержатъ ранчи, пасутъ скотъ, водятъ обозы черезъ степь. Однажды мы встрѣтили очень почтеннаго старика съ маленькой корзинкой въ рукахъ, покрытой снѣжно-бѣлой салфеткой; его наружность насъ поразила, и мы узнали, что это былъ Джозефъ Юнгъ, старшій братъ Бригама и Президентъ Семидесяти. Онъ несъ корзину своихъ персиковъ для продажи на рынокъ.

Въ городѣ, въ которомъ трудъ считается святымъ, самые важные сановники выигрываютъ въ общественномъ мнѣніи занимаясь какимъ-нибудь особымъ ремесломъ или торговлей. Такъ не одинъ апостолъ пашетъ землю и не одинъ патріархъ правитъ волами въ фургонѣ. Вообще въ церкви этихъ Святыхъ нѣтъ ни одного лѣниваго, ничего не дѣлающаго человѣка. Бригамъ Юнгъ—фермеръ, хлопчато-бумажный плантаторъ и владѣлецъ мельницы; Геберъ Кимбаль владѣлецъ мельницы, торговецъ саломъ и льняными ма-

сломъ; Джоржъ Смитъ—фермеръ и мельникъ; Орсонъ Пратъ—учитель математики; Орсонъ Гайдъ—фермеръ; Джонъ Тэйлоръ прежде былъ токаремъ, а теперь—владѣлецъ мельницы; Вильфордъ Вудруфъ—фермеръ и скотоводъ; Джоржъ Каннонъ — типографщикъ и издатель. Всѣ эти люди — главнѣйшіе свѣточи церкви, и всѣ они отличаются самой энергичной свѣтской дѣятельностью. Юнгъ, Кимбаль и Тэйлоръ теперь богатые люди; двѣнадцать апостоловъ также, говорятъ, всѣ по большей части люди достаточные, но вообще, богаты ли они или бѣдны, Мормонскіе старѣйшины живутъ тѣмъ, что они вырабатываютъ своими руками и ничего не берутъ за свое высшее служеніе церкви.

Ничѣмъ неоплачиваемая служба епископа чрезвычайно многообразна, ибо Мормонскій священникъ нетолько долженъ заботиться о духовномъ благосостояніи своей паствы, но и объ ея свѣтскихъ интересахъ; онъ долженъ смотрѣть, чтобъ ихъ поля были хорошо обработаны, чтобъ ихъ дома были опрятны, дѣти обучены, скотъ хорошо содержался. Въ прошедшее воскресеніе, послѣ службы въ Скиніи, Бригамъ Юнгъ послалъ за нами, приглашая взойти на возвышенную платформу, гдѣ онъ сидѣлъ съ епископами, и присутствовать при частномъ совѣщаніи достославныхъ отцовъ церкви. Трудно сказать что подумали бы англійскіе епископы видя такую сцену. Всѣ старики собрались въ кружокъ, и Едвардъ Гунтеръ, предсѣдательствующій епископъ, спрашивалъ поочередно каждаго о работахъ, производившихся въ его приходѣ, о постройкѣ домовъ, объ осушеніи земли, о разведеніи садовъ; также и о нуждахъ того или другаго изъ прихожанъ. Только-что прибылъ большой караванъ эмигрантовъ, и епископамъ надо было доставить шестистамъ новобранцамъ средства выстроить себѣ дома и посадить гряды капусты. Одинъ епископъ объявилъ, что онъ можетъ взять къ себѣ пятерыхъ каменьщиковъ, другой двухъ плотниковъ, третій одного жестянника, четвертый семь или восемь батраковъ, и такъ далѣе. Въ нѣсколько минутъ на моихъ глазахъ двѣсти человѣкъ изъ этихъ бѣдныхъ эмигрантовъ получили вѣрный кусокъ хлѣба. «Вотъ одно изъ занятій нашихъ епископовъ», сказалъ мнѣ Юнгъ, съ нѣсколько колкой улыбкой. Признаюсь, я не могу въ этомъ видѣть ничего дурнаго.

ГЛАВА XXIII.

Миссіонерскіе Труды.

Духъ Мормонской церкви лучше всего можно понять изъ миссіонерскихъ трудовъ Святыхъ. Они хвалятся тѣмъ, что, идя обращать въ свою вѣру язычниковъ, они не берутъ ни кошелька, ни мѣшка; они выходятъ на проповѣдь одни, почти обнаженные, и служатъ дѣлу Господа, какъ Онъ самъ служилъ этому дѣлу; они не надѣятся ни на какую плотскую помощь, ни на какую силу денегъ; они не думаютъ о томъ, что̀ будутъ ѣсть, гдѣ преклонятъ голову; но предаютъ себя, свою жизнь, свою судьбу всецѣло въ руки Господа.

Способъ, которымъ какой-нибудь старѣйшина призывается на миссіонерскій трудъ, имѣетъ въ себѣ что-то первобытное, романтичное въ нашъ грошевый вѣкъ. Говорятъ, что Юнгъ, идя по главной улицѣ, вдругъ увидитъ какого-нибудь юнаго молодца, гонящаго стадо, ѣдущаго верхомъ или въ телегѣ, и какая-то пророческая мысль блеснетъ въ его умѣ; онъ подзоветъ къ себѣ молодаго старѣйшину и говоритъ ему, что Господь избралъ его для проповѣди. При этомъ онъ иногда назначаетъ время и мѣсто для этой проповѣди; время бываетъ годъ, три, десять; мѣсто—Ливерпуль, Дамаскъ, Дели, Пекинъ. Испросивъ нѣсколко часовъ на приготовленія, новый проповѣдникъ приводитъ поспѣшно въ порядокъ свои дѣла, прощается съ друзьями, цѣлуетъ своихъ женъ и дѣтей и отправляется въ путь на святое дѣло.

Я говорилъ по крайней мѣрѣ съ дюжиной такихъ миссіонеровъ, молодыхъ людей, призванныхъ для проповѣди изъ уединенныхъ ранчъ, съ пильныхъ мельницъ, изъ фруктовыхъ садовъ, призванныхъ неожиданно и отправившихся одинако и безо всего въ самыя отдаленныя части свѣта. Старѣйшина Стенгаузъ былъ посланъ проповѣдывать во Францію и въ Швейцарію, старѣйшина Риттеръ въ Австрію, старѣйшина Нэзбитъ въ Англію, старѣйшина Дьюи въ Индію и на Цейлонъ. Способъ ихъ дѣйствій былъ вездѣ одинъ и тотъ же.

Безъ денегъ, безъ пищи отправляется миссіонеръ въ путь. Онъ нанимается возницей, сторожемъ или плотникомъ въ какой-нибудь торговый обозъ, идущій къ Миссури или къ морю, какъ случится. Если ему предназначено идти въ Европу, то юный старѣйшина прокладываетъ себѣ дорогу работая какъ умѣетъ до Нью-Іорка, гдѣ онъ нанимается или въ писцы, или въ механики, до тѣхъ поръ пока накопитъ достаточно денегъ для переѣзда въ Европу; если этотъ способъ неудобенъ для него или для его миссіонерскихъ цѣлей, то онъ нанимается на корабль матросомъ и во время долгаго морскаго пути пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы проповѣдывать своимъ скромнымъ товарищамъ матросамъ о мирномъ убѣжищѣ Мормоновъ въ горной долинѣ. Мормонскій миссіонеръ не есть человѣкъ науки и книгъ. «У насъ нѣтъ здѣсь коллегій, въ которыхъ молодежь учили бы быть дураками, говорилъ мнѣ Юнгъ,—мы просто беремъ юношу изъ горъ, гдѣ онъ рубилъ лѣсъ, охотился за медвѣдями или ловилъ дикихъ жеребятъ; мы посылаемъ его какъ миссіонера, и онъ возвращается къ намъ человѣкомъ.» Прибывъ въ Европу безъ гроша, безъ крова, миссіонеръ, если только это возможно, поселяется въ домѣ одного изъ мѣстныхъ Святыхъ. Если онъ не можетъ найдти такого помѣщенія, то онъ спитъ на улицѣ, на скамьѣ, на ступеняхъ лѣстницы, подъ деревомъ. «Выйдя на берегъ въ Соутгамптонѣ,—говорилъ мнѣ старѣйшина Стенгаузъ, разсказывая о своихъ духовныхъ побѣдахъ.—у меня не было ни гроша въ кошелькѣ, я продалъ даже свои сапоги, чтобы купить досокъ для устройства каѳедры, съ которой я могъ бы проповѣдывать.» Старѣйшина Дьюи, по его собственнымъ словамъ, путешествовалъ съ Солёнаго Озера до Сан-Франциско, изъ Сан-Франциско на Цейлонъ, изъ Цейлона въ Пуну, и во все время этихъ длинныхъ путешествій работалъ, просилъ милостыню, проповѣдывалъ и никогда не унывалъ, никогда не боялся за свою плоть, но всегда и вездѣ надѣялся на покровительство Божіе; онъ работалъ въ средѣ Калифорнскихъ рудокоповъ, Китайскихъ матросовъ, Цингалезскихъ фермеровъ, Бомбейскихъ погонщиковъ муловъ и никогда не нуждался ни въ пищѣ, ни въ кровѣ. Вотъ каковы юные Мормонскіе старѣйшины, вотъ каковъ духъ, движущій ихъ сердцами. Часто имъ помогаютъ ихъ же братья Святые, часто чужіе и язычники, въ са-

мыхъ же несчастныхъ обстоятельствахъ они всегда могутъ получить работу, какъ портные, плотники или рабочіе въ докахъ. Питаясь коркой хлѣба, проводя ночи въ сараяхъ, они работаютъ и проповѣдуютъ, переходя изъ города въ городъ, ревностно исполняя свое призваніе; терпѣливые, умѣренные, никому неизвѣстные, не заискивая ни передъ кѣмъ, не возбуждая никакихъ преній, они живутъ жизнью бѣднаго человѣка, истинными друзьями котораго они вѣчно себя заявляютъ. Исполнивъ свой долгъ, миссіонеръ отправляется въ обратный путь, все-же проповѣдуя по всей дорогѣ; онъ возвращается со сцены своихъ трудовъ на веселую родину, къ своей цвѣтущей фермѣ, къ дѣятельной мельницѣ, въ счастливую долину Солёнаго Озера.

Въ городѣ Мормоновъ каждый человѣкъ старѣйшина, почти каждый священникъ. Поэтому всѣ Святые безъ исключенія могутъ быть призваны къ миссіонерскимъ трудамъ, и ни одинъ рабъ на востокѣ не повинуется такъ слѣпо своему господину, какъ Святой—Юнгу, который повелѣваетъ ему идти на проповѣдь въ далекія страны.

Радостная вѣсть, которую люди подобные Дьюи и Стенгаузу распространяютъ между матросами, рабочими въ докахъ, простыми земледѣльцами, уличными носильщиками и имъ подобными людьми, дѣйствительно такого рода вѣсть, какую несчастные и недовольные жаждутъ услышать. Они проповѣдуютъ противъ міра и обычаевъ мірскихъ. Они говорятъ, что необходима великая перемѣна, они обѣщаютъ бѣднымъ болѣе счастливое время и болѣе свѣтлое жилище. Они предлагаютъ голоднымъ кусокъ хлѣба, бездомнымъ скитальцамъ—кровъ, обнаженнымъ—одежду, мастеровымъ они обѣщаютъ фабрики, крестьянамъ—фермы. Рай, о которомъ они благовѣствуютъ, не находится всецѣло за гробомъ; самая земля, по ихъ мнѣнію, составляетъ часть неба, и такъ какъ земля и все, что на ней, принадлежитъ Богу, то они объявляютъ, что всѣ ея сокровища составляютъ истинное наслѣдіе Его Святыхъ. Богатые, говорятъ они, исказили ученіе Христово, и церкви богатыхъ работаютъ на дьявола. Они представляютъ Джозефа какъ пастыря бѣдныхъ. Они прямо объявляютъ, что невѣжество есть добродѣтель, ведущая къ спасенію, и что низко поставленные люди—любимцы Божіи.

И другія церкви, кромѣ Святыхъ, проповѣдуютъ подобное же ученіе. Но Мормонскій миссіонеръ дѣйствуетъ вполнѣ согласно со своими словами. Укажите ему на нищаго, на вора, на отверженца общества, на человѣка впавшаго въ отчаяніе, готоваго погибнуть, — и онъ будетъ дѣйствовать въ отношеніи этихъ людей, какъ человѣкъ вполнѣ убѣжденный, что Богъ избралъ его для спасенія несчастныхъ. До людей, которые богато одѣваются, живутъ въ большихъ домахъ и ѣдятъ на серебрѣ, миссіонеру нѣтъ никакого дѣла; его область—отдаленные закоулки города, а не большія блестящія улицы. Богатые, ученые, высокообразованные имѣютъ свои религіи, свои обряды, которые онъ не можетъ ни измѣнить, ни уничтожить. Они не нуждаются въ немъ, и онъ, въ своей гордости, никогда не заискиваетъ передъ ними. И что могъ бы онъ имъ сказать? Развѣ стали бы они его слушать? Развѣ ихъ соблазнилъ бы его рай веселыхъ фермъ и роскошныхъ пастбищъ? Проходя мимо этихъ любимцевъ міра, какъ людей, къ которымъ онъ не посланъ, Святой вращается въ гораздо низшихъ слояхъ общества, отыскивая жертвъ сего міра, о которыхъ кромѣ его никто повидимому не заботится. Въ нуждахъ и стремленіяхъ бѣдныхъ онъ находитъ готовое поле для своей проповѣди. Но онъ не хвалитъ нищихъ за то, что они бѣдны, онъ не учитъ ихъ, что нищета есть состояніе благодати, напротивъ—онъ проповѣдуетъ, что богатство добро, и обѣщаетъ, подкрѣпляя свои слова тысячами примѣровъ, что Святые разбогатѣютъ трудомъ своихъ рукъ и благословеніемъ Бога. Людямъ, жаждущимъ имѣть свой кусокъ земли, свой домъ,—благоденствіе, которое дѣйствительно, а не на словахъ, существуетъ въ Дезеретѣ, служитъ страшнымъ соблазномъ, и для нихъ этотъ фактъ тѣмъ важнѣе, что миссіонеры постоянно приглашаютъ ихъ ѣхать и убѣдиться самимъ въ справедливости всего разсказываемаго на мѣстѣ, въ Долинѣ Солёнаго Озера.

Заботы о бѣдныхъ составляютъ одну изъ святыхъ обязанностей человѣка, по ученію Мормоновъ. Первый долгъ епископа—строго наблюдать, чтобы ни одинъ человѣкъ въ его приходѣ, въ его округѣ не нуждался въ пищѣ и въ одеждѣ; когда онъ видитъ, что какое-нибудь бѣдное семейство нуждается, онъ прямо идетъ къ болѣе богатому сосѣду и именемъ Господа спрашиваетъ мѣшокъ муки, голову сахару, ящикъ чаю, бѣлье, кровать; спраши-

ваетъ смѣло, очень хорошо зная, что его требованіе будетъ немедленно исполнено. Вся земля—Божія и должна быть отдана Ему. Стэрѣйшина Дженнингсъ, богатѣйшій купецъ въ Городѣ Солёнаго Озера, разсказывалъ мнѣ, что онъ очень часто подвергается подобнымъ контрибуціямъ, въ дурныя времена года раза два или три въ день. Въ случаѣ надобности епископъ идетъ къ сборщикамъ Десятины и получаетъ тамъ помощь, въ которой нуждаются его прихожане, ибо нужды бѣдныхъ стоятъ выше нуждъ церкви; однако очень рѣдко приходится, не довольствуясь частной благотворительностью, обращаться къ общественной казнѣ, ибо если у Святаго есть что-нибудь въ домѣ, то онъ долженъ раздѣлить это съ ближнимъ, если у него есть хлѣбъ—онъ долженъ накормить голоднаго, если у него есть одежда—онъ долженъ прикрыть обнаженнаго. Никакое извиненіе не принимается, если онъ не исполняетъ этой великой обязанности. Повелѣніе продавать то, что мы имѣемъ, и раздавать деньги бѣднымъ для большинства изъ насъ мертвыя буквы, но Мормонъ, подобно Арабу и Еврею, духъ которыхъ переселился въ него, не знаетъ подобныхъ религіозныхъ фикцій. «Корните мое стадо»—для него законъ, который не терпитъ ни отрицанія, ни проволочки въ его исполненіи.

Особый фондъ составляется между Святыми для поданія помощи, и самъ Юнгъ, слуга всѣхъ, лично исполняетъ трудныя обязанности раздавать вспомоществованія.

Я отправился съ епископомъ Гунтеромъ, добрымъ, веселымъ старикомъ, столь же замѣчательнымъ своимъ остроуміемъ, какъ и добрыми дѣлами, посѣтить только-что прибывшихъ англійскихъ эмигрантовъ. Ихъ шестьсотъ человѣкъ, родомъ изъ Валлійскихъ горъ, изъ среднихъ англійскихъ графствъ; всѣ мужчины, женщины и дѣти чрезвычайно бѣдны, некрасивы, грязны, утомлены, покрыты сыпью отъ скорбута и знойныхъ лучей солнца; поэтому я былъ невольно пораженъ отеческими попеченіями епископа, который необыкновенно нѣжно разговаривалъ съ ними и давалъ имъ мудрые совѣты. Нѣкоторыя изъ женщинъ были больны и капризны; онѣ требовали масла, чая и другихъ вещей, которыхъ нельзя было найти за городомъ, гдѣ онѣ помѣщались. Гунтеръ тотчасъ послалъ въ городъ за докторомъ и приказалъ привезти чаю и масла изъ общественныхъ кладовыхъ. Никогда я не забуду то-

го благодарнаго выраженія, которымъ блеснули глаза нѣкоторыхъ страдальцевъ, чувствовавшихъ, что въ этомъ престарѣломъ епископѣ они нашли мудраго и заботливаго друга.

Однако Святые вообще не бѣдны въ томъ смыслѣ, въ какомъ Ирландцы понимаютъ бѣдность; они не нуждаются какъ масса, какъ общественное тѣло, какъ церковь; напротивъ, для новаго общества, вышедшаго изъ ничего и не имѣвшаго другихъ средствъ къ существованію, какъ свой трудъ, они очень богаты. Утаха изобилуетъ фермами и садами, горные склоны усѣяны стадами и табунами, а столица, Новый Іерусалимъ, отлично расположена и хорошо отстроена. Каждый человѣкъ работаетъ руками и мозгомъ; вообще Мормоны народъ умѣренный, бережливый; поля имъ ничего не стоятъ, и потому богатства, плодъ ихъ дѣятельности, очень значительны. Умножать стада и табуны, сѣять рожь и пшеницу у нихъ считается исполненіемъ Божьяго Закона.

ГЛАВА XXIV.

Мормонское Откровеніе.

Чтобы вполнѣ понять, что̀ такое эти Святые, вы не должны довольствоваться поверхностнымъ взглядомъ на красоту ихъ города, на благоденствіе ихъ фермъ, на дѣятельность ихъ магазиновъ, на пространство ихъ селеній, но вы должны изслѣдовать духовные источники ихъ силъ.

Джозефъ преподавалъ своимъ ученикамъ вовсе не новое ученіе; онъ ихъ училъ, что въ каждой религіи есть зерно добра и, быть можетъ, зерно зла; онъ предлагалъ съ благословеніемъ Божіимъ и съ помощью Ригдона, Юнга и Прата извлечь зерно добра изъ каждой старой вѣры и положить въ основу той церкви, которую онъ основывалъ для своего народа. Онъ заимствовалъ много у Магомета, болѣе у Павла, а болѣе всего у Авраама; но, въ своемъ собираніи религіозныхъ идей, онъ не останавливался и передъ заимствованіемъ у Индусовъ, Татаръ и Могавковъ. Глав-

ные основные догматы его Церкви могутъ быть подведены подъ слѣдующіе восемь пунктовъ:

1) Богъ—существо въ образѣ и плоти человѣка.

2) Человѣкъ есть часть существа Бога и самъ сдѣлается нѣкогда богомъ.

3) Человѣкъ не созданъ Богомъ, но существовалъ въ вѣчности и будетъ существовать въ вѣчность.

4) Человѣкъ не рожденъ во грѣхѣ и не отвѣчаетъ за грѣхи другихъ людей, а только за свои.

5) Земля есть поселеніе воплощенныхъ духовъ, одно изъ многихъ поселеній въ пространствѣ.

6) Богъ,—Президентъ Безсмертныхъ, господствуетъ надъ четырьмя родами существъ; эти роды суть: 1) боги, т. е. безсмертные существа, имѣющія совершеннѣйшую организацію души и тѣла и представляющія конечное измѣненіе человѣка, проведшаго жизнь, строго исполняя всѣ божественные законы; 2) ангелы—безсмертныя существа, которыя жили на землѣ, не вполнѣ исполняя божественные законы; 3) люди—безсмертныя созданія, въ которыхъ живая душа соединена съ тѣломъ; 4) духи—безсмертныя существа, ожидающія еще воплощенія.

7) Человѣкъ, будучи одной расы съ богами, дѣлается достойнымъ Небеснаго Престола посредствомъ брака, ибо всѣ его жены и дѣти составляютъ его царство нетолько на землѣ, но и на небесахъ.

8) Царство Бога снова создано на землѣ; настало время Святымъ овладѣть тѣмъ, что имъ принадлежитъ, но овладѣть добродѣтелью, а не насиліемъ, трудомъ, а не оружіемъ.

Джозефъ повидимому заимствовалъ всѣ эти догматы отъ Ригдона и Прата. Пратъ, главный ученый Мормонской церкви, слишкомъ ученый для того чтобы Юнгъ его понималъ и терпѣлъ, развилъ въ цѣломъ рядѣ книгъ и лекцій полную космогонію Неба и Земли, но Юнгъ предупредилъ насъ, чтобы мы не принимали эту космогонію за истину. Творенія Прата были однажды, если не нѣсколько разъ, формально осуждены Первымъ Президентствомъ и Двѣнадцатью, хотя онъ все-еще продолжаетъ пользоваться званіемъ апостола. «Еслибъ не я,—сказалъ мнѣ Бригамъ, — то его ужъ давно бы изгнали изъ Церкви.» Когда мы спросили мнѣніе президента насчетъ теоріи Прата о духѣ и матеріи, то онъ съ

нетерпѣніемъ отвѣчалъ: «мы ничего не знаемъ объ этомъ; можетъ быть оно—истина, можетъ быть и ложь. Мы насчетъ этого не имѣли откровенія.» Тѣ восемь догматовъ, которые мы привели, составляютъ офиціальное вѣроисповѣданіе Мормоновъ, преподаваемое въ школахъ по катехизису, написанному Старѣйшиной Джакомъ и вполнѣ одобренному Юнгомъ,—эти догматы повидимому заимствованы Святыми изъ самыхъ древнихъ и самыхъ новыхъ миѳологій, существующихъ на землѣ.

Богъ Мормоновъ по природѣ и по формѣ тотъ же Зевесъ Гомера. Ихъ ангелы имѣютъ сходство съ *Бени-Елохимомъ* Св. Павла; это не ангелы и духи, въ англійскомъ смыслѣ этихъ словъ, но скорѣе безтѣлесныя, невидимыя созданія изъ воздуха и огня. Ихъ человѣкъ—существо не сотворенное, не уничтожимое, есть созданіе Пиѳагора; а рожденіе человѣка внѣ грѣха и отвѣтственность его только за свои собственныя дѣла,—одна изъ фантазій Сведенборга.

Мормонская теорія объ ангелахъ произвела смущеніе въ Утахѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; это произошло отъ созерцательныхъ мечтаній и умозрѣній Орсона Прата. Юнгъ былъ такъ любезенъ, что объяснилъ намъ истинное и офиціальное ученіе его церкви насчетъ этого любопытнаго предмета. Ангелы,—говоритъ онъ, — несовершенныя существа, неспособныя возвыситься до высшей степени боговъ, которымъ они теперь служатъ и будутъ вѣчно служить вѣстниками и исполнителями ихъ повелѣній; это безсмертныя существа, прошедшія черезъ степени духовъ въ пространствѣ и людей на землѣ, но которыя, не вполнѣ исполнили законъ жизни, не посвятили всецѣло свои силы на то, что повелѣваетъ Богъ. Вслѣдствіе этого у нихъ отнята возможность возвыситься до слѣдующей степени, до степени боговъ. На мой вопросъ, въ чемъ именно они не исполнили закона, Юнгъ отвѣчалъ: «тѣмъ, что они не жили патріархальною жизнью, не были женаты на многихъ женахъ, какъ Авраамъ и Іаковъ, Давидъ и Соломонъ, какъ всѣ тѣ люди, которыхъ священное писаніе называетъ друзьями Бога.» Слѣдовательно, по словамъ Юнга, ангелы—души холостяковъ и моногамистовъ, существъ, не имѣющихъ потомства, не благословленныхъ женами, не достойныхъ царить и господствовать въ небесныхъ сферахъ. Итакъ въ будущемъ свѣ-

тѣ мой другъ и я, онъ, какъ не женатый, а я, какъ имѣющій только одну жену, будемъ ничѣмъ инымъ, какъ безбрачными ангелами, а Юнгъ и Кимбаль будутъ сидѣть на небесныхъ престолахъ, окруженные своими царицами-женами.

Всѣ эти догматы, которые исповѣдуютъ обитатели Города Солёнаго Озера и которымъ они учатъ новобранцевъ посреди насъ въ горахъ Валлиса, на поляхъ средней Англіи, въ трущобахъ Лондона, страшно вліяютъ на воображеніе и на дѣйствительную жизнь Мормона, несмотря на ихъ мистическій характеръ. Въ Мормонской системѣ нѣтъ ничего ненужнаго, ничего лишняго; самъ Нанакъ не былъ практичнѣе Юнга въ своихъ реформахъ. Вѣра руководитъ дѣйствіями Мормоновъ; то, во что они вѣрятъ, они дѣлаютъ; и тѣ, которые хотятъ постигнуть положеніе, принятое на землѣ этими Святыми, защищаемыми двадцатью тысячами ружей, должны изслѣдовать ихъ понятія о Небѣ.

Подобно Магометанамъ, Мормоны — народъ, преданный молитвѣ. Такъ какъ религія — ихъ жизнь, то каждое дѣйствіе, каждый поступокъ, общественный или коммерческій, разсматривается ими въ отношеніи того, что́ они называютъ волею Бога. Поэтому они не уважаютъ компромиса, осторожности, политики; они живутъ безъ страха, они не думаютъ о завтрашнемъ днѣ, но надѣются на Небо, на одно Небо; отъ него они ожидаютъ и помощи, и безопасности, и успѣха. Скажите при нихъ хоть слово о Чикагской Платформѣ, съ которой было объявлено уничтоженіе полигаміи силой, и они только улыбнутся вашей свѣтской мудрости и скажутъ, что они живутъ божественною жизнью и что Богъ съумѣетъ отстоять свой народъ. Замѣтьте имъ, что Юнгъ смертный и когда нибудь потребуется ему наслѣдникъ, они опять улыбнутся вашему недостатку сообразительности и отвѣтятъ, что это не ихъ дѣло, что Богъ мудръ и могущественъ, что онъ можетъ создать себѣ слугъ, которые будутъ пасти его Церковь. Вся ихъ надежда, все ихъ упованіе—на Бога, но слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на это, они, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, заботятся о томъ, чтобъ ихъ порохъ не отсырѣлъ.

Ихъ увѣренность, что Богъ поможетъ имъ и спасетъ ихъ, не столько происходитъ отъ слабости и смиренія, какъ отъ силы и гордости. Юнгъ ставитъ человѣка на гораздо высшую степень

между живыми существами, чѣмъ какой-либо христіанскій священникъ, выше быть можетъ чѣмъ Мусульманскій мула, хотя Коранъ и заставляетъ ангеловъ рая служить вѣрнымъ, отошедшимъ на покой. Бабъ въ Персіи, Нанакъ въ Пенджабѣ идутъ далѣе Магомета, проповѣдуя своимъ послѣдователямъ, что человѣкъ—часть личности Бога, но Юнгъ представляетъ человѣка какъ несотворенную, неуничтожимую, нераздѣльную часть Всевышняго, какъ существо, одаренное способностью возвысить безсмертный и невоплощенный духъ на степень Бога. Насколько вѣра въ права и силы человѣка, какъ сына Божьяго, какъ избраннаго любимца Неба, можетъ укрѣпить душу въ опасности, можетъ утвердить руку на полѣ брани, было очевидно въ каждой борьбѣ Евреевъ, и начертано на каждой страницѣ исторіи Сейковъ.

Правила свѣтской жизни Мормоновъ могутъ быть подведены подъ три большія группы: 1) правила, опредѣляющія ихъ отношенія къ человѣку, какъ къ члену общества и какъ чужестранцу; 2) правила, опредѣляющія методъ и принципы ихъ правленія; 3) правила, опредѣляющія ихъ семейную жизнь.

ГЛАВА XXV.

Свѣтскія Правила.

Первая группа правилъ свѣтской жизни вращается вокругъ двухъ главныхъ идей.

1) Новая церковь, учрежденная въ Утахѣ. хотя она и называется церковью Америки, свободна и (съ однимъ временнымъ исключеніемъ) открыта для всего міра, для людей всѣхъ расъ, всѣхъ климатовъ, всѣхъ религій, всѣхъ цвѣтовъ; она принимаетъ въ свое лоно Еврея изъ Нью-Іорка и Буддиста изъ Сан-Франциско, Парса изъ Калькуты и Веслеянца изъ Ливерпуля, Магометанина изъ Каира и Чійенна съ Дымныхъ Горъ.

Одно временное исключеніе это негръ. «Негръ—говорилъ мнѣ сегодня Бригамъ,—потомокъ Каина, перваго убійцы, и черный его цвѣтъ—проклятіе, наложенное Богомъ на его плоть.» Только

одинъ негръ еще до сихъ поръ принятъ въ лоно Святыхъ, и то самимъ Джозефомъ въ Науво. До тѣхъ поръ пока Богъ не сниметъ проклятія съ этихъ Каинитовъ, Юнгъ не допуститъ ни одного въ свою Церковь.

2) Новая церковь нетолько принимаетъ въ свое лоно всѣхъ приходящихъ къ ней, но терпитъ всѣхъ иновѣрцевъ, не спрашивая ничего, не подвергая никакимъ испытаніямъ, не требуя никакихъ жертвъ. Такимъ образомъ человѣкъ, исповѣдующій какую бы то ни было религію, можетъ вступить въ число Святыхъ не теряя своего тожества, не руша своихъ идоловъ, не отрекаясь отъ своей вѣры, не бросая своихъ привычекъ, однимъ словомъ, не испытывая той духовной перемѣны, которую Христіане подразумѣваютъ подъ словомъ возродиться къ новой жизни. Обращенный въ Мормонство принимаетъ новую истину и присовокупляетъ ее къ тѣмъ истинамъ, которыя онъ исповѣдовалъ прежде. Джозефъ является для него примирителемъ, а не распространителемъ раздора, ибо Святые говорятъ, что въ каждой религіи заключается доля добра и что нѣтъ ни одной секты на землѣ, которая бы пользовалась исключительной монополіей на любовь Бога.

Посмотримъ на эти двѣ главныя господствующія идеи, не въ догматическомъ, но въ политическомъ ихъ значеніи.

Церковь свободна и открыта для всѣхъ.—При первомъ появленіи каждой религіи она обыкновенно обращалась къ особенному народу, ея обряды приноровлялись къ особой странѣ, къ особому климату. Мы видимъ въ исторіи столько примѣровъ успѣха новой религіи въ избранной ею мѣстности и совершеннаго ея пораженія вездѣ въ другихъ мѣстахъ, что ученые склоняются къ тому мнѣнію, что общая вѣра невозможна и что религія есть дѣло климата и расы. Законъ Моисея обратилъ мало людей внѣ Еврейскихъ колѣнъ. Конфуцій не находитъ послѣдователей внѣ Китая. Великій Духъ царствуетъ только въ Американскихъ лѣсахъ. Гебры никогда не распространяли своего огнепоклонства далѣе Персіи и Индіи. Дагонъ—былъ мѣстный Богъ, символъ народа, страстно любившаго море. Торъ—естественное явленіе замерзшаго сѣвера. Брама извѣстенъ только Индусамъ, которые никогда не стараются обращать другихъ въ свою вѣру; и такъ строгъ этотъ законъ жизни отдѣльной отъ всѣхъ, только для одного себя, и такъ

глубоко вкоренился онъ въ мысли и обычаяхъ Индусовъ, что человѣкъ не можетъ переходить изъ одной касты въ другую; тотъ, кто родился Браминомъ, долженъ и остаться Браминомъ; кто родился Судрой, тотъ долженъ остаться на всю жизнь Судрой. Буддизмъ, правда, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ характеръ всеобщей церкви,—онъ привлекъ въ свое лоно много племенъ и много народовъ и сдѣлался главной религіей міра, если одна цифра храмовъ и прихожанъ можетъ дать этотъ титулъ; однако между четырьмя стами милліонами поклонниковъ Буды нѣтъ ни одного народа, который былъ бы обращенъ въ эту вѣру, не бывъ подготовленъ къ тому естественною склонностью къ восточному догмату о переселеніи душъ. Такимъ образомъ самый Буддизмъ, какъ бы онъ не былъ распространенъ на землѣ, есть религія одной только расы. Исламъ — вѣра Аравіи и Аравитянъ. Когда онъ распространился на востокъ до Ганга, на западъ до Гвадалквивира, то это было дѣломъ меча, а не добровольнаго желанія народовъ Индіи и Испаніи, которые считали бы эту вѣру за единственное средство къ спасенію; потому, не будучи ни естественнымъ произведеніемъ страны, ни усыновленнымъ ею, эта религія исчезла въ Испаніи, тогда какъ въ Персіи и Индіи она пустила глубокіе корни, преимущественно въ Семитической расѣ. Можно сказать, что Нанакъ въ Пенджабѣ, Бабъ въ Персіи основали секты на болѣе широкой теоріи, чѣмъ всѣ остальные религіозные реформаторы, ибо Сейки и Бабиты составляютъ миссіонерскія церкви, обращающія въ свое лоно новобранцевъ изъ Мусульманской, Буддійской и Индусской паствы; однако мысль о свободной и открытой для всѣхъ церкви, которая сдѣлала бы всѣхъ людей—бѣлыхъ и черныхъ, красныхъ и желтыхъ—братьями и равными между собой — едва ли когда входила въ голову этимъ пламеннымъ, рьянымъ поборникамъ вѣры.

Такимъ образомъ почти всѣ религіи имѣютъ или очевидное, или скрытое соотношеніе съ окружающими ихъ условіями. Старинная легенда говоритъ, что Магометъ объявилъ своимъ послѣдователямъ, что они побѣдятъ враговъ и водворятъ свою вѣру вездѣ, гдѣ пальма даетъ плоды; эта легенда почти оправдалась на фактѣ въ продолженіи тысячи лѣтъ; но Магометъ никогда и не думалъ предлагать своей полутропической системы общественной жизни бѣлымъ варварамъ сѣвера, голоднымъ охотникамъ по ту сторону

Эвксина, мерзлымъ горцамъ Гельветическихъ Альпъ. Его законъ, запрещавшій вѣрнымъ вино и свинину, былъ довольно мудръ на Нилѣ и Іорданѣ; но потерялъ бы всякій смыслъ и сталъ бы противуестественнымъ на Дунаѣ или Эльбѣ. Его кодексъ былъ писанъ для странъ, производящихъ пальмы, и въ этихъ странахъ онъ всегда преуспѣвалъ. Ни одинъ Бабитъ не поселился внѣ Персіи, ни одинъ Сейкъ внѣ предѣловъ Верхней Индіи; всегда человѣкъ находитъ, что его религіозные обряды строго примѣнены къ условіямъ страны, въ которой онъ живетъ.

Само Христіанство, хотя гораздо возвышеннѣе по духу и тверже въ основаніяхъ, чѣмъ всѣ эти географическія религіи, имѣетъ однако видъ религіи, почти исключительно принадлежащей Германской расѣ. Хотя наша религія возникла въ Палестинѣ, процвѣтала въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Египтѣ и Сиріи, она никогда не распространилась въ Семитической расѣ, никогда не пустила корней въ семитической почвѣ. Ни одно Арабское племя не обратилось окончательно и навсегда въ Христіанство, точно также какъ ни одно Германское племя не принято окончательно Магометанства. Полу-восточныя церкви, которыя существуютъ до сихъ поръ въ Африкѣ и Азіи—Абиссинская, Коптская, Армянская—не имѣютъ никакого соотношенія съ великимъ Арабскимъ семействомъ. До сихъ поръ ни одна изъ отраслей христіанскаго общества не изъявила прямаго притязанія быть церковью свободной и открытой для всѣхъ. Напротивъ мы гордимся, что мы мѣстные, исключительные христіане—Греки, Католики, Лютеране, Англиканцы — а не вѣтви одной живой всеобщей церкви. Самая обширная христіанская община на землѣ ограничиваетъ свое Католичество эпитетами Римскимъ и Апостольскимъ, вмѣсто того чтобъ стремиться охватить весь міръ и не имѣть другой главы, какъ Іисуса Христа.

Сколько силы пропадаетъ по милости этого чувства сепаратизма въ нашихъ церквахъ, легко ощущается въ ту минуту, когда какой-нибудь предметъ общій для всего христіанскаго общества дѣлается спорнымъ вопросомъ; примѣръ этому мы видѣли недавно, когда братья-христіане, Русскіе и Французы, возбудили жестокую Европейскую войну изъ за гроба Господня.

Новая церковь терпитъ различіе въ вѣрѣ и въ обычаяхъ

жизни. — Свѣтскіе мыслители, какъ Муръ и Локкъ, писали очень краснорѣчиво о пользѣ терпимости всѣхъ мнѣній, но никакая еще отрасль христіанской церкви не примѣняла на практикѣ этой либеральной идеи. Различіе во мнѣніяхъ касательно такихъ вопросовъ, которые могутъ обсудить только высшіе умы, возбуждаетъ смертельную борьбу между Греками, Католиками, Лютеранами, Датчанами и Женевцами; каждая церковь издѣвается надъ обрядами другой, подозрѣваетъ ее въ дурныхъ побужденіяхъ, обвиняетъ въ нечестныхъ дѣлахъ; христіане говорятъ зло о своихъ ближнихъ, творятъ имъ зло, съ горечью и ненавистью тѣмъ большими, чѣмъ меньше разстоянія между ихъ догматами. Такъ, Католическіе и Англиканскіе епископы проклинаютъ другъ друга почти ежедневно съ такимъ неистовствомъ, которое конечно они бы никогда не выказали въ отношеніи Имама въ Египтѣ, Госейна въ Бенгаліи, Пророка на Солёномъ Озерѣ. Мы нарочно сочиняемъ такіе пароли и лозунги, которые могли бы помѣшать близко подойти къ намъ людямъ, готовымъ раздѣлить нашу вѣру мира и любви. Мы, какъ древніе Евреи, немилосердно убиваемъ всѣхъ ближнихъ, которые не хотятъ или не могутъ произнести нашего пароля.

Церковь, какою ее оставилъ ея Божественный Основатель, полна любви и милосердія, люди же сдѣлали ее жестокосерднѣе индусской касты. Браминъ не съ такою дикою гордостью отворачивается отъ Судры, какъ Грекъ-христіанинъ отъ Копта. Даже у самой колыбели и гроба Спасителя мы боремся за наши отдѣльные догматы, такъ что даже Бедуины, которые должны рознять ссорящихся учениковъ Господа, краснѣютъ отъ стыда. А развѣ теперь Христіане въ Лондонѣ, Римѣ и Москвѣ поступаютъ лучше, чѣмъ въ Виѳлеемѣ и Сіонѣ? Развѣ Индусскія секты съ бо́льшимъ злорадствомъ издѣваются другъ надъ другомъ, чѣмъ наши англійскія конгрегаціи. Кто посмѣетъ это утверждать? Поклонникъ Вишны можетъ жить въ одномъ и томъ же монастырѣ съ поклонникомъ Сивы, и эти два Индусскіе инока будутъ мирно прозябать въ своей берлогѣ. А я желалъ бы знать, какъ ужились бы подъ однимъ кровомъ Кальвинистъ и Католикъ? Чайтаній училъ той верховной истинѣ, что вѣра уничтожаетъ и замѣняетъ касты, такъ что Браминъ, Кшатрій, Вассій и Судра, каковы бы ни

были ихъ званіе и положеніе на землѣ,—братья и равные передъ Богомъ. Нѣкоторые христіане проповѣдуютъ тоже, но гдѣ и какая національная церковь приняла въ основаніе своей системы эту благодѣтельную истину? Грекъ никогда не согласится, чтобы Католикъ могъ быть спасенъ отъ ада, и каждый Армянскій монахъ убѣжденъ, что его соперникъ Коптъ будетъ на томъ свѣтѣ сожженъ въ геенне огненной. Наши церкви, даже наши приходы постоянно подвержены внутреннимъ распрямъ. Изо всѣхъ народовъ на землѣ Англо-Саксонская раса въ отношеніи мысли и рѣчи самая свободная, самая вѣротерпимая; однако и у насъ горѣли костры на Смитфильдѣ, и списки нашихъ мучениковъ составятъ страшную груду. Даже въ настоящее время у насъ Высокая Церковь борется съ Низкою Церковью. Есть писатели, которые видятъ духовную пользу въ томъ, что бездна отдѣляетъ одну секту отъ другой; но политическіе результаты подобной системы не могутъ быть скрыты ни отъ кого; эти результаты—въ Англіи вѣчныя распри, въ Европѣ—кровопролитіе, въ Палестинѣ—занятіе Священныхъ мѣстъ Мусульманами. Церковь, которая признала бы вѣротерпимость за свою основу, спасла бы общество отъ громадной убыли и траты силъ.

ГЛАВА XXVI.

Высшая Политика.

Вторая группа свѣтскихъ правилъ, тѣхъ правилъ, которыя опредѣляютъ методы и принципы Мормонскаго правленія, вступаетъ въ область высшей политики. Три пункта должны быть нами упомянуты, какъ чрезвычайно важные для полнаго ознакомленія съ этимъ страннымъ народомъ.

1) Новая церковь проповѣдуетъ, что Богъ находится въ личномъ общеніи со Святыми, руководя ими теперь, какъ въ прежнія времена и въ будущія, откровеніемъ Его святой воли чрезъ избраннаго Имъ пророка, руководя ими нетолько въ великихъ дѣлахъ, въ битвахъ, странствіяхъ и голодѣ, но и во всѣхъ ихъ

сельскихъ и домашнихъ заботахъ, въ посѣвѣ, въ постройкахъ, въ наложеніи печати на жену.

2) Новая церковь исповѣдуетъ, что истинное поклоненіе Богу есть пользованіе всѣми истинными удовольствіями жизни, которыя Небо доставляетъ человѣку столь же щедро, какъ отецъ дѣтямъ; это истинное поклоненіе не есть дань, собираемая государями земли, не есть жертва, требуемая священниками, но легкая, невинная забава, радость духа и плоти, сознаніе, что долгъ исполненъ и жизнь подкрѣплена, освѣжена.

3) Въ новой церкви всякій трудъ считается благороднымъ: воздѣлываніе безплодной земли, производство хлѣба и масла, фруктовъ и цвѣтовъ, клея и пряностей, деревъ и травъ,—считается дѣломъ спасительнымъ для души; ибо Святые смотрятъ на землю, какъ на пустошь, которую слѣдуетъ трудомъ искупить и соединить съ будущимъ небомъ.

Эти правила заслуживаютъ самого усиленнаго вниманія тѣхъ, которые хотятъ совершенно постигнуть политическое развитіе Мормонской церкви.

Новая церковь управляется Богомъ.—Понятіе о Богѣ, вѣчно присущемъ въ средѣ своего народа, обнародывающемъ свои желанія изо дня въ день черезъ одного непогрѣшимаго человѣка, какимъ бы оно ни показалось для набожныхъ людей, должно поразить, какъ могучая сила, всякаго мыслителя и правителя, стремящагося управлять людьми, дѣйствуя на ихъ надежды и опасенія. Извѣстно, что для нѣкоторыхъ умовъ разстояніе можетъ затмить всякій свѣтъ, можетъ уничтожить всякій страхъ; такъ что для такихъ людей сила добра и истины ослабѣваетъ прямо пропорціонально отдаленію тѣхъ, которые свидѣтельствуетъ въ пользу этой истины, этого добра. Для такихъ людей все должно быть ново и близко. Для нихъ старые законы сомнительны, древнія преданія лишены силы. Дѣйствительно для всякаго не высокообразованнаго человѣка, которому Евклидъ все равно что Де-Морганъ,—законы имѣютъ способность ветшать. Церковь, которая беретъ для своей точки отправленія какой-нибудь опредѣленный годъ и вѣчно стоитъ за него, должна разсчитывать на непремѣнное столкновеніе съ этой слабостью человѣческой души. Сказать, что нѣчто случилось очень далеко, или очень давно, значитъ вселить какое-

то нравственное отчаяніе во множествѣ умовъ. Люди хотятъ какъ можно ближе добраться до источника всякаго явленія, всякой вещи. Еслибы благодать могла осѣнить ихъ, то они желали бы видѣть Бога лицемъ къ лицу. Моисей не можетъ говорить съ ними; Синай для нихъ только названіе горы. Они никогда не чувствовали, какъ подъ ихъ челномъ улеглись разъяренныя волны Галилейскаго озера. Они не видали собственными глазами, какъ завѣса храма раздралась на двое.

Подобные люди требуютъ знаменія, и на ихъ требованія Іерусалимъ отвѣчалъ длиннымъ рядомъ пророковъ, низведшихъ Іудейское небо на землю и давшихъ народу возможность вкушать это небо вмѣстѣ съ хлѣбомъ насущнымъ; Римъ отвѣчаетъ нынѣ, какъ и въ старину, мистическимъ присутствіемъ Бога въ хлѣбѣ и винѣ. Римъ и Іерусалимъ подобными средствами удерживали слабыя души, но города съ высшей культурой — Лондонъ, Бостонъ, Амстердамъ, Женева—не имѣютъ чѣмъ удовлетворить жажды души, требующей знаменія. Конечно они могутъ представить критическія изслѣдованія своихъ ученыхъ, но ученая критика не всегда дѣйствительна. Вѣра, долженствующая искать поддержки въ логикѣ и исторіи, всегда покажется нѣкоторымъ набожнымъ и неблагоразумнымъ людямъ свѣтскимъ ученіемъ, основывающемся на человѣкѣ, а не на Богѣ. Религіозное сомнѣніе гораздо требовательнѣе, гораздо нелогичнѣе философскаго сомнѣнія. Быть можетъ опасность для общества отъ такого сомнѣнія всего болѣе въ свободныхъ и образованныхъ государствахъ, ибо религіозное сомнѣніе—одинъ изъ плодовъ цивилизаціи, болѣе развившейся въ матеріальномъ и физическомъ, чѣмъ въ умственномъ отношеніи. Подобно тому, какъ умъ можетъ помрачиться отъ избытка свѣта, такъ онъ можетъ прійти въ болѣзненное состояніе отъ избытка здоровья. Свобода возбуждаетъ вопросы, на которые отвѣты еще не готовы, и затрудненіе философа даетъ широкій просторъ дѣятельности ложныхъ пророковъ. Когда люди просятъ знаменія, и имъ отвѣчаютъ историческими фактами, то удивительно ли, если они отвернутся? Души, находящіяся во мракѣ, не просятъ у васъ полемики, исторіи или логики, они требуютъ живаго евангелія, немедленнаго откровенія, личнаго Бога.

Тутъ-то является Святой и удовлетворяетъ всѣмъ требова-

ніямъ. Когда Юнгъ съ особой торжественностью скажетъ: «я это знаю.» то его послѣдователи принимаютъ его голосъ за голосъ Бога. Отъ его словъ ихъ глаза блестятъ, ихъ лица сіяютъ; новая надежда, новое мужество вселяются въ ихъ сердца. Принимая его совѣтъ, его поощреніе за божественные, они начинаютъ жизнь какъ бы за-ново. Наши пасторы должны быть слѣпы, если они не видятъ, что въ нашъ вѣкъ и въ самомъ свободномъ изъ народовъ многія слабыя души отъ недостатка истиннаго сознанія отпадаютъ отъ вѣры, которую они не могутъ болѣе ощутить какъ дѣйствительный фактъ; съ одной стороны они обращаются къ раціонализму, съ другой—къ католицизму; тутъ они дѣлаются спиритуалистами, тамъ наводятъ справки о Мормонахъ. Слабымъ умамъ, просящимъ руководства, мыслители говорятъ: «придите къ намъ и излечитесь отъ всякихъ догматовъ»; а Святые говорятъ: «придите къ Богу и спаситесь отъ ада».

Служеніе Богу есть пользованіе всѣми удовольствіями жизни.—Общественную сторону Мормонской церкви можно назвать веселою, ея обряды праздничными. Мрачность, страхъ, отчаяніе, аскетизмъ, взлелѣянные старыми религіями, совершенно изгнаны изъ Новаго Іерусалима. Никто не боится быть проклятымъ, никто не терзаетъ своей души относительно судьбы, свободной воли, избранія духовенства и преемственной благодати. Мормонъ живетъ въ атмосферѣ твердаго упованія и довѣрія, ибо въ его глазахъ небо окружаетъ его со всѣхъ сторонъ,—онъ видитъ его и въ блестящемъ солнцѣ, и въ улыбающихся поляхъ, и въ снѣжныхъ вершинахъ горъ. Для него появленіе на землѣ Святыхъ было вторымъ пришествіемъ, а основаніе ихъ церкви—началомъ Царства Бога на землѣ. Онъ не ощущаетъ никакой боязни, онъ не заботится о будущемъ. Что есть, то и будетъ, завтра—какъ сегодня, будущій годъ—какъ прошедшій; небо есть только продолженіе земли, и тамъ будетъ данъ каждому человѣку удѣлъ славы и могущества, соразмѣрно его повиновенію закону Бога въ настоящей жизни. Земля, говоритъ онъ, рай, созданный для удовольствія. Еслибъ можно было предположить, что Юнгъ и Пратъ читали когда-нибудь Индусскихъ мудрецовъ, то мы сказали бы, что они заимствовали эту часть своей системы отъ учениковъ Валлабраха, пророка веселья и радости.

Изъ какого бы источника не происходила эта идея о праздничныхъ богослуженіяхъ, фактъ тотъ, что Ефразина царитъ въ Утахѣ, Юнга же можно назвать первосвященникомъ веселья; онъ выстроилъ большой театръ, въ которомъ его дочери играютъ комедіи и дивертисменты, выстроилъ общественную залу въ ратушѣ, въ которой молодежь обоего пола танцуетъ и поетъ; и самъ даетъ примѣръ частнымъ балamъ и вечерамъ, какъ въ домахъ, такъ и на чистомъ воздухѣ. Концерты и оперы даются постоянно въ Городѣ Солёнаго Озера. Онъ отъ всей души поощряетъ пикники, всякіе праздники, однимъ словомъ всѣ невинныя удовольствія. Воздѣлываніе винограда, уходъ за персиками, приготовленіе кушаній составляютъ важную заботу для Святыхъ, такъ что эпикуреецъ въ Новомъ Іерусалимѣ можетъ найти такія рѣдкости, о которыхъ онъ тщетно вздыхалъ бы въ Вашингтонѣ и Нью-Іоркѣ. Обѣдая у апостоловъ, мы всегда удивлялись громадному количеству сластей и фруктовъ, великолѣпному ихъ достоинству и вкусному приготовленію. Иностранецъ, который увидитъ театръ, полный народа, а храмъ недостроенный, можетъ удалиться изъ Города Солёнаго Озера съ убѣжденіемъ, что Юнгъ не такой святой, какъ воображаетъ его народъ. Это была бы ошибка въ родѣ той, какую мы дѣлаемъ въ Бомбеѣ, когда говоримъ, что Магараджи не имѣютъ никакой религіи, потому что въ нѣкоторыхъ своихъ священнодѣйствіяхъ они надѣваютъ пурпурныя одежды и начинаютъ съ роскошнаго пира.

Новая церковь считаетъ трудъ благороднымъ.—Что трудъ благороденъ, фраза очень старая. Эта истина была извѣстна Евреямъ, ее придерживались Ессеи, ее освятилъ своимъ признаніемъ Св. Павелъ. Ее знали въ видѣ легенды средневѣковые монахи, она лежитъ въ корнѣ всѣхъ англійскихъ, французскихъ и американскихъ системъ общественной реформы. Но принципъ, что физическій трудъ есть добро само по себѣ и само въ себѣ, что онъ благословеніе Божіе, отрада для сердца, привиллегія, даръ ума, заслуга, актъ повиновенія волѣ Божіей,—такой принципъ не былъ ни одной церковью принятъ за ея основное общественное правило. Физическій трудъ могли считать полезнымъ, но никогда никакой законъ не считалъ его благороднымъ. Въ нашемъ старомъ свѣтѣ называютъ джентльменами тѣхъ, которые пишутъ и

думаютъ, а не тѣхъ, которые копютъ землю, пашутъ, сѣютъ и жнутъ. Подъ благороднымъ трудомъ мы подразумѣваемъ трудъ судей, государственныхъ людей, ораторовъ и священниковъ; но никто въ Европѣ не подумалъ бы назвать благороднымъ трудомъ постройку дома, прорытіе канавы или пересадку дерева. Индусы относятъ своихъ работниковъ къ двумъ низшимъ кастамъ, земледѣльцевъ къ третьей кастѣ, ремеслепниковъ къ четвертой; и принадлежать къ одной изъ нихъ считается менѣе почетнымъ, чѣмъ принадлежать къ кастѣ воиновъ или священниковъ. Душа и тѣло Судры цѣнится гораздо менѣе одного волоса на головѣ Брамина, ибо между Индусами трудъ считается проклятіемъ, а не благословеніемъ, и свободный Бенгальскій земледѣлецъ стоитъ только одною степенью выше раба и парія. Иногда у Евреевъ проглядывали признаки лучшаго закона, теоріи достойной Бога и природы; такъ въ одномъ мѣстѣ Библіи говорится: «сей человѣкъ искусенъ въ трудѣ своемъ, и станетъ онъ выше царей.» Изъ этого-то Еврейскаго источника, а не изъ мечтательныхъ теорій Овена, Фурье и Сен-Симона, Святые заимствовали свою идею, передавая ее нетолько словами, но и воплощая въ веселыхъ фермахъ, въ обширныхъ пастбищахъ. У нихъ работать значитъ творить доброе, божеское дѣло; быть работникомъ, труженикомъ значитъ находиться подъ сѣнію благодати.

Кажется нечего распространяться о политическомъ значеніи такого догмата?

ГЛАВА XXVII.

Бракъ въ Утахѣ.

Но самая странная, самая могущественная изъ этихъ трехъ группъ свѣтскихъ правилъ, даже если мы смотримъ на нихъ съ политической точки зрѣнія,—та, которая опредѣляетъ условія семейной жизни, особенно же всего, что касается брака. Бракъ лежитъ въ основѣ всякаго общества, и взглядъ на него служитъ лучшей характеристикой каждой религіозной системы.

Новая Американская церковь ставитъ бракъ на первое мѣсто между обязанностями человѣка на землѣ. «Ни мужчины, ни женщины, говоритъ Юнгъ, не могутъ исполнять волю Бога одни»; т. е. всѣ люди имѣютъ особую обязанность на землѣ, обязанность доставлять плотскую скинію для безсмертныхъ духовъ, ожидающихъ воплощенія; а это воплощеніе не можетъ быть произведено иначе, какъ соединеніемъ обоихъ половъ бракомъ. Не исполнить этой обязанности, по словамъ Юнга, значитъ не исполнить самаго священнаго долга человѣка; значитъ сотворить грѣхъ. Не женатый человѣкъ, по убѣжденію Мормоновъ, существо не совершенное,—это птица безъ крыльевъ, тѣло безъ души. Природа двойственна; чтобы дополнить и усовершенствовать свою организацію, человѣкъ долженъ жениться. «Любовь, говоритъ Юнгъ,—есть стремленіе къ высшей степени существованія; и страсти, понятыя какъ слѣдуетъ, даютъ пищу нашей духовной жизни.»

Смотря на этотъ догматъ, повелѣвающій всѣмъ жениться, какъ на источникъ политической силы, мы должны признать его чрезвычайно важнымъ. Отъ какой растраты и убыли общественныхъ силъ спасаетъ эта теорія! Во многихъ религіозныхъ общинахъ бракъ только терпится, какъ самая меньшая форма двухъ мрачныхъ золъ. Ессеи, отъ которыхъ мы заимствовали многое, дозволяли бракъ только слабымъ людямъ, и то по ихъ слабости; они полагали, что лучше для человѣка удержаться отъ брака: и на высшихъ степеняхъ ихъ общины браки были невѣдомы. Многія общины Индусовъ придерживаются безбрачной жизни. Греки имѣли своихъ дѣвъ весталокъ, Египтяне своихъ анахоретовъ, Сирійцы своихъ аскетовъ. На языческомъ Олимпѣ воздержанность восхвалялась, какъ добродѣтель, хотя и не примѣнялась на практикѣ Богами. Гесѳія и Артемида пользовались почестями болѣе всѣхъ боговъ Неба, ибо они возвысились надъ любовью; мысль, что бракъ есть нѣкоторымъ образомъ развратъ, такъ вкоренилась въ языческомъ умѣ, что прокралась въ самый языкъ и отразилась во множествѣ выраженій. Быть нелюбимымъ значило быть незапятнаннымъ, быть одинокимъ значило быть чистымъ. Во всей языческой поэзіи дѣва считается гораздо выше матери, гораздо благороднѣе жены. Между Христіанскими общинами бракъ служитъ предметомъ безконечныхъ споровъ; одна церковь называетъ его

таинствомъ, другая контрактомъ; всѣ церкви признаютъ бракъ учрежденіемъ произвольнымъ, немногія смотрятъ на него какъ на нѣчто полезное, и напротивъ многія обличаютъ бракъ, какъ сдѣлку съ діаволомъ. Греческая церковь поощряетъ безбрачіе въ одномъ классѣ людей; Римско-католическая воспрещаетъ бракъ священству. Саксонская церковь можно сказать стоитъ на нейтральной точкѣ, но не было ни одной церкви въ мірѣ, которая постановляла бы, что бракъ есть обязанность, необходимая для истинно христіанской жизни.

Напротивъ, каждая религіозная община, которая трактовала объ этомъ предметѣ (Греки, Армяне, Копты, Католики, и Абиссинцы) — заявляетъ, столько же фактами, сколько и словами, что союзъ половъ подъ сѣнію брака прямо противорѣчитъ высшему идеалу христіанской жизни. Отсюда проистекаютъ монастыри и безбрачіе священниковъ, два учрежденія, которыя заражаютъ умъ общества, задерживаютъ развитіе многихъ семейныхъ добродѣтелей, отравляютъ нѣкоторые изъ источниковъ домашней жизни. Не женатый священникъ—живой протестъ противъ брачной любви; ибо если справедливо, что человѣческія привязанности и соблазнъ удаляютъ человѣка отъ Бога, то конечно обязанность всякаго уничтожитъ въ себѣ это грѣховное чувство. Соблазнъ всегда соблазнъ и грѣхъ всегда грѣхъ, а потому ихъ надо избѣгать, какъ свѣтскому человѣку, такъ и священнику.

Юнгъ далъ своей церкви совершенно противуположное направленіе. По его ученію бракъ—обязанность и привиллегія; и старѣйшинамъ, считающимся образцами для народа во всевозможномъ добрѣ, предписывается непремѣнно жениться. Священникъ и старѣйшина долженъ быть мужемъ; даже въ рядахъ смиреннаго стада молодому человѣку не быть женатымъ считается безчестіемъ и признакомъ, что душа его не совершенно спасена.

Святые однако пошли еще на шагъ далѣе въ этой теоріи, и вмѣсто того, чтобъ отказывать своимъ священникамъ въ утѣшеніи женской любви, они поощряютъ ихъ на многоженство; между высшимъ духовенствомъ, пророкомъ, его апостолами и епископами, это многоженство не имѣетъ границъ. Не быть женатымъ на нѣсколькихъ женахъ значитъ не быть хорошимъ Мормономъ. Мой другъ, капитанъ Гуперъ, хотя онъ всѣмъ извѣстенъ, какъ

богатый, ревностный и умный Мормонъ, отличный представитель Утахи въ конгрессѣ, никогда не могъ возвыситься до первыхъ степеней въ церкви, благодаря его нежеланію жениться на второй женѣ. «Мы смотримъ на Гупера, сказалъ мнѣ вчера за обѣдомъ апостолъ Тэйлоръ,—какъ на Мормона вполовину.» При этомъ замѣчаніи всѣ бывшіе за столомъ громко засмѣялись какимъ-то особеннымъ, многозначительнымъ смѣхомъ. Когда общее веселье, въ которомъ принимали участіе и молодыя дѣвушки, немного затихло, я сказалъ Гуперу: «вамъ представляется отличный случай: выберите пять или шесть самыхъ хорошенькихъ дѣвушекъ въ Городѣ Солёнаго Озера и женитесь на нихъ разомъ, потомъ повезите ихъ въ Вашингтонъ и откройте сезонъ въ декабрѣ большимъ баломъ!»—«Ну, отвѣчалъ Гуперъ, — оно, пожалуй, и хорошо бы, только я какъ-то старѣю.»

Юнгъ очень любитъ Гупера, гордится его талантами и вполнѣ сознаетъ оказанныя имъ для церкви услуги, поэтому, говорятъ, онъ очень сильно уговариваетъ его взять по крайней мѣрѣ еще одну жену, такъ чтобы окончательно соединить свою судьбу на добро и на зло съ полигамической церковью. Если Гуперъ уступитъ, то это будетъ только изъ чувства преданности и повиновенія къ своему начальнику.

Каждый священникъ высшихъ степеней въ долинѣ Солёнаго Озера имѣетъ по нѣскольку женъ, число которыхъ измѣняется согласно богатству и уличному характеру каждаго старѣйшины. Ни одинъ апостолъ не имѣетъ менѣе трехъ женъ.

О бракахъ Бригама Юнга, Гебера Кимбаля и Даніила Вельса, трехъ членовъ такъ-называемаго Перваго Президентства, нѣтъ никакихъ записей въ официальныхъ книгахъ. Между старыми прихожанками существуетъ обычай по смерти мужа умолять своего епископа принять мѣры къ тому, чтобы на нихъ наложили печать, какъ на женъ одного изъ этихъ президентовъ. Юнгъ конечно любимецъ такихъ вдовъ, и говорятъ, что ни одна поѣздка его не обходится безъ того, чтобы онъ не заѣхалъ къ одной изъ такихъ вдовъ, чтобъ удовлетворить ихъ желанію. Такимъ образомъ множество женщинъ пользуются титуломъ его женъ, которыхъ онъ едва видѣлъ и съ которыми никогда не находился въ супружескихъ отношеніяхъ, какъ мы въ Европѣ понимаемъ эти слова.

Элиза Сноу, Женщина-поэтъ.

Дѣйствительныхъ женъ Бригама Юнга, живущихъ въ его домахъ, въ Пчелиномъ Ульѣ, въ Львиномъ Домѣ, въ Бѣлой Хижинѣ, и родившихъ ему дѣтей,—всего около двѣнадцати. Царица надо всѣми—его первая жена, Мэри Анна Енджель, пожилая женщина, дѣти которой, три сына и двѣ дочери, уже взрослыя. Она живетъ въ Бѣлой Хижинѣ — первомъ домѣ, выстроенномъ въ долинѣ Солёнаго Озера. Джозефъ и Бригамъ, ея старшіе сыновья, главы своего поколѣнія, уже теперь прославились своими миссіонерскими подвигами. Сестра Алиса, ея старшая дочь, моя пріятельница—актриса, о которой я уже говорилъ. Самая знаменитая изъ всѣхъ женъ Бригама Элиза Сноу, женщина—поэтъ, которая пользуется всеобщимъ уваженіемъ за свой благородный характеръ и рѣдкій талантъ. По всему, что я слышалъ, кажется она не жена Юнга, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово; ее всегда называютъ миссъ Элиза. Дѣйствительно Мормонскій обычай наложить печать на женщину подразумѣваетъ совершенно другія отношенія, чѣмъ наши супружескія, и только благодаря злоупотребленію словъ женщина, закрѣпленная печатью за Святымъ, называется его женою. Сестра Элиза живетъ въ Львиномъ Домѣ, въ хорошенькой комнатѣ втораго этажа, изъ которой открывается прелестный видъ на Оквирскія Горы, долину, рѣку Іорданъ и Солёное Озеро,—поэтическій видъ, въ которомъ небо и земля, формы и цвѣта соединяются въ одно безконечное великолѣпіе. Менѣе замѣчательныя жены Юнга суть: сестра Люси, отъ которой у него восемь дѣтей; сестра Клара, отъ которой у него трое; сестра Зина—учительница и поэтъ (прежде жена доктора Джакобса), отъ которой у него трое дѣтей; сестра Амелія, старая служанка Джозефа, отъ которой у него четверо дѣтей; сестра Элиза 2, молодая Англичанка (единственная въ домѣ пророка), отъ которой у него четверо или пятеро дѣтей; сестра Маргерита, отъ которой у него трое или четверо дѣтей; сестра Емилина, часто называемая любимицей, отъ которой у него восемеро дѣтей. Впрочемъ Юнгъ увѣрялъ меня, что онъ никогда не имѣлъ и не будетъ имѣть у себя въ домѣ любимицы, ибо плотскія желанія и предпочтенія невѣдомы въ семейной жизни Святыхъ.

Апостолы имѣютъ меньше женъ, чѣмъ президенты, но все-же каждый изъ нихъ имѣетъ по нѣскольку. Вотъ таблица, достав-

ленная мнѣ Джоржемъ А. Смитомъ, двоюроднымъ братомъ пророка Джозефа и историкомъ церкви:

Орсонъ Гайдъ, первый апостолъ, имѣетъ четыре жены.
Орсонъ Пратъ, второй апостолъ, имѣетъ четыре жены.
Джонъ Тэйлоръ, третій апостолъ, имѣетъ семь женъ.
Вильфордъ Вудруфъ, четвертый апостолъ, имѣетъ три жены.
Джоржъ А. Смитъ, пятый апостолъ, имѣетъ пять женъ.
Амаза Лиманъ, шестой апостолъ, имѣетъ пять женъ.
Ездра Бенсонъ, седьмой апостолъ, имѣетъ четыре жены.
Чарльзъ Ричь, восьмой апостолъ, имѣетъ семь женъ.
Лоренцо Сноу, девятый апостолъ, имѣетъ четыре жены.
Эрастъ Сноу, десятый апостолъ, имѣетъ три жены.
Франклинъ Ричардсъ, одиннадцатый апостолъ, имѣетъ четыре жены.
Джоржъ К. Каннонъ, двѣнадцатый апостолъ, имѣетъ три жены.

За исключеніемъ Джона Тэйлора, апостолы вообще бѣдные люди, а на Солёномъ Озерѣ считается безчестнымъ, если человѣкъ беретъ новую жену не имѣя достаточно состоянія содержать хорошо свое семейство, т. е. одѣвать его и кормить. Богатыхъ же купцовъ Юнгъ поощряетъ жениться все на новыхъ и новыхъ жёнахъ. Одинъ энергичный, быстро идущій въ гору старѣйшина сказалъ мнѣ вчера: «я скоро опять женюсь, — хочу возвыситься въ церкви; а вы видите, что никакой человѣкъ не можетъ отличиться въ нашемъ обществѣ, если онъ не имѣетъ громаднаго семейства. Чтобы имѣть здѣсь какую-нибудь силу, надо быть мужемъ по крайней мѣрѣ трехъ женъ.»

ГЛАВА XXVIII.

Полигамическое Общество.

О политической силѣ, которую многоженство даетъ Святымъ Города Солёнаго Озера, надо сказать нѣсколько словъ. При этомъ два вопроса представляются на разрѣшеніе: вопервыхъ обѣ-

щаніе многоженства оказалось ли хорошей приманкой, побуждающей извѣстный классъ людей обращаться въ Мормонскую секту? Во вторыхъ многоженство оказалось ли успѣшнымъ средствомъ для распространенія численности Святыхъ,—расплодились-ли они при существованіи этого учрежденія быстрѣе, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ?

На первый вопросъ можетъ быть данъ только положительный отвѣтъ. Назовите побужденіе какъ хотите, назовите его, со Святыми, духовнымъ желаніемъ, или, съ язычниками, плотскимъ желаніемъ, фактъ все-же останется, что дозволеніе любить одновременно нѣсколькихъ женщинъ, наложить на нихъ печать, какъ на своихъ женъ, устроить однимъ словомъ гаремъ, дѣйствовало въ прошедшемъ и дѣйствуетъ нынѣ, какъ могущественная и соблазнительная приманка.

Юнгъ и Пратъ увѣряютъ, что плотскія страсти ни мало не вліяютъ на избраніе невѣсты; что это избраніе—дѣло неба, что актъ наложенія печати есть религіозный обрядъ и что жена для вѣчности, царица, которая раздѣлитъ его небесный престолъ, не можетъ быть дана человѣку никѣмъ инымъ кромѣ Бога. Юнгъ говорилъ мнѣ съ улыбкой, что онъ можетъ доказать справедливость своихъ словъ,—показавъ мнѣ женъ Святыхъ, многія изъ которыхъ старыя, некрасивыя, необразованныя и совершенно простыя женщины; хотя есть, въ ихъ числѣ, какъ я самъ могъ убѣдиться, и молодыя, свѣжія, прелестныя красавицы. Но кто можетъ сомнѣваться, что Юнгъ, сознавая всю свою силу и имѣя такое громадное вліяніе, пользуется для политическихъ цѣлей соблазнительной приманкой многоженства для плотскаго человѣка? Если жениться ежегодно на новой женѣ считается повиновеніемъ волѣ Божіей, то нельзя не признать, что это повиновеніе не походитъ на жертву, а скорѣе на удовольствіе. Однако, со всѣмъ тѣмъ, кто посмѣетъ сказать, что Святые поступаютъ не чистосердечно? Юнгъ разсказывалъ мнѣ, что въ первые дни существованія ихъ странной церкви онъ былъ противъ многоженства, и я убѣжденъ, что онъ говорилъ правду, ибо я не видалъ между Мормонскими президентами и апостолами ни одного человѣка, на лицѣ котораго было бы написано, что онъ лжецъ и лицемѣръ. Хотя мы здѣсь ежедневно видимъ много фанатиковъ, но положительно

не встрѣчали ни одного человѣка, котораго бы можно было назвать подлецомъ. Ихъ вѣра не наша вѣра, ихъ обычаи не наши обычаи; но что жъ изъ этого? Между Индусами многія секты совершаютъ обряды, которые Англичане считаютъ вполнѣ неприличными и развратными; нѣкоторые изъ нихъ дотого отвратительны, что Англичанину, впервые видящему ихъ, такъ и хочется позвать полицію. Дозволили бы совершать «Ras Mandala» въ Лондонѣ? Дозволили бы Канчулаясамъ совершать свои обряды въ Нью-Іоркѣ? Однако множество мужчинъ и женщинъ, живущихъ подъ скипетромъ Викторіи, съ полною вѣрою, если не съ полною невинностью, подражаютъ любовнымъ шалостямъ Кришны, избирая себѣ товарищей въ этихъ упражненіяхъ по жеребью.

Юнгъ можетъ вѣрить въ то, что онъ говоритъ и что онъ дѣлаетъ (ибо я полагаю, что въ сферѣ своихъ обычаевъ и своихъ понятій онъ человѣкъ честный); но нѣкоторые изъ его послѣдователей стараются выставить многоженство, какъ награду за обращеніе въ ихъ секту; и я знаю, что они очень любятъ цитировать обѣщаніе, данное Наѳаномъ Давиду, что онъ женится на женахъ своего врага Саула. Что этотъ догматъ, потворствующій человѣческимъ страстямъ, всего соблазнительнѣе дѣйствуетъ на язычниковъ—этого конечно не станетъ отрицать ни одинъ миссіонеръ. Какъ бы то ни было, слаба ли плоть или силенъ духъ, но Валлійскій поселянинъ, Лондонскій портной, Ланкаширскій ткачъ слушаютъ съ блестящими глазами и бьющимся пульсомъ разсказы миссіонеровъ о Раѣ Солёнаго Озера, гдѣ человѣкъ свободенъ дѣлать все, на что только способенъ, гдѣ онъ можетъ имѣть столько домовъ, сколько можетъ выстроить, столько женъ, сколько въ силахъ прокормить и удержать въ должномъ порядкѣ. Язычника соблазняютъ увѣреніями, что онъ нетолько будетъ въ состояніи держать гаремъ, но что ему наполнить его будетъ очень легко, такъ какъ женскія сердца открыты особою благодатью для *истины въ Юнгѣ*, а въ Утахѣ множество прелестныхъ красавицъ. Рѣдкіе старѣйшины, говорятъ, возвращаются изъ миссіонерскихъ своихъ странствій безъ новой любимицы, исторгнутой изъ языческой церкви и увлеченной въ ихъ паству. Одна изъ женъ Юнга была замужняя женщина изъ Нью-Іорка, которая влюбилась въ пророка и бѣжала съ нимъ изъ дома мужа. Одна изъ обще-

принятыхъ шутокъ въ Утахѣ, что Кимбаль никогда не отпускаетъ ни одного миссіонера уѣхать изъ Города Солёнаго Озера не давъ ему порученія привезти какъ можно болѣе юныхъ красавицъ; замѣчательно, что, какъ общее правило, всѣхъ высшихъ сановниковъ церкви небо благословило самыми хорошенькими женами. Это одна изъ тѣхъ наградъ за добродѣтельную жизнь, о которыхъ мечталъ Гельвецій, но которыхъ общество никогда еще не съумѣло примѣнить на дѣлѣ.

На второй вопросъ можно представить два отвѣта. Въ опредѣленномъ, ограниченнимъ обществѣ, какъ Турція, Сирія, Египетъ, существованіе полигаміи не можетъ имѣть большаго вліянія на увеличеніе народонаселенія. Нѣкогда люди думали иначе. Писатели, какъ Монтескье, видя, что полигамія преобладала во многихъ частяхъ востока вообразили, что въ этихъ странахъ должно быть гораздо болѣе женщинъ, чѣмъ мужчинъ, и что поэтому многоженство было закономъ природы, естественнымъ средствомъ возстановить равновѣсіе между численностью обоихъ половъ. Путешественники, какъ Нибуръ, видя, что у Арабскаго шейха многочисленные гаремы, вывели заключеніе, что многоженство происходитъ оттого, что Арабскія женщины старѣютъ и перестаютъ рожать дѣтей, тогда какъ ихъ мужья еще молоды и въ полной силѣ. Всѣ эти теоріи давно уже сданы въ архивъ ошибокъ и заблужденій.

Теперь мы можемъ къ счастью сказать, осѣненные свѣтомъ науки, что даже въ Египтѣ и Аравіи мужчинъ и женщинъ родится почти равное число, первыхъ немного болѣе послѣднихъ. Мы видимъ поэтому, что природа создала на землѣ человѣческую породу парами, что она отвергаетъ своею верховною волею всѣ чудовищныя и неправильныя уклоненія отъ супружескихъ отношеній, установленныхъ ею между мужчиной и женщиной,—все равно въ какую форму эти уклоненія ни воплотились бы, въ полигамію или въ поліандрію, т. е. въ многоженство или многомужіе.

Итакъ истинный законъ природы повелѣваетъ, чтобы одинъ мужчина и одна женщина жили вмѣстѣ и составляли домъ, семейство; въ древней странѣ, гдѣ полы равны по численности, гдѣ обычаи и вѣра общіе всѣмъ жителямъ, какое бы то ни было удаленіе отъ этого истиннаго закона скорѣе ослабитъ, чѣмъ уси-

литъ производительность всей страны. Вотъ одинъ отвѣтъ на заданный нами вопросъ. Но вѣдь дѣло идетъ не объ увеличеніи народонаселенія цѣлой страны, а объ увеличеніи числа членовъ особой секты, особой общины, какъ-бы особаго семейства въ странѣ. Даже въ Аравіи не подлежитъ сомнѣнію, что еслибъ одинъ изъ шейховъ могъ достать изъ другихъ племенъ столько женщинъ, чтобы каждый изъ людей его лагеря имѣлъ по три жены, то колѣно этого шейха расплодилось бы быстрѣе, чѣмъ всѣ сосѣднія, въ которыхъ каждый мужчина имѣлъ бы только одну жену. Въ почти такомъ же положеніи находятся Святые въ Америкѣ. Ихъ община не могла дать имъ того количества женъ, которое имъ необходимо согласно общественному закону, провозглашаемому ими на вѣчныя времена. Но предположивъ, что добрыми или недобрыми способами они могли привлечь къ себѣ множество женщинъ, то конечно обладаніе подобными сокровищами дало имъ огромную силу плодиться и множиться. Одинъ человѣкъ можетъ быть отцемъ ста дѣтей; одна женщина едвали можетъ быть матерью болѣе двадцати. Яиръ и Хиліель конечно были полигамистами, ибо мы знаемъ, что у перваго было тридцать сыновъ, а у другаго сорокъ.

Трудно опредѣлить количество дѣтей въ различныхъ семействахъ Святыхъ на Солёномъ Озерѣ. На офиціальную перепись нельзя положиться, такъ какъ по словамъ апостола Тэйлора она была составлена по собственнымъ догадкамъ языческаго чиновника, который не хотѣлъ брать на себя трудъ ходить и считать по домамъ. Въ этомъ городѣ съ какою-то мусульманскою ревностью скрываютъ такіе факты, которые въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ составляютъ общественное достояніе. Юнгъ говорилъ намъ, что у него теперь въ живыхъ сорокъ восемь дѣтей. У Кимбаля быть можетъ столько же. Вообще каждый домъ кишитъ дѣтьми; гдѣ вы не увидите женщину, она всегда кормитъ ребенка, и куда вы не войдете, вамъ всегда покажутъ нѣсколько дѣтей на рукахъ. Эта долина по-истинѣ—земля дѣтей. Имѣть въ домѣ двадцать мальчиковъ и дѣвочекъ самое обыкновенное дѣло. Одинъ купецъ, у котораго мы вчера обѣдали, не могъ намъ сразу сказать, сколько у него дѣтей; для этого онъ долженъ былъ справиться въ книжкѣ, лежащей у него на конторкѣ; одна изъ его женъ, красивая англи-

чанка съ вѣчнымъ ребенкомъ на рукахъ, съ улыбкой упрека смотрѣла на него и должна была помочь ему въ счетѣ его многочисленнаго потомства. Надо замѣтить, что этому патріарху тридцать три года.

Посредствомъ полигаміи Израиль расплодился въ нѣсколько поколѣній до такой степени, что потерялъ счетъ своимъ сынамъ, и никто не можетъ сомнѣваться, что Американскіе Святые идутъ по тѣмъ же стопамъ. У Юнга болѣе дѣтей, чѣмъ у Яира; у Прата болѣе, чѣмъ у Хиліела, у Кимбаля болѣе, чѣмъ у Избана. Эта громадная плодовитость можетъ поддерживаться въ продолженіе ста лѣтъ; конечно современемъ она сама собою должна ослабнуть отъ недостатка матеріаловъ; но въ настоящую минуту фактъ этой плодовитости существуетъ и онъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія государственныхъ людей Новой Америки.

ГЛАВА XXIX.

Ученіе о Многоженствѣ.

Заимствуя для себя все, что было хорошаго и полезнаго въ другихъ религіяхъ, Святые повидимому обставили нѣкоторыми новыми драматическими условіями отношенія мужа и жены, какъ ихъ опредѣляютъ кодексы всѣхъ образованныхъ странъ, Христіанскихъ, Мусульманскихъ, Еврейскихъ и Индусскихъ. Они нетолько приняли для своей церкви полигамію, но заимствовали ее въ самой старинной и самой дикой формѣ.

Самъ по себѣ тотъ фактъ, что новая церковь дозволила своимъ членамъ многоженство, не долженъ бы насъ очень удивлять, ибо мы знакомы съ подобной системой изъ легендъ и исторіи, хотя сами лично никогда не видали ее. Авраамъ и Давидъ придерживались этой системы, и ни Моисей, ни св. Павелъ не воспретили ее, а Магометъ, хотя и очистилъ многоженство отъ самыхъ грубыхъ, восточныхъ чертъ, освятилъ его своимъ одобреніемъ и собственнымъ примѣромъ. Полигамія встрѣчается

въ поэзіи Кордовы и въ сказкахъ Багдада. Дѣятельный Парсъ, ученый Браминъ, пламенный Раджпутъ одинаково пользуются этимъ учрежденіемъ. Даже въ христіанской церкви мнѣнія раздѣлены; одни считаютъ многоженство грѣхомъ по существу его, другіе только вредомъ для общества. Многіе изъ первоначальныхъ Христіанъ въ Сиріи и Египтѣ были полигамистами; и споръ, недавно бывшій между архіепископомъ Колензо и предводителемъ Кафровъ, возбуждался не разъ и въ первобытныя времена, когда отцы церкви признавали полезнымъ допускать въ ея лоно людей съ нѣсколькими женами. Наконецъ появленіе полигаміи въ равнинахъ, окружающихъ Солёное Озеро, не можетъ быть новымъ и удивительнымъ фактомъ, ибо, на сколько намъ извѣстно, между Утахами и Шошонами многоженство всегда существовало. Склоны этихъ горъ дики и обнаженны, а безплодная страна и тяжелая жизнь побуждаютъ человѣка къ полигаміи, и всѣ племена краснокожихъ, находящія себѣ скудную пищу въ этихъ равнинахъ и оврагахъ, постоянно крадутъ и продаютъ женъ. Крупные предводители племенъ гордятся тѣмъ, что у нихъ много женъ, а бѣлые, которые живутъ между Утахами, Чійеннами, Арапагесами, Кіовасами, кто бы они сначала не были, траперы, охотники, переводчики, проводники, всегда кончаютъ тѣмъ, что живутъ одною жизнью съ Индѣйцами. Такимъ образомъ дюжина Блѣднолицыхъ, которые въ настоящее время, говорятъ, живутъ между Индѣйскими племенами, охотясь за буйволами и сдирая кожу съ головы враговъ, всѣ—полигамисты; у нихъ гаремы даже гораздо обширнѣе, чѣмъ у самыхъ вліятельныхъ туземныхъ предводителей.

Но Святые не просто воскресили полигамію въ Утахѣ, они возвратились къ этой системѣ семейной жизни въ ея безграничной и кровосмѣсительной формѣ. Въ своихъ поискахъ за годными матеріалами для созданія новаго общества, они углубились въ тѣ отдаленныя времена, когда Авраамъ былъ вызванъ изъ Хоррана; они уничтожили дѣло всѣхъ послѣдующихъ реформаторовъ, отвергая нетолько всѣ лучшія постановленія о семейной жизни Магомета, но и Моисея. Моисей запретилъ вступать въ бракъ со своею плотію и кровью. Магометъ ограничилъ гаремъ своихъ послѣдователей тремя или четырьмя женами, надъ чѣмъ Юнгъ и Кимбаль очень издѣваются, прямо аппелируя отъ Моисея къ Аврааму. Кто

спрашиваютъ они, женился на своей сводной сестрѣ Сарѣ? — Человѣкъ Божій. Отсюда Святые Утахи выводятъ и для себя право жениться на своихъ сводныхъ сестрахъ, хотя и не имѣютъ для себя извиненія ни въ Арабскомъ обычаѣ, ни въ недостаткѣ женщинъ. Они не видятъ ничего ни въ природѣ, ни въ откровеніи, что̀ запрещало бы кровосмѣшеніе. Объ этомъ предметѣ мы однажды имѣли чрезвычайно любопытный разговоръ съ Юнгомъ и двѣнадцатью апостолами. Юнгъ отвергаетъ, чтобы раса перерождалась и вымирала отъ браковъ между людьми, находящимися въ кровномъ родствѣ.

Святые идутъ даже гораздо далѣе Авраама; и я полагаю, что они устроили свою семейную жизнь скорѣе по образцу Индѣйскаго Вигвама, чѣмъ по образцу палатки патріарха. Подобно Утаху, Мормонъ можетъ имѣть столько женъ, сколько онъ въ состояніи прокормить; подобно Мандану, онъ можетъ жениться на трехъ или четырехъ сестрахъ, на теткѣ и ея племянницѣ, на матери и ея дочери. Можно почти сказать, что въ Мормонскомъ кодексѣ нѣтъ такого преступленія, какъ кровосмѣшеніе, и человѣкъ практически свободенъ жениться на любой женщинѣ, которая ему понравится.

Я имѣлъ, какъ уже упомянулъ, очень странный разговоръ съ Юнгомъ о Мормонской теоріи кровосмѣшенія. Я спросилъ у него, было ли обыкновеннымъ дѣломъ между Мормонами жениться заразъ на матери и дочери, и если было, то какимъ авторитетомъ они руководствовались, такъ какъ подобный союзъ не разрѣшался ни Моисеемъ, ни откровеніемъ, даннымъ отъ Бога Смиту. Когда онъ не хотѣлъ признать, что бывали подобные случаи; я назвалъ одинъ примѣръ, о которомъ собралъ частнымъ образомъ свѣдѣнія. Апостолъ Каннонъ на это замѣтилъ, что въ подобномъ случаѣ первый бракъ былъ бы только формальнымъ, что старшая женщина была бы въ родѣ матери своему мужу и его болѣе юной женѣ. Тогда я снова сослался на мой примѣръ, именно на тотъ фактъ, что одинъ старѣйшина женился на англичанкѣ вдовѣ, у которой была двѣнадцатилѣтняя дочь. Эта женщина родила ему четырехъ дѣтей, а онъ впослѣдствіи женился на ея дочери, когда та достигла совершеннолѣтія.

Юнгъ объявилъ, что это дѣло необычное на Солёномъ Озерѣ.

— Но вѣдь все-же это случается?

— Да, иногда случается, отвѣчалъ Юнгъ.

— А на какомъ основаніи ваша церковь оправдываетъ подобный поступокъ?

Послѣ непродолжительнаго молчанія, онъ сказалъ съ слабой улыбкой: «это относится къ вопросу о кровосмѣшеніи, по которому мы не имѣемъ особаго откровенія. Я не могу вамъ сказать, что̀ церковь считаетъ за истину въ этомъ отношеніи. Я могу вамъ передать только свое собственное мнѣніе; но вы не должны его печатать или передавать кому-либо, иначе меня могутъ не понять и перетолковать мои слова въ дурную сторону.» Послѣ этого вступленія онъ объяснилъ мнѣ свои мнѣнія о кровосмѣшеніи, но я не имѣю права ихъ обнародывать.

Что же касается тѣхъ фактовъ, которые я самъ видѣлъ, то мнѣ никто не можетъ помѣшать говорить объ нихъ. Кровосмѣшеніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ это слово, т. е. бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства, не считается преступленіемъ въ Мормонской церкви. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ святыхъ гаремовъ жены находятся съ мужьями въ гораздо болѣе близкомъ кровномъ родствѣ, чѣмъ дозволяетъ это Американскій законъ. Въ Городѣ Солёнаго Озера почти ежедневно Святые женятся на двухъ сестрахъ, на вдовѣ брата и даже на матери и дочери. Одинъ Святой, по имени Воль, женился на своей сводной сестрѣ, основываясь на примѣрѣ Авраама и Сары, что̀ Юнгъ послѣ долгихъ соображеній призналъ за дѣйствительный обязательный преседентъ. Въ одномъ домѣ въ Утахѣ вы можете видѣть поразительное зрѣлище трехъ женъ одного и того же человѣка, которыя относятся другъ къ другу какъ дочь, мать и бабушка. Я спросилъ президента, считаетъ ли онъ, въ силу новаго откровенія насчетъ пользы кровосмѣшенія, вреднымъ бракъ между братомъ и сестрой. Говоря отъ своего собственнаго имени, а не отъ имени церкви, онъ отвѣчалъ, что не видитъ никакихъ препятствій къ подобному браку. Вотъ слово въ слово послѣдовавшій затѣмъ разговоръ:

Я. — Случается ли когда-нибудь такой бракъ?

Юнгъ. — Никогда.

Я. — Запрещено это церковью?

Юнгъ. — Нѣтъ, оно запрещено предразсудкомъ.

Кимбаль. — Общественное мнѣніе этого не дозволяетъ.

Юнгъ. — Я самъ бы этого никогда не сдѣлалъ и не позволю никому, если только будетъ отъ меня зависѣть.

Я. — Такъ вы не запрещаете этого и не позволяете?

Юнгъ. — Предразсудки удерживаютъ меня.

Этотъ остатокъ стариннаго чувства, принесеннаго изъ языческаго міра, и только онъ одинъ повидимому, удерживаетъ Святыхъ отъ высшихъ степеней кровосмѣшенія. Долго ли такія языческія чувства останутся въ силѣ? «Вы здѣсь найдете полигамистовъ въ третьемъ поколѣніи. говорилъ мнѣ старѣйшина Стенгаузъ,—когда эти мальчики и дѣвочки подрастутъ и переженятся, тогда вы увидите въ нашей долинѣ настоящую патріархальную жизнь. Въ насъ все-еще говоритъ древній міръ, и мы всегда думаемъ о томъ-что скажутъ о насъ въ Шотландскихъ горахъ или Средне-Англійскихъ графствахъ».

Возобновленіе полигаміи, которое было бы страннымъ даже въ Персіи и Авганистанѣ, произошло очень медленно и развивалось какъ-бы въ тайнѣ. Оно началось съ Ригдона и его теоріи духовной жены, которую онъ, говоритъ, заимствовалъ отъ Вермонтскихъ методистовъ. Сначала эта теорія была только мистическимъ мечтаніемъ, относившемся болѣе къ Небу и Его Престоламъ, чѣмъ къ землѣ и ея обязанностямъ. Мы знаемъ, что эту теорію проповѣдывалъ Ригдонъ, что противъ нея возставалъ Джозефъ, что она мало по малу снискала сочувствіе старѣйшинъ, возбудила много скандала въ церкви и наконецъ была замѣнена болѣе практическимъ, полезнымъ ученіемъ.

Движеніе, возбужденное этимъ фанатикомъ въ юной церкви, не могло быть успокоено; наложеніе печати на женщинъ постоянно продолжалось, сначала въ домѣ новаго пророка, потомъ въ гаремахъ Кимбаля, Прата и Гайда; ихъ браки только полусекретные положили конецъ мистическимъ ограниченіямъ теоріи духовныхъ мужей и женъ. Они были полигамистами, но открытыми полигамистами. Нѣсколько лѣтъ спустя Юнгъ представилъ бумагу, которая по его словамъ была вѣрная копія съ откровенія, полученнаго отъ Бога Джозефомъ въ Науво: въ этомъ откровеніи ему повелѣвалось по примѣру Авраама, Іакова и Давида, принять въ свое лоно столько женъ, сколько Богу угодно будетъ даровать ему.

Эта бумага не была написана почеркомъ Джозефа или Еммы, его жены; Юнгъ объявилъ, что она была писана со словъ пророка, однимъ изъ его учениковъ, прибавляя тотъ любопытный фактъ, что когда Емма узнала впервые содержаніе этого документа, она схватила его и бросила въ огонь.

Юнгъ говорилъ мнѣ, что онъ самъ долго противился этой теоріи и открыто проповѣдывалъ противъ нея, предчувствуя, сколько тревогъ она породитъ для церкви. Онъ говоритъ, что пролилъ много горькихъ слезъ надъ этимъ божественнымъ документомъ и что только убѣжденный Джозефомъ, что повелѣніе жениться на многихъ женахъ было истиннымъ откровеніемъ, онъ принесъ въ жертву воли Бога свои предразсудки и свои чувства. Онъ съ большой торжественностью настаивалъ на этомъ пунктѣ. «Безъ этого откровенія въ пользу полигаміи, говорилъ онъ мнѣ,—мы бы вели религіозную жизнь, но не столь полную. Богъ повелѣлъ людямъ, чрезъ посредство Джозефа, брать много женъ. Въ это мы твердо вѣримъ.» Говоря это, онъ обратился къ апостоламъ, сидѣвшимъ вокругъ насъ; каждый изъ нихъ поклонился и подтвердилъ слова пророка.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ, говорятъ Святые, это откровеніе оставалось безъ примѣненія и хранилось въ тайнѣ отъ всего міра; два соображенія не позволяли до поры до времени открыто объявить полигамію догматомъ церкви: вопервыхъ надобно было узнать, какъ ее приметъ большинство Святыхъ, и вовторыхъ надо было удостовѣриться, какъ взглянутъ на это Американскіе суды. Для узнанія мнѣнія Святыхъ произносились проповѣди и писались поэтическія произведенія. Женщины-миссіонеры взывали къ народу, умоляя его раскаяться во грѣхахъ и возвратиться къ древней патріархальной жизни. «Каждая Сара, говорили они, должна привести Агарь къ своему Аврааму. Наконецъ религіозный восторгъ овладѣлъ Мормонской общиной, и всѣ Святые выразили свое согласіе на обнародованіе повелѣнія Бога, даннаго Джозефу, о многоженствѣ.

Двѣ тысячи старѣйшинъ собралось тогда въ Новомъ Іерусалимѣ, и послѣ проповѣди Орсона Прата и рѣчи Бригама Юнга они признали и обнародовали это, такъ-называемое откровеніе Бога. Это происходило 29-го августа 1852 года; день знаменательный

въ исторіи Мормонской церкви, и одинъ изъ самыхъ грустныхъ дней въ исторіи Саксонской расы.

Почти всѣ эти старѣйшины были люди Англійской крови; немногіе—Германцы, Французы и Датчане; девятнадцать же человѣкъ изъ каждыхъ двухъ десятковъ были Американцы и Англичане. Въ тотъ день краснокожіе и бѣлые заключили между собою тайный неписанный завѣтъ, ибо Шошоны нашли себѣ братьевъ въ блѣднолицыхъ, и Поніи увидѣли, что ихъ нравственныя понятія изъ вигвамовъ перешли въ саксонскія ранчи.

Новый догматъ, полученный отъ неба, былъ однако объявленъ Юнгомъ личной и исключительной собственностью Святыхъ, а не всеобщимъ достояніемъ. Святой могъ имѣть много женъ не по праву, а по благодати, какъ милость. Многоженство было дозволено немногимъ, а не приказано всѣмъ. Въ глазахъ Юнга это не была привиллегія земли, но даръ Неба, которымъ Богъ благословлялъ нѣкоторыхъ изъ Его любимыхъ сыновъ.

Пророкъ повидимому съ самаго начала понялъ, что въ общинѣ, полной юной жизни, юныхъ идей и страстей, его власть назначать число женъ старѣйшинамъ и апостоламъ будетъ для него гораздо важнѣе, чѣмъ даже его власть благословлять землю и отворять врата неба. Подобная сила сдѣлала его господиномъ каждаго дома въ Утахѣ. Никакой папа, никакой калифъ, никакой госейнъ, никогда не имѣли власти удовлетворять сердце, жаждущее красоты и страсти; и когда эта власть перешла въ руки Юнга, вслѣдствіе благопріятныхъ для него идей и событій, онъ крѣпко ухватился за нее и придалъ ей характеръ способности, лично принадлежащей ему и его званію. Святой можетъ жениться на одной женщинѣ, не испрашивая позволенія пророка. Эта привиллегія составляетъ одно изъ его правъ, какъ человѣка, но далѣе этого предѣла онъ не можетъ идти иначе, какъ по особому дозволенію своего духовнаго главы. Для того, чтобы жениться на второй женѣ, необходимо особое соизволеніе неба, которое испросить можетъ одинъ только Юнгъ. Если Юнгъ скажетъ да, то бракъ можетъ совершиться; если онъ скажетъ нѣтъ, то никакая аппеляція на его рѣшеніе немыслима. Въ церкви Мормоновъ полигамія не право человѣка, но даръ и милость Бога.

ГЛАВА XXX.

Великій Расколъ.

Догматъ многоженства не укоренился въ церкви Мормоновъ безъ сильныхъ распрей и жестокаго раскола.

Джоржъ А. Смитъ, двоюродный братъ Джозефа и историкъ Мормонской церкви, говоритъ, что на основаніи документовъ, находящихся у него, пятьсотъ епископовъ и старѣйшинъ живутъ въ многоженствѣ въ долинахъ Солёнаго Озера; эти пятьсотъ старѣйшинъ имѣютъ, какъ онъ полагаетъ, среднимъ числомъ по три жены каждый и по пятнадцати дѣтей; такъ что въ четырнадцать лѣтъ вліяніе этого особаго учрежденія распространилось на десять тысячь человѣкъ. Это число, какъ велико оно ни кажется, только двадцатая часть всѣхъ послѣдователей Юнга. Полагая, что эти пятьсотъ человѣкъ одинаковаго мнѣнія насчетъ того, что воля Божія была дѣйствительно выражена Джозефу и что это откровеніе точно передано и сохранено,—все-же остается довольно мѣста для различія мнѣній. Громадное большинство Святыхъ должно всегда довольствоваться одной женой; Юнгъ самъ признаетъ это. Только богатый, энергичный, стойкій Святой можетъ имѣть гаремъ даже теперь, когда эта система еще нова и число женщинъ достаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей. Такъ какъ сама природа идетъ противъ этого догмата, то смиренный Святой не можетъ надѣяться и въ будущемъ пользоваться такими преимуществами, въ которыхъ ему теперь отказываютъ. Многіе даже въ числѣ богатыхъ, какъ капитанъ Гуперъ, не рѣшаются подчинить себя сомнительной семейной системѣ и колеблются вступить въ открытую войну съ Соединенными Штатами; нѣкоторые протестуютъ на словахъ, а другіе удаляются изъ церкви, не отрицая однако авторитета Джозефа Смита.

Существованіе второй Мормонской церкви, большаго раскола, не отрицается Юнгомъ, который конечно считаетъ это дѣломъ дьявола. Большое число Святыхъ оставило церковь вслѣдствіе введенія догмата полигаміи; въ одной Калифорніи, говорятъ, отпа-

ло отъ церкви двадцать тысячъ человѣкъ. Многіе изъ этихъ Святыхъ—неполигамистовъ живутъ въ Миссури и Иллинойсѣ. Даже между тѣми, которые пламенно придерживаются своей церкви въ Городѣ Солёнаго Озера, повидимому, изъ двадцати человѣкъ девятнадцать не питаютъ никакого сочувствія и вѣры въ полигамію. Убѣжденіе, что основатель церкви Джозефъ никогда не жилъ въ многоженствѣ, чрезвычайно распространено повсюду.

Пророки, епископы, старѣйшины, всѣ великіе вожаки вѣры свидѣтельствуютъ, что въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни въ Карѳагенѣ основатель Мормонства имѣлъ много женъ. Конечно они не говорятъ, чтобы онъ налагалъ печать супружества на женщинъ только для собственнаго удовольствія; они говорятъ, что онъ бралъ лишь тѣхъ женщинъ, которыхъ ему давалъ Богъ. Во всякомъ случаѣ они признаютъ его за полигамиста. Дѣло именно въ томъ и заключается, что еслибы это свидѣтельство могло быть доказано, тогда всѣ смуты въ церкви прекратились бы сами собой, ибо все, что дѣлалъ самъ Джозефъ, его стадо признало бы необходимымъ и добродѣтельнымъ. Съ другой стороны духовенство, пользующееся многоженствомъ, обязано поддерживать справедливость этой гипотезы; если Джозефъ не былъ полигамистомъ, то въ ихъ глазахъ едвали онъ могъ быть вѣрнымъ Мормономъ и Святымъ пророкомъ Бога, такъ какъ они теперь убѣждены, что человѣкъ съ одной женой можетъ только сдѣлаться безбрачнымъ ангеломъ, простымъ служителемъ и вѣстникомъ патріархальныхъ боговъ. Такимъ образомъ не предъявляя много доказательствъ въ пользу справедливости этаго факта, старѣйшины утверждали, что Джозефъ имѣлъ въ тайнѣ много женъ, три или четыре изъ которыхъ, говорятъ они, еще находятся въ живыхъ на Солёномъ Озерѣ, въ семействѣ Бригама Юнга.

Все же никакое ясное доказательство не было еще до сихъ поръ представлено, что Джозефъ дѣйствительно жилъ въ многоженствѣ или диктовалъ бумагу, выдаваемую за откровеніе, полученное имъ отъ Бога. Что онъ не жилъ открыто болѣе чѣмъ съ одной женщиной, признается всѣми или почти всѣми; насколько же можно заключить изъ его раннихъ и вполнѣ достовѣрныхъ сочиненій, онъ былъ явнымъ противникомъ той теоріи, которая послѣ его смерти сдѣлалась основнымъ догматомъ его церкви. Въ книгѣ

Мормоновъ, онъ заставляетъ самого Бога говорить, что чистота женщины пріятна Ему и что гаремы Давида и Соломона омерзительны въ Его глазахъ. Старѣйшина Готбе, которому я указалъ на это мѣсто въ Священной Книгѣ, отвѣчалъ, что епископы объясняютъ этотъ текстъ тѣмъ, что Богъ выразился противъ полигаміи въ минуту гнѣва на свой народъ за его грѣхи, и что поэтому эти слова не выражаютъ Его настоящей, вѣчной воли о святой жизни на землѣ.

Самый фактъ, точно такъ же какъ и его примѣненіе, подлежатъ сомнѣнію. Всѣмъ извѣстно, что Джозефъ былъ противъ теоріи Ригдона о духовной женѣ, и точно также хорошо извѣстно, что онъ никогда не обнародовалъ и даже не говорилъ о существованіи документа, который приписываютъ ему.

Емма, жена Джозефа и его секретарь, раздѣлявшая всѣ его труды и его славу, твердо и хладнокровно отрицаетъ, чтобы ея мужъ имѣлъ какую-нибудь другую жену, кромѣ нея. Она объявляетъ, что вся эта исторія—ложь и откровеніе—обманъ. Она обличаетъ полигамію, какъ выдумку Юнга и Прата, какъ дѣло дьявола, грозящее уничтожить новую церковь Бога. Вслѣдствіе введенія этой теоріи, она удалилась изъ среды Святыхъ Утахи и поселилась между немногими отверженцами Мормонской церкви, которыхъ она называетъ остаткомъ истинной церкви, въ Науво.

Четыре сына Джозефа,—Джозефъ, Вильямъ, Александръ и Давидъ, всѣ обличаютъ ученіе о многоженствѣ, какъ выдумку Юнга. Они уже взрослые люди, и ихъ личный интересъ такъ связанъ съ успѣхомъ церкви ихъ отца, что ничто кромѣ чистосердечнаго убѣжденія не могло удалить ихъ отъ Бригама Юнга.

Теперь же эти сыновья перваго пророка произвели великій расколъ въ церкви. Подъ названіемъ Джозефитовъ, нѣкоторое число Мормоновъ собралось теперь вокругъ нихъ. Александръ Смитъ былъ въ Городѣ Солёного Озера въ одно время съ нами, и ему позволили открыто проповѣдывать противъ полигаміи въ залѣ ратуши.

Юнгу кажется чрезвычайно прискорбно это грустное обстоятельство, и онъ съ радостью принялъ бы молодыхъ сыновей Смита въ свое семейство, усыновилъ бы ихъ, еслибы только они на

это согласились. Онъ полагаетъ, что Давидъ находится подъ особой благодатью и милостью неба. «Прежде чѣмъ этотъ ребенокъ родился, говорилъ онъ, — Джозефъ сказалъ мнѣ, что у него непремѣнно будетъ сынъ, что имя ему будетъ Давидъ и что онъ сдѣлается руководителемъ этой церкви.» Я спросилъ Юнга, думаетъ ли онъ, что это пророчество все-же исполнится. «Да, отвѣчалъ онъ,—когда настанетъ минута, назначенная Богомъ, Давидъ будетъ призванъ на предназначенное дѣло.» Я спросилъ его, считаетъ ли онъ Давида теперь внѣ церкви.

— Да; но когда онъ только почувствуетъ желаніе возвратиться на истинный путь, мы его тотчасъ примемъ.

Этотъ расколъ, произведенный догматомъ полигаміи и во главѣ котораго стоятъ вдова и сыновья пророка, чрезвычайно важный фактъ для церкви, даже по мнѣнію тѣхъ епископовъ и старѣйшинъ, которые въ болѣе мелкихъ дѣлахъ не заботятся о завтрашнемъ днѣ. Юнгъ вполнѣ это сознаетъ; ибо, читая Чикагскую Платформу, онъ не можетъ не видѣть, какъ легко язычники помирились бы съ сыновьями пророка, ведя въ тоже время упорную войну съ нимъ и со сторонниками полигаміи въ Утахѣ.

Главное, почти единственное доказательство того, что Джозефъ имѣлъ нѣсколько женъ во плоти,—свидѣтельство самого Юнга.

Разговаривая съ нимъ объ этомъ предметѣ, я замѣтилъ, что Святые будутъ лишены большой нравственной силы, пока этотъ главный догматъ не будетъ подкрѣпленъ несомнѣнными доказательствами; я прибавилъ еще, что если Джозефъ наложилъ печать супружества на многихъ женщинъ, то должны же быть свидѣтели этого факта?

— Я свидѣтель, сказалъ Юнгъ съ живостью,—я самъ закрѣпилъ Джозефу печатью двѣнадцать женъ.

Я спросилъ тогда, знала ли Емма объ этомъ. Онъ отвѣчалъ, что вѣроятно знала, но утвердительно сказать не можетъ. Въ отвѣтъ на другой мой вопросъ онъ призналъ, что Джозефъ не имѣлъ дѣтей отъ этихъ женъ, на которыхъ дюжинами налагалась печать супружества.

Изъ двухъ другихъ источниковъ мы получили свѣдѣнія, подтверждающія слова Юнга. Два человѣка, живущіе далеко и незнакомые другъ съ другомъ, свидѣтельствовали, что они знали

очень близко нѣкоторыхъ женщинъ, на которыхъ Джозефъ наложилъ печать супружества въ Науво. Юнгъ увѣрялъ меня также, что нѣкоторыя изъ старухъ, живущихъ подъ его кровомъ, были вдовы Джозефа, и что всѣ апостолы, зная это, оказывали имъ подобающее уваженіе. Трехъ изъ этихъ женщинъ я видѣлъ въ Скиніи, и мнѣ говорили, что нѣкоторыя изъ нихъ родили дѣтей второму пророку, хотя не рождали первому.

Мое мнѣніе, основанное на добросовѣстномъ сличеніи всѣхъ доказательствъ за и противъ, заключается въ томъ, что эти барыни, хотя быть можетъ Джозефъ и наложилъ на нихъ печать супружества для вѣчной жизни, не были его женами въ томъ смыслѣ, въ которомъ Емма и всѣ другія женщины на свѣтѣ понимаютъ слово жена. Я полагаю, что онѣ были его духовными царицами, избранными по методѣ Веслеянскихъ Перфекціонистовъ и съ цѣлью достичь не утѣхи плотской, а славы небесной. Юнгъ можетъ быть буквально правъ въ этомъ спорѣ, но, по моему мнѣнію, сыновья пророка правы нравственно. Я твердо убѣжденъ, что если многоженство утвердится окончательно въ Американской церкви, то Святые будутъ этимъ обязаны не Джозефу Смиту, а Бригаму Юнгу.

ГЛАВА XXXI.

Печать Супружества.

Многіе заблуждаются принимая наложеніе печати супружества за тоже самое, что бракъ. Наложеніе печати можетъ означать бракъ, но оно можетъ означать и нѣчто иное. Мужчина можетъ наложить печать на женщину, хотя она и не сдѣлается его женой; мы видѣли тому примѣры въ такъ-называемыхъ вдовахъ Джозефа и въ Элизѣ Сноу, которую всѣ называютъ миссъ Сноу, хотя Юнгъ и наложилъ на нее печать супружества. Наложеніе печати можетъ значить гораздо болѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо менѣе, чѣмъ бракъ. Совершеніе акта супружества, необходимое для узаконенія брака, не требуется въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя под-

разумѣваются подъ наложеніемъ печати. Бракъ дѣло гражданское, наложеніе печати въ одно и тоже время гражданское и духовное, свѣтское и небесное.

Святые ввели новую характеристичную особенность въ отношеніяхъ мужа и жены, именно вѣчную непрерывность этихъ отношеній. Наложеніе печати, связывающее мужчину и женщину, можетъ быть совершено на время и на всю вѣчность, т. е. мужчина можетъ взять въ жены женщину только на эту жизнь, какъ мы всѣ дѣлаемъ въ христіанской церкви, или вмѣстѣ и на эту жизнь и на будущую. Утахи имѣютъ отчасти подобныя же понятія, ибо, мечтая о своемъ раѣ, они всегда видятъ себя тамъ въ сопровожденіи вѣрной собаки и любимой жены. Аравитянинъ Моисеева закона населялъ небо людьми, которыхъ онъ зналъ на землѣ, и между правами, которыя онъ переносилъ съ собой въ болѣе свѣтлую землю, было право пользоваться обществомъ своей свѣтской жены. Аравитянинъ Мусульманинъ, хотя позднѣйшая поэзія украсила его рай прелестными гуріями, все-же полагаетъ, что вѣрному воину будетъ дозволено продолжать и на небѣ прежнія свои отношенія съ той, которая раздѣляла его заботы на землѣ. Только въ нашемъ болѣе возвышенномъ и святомъ небѣ невѣдомы человѣческія радости и заботы, не женятся и не посягаютъ а содѣлываются яко ангелы небесные.

На дѣйствительныя отношенія между мужемъ и женою Утахскія и Аравитянскія теоріи о сохраненіи на небѣ брачныхъ узъ не имѣютъ другаго вліянія, какъ побудить хорошую и любящую женщину съ большею ревностью удовлетворять всѣмъ желаніямъ мужа, чтобъ укрѣпить за собою мѣсто подлѣ него въ небесномъ вигвамѣ. Но между Святыми Солёнаго Озера понятіе о временномъ бракѣ, какъ о контрактѣ, отличающемся нетолько по сроку, но и по природѣ отъ вѣчнаго союза, привело ко многимъ страннымъ и совершенно практическимъ результатамъ. Мормонскій старѣйшина проповѣдуетъ, что женщина, которая была закрѣплена печатью одному мужу навремя, можетъ быть закрѣплена другому на вѣчность. Это закрѣпленіе жены печатью на будущую жизнь должно быть сдѣлано на землѣ и можетъ быть сдѣлано при жизни ея земнаго мужа; это даетъ женщинѣ въ нѣкоторомъ отношеніи право на выборъ втораго мужа, ибо между

Святыми женщина пользуется такимъ же правомъ избирать себѣ небеснаго жениха, какъ мужчина—земную невѣсту.

Конечно постоянно является вопросъ о томъ, какія права получаетъ мужчина въ этой жизни надъ женщиной, душа которой закрѣплена за нимъ на вѣчность. Можетъ ли небесный обрядъ быть совершенъ безъ знанія и согласія временнаго мужа? Можетъ ли этотъ высшій бракъ быть совершенъ безъ нарушенія его супружескихъ правъ? Позволилъ ли бы кто-нибудь, чтобы его жена была закрѣплена печатью кому другому, еслибъ онъ только зналъ объ этомъ фактѣ; ибо союзъ на вѣчныя времена не долженъ ли быть болѣе торжественнымъ и болѣе обязательнымъ, чѣмъ временной контрактъ? Не вѣроятно ли, что отношенія мужчины и женщины, связанныхъ между собою вѣчными небесными узами, будутъ гораздо тѣснѣе и таинственнѣе земныхъ отношеній?

Нѣкоторые Святые отрицаютъ, чтобы въ Утахѣ было обыкновеннымъ дѣломъ для женщины быть закрѣпленной печатью одному человѣку на землѣ, а другому на небѣ. Быть можетъ, это не постоянно встрѣчается, но оно случается во многихъ семействахъ и возбуждаетъ неудовольствія и распри; смиренный Святой пользуется очень малой защитой противъ злоупотребленій въ этомъ отношеніи. Юнгъ — повелитель всего и всѣхъ. Если пророкъ скажетъ старѣйшинѣ: «возьми ее», женщина будетъ взята волей или неволей. Часто, говорятъ, эти вторые болѣе возвышенные браки совершаются втайнѣ, при помощи двухъ или трехъ апостоловъ. Эти браки не оглашаются заранѣе, и сомнительно даже, чтобъ они записывались. Какой же человѣкъ, имѣющій хорошенькую жену, можетъ быть увѣренъ, что ее не соблазнятъ вступить въ этотъ странный, неопредѣленный союзъ на вѣчность съ другимъ человѣкомъ, имѣющимъ болѣе высокое значеніе въ церкви? Званіе священника и пророка имѣетъ во всякой странѣ особую прелесть для женщины; то, что пасторы—въ Лондонѣ, аббаты—въ Парижѣ, муллы въ Каирѣ, госайны—въ Бенаресѣ, тоже старѣйшины и апостолы въ Утахѣ; только они имѣютъ еще болѣе прелести, ибо могутъ своею собственною властью даровать женщинамъ, вѣрующимъ въ нихъ, небесный престолъ. Исключая Гуру въ Бомбеѣ, никакой священникъ на землѣ не имѣетъ такой возможности дѣйствовать на всѣ слабости женскаго сердца, какъ

Мормонскій епископъ на Солёномъ Озерѣ. Кто же поручится смиренному Святому, что, имѣя такую громадную власть на землѣ и на небѣ, священники при наложеніи печати на его жену не нарушатъ его супружескихъ правъ, не оскорбятъ его супружеской чести.

Другая особенность, не менѣе странная, которую Мормоны ввели въ отношенія между мужемъ и женой,—это закрѣпленіе печатью живаго человѣка умершему.

Бракъ временный—дѣло земное и долженъ быть заключенъ между живымъ мужчиной и живой женщиной; но бракъ вѣчный, будучи дѣломъ небеснымъ, можетъ быть заключенъ, говорятъ эти Святые, между живыми и мертвыми, только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ этотъ союзъ былъ дѣйствительнымъ союзомъ, освященнымъ пророкомъ и совершеннымъ по установленному обряду. Во всякомъ случаѣ, этотъ союзъ долженъ быть настоящимъ бракомъ въ каноническомъ смыслѣ и въ смыслѣ положительнаго закона, а не платонической обрядъ, мистическое сродство душъ. Но тутъ является затрудненіе. Какъ можетъ быть женщина соединена плотски съ человѣкомъ, лежащимъ во гробѣ! Посредствомъ замѣщенія, отвѣтятъ вамъ Святые.

Замѣщеніе! Развѣ въ супружествѣ мужчина или женщина можетъ замѣнить кого-нибудь другаго. Юнгъ говоритъ, что это возможно. Евреи имѣли нѣчто въ родѣ этого догмата, ибо мы знаемъ, что у нихъ пережившій братъ заступалъ мѣсто покойнаго; а всѣ Святые не составляютъ ли однаго семейства въ глазахъ Бога? Между Евреями это правило, что братъ женится на вдовѣ брата, было исключеніемъ изъ общаго закона, а законъ Магомета отвергнулъ это правило, какъ остатокъ поліандріи, какъ дѣло нечестивое. Ни одинъ осѣдлый народъ не возвратился къ этому обычаю пастушескаго племени. Но Юнгъ, который ни мало не боится науки, отнесся съ такою же смѣлою оригинальностью къ этому вопросу, какъ и ко всѣмъ другимъ вопросамъ, относящимся до правъ женщины. Женщина можетъ избирать себѣ жениха для будущей жизни на небѣ, но подобно мужчинѣ, желающему взять вторую жену, она не можетъ выйти за мужъ за мертваго человѣка безъ согласія и посредничества Юнга. Положимъ, что какая-нибудь восторженная дѣвушка вздумала бы сдѣлаться одной изъ

небесныхъ царицъ умершаго Святаго; ей очень легко удовлетворить прихоть своего воображенія, если только эта прихоть будетъ согласоваться съ плотскою прихотью пророка. Юнгъ ея единственный судья, его «да» или «нѣтъ» служатъ мѣриломъ ея понятій о добрѣ и злѣ. Посредствомъ религіознаго обряда, онъ можетъ закрѣпить ее печатью умершему человѣку, котораго она избрала въ свои повелители и цари на небѣ; тѣмъ же самымъ обрядомъ, онъ можетъ назначить одного изъ своихъ старѣйшинъ и апостоловъ исполнять на землѣ должность этого небеснаго супруга; если же ея красота соблазнитъ его, то онъ можетъ самъ принять на себя исполненіе супружескихъ обязанностей отошедшаго въ вѣчность супруга.

Въ Скиніи мнѣ показывали двухъ барынь, которыя закрѣплены печатью Юнгу какъ уполномоченному Джозефа, котораго небесными женами онѣ считаются; и что касается этихъ двухъ женщинъ, то я могу положительно удостовѣрить, что онѣ находятся съ Юнгомъ въ такихъ же самыхъ отношеніяхъ, какъ и всѣ земныя жены. Онѣ матери дѣтей, которые носятъ его имя. Двѣ изъ молодыхъ актрисъ, которыхъ мы видѣли на сценѣ, сестра Зина и сестра Емили,—дочери женщинъ, считающихъ себя женами Джозефа. Первоначальная исторія этихъ женщинъ покрыта мракомъ неизвѣстности, сквозь который невозможно проникнуть до истины. Двѣ изъ нихъ живутъ въ домѣ Бригама, третья въ хижинѣ у его воротъ, а четвертая, говорятъ, живетъ съ своей дочерью на Хлопчато-Бумажномъ-Оврагѣ.

Я полагаю, что точно также какъ нѣкоторыя изъ старухъ закрѣпили себя печатью пророку, какъ его духовныя жены при его жизни, такъ и эти молодыя женщины избрали его своимъ господиномъ и царемъ на небѣ, много лѣтъ послѣ его смерти.

Джозефъ, безъ сомнѣнія, самый любимый небесный женихъ. Быть можетъ въ природѣ женщины, если ей дадутъ волю, выбирать себѣ въ женихи того, кто сидитъ на престолѣ; несомнѣнно, что многія Мормонскія женщины стремятся въ объятія Джозефа не поэтически, какъ христіанки, говорящія, что онѣ будутъ покоиться въ лонѣ Авраама, но фактически, какъ индѣйская поклонница Кришны, жаждущія любви своего милаго бога. Юнгъ, говорятъ, оставляетъ себѣ всѣхъ подобныхъ страстныхъ поклон-

ницъ, ибо достоинство умершаго пророка такъ высоко, что никто другой кромѣ его преемника въ Скиніи не достоинъ замѣщать его даже и въ гаремѣ. Красавицы, которыхъ Джозефъ никогда не видывалъ, которыя были еще дѣтьми и язычницами, когда онъ былъ битъ въ Карѳагенѣ, теперь закрѣплены ему печатью навѣчность и родятъ дѣтей во имя его.

За исключеніемъ пламенныхъ стремленій индѣйскихъ женщинъ къ ихъ милому богу, нѣтъ такого страннаго сумасшествія на землѣ, какъ эта эротическая страсть Мормонокъ къ умершимъ. Одна жительница Нью-Іорка ощутила такого рода страсть и захотѣла во что бы то ни стало сдѣлаться женою убитаго пророка. Она отправилась на Солёное Озеро, бросилась къ ногамъ Бригама и умоляла его, съ искреннимъ одушевленіемъ, наложить на нее печать супружества во имя Джозефа. Юнгъ въ ней не нуждался, его гаремъ былъ переполненъ; время его все было занято и онъ отослалъ ее ни съ чѣмъ; но пламя ея страсти было слишкомъ велико, чтобъ заглохнуть. Она взяла его приступомъ и онъ наконецъ сдался; закрѣпивъ ее печатью Джозефу на вѣчность, онъ принялъ на себя его супружескія обязанности на землѣ и водворилъ ее въ своемъ домѣ.

Съ другой стороны Мормоны увѣряютъ, что они имѣютъ такую власть надъ духами, что въ состояніи закрѣпить печатью мертвыхъ живымъ. Старѣйшина Стенгаузъ разсказывалъ мнѣ, что у него есть одна умершая жена, которая была закрѣплена ему печатью послѣ ея смерти. Онъ зналъ эту молодую женщину очень хорошо; она была прелестная красавица, очень ему нравилась и можетъ быть современемъ онъ бы взялъ ее въ жены; но неожиданно во время его отсутствія изъ Солёно-Озернаго Города она занемогла и умерла; на смертномъ одрѣ она выразила пламенное желаніе быть закрѣпленной ему печатью на вѣчность, чтобы раздѣлить съ нимъ его небесный престолъ. Юнгъ согласился на ея просьбу и когда Стенгаузъ возвратился изъ Европы въ Солёно-Озерный Городъ, то этотъ обрядъ былъ совершенъ въ присутствіи Бригама и другихъ Святыхъ; его первая жена при этомъ исполняла должность покойницы, какъ предъ алтаремъ, такъ и впослѣдствіи. Онъ считаетъ погибшую красавицу одной изъ своихъ дѣйствительныхъ женъ и твердо вѣритъ, что она будетъ царить съ нимъ въ небесахъ.

ГЛАВА XXXII.

Женщина на Соленомъ Озерѣ.

Какіе же видимые результаты въ отношеніи самой женщины далъ этотъ новый опытъ общественной и семейной жизни?

Въ продолженіе пятнадцати-дневнаго нашего пребыванія въ городѣ Святыхъ, мы имѣли болѣе случаевъ, чѣмъ кто-либо изъ языческихъ путешественниковъ, изслѣдовать вполнѣ этотъ вопросъ. Мы ежедневно видались съ президентомъ и съ нѣкоторыми изъ апостоловъ; мы были приняты во многихъ Мормонскихъ домахъ и насъ представили почти всѣмъ важнѣйшимъ Святымъ; мы обѣдали за ихъ столомъ, бесѣдовали съ ихъ женами, играли съ ихъ дѣтьми. Наше мнѣніе о вліяніи Мормонской жизни на характеръ и положеніе женщины основано на подробномъ изученіи предмета и наши солёно-озерные друзья, мы надѣемся, хотя и будутъ совершенно противоположнаго съ нами мнѣнія, но признаютъ, что мы говоримъ вполнѣ чистосердечно и безпристрастно.

Если вы будете слушать однихъ старѣйшинъ, то вы вообразите, что идея многоженства наполняетъ женскія сердца самымъ дикимъ фанатизмомъ. Они говорятъ вамъ, что Мормонскій проповѣдникъ, распространяющійся о примѣрахъ Сары и Рахили, находитъ самыхъ пламенныхъ слушателей между женщинами. Они разсказываютъ, что въ Науво былъ составленъ женскій клубъ для распространенія полигаміи и введенія ея въ моду, что матери проповѣдуютъ полигамію своимъ дочерямъ, что женщины поэты воспѣваютъ ее. Они завѣряютъ васъ, что первая жена, будучи главою гарема, сама отыскиваетъ и ухаживаетъ за хорошенькими дѣвушками, считая себя счастливой, если ей удастся привести мужу новую Агарь.

Это мужское толкованіе фактовъ конечно подтверждается такими писательницами, какъ Белинда Пратъ.

Что же касается до меня, то я полагаю, что Мормонизмъ не есть религія женщинъ. Я не скажу, чтобъ онъ совершенно лишалъ женщину всякаго достоинства, но онъ конечно унижаетъ ее въ общественномъ значеніи. Женщина здѣсь, въ сущности, не составляетъ часть общества. Длинныя, бѣлыя стѣны, маленькіе

домики, скрываемые деревьями и кустами, вѣчно пустыя окна, двери и балконы—все напоминаетъ англійскому глазу скорѣе замкнутость, ревность и тиранство мусульманскаго гарема, чѣмъ веселость и свободу христіанскаго жилища. Мужчины рѣдко видаютъ другъ друга дома, еще рѣже въ обществѣ женъ. Замкнутость дѣлается закономъ вездѣ, гдѣ царствуетъ полигамія, а этотъ обычай удалять женщинъ отъ всякаго общества, взятый самъ по себѣ помимо всѣхъ вопросовъ догматическихъ и нравственныхъ, затмѣваетъ ихъ зрѣніе и заглушаетъ ихъ слухъ. Если разговоръ развиваетъ мужчину, то онъ еще болѣе развиваетъ женщину и мы можемъ сказать, основательно изучивъ много семействъ на Солёномъ Озерѣ, что Мормонскія дамы потеряли всякую привычку принимать участіе даже въ такомъ легкомъ разговорѣ, какъ обыкновенный разговоръ въ гостиной или столовой. Мы видѣли только одно исключеніе изъ этого правила: это была одна изъ актрисъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ жены хозяина, вѣчно съ ребенкомъ на рукахъ, бѣгаютъ по комнатамъ, приносятъ шампанское, откупориваютъ бутылки, разносятъ фрукты и пирожное, зажигаютъ спички, морозятъ воду, а мужчины въ это время сидятъ развалившись въ покойныхъ креслахъ, высунувъ ноги въ окошко, куря сигары и опоражнивая стаканъ вина за стаканомъ. (Воздержность отъ вина и табаку проповѣдывается Юнгомъ и преподается въ Мормонскихъ школахъ; но мы нашли сигары во многихъ домахъ, а вино во всѣхъ, исключая гостинницъ). Дамы вообще одѣваются очень просто, чтобъ не сказать бѣдно; вы никогда не увидите на нихъ яркихъ цвѣтовъ или какихъ-нибудь блестящихъ украшеній. Онѣ очень тихи и смиренны въ обращеніи, даже неестественно тихи, словно вся смѣлость, вся веселость, вся жизнь выбиты изъ нихъ проповѣдями. Онѣ рѣдко улыбаются и то какъ-то вяло, безжизненно; и хотя онѣ всѣ англійской крови, но мы никогда не слыхали, чтобъ онѣ смѣялись громкимъ серебристымъ хохотомъ нашихъ англійскихъ дѣвушекъ.

Онѣ знаютъ очень мало и интересуются очень не многимъ. Я полагаю, что всѣ онѣ отлично ходятъ за дѣтьми, и на опытѣ знаю, то многія изъ нихъ великолѣпно сушатъ и солятъ фрукты. Но онѣ обыкновенно чрезвычайно застѣнчивы и молчаливы, словно боятся, что ихъ мнѣніе о солнечномъ закатѣ, горномъ видѣ или

другихъ подобныхъ предметахъ покажется ихъ мужьямъ и господамъ опаснымъ съ ихъ стороны вторженіемъ въ неприступную для нихъ область. Пока вы находитесь въ домѣ, женщинъ выводятъ въ гостиную, словно дѣтей у насъ; онѣ входятъ въ комнату на минуту, присядаютъ и пожимаютъ руки гостямъ; потомъ быстро исчезаютъ, словно считая себя лишними въ обществѣ. Я нигдѣ не видывалъ подобной застѣнчивости между взрослыми женщинами, кромѣ какъ въ Сирійской палаткѣ. Вы не найдете на Солёномъ Озерѣ, даже въ самыхъ богатыхъ семьяхъ ничего, что бы напоминало свободное и полное достоинства обращеніе англійской лэди. Здѣсь ни одна женщина не царитъ; ни одна женщина своимъ обращеніемъ не доказываетъ, что она госпожа въ своемъ домѣ. Она не всегда сидитъ за столомъ и когда раздѣляетъ трапезу съ своимъ повелителемъ, то она не помѣщается въ главѣ стола на главномъ мѣстѣ, но на одномъ изъ низшихъ. Вообще ея жизнь не проходитъ въ гостиной и столовой, а посвящена большею частью дѣтской, кухнѣ и кладовой.

Свобода, граціозность и живость молодой англійской лэди совершенно неизвѣстны ея Мормонской сестрѣ. Только когда разговоръ между ея мужемъ и гостемъ касался многоженства, я видѣлъ на лицѣ Мормонки нѣкотораго рода оживленіе; это выраженіе и замѣчанія, на которыя рѣшалась въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно безмолвная женщина, выражали совершенно противоположное тому, что проповѣдуетъ Белинда Пратъ.

Я убѣжденъ, что многоженство не популярно между женами Святыхъ. Кромѣ того, что я видѣлъ и слышалъ отъ нихъ самихъ, я разговаривалъ объ этомъ предметѣ наединѣ и совершенно свободно съ восемью или десятью дѣвушками, живущими уже два или три года на Солёномъ Озерѣ. Онѣ безъ всякаго сомнѣнія Мормонки и принесли много жертвъ своей религіи, но, видя вблизи семейную жизнь Святыхъ, онѣ всѣ сдѣлались рѣшительными противницами полигаміи. Двѣ или три изъ этихъ дѣвушекъ—очень хорошенькія и могли бы выдти замужъ, когда имъ только вздумалось бы. За ними многіе ухаживали, а одна изъ нихъ отказала семерымъ. Нѣкоторые изъ этихъ поклонниковъ, предлагавшихъ ей свою руку, были старые и богатые, другіе—молодые и бѣдные. Старики уже имѣли полный домъ женъ и она не хотѣла быть какой-

нибудь десятой или пятнадцатой; молодые же люди, будучи истинными Святыми, не хотѣли обѣщать, что они будутъ довольствоваться одною женою; потому она отказала и имъ всѣмъ. Всѣ эти молодыя дѣвушки предпочитаютъ оставаться одинокими, предпочитаютъ вести жизнь труда и зависимости въ качествѣ служанокъ, швей, горничныхъ и т. д., чѣмъ вести жизнь, относительно спокойную и счастливую, жены Мормонскаго епископа.

Вообще принято, главнымъ образомъ на основаніи знаменитаго письма о многоженствѣ Белинды Пратъ, что Мормонская Сара охотно выискиваетъ и съ гордостью приводитъ своему мужу безчисленное количество новыхъ Агаръ. Многіе изъ Святыхъ говорили мнѣ, что это справедливо, какъ общее правило, хотя они признаютъ, что есть исключенія, такъ какъ Мормонская Сара не всегда достигаетъ своего высокаго призванія. Что касается до меня, то я видалъ только одни исключенія. Быть можетъ нѣкоторыя жены такъ добры, что принимаютъ на себя эту обязанность, но я не встрѣчалъ ни одной которая бы сознавалась въ этомъ даже при мужѣ, когда можно было немного и прихвастнуть. Всякая женщина, которой я предлагалъ этотъ вопросъ, отвѣчала отрицательно, вся вспыхнувъ хотя въ ея тонѣ слышался тотъ же недостатокъ смѣлости, который присущъ всѣмъ Мормонскимъ женщинамъ. — «Выискивать новою жену для мужа, сказала мнѣ одна изъ Мормонокъ: — ни одна женщина не была бы на это способна, и ни одна женщина не позволила бы другой женщинѣ ухаживать за нею, съ цѣлью привлечь ее къ мужчинѣ.»

Процесъ взятія въ домъ второй или шестнадцатой жены всегда одинъ и тотъ же. «Я разскажу вамъ, сказалъ мнѣ одинъ изъ старѣйшинъ:—какъ мы дѣлаемъ подобныя дѣла въ нашей общинѣ. Вотъ напримѣръ я имѣю двухъ живыхъ женъ и одну мертвую. Я думаю взять третью, такъ какъ я могу позволить себѣ эту издержку, и ни одинъ человѣкъ не уважается въ нашей церкви, если у него нѣтъ по крайней мѣрѣ трехъ женъ. Ну, вотъ я и останавливаюсь на какой-нибудь молодой дѣвушкѣ и обсуждаю въ своемъ умѣ, есть ли на то воля Божія, чтобъ на ней жениться. Если послѣ такого обсужденія, я нахожу, что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать ей предложеніе, я говорю объ этомъ моему епископу, который даетъ мнѣ совѣты и поощряетъ меня, если находитъ это полезнымъ;

потомъ я иду къ президенту, который соображаетъ, хорошій ли я человѣкъ и достойный ли мужъ, способный управлять своимъ хозяйствомъ, поддерживать миръ между женами и воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ; если онъ найдетъ, что я достоинъ подобнаго благословенія, я пойду далѣе и разскажу все моей первой женѣ, какъ главѣ моего дома, и посовѣтуюсь съ ней насчетъ характера, достоинствъ и привычекъ избранной мною невѣсты. Быть можетъ, я поговорю и со второю женою, быть можетъ нѣтъ, ибо это не столько касается ея, какъ первой жены; къ тому-же моя первая жена старше годами, болѣе видала жизнь и потому гораздо болѣе мнѣ другъ, чѣмъ вторая. Возраженіе со стороны моей первой жены имѣло бы для меня большую силу, но я бы не обратилъ никакого вниманія на то, что бы сказала или подумала о томъ моя вторая жена. Сообразивъ, что все идетъ хорошо, я наконецъ обращусь къ отцу молодой дѣвушки, и только уже получивши его согласіе, сдѣлаю предложеніе ей самой.

— Но не лучше ли было бы вамъ, замѣтилъ я:—прежде, чѣмъ начинать всѣ эти хлопоты, узнать мнѣніе самой молодой дѣвушки? Не лучше ли было бы вамъ прежде получить ея согласіе, а потомъ уже открыть свою тайну другимъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ старѣйшина: — это было бы не хорошо. Мы въ нашей общинѣ очень строги. Я бы повидалъ эту дѣвушку въ театрѣ, въ Скиніи, въ залѣ Ратуши, я вступилъ бы съ нею въ разговоръ, танцовалъ бы съ нею, гулялъ бы съ нею и такимъ образомъ узналъ бы ея достоинства и угадалъ бы ея вкусы; но я никогда бы не сталъ за нею ухаживать въ вашемъ смыслѣ этого слова, не дѣлалъ бы ей признанія въ любви и не помѣнялся бы съ ней словомъ. Дѣло супружества не есть земное, но небесное и мы въ немъ руководствуемся правилами Божьяго царства и Божьей церкви.

Двѣ жены этого старѣйшины живутъ въ отдѣльныхъ домахъ и рѣдко видаются. Во время нашего пребыванія въ Солёно Озерномъ Городѣ одинъ изъ дѣтей второй жены неожиданно занемогъ; это произвело большое волненіе въ домѣ и мы слышали, какъ первая жена, у которой мы обѣдали, сказала, что она пойдетъ навѣстить вторую жену. Старѣйшина не хотѣлъ и слышать объ этомъ и онъ конечно былъ правъ, ибо болѣзнь была дефтеридъ, а у нея у

самой была цѣлая ватага дѣтей. Все-же тонъ, съ которымъ она произнесла свои слова, ясно показывалъ, что она не имѣетъ привычки видаться ежедневно со своей подругой по гарему.

Въ Утахѣ не рѣшенъ еще окончательно вопросъ лучше ли всѣмъ женамъ съ ихъ дѣтьми жить въ одномъ домѣ или въ разныхъ. Юнгъ представляетъ примѣръ единства, т. е. относительно его дѣйствительныхъ женъ и дѣтей. Нѣсколько же старухъ, которыя были закрѣплены ему печатью на будущую жизнь, лично ему или во имя Джозефа, живутъ въ особыхъ домикахъ; но двѣнадцать женщинъ, раздѣляющихъ его ложе и народившихъ ему дѣтей, живутъ всѣ вмѣстѣ, обѣдаютъ за однимъ столомъ и присутствуютъ на домашнихъ молитвахъ: Апостолъ Тэйлоръ держитъ своихъ женъ порознь, только двѣ изъ нихъ живутъ въ его главномъ домѣ; остальныя же имѣютъ свои собственныя отдѣльныя жилища. Каждый человѣкъ воленъ устроить свое семейство и хозяйство какъ ему заблагоразсудится, благо бы только не было ссоръ и поддерживался миръ и порядокъ.

— Какъ вы устроите свои посѣщенія, когда вы наложите печать на новую жену? спросилъ я моего откровеннаго и сообщительнаго пріятеля старѣйшину:—примите ли вы Восточную систему и будете оказывать одинаковую справедливость и одинаковое вниманіе всѣмъ своимъ женамъ, какъ повелѣваютъ Моисей и Магометъ?

— Беру небо во свидѣтели, сэръ, отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ и съ замѣтнымъ презрѣніемъ:—что я никого не послушаюсь въ этомъ отношеніи кромѣ... (и онъ назвалъ себя по имени).

— Значитъ вы будете поступать какъ вамъ заблагоразсудится.

— Именно такъ.

Это мнѣніе, я полагаю, раздѣляется всѣми святыми. Мужчина здѣсь царь, а женщина не пользуется никакими правами, она въ дѣйствительности не имѣетъ другаго признаннаго за нею мѣста въ мірѣ, какъ мѣсто слуги своего повелителя. Мужчина здѣсь господинъ, женщина раба. Я не удивляюсь, что молодыя дѣвушки, помнящія еще семейную жизнь въ Англіи, отворачиваются отъ брака въ этой странной общинѣ, хотя онѣ и приняли догматъ Юнга, что многоженство—законъ Божій и Небесный.

— Я полагаю, что это хорошо, сказала мнѣ одна краснощекая англійская дѣвушка, прожившая три года въ Утахѣ:—и полезно для

тѣхъ, которыя любятъ, но для меня это не хорошо и я не хочу подчиниться этому закону.

— Но если Юнгъ вамъ прикажетъ.

— Онъ этого не сдѣлаетъ! сказала молодая дѣвушка тряхнувъ своими золотистыми кудрями: — а еслибъ онъ и приказалъ, то я не послушаюсь. Дѣвушка можетъ по своему произволу выйти замужъ или нѣтъ, а я рѣшительно не пойду въ домъ, гдѣ есть уже другая жена.

— А что, жены не любятъ многоженства?

— Большинство не любитъ, но есть такія которымъ все равно. Онѣ принимаютъ многоженство за неотъемлемую часть своей религіи; но я не могу сказать, чтобъ какая-нибудь женщина дѣйствительно любила этотъ обычай. Нѣкоторыя живутъ вмѣстѣ очень мирно, но немногія; въ большей же части семействъ жены постоянно ссорятся, хотя мужья, быть можетъ, этого и не вѣдаютъ. Никакая женщина не любитъ, когда ея мужъ беретъ въ домъ новую жену.

Каждый Святой сказалъ бы вамъ, что эта краснощекая молодая дѣвушка только полу-Мормонка; онъ вѣроятно попросилъ бы васъ не вѣрить ея свидѣтельству какъ ложному и сталъ бы увѣрять, что нельзя основательно судить о такомъ учрежденіи какъ многоженство прежде того, пока его результаты ясно выкажутся въ четвертомъ или пятомъ поколѣніи.

Между тѣмъ сужденіе о многоженствѣ, которое мы составили на основаніи того, что видѣли и слышали, можетъ быть выражено въ нѣсколькихъ словахъ. Оно отводитъ новое мѣсто женщинѣ, не то мѣсто, которое она занимаетъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ. Оно переводитъ ее изъ гостиной въ кухню, и когда застаетъ ее въ дѣтской, то запираетъ ее тамъ. Мы назвали бы это униженіемъ, но Мормоны считаютъ это превращеніемъ. Мы не говоримъ, чтобы эта перемѣна сдѣлала Мормонскихъ женщинъ гораздо хуже въ нравственномъ и духовномъ отношеніи; вѣроятно такихъ результатовъ нѣтъ, но во всемъ, что касается граціозности и общественнаго значенія, то женщина въ Утахѣ конечно сильно понизилась, по нашему мѣрилу. Святые увѣряютъ, что у нихъ женщины стали гораздо больше женами, матерями и хозяйками, чѣмъ у язычниковъ, и что потерявъ нѣсколько во внѣшности и блескѣ онѣ пріобрѣли много въ добродѣтели и приносимой ими пользѣ. Мнѣ же

кажется, что самая лучшая женщина значитъ въ ихъ домахъ не много больше самаго послѣдняго слуги и никогда не возвышается до степени истиннаго друга и помощника своего мужа. Дочери Тэйлора, прехорошенькія дѣвушки, на взглядъ чистыя англичанки, служили намъ за столомъ. Мы бы гораздо лучше предпочли встать за ихъ стульями и подавать имъ кушанья, но Мормоны подобно Мусульманамъ строго держатъ своихъ женщинъ, онѣ знаютъ свое мѣсто и имъ не даютъ этого забывать. Молодая дѣвушка должна называть отца своего сэръ и едва ли смѣетъ сѣсть въ его присутствіи прежде, чѣмъ онъ прикажетъ.

— Женщины легче спасутся, чѣмъ мужчины, говорилъ мнѣ Юнгъ: — онѣ не довольно умны, чтобы много грѣшить. Мужчины имѣютъ больше знанія и силъ, потому они могутъ скорѣе и вѣрнѣе попасть въ адъ.

По Мормонскимъ догматамъ очевидно что женщина даже не стоитъ проклятія и ада.

Въ Мормонскомъ раѣ мужчины могутъ благодаря своимъ грѣхамъ остаться въ разрядѣ ангеловъ, но женщины, какъ бы онѣ грѣшны ни были, всѣ будутъ женами боговъ.

ГЛАВА XXXIII.

Республиканская Платформа.

— Мы намѣрены покончить съ этимъ дѣломъ Мормоновъ, сказалъ ново-англійскій политикъ:—мы устроили поважнѣе дѣльце на югѣ, а теперь мы обдѣлаемъ и Солёно Озерный Городъ.

— Т. е.,—вы хотите сказать, силою? спросилъ англійскій путешественникъ.

— Это одинъ изъ нашихъ принциповъ; Республиканская Платформа обязываетъ насъ уничтожить этихъ Святыхъ.

Этотъ разговоръ происходилъ подъ гостепріимнымъ кровомъ одного изъ публицистовъ Филадельфіи и сосредоточилъ на себѣ вниманіе всего общества, состоявшаго изъ извѣстныхъ юристовъ и политиковъ, большею частью членовъ конгресса и всѣхъ безъ исключенія сторонниковъ республиканской партіи.

— Развѣ вы полагаете, сказалъ англійскій гость:—вы какъ писатель и мыслитель, ваша партія какъ представительница американской мысли и американскаго могущества,—развѣ вы полагаете, что въ странѣ, гдѣ царствуетъ свобода и самая широкая вѣротерпимость, хорошо дѣйствовать силой противъ идеи, поддерживать догматическую полемику конницей и пѣхотой, распространять нравственность штыками?

— Это одинъ изъ пунктовъ нашей республиканской программы, сказалъ одинъ юный членъ конгресса:—и мы должны уничтожить Мормоновъ, которые кромѣ того, что язычники, еще консерваторы и мѣдноголовые.

— Юнгъ конечно демократъ, прибавилъ одинъ Массачузетскій издатель, самъ изучившій Мормоновъ на мѣстѣ:—и мы не имѣемъ права сжечь его за политическія мнѣнія или за религіозныя; но мы постановили законъ противъ многоженства и имѣемъ право требовать, чтобъ наши законы исполнялись вездѣ въ республикѣ.

— Силою?

— Силою, если мы будемъ къ этому принуждены беззаконными дѣйствіями гражданъ.

— Вы хотите сказать, что вы во всякомъ случаѣ употребите силу,—пассивную, если они покорятся,—активную, если будутъ сопровотивляться?

— Это наше мнѣніе, отвѣчалъ откровенно нашъ хозяинъ. — Правительство должно уничтожить Мормоновъ. Это дѣло на очереди и будущій годъ мы должны его покончить.

— Такъ вы считаете справедливымъ и законнымъ бороться съ такимъ зломъ, какъ полигамія, пулями и ядрами?

— Мы освободили четыре милліона негровъ пулями и ядрами отвѣчалъ трезвый Пенсильванскій судья.

— Извините меня, но идетъ ли этотъ примѣръ къ дѣлу! Что вы побороли военною силою попытку отторженія отъ Союза,—дѣло совершенно справедливое; но развѣ не такъ же справедливо, что пять или шесть лѣтъ тому назадъ каждый американецъ признавалъ, что рабство было вопросомъ нравственнымъ и юридическимъ, котораго нельзя было, пока порядокъ и миръ царствуетъ въ рабовладѣльческихъ штатахъ, рѣшать иначе какъ нравственными и законными средствами?

— Да, это правда. Мы не имѣли никакого права надъ неграми, до тѣхъ поръ, пока ихъ господа не возмутились противъ общаго отечества. Я долженъ признать, что объявленіе войны дало намъ единственное законное основаніе для дѣйствій противъ рабства.

— Значитъ, вы сознаетесь, что вы не имѣли никакого права надъ неграми до тѣхъ поръ, пока не получили, благодаря возстанію, полную власть надъ бѣлыми, державшими ихъ въ неволѣ?

— Конечно.

— Слѣдовательно, если бы плантаторы вели себя мирно и придерживались закона, каковъ онъ былъ въ то время, не пытаясь распространяться силою, какъ они дѣлали это въ Канзасѣ, то вы были бы принуждены, вашимъ собственнымъ сознаніемъ права и справедливости, оставить разрѣшеніе вопроса о рабствѣ времени, развитію трезвыхъ экономическихъ знаній, разоренію и уменьшенію народонаселенія рабовладѣльческихъ штатовъ, однимъ словомъ нравственнымъ силамъ, руководящимъ и поддерживающимъ общественное развитіе.

— Быть можетъ это и такъ, отвѣчалъ издатель:—Святые еще не дали намъ повода къ дѣйствію противъ нихъ; они очень честный, трезвый и работящій народъ, они думаютъ только о своихъ собственныхъ дѣлахъ, какъ вообще люди, которые живутъ на такихъ безплодныхъ земляхъ какъ они. Въ своемъ родѣ они приносятъ и большую пользу, ибо соединяютъ приморскіе, атлантическіе штаты со штатами восточнаго океана и кормятъ рудокоповъ Идахи, Монтаны и Невады. У насъ нѣтъ никакой причины жаловаться на нихъ, кромѣ какъ на многожество; но Новая Англія въ настоящую минуту особенно расположена противъ нихъ, ибо у насъ вошло въ обычай называть Мормоновъ исчадіемъ нашихъ новоанглійскихъ церквей; только по той причинѣ, что Джозефъ Смитъ, Бригамъ Юнгъ, Геберъ Кимбаль,—всѣ важнѣйшіе свѣточи Мормонской церкви,—случайно рождены въ Новой Англіи.

— Когда Новая Англія на чемъ-нибудь помѣшается, прибавилъ со смѣхомъ представитель Огіо:—то она всегда поставитъ на своемъ.

— Если ея мнѣнія справедливы и одинаково поддерживаются нравственными принципами и практическимъ опытомъ людей, то очень хорошо, если она можетъ поставить на своемъ. Но развѣ Гарвардъ и Эль поддержутъ нападеніе военной силы на религіозную общину

только потому, что она приняла себѣ образцомъ Авраама и Давида? На вашихъ западныхъ равнинахъ сотни колѣнъ краснокожихъ держатся многоженства; развѣ вы сочли бы справедливымъ отозвать оттуда вашихъ миссіонеровъ, проповѣдующихъ христіанскую вѣру, и послать вмѣсто нихъ солдатъ съ саблями и ружьями? Въ вашихъ западныхъ территоріяхъ живутъ сотни тысячъ желтокожихъ, которые также придерживаются многоженства; развѣ вы сочли бы законнымъ потопить ихъ суда, сжечь ихъ ранчи и изгнать изъ вашей земли огнемъ и мечемъ?

— Ихъ положеніе совершенно иное, чѣмъ положеніе Святыхъ, отвѣчалъ издатель:—эти краснокожіе и желтокожіе,—дикари; одна изъ этихъ расъ можетъ вымереть, а другая можетъ уйдти въ Азію; но Юнгъ и Кимбаль наши братья, знающіе священное писаніе и гражданскіе законы; что бы они тамъ ни дѣлали съ Евангеліемъ, но они должны повиноваться законамъ.

— Конечно всѣ должны повиноваться законамъ, но какимъ образомъ? Святые, я слышалъ, не имѣютъ ничего противъ вашихъ законовъ, если ихъ прилагаютъ къ дѣлу судьи и присяжные, а не полковники и рядовые.

— Другими словами, они не прочь отъ нашихъ законовъ, когда могутъ примѣнять ихъ сами, замѣтилъ Пенсильванскій судья.

— Мы должны ихъ покорить, воскликнулъ съ азартомъ юный членъ конгресса.

— Развѣ вы не пробовали уже дважды этой политики? Вы нашли ихъ въ количествѣ 12,000 человѣкъ въ Индепенденсѣ, въ штатѣ Миссури, вамъ не понравились ихъ обычаи (хотя они еще не были тогда полигамистами) и вы побороли ихъ и уничтожили такъ, что въ Науво ихъ собралось 30,000; тамъ вы опять подняли оружіе на религіозныя страсти, убили ихъ пророка, разграбили городъ, прогнали ихъ въ степь и вообще притѣсняли ихъ и уничтожали дотого, что они разрослись въ Дезеретѣ до 127 т. Вы знаете, что такой законъ быстраго распространенія преслѣдуемой религіи замѣченъ во всѣхъ земляхъ, во всѣхъ церквахъ. Это вошло въ пословицу. Я самъ слышалъ въ Солёно-Озерномъ Городѣ, какъ Бригамъ Юнгъ говорилъ отправлявшимся въ путь миссіонерамъ, чтобъ они не распространялись о красотѣ ихъ горнаго жилища, но особенно напирали бы на то, что ихъ церковь

преслѣдуютъ. Люди бѣгутъ въ преслѣдуемую, мученическую церковь, какъ мухи летятъ на огонь. Если вы хотите обратить всю западную страну въ Мормонизмъ, то пошлите армію въ сто тысячъ человѣкъ въ Скалистыя Горы.

— Но вѣдь мы не можемъ же оставить въ покоѣ этихъ полигамистовъ?

— Отчего же нѣтъ, т. е. насколько касается штыковъ и пушекъ? Развѣ вы не имѣете никакой вѣры въ силу истины? Развѣ вы не полагаетесь на свою правоту? Нѣтъ, скажу болѣе, увѣрены ли вы, что вамъ нечему научиться у нихъ? Развѣ люди, благоденствующіе тамъ, гдѣ никто другой не могъ жить, не дали достаточныхъ доказательствъ того, что принципы, лежащіе въ основѣ ихъ практической дѣятельности, особенно ихъ обработки земли, удивительно здравы, какъ бы тамъ странны ни были ихъ догматы и ложны ихъ нравственныя понятія?

— Я согласенъ, они хорошіе фермеры, отвѣчалъ издатель.

— Хорошіе—слишкомъ слабый эпитетъ для выраженія тѣхъ чудесъ, которыя они произвели. Въ Иллинойсѣ они превратили болото въ роскошный садъ. Въ Утахѣ они усѣяли пустыню зелеными лугами и богатыми полями маиса и ржи. Чѣмъ гордится всего болѣе Бригамъ Юнгъ? Своимъ гаремомъ, храмомъ, театромъ, своимъ званіемъ и богатствомъ? Онъ можетъ быть гордится всѣмъ этимъ, но на что онъ болѣе всего напираетъ,—это на тотъ фактъ, что онъ собралъ девяносто три съ половиной бушелей пшеницы съ одного акра земли. Святые разбогатѣли съ быстротой, которая даже въ Америкѣ кажется магической. Начавъ жизнь въ самомъ бѣдственномъ положеніи, набранные изъ самыхъ бѣдныхъ классовъ, лишенные всего своего имущества и изгнанные изъ своихъ фермъ, принужденные употребить милліонъ долларовъ на опасный переходъ по пустынѣ и наконецъ поселившіеся на землѣ, съ которой почти бѣжали краснокожіе и бизоны за недостаткомъ пропитанія, они съумѣли прожить, распространить свои владѣнія и увеличить свои богатства. Всѣ горы и долины, окружающія Солёное Озеро, покрыты веселыми полями пшеницы и ржи. Тутъ выстроенъ городъ, проведены дороги, возведены мельницы, прорыты канавы, срублены лѣса. Посреди обнаженныхъ пустынь устроено громадное депо продовольствія,—которое можетъ питать всѣхъ ру-

докоповъ Монтаны и Невады. Открыта линія сообщенія между Сентъ-Луи и Сан-Франциско: Неужели республиканское большинство хочетъ остановить развитіе цѣлаго края, уничтожить всѣ удивительные результаты двадцатилѣтнихъ трудовъ изъ-за одного предосудительнаго догмата? Увѣрены ли вы, что ваша попытка побороть этихъ людей непремѣнно удастся? Какіе факты въ прошедшей жизни этихъ Святыхъ могутъ навести васъ на мысль, что преслѣдованія, какъ бы они не были жестоки, уменьшатъ ихъ число, ослабятъ ихъ смѣлость и энергію?

— Такъ вы не видите никакого средства ихъ уничтожить?

— Уничтожить! Никакого. Я не вижу другихъ средствъ къ разрѣшенію какихъ бы то ни было религіозныхъ вопросовъ, какъ средства нравственныя, внушаемыя истинною религіею. Отчего не положиться на силу правды, логики, исторіи? Отчего не провести хорошихъ дорогъ къ Соленому Озеру? Отчего не поощрить постройку желѣзной дороги и такимъ образомъ не подвергнуть женъ и семейства Мормоновъ вліянію практическаго ума и благородныхъ чувствъ Новой Англіи? Отчего не отвѣчать на ихъ проповѣди проповѣдями, на ихъ науку вашей наукой, на ихъ книги вашими книгами? Развѣ у васъ нѣтъ такихъ же миссіонеровъ, какъ старѣйшина Стенгаузъ и старѣйшина Дьюи? Вы должны ожидать, что, дѣйствуя на Святыхъ, вы подвергнетесь въ свою очередь и ихъ вліянію. Это будетъ искусомъ вашей силы, но оружія будутъ законны и результаты будутъ благословлены небомъ. Развѣ вы не увѣрены въ исходѣ этой борьбы, въ окончательной побѣдѣ правды?

— Ну, отвѣчалъс удья:—если мы несогласны, быть можетъ, во мнѣніяхъ относительно пользы физической силы, то мы всѣ одинаково стоимъ за пользу нравственной силы. Массачузетъ—наше провидѣніе, и вѣдь, какъ бы то ни было, у насъ долженъ же быть одинъ законъ во всей республикѣ. Союзъ—нашъ лозунгъ, равенство—наша вѣра. Бостонъ и Солёно-Озерный Городъ должно заставить подать другъ другу руки, какъ уже это сдѣлали Бостонъ и Чарльстонъ. Если вы можете уговорить Бригама побрататься съ Баульсомъ, то я охотно на это посмотрю.... А пока передайте-ка вино.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

НОВАЯ АМЕРИКА

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НОВАЯ АМЕРИКА

ГЛАВА I.

Помѣстье Дяди Сама.

Со многими великими фактами познакомится человѣкъ, пробираясь по гористымъ берегамъ рѣкъ, текущихъ между Нью-Іоркомъ и Толедо; спускаясь внизъ по долинѣ Миссисиппи изъ Толедо въ Сентъ Луи; поднимаясь по луговымъ степямъ изъ Сентъ-Луи до Виргинскаго Дола; переходя черезъ Сьерры изъ Виргинскаго Дола къ Большому Солёному Озеру; пробираясь по Вазатчскому кряжу, по странѣ Горькаго Ручья и по равнинамъ изъ Города Солёнаго Озера до Омахи; спускаясь по Миссури, отъ средняго теченія до устьевъ; путешествуя по нагорьямъ Индіаны и Огіо, по дефилеямъ Пенсильваніи; пробираясь по лѣсамъ и проѣзжая по городамъ Виргиніи, гуляя по улицамъ Вашингтона, разговаривая съ американскими гражданами въ саду Бѣлаго Дома и подъ куполомъ Капитолія. Онъ будетъ ежедневно приходить въ столкновеніе съ новѣйшими формами жизни, съ міромъ, находящимся на первыхъ ступеняхъ развитія, съ обществомъ юнымъ въ умственныхъ силахъ, въ добродѣтели, въ предпріятіяхъ; но вѣроятно никакой фактъ не поразитъ такъ сильно его воображеніе, какъ величина самой страны,—того, что народъ называетъ: *Помѣстье Дяди Сама.*—«Горе этой странѣ, что у нея слишкомъ много земли,» сказалъ мнѣ одинъ Минезотскій фермеръ. Эту фразу я слышалъ не разъ между желѣзными заводчиками Питсбурга, табачными плантаторами Ричмонда и ткачами Вурстера. Дѣйствительно, эта жалоба на объемъ

земли чрезвычайно часто слышится отъ людей, которые, владѣя копями, плантаціями, заводами и фермами, желали бы имѣть бо́льшее количество рабочихъ и по меньшей цѣнѣ. Были времена, когда подобный крикъ поднимался и въ Англіи Норфолькскими фермерами, Манчестерскими ткачами и Нью-Кастльскими рудокопами. Тѣ, которые хотятъ пользоваться трудомъ по дешевой цѣнѣ, должны всегда стоять за ограниченіе производительнаго количества земли. Но нравится ли это или нѣтъ Минезотскому фермеру, Пенсильванскому рудокопу и Массачузетскому ткачу, никто не можетъ оспоривать того факта, что первое впечатлѣніе, производимое на путешественниковъ этой великой страной, заключается именно въ ея громадномъ объемѣ.

Во время междуусобной войны, когда Трентское дѣло возбуждало распрю между двумя отраслями нашей расы, братскую распрю, въ которой обѣ стороны были правы и виноваты, одинъ Нью-Іоркскій издатель напечаталъ карту Соединенныхъ Штатовъ и Территорій, распространяющихся отъ Атлантическаго Океана до Великаго, отъ большихъ озеръ до Мексиканскаго залива и Калифорніи. На полѣ этой карты была представлена Англія въ томъ же масштабѣ. Можетъ быть составитель карты нимало не хотѣлъ оскорбить нашей гордости, но все-же Англія казалась очень мелка на бумагѣ, и еслибъ мы пикировались тѣмъ, что у насъ «много грязи» въ «Старомъ Графствѣ», называемомъ Англіею, то эта карта поразила бы насъ до глубины сердца. Объемъ земли не составляетъ одной изъ особенностей нашего острова. Въ три или четыре часа мы переѣзжаемъ съ одного моря на другое, изъ Ливерпуля въ Гуль, съ Северна на Темзу; въ краткій промежутокъ времени между завтракомъ и обѣдомъ мы переносимся изъ Лондона въ Іоркъ, изъ Манчестера въ Норвичъ, изъ Оксфорда въ Пензансъ. Самая ходячая шутка въ Нью-Іоркѣ, что янки, попавъ въ Лондонъ, не смѣетъ выдти ночью изъ своей гостинницы, боясь неожиданно дойти до конца земли и утонуть въ морѣ.

Между двумя ограничивающими ее океанами, республика владѣетъ тремя милліонами кв. м. земли, четвертью милліона кв. м. воды прѣсной и соленой; она владѣетъ тремя кряжами: Альпами, Пиренеями и Апеннинами; лѣсами, рядомъ съ которыми Шварцвальдскіе и Арденскіе показались бы игрушкой: рѣками, такъ же далеко

превосходящими Дунай и Рейнъ, какъ эти послѣднія превосходятъ Клайдъ и Мерси.

Подъ хрустальными сводами Гайдъ-Паркскаго Дворца, куда въ 1851 году каждая нація несла все, что было у ней лучшаго и диковиннаго, Америка въ продолженіе мая и іюня мѣсяцевъ была представляема однимъ только предметомъ—громаднымъ незанятымъ пространствомъ. Большой брелъ распространялъ свои крылья надъ этимъ пустымъ царствомъ, тогда какъ сосѣднія отдѣленія Бельгіи, Голландіи, Пруссіи и Франціи были биткомъ набиты, какъ пчелиные улья. Нѣкоторые смѣялись надъ бумажной птицей, безмолвно парившей надъ пустотой, но я никогда не переходилъ изъ шумныхъ, тѣсныхъ европейскихъ отдѣленій въ это обширное и свѣтлое пространство безъ внутренняго сознанія, что янки, хотя быть можетъ и совершенно случайно, но очень счастливо выразили свои дѣвственныя богатства. Они ясно показывали, что какъ въ Гайдъ-Паркѣ, такъ и дома въ Америкѣ, они имѣли слишкомъ много свободнаго мѣста.

Да, республика—громадная страна. Въ Англіи мы не имѣемъ достаточно большихъ разстояній, которыя могли бы дать намъ понятіе о Соединенныхъ Штатахъ. Самая длинная линія, которую можно провести въ Англіи отъ Ландзенда до Бервика, нѣсколькими милями короче разстоянія между Вашингтономъ и Лексингтономъ. Самая широкая наша долина, долина рѣки Темзы, умѣстилась бы въ одномъ уголкѣ Сьерры Мадры. Штатъ Орегонъ болѣе всей Англіи, Калифорнія почти-что равняется Испаніи; Техасъ былъ бы больше Франціи, еслибъ Франція присоединила къ себѣ Германскій Рейнъ. Еслибъ Соединенные Штаты были раздѣлены на равныя части, то они бы составили пятьдесятъ два королевства подобныя Англіи или четырнадцать Имперій подобныхъ Франціи. Даже вся Европа, все пространство, на которомъ помѣщаются всѣ великія и мелкія державы, весь континентъ, который мы нѣкогда называли *Свѣтомъ* и за равновѣсіе частей котораго мы вели столько кровопролитныхъ войнъ,—не можетъ представить такихъ разстояній, какъ Соединенные Штаты. Напримѣръ изъ Истпорта до Брауневиля дальше, чѣмъ изъ Лондона до Туата, въ Большой Сахарѣ; изъ Вашингтона въ Асторію—далѣе, чѣмъ изъ Брюсселя въ Карсъ; изъ Нью-Іорка въ Сан-Франциско—далѣе, чѣмъ

изъ Парижа въ Багдадъ. Подобныя громадныя разстоянія словно уносятъ насъ изъ области факта въ область сказокъ и чудесъ.

Точно также возьмите длину рѣкъ, какъ мѣру для уразумѣнія громаднаго объема Соединенныхъ Штатовъ. Пароходъ можетъ подняться на девяносто миль по Темзѣ, на двѣсти по Сенѣ, на пятьсотъ пятьдесятъ по Рейну. Въ Америкѣ, Темза была бы ручьемъ, Сена мелкимъ потокомъ, Рейнъ рѣченкой, которая несла бы свои воды въ болѣе могучую рѣку. Нѣкоторыя изъ большихъ рѣкъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ напримѣръ Канзасъ и Платта, протекая черезъ безконечныя равнины, нигдѣ недостаточно глубоки для парохода, но въ ширину простираются въ иныхъ мѣстахъ на цѣлую милю; однако судоходная часть многихъ изъ этихъ рѣкъ своею обширностью изумляетъ насъ. Миссисиппи въ пять разъ длиннѣе Рейна; Миссури въ три раза длиннѣе Дуная; Колумбія въ четыре раза длиннѣе Шельды. Отъ устья и до форта Снелинга, Миссисиппи судоходна на двѣ тысячи сто тридцать одну милю; и однако это только вторая рѣка Соединенныхъ Штатовъ.

Смотря на карту Америки, мы видимъ на сѣверѣ группу озеръ. Наше англійское понятіе объ озерѣ почерпается нами изъ знакомства съ Конистономъ, Киларнэ, Ломондомъ, Леманомъ и Гардой. Но эти водныя пространства не могутъ дать ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое Гуронъ и Верхнее Озеро. Конистонъ, Киларнэ, Ломондъ, Леманъ и Гарда, взятыя вмѣстѣ, не покрыли бы и десятой части поверхности самаго меньшаго изъ пяти американскихъ озеръ. Можно было бы влить въ Мичиганъ воды всѣхъ Швейцарскихъ, Итальянскихъ, Англійскихъ, Ирландскихъ, Шотландскихъ и Германскихъ озеръ—и объемъ его собственныхъ водъ едвали бы увеличился. Іоркширъ можно потопить цѣликомъ въ Эри; а Онтаріо занимаетъ такое пространство, что на немъ могли бы помѣститься два герцогства подобныя Шлезвигъ-Гольштейну. Берегъ собственно Даніи могъ бы быть омываемъ водами Гурона. Многія изъ мелкихъ озеръ Америки были бы сочтены въ другой странѣ за внутреннія моря; такъ Солёное Озеро въ Утахѣ имѣетъ двѣ тысячи кв. миль поверхности; тогда какъ въ Женевскомъ только триста тридцать, въ Комо—девяносто, а въ Киларнэ восемь. Еслибъ въ Верхнее Озеро бросить Королевство Саксонское, Владѣніе Пармское и Герцогство Кобургское, то можетъ быть его

великолѣпіе увеличилось бы новымъ островомъ, но этотъ островъ не былъ бы замѣтнѣе на его обширномъ пространствѣ, чѣмъ прелестные островки на Лохъ-Ломондѣ.

Горныя массы не считаются нѣкоторыми за отличительную черту американскаго пейзажа; однако вы находите въ этой странѣ такіе кряжи, которыхъ нельзя измѣрять столь мелкими горами, какъ Пиренеи, Апеннины и Савойскія Альпы. Аллеганы, поднимаясь на высоту среднюю между Гельвелиномъ и Пилатомъ простираются на разстояніе равное разстоянію между Остенде и Ярославлемъ. Вазатчскій кряжъ, хотя онъ едва извѣстенъ въ Европѣ по имени, гораздо обширнѣе и выше Юлійскихъ Альпъ. Сьерра Мадре, обыкновенно называемая Скалистыми Горами, по вышинѣ немного ниже Снодона, и немного выше Монблана, простирается чрезъ всю республику въ Британскую Америку, на разстояніи равномъ разстоянію между Лондономъ и Дели.

Итакъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія насчетъ объема этого англо-саксонскаго помѣстья. Америка — крупная страна, а мы знаемъ, что величина въ концѣ концовъ служитъ мѣриломъ политической силы.

Оставляя въ сторонѣ рѣки и озера, въ Соединенныхъ Штатахъ находится около тысячи девятисотъ двадцати шести милліоновъ акровъ земли; почти все это пространство состоитъ изъ плодородной почвы, лѣсовъ и луговыхъ степей; все оно лежитъ въ умѣренномъ поясѣ; здорово по климату, богато лѣсомъ, углемъ, маслянистыми веществами и желѣзомъ;—однимъ словомъ это помѣстье могло бы дать пяти милліонамъ семействъ по равному участку въ триста восемьдесятъ пять акровъ.

ГЛАВА II.

Четыре Расы.

Въ этой великолѣпной странѣ живетъ странная смѣсь племенъ и расъ. Никакое общество въ Европѣ не можетъ представить та-

ихъ громадныхъ контрастовъ въ типѣ и цвѣтѣ своихъ членовъ, ибо въ то время, какъ во Франціи, Германіи и Англіи, мы, бѣлые, всѣ происходимъ отъ одного и того же арійскаго источника и находимся по обычаямъ, языку и вѣрѣ какъ-бы въ братскомъ союзѣ между собой, наши друзья въ Соединенныхъ Штатахъ представляютъ кромѣ особыхъ видовъ бѣлой породы, какъ Саксонцевъ и Кельтовъ, Германцевъ и Галловъ, еще образцы Сіуксовъ, Негровъ и Татаръ. Всѣ эти націи и племена не имѣютъ тутъ немногихъ представителей, минутныхъ гостей, сегодня здѣсь, а завтра далеко; нѣтъ, тутъ живутъ цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ, имѣющихъ всѣ права, даруемыя имъ рожденіемъ на Американской почвѣ, или поселеніемъ на ней на всю жизнь. Бѣлые, черные, красные, желтые люди — всѣ одинаково граждане этой страны, платятъ подати, повинуются ея законамъ и кормятся ея произведеніями.

Въ Англіи мы хвастаемся тѣмъ, что слили въ одну твердую амальгаму людей самыхъ враждебныхъ свойствъ по крови и происхожденію, слили воедино стойкаго Саксонца, легкомысленнаго Кельта, великолѣпнаго Нормандца и щедраго Пикта, но наши легкія отличія между расами совершенно стушевываются передъ жестокимъ антагонизмомъ, существующимъ на американской почвѣ. Въ Старомъ Свѣтѣ у насъ есть отдѣльные, другъ отъ друга отличающіеся классы, а въ Новомъ существуютъ отдѣльныя, противуположныя націи; у насъ легкое отличіе въ качествахъ, а у нихъ радикальное измѣненіе типа. Для Негра въ Георгіи, для Понія въ Дакотѣ, для Китайца въ Монтанѣ бѣлый человѣкъ просто бѣлый ни болѣе, ни менѣе; въ глазахъ этихъ людей Галлъ, Датчанинъ, Испанецъ и Саксонецъ только братья одного семейства, члены одной церкви. Утонченныя отличія нашихъ расъ совершенно непонятны для нихъ.

Въ Странѣ Запада вы часто можете обѣдать за столомъ какого-нибудь рудокопа съ дюжиной гостей, которые по цвѣту и типу представляютъ большую смѣсь, чѣмъ вамъ удастся встрѣтить даже и на Каирскомъ базарѣ, у воротъ Алеппо или въ Стамбульской мечети. Рядомъ съ вами могутъ сидѣть польскій жидъ, итальянскій графъ, предводитель Чоктавсовъ, мексиканскій поселенецъ, конфедеративный солдатъ, Мормонскій епископъ, матросъ съ Санд-

вичевыхъ острововъ, купецъ Парсъ, Бостонскій лавочникъ и Миссурійскій плантаторъ. Негръ можетъ быть стряпалъ вамъ кушанье, китаецъ откупоривалъ бутылки, а дочери хозяина, красивыя, блестящія, хорошо одѣтыя дѣвушки подаютъ вамъ тарелки и наливаютъ вино. Все это разнородное общество, приведенное на Далекій Западъ страстью къ золоту, быстро знакомится и сходится между собой скорѣе, чѣмъ посѣтители Нью-Іоркскаго трактира, чѣмъ чужестранцы, стекающіеся на египетскій базаръ, въ сирійскій Ханъ или турецкую мечеть. Вы можете также найти подъ однимъ кровомъ столько же различныхъ религій, сколько и различныхъ оттѣнковъ кожи. Вашъ хозяинъ можетъ быть универсалистомъ, членомъ той нѣжной американской секты, которая полагаетъ, что никто не можетъ быть проклятъ на землѣ, хотя никто изъ универсалистовъ не можетъ открыть рта, чтобъ не послать къ чорту кого-нибудь. Мормонъ станетъ во всемъ надѣяться на Джозефа, какъ на вдохновеннаго пророка, принесшаго на землю откровеніе; китаецъ будетъ поклоняться Будѣ, о которомъ онъ ничего не знаетъ кромѣ его имени; еврей будетъ молиться Іеговѣ, о которомъ онъ знаетъ немногимъ болѣе. Предводитель Чоктавсовъ станетъ взывать къ Великому Отцу, котораго бѣлые прозвали Великимъ Духомъ. *Самъ* (всѣхъ Негровъ зовутъ Самами) непремѣнно методистъ и методистъ епископальный, ибо Самъ и его черные братья ненавидятъ все, что низко. Итальянскій графъ—атеистъ, мексиканецъ—католикъ. Конфедеративный солдатъ отвергаетъ всѣ религіи и занимается только ѣдой. Миссурянинъ принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ новыхъ церквей Америки, которыя увѣряютъ, что они приблизили Бога къ людямъ. Мы легко можемъ догадаться, что Парсъ имѣетъ нѣкоторыя особыя, личныя мнѣнія о солнцѣ; соотечественникъ королевы Эммы—язычникъ, а Бостонскій лавочникъ, теперь ярый кальвинистъ, сулящій всему обществу гіенну огненную, былъ нѣкогда коммунистомъ школы отца Нойеса.

Бѣлые, черные, красные и желтые люди—всѣ эти главнѣйшіе типы и цвѣта человѣческой расы собраны въ этой странѣ запада, въ этомъ срединномъ континентѣ между Китаемъ и Архипелагомъ съ одной стороны и Африкой и Европой съ другой. Тутъ они толпятся и борятся за владѣніе землей, хотя надо всѣми ими развивается одно общее знамя.

Бѣлый, не обращая вниманія ни на морозъ, ни на зной, было бы лишь что́ съѣсть и чѣмъ прикрыть свое тѣло, — повидимому господинъ во всѣхъ поясахъ, подъ всѣми градусами. Онъ переноситъ всѣ климаты, берется за всѣ работы и превозмогаетъ всѣ трудности; онъ ловитъ рыбу въ заливѣ Фундѣ, находитъ золото въ долинахъ Сакраменто, производитъ миндаль и лимоны во Флоридѣ, охотится за бобрами въ Орегонѣ, содержитъ стада воловъ въ Техасѣ, прядетъ въ Массачузетѣ, рубитъ лѣса въ Канзасѣ, куетъ желѣзо въ Пенсильваніи, болтаетъ вздоръ въ Колумбіи и пишетъ газетныя статьи въ Нью-Іоркѣ. Бѣлый—человѣкъ съ пластическимъ геніемъ, со стойкимъ, все переносящимъ характеромъ; онъ всегда дома и подъ тѣнью пальмы и подъ тѣнью сосны; подъ всякимъ градусомъ широты и долготы, онъ руководитель, хозяинъ, царь всѣхъ и всего.

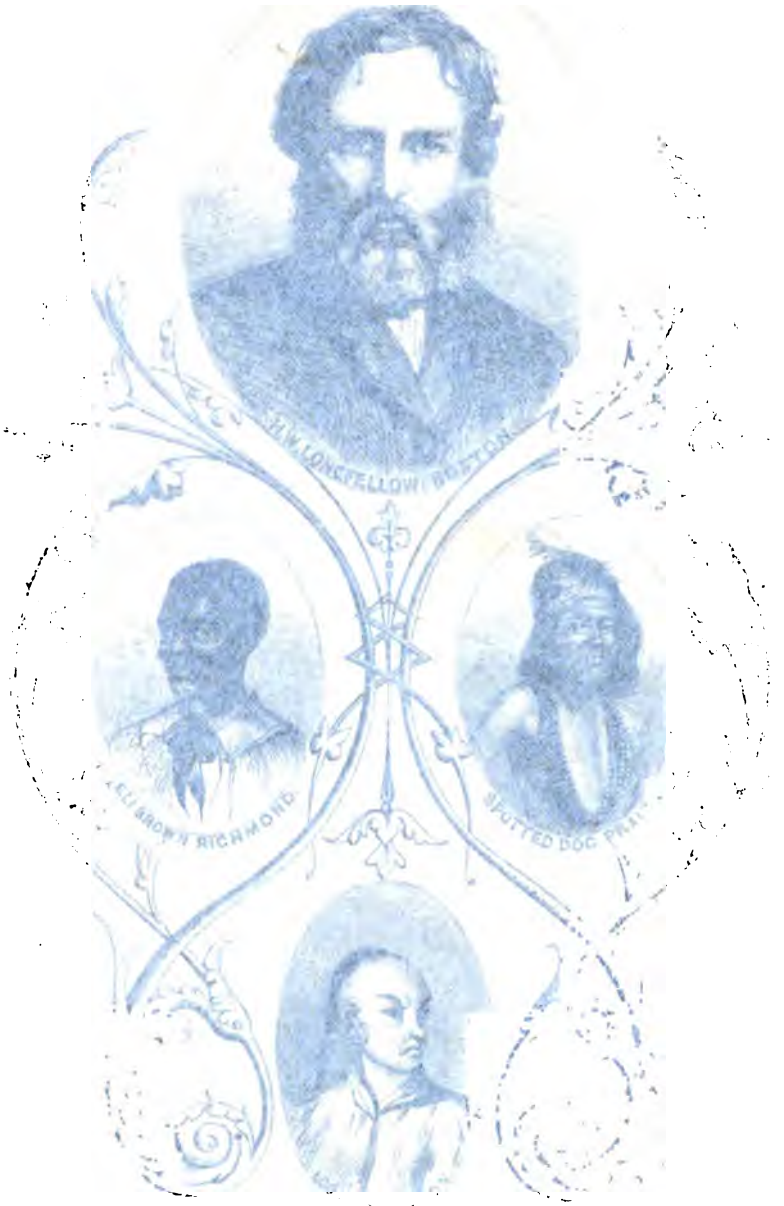
Чернокожій—истый сынъ тропиковъ, которому жаръ какъ-бы вдыхаетъ жизнь, бѣжитъ съ тѣхъ холодныхъ полянъ сѣвера, гдѣ бѣлый набираетъ свои силы и обновляетъ свою кровь; чернокожій предпочитаетъ болота и саванны Юга, гдѣ между пальмами, хлопчатникомъ и сахарнымъ тростникомъ онъ находитъ тѣ блестящія колоритомъ картины, которыя тѣшутъ его взглядъ, и тотъ солнечный зной, подъ которымъ кровь его разширяется. Свобода не соблазнитъ его отправиться на сѣверъ, въ страну морозовъ и тумановъ. Даже теперь, когда Массачузетъ и Коннектикутъ зовутъ его къ себѣ предлагая хорошую плату, легкій трудъ и общество сочувствующихъ друзей, онъ не хочетъ тронуться съ мѣста. Онъ выноситъ только Нью-Іоркъ, и самые стойкіе изъ его расы едва ли проживутъ въ Саратогѣ и Ніагарѣ долѣе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Югъ освобожденъ, Самъ обернулся спиной къ холодному и дружескому сѣверу; онъ ищетъ себѣ другаго, болѣе свѣтлаго дома. Сидя посреди рисоваго поля, или сахарныхъ тростниковъ, подъ тѣнью тутовыхъ деревьевъ его родимой Алабамы, покрывъ голову платкомъ, онъ веселъ какъ птица и подъ палящими лучами солнца бормочетъ свою безконечную, нелѣпую пѣсню. Негръ только мѣстный фактъ въ странѣ; онъ живетъ въ одномъ углу, въ самомъ солнечномъ, знойномъ углу Соединенныхъ Штатовъ.

Краснокожій, нѣкогда охотившійся въ Аллеганахъ, также какъ

теперь на луговыхъ степяхъ и въ Скалистыхъ Горахъ, откинутъ блѣднолицыми на далекій западъ, на пустынныя, уединенныя земли за Миссисипи и Миссури, откинутъ съ своими женами, дѣтьми, лосями, буйволами и антилопами. Рѣдкія исключенія не уничтожаютъ общаго правила. Небольшое количество краснокожихъ, мелкихъ торговцевъ, можно найти на Ніагарѣ; тутъ Черокезскіе предводители и Могавки продаютъ самострѣлы и палки и вообще выжимаютъ деньги изъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, которые слоняются по берегамъ водопада, ища приключеній. Въ Онеидскомъ Ручьѣ, въ Мадисонскомъ графствѣ, можно найти такую же, едвали лучшаго сорта колонію; очень немногіе краснокожіе сѣютъ тутъ маисъ, ходятъ за фруктовыми деревьями и поютъ псалмы, а бо́льшее количество голодаетъ, рубитъ деревья, продаетъ лучшіе участки земли и жалѣетъ о тѣхъ братьяхъ, которые, бросивъ въ лице бѣлымъ ихъ подарокъ, ушли далеко со своимъ оружіемъ и воинственной краской. Красная Куртка на Ніагарѣ и Биль Бичтри въ Онеидѣ,—первый продаетъ бусы молодымъ дѣвушкамъ, второй палки молодымъ людямъ—послѣдніе представители могущественныхъ націй охотниковъ и воиновъ, которые нѣкогда владѣли всѣми землями отъ Сускеганны до озера Эри. Красная Куртка не хочетъ сдѣлаться осѣдлымъ, Биль Бичтри не способенъ на трудъ. Краснокожій не хочетъ копать землю, а просить милостыню онъ не стыдится. Потому лопата земледѣльца изгнала его изъ старой его родины и дымъ кузницъ и заводовъ не допускаетъ его обратно. Дикій житель равнинъ и лѣсовъ, онъ чувствуетъ себя дома посреди волковъ, гремучихъ змѣй, буйволовъ и лосей. Куда ни бѣжитъ дикій звѣрь, туда слѣдуетъ за нимъ и дикій человѣкъ. На крутыхъ скатахъ Алеганъ, гдѣ лишь семьдесятъ лѣтъ тому назадъ краснокожіе охотились за лосями и сдирали кожу съ бѣлыхъ женщинъ, — никогда болѣе не раздадутся ихъ воинственные крики. Въ странѣ запада краснокожій еще составляетъ фигуру въ общей картинѣ, онъ—господинъ надъ всѣми открытыми полянами отъ Миссури до Колорадо, ибо форты, построенные бѣлыми для покровительства дорогъ, идущихъ въ Сан-Франциско, подобно Турецкимъ блокгаузамъ, возвышающимся на Сирійскихъ дорогахъ, приносятъ только пользу, какъ намекъ на великую, хотя скрытую еще силу бѣлыхъ. Краснокожимъ трудно

бросить свою сѣкиру и взяться за лопату; какіе-нибудь тысячи изъ нихъ только помирились съ трудомъ и лишь сотни научились у бѣлыхъ пить водку, жить въ срубленныхъ домахъ и обработывать землю, научились забыть охоту, воинственную пляску и Великаго Духа.

Желтокожіе, бо́льшею частію Китайцы, иногда Малайцы и очень рѣдко Діаки, живутъ въ штатахъ Восточнаго океана; они явились сюда изъ Азіи, съ Восточнаго Архипелага, когда въ этихъ новыхъ странахъ былъ страшный запросъ на трудъ. Всѣ работы хороши для желтокожаго: онъ копаетъ землю, стряпаетъ яичницу и гладитъ бѣлье, однимъ словомъ дѣлаетъ все, за что только платятъ деньги. Изъ числа этихъ желтокожихъ 60,000 живутъ въ Калифорніи, въ Утахѣ и Монтанѣ; они пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ, но гораздо болѣе являются, чѣмъ исчезаютъ. До сихъ поръ эти безвредныя толпы очень слабы и полезны. Хопъ-Чангъ держитъ прачешную, Чи-Хи служитъ поваромъ, Кумъ-Тингъ исполняетъ должность горничной и служанки, на всѣ руки. Всѣ эти желтокожіе не мѣшаютъ никому и работаютъ изъ-за куска хлѣба; таскаютъ кирпичи, когда бѣлые работники бѣжали на золотые пріиски; убираютъ комнаты, когда какая-нибудь бѣлая красавица сдѣлала какого-нибудь бѣлаго негодяя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Ловкіе, терпѣливые, хотя не сильные, желтокожіе съ энергіей берутся за всякое дѣло, но предпочитаютъ женскую работу мужской; они всего болѣе любятъ мыть бѣлье, ходить за дѣтьми и служить за столомъ. Они очень хорошіе офиціанты и отличныя горничныя. Лу—Сингъ очень акуратно моетъ, крахмалитъ и гладитъ ваши рубашки, только вы никакъ не можете убѣдить его, чтобъ онъ не плевалъ на ваши воротнички и рукава. Для него плевать на бѣлье все равно, что прыскать его водой, и вы можете сколько угодно дергать его за косу и даже, если хотите, ткнуть носомъ въ горячій утюгъ, все-же не заставите его понять этой разницы. Теперь желтокожіе слабы, ихъ всего 60,000, но чрезъ нѣсколько лѣтъ они будутъ сильны, ихъ быть можетъ будетъ 600,000. Они потребуютъ себѣ тогда права голоса. Они будутъ держать въ своихъ рукахъ судьбу партій. Въ нѣкоторыхъ округахъ они будутъ составлять большинство, будутъ избирать судей, наполнять ряды присяжныхъ, толковать по-своему законы. Эти желтокожіе—


H.W. LONGFELLOW. BOSTON.
JOHN BROWN RICHMOND.
SPOTTED DOG PRAIRIE

Четыре Расы.
Г. В. Лонгфелло. Бостонъ.
Эли Браунъ, Ричмондъ. "Spotted Dog," Луга.
Лу-Сингъ, Западъ.

Буддисты, исповѣдующіе полигамію и дѣтоубійство. Такъ же вѣрно какъ то, что послѣ нынѣшняго года наступитъ будущій, такъ достовѣренъ и тотъ фактъ, что на берегахъ Тихаго Океана будетъ жить великая семья Азіатцевъ. Противъ Буддистскихъ церквей Китая и Цейлона, возникнетъ Буддійская церковь въ Калифорніи, въ Орегонѣ и Невадѣ. Но прежде всего откроется борьба за трудъ между расами, питающимися говядиной, и расами, питающимися рисомъ—и эта борьба будетъ одна изъ тѣхъ, въ которыхъ побѣда не всегда достается сильному.

Бѣлые, черные, желтые и красные люди слѣдуютъ своимъ собственнымъ обычаямъ, придерживаются своего собственнога генія, уважаютъ свое собственное сознаніе; обычаи ихъ не походятъ другъ на друга, геніи глубоко различествуютъ, а духовное сознаніе одной расы прямо противорѣчитъ духовному сознанію другой. Наглядными образцами этихъ четырехъ великихъ типовъ могутъ служить мои четыре пріятеля: Г. В. Лонгфело, поэтъ въ Бостонѣ; Эли Браунъ, слуга въ Ричмондѣ; Пестрая Собака (Spotted Dog), дикарь въ Скалистыхъ Горахъ, и Лу-Сингъ, мальчикъ въ прачешной Невады. Подъ какими условіями эти четыре представителя различныхъ расъ могутъ слиться въ одно цѣлое?

ГЛАВА III.

Отношеніе Половъ.

Послѣ своей громадной величины и разнообразія расъ, Соединенные Штаты болѣе всего поражаютъ чужестранца количественной несоразмѣрностью обоихъ половъ.

На такомъ обѣдѣ, какой мы представляли читателямъ у одного изъ рудокоповъ Далекаго Запада, мы не увидали бы ни одной женщины; не то чтобы въ домѣ не было женщинъ, но онѣ заняты другимъ. Вашъ хозяинъ можетъ быть женатымъ человѣкомъ, можетъ гордиться своей почтенной женой и цѣлой толпой красивыхъ дочерей, но его жена и дочери вмѣсто того, чтобъ зани-

мать почетныя мѣста за столомъ, будутъ стоять за вашими стульями, подавать кушанья, разливать чай и помогать Лу-Сингу откупоривать бутылки. Въ этихъ западныхъ городахъ женщинъ очень мало и вы цѣлыми днями не видите хорошенькаго лица. Когда вы потребуете въ гостинницѣ служанку, то или Самъ просунетъ въ дверь свою кудластую голову, или Чи-хи явится со своимъ чисто выбритымъ затылкомъ. Въ этихъ пустынныхъ странахъ чрезвычайно трудно имѣть служанокъ: Молли влюбляется въ рудокопа и бѣжитъ съ нимъ; Бидди выходитъ замужъ за купца; такимъ образомъ, когда наѣдутъ гости, то прелестныя созданья, живущія въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ и составляющія радость и счастье своихъ мужей и отцевъ, должны выбрать одно изъ двухъ, или прогнать этихъ гостей голодныхъ, усталыхъ, или самимъ приготовить обѣдъ и самимъ подать его на столъ. На Солёномъ Озерѣ, въ домахъ Мормонскихъ апостоловъ и богатыхъ купцовъ, намъ всегда прислуживали молодыя дѣвушки, часто очень нѣжныя и очаровательныя.

Сначала къ этой диковинкѣ очень трудно привыкнуть; она не столь непріятна самимъ барынямъ, какъ гостямъ. Какъ-то тяжело дѣйствуетъ на нервы видѣть, что та же самая прелестная женщина, которая за нѣсколько времени предъ тѣмъ играла вамъ вальсъ Гуно, или цитировала Китса, — теперь стоитъ за вашимъ стуломъ, подаетъ вамъ соусъ или вытираетъ тарелки. Особливо это тяжело дѣйствуетъ на человѣка молодаго и привыкшаго къ свѣтской учтивости. Современемъ вы къ этому привыкаете, такъ же какъ привыкаете видѣть ножъ, которымъ дикіе Индѣйцы сдираютъ кожу съ головы врага; но что дѣлать барынямъ въ степяхъ, въ копяхъ, на уединенныхъ фермахъ, когда неожиданно завернетъ къ нимъ гость? Помочь ей некому, кромѣ Сама и Лу-Синга. Въ этихъ странахъ слишкомъ много мужчинъ и слишкомъ мало женщинъ, поэтому каждая дѣвушка считается лэди, каждая женщина — женой. Мужчинъ вы можете нанять на какую угодно мужскую работу за хорошую плату; вы можете нанять ихъ въ повара, въ грумы, въ садовники, въ дровосѣки, но нанять женщину для женской работы, для того, чтобъ оправлять постели, служить за столомъ и нянчить дѣтей — это невозможно, давайте какую угодно цѣну, хоть епископское жалованье. Бидди предстоитъ гораздо лучшая судьба.

Молодымъ и красивымъ дѣвушкамъ стоитъ только взять билетъ въ лотерею, полную выигрышей; даже и старыя, уродливыя женщины могутъ найти себѣ мужей. Вездѣ на западъ отъ Миссисипи запросъ на женщинъ громадный и какая умная дѣвушка пойдетъ въ услуженіе, когда передъ ней открыты церковныя двери и гудятъ свадебные колокола? Какая молодая дѣвушка согласится помогать въ ручномъ трудѣ женщинамъ, когда ей стоитъ только сказать одно слово и она сдѣлается помощницей мужчины на всю его жизнь?

Принимающая васъ хозяйка въ степяхъ можетъ быть хорошей фамиліи, хорошо образована, хорошо одѣта, она и ея дочери могутъ считаться очаровательными въ Пятой Аллеѣ; онѣ могутъ говорить отлично по-французски и играть отлично на фотепіано. Слышать серенаду Зибеля посреди Скалистыхъ Горъ, конечно удовольствіе, на которое вы не могли разсчитывать, но все-же фактъ тотъ, что за часъ передъ тѣмъ прелестный контръ-альто исполнялъ должность повара. Однажды только въ моей жизни, я видѣлъ нѣчто подобное; въ Марокко черноокая Юдиѳь, дочь жида, въ домѣ котораго я остановился, сначала изжарила мнѣ курицу для ужина, а потомъ, сидя на порогѣ дома, убаюкала меня очаровательными звуками своей гитары.

Эта комедія половъ разыгрывается нетолько въ Колорадо и въ западныхъ степяхъ, но даже подъ тѣнью Вашингтонскаго Капитолія, въ каждомъ Штатѣ, почти въ каждомъ городѣ. Послѣ всѣхъ треволненій войны, одной изъ тайныхъ причинъ которой было именно это неравновѣсіе между мужчинами и женщинами, доказательства неравенства половъ бросаются вамъ въ глаза на каждомъ шагу: въ бальныхъ залахъ Вашингтона, на улицахъ Нью-Іорка, въ часовняхъ Бостона, за обѣденнымъ столомъ Ричмонда, точно также какъ въ срубленныхъ домахъ Омахи, на плантаціяхъ Атланты, въ шалашѣ рудокопа близъ Денвера, въ театрѣ Города Солёнаго Озера. Вездѣ слышится одинъ крикъ—дайте намъ дѣвушекъ, побольше дѣвушекъ! Сотни голосовъ повторяютъ точно эхо этотъ крикъ; барыни не могутъ найти служанокъ, танцоры—дамъ, молодые люди—женъ. Я былъ однажды въ Миссури на одномъ балу, гдѣ половина мужчинъ сидѣла весь вечеръ, хотя дѣвицы танцовали безъ устали.

Въ Американскомъ обществѣ, въ сравненіи съ Парижскимъ и Лондонскимъ, все кажется на выворотъ. Подите въ церковь св. Магдалины — она полна дамъ, подите въ Сен-Джемскій дворецъ— онъ полонъ дамъ. Всякій домъ въ Англіи кишитъ дочерьми, помѣстить которыхъ маменьки сильно заботятся, часто съ боязнью и отчаяніемъ. Когда Бланшъ стукнетъ тридцать лѣтъ и она все еще не замужемъ, то даже и ея отецъ начинаетъ сомнѣваться, спуститъ ли онъ ее. Старинная поговорка гласитъ, что дѣвушка въ двадцать лѣтъ говоритъ: кто меня достоинъ, а въ тридцать: кого я достойна? Здѣсь въ Америкѣ напротивъ не женщина, а мужчина,—залежавшійся товаръ на рынкѣ супружества. Никакая молодая дѣвушка здѣсь не обязана, какъ въ Шотландіи или Ирландіи, служить изъ-за куска хлѣба въ чужомъ домѣ. Ея лицо для нея состояніе, ея губки богатство; ея любовь гораздо драгоцѣннѣе для нея, чѣмъ трудъ; ея блестящіе глазки полезнѣе ея ловкихъ рукъ. Война заставила порѣдѣть ряды ея поклонниковъ, но эти потери съ лихвою пополнены новымъ наплывомъ поселенцевъ изъ Европы. И неравенство между полами, замѣченное до войны, говорятъ стало еще больше послѣ нея. Число холостяковъ, нуждающихся въ женахъ, прибываетъ постоянно; цѣна молодыхъ людей сильно понижается, и только очень красивые и съ большимъ состояніемъ могутъ надѣяться вступить въ бракъ.

Эта картина не плодъ воображенія, останавливающагося на крайностяхъ и смѣшныхъ сторонахъ жизни. По переписи 1860 года бѣлыхъ мужчинъ было болѣе, чѣмъ бѣлыхъ женщинъ на 730,000 душъ. Этотъ фактъ не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ Европѣ, исключая Папскихъ Владѣній, гдѣ общество повинуется особымъ, исключительнымъ правиламъ и состоитъ изъ особыхъ, исключительныхъ элементовъ. Во всякой другой христіанской странѣ, во Франціи, Англіи, Германіи, Испаніи женщинъ гораздо болѣе, чѣмъ мужчинъ. Во Франціи 200,000 женскихъ душъ больше, чѣмъ мужскихъ, а въ Англіи 365,000. Необыкновенный законъ распредѣленія половъ въ Америкѣ замѣченъ не въ одномъ какомъ-нибудь округѣ, на одномъ какомъ-нибудь берегу или подъ однимъ какимъ-нибудь градусомъ Изъ сорока шести организованныхъ Штатовъ и Территорій только восемь представляютъ обыкновенный порядокъ, встрѣчающійся въ Европѣ. Во-

семь старинныхъ колоній имѣютъ достаточное количество женщинъ, т. е. Мэриландъ, Массачузетъ, Нью-Гампширъ, Нью-Джерсей, Нью-Іоркъ, Сѣверная Каролина, Род-Айландъ и Колумбія. Остальные же тридцать восемь выселенныхъ, купленныхъ и побѣжденныхъ штатовъ и территорій лишены основнаго элемента порядочнаго, твердаго и нравственнаго общества — элемента, заключающагося въ томъ, чтобы каждый молодой человѣкъ, приходящій въ зрѣлые годы, имѣлъ готовую жену. Въ нѣкоторыхъ западныхъ округахъ неравномѣрность между мужскимъ и женскимъ полами достигаетъ такихъ размѣровъ, что нравственный человѣкъ не можетъ не ужаснуться: въ Калифорніи приходится на одну женщину три мужчины, въ Вашингтонѣ четыре, въ Невадѣ осьмнадцать, въ Колорадо двадцать.

Это странное неравновѣсіе между полами не происходитъ всецѣло, какъ можно было бы предположить, оттого, что колонисты по большей части мужчины. Конечно эта причина одна изъ главныхъ, ибо гораздо болѣе мужчинъ пріѣзжаетъ на корабляхъ въ Бостонъ и Нью-Іоркъ, чѣмъ женщинъ; но еслибы всѣ новые пришельцы отсылались назадъ, еслибы ни одному мужчинѣ не дозволялось выходить на берегъ въ Нью-Іоркѣ иначе, какъ съ женою или сестрою, все-же большому проценту американцевъ пришлось бы сойти въ могилу холостяками. Дѣло въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ рождается болѣе мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Отбросивъ Германскій и Ирландскій элементы, все-же изъ ста гражданъ этой великой республики четверо не будутъ имѣть женъ. Эмиграція только помогаетъ природѣ; Европа посылаетъ толпы холостяковъ, борящихся изъ-за немногихъ женщинъ, которыхъ и безъ того не достало бы для туземныхъ мужчинъ. Взявъ въ соображеніе всю массу бѣлыхъ, мы увидимъ, что изъ двадцати мужчинъ, родящихся въ Соединенныхъ Штатахъ, одинъ никогда не можетъ разсчитывать имѣть жену.

Не менѣе страненъ тотъ фактъ, что это громадное неравновѣсіе половъ существуетъ нетолько въ бѣломъ населеніи, но и въ другихъ, низшихъ расахъ. Между Краснокожими и Желтокожими гораздо болѣе мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Только между неграми ихъ почти одинаковое количество, женщинъ даже немного болѣе.

Очень немногіе Татары и Китайцы перевезли съ собою въ

Америку своихъ женъ и дочерей. Удаляясь съ родины, они ожидали, что обогатятся въ одинъ годъ и возвратятся къ своему чаю и апельсинамъ. Многіе изъ тѣхъ, которые теперь живутъ въ Калифорніи и Монтанѣ, посылаютъ за своими женами, но еще неизвѣстно, пріѣдутъ ли онѣ или нѣтъ, ибо бо́льшая часть изъ нихъ, въ отсутствіе своихъ мужей, вышла замужъ за другихъ. Въ настоящее время осьмнадцать желтокожихъ мужчинъ приходится на одну желтокожую женщину.

Краснокожіе до сихъ поръ считались только по группамъ и по мѣстамъ въ болѣе осѣдлыхъ округахъ Мичигана, Минезоты, Калифорніи и Новой-Мексики; во всѣхъ этихъ округахъ, хотя условія тамошней жизни какъ нельзя болѣе способствуютъ развитію женскаго населенія, мужчинъ все же болѣе; ихъ пять на четыре женщины.

Подумайте только, какой судьбѣ подвергаетъ американское общество это громадное количественное превосходство мужчинъ надъ женщинами. Подумайте только, въ какомъ положеніи должна быть страна, которая имѣетъ въ своихъ городахъ и деревняхъ 730,000 неженатыхъ людей!

При этомъ надо не забывать, что эти толпы достаточныхъ людей не холостяки по своему желанію, не себялюбивые старые псы, ненавистники женщинъ, люди не нужные ни для себя, ни для другихъ. Нѣтъ, это обыкновенные молодые люди, дѣятельные, пробивающіе себѣ дорогу въ жизни; люди, которые скорѣе влюбились бы по уши, чѣмъ впали бы въ грѣхъ; люди, которые были бы вѣрны своимъ женамъ и гордились бы своими дѣтьми, еслибъ общество дозволило имъ имѣть таковыхъ. Что они теперь? Громадная армія монаховъ, не имѣющихъ даже извиненія въ томъ, что они связаны обѣтомъ. Эти 730,000 холостяковъ никогда не давали обѣта цѣломудрія; многіе изъ нихъ, увы, вѣроятно смотрятъ на десятую заповѣдь, какъ на писанный законъ, который никто не обязанъ исполнять. Вы говорите имъ: «сдѣлайте одолженіе, не срывайте вотъ этихъ цвѣтовъ, не топчите эту траву.» Ну, а если они не сдѣлаютъ вамъ этого одолженія? Какими средствами остановить неженатаго юношу въ посяганіи на жену своего сосѣда? Вы знаете, что такое Неаполь, что такое Мюнхенъ? Вы знаете положеніе Ливерпуля, Кадикса, Антвер-

пена, Ливорно, однимъ словомъ каждаго города, каждаго порта, въ которомъ находится перелетное народонаселеніе однихъ мужчинъ; но который изъ этихъ городовъ можетъ соперничать съ Нью-Іоркомъ въ открытомъ, торжествующемъ развратѣ?

Люди, знающіе Нью-Іоркъ лучше меня, увѣряютъ, что въ глубинѣ и мрачности разврата онъ далеко перещеголялъ Парижъ, въ его тайныхъ трущобахъ, и Лондонъ, на его открытыхъ улицахъ. Парижъ можетъ быть изысканнѣе, Лондонъ можетъ быть грубѣе въ своемъ нечестіи, но по широтѣ разврата, по нахальству грѣха, по презрѣнію ко всякому упреку Атлантическій Городъ, говорятъ, не находитъ себѣ соперниковъ на всей землѣ.

Что, это зло привозится въ Нью-Іоркъ на безчисленныхъ корабляхъ и пароходахъ, бросающихъ якоря въ его гавани? Нѣтъ, никто этого не скажетъ. Набережныя Нью-Іорка точно такія же, какъ набережныя всѣхъ другихъ городовъ. Онѣ покрыты кабаками и другими развратными домами, притонами воровъ и мошенниковъ, но люди сходящіе съ кораблей на эти набережныя не отличаются болѣе грубымъ вкусомъ, чѣмъ люди, останавливающіеся въ Соутгамптонѣ, въ Гамбургѣ или въ Генуѣ. Что же дѣлаетъ этотъ державный городъ — гнусной клоакой, въ сравненіи съ которой всѣ европейскіе порты кажутся чистыми, незапятнанными жилищами? Смѣло отвѣчаемъ: численное неравенство половъ.

Нью-Іоркъ—большой столичный городъ, богатый, веселый, роскошный; это городъ свободы и удовольствія, куда стекаются люди со всѣхъ концовъ Соединенныхъ Штатовъ; одинъ человѣкъ спѣшитъ туда по торговымъ дѣламъ, другой по судебнымъ процессамъ, третій для удовольствія, четвертый чтобы найти себѣ занятіе или службу. Это средоточіе лѣнивыхъ и работающихъ людей. Толпы стремятся въ гостинницы, театры и игорные дома Нью-Іорка; и безъ особаго откровенія мы можемъ догадаться, какого рода общество будетъ забавлять неженатыхъ людей, имѣющихъ много денегъ въ карманѣ.

Съ другой стороны это требованіе женъ, которое не находитъ себѣ удовлетворенія, не въ одномъ только мѣстѣ, а вездѣ, повергаетъ женскій умъ многочисленнымъ броженіямъ; оно побуждаетъ американокъ къ тысячамъ безпокойныхъ агитацій въ пользу своихъ правъ и власти; это побуждаетъ ихъ спорить о жен-

ской эрѣ въ исторіи, о мѣстѣ женщины въ природѣ, о призваніи ея въ семействѣ; это приводитъ къ спиритизму, къ столоверченію, къ образованію противубрачныхъ обществъ, къ теоріямъ о свободной любви, объ естественномъ бракѣ, о художественномъ рожденіи дѣтей; это приводитъ къ полигамическимъ ересямъ, къ свободной торговлѣ въ дѣлѣ любви, къ коммунизму женъ. Дикое броженіе, которому подвергается женскій умъ въ Америкѣ, отчасти происходитъ отъ свободы и благоденствія, которыми пользуются тамошнія женщины въ сравненіи съ европейскими; но эта свобода, это благоденствіе сами по себѣ суть слѣдствія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ отношеніи, того численнаго неравенства между полами, благодаря которому рука каждой молодой дѣвушки въ Соединенныхъ Штатахъ составляетъ положительную цѣнность.

ГЛАВА IV.

Лэди.

«Американская лэди не создала американскаго домашняго очага», говоритъ старый, остроумный Мейо. Эту истину я никогда бы не открылъ, еслибъ не нашелъ ее на страницахъ американскаго автора. Американскія барыни, правда, чувствуютъ себя совершенно дома въ гостинницахъ и отеляхъ; но мнѣ стоитъ только припомнить нѣкоторыя улицы въ Бостонѣ, въ Филадельфіи, въ Ричмондѣ и въ Нью Іоркѣ, даже въ Денверѣ, Городѣ Солёнаго Озера и Сентъ-Луи, чтобы признать, что въ Америкѣ есть такіе же свѣтлые, домашніе очаги, какъ въ Мидльсексѣ и Кентѣ.—«Что вы скажете объ нашихъ дамахъ?» спросилъ одинъ грубый янки, съ которымъ мы разговаривали въ Саратогской гостинницѣ.—«Прелестныя, конечно», отвѣчалъ я: «блѣдныя, нѣжныя, очаровательныя»—«Фуй! воскликнулъ онъ:—онѣ ни къ чорту не годятся! Онѣ не умѣютъ ни ходить, ни ѣздить верхомъ, ни няньчить дѣтей.»—А! у васъ нѣтъ жены, сказалъ я.—«Жены! — прогремѣлъ онъ,—я бы ее убилъ.» — Любезностями? промолвилъ я. — «Фуй, отвѣчалъ

онъ,—кочергой! Вонъ, посмотрите на этихъ барынь, что зѣваютъ у фонтана. Что онѣ дѣлали весь день? Ѣли и наряжались. До сихъ поръ онѣ уже три раза переодѣвались, три раза перечесывались и завивались. Вотъ въ чемъ проходитъ вся ихъ жизнь! Гуляли онѣ. ѣздили верхомъ, читали, шили? никогда. А какъ ваши лэди проводятъ время? Онѣ надѣваютъ толстые сапоги, подкалываютъ юбки и бѣгаютъ по нѣскольку верстъ въ день. Я былъ однажды въ Гампширѣ, гостилъ у одного лорда; его жена пришла къ чаю послѣ прогулки съ румянцемъ на щекахъ и въ большихъ кожаныхъ сапогахъ; она ѣздила на охоту, она ходила безъ устали, никакіе рвы, никакія чащи ее не пугали. А наши женщины? дрянныя, блѣдныя»...—Ну, ну, сказалъ я,—зато онѣ прелестны. — «Фуй! отвѣчалъ мой грубый пріятель,—у нихъ нѣтъ тѣла, нѣтъ костей, нѣтъ соку, у нихъ только нервы. Да и чего ожидать отъ нихъ? Онѣ ѣдятъ поташъ вмѣсто хлѣба и пьютъ ледяную воду вмѣсто вина; онѣ носятъ узкіе корсеты, тоненькіе башмачки и бочарные обручи вмѣсто юбокъ. Такимъ уродамъ не слѣдуетъ жить, и благодаря Бога, черезъ какія-нибудь сто лѣтъ, ни одинъ изъ ихъ потомковъ не останется въ живыхъ.»

Смотря на молодыхъ дѣвушекъ, проходящихъ мимо моихъ окошекъ, я не могу не подумать, что съ ихъ нѣжной блѣдностью, какъ бы она ни была поэтична, онѣ должны терпѣть недостатокъ въ жизненной силѣ. Мой грубый пріятель былъ отчасти правъ. Хорошо было бы, еслибъ наши кузины были немножко поздоровѣе! Я бы желалъ, чтобъ у нихъ на щекахъ было немного поболѣе румянца; а то теперь говоря съ ними такъ и боишся, что онѣ улетучатся.

Женщина съискони вѣковъ подвергалась громадному количеству различныхъ опредѣленій. Въ прозѣ и стихахъ ее называли ангеломъ и вѣдьмой, святой и людоѣдкой, блаженствомъ на землѣ и жестокимъ рокомъ; ее сравнивали съ розой и пальмой, съ ночной тѣнью и янтаремъ; ее изображали голубкой и газелью, сорокой и лисицой. Поэзія воспѣвала ее какъ бѣлоснѣжнаго лебедя, какъ сладкозвучнаго соловья, какъ быструю газель; сатира представляла ее въ образѣ змѣи и кошки. Чтобы всѣхъ помирить и придти къ среднему заключенію, одинъ острякъ опредѣлилъ женщину такъ: хорошая идея, но изуродованная! Поэты, сатирики, остряки на-

прасно теряютъ слова, ибо какъ можно предѣлить одной фразой безконечное разнообразіе?

Быть можетъ легче опредѣлить, что такое барыня, лэди, чѣмъ что такое женщина; во всякомъ случаѣ легче представить примѣръ. Еслибы мнѣ сказали представить образецъ совершенства въ женщинѣ, то я задумался бы и долго бы колебался, сравнивая силу и слабости, достоинства и недостатки тѣхъ и другихъ извѣстныхъ мнѣ женщинъ. Еслибы меня спросили указать на совершеннѣйшую барыню, на совершеннѣйшую лэди, то я тотчасъ указалъ бы на миссъ Старсъ въ Вашингтонѣ, мистрисъ Барсъ въ Бостонѣ и на многихъ другихъ. Это не значитъ, чтобъ идеалы лэди встрѣчались чаще, чѣмъ идеалы женщинъ, но мы легче схватываемъ типъ лэди и мы знаемъ, какая почва производитъ этотъ продуктъ. Типическая женщина,—торжество природы; типическая лэди—произведеніе искусства.

Между высшими классами въ Америкѣ англійская красота сохранилась во всемъ своемъ блескѣ; овальное лице, нѣжныя губки, прозрачныя ноздри, перламутровое тѣло, маленькая ручка,-которыми отличается англійская аристократка, могутъ быть встрѣчены въ лучшихъ домахъ Виргиніи и Массачузета. Гордая Лондонская красавица и прелестная Ланкаширская красотка нашли бы себѣ въ Бостонѣ и Ричмондѣ достойныхъ соперницъ по красотѣ и граціи. Конечно, происхожденіе тутъ главная причина, хотя развитіе и матеріальное благоденствіе много помогли происхожденію. Жители нѣкоторыхъ изъ нашихъ старыхъ колоній черпали свою кровь изъ самаго сердца Англіи, въ ея героическую эпоху, когда люди, рожденные отъ самыхъ нѣжныхъ матерей, бросались въ самыя смѣлыя предпріятіи, чтобъ основывать новыя государства. Толпы, выселившіяся изъ Англіи въ силу патента Ралэ или подъ предводительствомъ Брьюстера, состояли изъ воиновъ, проповѣдниковъ, придворныхъ, джентльменовъ; одни бѣжали въ Америку, чтобъ составить себѣ состояніе, другіе—чтобъ найти убѣжище; и хотя за этими первоначальными эмигрантами послѣдовали несмѣтныя количества болѣе низкихъ людей: фермеровъ, рабочихъ, рядовыхъ солдатъ, даже преступниковъ, но закваска не безслѣдно пропала. Родовыя имена сохранились. Даже теперь эта древняя раса поселенцевъ поражаетъ своей силой, дѣлающей женщинъ оча-

ровательными, а мужчинъ храбрыми и стойкими, подобно ихъ предкамъ. Высшая степень женской красоты, преимущественно встрѣчающаяся въ старыхъ городахъ и въ древнихъ аристократическихъ семействахъ, совершенно англійская по типу; эта красота напоминаетъ чужестранцу галлерею портретовъ въ англійскомъ замкѣ; тутъ виднѣется Гольбейнъ и Лели, тамъ Генсборо и Рейнольдсъ; я полагаю, что Лесли вывезъ изъ Соединенныхъ Штатовъ прелестнѣйшія изъ своихъ англійскихъ головокъ.

Во многихъ юныхъ городахъ Союза также встрѣчаются нерѣдко красавицы, отличающіяся образованіемъ и умомъ; но эти красавицы, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ я видѣлъ въ Саратогѣ и на Ливанскихъ ключахъ, не столько походятъ на портреты Рейнольдса и Генсборо, какъ на картины Гвидо и Грёза. Въ нихъ много фламандской крови. Тѣло у нихъ гораздо бѣлѣе, глаза синѣе, выраженіе лица смѣлѣе, чѣмъ въ англійскомъ типѣ. Въ Нью-Іоркской красотѣ болѣе блеска и оживленія, въ Бостонской болѣе нѣжности и выраженія. Нѣкоторые предпочтутъ болѣе открытую и смѣлую граціозность Нью-Іоркскихъ красавицъ, съ ихъ Рубенсовскими розовыми щечками и пухлымъ тѣломъ; но для англійскаго глаза гораздо болѣе прелести въ нѣжномъ, скромномъ выраженіи стараго типа красоты. Въ Нью-Іоркѣ жизненная обстановка гораздо блестящѣе, туалеты гораздо богаче, чѣмъ въ Новой Англіи, но вліяніе всего этого великолѣпія скорѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее, оно болѣе дѣйствуетъ на глаза, чѣмъ на душу. Могу я это пояснить примѣромъ? Въ Пятой Аллеѣ, въ Нью-Іоркѣ, вы можете найти домъ, постройка котораго стоила болѣе денегъ, чѣмъ Бриджватерскій Домъ въ Лондонѣ и въ которомъ обѣдъ и вина могутъ быть не хуже англійскихъ обѣдовъ и винъ, но любой американецъ почувствовалъ бы, какая громадная разница существуетъ между этими двумя зданіями. Одно — плодъ богатства, другое — плодъ поэзіи, одно хвалится своими мраморными колоннами и золочеными стѣнами, другое Рафаэлевскими картинами и Шекспировскими инфоліями. Въ Пятой Аллеѣ возвышается дворецъ; въ Клевеландъ-Ро — памятникъ, святыня.

Нѣчто въ родѣ подобнаго различія я вижу, или воображаю видѣть, между красавицами Бостона и Вашингтона, Ричмонда и Нью-Іорка. Я конечно не говорю о царицахъ петролеума;

эти созданія составляютъ совершенно особый классъ, и если онѣ случайно живутъ въ Пятой Аллеѣ, то онѣ не имѣютъ къ ней никакого отношенія, кромѣ того, что онѣ тамъ находятся. Я говорю о настоящихъ лэди Нью-Іорка, которыхъ приняли бы за истинныхъ лэди въ Гайдъ-Паркѣ; эти-то барыни отличаются, какъ я уже сказалъ, такими смѣлыми манерами и такой откровенностью, какихъ вы не встрѣтите между ихъ сестрами въ Новой или Старой Англіи.—«Я сильно налегла на него, но во-время, одумалась и бросила,—говорила одна молоденькая и хорошенькая женщина въ Нью-Іоркѣ моему пріятелю, котораго она знала только два дня. *Онъ* былъ франтъ, на которомъ она съ опытностью шестнадцатилѣтней дѣвушки остановила свое вниманіе и котораго, еслибъ ея капризъ продолжился еще немного, она могла бы сдѣлать своимъ мужемъ. Дѣвушка эта не была кокетка, съ мѣднымъ лбомъ и дерзкой рѣчью, какую часто можно встрѣтить на пароходѣ или желѣзной дорогѣ, но нѣжная, прелестная дѣвушка, лэди съ головы до пятокъ, такое граціозное, умное и очаровательное созданіе, что каждый человѣкъ желалъ бы имѣть ее женой или сестрой. Ея странность состояла вопервыхъ въ томъ, что она говорила, вовторыхъ въ выборѣ ея выраженій; другими словами, эта странность состояла въ томъ различіи, которое существуетъ между понятіями англійской дѣвушки и американской объ отношеніи между мужчинами и женщинами. «Я сильно налегла на него, а потомъ бросила» выражаетъ въ самыхъ простыхъ, грубыхъ словахъ такую мысль, которая едва ли когда-нибудь вошла бы въ голову англійской дѣвушки, и даже еслибъ вошла, то никогда не выразилась бы такъ рѣзко

Эта фраза ясно выражаетъ основную черту американской жизни, ту власть выбирать и отвергать мужей, которую даетъ молоденькой и хорошенькой дѣвушкѣ малочисленность женщинъ въ Америкѣ.

ГЛАВА V.

Скватерскія Женщины.

Плоды этого численнаго превосходства мужчинъ надъ женщинами собираются нетолько юными кокетками въ Саратогѣ, Ньюпортѣ и на Ніагарѣ, но точно также и простыми дѣвушками въ Омахѣ, Сентъ-Джозефѣ и Ливенвортѣ. Въ западной странѣ численное превосходство еще болѣе, чѣмъ въ восточной.

Изъ многихъ пунктовъ различія между жизнію въ новомъ свѣтѣ и въ старомъ быть можетъ болѣе всего бросается въ глаза контрастъ, существующій тутъ и тамъ между внѣшнимъ видомъ, одеждой, разговоромъ и занятіями женщинъ низшихъ классовъ. Если Пятая Аллея-рай для женщинъ, то такой же рай въ своемъ родѣ мельница, ранча, рисовая плантація и ферма.

Я теперь довольно старъ, чтобы съ улыбкой вспоминать о томъ юношескомъ негодованіи, которое я почувствовалъ, увидавъ впервые женщинъ, работающихъ въ полѣ, не окруженныхъ своими отцами, братьями или мужьями, какъ часто бываетъ въ Іоркширѣ во время сѣнокоса, но однихъ, усталыхъ, изнуренныхъ, дурно одѣтыхъ, дурно кормленныхъ, загорѣлыхъ подъ зноемъ солнца. Это несчастное зрѣлище представилось мнѣ въ прекрасной Бургундіи, на откосахъ милаго Тоннерра, который я посѣтилъ въ лучшіе годы моей юности. Бѣдная старая Жозефина, бѣдная маленькая Фанни,—какъ болѣзненно сжималось мое сердце, когда вы на разсвѣтѣ отправлялись на работу, въ вашихъ старыхъ, плоскихъ шляпахъ, въ вашихъ коленкоровыхъ юбкахъ и тяжелыхъ деревянныхъ башмакахъ. Вы шли съ лопатами и косами въ рукахъ, съ кружками свѣжей воды на головахъ; съ корзинками полубѣлаго хлѣба и луку подъ мышками; а въ то же самое время лѣнивый, старый Жанъ, называвшій одну изъ васъ своею женою, другую дочерью, спалъ себѣ преспокойно дома. Какъ сжимались у меня кулаки, когда гораздо позже этотъ мошенникъ выходилъ на улицу, болталъ о новостяхъ, шутилъ, смѣялся, игралъ въ домино передъ кабакомъ и курилъ свою трубку на ступеняхъ Св. Петра.

Съ тѣхъ поръ я видѣлъ женщинъ—невольницъ за работой въ полѣ во многихъ мѣстахъ земли и у различныхъ народовъ: у Кельтовъ въ Коннотѣ, у Иберійцевъ въ Валенсіи, у Поніевъ въ Колорадо, у Феллаховъ въ Египтѣ, у Валлаховъ въ Карпатскихъ горахъ, у Валлоновъ во Фландріи, у Негровъ въ Кентуки; но я никогда не могъ смотрѣть на это унизительное и позорное зрѣлище безъ негодованія. Послѣ всего этого было нѣсколько комично видѣть, какъ Лу-Сингъ оправлялъ постели, а Гоп-Чангъ мылъ бѣлье.

На моей родинѣ крестьянскія дѣвушки не всегда то, чѣмъ ихъ представляютъ поэты и живописцы. Несмотря на наши Майскія игры, на дни жатвъ и на другія сельскія удовольствія, остатки стараго болѣе веселаго времени,—англійскія крестьянскія дѣвушки не очень ловки, даже грубы. Какъ общее правило онѣ не очень опрятны и не очень проворны. Американская дѣвушка того же класса во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше за исключеніемъ одного.

Быть можетъ это происходитъ отъ болѣе нѣжнаго климата, отъ иной пищи, отъ болѣе чистой крови, но какъ бы то ни было безспоренъ тотъ фактъ, что въ Ланкаширѣ и Девонширѣ, крестьянки отличаются такой красотой, которой нѣтъ ничего равнаго въ Соединенныхъ Штатахъ. Многія американскія дѣвушки—хорошенькія, даже очаровательныя, но между женщинами низшаго класса вы не найдете такого большаго урожая на сельскую красоту, какой представляетъ Англія; вы не встрѣтите тутъ свѣтлыхъ глазъ, вьющихся кудрей и розовыхъ пухлыхъ щечекъ, которыя вамъ встрѣчаются на каждомъ шагу на Девонширскихъ поляхъ и въ Ланкаширскихъ улицахъ. Но этимъ и оканчивается списокъ достоинствъ англійской крестьянки; кромѣ природной красоты, она во всемъ уступаетъ своей американской сестрѣ.

Нѣсколько недѣль тому назадъ я ѣздилъ съ однимъ пріятелемъ къ Сайрусу Смиту, крестьянину-фермеру, живущему въ окресностяхъ Омахи. Омаха—новый городъ на Миссури; онъ возникъ не болѣе двѣнадцати лѣтъ тому назадъ и растетъ съ сказочной быстротой. Вчера въ немъ было сто поселенцевъ, сегодня тысяча, а завтра быть можетъ будутъ десятки тысячъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ Омахскіе Индѣйцы возсѣдали подъ ивовыми деревья-

ми и царь этого племени былъ похороненъ верхомъ на сосѣднемъ берегу. Теперь здѣсь возвышается городъ съ желѣзной дорогой, съ капитоліемъ, съ судомъ, улицами, банками, гостинницами и дилижансами. Омаха угрожаетъ сдѣлаться вскорѣ тѣмъ, чѣмъ теперь Чикаго.

Сайрусъ Смитъ—мелкій скватеръ, живущій близъ маленькаго ручейка, въ бревенчатой хижинѣ, на небольшомъ участкѣ лѣса, который онъ вырвалъ изъ рукъ природы трудомъ своихъ рукъ, въ потѣ своего лица. Хижина его небольшая, кусокъ земли необширенъ. На очень ограниченномъ пространствѣ должно быть сосредоточено все необходимое для обработки земли и содержанія скота; коровы должны имѣть стойла, свиньи подстилку, куры должны быть накормлены. Въ ранчѣ Смита, гдѣ помѣщаются его жена и дѣти, конечно нѣтъ и тѣни богатства; житье самое скудное, пища самая грубая; по на всемъ его хозяйствѣ нѣтъ того чернаго пятна нищеты, которое мы привыкли видѣть въ трущобахъ Ирландіи, Бретани и Валлахіи. Пройдите по этой садовой дорожкѣ, окаймленной фруктовыми деревьями и цвѣточными куртинами. Эта дорожка могла бы вести къ виллѣ джентльмена, она широка и хорошо выметена. Бревенчатая хижина, хотя и грубая, очень крѣпка и удобна; снаружи вдоль двери вьется виргинскій вьюнокъ и другія ползучія растенія. Внутри домъ такъ щепетильно чистъ, что вы могли бы преспокойно обѣдать на голыхъ доскахъ пола, подобно тому, какъ на блестящихъ плитахъ въ голландскомъ домѣ. Полокъ по стѣнамъ много, всѣ горшки и кастрюли блестятъ какъ новые. Что-то во всемъ окружающемъ васъ говоритъ о приличной жизни, словно знатное семейство, неожиданно разорившееся, остановилось на время лагеремъ въ степи. Въ маленькой гостиной вы найдете вазу съ цвѣтами, какую-нибудь картину и бюстъ Вашингтона. Вы сразу видите, что въ домѣ находится свѣтлая женская личность.

Анна Смитъ, типъ того класса женщинъ, который встрѣчается въ Америкѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Англіи, но нигдѣ болѣе. По положенію она немного выше простой крестьянки, а по чувствамъ она немного ниже настоящей лэди. У ней тысячи различныхъ обязанностей; она должна разводить огонь, мыть и одѣвать своихъ дѣтей, натирать полъ, кормить свиней и куръ, доить

коровъ, собирать фрукты и овощи, готовить кушанья, чистить посуду, сбивать масло, приготовлять сыръ, шить и чинить одежду; но посреди всѣхъ этихъ трудовъ она постоянно смѣется и поетъ, вообще дѣлаетъ все такъ весело, съ такимъ вкусомъ, съ такой легкостью, что всякій трудъ кажется для нея удовольствіемъ и всякая забота пріятнымъ препровожденіемъ времени. Одѣвается она очень мило, хотя свыше своего положенія, сказалъ бы Англичанинъ, еслибы она не носила этотъ нарядъ такъ граціозно. Ея руки чрезвычайно нѣжны, словно не выходятъ цѣлый день изъ перчатокъ. Ея обращеніе просто, естественно; выраженіе ея лица, свѣтлое, чистосердечное. Языкъ, на которомъ она говоритъ, тотъ же, на которомъ говорятъ всѣ люди ея класса; иностранца онъ поразитъ нѣкоторою рѣзкостью. Но ея голосъ—тихій, нѣжный, какъ подобаетъ ея полу. Вы услышите отъ нее странныя выраженія, но неприличныхъ никогда. Грязь—ея злѣйшій врагъ, и ея сознаніе приличія поддерживаетъ весь домъ въ чистотѣ. Она встаетъ съ солнцемъ, часто даже раньше солнца; бѣлье на постеляхъ въ ея домѣ чистое, выглаженное, занавѣски и шторы бѣлы какъ снѣгъ. Сицилійская хижина съ простынями не мытыми по цѣлому году для нея нѣчто непостижимое. Она ни за что не позволитъ своему сыну или слугѣ спать въ конюшнѣ вмѣстѣ съ животными, какъ принято во Франціи, Италіи и Испаніи. Кентская рига во время сбора хмѣля или Кетнескій лугъ во время сѣнокоса показались бы ей мерзостью и запустѣніемъ. Ея коровы, свиньи и цыплята всѣ размѣщены по своимъ стойламъ, хлѣвамъ и птичникамъ. Мюнстерскій поселянинъ кладетъ свою свинью себѣ подъ постель, Наварскій погонщикъ муловъ держитъ своихъ животныхъ въ домѣ; Эпирскій пастухъ кормитъ своихъ козъ въ своемъ шалашѣ; Египетскій феллахъ приводитъ осла въ свое жилище. Но эти грязные, неприличные обычаи бѣдныхъ людей нашего лѣниваго, стараго свѣта нетолько неизвѣстны, но непонятны американскимъ женщинамъ того класса, къ которому принадлежитъ Анна Смитъ.

Другая черта въ ней также поражаетъ васъ съ перваго взгляда—это постоянное однообразіе одежды. Въ Англіи наши поселянки отъ обычая ходить въ церковь въ воскресенье взяли привычку лучше одѣваться въ одинъ день недѣли, чѣмъ въ остальные шесть. У нихъ такимъ образомъ есть воскресная одежда, въ срав-

ненiи съ которой ихъ вседневное платье кажется тряпкой. Въ этомъ отношенiи на нихъ походятъ ихъ сестры въ Италiи и Франціи. Жена Суффолькскаго фермера, которая сегодня выходитъ передъ вами изъ церкви съ чисто вымытымъ лицемъ и въ шляпкѣ съ пестрыми лентами, безъ всякаго стыда покажется вамъ завтра вся въ грязи и въ лохмотьяхъ. Не такъ въ Америкѣ; Анна полагаетъ, что доказала бы свой дурной вкусъ, еслибъ одѣвалась чисто одинъ день въ недѣлю, а грязно во всѣ остальные. Настоящая экономія, говоритъ она, заставляетъ одѣваться чисто и прилично, даже когда одежда сдѣлана изъ самаго нищенскаго матеріала. Одна хорошая одежда дешевле двухъ, хотя бы онѣ и были очень грубы. Хорошо одѣваться это вопросъ умственнаго настроенiя, а не финансовый. Каждая женщина съ иглой въ рукахъ можетъ одѣваться прилично.

Вокругъ жилища Смита близъ Омахи расположена цѣлая колонiя холостяковъ; четверо мужчинъ изъ пяти въ этой странѣ должны по необходимости жить безъ женъ. Отъ этого грустнаго факта, Анна имѣетъ большое вліяніе надъ своими сосѣдями; домъ ея пріятное средоточіе для молодыхъ людей; и такъ какъ холостяки очень легко могутъ обрюзгнуть въ своихъ ранчахъ, то она съ радостью показываетъ имъ примѣромъ, а не словами, какое благословенiе для человѣка имѣть жену.

Какъ тяжело думать, что каждый человѣкъ, достойный имѣть жену, не можетъ тамъ доставить себѣ этого блаженства!

ГЛАВА VI.

Женская Политика.

Если все, что я слышу отъ женскихъ политиковъ въ Ново-Англiйскихъ штатахъ, особливо здѣсь въ Бурлингтонѣ—правда, то великая реформа, подготовляющаяся въ Соединенныхъ Штатахъ, состоитъ въ нравственной и общественной перемѣнѣ; это болѣе реформа мысли, чѣмъ реформа общества; это

радикальная перемѣна въ отношеніяхъ мужчинъ къ женщинамъ, перемѣна, которая должна наложить свой отпечатокъ на всѣ мельчайшія проявленія общественной и семейной жизни.

Въ сравненіи съ такой революціей всѣ другіе вопросы добра и зла, всѣ вопросы о представительствѣ, объ избирательныхъ правахъ негровъ, о возстановленіи Союза, о правахъ отдѣльныхъ штатовъ и тому подобное — только вопросы дня, только минутныя мелочи, затрогивающія лишь мѣстные интересы. Семейная реформа, когда она явится, должна быть широка въ своемъ объемѣ, серьезна въ своей цѣли и принципахъ. Вопросъ, стоящій теперь на очереди въ Соединенныхъ Штатахъ, по словамъ этихъ женскихъ адвокатовъ Равенства Правъ, состоитъ ни болѣе ни менѣе какъ въ слѣдующемъ:—Будетъ ли наша семейная жизнь руководствоваться впредь христіанскимъ закономъ или языческимъ?

Старая поговорка гласитъ, что умная женщина можетъ заставить любаго мужчину жениться на ней; и эта лондонская фраза, говорятъ, постоянно примѣнялась на практикѣ въ Нью-Іоркѣ.

У насъ въ Англіи, гдѣ незамужнихъ дѣвъ цѣлымъ милліономъ больше мужчинъ, подобная поговорка только шутка. Кто не знаетъ сотни умныхъ женщинъ, даже часто самыхъ блестящихъ, которыя быстро несутся по потоку жизни, не получая ни единаго приглашенія выдти на веселый берегъ и вступить въ церковь, оглашаемую вѣнчальнымъ звономъ. Еслибъ эта поговорка, что умная женщина можетъ выдти замужъ за кого захочетъ, была справедлива, то вызывала ли бы она постоянную улыбку на нашихъ губахъ? Кто бы рисковалъ встрѣчаться съ подобными женщинами? «Приходите и приводите съ собою женщину, которой вы принадлежите,» говорила лэди Морганъ, приглашая одного знакомаго къ себѣ на концертъ. Однако блестящая, великосвѣтская Ирландка писала также, что во всѣ времена, во всѣхъ странахъ женщины вели себя какъ святыя, а съ ними обходились какъ съ рабами. Приведенная нами поговорка не сочинена женщинами.

Другая фраза «Женщина и ея Господинъ» подняла тотъ крикъ отчаянья въ женскихъ сердцахъ, который побудилъ Лондонъ основать женскую коллегію въ одномъ изъ отдаленныхъ переулковъ и женскій клубъ надъ какой-то пирожной,—тотъ крикъ, который побудилъ Нью-Іоркъ созвать безчисленные женскіе конгрессы, гдѣ

обсуждались вопросы о любви, о бракѣ, о разводѣ, о естественномъ подборѣ, о художественномъ рожденіи дѣтей и о превосходствѣ женскаго пола.

Надо сознаться, что до сихъ поръ наши собственные женскіе политики немного сдѣлали, чтобъ освободить себя отъ оковъ закона. У насъ всякая реформа должна ждать своего времени. Въ англійскомъ обществѣ мужской умъ все-еще преобладаетъ, и самая смѣлая женщина не можетъ надѣяться, что, поднявъ руку на наши обычая и законы, она возбудитъ къ себѣ всеобщее сочувствіе. Она знаетъ, что напротивъ всѣ будутъ надъ ней смѣяться. Не таково положеніе ея американской сестры; чтобы тамъ ни произошло, Вермонтская героиня и Нью-Гампширская реформистка никогда не боятся быть поднятыми на смѣхъ. Мери Крагинъ можетъ отречься отъ своихъ супружескихъ обѣтовъ, Анна Дикенсонъ можетъ выйти на платформу и говорить политическія рѣчи. Мери Волькеръ можетъ надѣть панталошки. Что имъ значатъ насмѣшки мужчинъ? На молодыхъ дѣвушекъ теперь такой запросъ, что женщины нимало не боятся пренебреженія, еслибъ даже онѣ посмотрѣли прямо въ глаза великому вопросу о своей судьбѣ. Такъ какъ осторожность изъ коммерческихъ видовъ не вліяетъ на ихъ слова и поступки, то онѣ свободны говорить о чемъ хотятъ, собираться публично, учить и проповѣдывать, съ презрѣніемъ вызывать на бой весь міръ и держать свой собственный парламентъ. Отчего жъ имъ такъ и не поступать? Если мужчины могутъ сходиться и толковать публично о дѣлахъ, отчего же женщинамъ не дѣлать того же? Развѣ вопросы мѣстной политики важнѣе вопросовъ семейной жизни?

Никто имѣющій глаза и сердце не скажетъ, что наша семейная жизнь зиждется на совершенно справедливыхъ основахъ, чтобы справедливость царила рядомъ съ любовью, чтобы за закрытой дверью и за спущенной занавѣской всѣ отношенія между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми были облагорожены истинно христіанскимъ духомъ. Если этого нельзя сказать, то значитъ мы до сихъ поръ не успѣли осѣнить нашъ семейный очагъ религіей любви. А если мы не успѣли въ нашей попыткѣ вести христіанскую жизнь, то отчего же причинъ нашей неудачи не обсудить публично въ присутствіи тѣхъ, до кого это всего болѣе ка-

ется? Но какъ бы мужчины ни смотрѣли, съ хорошей или дурной стороны, на подобные вопросы, американскія дѣвушки думаютъ о нихъ, пишутъ и вотируютъ резолюціи. Семейная жизнь, говорятъ, сфера женщинъ; значитъ семейная реформа должна быть дѣломъ женщинъ. Нѣкоторые изъ Вермонтскихъ политиковъ пошли гораздо дальше писанія и подаванія голоса по вопросу о семейной любви. Онеидскій Ручей и Городъ Солёнаго Озера, общины созданныя Вермонтцами, служатъ практическими отвѣтами на величайшій вопросъ нашего времени—что дѣлать для исправленія зла, кроющагося въ нашей общественной и семейной жизни?

Всѣ женщины, которыя вступили въ ряды адвокатовъ своихъ правъ, которыя начали проповѣдывать и писать о положеніи женщины въ семействѣ, о равенствѣ половъ, о разводѣ, о половомъ воскресеніи, — обращаются въ своихъ разсужденіяхъ къ самымъ первымъ изъ первыхъ принциповъ. Онѣ всѣ поступаютъ такъ, вторятъ ли онѣ Маргеритѣ Фуллеръ въ Брукской Фермѣ, или Мэри Крагинъ на Онеидскомъ Ручьѣ, или Антуанетѣ Дулитль на Ливанской Горѣ, или Белиндѣ Праттъ въ Городѣ Солёнаго Озера, или Элизѣ Фаренгамъ въ Нью-Іоркѣ. Отсутствіе всякаго руководящаго свѣта, всякаго положительнаго закона, даже всякаго несомнѣннаго преданія насчетъ семейной жизни заставляетъ ихъ искать доказательствъ справедливости ихъ словъ въ книгахъ, въ сопоставленіи фактовъ, въ критикѣ законовъ. Эти барыни взялись за свое дѣло съ большой энергіей. Для ихъ пытливыхъ взоровъ нѣтъ сферы слишкомъ возвышенной, нѣтъ бездны слишкомъ глубокой. Въ своихъ поискахъ за дѣйствительнымъ примѣненіемъ закона любви онѣ поднимаются на Олимпъ и снисходятъ въ Адъ. Онѣ обращаются къ Сиріи и Египту, къ Аѳинамъ и Риму, къ природѣ и къ искусству, къ поэзіи и къ наукѣ. Онѣ оспариваютъ исторію Евы, опровергаютъ мудрость Ликурга, поднимаютъ завѣсу палатки Сары Въ каждой странѣ онѣ ищутъ примѣра, доказательства, урока. Онѣ выходили на поле съ Руѳью, читали исторію Аспазіи, обдумывали судьбу Лукреціи, вызывали образъ Дженни Грей. Въ каждой странѣ онѣ нашли образецъ и поученіе; и хотя образецъ можетъ различествовать съ перемѣной расы, развитія и образованія, поученіе, говорятъ онѣ, остается всегда одно и то же. До тѣхъ поръ пока не настала новая эра, которую самая

новѣйшая изъ этихъ проповѣдницъ Элиза Фаренгамъ назвала Женской Эрой, мужчины, по ихъ словамъ, обходились съ женщинами иногда какъ съ игрушкой, часто какъ съ жертвой, почти всегда какъ съ вещью и вѣчно какъ съ невольницей. Гдѣ, спрашиваютъ онѣ, бросая бѣглый взглядъ на всю исторію нашей расы, дѣ женскій глазъ можетъ найти что-нибудь достойное восхищенія? Пускай женщина заглянетъ въ Арабскій гаремъ, въ Индусскую *зенану*, въ Кафрскій шалашъ, въ Нью-Іорскую гостинницу, въ вигвамъ Поніевъ, въ блестящій Лондонскій домъ и что она найдетъ въ этихъ женскихъ клѣткахъ? Равенство половъ, свободу чувствъ? Никогда. На востокѣ, на западѣ, на сѣверѣ, на югѣ, вездѣ она найдетъ лишь право сильнаго. Что же касается высшихъ принциповъ, то она увидитъ, какъ въ христіанскомъ домѣ, такъ и въ языческой трущобѣ, одинаковый хаосъ мыслей, одинаковую путаницу законовъ; самый же большой хаосъ, самая большая путаница, утверждаютъ онѣ, встрѣчаются въ Соединенныхъ Штатахъ.

Ни въ какой странѣ, говорятъ эти реформистки семейной жизни, женщина не считается равной мужчинѣ. Аравитянинъ можетъ жениться на четырехъ женахъ. Еврей ежедневно благодаритъ Бога за то, что онъ родился мужчиной; Персіянинъ сомнѣвается, не смотря на Коранъ, имѣетъ ли его любимица душу. Въ древней Англіи и на юридическомъ англійскомъ языкѣ до сихъ поръ мужъ и жена называются баронъ и женщина (feme). Въ Америкѣ, посреди свободы и просвѣщенія, положеніе женщины едва ли улучшилось, если мы будемъ измѣрять улучшеніе мѣриломъ христіанства. Въ Онондагѣ, Нью-Іоркскомъ штатѣ главнѣйшіе граждане представили прошеніе въ законодательное собраніе объ уничтоженіи всѣхъ законовъ противъ обольстителя. Даже въ Бостонѣ, въ Филадельфіи, въ Нью-Іоркѣ, въ самыхъ утонченныхъ и богатыхъ кружкахъ американскаго общества, положеніе женщины, по словамъ этихъ политиковъ, немногимъ лучше, чѣмъ положеніе ея въ средѣ Перфекціонистовъ и Мормоновъ, если даже она отдалась человѣку, котораго она истинно любитъ. Посмотрите, сколькимъ она должна пожертвовать! Она должна принести ему въ жертву свое имя; она должна перестать быть гражданиномъ; она должна передать мужу свой домъ, свои земли; она должна уничтожиться, исчезнуть въ своемъ господинѣ. Чѣмъ еще кромѣ этого жертву-

етъ негритянка, когда ее продаютъ новому господину? На юридическомъ языкѣ замужняя женщина въ Англіи называется *feme covert*, т. е. женщина покрытая, подъ властью мужа, существо, съ которымъ надо обходиться, какъ съ ребенкомъ и которое едвали можетъ дѣлать добро или зло; бракъ съ одной стороны прикрываетъ ее щитомъ, съ другой лишаетъ всѣхъ ея естественныхъ правъ. Никакой судъ, никакой законъ, никакое общество не воздаетъ справедливости женщинѣ. Что такое вѣнчальное кольцо, какъ не клеймо? Что такое гаремъ, какъ не тюрьма? Что такое семейный очагъ, какъ не клѣтка? Отчего мужчинѣ доступны лагерь, судъ, лѣса, луговыя степи, а женщинамъ одна только любовь? Отчего молодая дѣвушка не можетъ занять мѣсто въ сенатѣ, въ церкви? Отчего Елизавета Стантонъ не можетъ быть представительницей Нью-Іорка въ конгрессѣ? Отчего Олимпія Браунъ не можетъ пасти духовное стадо въ Веймутѣ? Развѣ женщины приговорены навѣки кормить глупыхъ дѣтей и ухаживать за еще глупѣйшими мужьями? Такія женщины какъ Люси Стонъ и Мэри Волькеръ задаютъ эти вопросы міру, а толпы женъ и дочерей нетерпѣливо ожидаютъ отвѣта.

Самыя имена, которыя носятъ оба пола въ отношеніи другъ друга въ бракѣ, подразумѣваютъ отношенія между господиномъ и рабой. Мужъ значитъ господинъ, жена значитъ слуга. Во многихъ мѣстахъ Америки и въ Сѣверной Англіи женщины низшаго класса называютъ своего мужа «господинъ» (master), а мужья называютъ свою жену не иначе какъ «женщина» (woman). Развѣ эти отношенія, восклицаютъ гнѣвная Элиза Фаренгамъ и краснорѣчивая Каролина Долль, должны быть вѣчными основами брачной жизни въ свободной, мирной и религіозной странѣ?

Никакой другой предметъ никогда не возбуждалъ и никогда не возбудитъ въ человѣческой душѣ такого пламеннаго любопытства, какъ отношенія мужчины къ женщинѣ и женщины къ мужчинѣ, двухъ блестящихъ и пластическихъ существъ, не походящихъ другъ на друга ни по формѣ, ни по генію, ни по назначенію, однако соединенныхъ природою самыми тѣсными узами и предназначенныхъ судьбою или сдѣлать другъ друга неизмѣримо счастливыми, или неизмѣримо несчастными. Общество—плодъ этихъ отношеній. Законъ—только названіе того порядка, въ ко-

торомъ существуютъ эти отношенія. Поэзія лишь ихъ отголосокъ. Всѣ эпическія поэмы, всѣ трагедіи, всѣ романы основаны на этихъ отношеніяхъ, какъ на источникѣ нашихъ благородныхъ страстей. Изъ этихъ отношеній проистекаетъ наша возвышеннѣйшая любовь, наша жесточайшая ненависть. Болѣе мелкія драмы доигрываются до конца. Болѣе простыя задачи разрѣшаются. Такъ правила, которыя руководятъ отношеніями мужчинъ между собою, —государя къ подданному, духовнаго лица къ мирянину, отца къ сыну, кредитора къ должнику, господина къ рабу,—очевидно повинуются извѣстному закону развитія, благодаря которому онѣ мало по малу все смягчаются, и наконецъ старинный, грубый духъ языческаго закона совершенно исчезъ изъ нашей жизни. Тоже ли самое мы видимъ относительно тѣхъ правилъ, которыя руководятъ болѣе деликатными отношеніями мужчинъ къ женщинамъ? Нѣтъ, въ гораздо меньшей степени.

Не грустный ли, не удивительный ли фактъ, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ свѣта Евангельскаго законы, опредѣляющіе супружескую жизнь женщины въ Америкѣ, хуже, чѣмъ въ Азіи? Въ Турціи бракъ дѣлаетъ свободной женщину несвободную; въ Соединенныхъ Штатахъ (если вѣрить адвокатамъ Равенства Правъ) бракъ обращаетъ свободную женщину въ невольницу. На востокѣ полигамія вымираетъ; единственное мѣсто на земномъ шарѣ гдѣ она снова воскресаетъ,—это на западѣ.

Правда ли, что наша любовь, наши семейныя обязанности лежатъ внѣ сферы закона? Мужчины, какъ Джонъ Нойесъ, и женщины, какъ Гарріетъ Гольтенъ, смѣло это утверждаютъ; въ Воллингфордѣ и на Онеидскомъ Ручьѣ оба пола отложили въ сторону всѣ человѣческіе законы и согласились жить другъ съ другомъ подъ благодатію. Но это мнѣніе, съ его практическимъ примѣненіемъ, составляетъ только фантазію немногочисленной, хотя дѣятельной и увлекательной школы. Весь міръ думаетъ иначе; ибо міръ вѣритъ въ законъ Божій, хотя быть можетъ пересталъ уже надѣяться на законъ человѣческій.

ГЛАВА VII.

Мужья и Жены.

На счетъ главныхъ фактовъ, лежащихъ въ основаніи этого женскаго недовольства существующими законами, едва ли можетъ быть разногласіе между благоразумными людьми. Всѣ имѣющіе глаза видятъ эти факты. Когда вы приступаете къ изученію той безъимянной науки, занимающей часто наши мысли и которую можно назвать *Сравнительной Анатоміей Семейной Жизни*, вы конечно встрѣчаете съ самаго начала тотъ удивительный фактъ, что права женщинъ въ бракѣ повидимому не имѣютъ никакого отношенія съ общимъ развитіемъ христіанскаго прогресса. Всѣ другія права развиваются съ теченіемъ времени. Подданный вынуждаетъ своего государя на уступки, мірянинъ сравнивается съ духовнымъ; ребенокъ пріобрѣтаетъ покровительство закона противъ родителей; должникъ получаетъ нѣкоторую защиту отъ своего кредитора; рабъ освобождается отъ гнета своего господина; но едва ли произошла хоть малѣйшая перемѣна или улучшеніе въ положеніи замужней женщины. Дѣвушка еще можетъ быть безопасна въ качествѣ движимаго имущества, но замужнюю женщину, хозяйку дома законъ едва ли беретъ въ соображеніе. Даже послѣ перемѣнъ, совершенныхъ послѣдними двѣнадцатилѣтними реформами, законъ можно сказать остается слѣпымъ къ ея страданіямъ, глухимъ къ ея протесту.

Сравнивая отношенія мужчинъ между собою и мужчинъ къ женщинамъ въ Азіи и въ Америкѣ, вы поражены на каждомъ шагу неожиданными контрастами. Если вы смотрите на мужчину какъ на мірянина, какъ на сына, какъ на должника или какъ на слугу, то вы видите, что законъ ставитъ его въ гораздо лучшее положеніе въ Америкѣ, чѣмъ въ Азіи. Могъ ли бы напримѣръ Феллахъ въ Дамаскѣ сказать прямо въ лице богачу: я такой же человѣкъ, какъ ты? Могъ ли бы рабъ въ Лукновѣ сказать своему господину: мой голосъ имѣетъ такую же силу, какъ твой, и я не хочу тебѣ служить? Такого преступника тотчасъ же отправили бы къ городскимъ воротамъ,

и наказали бы двадцатью ударами плети. Но есть ли такая разница между Дамаскомъ и Бостономъ, между Лукновомъ и Филадельфіей касательно отношеній между мужчинами и женщинами? Нѣтъ. Контрастъ тутъ совершенно противуположный, ибо въ Турціи, въ Персіи, въ Египтѣ и въ Магометанской Индіи права замужней женщины гораздо болѣе обезпечены закономъ, чѣмъ въ Массачузетѣ, Пенсильваніи и Нью-Іоркѣ. Если вы сомнѣваетесь въ этомъ фактѣ, то возьмите Хидайю, кодексъ законовъ, по которому Англичане судятъ въ Индійскихъ судахъ, и ваши сомнѣнія замѣнятся страннымъ изумленіемъ. Открывъ Хидайю, вы найдете, что жизнь въ гаремѣ, которую многіе, никогда ея не видавшіе, представляютъ плачевной драмой съ акомпаниментомъ яда, кинжаловъ, невольницъ и евнуховъ, обезпечена въ отношеніи женщинъ цѣлымъ рядомъ мудрыхъ и милосердныхъ законовъ, которые не могутъ быть безнаказанно нарушены мужчинами. Многіе полагаютъ въ Бостонѣ, что гаремъ тюрьма, а восточная женщина — невольница; но самое поверхностное знакомство съ Магометанскими законами показало бы, что положеніе Англійской жены гораздо хуже, чѣмъ положеніе ея сестеръ въ Египтѣ и Бенгаліи.

Въ одной краткой главѣ, имѣющей только двѣнадцать страницъ, Блэкстонъ собралъ въ своихъ Комментаріяхъ все, что могъ найти въ нашихъ книгахъ о законныхъ отношеніяхъ между англійскимъ мужемъ и женой. Въ Хидайѣ (Арабскіе Комментаріи) главы, заключающія въ себѣ законы, опредѣляющіе отношенія между мусульманскимъ мужемъ и мусульманской женой, могутъ занять цѣлый томъ. Ново-Англійскій адвокатъ равенства правъ обоихъ половъ опредѣлилъ бы нашъ англійскій кодексъ, а слѣдовательно и американскій, какъ собраніе законовъ, превращающихъ свободную женщину въ невольницу, посредствомъ гражданскаго контракта и духовнаго обряда. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ея положеніе хуже, чѣмъ невольницы, ибо брачнымъ актомъ уничтожаются всѣ тѣ права, которыя женщина получила по рожденію, у ней отнимается имя и собственность, она вся отдается во власть человѣку, который можетъ и пропить ея состояніе, и разбить въ дребезги ея несчастное сердце. Насколько это опредѣленіе Ново-Англійскаго адвоката было бы несправедливо? Кто можетъ сомнѣваться, что подобныя дѣла совершаются въ каждомъ городѣ? Намъ

нечего ходить за примѣрами въ суды о разводахъ; эти примѣры встрѣчаются на улицахъ, на каждомъ шагу; громко вопіютъ почти изъ каждаго дома. Наши законы отдаютъ жену всецѣло въ руки мужа, такъ что женщина, подходящая къ алтарю, юная, прелестная, богатая, полная вѣры и любви, можетъ быть вынуждена самымъ жестокимъ обращеніемъ, отъ котораго законъ не можетъ ее защитить, вынуждена покинуть семейный очагъ послѣ многихъ лѣтъ страданія, нищая, озлобленная, больная. Одно средство, и только одно, можетъ спасти ее отъ грозящихъ ей опасностей — это законное обезпеченіе за собою части своего имущества, прежде вступленія въ роковой бракъ.

Ничто подобное не можетъ случиться съ молодой любящей дѣвушкой, въ Турціи, Персіи и Магометанской Индіи. Въ Мусульманской странѣ всѣ права, которыя богатая или бѣдная женщина получаетъ при своемъ рожденіи, остаются при ней какъ священная собственность до самой ея смерти. Никто не можетъ отнять у нея этихъ правъ. Перейдя изъ дома своего отца въ домъ своего мужа, она все-же остается гражданиномъ, собственникомъ, человѣкомъ. Она можетъ преслѣдовать своихъ должниковъ и тягаться въ судѣ. Всѣ права, которыя принадлежатъ ей, какъ женщинѣ и женѣ, обезпечиваются не скоропроходящей, мимолетной любезностью, но статьями закона. Мусульманскій бракъ—актъ гражданскій, не требующій ни муллы, ни духовныхъ обрядовъ. Совершенный передъ судьею бракъ можетъ быть расторгнутъ передъ судьею. Но восточный брачный контрактъ гораздо логичнѣе западнаго въ томъ, что онъ не даетъ мужу никакихъ правъ надъ личностью жены внѣ правъ опредѣленныхъ закономъ, и не даетъ рѣшительно никакихъ правъ надъ ея землями и собственностью. Персидская или Турецкая невѣста, выйдя замужъ за человѣка своего класса и вѣры, сохраняетъ въ своемъ новомъ домѣ свое отдѣльное положеніе, какъ дочь отца. Ново-Англійская невѣста, выйдя за человѣка ея класса и вѣры, исчезаетъ, поглощается въ своемъ мужѣ. Турецкая жена— существо независимое и отвѣтственное, знающее, что добро и что зло и имѣющее возможность покупать и продавать собственность, точно также какъ и въ свои дѣвичьи годы. То, что принадлежитъ ей, не принадлежитъ ея мужу. Она можетъ требовать деньги со своихъ должниковъ, получать пенсіонъ, подписывать обязательства,

исполнять контракты. Въ сравненіи со своей азіатской сестрой, какимъ безпомощнымъ созданіемъ является американская женщина!

Поэтому первый урокъ, который мы извлекаемъ изъ изученія *Сравнительной Анатоміи Семейной Жизни*, состоитъ въ томъ, что статьи закона могутъ справедливо примѣняться даже въ тайникахъ супружеской любви. Подобные законы существуютъ въ Азіи, въ Каирѣ, Багдадѣ, Дели, въ сотнѣ городовъ востока. Наши собственные судьи должны брать ихъ въ разсчетъ въ Индіи, гдѣ всѣ самые запутанные вопросы семейнаго права, вопросы, касающіеся приданаго, развода, супружеской вѣрности, должны быть разсматриваемы и разрѣшаемы на основаніи принциповъ совершенно невѣдомыхъ въ Вестминстеръ-Голлѣ. Разбирая дѣла между мужемъ и женой въ Индіи, мы должны забыть наши статуты, наши законы, нашъ дикій юридическій языкъ. Магометовы Суры даютъ намъ принципы, а комментаріи Абу-Юзуфа всѣ подробности практическаго мусульманскаго кодекса. Кто же, имѣя передъ собой нашу долгую опытность въ Индіи, осмѣлится сказать, что законъ не можетъ достигать до внутреннихъ тайниковъ семейной жизни? Въ Дели, въ Лукновѣ, въ Мадрасѣ, не говоря о Дамаскѣ, Каирѣ и Іерусалимѣ, законъ проникаетъ до дѣтской, до брачной комнаты. Конечно въ Азіи могутъ быть тайныя тиранства, точно также, какъ въ Америкѣ; жестокое обращеніе сильнаго съ слабымъ можетъ быть дико, какъ дика страсть на востокѣ, утонченна какъ геній восточной расы; но всѣ крайности, до которыхъ можетъ доходить мусульманскій супругъ, не освящены безмолвіемъ закона или положительными его статьями. Если онъ поступаетъ дурно, то онъ сознаетъ это въ глубинѣ своей души и боится наказанія. Когда мусульманинъ повиненъ въ какомъ-нибудь злоупотребленіи противъ правилъ гаремной жизни, какъ бы оно мелочно ни было, онъ знаетъ, что для его жертвы всегда открытъ доступъ къ безпристрастному судьѣ.

Но отчего же замужняя женщина болѣе обезпечена противъ притѣсненій своего мужа въ азіатскомъ городѣ, чѣмъ въ американскомъ? Конечно это не можетъ быть оттого, что азіатскіе города исповѣдуютъ мусульманскую вѣру, а американскіе христіанскую? Ничто въ нашемъ Евангеліи не дѣлаетъ христіанскую жену рабыней, и по нѣжности къ женщинамъ Евангеліе стоитъ гораздо выше

Корана, гораздо выше всякой другой книги. Отчего же законъ во всѣхъ христіанскихъ земляхъ такъ жестокъ для замужней женщины, а законъ мусульманскій кажется намъ такимъ мягкимъ?

Этотъ вопросъ касается самой сущности вещей, и удовлетворительный отвѣтъ на него далъ бы лозунгъ той революціи, которая по словамъ женскихъ политиковъ подготовляется въ американской общественной жизни.

ГЛАВА VIII.

Семейное Право.

Когда американка стремится къ лучшей судьбѣ, чѣмъ та, которая выпадаетъ теперь на долю женщинъ, и, отворачиваясь съ сердцемъ накипѣвшимъ горечью отъ притѣсненій столькихъ вѣковъ, она обращается къ надеждѣ на золотой вѣкъ гдѣ-нибудь въ Виѳлеемѣ, въ Ливанѣ, или на Солёномъ Озерѣ,—мѣста попытокъ новой жизни,—ни одинъ мужчина не скажетъ, что она безпокоится и хлопочетъ изъ пустяковъ. Гдѣ бы она ни искала средствъ къ исцѣленію, на истинномъ или на ложномъ пути,—зло все-же громадное, мрачное; зло распространяющееся на все общество, проходящее по всѣмъ ступенямъ страданій, отъ нѣжныхъ пытокъ будуара, до грубыхъ жестокостей улицы. Даже здѣсь въ Бостонѣ, со всей его ученостью; изысканностью и набожностью, положеніе женщины такое несчастное, что Каролина Долль объявила однажды передъ исключительно женской аудиторіей, что она не можетъ назвать по имени всѣхъ этихъ золъ. Однако американскій законъ молчитъ о страданіяхъ женскаго пола, американскій судья безпомощенъ въ этомъ случаѣ. Какимъ-же образомъ, спрашиваютъ новыя реформаторы, наросло это зло?

Первоначальный вопросъ о томъ, почему женщины въ Персіи, Турціи и Египтѣ пользуются бо́льшимъ обезпеченіемъ въ бракѣ, чѣмъ ихъ сестры въ Нью-Іоркѣ, Бостонѣ, Ричмондѣ и

Новомъ Орлеанѣ, заставилъ бы насъ вспомнить много забытыхъ истинъ, ибо этотъ вопросъ въ свою очередь возбудилъ бы другой: какимъ образомъ мы, христіане, получили наши законы о бракѣ и какимъ образомъ мусульмане получили свои? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не труденъ, ибо факты яркими чертами написаны въ нашей исторіи, въ нашихъ статутахъ. Мы получили наши законы о бракѣ изъ Пандектъ, мусульмане изъ Корана. Въ этомъ различіи происхожденія законовъ лежитъ тайна ихъ различія въ духѣ и формѣ. Наши законы имѣютъ источникъ гражданскій и торговый, ихъ же—нравственный и религіозный.

Тутъ дѣйствительно скрывается корень всего вопроса. Наша жизнь состоитъ изъ двоякаго долга; наша нравственная жизнь основана на Евангеліи, наша семейная на гражданскихъ законахъ. Наша нравственность имѣетъ своимъ основаніемъ христіанство, а наши законы язычество. Такимъ-то образомъ несчастное положеніе женщины въ бракѣ и вообще всѣ несправедливыя отношенія между полами происходятъ, подобно многимъ другимъ горестнымъ явленіямъ общественной жизни, изъ того факта, что мы черпаемъ нашу нравственность изъ одного источника—Евангелія, а законъ изъ другаго—изъ Пандектъ.

Одна изъ горькихъ шутокъ, которыми мы прикрываемъ нашу ложь, гласитъ, что англійскіе и американскіе кодексы основаны на принципахъ нашей вѣры. Посмотримъ насколько это справедливо. Положимъ, что добрый набожный человѣкъ, только что изучавшій Евангеліе возметъ священное писаніе въ руки и пойдетъ въ верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ, положимъ, что онъ тамъ станетъ увѣрять предсѣдательствующаго судью, что нагорная проповѣдь есть дѣйствующій американскій законъ, обязательный для всѣхъ христіанъ. Можете ли вы сомнѣваться въ томъ, что случилось бы съ такимъ справедливымъ и набожнымъ человѣкомъ? Вы очень хорошо знаете, что судья пожалѣлъ бы его, адвокатъ одурачилъ бы его, публика огласила бы залъ хохотомъ, а полицейскіе вывели бы его. Перенесите теперь эту сцену изъ Вашингтонскаго Капитолія къ воротамъ Дамаска. Въ восточномъ городѣ такой человѣкъ могъ бы пойти къ Кадію съ Кораномъ въ рукахъ, твердо увѣренный, что его цитаты изъ священнаго писанія будутъ выслушаны; и если его взгляды благоразумны и спра-

ведливы, то онъ можетъ быть увѣренъ, что судья его послушается. Причины этого явленія ясны. На востокѣ люди не имѣютъ двухъ законовъ, одного для улицы, другаго для воротъ, одного для гарема, другаго для мечети. Ихъ нравственная жизнь и гражданская имѣетъ одинъ источникъ, одну цѣль; они не находятъ противорѣчія между ученіями кадія и муллы. Въ Бостонѣ и Нью-Іоркѣ мы имѣемъ нравственный кодексъ, который только въ двухъ или трехъ пунктахъ приближается къ нашему семейному кодексу. Какое понятіе имѣютъ наши судьи о Христѣ, о Моисеѣ, объ Авраамѣ? Какъ юристы, никакого. Эти великія имена не могутъ быть приведены, какъ авторитеты въ нашихъ актахъ и комментаріяхъ. Судьи, примѣняющіе наши законы, слыхали объ Юстиніанѣ, о цивилистахъ, но неизмѣнныхъ принциповъ нашей вѣры, божественныхъ основъ нашей нравственной жизни они не могутъ, какъ судьи, брать въ соображеніе. Они должны придерживаться буквѣ закона, а этотъ законъ ничто иное, какъ смѣсь Саксонскаго обычнаго права и Римскаго гражданскаго права.

Прямымъ результатомъ того, что наши законы—языческіе, тогда какъ наша нравственность—христіанская, является тотъ фактъ, столь странный и непонятный для восточнаго человѣка, что у насъ практическое примѣненіе добродѣтели считается частнымъ дѣломъ между человѣкомъ и его Творцемъ и не касается ближнихъ, какъ у мусульманъ. Такъ никакой законъ въ Бостонѣ и Нью-Іоркѣ не побуждаетъ человѣка быть почтительнымъ къ родителямъ, милосерднымъ и цѣломудреннымъ. Одинъ изъ тѣхъ остряковъ, которые говорятъ истину подъ личиной шутки и басни, сказалъ, что въ нашемъ обществѣ богатый и не останавливающійся ни передъ чѣмъ грѣшникъ можетъ нарушить всѣ десять заповѣдей, не теряя почетнаго мѣста за обѣдомъ добрыхъ людей и въ будуарѣ красавицы. Если онъ ловокъ на изверотъ, пріятенъ въ манерахъ, щедръ на угощеніе, онъ можетъ быть повиненъ во всѣхъ грѣхахъ, начиная отъ поклоненія ложному Богу до пожеланія жены ближняго. Единственно необходимое для него искусство, это—искусство избѣгать полиціи. Развѣ эта притча не справедлива? Не надо быть циникомъ, чтобы видѣть, что самые великосвѣтскіе, модные люди садятся за столъ день за днемъ, годъ за годомъ, рядомъ съ такими низкими людьми, которыхъ въ мусульманской странѣ давно бы

отправили къ кадію и подвергли палочнымъ ударамъ. Человѣкъ, быть можетъ съ двумя лишь исключеніями, можетъ погрѣшать противъ всѣхъ десяти заповѣдей на нашихъ улицахъ, не боясь подвергнуться аресту. Если онъ не убиваетъ своихъ враговъ и не воруетъ изъ кармановъ своихъ друзей, то онъ безопасенъ. Какой судья на своей скамьѣ подумалъ бы спросить подсудимаго, поклонялся ли онъ ложному Богу, произносилъ ли онъ имя Господне всуе, помнилъ ли день субботній, чтилъ ли отца и мать, не желалъ ли жены ближняго? Конечно ни одинъ, а почему?

Потому, что судья на своей судейской скамьѣ—проповѣдникъ не нашей нравственной системы, а нашего гражданскаго кодекса.

Дѣло въ томъ, что мы, англичане и американцы, едвали еще признали христіанство за основной законъ нашей ежедневной жизни. Мы признаемъ нашу религію въ церкви, и когда мы пропѣли наши псалмы и промолвили наши молитвы, мы возвращаемся въ наши дома, на наши улицы и продолжаемъ жить цѣлую недѣлю подъ сѣнью языческихъ законовъ. Наши суды не имѣютъ никакого права обращать вниманіе на нравственные проступки, если они не вредятъ спокойствію или кошельку ближняго. Отсутствіе чести, добродѣтели и уваженія къ родителямъ ничего не значатъ въ судѣ. Любой негодяй можетъ проклинать въ лице своихъ родителей, нарушать субботу, поклоняться дереву и камню, нимало не боясь подвергнуться за это справедливой карѣ. Тотъ же негодяй можетъ разбить въ дребезги сердце своей жены, пропить состояніе своихъ дѣтей, уничтожить счастье своего друга и все-же онъ останется невредимъ. Нѣкоторыя изъ самыхъ мрачныхъ преступленій въ глазахъ Бога—Бога, волѣ котораго мы повинуемся—считаются нашимъ кодексомъ, за дѣтскія шалости. Любодѣяніе, не считается преступленіемъ. Обольщеніе считается зломъ сдѣланнымъ не самой дѣвушкѣ, несчастной жертвѣ, но тому собственнику, которому принадлежитъ она и ея. трудъ. Прелюбодѣяніе приравнивается къ такому мелкому преступленію, какъ воровство; оно считается скорѣе потерей собственности, чѣмъ потерей чести; и человѣкъ, котораго имя навѣки омрачено низкимъ обольстителемъ, долженъ требовать удовлетворенія въ судѣ не за свою оскорбленную честь, но за потерю услугъ дочери или общества жены. Въ нѣкоторыхъ изъ Соединенныхъ Штатовъ немного

округлили эту рѣзкую пограничную линію между христіанской нравственностью и гражданскими законами. Въ Нью-Іоркѣ соблазнителя бѣдной дѣвушки можно ввергнуть въ тюрьму; но законодательство до сихъ поръ почти еще не коснулось до другаго едвали не бо́льшаго зла. Онандагскіе реформаторы предлагали замѣнить тюремное заключеніе брачнымъ вѣнцомъ, возвращаясь такимъ образомъ къ Моисеевскому мнѣнію, что актъ обольщенія есть тоже, что брачный актъ; но они не предлагаютъ никакого средства для наказанія еще горшаго преступленія — обольщенія и развращенія замужней женщины. Они и не могутъ найти такого средства, пока находятся подъ сѣнію закона, который считаетъ обольщеніе и прелюбодѣяніе за зло, нанесенное собственности человѣка, а не его нравственной жизни.

Во всѣхъ передовыхъ школахъ американской мысли этотъ предметъ подвергается обсужденію, это зло сознается, средство къ его искорененію отыскивается. На Онеидскомъ Ручьѣ положенъ конецъ прелюбодѣянію совершеннымъ уничтоженіемъ брака. На Ливанской Горѣ сдѣлано тоже—запретомъ всякой любви. На Солёномъ Озерѣ этому злу положена преграда тѣмъ, что за прелюбодѣяніе казнятъ смертью. Но эти частные случаи оставляютъ законъ неизмѣннымъ, и въ суды точно также какъ въ законодательныя собранія Соединенныхъ Штатовъ подаются постоянно прошенія о замѣненіи существующихъ законовъ болѣе правильными и возвышенными. Отыщутъ ли люди когда-нибудь такія новыя правила, покуда будутъ склоняться въ пользу кодекса Юстиніана болѣе, чѣмъ въ пользу слова Божія?

Въ мусульманской странѣ слово Пророка—законъ, каждое его слово повелѣніе, каждая сура—Юстиніановскій Институтъ. Такъ какъ цѣль Пророка была, согласно съ его понятіями, распространить въ народѣ нетолько общественный миръ, но святое житіе, то его ученіе руководитъ каждымъ дѣйствіемъ вѣрующаго, какъ въ мечети, такъ и въ гаремѣ и на базарѣ. Напротивъ, слова Спасителя пріобрѣли въ нашемъ западномъ обществѣ только силу нравственныхъ догматовъ, которые каждый человѣкъ можетъ по своей волѣ или принять или не принять.

Кромѣ всего этого наши языческіе законы какъ-бы созданы для однихъ улицъ. Мы говоримъ, что нашъ домъ—нашъ замокъ;

оно такъ иногда и бываетъ въ самомъ широкомъ и преступномъ значеніи этого слова. Никакой приказъ судьи не можетъ туда проникнуть. Законъ останавливается на порогѣ; и сама корона во всемъ величіи своего общественнаго значенія можетъ разломать дверь частнаго жилища только послѣ необходимыхъ торжественныхъ обрядовъ и то когда преслѣдуется какое-нибудь страшное преступленіе. Въ мусульманскомъ гаремѣ вы не найдете ничего схожаго съ подобной феодальной замкнутостью. Всѣ комнаты дома открыты для Корана; каждое дѣйствіе хозяина дома должно быть согласно съ правилами, и жена каждаго человѣка, его сынъ, его рабъ могутъ цитировать Коранъ противъ него. Въ мусульманской странѣ всякій человѣкъ знаетъ законъ наизусть, ибо Коранъ никогда не можетъ устарѣть и выдти изъ употребленія. Всѣ мусульманскіе юристы должны строго придерживаться буквѣ закона, который они могутъ объяснять въ очень ограниченной степени; каждый кадій въ минуту сомнѣнія можетъ прибѣгнуть къ оригиналу. Основаніе общественной справедливости у нихъ одно и то же во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Въ такихъ государствахъ какъ Англія и Америка мы не имѣемъ безспорнаго, божественнаго кодекса, который давалъ бы отвѣты на всевозможные вопросы и разрѣшалъ бы всевозможныя задачи. Когда въ нашихъ судахъ является дѣло, которое поидимоому не разрѣшается никакимъ прямымъ закономъ, то куда обращается судья для руководства? Къ Евангелію? Къ Посланіямъ Св. Павла? Нѣтъ, ему и въ голову не приходитъ ничего подобнаго. Евангеліе не составляетъ части нашихъ юридическихъ источниковъ. Если мы учимъ десять заповѣдей въ школахъ и проповѣдуемъ о нихъ въ церквахъ, то никогда не примѣняемъ ихъ въ нашихъ судахъ. Какъ бы гордясь нашимъ языческимъ кодексомъ, благодаря которому наши поступки такъ рѣзко отличаются отъ нашей вѣры, мы хвалимся этою свободою отъ всякаго ограниченія, и только въ крайнихъ случаяхъ признаемъ существованіе болѣе возвышеннаго закона.

Одинъ изъ достовѣрныхъ фактовъ нашей современной жизни— что положеніе женщины въ семействѣ, въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, зависитъ оттого, насколько мы слѣдуемъ Евангельскому закону любви, котораго гражданскіе суды не хотятъ и знать. Кадій не позволяетъ турку отвертываться отъ его Нагорной Проповѣди,

какъ поученія созданнаго лишь для женщинъ, дѣтей и стариковъ Даже въ тайникахъ своего гарема азіятецъ руководствуется нѣкоторыми нравственными и религіозными правилами; тогда какъ американецъ руководствуется въ своей семейной жизни только юридическими и коммерческими правилами, которыя могутъ идти въ разрѣзъ съ всѣми нравственными и религіозными чувствами. Такимъ образомъ восточная женщина, хотя она и живетъ въ полигамическомъ обществѣ, во многихъ отношеніяхъ пользуется гораздо большей свободой, чѣмъ самая образованная барыня въ Нью-Іоркѣ.

Неужели это конечный результатъ всѣхъ нашихъ долгихъ стремленій къ истинной христіанской жизни? Ни одинъ религіозный человѣкъ, ни одна религіозная женщина этого не думаетъ; и въ настоящую минуту тысячи дѣятельныхъ умовъ и нѣжныхъ сердецъ обдумываютъ трудную задачу,—какъ намъ перейти изъ нынѣшняго нашего положенія къ болѣе возвышенному религіозному. Нѣкоторые изъ этихъ искателей лучшаго можетъ быть ходятъ во тьмѣ; можетъ быть они ищутъ свѣта тамъ, гдѣ его нѣтъ, но если они ищутъ новаго истиннаго пути честно и чистосердечно, они заслуживаютъ нашего полнаго уваженія, а ихъ труды—основательнаго изученія.

Первое мѣсто между этими искателями свѣта занимаютъ Братья Ливанской Горы, въ Нью-Іоркскомъ Штатѣ.

ГЛАВА IX.

Ливанская Гора.

На солнечномъ скатѣ горы въ трехъ миляхъ къ югу отъ Ново-Ливанскихъ Источниковъ (извѣстныя *воды* близъ верховьевъ веселой рѣки Гудсона, куда праздношатающіеся изъ Нью-Іорка и Массачузета стекаются въ знойныя недѣли лѣта, гдѣ они слоняются взадъ и впередъ по каштановымъ аллеямъ, любезничаютъ съ да-

мами и пьютъ воду изъ колодца, изъ котораго, по словамъ одного негра, и лошади могутъ пить безо всякаго для себя вреда) расположена группа съ претензіей разукрашенныхъ, но живописныхъ домиковъ; это главный центръ религіозной общины, очень малочисленной, странной по идеѣ и по одеждѣ и существующей до сихъ поръ еще только въ Соединенныхъ Штатахъ.

Это селеніе—Ливанская Гора, главное жилище и центръ безбрачной общины, основанной Анной Ли и извѣстной насмѣшникамъ, какъ забавное, нелѣпое учрежденіе, подъ именемъ общины Шэкеровъ, т. е. *Трясучекъ*. Это названіе Шэкеровъ дано въ видѣ насмѣшки и укоризны, какъ бо́льшая часть названій нашихъ религіозныхъ сектъ; члены этой общины смиренно приняли презрительную кличку и даже втайнѣ гордятся ей. Между собою они извѣстны подъ названіемъ: «*Соединенное Общество Вѣрующихъ во Второе Пришествіе Христа*».

Однажды мнѣ понадобилось розовой воды, и я спросилъ у пріятеля, гдѣ достать самой лучшей. «Вы должны, отвѣчалъ онъ, отправиться въ одинъ изъ магазиновъ, гдѣ продаютъ косметическія издѣлія Шэкеровъ.» Другой разъ на мой вопросъ, гдѣ лучше всего собрать коллекцію американскихъ цвѣтовъ и растеній, мой товарищъ отвѣчалъ: «вы должны поѣхать на Ливанскую Гору, ибо никто ни въ Нью-Іоркѣ, ни въ Массачузетѣ не можетъ сравняться съ Шэкерами въ производствѣ сѣмянъ и растеній.» Мое любопытство было затронуто. Отчего фермеры Ливанской Горы превосходятъ всѣхъ другихъ своихъ соотечественниковъ именно въ этомъ искусствѣ? Конечно, я зналъ, что Ессеи въ древности были большими садоводами и торговцами сѣмянъ, точно также какъ пчеловодами и земледѣльцами; но вѣдь эти еврейскіе отшельники жили въ такое время, когда земледѣліе считалось низкимъ дѣломъ, недостойнымъ занятіемъ для свободнаго человѣка; они предавались полевымъ работамъ не изъ за-выгоды, а въ видѣ упражненія для духа и искуса плоти. Въ окрестностяхъ Ливанской Горы—лѣсистомъ уголкѣ, перерѣзываемомъ свѣтлыми просѣками, полянами и быстрыми журчащими ручейками—никто не думаетъ презирать земледѣліе какъ низкое ремесло, достойное однихъ женщинъ и рабовъ,—напротивъ, всѣ способнѣйшіе люди околодка занимаются земледѣліемъ, и самая громкая слава ожидаетъ того, кто произведетъ на

своихъ поляхъ лучшую и богатѣйшую жатву. «Отчего же, спросилъ я моего пріятеля, тамъ, гдѣ всѣ стремятся получить какъ можно болѣе выгоды изъ земли, одни Шэкеры Ливанской Горы достигаютъ превосходства въ этомъ?» «Полагаю, отвѣчалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, — потому, что они всю душу свою влагаютъ въ это дѣло.»

Эти слова о томъ, что Шэкеры всею душою занимаются обработкой земли, могутъ служить ключемъ къ раскрытію почти всѣхъ тайнъ Ливанской Горы. Взбираясь по зеленому, горному скату отъ хорошенькаго Ново-Ливанскаго домика, вы видите по чистымъ дорогамъ, зеленымъ лугамъ, подстриженнымъ изгородямъ и всего болѣе по свѣжимъ, скромнымъ лицамъ встрѣчающихся мужчинъ и женщинъ, по странному, грустному блеску ихъ любящихъ глазъ,— вы видите, какъ много сдѣлано въ нѣсколько короткихъ лѣтъ для обращенія этого уголка Нью-Іоркскаго штата, изъ непроходимаго лѣса, жилища Ирокезовъ, въ нѣчто походящее на земной рай. Старая, грубая природа виднѣется рядомъ во всемъ своемъ дикомъ величіи. Окружающія высоты покрыты своими первобытными лѣсами, хотя дубы и каштаны уже заживаютъ второй свой вѣкъ. Тутъ и тамъ высятся обнаженныя скалы, тутъ и тамъ виднѣются громадные камни. Большія пространства земли еще до сихъ поръ не обработаны. Всѣ тропы и тропинки открыты для каждаго, и любой охотникъ можетъ тутъ стрѣлять дичь такъ же свободно, какъ на луговыхъ степяхъ Небраски. Но на бо́льшую часть земли человѣкъ наложилъ свою руку, хотя и нѣжно, но твердо; онъ трудился съ любовью, и въ отвѣтъ на его любовь и попеченія природа одѣла землю нарядомъ поразительной красоты. Гдѣ вы найдете такой огородъ какъ тотъ, который разстилается предъ нами налѣво? Гдѣ, кромѣ Англіи, найдете вы такіе лужки, такую бархатистую мураву? Деревья здѣсь зеленѣе, розы пышнѣе, дома опрятнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ Соединенныхъ Штатовъ. Новый-Ливанъ походитъ на Англійскую долину, блестящую обработкой тысячи лѣтъ. Вы видите, что люди, которые обрабатываютъ эти поля, ухаживаютъ за цвѣтами, воздѣлываютъ виноградъ, насаживаютъ яблони, работаютъ съ любовью, и вы узнаете безъ малѣйшаго удивленія, что эти труженики, пашущіе и сѣющіе, въ ихъ странномъ нарядѣ, считаютъ воздѣлываніе земли частью

своихъ религіозныхъ обрядовъ, смотрятъ на землю, какъ на униженную, запятнанную сферу, которую они призваны искупить изъ униженія и возвратить опять Богу.

Теорія, жизнь, идея Ливанской Горы начертаны въ ея зеленыхъ, заросшихъ травою улицахъ. Вонъ то большое каменное строеніе, единственное каменное въ округѣ, гдѣ возвышаются все деревянныя хижины и домики,—житница, самая великолѣпная и самая большая во всей Америкѣ; въ этомъ строеніи, кромѣ самаго хлѣбнаго магазина, находятся еще громадные и отлично устроенные сѣновалы и странной формы навѣсы для скота. Присутствіе этого зданія на возвышенномъ мѣстѣ, при самомъ такъ сказать входѣ въ общину, чрезвычайно знаменательный фактъ. Житница для Шэкера тоже что храмъ для Еврея.

За этимъ зданіемъ въ зеленой аллеѣ возвышается Сѣверный Домъ, жилище старѣйшины Фредерика и старицы Антуанеты (въ свѣтѣ Фредерикъ В. Эвансъ и Мэри Антуанета Дулитль), соначальниковъ этой большой общины Шэкеровъ. Немного ниже ихъ дома, въ саду находится домъ для посѣтителей, въ которомъ я имѣлъ счастье провести съ Фредерикомъ и Антуанетой нѣсколько лѣтнихъ дней. Вокругъ этихъ строеній возвышаются сараи, кладовыя и магазины общины. Потомъ идетъ нескончаемый рядъ садовъ, въ которыхъ Бальтиморская лоза весело вьется по шпалерѣ или по высокимъ жердямъ; наконецъ немного въ сторонѣ отъ дороги возвышается церковь,—правильное, бѣлое, деревянное зданіе, простое и обнаженное, какъ доска, съ крышей наподобіе котла. Въ этомъ обширномъ, съ хорошей вентиляціей зданіи поется и выплясывается богослуженіе Шэкеровъ, къ изумленному удовольствію толпы, часто неприлично смѣющихся зѣвакъ, съѣзжающихся съ Ливанскихъ Водъ. Рядомъ съ церковью стоитъ Церковный Домъ, въ которомъ соначальниками старѣйшина Даніилъ и старица Полли (въ свѣтѣ Даніилъ Кросманъ и Полли Ридъ); его окружаютъ школа и магазинъ, въ которомъ продаютъ разныя бездѣлушки для языческихъ красавицъ. Далѣе въ гору расположены Южный Домъ, Восточный Домъ и другія, въ которыхъ живутъ различныя семейства Шэкеровъ. Старѣйшина Фредерикъ—общественный проповѣдникъ, но во всякомъ семействѣ есть начальникъ мужчина и начальница женщина. Одно изъ такихъ се-

мействъ живетъ въ Ханаанѣ, въ семи миляхъ разстоянія; по ту же сторону горы, въ Массачузетѣ, вы найдете другую общину Шэкеровъ—Ганкокское Поселеніе.

Никакой Голландскій городъ не имѣетъ такого опрятнаго вида, никакая Моравская хижина не поразитъ насъ такой нѣжной тишиной, какъ Ливанская Гора. Улицы необыкновенно тихи, ибо вы не встрѣтите тутъ ни пивной, ни кабака, ни ростовщиковъ, ни полицейскихъ конторъ; изъ дюжины зданій, окружающихъ насъ—мастерскихъ, житницъ, скиніи, конюшенъ, кухонь, школъ и дортуаровъ — ни одно не грязно, ни одно не шумно. Каждое зданіе, для чего бы оно ни назначалось, имѣетъ какъ-бы видъ часовни. Полы вездѣ блестятъ, окна вездѣ вымыты, краска на всемъ сіяетъ. Вездѣ вы видите бѣлый цвѣтъ, вездѣ царитъ счастливая тишина. Ливанская Гора, насколько вы видите глазомъ и слышите ухомъ, кажется вамъ мѣстомъ, гдѣ постоянно воскресенье. Всѣ стѣны зданій внутри и снаружи, словно только-что вчера возведены; съ улицъ несется нѣжное благоуханіе, а занавѣски и шторы на окнахъ поражаютъ васъ своей безукоризненной бѣлизной. Все въ этихъ жилищахъ кажется пропитано запахомъ розы и лавенды.

Сами обитатели этихъ жилищъ вполнѣ согласуются съ внѣшнимъ ихъ видомъ. Эти мечтатели говорятъ нѣжно, держатъ себя строго, имѣютъ добрыя лица; они кажутся людьми, которые нетолько въ мирѣ сами съ собою, но и съ природой и небомъ. Одежда мужчинъ очень странная, нѣчто въ родѣ аравійскаго плаща съ полотнянымъ воротникомъ, внизу длинный хитонъ, застегнутый на горлѣ и ниспадающій до самыхъ ногъ, широкія, но короткія шаравары и соломенная шляпа съ большими полями; но они отличаются серьезнымъ видомъ и достойнымъ обращеніемъ; они также мало сознаютъ свою комичность въ глазахъ чужестранцевъ, какъ англійскій судья на своей скамьѣ или арабскій шейхъ на молитвѣ. Женская одежда состоитъ изъ маленькаго, кисейнаго чепца, бѣлаго платка, накинутаго на плечи, прямого хитона, ниспадающаго до пятъ, бѣлыхъ чулокъ и башмаковъ; но несмотря на этотъ нарядъ, не отличающійся ни блескомъ, ни красотой, всѣ сестры поражаютъ васъ своими нѣжными взглядами, которые тѣшатъ сердце, какъ тихій звонъ сельскихъ колоколовъ.

Лэди у Шэкеровъ.

Проведя нѣсколько дней между ними, видя ихъ за обѣдомъ и за молитвой, за работой и за игрой, близко познакомившись со многими женщинами я пришелъ къ тому убѣжденію, что, еслибъ я былъ пораженъ какимъ-нибудь несчастіемъ или былъ бы опасно боленъ, то, послѣ лицъ моей жены и дѣтей, я ни на кого не смотрѣлъ бы съ такимъ удовольствіемъ, какъ на этихъ добрыхъ сестеръ. Жизнь кажется идетъ на Ливанской Горѣ по какому-то поэтическому ритму. Порядокъ, трезвость, умѣренность и набожность,—вотъ главныя черты Шэкерской жизни, которыя поражаютъ васъ съ перваго взгляда; тутъ царствуетъ райскій миръ и невинность, въ сравненіи съ шумомъ и развратомъ Нью-Іорка. Всѣ тутъ заняты, всѣ спокойны. Вы не услышите ни громкаго голоса, ни брани, ни угрозы, ибо ничего не дѣлается въ Шэкерскомъ селеніи насиліемъ. Каждый тутъ свободенъ. Тѣ, которые вступили въ общину, явились непрошенные; тѣ, которые хотятъ уйдти, могутъ сдѣлать это безъ малѣйшаго препятствія. Здѣсь нѣтъ ни солдатъ, ни полиціи, ни судей; дѣло неслыханное, чтобы кто-нибудь изъ членовъ этой общины подалъ жалобу въ судъ на товарища. Не такъ, какъ на Сирійскомъ Ливанѣ,—тутъ нѣтъ ни Друзовъ, ни Маронитовъ, ни Турокъ; миръ царитъ въ совѣтахъ, въ скиніи, на поляхъ Новаго Ливана. Посмотрите на этихъ веселыхъ дѣтей въ ихъ широкихъ соломенныхъ шляпахъ, посмотрите, какъ они прыгаютъ и кувыркаются на травѣ, послушайте ихъ веселый говоръ, ихъ смѣхъ, наполняющій эти луга и аллеи тѣми сладкими мелодіями, которыми оглашаютъ воздухъ только счастливыя дѣти во время игры. Сердца ихъ очевидно полны радости и мира. Посмотрите на этихъ голубоглазыхъ дѣвочекъ, какія онѣ скромныя, тихенькія, нѣжныя на взглядъ, какъ онѣ опрятно и мило одѣты; если какія-нибудь дѣти похожи на ангеловъ, то конечно эти дѣвочки.

Однако не странно ли, что молодые люди, молодыя дѣвушки живутъ въ этомъ прелестномъ уголкѣ земли, посреди мира и довольства, живутъ безъ единой мысли о любви? Не грустно ли подумать, что эти веселые мальчики и дѣвочки, которые такъ весело играютъ на зеленой муравѣ, никогда не будутъ имѣть своихъ собственныхъ дѣтей, если они останутся въ этой общинѣ?

Братья и сестры въ общинѣ Шэкеровъ монахи и монахини.

Они не имѣютъ ничего общаго съ міромъ; однако несмотря на то, что эту общину часто описывали, какъ нравственное безуміе, какъ религіозную комедію, какъ собраніе нелѣпыхъ обрядовъ, какъ церковь Св. Вита, а не Св. Павла, она имѣетъ все же много привлекательнаго, если хорошо вникнуть въ принципы Шэкерства и въ ихъ примѣненіе. Одно магическое вліяніе, которое эта новая церковь имѣетъ на американскую мысль, достаточная причина, внѣ всякихъ другихъ соображеній, чтобы мы досмотрѣли до конца эту комедію и постарались понять ея идею, ея завязку и развязку.

ГЛАВА X.

Шэкерскій Домъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, которые я провелъ въ гостяхъ у Фредерика и Антуанеты въ Сѣверномъ Домѣ, я имѣлъ полную возможность прослѣдить и оцѣнить всѣ добродѣтели и недостатки Шэкерскаго Братства. Я ѣлъ ихъ пищу, жилъ въ ихъ комнатахъ, ѣздилъ въ ихъ экипажахъ, гулялъ по ихъ садамъ и огородамъ, говорилъ съ ихъ старѣйшинами; по утрамъ я бывалъ съ ними въ полѣ, въ полдень за обѣдомъ, по вечерамъ на ихъ собраніяхъ; я слѣдилъ за ними въ ихъ трудахъ, въ ихъ молитвахъ, въ ихъ забавахъ; однимъ словомъ я жилъ ихъ жизнью и старался понять тотъ духъ, который ихъ одушевляетъ.

Моя комната какъ-то назойливо блестяща, какъ-то строго опрятна; никакая Гарлемская женщина никогда не выскабливала полъ такъ чисто; самое дерево, изъ котораго онъ сдѣланъ, такъ свѣжо и непорочно, какъ будто оно еще находится въ вѣковомъ, дѣвственномъ лѣсу. Въ углу стоитъ кровать, на которой бѣлье бѣло какъ снѣгъ. Столъ съ чернильницей, разрѣзнымъ для бумаги ножемъ, англійской библіей и нѣсколькими томами сочиненій Шэкеровъ, четыре плетеныхъ стула, небольшой коверъ передъ постелью и плеваль-

ница въ углу—довершаютъ меблировку моей комнаты. Въ маленькомъ чуланѣ рядомъ находится такая же кровать, умывальникъ, кувшинъ съ водой и полотенце. Все это помѣщеніе чрезвычайно свѣтло и воздухъ въ немъ отличный. Шэкеры не имѣютъ докторовъ и, смѣясь надъ нашими недугами—головными болями, лихорадками, простудами и т. д. обращаютъ особенное научное вниманіе на вентиляцію. Каждое зданіе на Ливанской Горѣ—ферма, житница, мельница и обыкновенное жилище—снабжено трубами, душниками, поддувалами, заслонками. Каждая лѣстница устроена въ родѣ воронки, всѣ флюгарки на трубахъ въ видѣ вентиляторовъ. Печи особаго устройства нагрѣваютъ зимою комнаты, и такъ ровно, что цѣлыми недѣлями температура поддерживается на одномъ и томъ же градусѣ. Чистый, свѣжій воздухъ вотъ единственное лекарство, къ которому прибѣгаютъ Шэкеры. «Въ теченіе тридцати шести лѣтъ у насъ былъ только одинъ случай лихорадки, говорила мнѣ Антуанета,—и намъ очень стыдно, потому что это было единственно по нашей винѣ.»

Сѣверный домъ, жилище старѣйшины Фредерика, отличается той же чистотою, тѣмъ же блескомъ и порядкомъ, тою же меблировкой, тѣми же самыми предметами въ комнатахъ. Антуанета водила меня вчера по всему дому отъ чердака до фруктоваго подвала; она показала мнѣ кухню, прачешныя, топки, женскія спальни, комнаты общественныхъ собраній. Мой другъ Вилльямъ Гэвудъ (гражданскій инженеръ города Лондона) и его жена были со мною; онъ былъ пораженъ удивленіемъ при видѣ того необыкновеннаго успѣха и той необыкновенной красоты, которыхъ достигли Шэкеры въ искусствѣ вентиляціи, а жена его точно также была очарована чистотой, блескомъ и великолѣпнымъ воздухомъ всѣхъ комнатъ и корридоровъ. Мужчины и женщины имѣютъ отдѣльныя комнаты, хотя ѣдятъ за однимъ столомъ и живутъ подъ однимъ кровомъ. «Какъ вы поступаете съ человѣкомъ, который входитъ въ вашу общину съ женою и дѣтьми, вѣдь это случается?» спросили мы. «О, да! это часто случается, отвѣчала съ улыбкой Антуанета,—но они тотчасъ становятся въ отношеніи другъ къ другу братьями и сестрами и дѣлаются отличными Шэкерами.»—«Но, замѣтила мистриссъ Гэвудъ,—вѣдь они видятся другъ съ другомъ?» «Конечно, отвѣтила Антуанета,—они живутъ въ одной семьѣ, но дѣлаются братомъ и сестрой. Они не перестаютъ быть мужчиной и женщиной; отказы-

ваясь другъ отъ друга, они только перестаютъ быть мужемъ и женой.» Нѣкоторыя женщины живущія подъ кровомъ Фредерика въ Сѣверномъ Домѣ имѣютъ мужей (по мірскимъ понятіямъ), живущихъ близъ нихъ въ сосѣднихъ комнатахъ; но они сочли бы слабостью, быть можетъ грѣхомъ, чувствовать земное удовольствіе въ обществѣ другъ друга. Они живутъ единственно для Бога. Любовь, на которую способны ихъ сердца, если только они способны на такое мірское чувство, должна быть распространена одинаково на всѣхъ святыхъ, безъ всякаго предпочтенія къ достоинству или полу каждаго изъ нихъ.

Всегда ли бываетъ такъ? Сегодня послѣ утренняго завтрака Антуанета пришла въ мою комнату, гдѣ я уже разговаривалъ съ Фредерикомъ и нѣкоторыми другими старѣйшинами; въ отвѣтъ на мои свѣтскіе разспросы она сказала мнѣ въ присутствіи четырехъ или пяти мужчинъ, что она чувствовала къ Фредерику особую любовь, не любовь къ человѣку въ языческомъ смыслѣ, но любовь къ сыну благодати и посланнику Небеснаго Отца. Она сказала мнѣ, что она питала нѣжную любовь ко многимъ исчезнувшимъ изъ плотскихъ глазъ смертнымъ, къ существамъ, которыхъ мы называемъ мертвыми, и что ея духовныя отношенія съ ними были такого же рода, какъ съ Фредерикомъ. Должность, которую Антуанета и Фредерикъ исполняютъ въ семьѣ Шэкеровъ, именно должность ея мужскаго и женскаго начальниковъ, даетъ имъ привиллегію на подобнаго рода близкія отношенія, на бракъ духовный, если можно такъ выразится для опредѣленія того чувства, которое, будучи не отъ мира сего, не имѣетъ и словъ для выраженія.

Женщины обыкновенно спятъ въ особыхъ комнатахъ и попарно; мужчины имѣютъ отдѣльныя комнаты. Кровати женскія устроены такъ, что одна вставляется подъ другую, и такимъ образомъ днемъ спальня не загромождена лишнею мебелью и воздухъ въ ней чище; ничто въ этихъ покояхъ не напоминаетъ, что люди, занимающіе ихъ, стремятся къ аскетической жизни. Всѣ женщины имѣютъ въ своихъ комнатахъ зеркала, хотя иногда имъ съ любовью говорятъ, чтобъ онѣ предостерегали свои сердца отъ злоупотребленія подобной суетой. «Женщины, говоритъ Фредерикъ, съ его добродушнымъ юморомъ,—нуждаются въ томъ, чтобъ ихъ иногда остепеняли.» Туалетъ сестеръ, хотя правила о покроѣ очень

строги, не ограничивается однимъ казеннымъ матеріаломъ, или однимъ цвѣтомъ. Вы видите на одной и той же вѣшалкѣ ситцевое голубое платье, бѣлое кисейное и затрапезное; и даже въ церкви многія изъ этихъ сестеръ являются въ лиловыхъ платьяхъ, которыя къ нимъ очень идутъ. — «Мы даемъ нѣкоторую свободу индивидуальному вкусу, говоритъ Фредерикъ,—мы на опытѣ узнаемъ, что лучше, и когда находимъ это лучшее, въ одеждѣ или въ чемъ бы то ни было, то упорно держимся его.»

Шэкеры обѣдаютъ посреди гробоваго молчанія. Братья и сестры сидятъ въ одной общей комнатѣ за столами, выстроенными въ одну линію и въ нѣсколькихъ футахъ другъ отъ друга. Они ѣдятъ въ шесть часовъ утра, въ полдень и въ шесть часовъ вечера, слѣдуя въ этомъ правилу, которое почти вездѣ принято въ Америкѣ, въ особенности въ западныхъ частяхъ этаго континента отъ Миссисипи до Тихаго океана. Они собираются по звону колокола, входятъ въ столовую длинной вереницей и становятся въ линію, мужчины по одной сторонѣ комнаты, а женщины по другой; потомъ они опускаются на колѣни, произносятъ краткую мысленную молитву и наконецъ принимаются за обѣдъ, служа другъ другу. Во время обѣда не произносится ни одного слова, развѣ кто-нибудь попроситъ сосѣда передать ему кушанье, и то это дѣлается шопотомъ. Никто не болтаетъ, ибо каждый слишкомъ занятъ своимъ собственнымъ дѣломъ. Даже никто не благодаритъ за оказанную услугу, ибо учтивость и любезность считаются совершенно излишними въ семьѣ святыхъ. Старѣйшина Фредерикъ сидитъ въ концѣ, а не во главѣ одного изъ столовъ. Мать Антуанета въ концѣ другаго. Пища, хотя очень хороша въ своемъ родѣ и прекрасно приготовлена, чрезвычайно простая и почти исключительно состоитъ изъ произведеній земли: томатовъ, печеныхъ яблоковъ, персиковъ, картофеля, тыквы, варенаго маиса и т. п. Виноградъ тутъ отличный, напоминающій Виѳлеемскій, а великолѣпныя яйца подаются во всякомъ видѣ, и въ крутую, и въ мѣшечекъ, и въ смятку. Питье ограничивается водой, молокомъ и чаемъ. Въ видѣ десерта подаютъ пироги, кэки, леденцы, сушеные фрукты и сиропы. Что касается до меня, то какъ язычнику и грѣшнику мнѣ давали котлетъ, цыплятъ и домашняго вина. «Хорошая пища и хорошій воздухъ, вотъ наше единственное лекарство,»

говоритъ Фредерикъ. Розовый цвѣтъ лица его послѣдователей, что очень рѣдко встрѣчается въ Соединенныхъ Штатахъ, повидимому подтверждаетъ его слова, что въ подобномъ мѣстѣ другихъ лекарствъ не нужно. Эти люди говорятъ, что они не нуждаются въ горячительныхъ и возбудительныхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгаютъ дурно перевариваюшіе желудки жителей Нью-Іорка для поддержанія аппетита и очищенія крови. Фредерикъ питаетъ жестокую ненависть къ докторамъ. «Не странно ли, говоритъ онъ,—что умные люди міра сего терпятъ цѣлую шайку людей, которые только дожидаются, чтобы вы отъ неосторожности занемогли и тогда отравляютъ васъ своими зельями?» Чѣмъ прикажете ему отвѣчать на это, кромѣ смѣха?

Такъ какъ во время ѣды ничего не говорятъ, то на это совершенно достаточно минутъ двадцати. Еще минута и со стола снимаютъ всѣ кушанья, моютъ тарелки, приборы и стаканы, все ставятъ на свои мѣста и воцаряется снова прежній порядокъ.

Ничто не побуждаетъ человѣка сидѣть долго за стаканомъ плохаго вина, и такъ какъ кромѣ того, никому не позволяется курить въ Сѣверномъ Домѣ, то я, выпивъ чашку чернаго кофе, иду вмѣстѣ съ братьями въ поле.

Осмотрѣвъ съ Фредерикомъ школы, житницы и мастерскія, я узналъ, что владѣнія Шэкеровъ вокругъ Ливанской Горы состоятъ изъ десяти тысячъ акровъ лучшей лѣсистой и низменной земли во всемъ Нью-Іоркскомъ штатѣ. Въ продолженіе долгаго времени Шэкеры покупали земли, какъ только представлялся къ тому удобный случай, но теперь они владѣютъ столькимъ количествомъ земли, сколько могутъ обработать, даже болѣе, чѣмъ они могутъ обработать собственными руками; въ послѣдніе годы, они были принуждены нанимать рабочихъ изъ міра сего, изъ сосѣднихъ деревень. Такъ какъ Шэкеры никогда не сердятся, не ворчатъ, не бываютъ несправедливы (это я слышалъ отъ многихъ ненавидящихъ ихъ принципы и смѣющихся надъ ихъ обрядами), то язычники рабочіе идутъ къ нимъ очень охотно и остаются пока ихъ держатъ. Кузнецы въ кузницѣ на большой дорогѣ, вонъ тотъ мальчикъ, ѣдущій въ телѣгѣ, вонъ тѣ косари убирающіе на лугу сѣно,—все это язычники, пришедшіе на Ливанскую Гору, чтобы жить и учиться. Они отлично обучаются всѣмъ сель-

скимъ работамъ и за это обученіе еще получаютъ деньги. Нигдѣ въ Америкѣ земледѣліе не доведено до такого совершенства какъ здѣсь, и молодой смышленый парень едва ли можетъ провести сезонъ на этихъ поляхъ и фермахъ, чтобы не научиться многому полезному, чтобы не перенять много хорошихъ привычекъ.

Но главные старѣйшины Ливанской Горы признаютъ эту систему смѣшаннаго труда, соединенія изъ своекорыстныхъ цѣлей святыхъ и грѣшниковъ въ одну общину, враждебной ихъ основнымъ принципамъ. Такая система, еслибъ она укоренилась между ими, нарушила бы ихъ первоначальное сознаніе о небесномъ трудѣ; ихъ община естественнымъ путемъ превратилась бы тогда въ феодальное и коммерческое предпріятіе, въ которомъ святые были бы капиталистами и землевладѣльцами, а грѣшники рабочими и невольниками. Не для такой цѣли они отреклись отъ столькаго, не для такой цѣли принесли столько жертвъ. Даже ихъ желаніе сдѣлать добро язычникамъ не можетъ побудить ихъ ко злу; и теперь они уже думаютъ, что не умнѣе ли было бы имъ разстаться со всей излишней землей.

Нечего прибавлять къ этому, что земля, которая побывала нѣсколько лѣтъ въ рукахъ Шэкеровъ, продается по такой цѣнѣ, которая иначе показалась бы чрезмѣрной, неслыханной.

Взбираясь по дорогѣ вверхъ въ гору, изъ хорошенькой Ново-Ливанской Долины, я съ удовольствіемъ замѣчаю красивый рядъ яблонь, окаймляющихъ обѣ стороны дороги, какъ часто встрѣчаешь въ Англіи. Старѣйшина Фредерикъ, самъ англичанинъ по рожденію очень доволенъ когда я заговариваю о родинѣ. «Да, говоритъ онъ,—этотъ зеленый лужекъ и эти фруктовыя деревья уносятъ меня въ мою старую родину.» Американцы высшаго класса и отличающіеся серьезнымъ, мягкимъ характеромъ всегда говорятъ объ Англіи какъ о старой родинѣ. Деревья въ этой аллеѣ посажены съ большимъ искусствомъ и стараніемъ; но я замѣчаю, не безъ нѣкотораго удивленія, что посреди общаго замѣчательнаго порядка одна яблоня нѣсколько выступаетъ изъ линіи. «Чѣмъ удерживаете вы проходящихъ отъ того, чтобы срывать плоды или вредить вашимъ деревьямъ?» Старѣйшина улыбается—если лучъ свѣта, озаряющій его нѣжные голубые глаза, можно назвать улыбкой. «Посмотрите, вонъ на то дерево, сказалъ онъ,—оно немного впе-

реди другихъ; это нашъ часовой; на немъ растутъ отличныя, большія яблоки, поспѣвающія недѣли двѣ ранѣе другихъ. Всякому легко достать эти яблоки, и потому кто хочетъ, тотъ и срываетъ ихъ въ волю, оставляя другія деревья нетронутыми.» Послѣ этого, естественно спрашиваешь себя—правда ли, что дѣти міра сего мудрѣе сыновъ свѣта?

Каждый изъ братьевъ имѣетъ какое-нибудь ремесло; нѣкоторые даже по два, по три и по четыре. Никто не можетъ лѣниться даже подъ предлогомъ умственныхъ занятій и духовныхъ созерцаній. Каждый долженъ принимать участіе въ ежедневныхъ трудахъ общины, все равно въ какой бы то ни было отрасли: въ земледѣліи, садоводствѣ, въ постройкѣ домовъ, въ ковкѣ лошадей или въ окрашиваніи крышъ и т. д.; каждый долженъ работать, какъ бы онъ ни былъ высоко поставленъ въ церкви. Фредерикъ—садовникъ и архитекторъ. Я сегодня ходилъ смотрѣть на плантацію яблонь, которую онъ самъ насадилъ собственноручно, и точно такъ же собственноручно имъ выстроенную житницу; я могу чистосердечно засвидѣтельствовать, что какъ плантація, такъ и житница принадлежатъ къ лучшимъ предметамъ своего рода въ Соединенныхъ Штатахъ. Шэкеры любятъ разнообразіе въ работѣ, ибо это разнообразіе есть источникъ удовольствія, а такого рода удовольствія Небесный Отецъ дозволяетъ своимъ святымъ.

Сестры на Ливанской Горѣ, по обращенію, разговору и одеждѣ настоящія лэди, не исполняютъ никакихъ работъ внѣ дома; нѣкоторыя изъ нихъ занимаются на кухнѣ, другія исполняютъ должность служанокъ (каждая по очереди въ продолженіе мѣсяца), третьи ткутъ, четвертыя сушатъ фрукты, пятыя гонятъ изъ цвѣтовъ различныя воды, шестыя дѣлаютъ вѣера и разныя бездѣлушки изъ дерева. Онѣ приготовляютъ въ большомъ количествѣ кленовый сиропъ, розовую воду, вишневую воду и пересиковую; онѣ шьютъ, поютъ и учатъ дѣтей, послѣднее съ изумительнымъ искусствомъ. Ихъ школа считается лучшей общеобразовательной школой въ Нью-Іоркскомъ Штатѣ.

ГЛАВА XI.

Шэкерскій Союзъ.

Очень поверхностное изученіе дѣла, совершеннаго послѣдователями Анны Ли, убѣдитъ всякаго, что Шэкерство, какъ существующій фактъ общественной и семейной жизни въ Америкѣ (какого бы ни были мнѣнія о его происхожденіи) далеко не безумная выходка, не безсмысленная комедія, которую можно со смѣхомъ посмотрѣть въ воскресенье и потомъ забыть, какъ неимѣющую никакого серьезнаго значенія. Ливанская Гора—центръ системы, которая имѣетъ свой собственный, своеобразный геній, свою твердую организацію, свою особую, совершенно отличную жизнь, систему, которая повидимому въ значительной степени придаетъ форму и руководитъ духовной жизнью Соединенныхъ Штатовъ.

Во многихъ изъ своихъ теорій Шэкеры кажутся послѣдователями Ессеевъ, и въ высшихъ сферахъ чувства они пользуются той же властью, тѣмъ же вліяніемъ, какъ древняя Еврейская община земледѣльцевъ и пчеловодовъ.

Церковь Шэкеровъ основана на слѣдующихъ великихъ идеяхъ, — Царство Небесное настало; Христосъ явился вторично на землю; личное управленіе земли Богомъ возстановлено. За этими главными принципами, какъ необходимое ихъ слѣдствіе, идутъ многіе другіе: — древній законъ уничтоженъ; повелѣніе расти и множиться отмѣнено; грѣхъ Адама искупленъ; единеніе Неба и Земли возстановлено; проклятіе, наложенное на трудъ, снято; земля и все что на ней будетъ искуплено; ангелы и безплотные духи, какъ во время оно, стали друзьями и слугами людей.

Только избранникамъ, конечно, извѣстно, что эти великія перемѣны совершились на землѣ, ибо большинство людей слѣпы, глухи и какъ въ былыя времена не вѣдаютъ Бога въ ту самую минуту, когда Онъ призываетъ ихъ къ единенію съ собою. Немногіе, очень немногіе избраны благостью Божіею; но въ сердцахъ своихъ избранниковъ Онъ царитъ и творитъ свою волю. Приз-

ванные Имъ люди умираютъ для міра и забываютъ въ своемъ новомъ небесномъ бытіи самое существованіе міра, его страстей, борьбы, грѣховъ. Каждый изъ этихъ избранниковъ твердо вѣритъ, что его новое бытіе не есть только перемѣна образа жизни, но совершенно новая жизнь души, въ которой міръ не имѣетъ ни малѣйшаго участія. Рожденіе дѣтей и бракъ для нихъ болѣе не существуетъ; самая смерть—лишь перемѣна одежды, лишь обмѣнъ видимой, тѣлесной оболочки на невидимый, духовный нарядъ Славы Небесной.

Эти основныя идеи руководятъ Шэкеровъ въ ихъ внутренней и внѣшней жизни.

Такимъ образомъ ни одинъ человѣкъ не можетъ быть рожденъ въ ихъ общинѣ и ни одинъ членъ ихъ общины не можетъ жениться. Въ союзѣ, напоминающемъ союзъ Небесный, полы должны жить отдѣльно; любовь должна быть цѣломудренна, въ духѣ и плоти; всякая же любовь мірская, плотская должна быть отвергнута. Большая часть новобранцевъ, стекающихся на Ливанскую Гору — молодые люди и молодыя дѣвушки, въ родѣ тѣхъ, которые въ Испаніи и Италіи идутъ въ монастыри; но когда являются женатые люди, то они должны согласиться жить отдѣльно другъ отъ друга въ цѣломудріи и строгомъ повиновеніи правиламъ общины, должны отказаться отъ всякихъ желаній и фантазій своей прежней жизни. Точно также никакой человѣкъ не можетъ быть увлеченъ свѣтскими хитростями ко вступленію въ общину, ибо всѣмъ избраннымъ строго воспрещается обращать язычниковъ аргументами, обманомъ или насиліемъ. Богъ, говорятъ они, въ свое время и своими путями привлечетъ къ себѣ тѣхъ людей, которыхъ Онъ избралъ. Такъ какъ Шэкерскій союзъ считается Царствіемъ Небеснымъ на землѣ, то, естественно, члены его не имѣютъ обязанности населять его Святыми; сыны благодати могутъ быть призваны въ лоно Божіе только самимъ Богомъ. Человѣкъ долженъ искать Неба; Небо никогда болѣе не будетъ искать человѣка; дни миссіонерскихъ трудовъ прошли безвозвратно. Если община Святыхъ даетъ много каждому изъ ея членовъ, то она и требуетъ отъ него много въ замѣнъ за право вступить въ число ея членовъ. Вступая во врата Ливанской Горы, человѣкъ долженъ принести въ жертву

все, что дорого міру, онъ долженъ принести въ жертву свое богатство, свою славу, свою любовь, ибо что значитъ земля предъ Небомъ, что значитъ человѣкъ предъ лицемъ Бога? Прежде чѣмъ новобранецъ можетъ быть принятъ въ общину, онъ долженъ внести все свое состояніе въ общую казну, онъ долженъ согласиться работать руками для общаго блага, онъ долженъ забыть всѣ мірскія титла и званія, онъ долженъ оставить свой домъ, своихъ родныхъ, своихъ друзей, свои книги; онъ долженъ оторваться отъ жены и дѣтей. Подъ этими условіями, и только подъ этими, можетъ язычникъ вступить въ мирное жилище Шэкеровъ.

Однако тысячи людей вступаютъ въ этотъ союзъ. Ливанская Гора — только одна изъ восьмнадцати Шэкерскихъ общинъ, разбросанныхъ по Соединеннымъ Штатамъ. Кромѣ Новаго Ливана въ Нью-Іоркскомъ Штатѣ есть еще два другихъ Шэкерскихъ поселенія: именно, Ватеръ-Вліетъ въ Графствѣ Ольбани (первая Шэкерская община) и Гровландъ въ Ливингстонскомъ Графствѣ. Въ Массачузетѣ находится четыре Шэкерскихъ селенія: Ганкокъ (родина Люси Райтъ) и Турингамъ въ Бекширскомъ Графствѣ, Гарвардъ и Ширлей въ Мидльсекскомъ Графствѣ, два въ Нью-Гампширѣ: Энфильдъ въ Графтонскомъ Графствѣ и Кентербюри въ Меримакскомъ Графствѣ; два въ Мэнѣ: Альфредъ въ Іоркскомъ Графствѣ и Новый Глостеръ въ Кумберландскомъ; одно селеніе въ Конектикутѣ: Энфильдъ въ Гарфордскомъ Графствѣ (родина Мичама, Шэкерскаго Моисея); четыре селенія въ Огіо: Бѣлая-Вода въ Гамильтонскомъ Графствѣ, Ватеръ-Вліетъ въ Монгомерскомъ, Союзное Селеніе въ Ворренскомъ и Сѣверный Союзъ въ Квіагогскомъ Графствѣ; два въ Кентукѣ: Веселая Гора въ Мерсерскомъ Графствѣ и Южный Союзъ въ Логанскомъ. Несмотря на ихъ трудную, тяжелую жизнь (очень трудную и очень тяжелую съ нашей точки зрѣнія), число Шэкеровъ постоянно увеличивается; по переписи 1860 года ихъ считается 6,000 человѣкъ.

Конечно, если сравнить ихъ съ тридцатью милліонами христіанъ, живущихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то шесть или семь тысячъ безбрачныхъ Шэкеровъ покажутся незначительными; и это было бы совершенно справедливо, еслибы могущество нравственныхъ и духовныхъ силъ выражалось въ цифрахъ, подобно стаду быковъ или грудѣ кирпичей. Если число и значитъ много,

то оно еще не значитъ всего. Одинъ умный человѣкъ можетъ стоить цѣлаго парламента, цѣлаго войска, цѣлаго народа, не имѣющаго толковой мысли. Шэкеры пожалуй неученые, не геніальные люди; по наружности они часто очень простоваты, но они люди съ идеями, люди способные на всяческія жертвы. Не такъ, какъ вся масса человѣчества, живущая лишь для денегъ, Шэкеры витаютъ высоко надъ уровнемъ обыкновенныхъ соблазновъ и пороковъ, и съ вышины ихъ искренней добродѣтели они предлагаютъ всѣмъ утомленнымъ и несчастнымъ душамъ миръ и спокойствіе. Никто не можетъ взглянуть въ глубину, въ сердце американскаго общества, чтобы не замѣтить, что эти Шэкерскіе союзы имѣютъ вліяніе надъ людьми болѣе, чѣмъ одно численное. Еслибъ была установлена подушная подать, то они платили бы въ казначейство быть можетъ менѣе, чѣмъ Вторые Пришественники, Отступники, Швенкфельдеры и Евреи; но ихъ вліяніе на теченіе американской мысли несравненно сильнѣе, чѣмъ вліяніе этихъ мелкихъ сектъ. Шэкеры имѣютъ свой особенный геній, свою особенную вѣру, свою особенную организацію; и все это нетолько странно, но завлекательно, все это испробовано въ горнилѣ мученическихъ преслѣдованій; все это враждебно обществу, въ настоящемъ его положеніи. Шэкерское селеніе не только Новая Церковь, но и новая нація. Эти люди, съ которыми я только-что былъ въ полѣ, ничего не знаютъ о Нью-Іоркѣ или о Соединенныхъ Штатахъ. Они не Американцы и не принимаютъ никакого участія въ окружающей ихъ политической и общественной борьбѣ.. Они не подаютъ голоса, они не выбираютъ президента, они не держатъ миттинговъ, они ничего не ожидаютъ отъ Бѣлаго Дома. Право мыслить, говорить, подавать голосъ, передвигаться съ мѣста на мѣста для нихъ пустой звукъ; они живутъ съ ангелами и болѣе въ близкихъ отношеніяхъ, по ихъ собственнымъ словамъ, съ мертвыми, чѣмъ съ живыми. Сестра Мэри, сидѣвшая у меня въ комнатѣ, не болѣе часу тому назадъ, говорила мнѣ, держа руку на Библіи, что она видѣла всю комнату, полную духами, существами столь же видимыми, столь же слышимыми для нея, какъ моя фигура и мой голосъ. Ея безсознательный взглядъ, ея туманное лицо, ея восторженное выраженіе лица испугали бы меня и я подумалъ бы, что она нездорова, еслибы не зналъ, какую она ведетъ ти-

хую, святую жизнь и какіе печетъ вкусные пироги. Фредерикъ питаетъ тѣ же убѣжденія или, если вы лучше желаете, тѣ же иллюзіи. Какое же дѣло такому народу до права голоса, до житейскихъ дрязгъ? Единственное ихъ право — Богъ, единственная свобода—повиновеніе Его волѣ.

Фактъ, что подобное общество можетъ существовать въ Соединенныхъ Штатахъ, служитъ важнымъ знаменіемъ, а то, что эта община увлекаетъ людей, что она дѣлается популярной и благоденствуетъ, растетъ безъ всякаго усилія и побѣждаетъ безъ всякой борьбы, что она привлекаетъ къ себѣ множество чистыхъ и невинныхъ душъ изъ сосѣднихъ городовъ и штатовъ,—это ни болѣе ни менѣе какъ осужденіе нашихъ церквей. Въ такомъ именно смыслѣ и смотрятъ Шэкеры на свою общину.

Итакъ, вступая въ союзъ съ вѣрующими, новобранецъ долженъ отрѣшиться отъ всего міра, долженъ заплатить всѣ свои долги, удовлетворить всѣмъ принятымъ на себя обязательствамъ, нарушить всѣ контракты; уничтожить быть можетъ сдѣланныя завѣщанія; отказаться отъ друзей и родственниковъ — словно онъ дѣйствительно умеръ для нихъ. Высшее призваніе, къ которому назначилъ его Богъ, должно быть принято имъ, какъ доказательство, что его прошедшая, грѣховная жизнь кончилась, что, однимъ словомъ, онъ отрѣшается и отъ плоти и отъ всего міра.

Принятый въ союзъ, онъ болѣе не смотритъ на землю какъ на добычу, но какъ на нѣчто, что надо искупить. Отъ человѣка пала земля, человѣкомъ должна она быть и возвышена. Каждый изъ избранниковъ Небеснаго Отца имѣетъ отрадное право помочь въ этомъ искупленіи, нетолько трудомъ своихъ рукъ и ума, но сочувствіемъ своей души, покрывая землю зеленью, наполняя воздухъ благоуханіемъ, загромождая житницы плодами. Новобранецъ простираетъ руку къ землѣ и воздѣлываетъ ее съ совершенно новымъ для него ощущеніемъ; до сихъ поръ земля была его слугой, теперь она его товарищъ, соединенный съ нимъ небесными узами. Онъ смотритъ на природу глазами любовника, и великія страсти его души, прежде обращавшіяся на деньги, на жену, теперь обращаются на садъ, на поле. Но онъ понимаетъ, что одного труда не достаточно, онъ знаетъ, что работникъ долженъ быть достоинъ своего дѣла, что этотъ фанатизмъ долженъ

быть руководимъ ангельскимъ разумомъ. Согласно Шэкерскимъ теоріямъ земля проклята и омрачена человѣческими страстями и должна быть возвращена къ вѣчной красотѣ человѣческою любовью. Человѣкъ заставляетъ природу или улыбаться, или хмуриться; растенія, которыя вы садите и за которыми вы ухаживаете, принимаютъ ваше подобіе, и если вы хотите имѣть свѣтлый, веселый садъ, то должны сами вести свѣтлую, веселую жизнь. Таковы, по крайней мѣрѣ, понятія Шэкеровъ.

Еслибъ мы, языческіе мои братья, приняли эти мнѣнія за безумныя мечтанія, то вѣдь фактъ существованія Шэкеровъ все-же остался бы, и мы должны были бы объяснить какъ умѣемъ то непонятное явленіе, что Шэкеры извлекаютъ изъ земли любовью болѣе, чѣмъ мы искусствомъ. Этотъ фактъ безспоренъ, онъ не можетъ быть отвергнутъ, сильныя доказательства его находятся въ сотнѣ Бродвейскихъ кладовыхъ и Лондонскихъ магазиновъ. Если мы отвергаемъ, чтобы земля отвѣчала любовью на любовь, то мы обязаны объяснить красоту и плодородіе Ливанской Горы какимъ-нибудь другимъ образомъ.

Сегодня утромъ я провелъ цѣлый часъ съ Фредерикомъ на новой плантаціи и слушалъ съ удивленіемъ его разсказы о томъ, какъ онъ ее насадилъ, слушалъ, какъ-бы сказку Аравійскаго поэта. «Дерево имѣетъ свои нужды и свои желанія, говорилъ мнѣ старѣйшина,—человѣкъ долженъ изучать ихъ, какъ наставникъ долженъ изучать ребенка, чтобъ узнать, какъ лучше воспользоваться его способностями. Если вы любите растеніе и заботитесь о его нуждахъ, то оно хорошо отплатитъ за ваши попеченія. Я не вѣдаю, знаетъ ли васъ дерево; я думаю, что знаетъ, но во всякомъ случаѣ оно чувствуетъ когда вы заботитесь о немъ, какъ ребенокъ, какъ женщина чувствуютъ ваши попеченія о нихъ. Когда мы садили эту плантацію, мы достали лучшіе отпрыски во всемъ околодкѣ. Потомъ мы построили для каждаго изъ нихъ удобное жилище, т. е. вырыли глубокую яму, осушили ее, проложили водосточныя трубы, удобрили какъ слѣдуетъ землю и, помѣстивъ дерево въ приготовленное гнѣздышко, утоптали вокругъ него землю и окружили для большей безопасности желѣзной оградой.»—«Вамъ это стоило огромныхъ трудовъ,» сказалъ я.—«О, братъ Гепфордъ, отвѣчалъ онъ,—ты видишь, что мы любимъ нашъ садъ.»

Такимъ образомъ, когда Шэкеръ берется за обработку земли лишь съ цѣлью украсить ее своимъ трудомъ,—различіе между результатами его работы и работы язычника, ищущаго только своей пользы, должно быть громадно. Язычникъ думаетъ только о томъ, что принесетъ ему земля, Шэкеръ только о томъ, какъ послужить этой землѣ. Одинъ старается получить какъ можно болѣе прибыли, другой сдѣлать какъ можно болѣе добра. Удивительно-ли послѣ того, что безбрачный, одинокій человѣкъ, полагающій всю свою душу въ свое дѣло, любящій землю тою любовью, которою онъ любилъ бы жену или дѣтей, превосходитъ своего лавочника-соперника въ производствѣ плодовъ и цвѣтовъ?

ГЛАВА XII.

Мать Анна.

Изъ разсказовъ старѣйшины Фредерика, который старался всѣми силами сдѣлать для меня понятнымъ сложный и запутанный кодексъ нравственности Шэкеровъ, я узналъ, что эти садоводы и земледѣльцы Ливанской Горы обязаны своимъ искусствомъ, своею трезвостью и своими мягкими нравами, однимъ словомъ всѣми своими добродѣтелями—одной преданности тому ученію, которое имъ дала Анна Ли. Эта Шэкерская Святая извѣстна ея послѣдователямъ подъ славнымъ и священнымъ именемъ Матери.

Шэкеры, какъ совершенно отдѣльный, священный народъ, хвалятся между американскими церквами тѣмъ, что хотя они всецѣло принадлежатъ новому міру по мысли, чувству и дѣятельности, но происходятъ изъ старой родины. Если они призваны жить въ американскомъ раю, то небесный вѣстникъ, призвавшій ихъ къ мирному житію, была пророчица англичанка.

Лѣтъ сто тому назадъ, жила одна бѣдная женщина въ Больтонѣ-на-Болотѣ, угрюмомъ, мрачномъ городкѣ самой обнаженной безплодной части Южнаго Ланкашира; она неожиданно объявила, что получила отъ Неба призваніе ходить по улицамъ своего роднаго города и проповѣдывать истину. Ее звали Дженни; мужъ ея

Джемсъ Вордло, портной, одаренный природнымъ краснорѣчіемъ, сдѣлался ея первымъ послѣдователемъ и истолкователемъ ея ученья. Эти бѣдные люди принадлежали сначала къ Обществу Друзей, въ которомъ они громко свидѣтельствовали противъ присяги, войны и всякихъ формальностей въ поклоненіи Богу. Живя на безплодной, каменистой почвѣ, посреди грубаго народонаселенія, Дженни видѣла вокругъ себя съ самаго дѣтства только лѣнивую, ни о чемъ не заботившуюся церковь, дворянство съ католическими стремленіями и пьяную, фанатическую чернь. Выйдя на улицы и на рынки, Дженни начала проповѣдывать всему народу, что конецъ міра близокъ, что вскорѣ наступитъ Христово Царство, что Его вторичное пришествіе будетъ въ образѣ женскомъ, какъ уже давно было предсказано въ псалмахъ Давида. Дженни никогда не говорила, что она сама женскій Христосъ, но она дѣйствовала такъ, какъ бы вѣрила, что въ ея рукахъ сосредоточивались всѣ силы земныя и небесныя; она принимала именемъ Христа новобранцевъ, исповѣдывала и отпускала грѣхи кающимся и находилась въ постоянномъ общеніи съ невидимыми духами. Ея послѣдователи признавали, что на нее сошелъ Духъ Святой, и все, что она ни говорила, на основаніи слышаннаго отъ невидимыхъ духовъ, принималось ими за голосъ Божій. Но ея царство продолжалось недолго.

Между первыми обращенными этой новой Святой была молодая дѣвушка, по имени Анна, дочь бѣднаго кузнеца, дѣвушка съ большими способностями, хотя она никогда не училась грамотѣ. Родившись въ Тод-Лэнъ, въ Манчестерѣ, въ улицѣ, полной кабаковъ и кузницъ, Анна взросла сначала на хлопчатобумажной фабрикѣ, потомъ въ кухнѣ трактира; дикое созданье отъ самаго своего рожденья, жертва постоянныхъ истеринъ и судорожныхъ припадковъ, она отличалась необузданнымъ характеромъ и неудержимой жаждой властвовать и обращать на себя всеобщее вниманіе. Какъ многія дѣвушки ея класса, она вышла замужъ еще ребенкомъ, за сосѣдняго кузнечнаго ученика, по имени Станли, который былъ еще бѣднѣе ея. Она родила ему четырехъ дѣтей, которыя всѣ умерли въ нѣжныхъ лѣтахъ, и эти потери такъ поразили молодую женщину, что возбудили въ ней какое-то болѣзненное отвращеніе къ супружескимъ обязанностямъ. При-

соединившись къ сектѣ Дженни Вордло, Анна также начала ходить по улицамъ и проповѣдывать истину; она благовѣствовала кузнецамъ и ткачамъ о грядущихъ событіяхъ до тѣхъ поръ, пока прозаичный полицейскій не схватилъ ее и не представилъ судьѣ, который приговорилъ ее къ тюремному заключенію за нарушеніе общественнаго спокойствія. Пока она находилась въ тюрьмѣ, однажды ночью, по ея словамъ, ее освѣтилъ невѣдомый свѣтъ, и Іисусъ Христосъ явился передъ нею и сталъ съ ней едино по плоти и по духу. Дженни Вордло никогда не выражала такихъ великихъ притязаній и потому, когда Анна Ли вышла изъ тюрьмы, то пять или шесть человѣкъ, которымъ она разсказала свою исторію, объявили ее Матерью Новой Церкви, на мѣсто ея настоящей основательницы жены портнаго.

Послѣ этого была всенародно открыта женская церковь въ Манчестерѣ и Больтонѣ; Мать Анна провозглашена той царицей, о которой говорилъ Давидъ, какъ о невѣстѣ Агнца, которую видѣлъ Св. Іоаннъ въ своемъ откровеніи на Патмосѣ. Христосъ снова пришелъ на землю, говорили послѣдователи новой церкви, но онъ пришелъ не съ торжествомъ и могуществомъ, какъ міръ Его ожидалъ, но въ образѣ юной, фабричной работницы, не умѣвшей ни читать, ни писать.

Грубая молодежь ея роднаго города только презрительно смѣялась надъ этой женской церковью, и потому Анна получила второе небесное откровеніе, повелѣвавшее ей отряхнуть съ ногъ пыль Манчестера, собрать всѣхъ овецъ ея скуднаго стада и искать для нихъ и для себя новаго жилища въ Обѣтованной Землѣ. Ангелы и безтѣлесные духи, служившіе ей, обратили ея мысли на Америку, какъ на страну надежды всѣхъ свободныхъ людей, какъ на мѣсто, достойное будущей Церкви Божіей. Пять мужчинъ (Вильямъ Ли, Джемсъ Вайттакеръ, Джонъ и Ричардъ Гокнель, Джемсъ Шефердъ) и двѣ женщины (Мэри Партингтонъ и Нанси Ли) рѣшились связать свою судьбу съ ея судьбою; и хотя шкиперъ корабля, на которомъ они выѣхали изъ Ливерпуля, грозилъ имъ, во время пути, выбросить ихъ всѣхъ въ море за ихъ, по его словамъ, неприличное поведеніе,—Анна со своимъ мужемъ Станли и семью учениками благополучно вышла на берегъ въ Нью-Іоркѣ.

Единственный человѣкъ изъ всего этого немногочисленнаго об-

щества, не питавшій истинной вѣры въ Мать Анну, былъ ея мужъ; но несмотря на то, что онъ не былъ осѣненъ благодатью, она, по достиженіи Обѣтованной Земли, тотчасъ ввела въ силу свое ученіе о плотской воздержности, настаивая на необходимости вести святую жизнь и отречься отъ мужа, какъ Невѣстѣ Агнца. Ея постоянная мысль была та, что она и ея народъ должны вести вѣчную борьбу съ плотью. Чрезъ похоть человѣкъ палъ и былъ изгнанъ изъ рая; воздержаніемъ отъ всякихъ плотскихъ мыслей, онъ могъ надѣяться возвратить себѣ свое небесное отечество. Земная любовь ни въ какомъ видѣ не могла быть терпима въ царствѣ искупителя рода человѣческаго. Люди, призванные благодатью, должны жить какъ живутъ Ангелы, которые не женяться, не посягаютъ. Каждый членъ ея церкви долженъ былъ слѣдовательно отказаться отъ всякихъ стремленій къ земной любви; жены должны были согласиться жить отдѣльно отъ своихъ мужей, мужья отдѣльно отъ своихъ женъ. Они задали себѣ слѣдующій вопросъ: если всѣ люди, рожденные въ мірѣ, рождены для грѣха и смерти, то какъ можетъ святой, искупленный отъ своего паденія, увеличивать и распространять царство грѣха и смерти?

Трудно было Стэнли возражать на этотъ вопросъ, предложенный Матерью Анной; но хотя онъ не могъ привести доводовъ, но чувствовалъ, что съ нимъ, какъ съ женатымъ человѣкомъ, поступили нехорошо. Онъ не былъ мистикомъ, и когда его жена на дѣлѣ примѣнила въ отношеніи его свою теорію самопожертвованной воздержности, то онъ вступилъ въ связь съ другой женщиной въ Нью-Іоркѣ. Мать Анна бросила его, бросила Нью-Іоркъ и поднялась по Гудсонской рѣкѣ до Ольбани, въ то время, маленькаго, пограничнаго городка, у самаго входа въ великую пустыню запада. Даже тамъ ея народъ не могъ ужиться съ міромъ. Они пошли далѣе въ непроходимые лѣса и наконецъ на мѣстѣ, извѣстномъ Краснокожимъ подъ именемъ Нискенны, поселились на зеленой полянѣ, построили деревянные шалаши и положили основаніе городку, нынѣ столь знаменитому *Ватерз Вліэту*, первому Шэкерскому поселенію въ Нью-Іоркскомъ Штатѣ. Въ продолженіе трехъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ эти чужеземные пришельцы жили въ своихъ уединенныхъ шалашахъ, рубили лѣсъ, обработывали землю, ходили за пчелами и за домашней птицей; во все это время они

ждали знамени съ Неба. Они не дѣлали ни малѣйшихъ усилій для обращенія язычниковъ. Они скорѣе бѣжали отъ общества людей, чѣмъ искали его. Они не произносили проповѣдей, не печатали книгъ, не писали писемъ, не благовѣствовали Новаго Евангелія. Трудно представить себѣ мѣста пустыннѣе и дичѣе Нискенны на Гудсонской рѣкѣ, но семь учениковъ Матери Анны, вѣровавшіе въ ея небесное призваніе и поддерживаемые ночными видѣніями, терпѣливо ждали обѣщаннаго наплыва Святыхъ. Наконецъ ихъ вѣра въ обѣщаніе Анны увѣнчалась невѣроятными чудесами. Религіозное движеніе, или какъ въ Америкѣ говорятъ «пробужденіе» (revival), открывшееся въ Ольбани, распространилось быстро въ селеніяхъ Ганкокѣ и Новомъ Ливанѣ, гдѣ общій водоворотъ унесъ съ собою многихъ достаточныхъ грѣшниковъ, между прочими Джозефа Мичама и Люси Райтъ. Джозефъ и Люси, съ нѣкоторыми изъ своихъ сосѣдей, слыша о прибытіи Анны Ли, отправились чрезъ горы въ Нискенны въ качествѣ депутаціи отъ сторонниковъ религіознаго движенія (это было весною 1780 г.); увидавъ образъ ея жизни, услыхавъ ея ученіе мира и узнавъ о видѣніи, явившемся ей въ Манчестерской тюрьмѣ, они увѣровали въ ея догматы, признали ея права и сдѣлались ея первыми учениками на американской почвѣ. Анна усыновила Мичама, какъ своего старшаго сына, и объявила, что онъ послѣ нея получитъ власть отъ Бога привести въ совершенный порядокъ Его царство на землѣ. Результатомъ этого посѣщенія Матери Анны, Джозефомъ и Люси, было основаніе Шэкерскихъ общинъ въ Ганкокѣ и Ливанской Горѣ.

Вскорѣ надъ головой Анны разразились несчастія—постоянная доля всѣхъ пророковъ. Въ то время война за независимость была въ самомъ разгарѣ и народъ пламенно стоялъ за свое дѣло; поэтому неудивительно, что фермеры и дровосѣки Нью-Іорка стали подозрѣвать, что Шэкеры, поднимавшіе голосъ противъ войны какъ дьявольскаго навожденія, были подосланы врагами, были просто шпіоны; знатнѣйшіе граждане Ольбани тогда объявили Аннѣ и ея ученикамъ, что они должны опровергнуть это обвиненіе, принявъ установленную въ Колоніи присягу. Но какъ могли принять они присягу, когда ихъ вѣра запрещала имъ клясться и божиться? Прежде Мичамъ и всѣ мужчины, потомъ Анна и всѣ женщины

были посажены въ тюрьму; но тамъ многіе ихъ посѣщали и они обратили на себя вниманіе всего Нью-Іоркскаго Штата. Вмѣсто того, чтобъ успокоить умы и уничтожить вліяніе Анны, граждане Ольбани вскорѣ нашли, что по ихъ милости слава этой странной пророчицы распространилась по всей колоніи въ Англійскомъ и Американскомъ лагеряхъ. Что могли они сдѣлать съ арестанткой, говорившей, что она женскій Христосъ? Они думали, что она сумасшедшая и что всего лучше было бы переправить ее въ Англію, такъ какъ она была по рожденію англичанка. Съ этой цѣлью ее послали внизъ по рѣкѣ, но планъ этотъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе по причинѣ войны, и на время ее помѣстили изъ видовъ безопасности въ Пугкипсійскую тюрьму; тамъ она находилась въ постоянномъ общеніи съ невидимыми духами и, покинувъ этотъ городъ, оставила въ немъ много слѣдовъ своего вліянія, которое впослѣдствіи проявилось въ образованіи спиритическихъ теорій. Выпущенная на свободу губернаторомъ Клинтономъ, въ декабрѣ 1780 г., Анна вышла изъ тюрьмы знаменитой женщиной; послѣ трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ ею въ Ватеръ-Вліэтѣ, среди своихъ учениковъ и учениць, она предприняла продолжительное странствіе, посѣтила Гарвардъ въ Массачузетѣ и многія другія мѣста въ Ново-Англійскихъ колоніяхъ, увеличивая число своихъ учениковъ и подготовляя матеріалъ для своихъ будущихъ образцовыхъ общинъ. Эти странствія стоили ей много трудовъ и заботъ, хотя конечно онѣ принесли ей громадную пользу во многихъ отношеніяхъ; наконецъ послѣ двадцати осьми-мѣсячнаго путешествія, она возвратилась въ Ватеръ-Вліэтъ на Гудсонскую рѣку, въ сентябрѣ 1783 г., совершенно изнуренная физически, но еще болѣе возвеличенная духомъ. Еще одну зиму и одно лѣто проработала она, но осенью 1784 года она собрала всѣхъ своихъ учениковъ и, обѣщавъ имъ всѣ блага небесныя, благословила ихъ; отдавъ видимые ключи своего царства Джозефу и Люси, какъ своимъ наслѣдникамъ мужскому и женскому въ управленіи церковью Божіею, она покинула сію юдоль плача.

Согласно теоріямъ, теперь исповѣдуемымъ Шэкерскою церковью, Мать Анна не умерла, какъ умираютъ всѣ смертные; она измѣнилась для міра сего, она преобразилась, сдѣлалась невидимой для людей, отъ чрезмѣрнаго блеска своего сіянія. Насколько я слы-

шалъ и читалъ, нѣкоторые изъ послѣдователей Анны были чрезвычайно изумлены ея исчезновеніемъ съ земли, чего они никогда не предчувствовали; они никакъ не могли примирить это исчезновеніе съ исторіей о вторичномъ пришествіи на землю Спасителя, принявшаго въ Манчестерской тюрьмѣ образъ женщины. Ихъ вѣра повидимому сильно поколебалась, но Джозефъ Мичамъ и Люси Райтъ, божественнымъ наитіемъ назначенные царемъ и царицей новаго царства, доказали тотчасъ, что они были достойны своего призванія. Стоя предъ бездыханнымъ трупомъ Анны, они стойко утверждали, что она не умерла. Царица, предсказанная Давидомъ, не могла умереть; Невѣста Агнца, которую Іоаннъ видѣлъ въ откровеніи, не могла снизойти въ могилу. Царица воспріяла свой лучезарный нарядъ, на который очи смертныхъ не могли смотрѣть, Невѣста Агнца удалилась въ тайный брачный покой. Анна ушла на время изъ міра, который не имѣлъ съ ней ничего общаго; но она будетъ жить и царить навѣки среди своихъ истинныхъ дѣтей, дѣтей Воскресенія. Прахъ, лежавшій передъ ними, былъ ничто иное, какъ земной нарядъ, сброшенный съ себя Матерью Анной.

Джозефъ и Люси приказали этотъ прахъ предать землѣ на полѣ, не на кладбищѣ, не въ священномъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ покоиться до дня Воскресенія, но въ простомъ полѣ, гдѣ этотъ прахъ могъ бы скоро разсѣяться и исчечнуть, гдѣ соха земледѣльца смѣшала бы его съ землею, изъ которой онъ произошелъ. Шекеры не ожидаютъ воскресенія мертвыхъ. По ихъ убѣжденіямъ мертвые уже теперь возстали и ежедневно возстаютъ. Быть призваннымъ къ благодати тоже самое, что воскреснуть изъ мертвыхъ къ новой жизни. Фредерикъ и Антуанета вѣрятъ, что они прошли сквозь царство тѣней, что они болѣе не умрутъ, что когда придетъ ихъ минута, они будутъ только отозваны изъ міра, какъ Мать Анна. Они твердо убѣждены, что живутъ теперь въ Церкви Воскресенія.

ГЛАВА XIII.

Церковь Воскресенія.

Когда Джозефъ Мичамъ и Люси Райтъ предали землѣ прахъ Матери Анны, говоря ея народу, что она только покинула свою земную одежду для небеснаго наряда Невѣсты Агнца, то всѣ затрудненія повидимому были побѣждены и вѣра колебавшихся умовъ окрѣпла. Новая теорія была соблазнительна. Анна все-еще жила между ними; во снѣ, въ изступленіи, они могли ее видѣть, могли слышать ея голосъ. Измѣненіе, которому она подверглась, постигнетъ и ихъ-всѣхъ. Какъ утѣшительно было святымъ думать, что смерть только измѣненіе одежды; что душа только умираетъ для плоти, что слава, которой достигаютъ избранные, скрываетъ ихъ отъ міра, но оставляетъ ихъ видимыми для глазъ, слышными для ушей тѣхъ, которые очищены и возвышены благодатью.

Донынѣ ученики матери Анны строго держатся этого догмата о существованіи міра духовъ, невидимаго для насъ, видимаго для нихъ. Въ этомъ отношеніи они сходятся съ спиритами; они даже гордятся тѣмъ, что предсказали появленіе спиритскаго недуга въ американскомъ умѣ. Фредерикъ говорилъ мнѣ (по наитію ангеловъ), что царство этого спиритскаго безумія только еще началось, что оно будетъ свирѣпствовать во всей Европѣ, во всемъ мірѣ, такъ какъ оно теперь свирѣпствуетъ въ Америкѣ; что это явленіе естественное, основанное на фактахъ и представляющее дѣйствительную, хотя и невидимую силу. Нѣкоторые изъ учителей этого новаго ученія, онъ согласенъ, шарлатаны и обманщики, но причина этого кроется въ самомъ мірѣ духовъ, ибо есть злые духи, также какъ и добрые. Не одинъ человѣкъ обманщикъ. Если люди лживы, то развѣ нѣтъ и отца лжи? Когда высшій, другой міръ еще болѣе приблизится къ нашему земному, въ болѣе зрѣлые дни Воскресенія, то добрые и злые духи будутъ имѣть еще бо́льшую силу на землѣ.

Антуанета, которая только-что сидѣла въ моей комнатѣ, утвер-

ждаетъ, что она разговариваетъ съ духами гораздо свободнѣе и откровеннѣе, чѣмъ со мною; несмотря на это, я никогда не замѣчалъ, чтобъ Антуанета была помѣшана на какомъ-нибудь другомъ пунктѣ, напротивъ—она говоритъ очень гладко и толково. Комната, въ которой я теперь пишу, обыкновенно отводимая гостямъ Сѣвернаго Дома, мнѣ кажется совершенно пустой и безмолвной, но для Антуанеты она полна серафимами и херувимами, которые круглый день поютъ и бесѣдуютъ съ нею. По ея словамъ, вокругъ нея витаютъ мать Анна, Люси, Джозефъ и всѣ братья и сестры, исчезнувшіе изъ глазъ смертныхъ. Вамъ стоитъ только минуту послѣдить за Антуанетой, когда она не разговариваетъ съ вами, чтобы понять по ея сосредоточенному лицу, востерженнымъ взорамъ и блуждающимъ глазамъ, что она находится въ присутствіи лицъ, болѣе уважаемыхъ ею, болѣе священныхъ, чѣмъ смертные. Да, она находится въ обществѣ тѣхъ, кого мы язычники называемъ мертвыми; и этой вѣрой въ царство духовъ Братья Ливанской Горы побѣдили смерть и могилу.

Сегодня утромъ, когда Антуанета вошла ко мнѣ, я былъ пораженъ серьезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнымъ выраженіемъ ея лица; она держала въ рукахъ бумагу, словно принесла ее, чтобы мнѣ показать; на мой вопросъ: что это такое, она отвѣчала что это пѣснь, которую она слышала въ эту ночь отъ ангеловъ. Я пробѣжалъ глазами поданную мнѣ бумагу и, видя по ея манерѣ, что она хотѣла дать мнѣ это стихотвореніе на память, я сказалъ: подпишите свое имя, сестра Антуанета, и я сохраню его. Она подписалась на полѣ стихотворенія, которое очевидно доказывало, что или писецъ ошибся, или ангелы не очень тверды въ грамматикѣ и стихосложеніи. Вотъ это стихотвореніе:

Взойдемъ по лѣстницѣ небесной,
Въ чистотѣ поднимаясь,
Въ дѣлахъ любви и милосердія,
Да не скудѣютъ наши души.

На холмикахъ истины безсмертной
Растутъ цвѣты красою вѣчной;
Благоуханіемъ ихъ хочу дышать

И гласу ангельскому вторить—
Столь сладко пѣніе ихъ. *)

Антуанета не сказала прямо, чтобъ этотъ гимнъ былъ сочиненъ серафимами нарочно для меня. Она слишкомъ проста, чтобы пускаться на шутки, и я не могъ оскорбить ее никакими свѣтскими замѣчаніями. Здѣсь кстати сказать, что всѣ гимны, употребляемые Шэкерами въ ихъ богослуженіи, имѣютъ такое же происхожденіе. Ихъ духовная поэзія не отличается большими достоинствами съ нашей точки зрѣнія, хотя въ нѣкоторыхъ изъ гимновъ столько пыла и огня, что стихи могли бы выдти поразительно сильными, еслибъ они были отдѣланы съ бо̀льшимъ искусствомъ. Я рѣдко слыхивалъ болѣе эффектную музыку, въ своемъ родѣ, чѣмъ тотъ маршъ, подъ который четыреста или пятьсотъ Шэкеровъ, мужчинъ и женщинъ, маршируютъ въ церкви Ливанской Горы, напѣвая слѣдующій гимнъ:

Къ свѣтлымъ полямъ Елисейскимъ,
Въ страну духовъ иду я,
Всѣ радости тлѣнныя
На землѣ оставляя.

Паритъ въ высь духъ мой
Въ ту небесную страну,
Гдѣ силою любви и истины
Торжествуютъ святые.

И на мирные берега
Той страны чистой и счастливой
Не доходитъ никогда шумъ волнъ

*) Let us ascend the heavenly scale,
In purity be rising;
In deeds of charity and love
Let not our souls be wanting.

On the immortal hills of truth
Are flowers eternal blooming;
I long to breathe that fragrant air,
To join my voice with angels there,
So sweetly they are singing.

Отъ бурнаго моря времени:
Тамъ ангелы знамя любви высоко поднимаютъ,
И святые надъ смертью и гробомъ побѣду свою возглашаютъ! *)

Если судить по нашимъ мірскимъ понятіямъ, то ангелы гораздо лучшіе музыканты, чѣмъ поэты. Многіе марши Шэкеровъ дѣйствительно очень хороши.

Управленіе этой церковью перешло, какъ мы видѣли, по небесному назначенію къ Джозефу Мичаму, первому усыновленному дѣтищу Матери Анны на американской почвѣ, и къ Люси ея дочери и наслѣдницѣ въ женской сферѣ; ихъ власть, вполнѣ безъ-апелляціонная, стала для нихъ тѣмъ легче, что они имѣли за себя великое обѣщаніе отошедшей отъ міра основательницы ихъ церкви. «Придетъ время, сказала мать Анна, когда церковь приведется въ порядокъ, но это будетъ лишь послѣ моей смерти. Джозефъ Мичамъ, мой первородный сынъ въ Америкѣ, приведетъ церковь въ порядокъ, но я до этого не доживу.» Съ тѣмъ то обѣщаніемъ на устахъ пророчица исчезла изъ глазъ смертныхъ людей.

До тѣхъ поръ, вѣрующіе въ мать Анну, какъ во вторичное воплощеніе Христа, были разбросаны по міру, живя въ немъ плотью, хотя витая далеко отъ него духомъ. Джозефъ и Люси соединили этихъ вѣрующихъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ поселеніяхъ: именно въ Ватеръ-Вліэтѣ и Ливанской Горѣ (въ Нью-Іоркскомъ Штатѣ), въ Гарвардѣ и Ширлеѣ (въ Массачузетѣ), въ Энфильдѣ (въ Конектикутѣ), въ Кентербюри (въ Нью-Гампширѣ), въ Союз-

*) To the bright Elysian fields,
In the Spirit-land I go!
Leaving all inferior joys,
All pleasures below.

For my spirit reaches upward,
To that celestial land,
Where, by the power of truth and love,
The Saints as victors stand.

The murmuring of the waters,
From the troubled sea of time,
Can never reach the peaceful shores
Of that pure, that happy clime,
Where angels the banners of love gently wave,
And where Saints do triumph over death and the grave!

номъ Селеніи и Бѣлой Водѣ (въ Огіо), въ Веселой Горѣ и Южномъ Союзѣ (въ Кентуки). Подъ ихъ управленіемъ написанъ былъ завѣтъ и принятъ всѣми братьями. Божественное управленіе землею было подтверждено; старѣйшины и дьяконы, какъ мужскіе, такъ и женскіе, были назначены; безбрачіе объявлено обязательнымъ и введена общность имуществъ. Когда Джозефъ также исчезъ изъ глазъ смертныхъ въ 1796 г., то онъ завѣщалъ свою власть нераздѣльно Люси, которая тогда сдѣлалась главою Церкви, представительницею Матери Анны, и въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ управляла Шэкерскими общинами съ неограниченною властью женскаго папы. Когда настала и ея минута исчезновенія изъ міра сего, то она назначила себѣ наслѣдника, ибо кто кромѣ избранныхъ имѣетъ право избирать? Но она назначила не Мать, а Старицу; съ того дня титулъ Матери былъ оставленъ, ибо съ тѣхъ поръ не явилось между ними ни одной святой, достойной носить это славное имя. Теперь женской главой Шэкерской церкви Бетси Бэтсъ; ее просто зовутъ: Старица Бетси; она представляетъ Мать Анну, только во плоти, ибо въ духѣ основательница Шэкеровъ вѣчно витаетъ между своими дѣтищами. Главный старѣйшина и наслѣдникъ Джозефа—Даніель Болеръ, котораго можно назвать Шэкерскимъ епископомъ; но я полагаю, что дѣйствительная власть въ Церкви принадлежитъ старѣйшинѣ Фредерику, офиціальному проповѣднику и истолкователю Шэкерскаго ученія. Если Шэкерскимъ общинамъ суждено въ наше время измѣниться подъ напоромъ новаго откровенія, то я думаю, что эта перемѣна произойдетъ чрезъ его посредство. Фредерикъ—человѣкъ съ идеями, а люди съ идеями очень опасны въ обществѣ, которое имѣетъ притязаніе не то, что оно окончательно сформировалось. Болеръ является представителемъ божественныхъ принциповъ, Фредерикъ—представителемъ мірскаго знанія и умѣнія управлять людьми.

Семья въ Сѣверномъ Домѣ заключаетъ въ себѣ два разряда членовъ: 1) Испытующіеся и 2) Принявшіе Завѣтъ. Въ первомъ разрядѣ находятся мужчины и женщины, вступившіе въ общину навремя, чтобы посмотрѣть, какъ имъ понравится эта жизнь и какъ они понравятся братьямъ. Люди, находящіеся на этой первой ступени небеснаго искуса, сохраняютъ свое состояніе и нѣкоторыя связи съ языческимъ міромъ. Люди втораго разряда тѣ,

которые, можно сказать, дали обѣтъ цѣломудрія и навѣки связали свою судьбу съ судьбою братьевъ. Главы церкви, по словамъ Фредерика, имѣютъ очень мало заботъ съ новобранцами, ибо они могутъ когда угодно уйдти взявъ съ собою все, что они принесли. Бѣднякъ, не приносящій ничего, обыкновенно уходя, еще уноситъ съ собою сто долларовъ, данныхъ ему братьями на дорогу. Богатые люди причиняютъ менѣе заботъ, ибо они обыкновенно люди образованные, искренные. Одна изъ моихъ пріятельницъ въ общинѣ сестра Дженни, явилась въ общину еще ребенкомъ, со своимъ отцомъ Абелемъ Найтомъ, однимъ изъ первыхъ гражданъ Филадельфіи. Она очень молода, хороша собою, образована и богата; но она отреклась отъ міра и отъ его утѣхъ; и несмотря на то, если я видѣлъ когда-нибудь веселую, счастливую молодую дѣвушку, то это сестра Дженни.

Что касается до ихъ мнѣнія объ обязанности вести безбрачную, цѣломудренную жизнь, то, по словамъ старѣйшины Фредерика, свѣтъ въ этомъ отношеніи сильно заблуждается. Шэкеры вовсе не утверждаютъ, чтобы безбрачная жизнь была обязанностью вездѣ, въ каждомъ обществѣ и во всякое время; они знаютъ, что еслибы правило такого совершеннаго отреченія было всѣми принято, то міръ обезлюдѣлъ бы черезъ сто лѣтъ; но они говорятъ, что бракъ есть соблазнъ для многихъ, подобно вину, и потому они полагаютъ, что для служителей неба, какими они себя считаютъ, подобный соблазнъ не можетъ быть допущенъ.

Это притязаніе на особое священно-служительское званіе, на особую общину Святыхъ, призванныхъ для служенія Богу и для искупленія міра отъ грѣха, служитъ основаніемъ всѣхъ ихъ теорій и учрежденій. Для этой цѣли они, пройдя чрезъ смерть и воскресеніе, живутъ теперь жизнью благодати. Для этой цѣли они приняли правило абсолютнаго подчиненія своей воли волѣ Божіей. «Мы признаемъ, говоритъ Фредерикъ,—двѣ церкви въ мірѣ: Церковь Производительную и Церковь Воскресенія.» Они считаютъ себя членами Церкви Воскресенія и потому имъ не дозволена любовь, ведущая къ браку. Мы язычники принадлежимъ къ Церкви Производительной, и потому любовь, ведущая къ браку, намъ навремя дозволена. «Производительность, говоритъ Фредерикъ,—великій врагъ

искупленія, и мы отрекаемся отъ того, что называется человѣческой природой, въ видѣ жертвы за міръ.»

— Тогъ вы хотите сказать, что вы жертвуете собой для искупленія міра? спросилъ я.

Онъ съ минуту помолчалъ, его голубые глаза закрылись и, когда онъ ихъ снова открылъ медленно, какъ-бы просыпаясь отъ сна, онъ улыбнулся.

— Церковь Воскресенія—отвѣчалъ онъ—учрежденіе духовное, цѣломудренное: въ ней нѣтъ браковъ, но только любовь и миръ.

Въ обычаяхъ, точно также, какъ въ нравственныхъ чувствахъ, Шэкеры слѣдуютъ примѣру древнихъ Ессеевъ. Они не пьютъ вина, не ѣдятъ свинины. Они живутъ въ полѣ и избѣгаютъ городовъ. Они отличаются трезвостью, смиреніемъ, осторожностью. Они не принимаютъ никакой присяги, осуждаютъ всѣ законы, избѣгаютъ всякой распри и отвергаютъ войну. Они увѣряютъ, что находятся въ постоянномъ общеніи съ мертвыми. Они вѣрятъ въ ангеловъ и духовъ, не какъ въ богословскій догматъ, а какъ въ практическій, человѣческій фактъ.

Одно обстоятельство даетъ Шэкерской церкви гораздо большее вліяніе въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ какимъ пользуются ея соперники, (Тункеры, Моравскіе Братья, Меноніты, Швенкфельдеры), именно то, что она чрезвычайно предана дѣлу образованія. Каждое Шэкерское селеніе — школа, центръ, изъ котораго идеи распространяются вправо и влѣво, во всѣ отдаленнѣйшіе углы земли. Люди, которые только смѣялись бы надъ притязаніями Матери Анны, едва ли могутъ удержаться, чтобы не быть тронутыми, чтобы не быть увлеченными слѣдующими поразительными открытіями Шэкеровъ:

Американская церковь—церковь будущаго.

Древній законъ уничтоженъ; новый завѣтъ начался.

Единеніе между небомъ и землею возстановлено.

Богъ—царь и управитель земли.

Грѣхъ Адама искупленъ, и человѣкъ отвѣчаетъ только за свои собственныя прегрѣшенія.

Каждое человѣческое созданіе будетъ спасено.

Земля есть небо, нынѣ омраченное и запятнанное, но готовое воз-

сіять своимъ первобытнымъ блескомъ, благодаря любви и труду людей.

Эти догматы, выражающіе духъ Шэкерства, насколько оно имѣетъ притязаніе быть общественной и политической силой, борящейся съ принципами и практикой республики,—въ состояніи увлечь многихъ людей, которые отвернулись бы отъ безбрачной жизни, женщинъ-священниковъ и общности имуществъ. Эти принципы, выраженные съ бо́льшею или меньшею ясностью, лежатъ въ основаніи всѣхъ новыхъ американскихъ церквей.

ГЛАВА XIV.

Духовные Циклы.

Но какимъ образомъ,—спрашиваемъ мы, какъ только оставляемъ за собою Ливанскую Гору и смотримъ на всѣ ея чудеса съ чисто свѣтской точки зрѣнія,—какимъ образомъ вербуются члены этихъ восьминадцати Шэкерскихъ общинъ? Въ Римѣ, въ Севильѣ монастыри могутъ пополняться изъ свѣтскаго общества, въ которомъ законы размноженія человѣческаго рода поддерживаются во всей своей силѣ; но въ Энфильдѣ, на Ливанской Горѣ, въ Гровландѣ нѣтъ никакого свѣтскаго общества Шэкеровъ, внѣ церкви, изъ рядовъ котораго можно было бы пополнять убыль Святыхъ. Такъ какъ церковь Шэкеровъ безбрачна, то убыль въ ней отъ смерти—опредѣленная; столько-то въ годъ, цѣлое поколѣніе въ тридцать лѣтъ. Вербовка новобранцевъ должна быть постоянно производима, подъ опасеніемъ иначе совершеннаго уничтоженія церкви; но какъ найти въ средѣ дѣятельнаго міра, въ благоденствующемъ обществѣ людей, желающихъ промѣнять свою веселую жизнь на жизнь труда, цѣломудрія, заточенія и повиновенія? Въ Италіи и Испаніи очень трудно убѣждать молодыхъ людей отказаться отъ любви даже въ пользу лѣнивой, праздной жизни. Природа могуча, и жизнь безъ любви кажется многимъ изъ насъ нестоющей гроша. Одна великая вѣтвь Христіанской Церкви, Римско-Католическая, приняла своимъ принципомъ безбрачіе

и, предписавъ ее для духовенства всѣхъ степеней, старается побудить къ этой жизни даже и свѣтскихъ людей; но успѣхъ ея въ этомъ отношеніи едвали равнялся ея усиліямъ, и ни въ одной странѣ Европы, даже въ Сициліи и Андалузіи, она не находила добровольныхъ адептовъ своего ученія, исключая тѣхъ случаевъ, когда церковь похищала изъ міра людей въ самомъ раннемъ возрастѣ и окружала ихъ съ младенчества своими могущественнѣйшими чарами. Греческая, Армянская, Лютеранская и Англиканская церкви перестали бороться съ природой, хотя всѣ онѣ склонны, быть можетъ, къ тому, чтобы видѣть нѣкоторое достоинство въ дѣвственности, склонны къ тому, чтобы часть ихъ духовенства вела безбрачную жизнь. Во всѣхъ этихъ церквахъ есть нѣкоторое равновѣсіе между тѣмъ, что получаетъ и чего лишается исповѣдующій ея ученіе. Положеніе священника очень высоко въ глазахъ остальныхъ людей. Обязанность, исполнять которую онъ призванъ, считается благородной и славной; она даетъ почести и власть; она даетъ право быть освобожденнымъ отъ всякаго труда, находиться подъ покровительствомъ всего общества, пользоваться гостепріимствомъ добрыхъ людей. Шэкера не ожидаетъ ни одна изъ такихъ почестей, ни одно изъ такихъ удовольствій; напротивъ, въ вознагражденіе за свой обѣтъ цѣломудрія, его ожидаютъ только тяжелый трудъ, грубая пища и уродливая одежда.

Мы можемъ еще себѣ представить, что такой миссіонеръ, какъ Каледъ, обращалъ бы людей въ Шэкерскую секту; человѣкъ, который предлагалъ бы вамъ выборъ между Шэкерствомъ и смертью, могъ бы конечно увеличить стадо вѣрныхъ; но вѣдь Шэкеры не имѣютъ въ своихъ рядахъ Каледовъ; они не прибѣгаютъ къ мечу, они даже не дѣйствуютъ на воображеніе людей краснорѣчивымъ словомъ или увлекательной книгой. Гдѣ же они находятъ своихъ новобранцевъ? Развѣ практическій Ново-Англичанинъ жаждетъ отказаться отъ своей свободы и ума въ пользу суевѣрія, тяжелаго труда и строгой дисциплины? Развѣ богатый гражданинъ Нью-Іорка склоненъ къ тому, чтобы промѣнять свой роскошный домъ, свой великолѣпный экипажъ въ пользу грубой одежды и тѣсной кельи? Развѣ ловкій Кентукецъ готовъ отречься отъ своего званія, отъ своихъ честолюбивыхъ стремленій ради жизни полной труда, лишеній и заботъ?

—«Нѣтъ, въ обыкновенное время никто не согласенъ,—говорилъ мнѣ Фредерикъ, въ одинъ изъ прощальныхъ нашихъ разговоровъ,—но въ минуту избранную Богомъ каждый изъ нихъ захочетъ и долженъ захотѣть вступить въ нашу церковь; тогда человѣкъ, озаренный небеснымъ свѣтомъ, приходитъ въ восторженное состояніе и дѣйствуетъ въ духѣ мудрости, превосходящей всякую человѣческую. Новые вѣрующіе призываются свыше по большей части во время нашихъ религіозныхъ движеній, во время нашихъ духовныхъ цикловъ.»

Въ обыкновенные дни, когда времена года мирно смѣняются другъ за другомъ, когда въ воздухѣ тишина, а въ умахъ людей спокойствіе, богатый Нью-Іоркецъ или ловкій Кентукецъ никогда не подумалъ бы вступить въ союзъ Шэкеровъ,—это было бы тоже самое, что отправиться жить въ индѣйскій вигвамъ или негрскій шалашъ. Но во дни духовнаго гнѣва, когда небесные фіалы разверсты надъ землею, когда грѣшники мечутся внѣ себя отъ страха, когда ученые молчатъ и церкви міра сего нѣмѣютъ—въ тѣ дни само небо выступаетъ впередъ, дѣйствуетъ чрезъ свои невидимыя силы и привлекаетъ къ себѣ людей богатыхъ, смѣлыхъ, свѣтскихъ такъ же легко, какъ малыхъ дѣтей. Въ рукахъ Божіихъ мы ничто иное, какъ глина горшечная. Подъ Его взглядомъ самая могучая воля преклоняется, самая гордая душа сдается. Посреди такихъ-то нравственныхъ и духовныхъ движеній возникли и окрѣпли всѣ новыя религіи, всѣ новыя общины Америки, нетолько бѣдные Тункеры, воинственные Мормоны и безбрачные Шэкеры, но и могущественные Методисты, благоденствующіе Баптисты, строгіе Пресвитерьяне и пламенные Универсалисты. Епископальная и Римская церкви одни стоятъ въ сторонѣ; образованный и утонченный умъ этихъ старшихъ вѣтвей христіанскаго общества исповѣдуетъ, что ученіе Христа и Его избранныхъ апостоловъ было окончательно, что вѣкъ чудесъ прошелъ и что Евангеліе совершенно полно. Члены этихъ великихъ охранительныхъ церквей могутъ не ждать дня особой благодати; они могутъ сомнѣваться въ происхожденіи, стремленіяхъ и плодахъ этихъ періодическихъ пробужденій духовной жизни. Они могутъ предпочитать держаться старыхъ путей, чтобы избѣжать новинокъ и эксцентричностей, чтобъ удержать свое стадо отъ излишней востор-

женности и иллюзій. Но ихъ болѣе юные соперники, дѣйствуя, какъ они говорятъ, по наитію апостольскаго, миссіонерскаго духа, пользовались всѣми случаями, чтобы привлечь души вѣрующихъ въ свою церковь. Всѣ новыя секты и общины Америки дѣйствовали, и не безъ успѣха, на этомъ великомъ полѣ духовнаго обращенія; Шэкеры при этомъ отличались не столько дѣятельнымъ, сколько увѣреннымъ въ себѣ духомъ. Другія секты смотрятъ на религіозныя движенія какъ на восторженное состояніе ума, которымъ слѣдуетъ воспользоваться для блага души; Шэкеры смотрятъ на это, какъ на духовный циклъ—конецъ эпохи, рожденіе новой общины. «Только въ пылу религіознаго движенія, говоритъ старѣйшина Фредерикъ,—избранные могутъ быть призваны Богомъ,» т. е., говоря языческимъ языкомъ, привлечены въ Шэкерскую общину. Ливанская Гора и Энфильдъ возникли послѣ такого религіознаго движенія; и Шэкеры прямо объявляютъ, что каждое большое религіозное движеніе, какъ окончаніе духовнаго цикла, должно привести къ образованію новаго Шэкерскаго Союза.

Такимъ образомъ это дикое, чудесное явленіе въ духовной области, которое наши церкви считаютъ за случайность, за иллюзію, неповинующуюся никакому жизненному закону, — въ глазахъ Шэкеровъ есть результатъ особой воли Провидѣнія. Ангелы подготовляютъ и руководятъ этими «пробужденіями». Въ общественной экономіи Шэкеровъ религіозное движеніе имѣетъ поэтому свое опредѣленное мѣсто, свою функцію. Это ихъ время жатвы, когда зерна не посѣянныя ими приносятъ плодъ сторицею. Они разсчитываютъ на эти періодическія эпохи религіозной восторженности, подобно тому, какъ земледѣлецъ разсчитываетъ на весну и на осень; они ожидаютъ увеличенія своей церкви отъ духовныхъ цикловъ, какъ фермеры ожидаютъ сѣна отъ сѣнокоса.

Когда началось послѣднее религіозное движеніе въ Ирландіи въ Ульстерѣ, я случайно былъ въ Дэри и, изучивъ на мѣстѣ эту духовную грозу, свирѣпствовавшую отъ Дэри до Бельфаста, я могу сказать, что исключая обстановки и нѣкоторыхъ обычаевъ, религіозное движеніе въ Ульстерѣ почти то же самое, что духовный циклъ въ Огіо и Индіанѣ.

Въ Америкѣ религіозныя страсти зарождаются, какъ горячки

въ самыхъ жаркихъ и дикихъ мѣстахъ, обыкновенно на границахъ образованныхъ штатовъ, между членами какой-нибудь крайней секты, между Рантерами, Тункерами, Семидневными Баптистами и Методистами.

Методизмъ, величайшая религія Америки, если считать церковь по числу вѣрующихъ, былъ также плодъ подобнаго религіознаго движенія. Джонъ Веслей сдѣлалъ попытку въ Америкѣ, но не имѣлъ успѣха; Витфильдъ послѣдовалъ за нимъ и имѣлъ успѣхъ, ибо время тогда болѣе благопріятствовало его труду. Первые проповѣдники прокладывали себѣ дорогу подобно тому, какъ апостолы религіозныхъ движеній, такъ называемые «пробуждатели» (revivalist), поступаютъ теперь; они живутъ бѣдно, ѣдятъ скудно, странствуютъ по всевозможнымъ дикимъ мѣстамъ, спятъ на голой землѣ, окруженные волками и бобрами; они страдаютъ отъ краснокожихъ, отъ низкихъ бѣлыхъ, отъ глупыхъ негровъ; они проникаютъ въ тюрьмы, въ кабаки, въ самыя презрѣнныя трущобы, отыскивая нищету, горе, преступленія. Апостолъ религіознаго движенія—фанатикъ, если вамъ нравится это слово; онъ говоритъ въ пылу страсти; его рѣчь нѣчто судорожное, его краснорѣчіе—душевный крикъ; но пока философы презрительно улыбаются, а судьи съ неудовольствіемъ мотаютъ головами, смуглые рудокопы, дюжіе обитатели лѣсовъ и здоровенные фермеры ощущаютъ на себѣ вліяніе этого краснорѣчія. То дѣло, которое онъ совершаетъ, никто бы другой не совершилъ на его мѣстѣ. Въ луговой степи Тренчъ молчалъ бы, а Станлея не было бы слышно; на опушкѣ вѣковаго лѣса Вильберфорсъ упалъ бы въ обморокъ, а Ноёль умеръ бы не проживя года такою жизнью.

Однако народный «лагерный» митингъ, на чистомъ воздухѣ, подобный тому, какой я видѣлъ дважды на дикихъ равнинахъ Огіо и Индіаны, заслуживаетъ полнаго вниманія по своему глубокому интересу; въ такомъ зрѣлищѣ есть много трогательнаго и юмористическаго, много такого, что вызоветъ улыбку и слезы. Представьте себѣ тихій октябрскій день, пять часовъ пополудни; миріады желтыхъ цвѣтовъ и красноватый мохъ усѣваютъ зеленую муравy; дубы, чинары и клены покрыты красноватой и зеленобурой листвой. Между дуплами и корнями старыхъ деревьевъ, посреди жужжащихъ насѣкомыхъ и щебечущихъ птицъ возвышается множество

шалашей и палатокъ, которые несмотря на свой странный видъ имѣютъ въ себѣ что-то напоминающее домашній очагъ; ибо, хотя этотъ лагерь религіозныхъ энтузіастовъ не имѣетъ ничего общаго съ жилищами арабскаго племени, индѣйской націи или какого бы то ни было пастушескаго народа,—въ немъ есть много чертъ, напоминающихъ вашему глазу и уху англійскую ярмарку или ирландскій храмовой праздникъ. Епсомъ, въ день Дербійскихъ скачекъ, совсѣмъ не такъ далекъ отъ лагеря американскихъ энтузіастовъ, какъ можно было бы предположить. Телѣги и фургоны стоятъ отложенные; лошади и волы лежатъ на землѣ или бродятъ отыскивая траву. Въ полдюжинѣ большихъ шалашей мужчины пьютъ, ѣдятъ, молятся. Молодежь занята играми; нѣкоторые лѣниво лежатъ на травѣ, другіе разводятъ огни, третьи стряпаютъ кушанье. Тутъ мальчишки рубятъ деревья, тамъ молодыя дѣвушки идутъ за водою на ручей. Посреди лагеря блѣдный апостолъ «пробужденія», стоя на старомъ пнѣ, громовымъ голосомъ произноситъ пламенную рѣчь къ толпѣ, столь же пламенныхъ какъ онъ, слушателей, большею частью фермеровъ и ихъ женъ. Тутъ виднѣются и нѣсколько негровъ въ ихъ грязныхъ шаляхъ, и нѣсколько краснокожихъ съ перьями на головѣ; вся эта толпа пылаетъ такимъ же религіознымъ огнемъ, какъ самъ ораторъ, вполнѣ раздѣляетъ его ревность и еще болѣе разжигаетъ его пылъ. Его огненныя фразы прерываются восклицаніями и всхлипываньями; его отчаянные жесты сопровождаются дикими криками и стонами. Не останавливаясь, не переводя духа, безъ удержу, продолжаетъ онъ свою рѣчь, забрасываетъ слушателей цѣлымъ потокомъ словъ и восклицаній; окружающіе его мужчины сидятъ блѣдные, неподвижные, съ сжатыми губами, скрестивъ руки на груди и съ отчаяннымъ выраженіемъ лицъ, ясно говорящихъ, что имъ нѣтъ спасенія отъ грѣха; женщины же дико мечутся по лагерю, размахивая руками, громко во всеуслышанье каясь въ своихъ грѣхахъ, и, часто бросаясь на землю съ пѣной у рта, катаются въ истерическихъ судорогахъ; трезвые Индѣйцы, смотрятъ съ презрѣніемъ на эти непонятныя для нихъ продѣлки скво; а Негры отъ времени до времени съ криками и всхлипываньями судорожно взываютъ:—Слава! слава! аллилуія!

Многіе въ лагерѣ заболѣваютъ, многіе умираютъ. Въ этой борьбѣ противъ силы грѣха и боязни смерти, говорятъ, всѣ страсти разнуздываются, и человѣкъ блуждаетъ безъ руководителя, безъ узды. «Я люблю слышать, что гдѣ-нибудь открылось религіозное движеніе, говорилъ мнѣ одинъ адвокатъ въ Индіанополисѣ,— оно всегда ведетъ за собою множество процесовъ.» Въ лагерѣ религіозныхъ энтузіастовъ люди ссорятся, дерутся и ухаживаютъ за женами своихъ ближнихъ. Одинъ Методистскій проповѣдникъ, проведшій двадцать пять лѣтъ, сначала въ Новой Англіи, потомъ въ пограничныхъ штатахъ и наконецъ на поляхъ битвы въ Виргиніи, говорилъ мнѣ: «Религіозная страсть совмѣщаетъ въ себѣ всѣ другія страсти, вы не можете возбудить ее, чтобы не возбудить и остальныхъ. Въ нашей церкви, мы знаемъ зло и должны остерегаться его, какъ умѣемъ. Молодые люди, возбуждающіе религіозныя движенія, служатъ всегда предметомъ подозрѣнія для ихъ старѣйшинъ; многіе, почти одинъ изъ двадцати, кончаютъ дурно; а гораздо большее число подвергаетъ церковь позору своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ въ этихъ лагеряхъ энтузіастовъ.»

Черезъ недѣлю, черезъ мѣсяцъ быть можетъ, пылъ религіозной ревности ослабѣваетъ и мало по малу совершенно исчезаетъ. Начинаются ссоры, ножи выступаютъ на сцену. Циники смѣются, хладнокровные удаляются. Лошадей запрягаютъ, фургоны нагружаются багажемъ и женщинами, кабачники и трактирщики снимаютъ свои палатки и отправляются искать новаго поля дѣйствій. Ссорящіеся или добиваютъ другъ друга до смерти, или исчезаютъ одинъ за другимъ; наконецъ самъ апостолъ религіознаго движенія умолкаетъ отъ жестокаго презрѣнія къ своимъ слушателямъ. Тогда сѣдлается послѣдняя лошадь, закладывается послѣдняя телѣга и вскорѣ не остается никакихъ слѣдовъ отъ шумнаго лагеря, кромѣ нѣсколькихъ срубленныхъ деревьевъ, истоптанной травы и двухъ или трехъ свѣжихъ могилъ.

И это все? Нѣтъ, отвѣтитъ вамъ Шэкеръ. Въ безуміяхъ подобнаго религіознаго движенія онъ видитъ нравственный порядокъ и духовную красоту, невидимые для мірскихъ глазъ. Для него религіозное движеніе есть особый способъ, избранный Богомъ для призванія Его сыновъ въ свое лоно. Безъ религіознаго движенія не можетъ быть и увеличенія Церкви Воскресенія: никакое рели-

гіозное движеніе, по его словамъ, не пропадаетъ даромъ для человѣческаго рода. Всегда нѣсколько душъ унаслѣдуютъ небесный покой.

Фредерикъ говорилъ мнѣ, что всѣ большія религіозныя движенія, волновавшія Америку со времени основанія его церкви, всегда оканчивались возникновеніемъ новой общины послѣдователей матери Анны. Восьмнадцать Шэкерскихъ союзовъ представляютъ восьмнадцать религіозныхъ движеній. По словамъ старѣйшины Фредерика, который слѣдитъ со вниманіемъ и съ сожалѣніемъ за безумными выходками спиритизма въ Америкѣ, близокъ часъ девятнадцатаго религіознаго движенія, отъ котораго онъ ожидаетъ большой пользы для распространенія своей церкви.

ГЛАВА XV.

Спиритизмъ.

Въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ, толпа спиритистовъ держала митингъ въ хорошенькомъ городкѣ Провиденсѣ, въ Родъ-Айландскомъ Штатѣ.

Сторонники спиритизма стеклись сюда со всѣхъ сторонъ, съ востока и съ запада; нѣкоторые изъ нихъ были депутаты отъ различныхъ обществъ и городовъ, слѣдовательно депутаты отъ тысячей спиритистовъ, оставшихся дома; но большею частію это были люди, которые съ презрѣніемъ отвергали всякія правила и самую мысль, что они могли выражать чьи-нибудь идеи, кромѣ своихъ собственныхъ. Восьмнадцать штатовъ и территорій имѣли своихъ уполномоченныхъ представителей, больше половины которыхъ были лэди. Первое собраніе спиритистовъ, достаточно многочисленное, чтобы носить названіе Національнаго Конвента, происходило два года тому назадъ въ Чикаго; второе—годъ тому назадъ въ Филадельфіи; но на эти два собранія, которыя вѣрующіе считали только пробными, депутаты сошлись скорѣе случайно, чѣмъ по выбору. Удобство для членовъ собранія, а не нравственное значеніе,

руководило мѣстомъ съѣзда; но когда въ Чикаго была вотирована программа спиритистовъ, а въ Филадельфіи издано было торжественное воззваніе къ народу — то заговорили и нравственныя соображенія. Третій національный конвентъ спиритистовъ былъ назначенъ въ Провиденсѣ на томъ основаніи, что этотъ городъ пользуется исключительной славой лагеря еретиковъ и реформаторовъ—убѣжище Рожера Вилльямса, пріютъ религіозной терпимости.

Спокойные наблюдатели со стороны, были особенно поражены дикимъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лицъ этой толпы восторженныхъ энтузіастовъ. Ихъ глаза, говорятъ, какъ то неестественно блестѣли, ихъ лица были какъ то неестественно блѣдны. Многіе изъ нихъ накладывали другъ на друга руки. Почти всѣ мужчины имѣли длинные волосы, почти всѣ женщины были коротко обстрижены.

Зала Пратта, въ Широкой улицѣ, была нанята конвентомъ; эта зала очень большая, хотя не слишкомъ велика для той толпы смертныхъ и ангеловъ, которые тѣснились въ ней. Да, смертныхъ и ангеловъ, ибо всѣ эти косматые мужи также твердо убѣждены, какъ старица Антуанета, въ томъ, что они видятъ и слышатъ мертвыхъ. Въ Залѣ Пратта ангелы стояли на порогѣ, духи витали по комнатѣ. Всѣ признавали ихъ присутствіе, всѣ увѣрены были въ ихъ сочувствіи, всѣ искали ихъ совѣта. Десятки разъ ораторы обращались не только къ представителямъ во плоти, но и къ небеснымъ посланцамъ, явившимся въ духѣ.

Л. К. Джосленъ, одинъ изъ начальниковъ мѣстныхъ спиритическихъ кружковъ привѣтствовалъ прибытіе гостей въ городъ всеобщаго убѣжища, напирая особенно на то, что всѣ они считались міромъ еретиками и язычниками. «Сегодня, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ смертнымъ слушателямъ, — Спиритисты Соединенныхъ Штатовъ, великіе еретики и въ качествѣ такихъ еретиковъ, привѣтствуютъ васъ спиритисты Провиденса, зная что вы лишь невѣрные въ отношеніи тѣхъ старыхъ ересей, которыя были скорѣе проклятіемъ, чѣмъ благословеніемъ для всего человѣчества.» Эти слова, повидимому, были офиціальныя, точно также, какъ и послѣдующія, относившіяся къ небесной части слушателей. «Но не на васъ однихъ, сказалъ онъ торжественно, — не на васъ однихъ надѣемся мы въ отношеніи совѣта, вдохнове-

нія и небесной гармоніи. Наша конгрегація превосходитъ число видимыхъ ея членовъ. Другіе, кромѣ насъ, стоятъ въ этихъ дверяхъ,—тѣ, которые были въ давніе вѣка свѣточами человѣчества, тѣ, которые безстрашно приняли мученическій вѣнецъ въ своей земной жизни за преданность истинѣ. Эти достолюбезные люди мудрости и добра прошлыхъ вѣковъ и недавняго времени выкажутъ свое сочувствіе, осчастливятъ своимъ присутствіемъ многочисленнѣйшее на этомъ континентѣ собраніе людей, которые познаютъ ихъ дѣйствительное присутствіе и силу. Мы привѣтствуемъ этихъ небесныхъ представителей точно такъ же, какъ васъ.» Не безмолвное, почтительное сочувствіе встрѣтило эти слова, но громкія рукоплесканія.

Джонъ Пирпонтъ изъ Вашингтона, старый проповѣдникъ (нѣкогда ученикъ Эльской коллегіи, колыбели американскихъ пророковъ), передавая свое предсѣдательское мѣсто, которое онъ занималъ въ Филадельфіи, также распространялся о названіи Невѣрный, которымъ клеймили его и его братій по духу. «Я дѣйствительно невѣрный, воскликнулъ онъ,—невѣрный относительно многихъ формъ общепринятой религіи; я невѣрный, потому, что не вѣрю во многіе изъ догматовъ, исповѣдуемыхъ большинствомъ христіанъ, даже Протестанской церкви». Далѣе онъ прибавилъ, что вмѣсто вѣры въ установленные догматы и преданія онъ вѣритъ въ прогрессъ, въ свободу и въ духовъ.

Спустя десять дней послѣ произнесенія этой рѣчи, старикъ Пирпонтъ умеръ, а спустя десять дней послѣ его похоронъ мистриссъ Конантъ, Бостонскій медіумъ, которая ведетъ переписку съ духами для половины американцевъ, объявила, что она возвратила душу Пирпонта въ свою гостинную; присутствіе этой души было видимо для нея, чувствительно для нѣкоторыхъ, слышимо для многихъ. Чарльзъ Кровель и Ж. М. Пибльсъ свидѣтельствуютъ, что въ ихъ присутствіи мистриссъ Конантъ впала въ духовное изступленіе, во время котораго душа Джона Пирпонта вселилась въ нее (это—повтореніе исторіи Анны Ли) и говорила имъ, чрезъ посредство ея устъ, о томъ высшемъ мірѣ, куда она вознеслась. «Очевидно, говорятъ они, что какой-то духъ вселился въ нее, ибо онъ представилъ на ней послѣднюю сцену своего пребыванія на землѣ. Разставаніе съ землею должно-быть было

очень легко, ибо въ наглядномъ представленіи этой сцены не было никакой борьбы,—нѣсколько тяжелыхъ вздоховъ, долгій, устремленный въ пространство взглядъ и все было кончено. Потомъ уста открылись и вскорѣ эти безсмертныя слова были произнесены:

«Благословенны, трижды благословенны тѣ, которые умираютъ, сознавая истину!»

Послѣ краткаго молчанія духъ продолжалъ:

«Братія и сестры, задача нынѣ рѣшена во мнѣ, я живу и вы будете также жить, ибо тотъ же *божественный отецъ и мать*, который даетъ безсмертіе одной душѣ, дастъ его всѣмъ!»

Пирпонтъ, повидимому, немного преуспѣлъ въ небесномъ знаніи, превратившись изъ плоти въ духъ, ибо, пока онъ былъ на землѣ, онъ ограничивалъ свои доказательства о дѣйствительности постукиванія и писанія духовъ такими фразами: «Я видѣлъ. слѣдовательно знаю, я чувствовалъ, слѣдовательно вѣрю.» Духу Пирпонта, вѣроятно, показалось, что сообщеніе, сдѣланное имъ, можетъ быть сочтено недостаточнымъ его земными друзьями, ибо пламенное любопытство побуждаетъ многихъ спрашивать о тайнахъ высшаго міра; на этомъ основаніи онъ сказалъ Кровелю и Пибльсу, чрезъ посредство мистриссъ Конантъ, тономъ апологіи: «Я сожалѣю, что не могу представить вамъ непостижимую красоту того видѣнія, которое явилось мнѣ передъ самымъ моимъ переходомъ въ міръ духовъ. Блескъ и великолѣпіе этой новой жизни выше всякихъ описаній. Слова недостаточны для описанія ихъ.» Смертные слыхали уже подобныя рѣчи и прежде смерти Джона Пирпонта.

Но возвратимся къ конвенту. Когда Пирпонтъ сошелъ съ предсѣдательскаго мѣста, то Ньюманъ Виксъ, изъ Вермонта, былъ избранъ президентомъ на новый годъ. Вице-президентами бы лоназначено много дамъ: мистриссъ Сара Гортонъ изъ Вермонта, мистриссъ Дебора Бутлеръ изъ Нью Джерси, докторша Джульетта Стильманъ изъ Висконсина.

Ворренъ Чэсъ, изъ Иллинойса, одинъ изъ мужскихъ вице-президентовъ, объявилъ въ своей рѣчи, что болѣе трехъ милліоновъ американцевъ, мужчинъ и женщинъ, уже приняли участіе въ спиритическомъ движеніи. Три милліона — цифра громадная; никакая церковь въ Соединенныхъ Штатовъ, даже Методистская, не

разсказывала свои странныя видѣнія изъ невидимаго міра. Андрю Дэвисъ, бѣдный странствующій сапожникъ, духовный потомокъ Анны Ли, фабричной работницы, Дэвисъ видитъ знаменья и сны; но откровенія, обнародованныя имъ, едва ли идутъ далѣе словъ Матери Анны. Находясь въ изступленіи, онъ объявляетъ, что люди, умирая, измѣняютъ только свою одежду, что духи умершихъ витаютъ вездѣ вокругъ насъ, что люди съ утонченными чувствами могутъ входить въ сношеніе съ духами. Онъ утверждаетъ, что медицина безполезна и вредна и что всѣ недуги можно излечивать наложеніемъ рукъ. Онъ описываетъ новый методъ воспитанія, въ которомъ видное мѣсто занимаетъ нѣчто въ родѣ пляски по Шэкерскому обычаю. Онъ обличаетъ христіанскую церковь, какъ учрежденіе плотское, время котораго уже прошло, и предлагаетъ замѣнить ее новымъ и вѣчнымъ завѣтомъ духа.

Таковы въ нѣсколькихъ словахъ основанія новаго завѣта, который, по словамъ Ньюмана Викса, Сары Гартонъ, Деборы Бутлеръ и всѣхъ братьевъ, собравшихся въ Праттской Залѣ, долженъ вознести человѣка съ земли на небо. Подобно старѣйшинѣ Фредерику, они признавали двойственную природу Божества, принимавшаго женскій и мужской образъ, они признавали въ Творцѣ Отца и Мать, соединенныхъ въ одномъ лицѣ Бога; подобно сестрѣ Маріи и старицѣ Антуанетѣ они выводили изъ двойственности Бога равенство правъ обоихъ половъ на землѣ. Вообще съ начала до конца на конвентѣ женщины, повидимому, играли самую главную роль и одинаково отличались, какъ въ изложеніи своихъ принциповъ, такъ и въ упрекахъ своимъ братьямъ и сестрамъ. Миссъ Сузи Джонсонъ говорила напримѣръ, что она устала толковать и хотѣла работать. «Я готова, воскликнула юная реформаторша,—я готова работать со всякимъ мужчиной, женщиной или общиной, которые сдѣлаютъ первый практическій шагъ къ выработкѣ основъ высшей нравственности, строжайшей честности, лучшаго управленія и вообще высшаго существованія для всего человѣческаго рода. Я хочу работать, хочу видѣть другихъ готовыми на работу. Я знаю, гораздо легче молиться за спасеніе человѣчества, чѣмъ работать для достиженія лучшей судьбы, и часто вы заслуживаете гораздо болѣе славы молитвой, чѣмъ дѣломъ; но

я не къ этому стремлюсь. Я искренно предана молодому поколѣнію.»

Мистриссъ Сузи Гутчинсонъ выказала еще болѣе смѣлости въ своихъ упрекахъ, направленныхъ противъ братій по духу. Эта леди, присланная въ Конвентъ депутатомъ отъ Чарльстонскаго Независимаго Общества Спиритистовъ, прямо объявила, что она трудилась въ пользу дѣла спиритизма въ продолженіе восьми лѣтъ, но всегда должна была краснѣть за своихъ товарищей. «Я никогда еще не встрѣчала цѣльнаго, благороднаго спиритиста, говорила она по словамъ официальнаго отчета, — но я надѣюсь, что здѣсь передо мною есть люди, которые достойны называться мужчинами и женщинами. Я надѣюсь, что вы примете рѣшенія, которыя будутъ дѣйствительно полезны, а не мертвой буквой, переносящей насъ къ мертвому погребенному прошедшему; я надѣюсь, что здѣсь будетъ найдено достаточно мужскихъ и женскихъ силъ способныхъ работать на человѣчество. Если есть одна душа во всемъ мірѣ, которую конвентъ не допуститъ въ свое лоно, то я желаю быть также изгнанной изъ этого конвента. Если есть одинъ человѣкъ на свѣтѣ, который долженъ идти въ адъ, то я желаю идти съ нимъ; если есть дѣло въ этой подземной странѣ, то я готова идти туда и помочь Творцу въ его дѣлѣ.»

Нѣкоторые изъ депутатовъ выразили притязаніе на то, что они могли творить чудеса; одни были одарены даромъ языковъ, другіе пророческимъ предвидѣніемъ, третьи даромъ леченія болѣзней. Почти всѣ адепты признаютъ за собою власть излечивать болѣзни наложеніемъ рукъ. Въ послѣднемъ нумерѣ «*Знамени Свѣта*» вы можете насчитать болѣе двадцати мужскихъ и женскихъ, преимущественно женскихъ, медіумовъ, которые публично объявляютъ, что излечиваютъ всякаго рода болѣзни чрезъ посредство духовъ, за извѣстное денежное вознагражденіе. Подобныя леченія происходятъ, какъ мы сказали, чрезъ наложеніе рукъ, въ подражаніе апостольскому обряду, ибо спиритисты увѣряютъ, что особая невидимая сила выходитъ изъ рукъ доктора и переселяется въ паціента. Объявленія докторовъ-медіумовъ часто чрезвычайно любопытны и знаменательны. Такъ мистриссъ Элиза Вилльямсъ, сестра Андрю Джаксона Дэвиса, объявляетъ, что она «принимаетъ больныхъ, прописываетъ лекарства и излечиваетъ отъ всякихъ неду-

говъ своею цѣлительною силою, которая вполнѣ испытана.» Мистриссъ С. Юнгъ заявляетъ себя «дѣловой и медицинской ясновидящей», мистриссъ Спафордъ — «испытаннымъ ясновидящимъ медіумомъ», мистриссъ Симоръ — «испытаннымъ дѣловымъ медіумомъ». Нѣкоторыя изъ подобныхъ объявленій чрезвычайно темны и непонятны для простыхъ смертныхъ. Такъ мистриссъ Спенсеръ берется излечивать простуды и лихорадки своими «положительными и отрицательными порошками», прибавляя, что «для предупрежденія и излеченія холеры это великое спиритическое средство должно быть всегда подъ рукою.» Докторъ Мэнъ, изъ «Института Здоровья», проситъ всѣхъ лицъ, желающихъ пользоваться его совѣтами, «вкладывать въ письмо долларъ, почтовую марку и прядь волосъ». Мистриссъ Р. Колленсъ «попрежнему продолжаетъ излечивать больныхъ въ Сосновой улицѣ». Мадамъ Гель, «ясновидящая и испытанный медіумъ», видитъ духовъ и описываетъ отсутствующихъ друзей. Мистриссъ Г. Джильетъ, «электрическій, магнетическій, излечивающій и усовершенствованный медіумъ, лечитъ одинаково душу и тѣло.» Но, повидимому, докторъ Джорджъ Эмерсонъ далеко превзошелъ мистриссъ Джильетъ, ибо онъ объявляетъ «новое развитіе духовной силы.» Этотъ медіумъ «дошелъ развитіемъ до того, что излечиваетъ недуги привлекая ихъ въ себя»; онъ объявляетъ, что готовъ совершить это чудо спиритическаго искусства въ письмѣ на какое угодно разстояніе, за десять долларовъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, однако, дамы выказываютъ гораздо болѣе смѣлой мощи, чѣмъ мужчины. Мистриссъ С. Джильбертъ объявляетъ, что она Дермапатистъ, и предлагаетъ нетолько вылечивать недуги, но и научать искусству вылечиванія ихъ во столько-то уроковъ, по такой-то цѣнѣ за урокъ!

Однако возвратимся снова къ конвенту; всѣ рѣчи, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, отличались упорной враждой къ религіознымъ вѣрованіямъ и нравственнымъ понятіямъ всѣхъ христіанскихъ народовъ; этотъ враждебный тонъ едва ли смягченъ въ официальномъ отчетѣ.

Миссъ Сузи Джонсонъ объявила, что она «не стала бы болѣе строить церквей, ибо онѣ уже достаточно угнетали и держали во мракѣ человѣчество.»

Мистеръ Андрю Фоссъ «благодарилъ Бога, что нынѣшній вѣкъ не вѣкъ молитвы, а изслѣдованій.»

Докторъ Г. Чайльдъ сказалъ, что «спиритизмъ перебросилъ мостъ черезъ бездну, отдѣлявшую лоно Авраама отъ ада богача. Вознесемъ хвалу за каждый ударъ, нанесенный человѣческому закону, — закону, который рукою человѣка наказываетъ людей за творимое ими зло.»

Мистеръ Перри сказалъ: «какъ спиритистъ, я отвергаю, чтобы мы признавали что-либо за святое, и протестую противъ всякой резолюціи, въ которой будетъ стоять слово Святой.»

Мистеръ Финни замѣтилъ: «старая вѣра умерла. Мы здѣсь представляемъ новую вѣру, плодъ союза всѣхъ типовъ человѣческой расы, соединенныхъ по волѣ Провидѣнія въ космополитской географіи.»

Вотъ сущность всего, что было сказано на третьемъ національномъ конвентѣ въ присутствіи депутатовъ, смертныхъ и небесныхъ.

При этомъ были приняты три резолюціи, которыя спиритисты считаютъ чрезвычайно важными. Первая предписывала сопротивляться ученію воскресныхъ школъ и замѣнять ихъ своими собственными, прогрессивными лицеями; вторая относилась до изданія цѣлаго ряда книгъ о спиритизмѣ; третья совѣтовала отказаться избраннымъ отъ табаку и горячительныхъ напитковъ. Предложеніе основать Національную Спиритическую Коллегію было отложено для обсужденія на будущій годъ. Одна изъ прочихъ резолюцій, не имѣвшихъ немедленнаго практическаго примѣненія, показываетъ, какая широкая дѣятельность ожидаетъ спиритистовъ на политической почвѣ, если они достигнутъ громадной численности и единства. Эта резолюція относилась къ вопросу о трудѣ и заключалась въ слѣдующемъ:

«Рѣшено, что лишь въ рукахъ честнаго труда находится державный скипетръ цивилизаціи; что его права соразмѣряются съ его характеромъ и важностью, и поэтому честный трудъ долженъ быть такъ всецѣло и совершенно вознагражденъ, чтобы доставить работающимъ милліонамъ средства, время и случай для воспитанія, образованія и удовольствія; чтобы равный трудъ, совершаемый мужчиной и женщиной, получалъ бы равное вознагражденіе.»

Очевидно, эти реформаторы не обращаютъ никакого вниманія на наши старосвѣтскія понятія о политико-экономической наукѣ.

Если мы хотимъ справедливо судить о системѣ, столь далекой отъ нашихъ симпатій, столь враждебной нашимъ учрежденіямъ, то необходимо помнить, что это ученіе, какъ странно оно намъ ни кажется, принято сотнями ученыхъ людей и набожныхъ женщинъ. Подобный фактъ покажется многимъ самой странной чертой во всемъ спиритическомъ движеніи; но никто не можетъ утверждать, чтобы теорія, принятая такими людьми, какъ судья Эдмонсъ, докторъ Гэръ, старѣйшина Фредерикъ и профессоръ Бушъ, была бы просто нелѣпостью, недостойной никакого вниманія.

ГЛАВА XVI.

Ясновидящія.

Въ ученомъ блестящемъ и живописномъ Бостонѣ, родинѣ Агасиса, Лонгфелло, Гольмса и Ловеля, возникла отрасль женскаго священства въ Америкѣ, которая выражаетъ притязаніе регулировать науку и замѣнить индуктивный методъ другимъ, новымъ. Это Ясновидящія.

Эти священнослужительницы, которыхъ можно назвать Елизаветинками, отъ имени ихъ основательницы и жрицы Елизаветы Дентонъ, по правдѣ сказать, не составляютъ церкви, даже не составляютъ секты и конечно нимало не походятъ на ученое общество. Быть можетъ ихъ лучше всего назвать школой, такъ какъ онѣ утверждаютъ, что онѣ должны всему научиться и всему научить. Подобно многимъ другимъ отраслямъ спиритическаго семейства, онѣ живутъ въ свѣтѣ, пользуются всѣми его удовольствіями и съ неутомимою ревностью стремятся къ достиженію всѣхъ его благъ. На Бостонскомъ-Лугу онѣ не отличаются никакими наружными признаками отъ обыкновенныхъ людей (если только на Бостонскомъ-Лугу встрѣчаются обыкновенные люди). Печать наложенная на нихъ состоитъ во внутреннемъ, умственномъ дарѣ,

благодаря которому Ясновидящая способна читать сердца даже камней.

Повинуясь постоянному закону этихъ новыхъ обществъ школа Елизаветы — женская школа; въ ней проповѣдники и истолкователи — женщины. Мужчины могутъ быть членами этой школы, имѣютъ долю въ ея богатствахъ, могутъ распространять ея ученье, но никакой мужчина еще никогда не осмѣливался утверждать, что онъ владѣетъ чудеснымъ даромъ, принадлежащимъ однимъ женщинамъ.

По словамъ этой новой философіи высшіе дары зависятъ отъ высшей организаціи. Мужчина съ его грубой природой, съ его жесткими нервами и тупымъ умомъ, не можетъ такъ высоко витать мыслью, не можетъ достигать такого восторженнаго состоянія, какъ болѣе совершенная женщина: мужчина, какъ говорятъ въ Нью-Іоркѣ, сыгралъ свою роль, и теперь настала очередь женщины.

Анна Криджъ начала это женское движеніе. Она—сестра Вилльяма Дентона изъ Бостона, человѣка съ нѣкоторымъ вліяніемъ, для мужчины, въ этомъ женскомъ обществѣ; это происходитъ оттого, что онъ, какъ ученый и геологъ, можетъ подкрѣплять логикой и ссылками на авторитеты всѣ дѣйствія своей школы. Новое Евангеліе Ясновидящихъ дано было Аннѣ Криджъ и ея брату Вилльяму слѣдующимъ, страннымъ образомъ. Букананъ, докторъ въ Цинциннатѣ, замѣтилъ въ своей практикѣ, что нѣкоторымъ людямъ достаточно подержать въ рукахъ слабительное лекарство, чтобъ оно на нихъ подѣйствовало. Этотъ фактъ объясняется сильно развитымъ воображеніемъ, чего конечно нельзя было встрѣтить у всѣхъ людей, но только у нѣкоторыхъ, особенно у женщинъ, одаренныхъ утонченной чувствительностью. Отчего бы подобнаго примѣра не представила Анна Криджъ? Она всегда отличалась отъ природы самой утонченной чувствительностью. Опытъ былъ сдѣланъ. Онъ вполнѣ удался. Послѣ этого, очень естественно, заключили, что если воображеніе можетъ замѣнить микстуру, то оно въ состояніи оказать человѣку болѣе важную услугу, чѣмъ очищеніе желудка. Съ хитрой женской откровенностью Анна стала пробовать на нераспечатанныхъ письмахъ друзей ясновидящую силу, проникавшую чрезъ всѣ преграды. Этотъ даръ бы-

стро сталъ въ ней развиваться. Ей стоило только приложить къ вискамъ запечатанное письмо, и она тотчасъ видѣла на бумагѣ, не глазами, а умомъ, слѣды того человѣка, который писалъ письмо, видѣла самую его фигуру, самое его лице, такъ что могла сказать, какого онъ росту, какіе у него глаза и волосы. Тогда въ головѣ брата ея блеснула мысль: изображеніе на бумагѣ человѣка, писавшаго письмо, должно быть въ родѣ солнечнаго отраженія на оптическомъ стеклѣ. Онъ не могъ видѣть этого отраженія самъ, но сестра его Анна видѣла; очевидно этотъ недостатокъ зрѣнія былъ слѣдствіемъ его болѣе грубой природы и ума. Дентонъ не былъ одаренъ пылкимъ воображеніемъ, но для него было теперь ясно, что природа отражала въ безчисленномъ количествѣ свои образы на различныхъ предметахъ; что каждая поверхность могла принимать и удерживать подобныя изображенія, и что съ помощью ясновидящаго, могущаго читать эти изображенія, легко узнать самыя глубочайшія тайны природы. Это была прекрасная мысль; Дентонъ думалъ, что настала новая эра, ибо, если Анна, прикладывая запечатанное письмо къ своему лбу, видѣла въ немъ изображеніе человѣка, писавшаго это письмо, даже комнату, въ которой оно было писано, то отчего же ей не читать такъ же легко изображенія, запечатлѣнныя по всей вѣроятности на другихъ поверхностяхъ: на камняхъ, на металлахъ, на костяхъ? Отчего же нѣтъ? Если изображенія природы, отраженныя на всевозможныхъ поверхностяхъ солнечными лучами, не исчезаютъ мгновенно, какъ мы полагаемъ, но глубоко врѣзываются и остаются въ предметахъ, то весь вопросъ состоитъ только въ томъ, чтобы найти достаточно чувствительнаго ясновидящаго, который могъ бы возстановить эти туманные слѣды. Такую ясновидящую Дентонъ нашелъ въ своей сестрѣ Аннѣ.

Найдя себѣ чтеца природы, онъ былъ убѣжденъ, что вся прошедшая жизнь міра будетъ открыта передъ нимъ, какъ одинъ большой періодъ времени былъ открытъ Вѣчному Жиду, съ тою только разницею, что онъ могъ взглянуть на болѣе далекое прошедшее и могъ прочесть то, чего никогда не видѣли глаза человѣческіе. Если его теорія справедлива, то вамъ стоило только отломить кусокъ скалы отъ Маттергорна, завернуть его въ бумагу и приложить къ вискамъ чтеца природы — вы тотчасъ же

узнали бы, словно читая книгу, всю исторію ледниковъ отъ того времени когда Швейцарія и Швабія были одной громадной ледяной равниной, до того дня, когда вмѣсто нея возникли лѣса, виноградники, сады и города. Отколите кусокъ кремня въ известковыхъ каменоломняхъ Бѣлой Горы, и вы получите на этомъ кускѣ вѣрный отпечатокъ первобытнаго лѣса, вѣрную картину индѣйскаго лагеря, съ краснокожими въ ихъ боевой краскѣ и перьяхъ. Достаточно поднять кусокъ лавы съ улицы Помпеи, чтобъ имѣть вѣрный планъ древняго римскаго города съ его домами, садами, цирками, банями, со всей его гражданской и религіозной жизнью. Возьмите обломокъ Севильской башни, и вы мгновенно воскресите передъ собою всю древнюю мавританскую жизнь этой гордой столицы, съ ея густымъ народонаселеніемъ, съ сіяющими полумѣсяцами и всѣми веселыми торжествами; возьмите любую кость изъ грудъ морскаго баласта, валяющагося на набережныхъ, и вы увидите цѣлую картину, ярко представляющую положеніе Англіи тысячу лѣтъ тому назадъ, съ портретами тѣхъ дикихъ, которые сражались и кочевали на нашихъ берегахъ. Если только эта теорія была справедлива,—новый свѣтъ озаритъ міръ, исторія нашла себѣ великое подспорье, наука—новую основу, искусство—новый элементъ.

Но Анна, первая ясновидящая, вскорѣ нашла себѣ соперницу въ Елизаветѣ Дентонъ, женѣ ея брата. Быть можетъ Елизавета ревновала Анну, проводившую цѣлые дни въ кабинетѣ ея мужа, хотя бы даже они занимались только книгами, костями камнями и тайнами природы, тогда какъ ее въ это время отсылали въ кухню или дѣтскую. Ей казалось, что подобныя услуги наукѣ могла оказывать всякая женщина и потому было гораздо приличнѣе заниматься съ мужемъ ей, чѣмъ ея невѣсткѣ. Однажды она объявила ему, что она тоже ясновидящая и способна видѣть для него душу всѣхъ земныхъ предметовъ. Дентонъ тотчасъ испробовалъ ея способности на какомъ то камушкѣ, исторію котораго она разсказала съ такимъ блескомъ, что сразу оставила далеко за собою сестру Анну. Въ печатномъ отчетѣ произведенныхъ опытовъ говорится, что сначала Анна подняла къ своимъ вискамъ обломокъ известняка изъ Канзаса, полный мелкими окаменѣлыми раковинками и тотчасъ же быстро произнесла:—«Я вижу углубленіе, большое! сколько раковинъ! какія мелкія! Я вижу

воду; точно течетъ большая рѣка.» Слѣдующій опытъ былъ сдѣланъ надъ Елизаветой. Кусокъ кварца былъ поднесенъ къ ея глазамъ: «Я вижу — произнесла она — чудовищнаго насѣкомаго; его тѣло покрыто чешуйчатыми крыльями, а голова снабжена усами почти въ футъ длины. Оно стоитъ утянувъ голову въ скалу.... Я вижу огромную змѣю въ дикой высокой травѣ. Растительность тропическая.» — «Хорошо, отлично!» воскликнулъ Дентонъ.

Гордясь способностями, неожиданно выказанными его женой, онъ объявилъ публично, что открыта новая наука, что міру данъ новый способъ познавать прошедшее, что развернута новая страница великой книги природы. Онъ назвалъ эту новую науку *Психометріею*, т. е. наукою о душѣ вещей. Конечно, будучи только мужчиной, онъ не можетъ показывать этой души другимъ, даже самъ не видитъ ее. Ему доступна новая наука чрезъ посредство его сестры и его жены. Но, будучи человѣкомъ грамотнымъ и мыслящимъ, онъ выразилъ новую міровую тайну въ слѣдующихъ удивительныхъ словахъ:

«Въ мірѣ, окружающемъ насъ, изо всѣхъ предметовъ исходитъ лучезарная сила и вселяется въ предметы сосѣдніе; такимъ образомъ въ каждую минуту дня и ночи всѣ предметы дагерротипируются другъ на другѣ; произведенныя подобнымъ образомъ изображенія нетолько остаются на поверхности предметовъ, но даже врѣзываются во внутренность ихъ, гдѣ и сохраняются съ непостижимымъ упорствомъ, ожидая той минуты, когда ихъ тайну откроетъ истинный наблюдатель. Вы поэтому не можете войти въ комнату ни днемъ, ни ночью не оставивъ своего портрета на стѣнахъ. Вы не можете поднять руки, мигнуть глазомъ, вѣтеръ не можетъ колыхнуть ни одного волоса на вашей головѣ чтобы каждое изъ этихъ движеній тотчасъ же не запечатлѣлось на какомъ-нибудь предметѣ, на поученіе будущимъ вѣкамъ. Стекла въ окнахъ, кирпичи въ стѣнахъ, плиты въ мостовой отражаютъ на себѣ портреты всѣхъ проходящихъ. Ни одинъ листокъ не шелохнется, ни одно насѣкомое не двинется съ мѣста, ни одна волна не пробѣжитъ по водѣ, чтобы каждое изъ этихъ явленій не было записано тысячью вѣрными лѣтописцами чрезъ посредство навѣки неизгладимыхъ писменъ.»

Жаль, что мужчины не могутъ видѣть этихъ картинъ, читать этихъ лѣтописей земнаго шара. Но взглядъ мужчины не дальноворокъ, умъ мужчины прозаиченъ. Только женское сознаніе можетъ проникать въ эти невѣдомыя тайны. Конечно, это грустно для мужчины, но кто же виноватъ, если его грубая натура не можетъ вознестись до высоты женщины?

Таинственныя способности Елизаветы Дентонъ послѣ первыхъ опытовъ стали быстро развиваться, и она вскорѣ оставила далеко за собою Анну Криджъ. Она стала читать не только исторію камней и окаменѣлостей, но проникала вѣщимъ взоромъ въ глубины морскія и въ нѣдра земли. Она слышала разговоры людей давно умершихъ, она даже отвѣдывала пищу допотопныхъ животныхъ.

Отъ этихъ Ясновидящихъ мы узнаемъ, что люди нѣкогда были обезьянами, что и тогда женщины были неизмѣримо выше мужчинъ, ибо у нихъ было меньше волосъ, и онѣ носили головы гораздо выше, чѣмъ самцы. Такъ и должно быть, когда исторія человѣческой жизни разсказывается женщиной, да еще святой и ясновидящей.

ГЛАВА XVII.

Равенство Правъ.

«Вы членъ общества распространенія Равенства Правъ обоихъ половъ?» спросилъ я у одной знакомой лэди въ Нью-Іоркѣ.—«Конечно нѣтъ,» отвѣчала она, пожимая плечами.—Отчего же нѣтъ, продолжалъ я настоятельно спрашивать.—«О, отвѣчала она съ улыбкой,—вотъ видите, я очень люблю, чтобы обо мнѣ пеклись.» Еслибы лэди не отличались по счастью этой слабостью, то Общество Распространенія Равенства Правъ вскорѣ, говорятъ, соединило бы въ своихъ рядахъ все женское народонаселеніе штатовъ, особливо Ново-Англійскихъ!

Реформа, которою женщины, въ родѣ Бетси Каульсъ, Люси Стонъ и Лукреціи Моттъ, хотятъ облагодѣтельствовать міръ съ

цѣлью сравнять права обоихъ половъ, дала бы женщинамъ все то, что общество дозволяетъ мужчинамъ, начиная отъ панталонъ, до мѣста въ законодательномъ собраніи и каѳедры въ церкви. На основаніи этой теоріи Равенства Правъ, Гарріэта Нойесъ и Мери Волькеръ стали носить панталонцы. Елизавета Стантонъ предложила себя кандидатомъ на мѣсто Нью-Іоркскаго депутата въ конгрессѣ; а Олимпія Браунъ посвящена въ званіе служителя церкви!

На первомъ Женскомъ Конгрессѣ, созванномъ въ Огіо, подъ предсѣдательствомъ Бетси Каульсъ, собравшіяся лэди, послѣ многихъ рѣчей и чтеній, приняли двадцать двѣ резолюціи съ предисловіемъ, напоминающимъ по формѣ Декларацію Независимости: «Такъ какъ всѣ люди созданы равными и одарены извѣстными, Богомъ данными, правами и каждое справедливое правительство основано на согласіи управляемыхъ; такъ какъ ученіе, что человѣкъ долженъ стремиться къ матеріальному благосостоянію, принято высшими авторитетами за великій принципъ природы; такъ какъ это ученіе не мѣстное, но всеобщее и внушенное человѣку самимъ Богомъ,—мы постановили....»

За этимъ слѣдовали резолюціи, которыя въ сущности составляютъ декларацію, что дамы Огіо впредь будутъ считать недѣйствительными и не обязательными всѣ законы, которые по ихъ мнѣнію несправедливо угнетаютъ ихъ полъ.

«1) Постановили,—что всѣ законы, противные этимъ основнымъ принципамъ или враждебные этой великой основѣ природы, не имѣютъ никакого обязательнаго значенія.

«2) Постановили,—что всѣ законы, лишающіе женщину права избирательнаго голоса, недѣйствительны и не обязательны.

«3) Постановили,—что всѣ общественныя, литературныя, финансовыя, религіозныя отличія между мужчиной и женщиной противны природѣ.

«4) Постановили,—что несправедливо и неестественно допускать различное нравственное мѣрило для мужчинъ и женщинъ.»

Лидія Пирсонъ, по ея словамъ, напала на дѣйствительную причину низкаго, подчиненнаго положенія женщины; это именно обычай выходить рано замужъ. Лидія прямо заявила, что если женщины хотятъ быть мужчинами, то онѣ должны оставаться въ школахъ до двадцати двухъ лѣтъ.

Массачусетъ, стоящій всегда во главѣ общественнаго мнѣнія, взялъ подъ свое покровительство этотъ вопросъ, и Первый Національный Конвентъ о Правахъ Женщины былъ открытъ въ Вурчестерѣ, подъ предсѣдательствомъ Паулины Дэвисъ, изъ Родъ-Айланда, и при секретарѣ Ганнѣ Дарлингтонъ, изъ Пенсильваніи.

Паулина объявила, что цѣль этого женскаго парламента состояла въ освобожденіи цѣлаго класса, въ искупленіи полміра, въ реорганизаціи всѣхъ общественныхъ, политическихъ и экономическихъ учрежденій и системъ. Она сказала, что нынѣшній вѣкъ—вѣкъ мира, и женщина—его знаменіе. Конгрессъ постановилъ слѣдующія резолюціи:

«Каждое человѣческое существо, достигшее совершеннолѣтія и обязанное повиноваться законамъ и платить подати для поддержанія правительства, должно имѣть право голоса.

«Политическія права не имѣютъ ничего общаго съ поломъ, и слово «*мужчина*» (male) должно быть вычеркнуто изъ всѣхъ статутовъ каждаго штата.

«Законы о собственности, относящіеся до супруговъ, должны быть пересмотрѣны съ цѣлью сдѣлать всѣ права равными; жена должна въ продолженіе своей жизни имѣть равный контроль надъ имуществомъ, пріобрѣтеннымъ взаимнымъ трудомъ и пожертвованіями обоихъ супруговъ; по смерти же мужа жена должна наслѣдовать изъ его состоянія такую же часть, какую онъ наслѣдуетъ послѣ ея смерти; наконецъ, она должна имѣть право точно такъ же, какъ ея мужъ, распоряжаться по завѣщанію одинаковой частью ихъ общаго имущества.»

Другія резолюціи утвердили право женщинъ на лучшее воспитаніе, чѣмъ то, которымъ онѣ теперь пользуются, право принимать такое же участіе, какъ мужчины, въ торговлѣ, путешествіяхъ и правосудіи Одинъ мужчина, бывшій случайно на конгрессѣ, объявилъ, что онъ вполнѣ доволенъ духомъ женскаго парламента, такъ какъ онъ видитъ, что подъ женскими правами онѣ подразумѣваютъ право женщины дѣлать что-нибудь полезное!

Между предметами обсужденія на конгрессѣ былъ и вопросъ объ одеждѣ. Мы ни мало не преувеличимъ фактовъ, если скажемъ, что оболочка каждаго вопроса, поднимаемаго нынѣ въ Аме-

рикѣ относительно правъ обоихъ половъ, принадлежитъ къ области портныхъ и модныхъ магазиновъ. Въ какую одежду должна свободная женщина облекать свое тѣло? Платье есть ли окончательная форма одежды? Юбка составляетъ ли позорный ярлыкъ? Обязанъ ли чѣмъ-нибудь мужчина своимъ панталонамъ, шляпѣ, сюртуку и сапогамъ? Однимъ словомъ, можно ли считать женщину равной мужчинѣ, пока она не будетъ имѣть права носить мужскую одежду? Подобные вопросы имѣютъ свою серьезную, точно также какъ и свою комическую, сторону. Женская наука такъ развита въ Америкѣ, что многіе вопросы, которые казались бы нелѣпыми и шуточными въ Лондонѣ, считаются здѣсь чрезвычайно важными и серьезными.

Дѣйствительно, одежда, если смотрѣть на нее внѣ правилъ Гайд-Парка и Пятой Аллеи, означаетъ нѣчто болѣе, чѣмъ личный вкусъ каждаго человѣка. Одежда—это весь человѣкъ и нѣчто еще болѣе. Одежда нетолько говоритъ намъ, что дѣлаетъ человѣкъ, носящій ее, но кто онъ и что онъ такое. Посмотрите на шумный потокъ жизни, несущійся по улицамъ Нью-Іорка, по Бродвэ, по паркамъ, по набережнымъ,—и вы увидите, что проповѣдникъ имѣетъ одну одежду, почтальонъ другую, матросъ третью; что праздношатающійся одѣтъ иначе, чѣмъ серьезный, положительный человѣкъ. Широкая, волнующаяся одежда мѣшаетъ быстрымъ движеніямъ, и мужчина или женщина въ юбкѣ не можетъ такъ бѣжать, какъ въ панталонахъ.

Елена Марія Веберъ была одна изъ первыхъ женщинъ, надѣвшихъ сюртукъ и панталоны; этотъ поступокъ поднялъ противъ нея цѣлую бурю. Кромѣ своихъ литературныхъ занятій, кромѣ составленія трактатовъ о реформѣ, женскомъ воспитаніи и одеждѣ, Елена была еще практическимъ фермеромъ, сама пахала землю, сѣяла, жала, ходила за свиньями и носила на рынокъ свои продукты, совершая все это въ мужской одеждѣ. За исключеніемъ этой фантазіи, она, говорятъ, чрезвычайно приличная и строго-набожная женщина, скромная на видъ и въ рѣчахъ. Въ письмѣ, присланномъ ею въ женскій конгрессъ, она говоритъ, что противъ нея возстали Англійскія и Американскія газеты за то, что она носитъ панталоны; она публично объявляетъ, что она не имѣетъ ни малѣйшаго желанія быть Ифидой; что она никогда не думала

быть ничѣмъ инымъ, кромѣ женщины, что ее никогда и не принимали за мужчину, за однимъ исключеніемъ, когда одинъ иностранецъ въ толпѣ и суетѣ отнесся къ ней, какъ къ мужчинѣ. Ея обыкновенная одежда, по ея словамъ, состоитъ изъ сюртука и панталонъ чернаго сукна; ея вечерній парадный костюмъ состоитъ изъ темно-синяго сюртука съ золотыми пуговицами, свѣтло-желтаго жилета съ золотыми пуговками и коричневыхъ панталонъ. Она прибавляетъ, съ чисто женской щепетильностью, что вся ея одежда получается прямо изъ Парижа.

Многіе изъ вопросовъ, которыми занимались члены конгресса, имѣли серьезное значеніе, но зато были и другіе, замѣчательные только уморительными комедіями, къ которымъ они приводили. Я слышалъ, что женская депутація въ одномъ изъ Ново-Англійскихъ городовъ отправилась къ пастору съ жалобой на то, что одна изъ молитвъ установленнаго богослуженія начинается словомъ: «братіе», точно женщины не присутствовали въ церкви или считались за ничто въ приходѣ. Депутація просила, чтобы пасторъ выразилъ имъ свое мнѣніе о проектѣ измѣненія Установленнаго Молитвенника. «Ну,—я обдумалъ это дѣло, милостивыя государыни, отвѣчалъ проповѣдникъ, — но, полагаю, что текстъ можно оставить такимъ, каковъ онъ есть, ибо, вотъ видите, братья всегда обнимаютъ сестеръ.»

Болѣе серьезный вопросъ, обсужденный на конгрессѣ Равенства Правъ, былъ вопросъ о положеніи женщины въ бракѣ. «Вся система обычнаго права,—говорятъ онѣ,— относительно замужней женщины несправедлива и унизительна.» Въ чемъ заключаются, спрашиваютъ онѣ, естественныя отношенія между обоими полами? Составляетъ ли бракъ высшую и чистѣйшую форму этихъ отношеній? Какое нравственное вліяніе имѣетъ бракъ на мужчину и женщину? Составляетъ ли бракъ нѣчто священное?

Обращаться къ законамъ для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ было бы совершенно напрасно, ибо законы, подъ сѣнію которыхъ мы живемъ, не могутъ отвѣчать ни на какіе вопросы, касающіеся нравственной и религіозной истины. Римскіе институты, одинаково языческіе по происхожденію и по духу, считаютъ женщину немногимъ выше вещи, и отношенія мужа и жены, установляемыя ими, едвали во многомъ превосходятъ отношенія господина къ

рабу. Они не видятъ никакой нравственной красоты въ бракѣ, они ничего не видятъ въ немъ кромѣ товарищества, въ родѣ коммерческой фирмы. Никакой Римлянинъ не воображалъ, что любовь—божественное начало, что бракъ—союзъ двухъ душъ, и это понятіе Германской расы, столь часто встрѣчающееся въ нашей поэзіи и преданіяхъ, не оставило никакихъ слѣдовъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ. На этомъ основаніи каждая секта общественныхъ реформаторовъ въ Америкѣ—Моравскіе братья, Тункеры, Шэкеры, Перфекціонисты, Мормоны, Спиритисты — начала свои попытки достичь лучшей жизни отреченіемъ отъ гражданскихъ законовъ и ихъ обличеніемъ.

Что бракъ—самое высшее, самое поэтическое, самое религіозное состояніе общественныхъ отношеній между обоими полами, отрицается не многими, даже въ Америкѣ. Однако такіе примѣры встрѣчаются. Моравскіе братья и Тункеры относятся какъ-то застѣнчиво къ этому учрежденію. Они не отрицаютъ, что бракъ для плотскихъ людей дѣло доброе и полезное, но увѣряютъ, что это состояніе не даетъ людямъ святости и не ведетъ ихъ къ высшей добродѣтели. Шэкеры, мы уже видѣли, совершенно отрицаютъ бракъ, какъ одно изъ тѣхъ свѣтскихъ учрежденій, которое отжило свой вѣкъ на землѣ и теперь исчезло, по крайней мѣрѣ для избранныхъ сыновъ и дщерей благодати.

ГЛАВА XVIII.

Безвредные Люди.

Тункеры, которые, по ихъ словамъ, прибыли въ Америку изъ маленькаго германскаго селенія на Одерѣ, обязаны каламбуру тѣмъ именемъ, подъ которымъ они извѣстны не только здѣсь въ Ланкастерѣ, въ Пенсильванскомъ штатѣ, гдѣ они болѣе всего распространены, но и въ Бостонѣ и Нью-Іоркѣ. Они исповѣдуютъ Баптистскія теоріи, а слово тункеръ (tunker) означаетъ: обмакнуть кусокъ хлѣба въ соусъ или въ вино, поэтому шутя

ихъ называютъ Тункерами, т. е. людьми обмакиваемыми, такъ какъ они крестятся взрослыми и погружаясь всѣмъ тѣломъ въ воду. Ихъ называютъ также Тумблерами, т. е. прыгунами, отъ ихъ быстрыхъ движеній во время обряда крещенія. Мы, Англичане, зовемъ ихъ Дункерами по ошибкѣ. Между собою они извѣстны подъ именемъ Братьевъ, ибо главный принципъ ихъ общины—братская любовь. Въ окрестностяхъ же ихъ селеній, въ Индіанѣ, Огіо и Пенсильваніи, они извѣстны подъ названіемъ Безвредныхъ Людей.

Но какое бы названіе они не носили, это народъ набожный, трезвый, богобоязненный; посреди великаго броженія, совершающагося вездѣ на Американской почвѣ, эта секта отличается простой, строгой добродѣтелью.

Тункеры живутъ, для собственнаго удобства и пользы, маленькими селеніями или группами фермъ, но не отдѣльными общинами, какъ Шекеры и Перфекціонисты. Они пребываютъ въ свѣтѣ и повинуются законамъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они, можно сказать, находятся теперь въ переходной эпохѣ или даже въ упадкѣ, ибо въ послѣднее время многіе изъ нихъ сдѣлались ростовщиками, что сначала было имъ воспрещено; кромѣ того они начали строить церкви и часовни, вмѣсто того, чтобъ ограничиваться въ своемъ богослуженіи, подобно древнимъ Евреямъ, домами и навѣсами. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ часовень, къ сожалѣнію, введены даже нѣкоторыя украшенія; но, за этими небольшими уклоненіями, Тункеры остаются вѣрными главнымъ принципамъ своей вѣры, о которой мы дадимъ слѣдующія подробности.

Они вѣрятъ, что всѣ люди будутъ спасены,—догматъ общій почти всѣмъ новымъ сектамъ Соединенныхъ Штатовъ; однако нѣкоторые изъ нихъ отрицаютъ, чтобы принципъ всеобщаго спасенія былъ обязательнымъ для каждаго исповѣдующаго ихъ вѣру. Они одѣваются очень просто и говорятъ самымъ простымъ обыкновеннымъ языкомъ. Они никогда не присягаютъ, не клянутся. Они не дѣлаютъ никакихъ комплиментовъ. Они ни за что не пойдутъ на войну. Они носятъ длинныя бороды и никогда не тягаются въ судахъ. Богослуженіе ихъ совершаютъ священники, не получающіе вознагражденія. Мужчины и женщины считаются равными, и оба пола имѣютъ право на духовное званіе. Каждый человѣкъ въ

приходѣ имѣетъ право встать (какъ въ Еврейскихъ синагогахъ) и толковать текстъ Священнаго Писанія. Человѣкъ, который оказывается способнѣе всѣхъ поучать и проповѣдывать, помѣщается на священническое мѣсто; но прихожане платятъ ему за служеніе Богу—уваженіемъ, а не долларами; подобно святымъ Петру и Павлу, во время своихъ путешествій Тункерскіе апостолы останавливаются на ночлегъ у своихъ братьевъ и берутъ отъ нихъ даромъ пищу и даже подарки, но какъ въ теоріи такъ и на практикѣ, они не принимаютъ никакой платы, даже когда они бѣдны и не могутъ оставить своего собственнаго поля на мѣсяцъ или на недѣлю безъ большой для себя потери. Эти безплатные проповѣдники посѣщаютъ больныхъ, утѣшаютъ умирающихъ и хоронятъ мертвыхъ. Они также женятъ молодыхъ мужчинъ и молодыхъ дѣвушекъ, но не многихъ,—только тѣхъ которые отличаются болѣе плотскимъ настроеніемъ; эта послѣдняя обязанность часто бываетъ для нихъ самая тяжелая.

Тункеры, подобно Ессеямъ, на которыхъ они походятъ во многихъ главныхъ основаніяхъ своей вѣры, имѣютъ особый взглядъ на святость безбрачной жизни; они чрезвычайно уважаютъ такую жизнь и говорятъ, что очень немногіе достойны брачной жизни или готовы для нея. Они не отказываются соединить узами брака брата и сестру, которые желаютъ этого; но безцеремонно указываютъ имъ въ длинной и краснорѣчивой рѣчи, что гораздо добродѣтельнѣе вести одинокую жизнь. Проповѣдникъ не говоритъ, что бракъ—преступленіе, онъ только выражаетъ глубокое презрѣніе къ нему, считая его однимъ изъ тѣхъ золъ, отъ которыхъ онъ желалъ бы предохранить свою паству.

Когда братъ и сестра, придя къ проповѣднику, выражаютъ ему свое желаніе сдѣлаться одною плотью, онъ смотритъ на нихъ какъ на грѣшниковъ, которыхъ надо подвергнуть допросу и испытанію относительно ихъ тайныхъ мыслей и, если можно, освободить благодатью отъ страшныхъ сѣтей, разставленныхъ имъ врагомъ рода человѣческаго. Онъ пугаетъ ихъ своими инквизиціонными разспросами, своими страшными предсказаніями. Словами и взглядами, онъ даетъ имъ почувствовать, что, желая жениться, они стремглавъ летятъ въ адъ. Трудно сказать, какая цѣль у Безвредныхъ Людей сопротивляться желанію своихъ братьев-

евъ любить и жениться. Тункеры вообще чрезвычайно скрытны и скупы на объясненія, но можно предположить, что причина, руководящая ими въ этомъ отношеніи, частію физіологическая, частію религіозная. Умный человѣкъ, который могъ бы заставить повиноваться своей волѣ весь міръ, конечно положилъ бы конецъ всѣмъ браманъ между идіотами и уродами; быть можетъ на подобномъ же основаніи Тункеръ отговариваетъ жениться молодыхъ людей, которые не могутъ ни въ какомъ отношеніи улучшить расы. Но я полагаю, что какая нибудь мистическая мечта о томъ, что цѣломудріе дѣло святое, добродѣтельное въ глазахъ людей и Бога, имѣетъ больше вліянія на Тункеровъ, чѣмъ какія-либо соображенія объ усовершенствованіи Тункерской породы.

Конечно Тункеры не первая Христіанская церковь, которая чувствовала своимъ долгомъ поощрять людей вести безбрачную жизнь, хотя фактъ такого поощренія имѣетъ значеніе въ странѣ, гдѣ каждый ребенокъ составляетъ богатство; чего онъ никогда не могъ имѣть въ Европѣ и Азіи, гдѣ отпаденіе отъ производительныхъ классовъ нѣкотораго количества монаховъ и схимниковъ могло быть оправдываемо экономическими, если не нравственными началами.

Въ Церквахъ Іерусалимской, Антіохійской и Римской вопросъ о томъ, была ли безбрачная жизнь святымъ дѣломъ для человѣка, подвергался долгимъ и свободнымъ обсужденіямъ, ибо съ той и другой стороны цитировали апостоловъ; одни основывались на примѣрѣ Св. Петра, другіе на ученіи Св. Павла. Мнѣніе въ пользу одинокой и безбрачной жизни не вело свое начало отъ Св. Павла, тѣмъ менѣе отъ Іисуса Христа; оно возникло на Ессейскихъ фермахъ и въ Іудеи и, распространившись по городамъ и школамъ, сдѣлалось популярнымъ между Фарисеями, какъ протестъ противъ плоти и дьявола; и только въ этомъ единственномъ смыслѣ этотъ принципъ былъ принятъ аскетомъ Савломъ. Послѣ его обращенія въ новую вѣру Павелъ, будучи человѣкомъ среднихъ лѣтъ и постоянно странствуя для распространенія христіанства, очень естественно не измѣнилъ своихъ обычаевъ. Духъ Ессеевъ очень сильно говорилъ въ Св. Павлѣ, но, проповѣдуя въ пользу тѣлесной чистоты и цѣломудрія, какъ о дѣлѣ угодномъ Богу, онъ никогда не поднималъ голоса противъ собственнаго повелѣнія Бога, чтобы

люди женились между собою; этого нельзя даже вывести по аналогіи изъ его ученія. Тѣ, которые изучали общественную жизнь Коринѳа подъ управленіемъ Юнія-Гальона, превратившаго этотъ городъ въ вертепъ разврата, составлявшій исключеніе даже въ эпоху упадка Греціи,—такіе люди могутъ только вполнѣ понять какимъ побужденіемъ руководствовался апостолъ, увѣщавая своихъ учениковъ придерживаться болѣе аскетическихъ правилъ, чѣмъ тѣ, которыя ихъ окружали въ Коринѳѣ; но каждый благоразумный человѣкъ можетъ заключить изъ Священнаго Писанія, что только исключительный случай нравственнаго состоянія народа, исключительный даже между Греками, могъ заставить Св. Павла убѣждать Коринѳскую Церковь строго блюсти тѣ правила, которыя онъ не преподавалъ другимъ членамъ юной церкви. Когда онъ говоритъ Коринѳскимъ Христіанамъ о своемъ желаніи, чтобъ они были такими, какъ онъ, онъ подразумѣваетъ, если я справедливо понимаю текстъ, людей чистыхъ, цѣломудренныхъ, а не одинокихъ, безбрачныхъ. Какъ могла взойти въ голову апостола, съ столь практическимъ, возвышеннымъ умомъ, какъ Св. Павла, мысль изгнать совершенно бракъ изъ новаго общества? Три причины помѣшали бы ему принять такое рѣшеніе, и каждая изъ нихъ достаточно сильна сама по себѣ. Бракъ невозможно уничтожить: во-первыхъ потому, что Богъ самъ учредилъ бракъ для Адама и его сѣмени; во-вторыхъ потому, что Св. Павелъ зналъ, что если люди не женятся, то они будутъ дѣлать еще хуже; и въ третьихъ потому, что правило совершеннаго воздержанія, еслибъ оно и могло быть установлено уничтожило бы въ одно поколѣніе всѣхъ его послѣдователей, а съ тѣмъ вмѣстѣ, пожалуй, и самую церковь Христову.

Имѣемъ ли мы право выводить изъ совѣта, который Св. Павелъ даетъ Коринѳянамъ, что онъ придерживался правилъ Анны Ли или Александра Мака? Грецію не была Америкою; Сирійской Аѳродитѣ не поклоняются въ Нью-Іоркѣ. Св. Павелъ долженъ былъ выставить всѣ достоинства цѣломудрія народу, которому самое это слово и все, что оно означаетъ, было совершенно невѣдомо. Новообращенные Христіане, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, были недавно поклонниками Астарты, и, обличая ихъ нечестіе, онъ позволялъ себѣ говорить съ пламенной свободой человѣка, котораго

жизнь чиста, незапятнана. Однако онъ взвѣшивалъ свои слова и даже въ пылу негодованія онъ всегда указывалъ на то, что́ говорилъ отъ своего имени, какъ человѣкъ, и что́ отъ имени пославшаго его Бога. Греки понимали его. Онъ писалъ на ихъ языкѣ, говорилъ объ ихъ обычаяхъ, такъ какъ и то и другое было хорошо извѣстно ему, родившемуся въ Греческомъ городѣ и обучавшемуся въ Греческой школѣ; поэтому смыслъ его словъ долженъ былъ быть яснѣе для нихъ, чѣмъ для чужестранцевъ. На этомъ основаніи Греческую Церковь можно принять за лучшаго руководителя въ дѣлѣ объясненія этого труднаго и спорнаго текста, конечно лучшаго чѣмъ Американскіе Тункеры. Греческая Церковь не питаетъ по этому вопросу ни малѣйшихъ сомнѣній. Многими соборными постановленіями и постоянной практикой, эта церковь утверждаетъ, что Св. Павелъ говорилъ въ пользу брака не только свѣтскихъ людей, но и священнослужителей.

По несчастію для христіанскаго единства Западная Церковь приняла другой взглядъ на этотъ спорный текстъ. Западные отцы школъ Павла и Платона говорили въ мистическихъ выраженіяхъ о высшей святости безбрачной жизни; и задолго до того, какъ законъ церкви запретилъ бракъ священству между высшими священнослужителями, утвердился обычай воздерживаться отъ брака и жить, какъ говорилось тогда, для одной церкви. Странно сказать, что этотъ обычай особенно утвердился въ Римѣ, посреди Церкви, видящей свою главную славу въ томъ, что ее основалъ Св. Петръ, князь апостоловъ; а извѣстно, что Св. Петръ былъ человѣкъ женатый.

Принятіе Римомъ этого принципа безбрачія было причиной обоихъ великихъ расколовъ въ Христіанскомъ обществѣ; съ начала Востокъ отдѣлился отъ Запада; потомъ и на самомъ Западѣ Сѣверъ отдѣлился отъ Юга. Споры о догматахъ могутъ быть устранены, но споровъ объ общественномъ порядкѣ нельзя отложить въ сторону. Того самаго священника, котораго вы можете убѣдить признать вашъ взглядъ по вопросамъ объ избраніи священства или о предвѣдѣніи, вы никогда не убѣдите, что бракъ есть грѣхъ. Въ VI и VII вѣкахъ эта борьба безбрачія свирѣпствовала съ неимовѣрною жестокостью; церковь Св. Петра боролась за безбрачіе, церковь Св. Павла противъ него; и на этой-то скалѣ противорѣчія пер-

вое христіанское общество распалось и разъединилось. Соборъ въ Турѣ отрѣшилъ на годъ всѣхъ священниковъ и дьяконовъ, жившихъ съ женами; а ихъ было много тысячъ въ Италіи, Галліи и Испаніи. Константинопольскій соборъ объявилъ, что священники и дьяконы должны жить со своими женами, какъ свѣтскіе люди, согласно повелѣнію и обычаямъ самихъ апостоловъ. И этотъ уставъ Греческое духовенство соблюдаетъ до сихъ поръ. Не только Греческая церковь отдѣлилась отъ Римской на основаніи этого важнаго вопроса, но духовные и свѣтскіе люди на Западѣ и на Сѣверѣ, въ Англіи, Германіи и Франціи возстали противъ нея, и всѣ усилія Римской церкви, въ продолженіе 500 лѣтъ были направлены для разрѣшенія этого вопроса. Вѣка проходили за вѣками, прежде чѣмъ Римъ уничтожилъ всякое сопротивленіе своимъ догматамъ въ Германіи, Англіи и Франціи, гдѣ женатаго священника можно было найти даже во времена Чернаго Принца; наконецъ Римъ одержалъ побѣду, но это было лишь наканунѣ реформаціи.

Читая баллады и хроники того времени, начиная отъ «*Жалобы Поселянина*» Пирса, до «*Укротителя*» Пикока, нельзя не убѣдиться, что безбрачное духовенство не могло жить въ мирѣ съ Германскими прихожанами. Требованія, чтобы духовенство было женатое, громко раздавались со всѣхъ угловъ Запада и Сѣвера, и когда церковные реформаторы начали борьбу противъ Рима, то первое доказательство своей искренности, которое они дали свѣтскимъ людямъ, было—публично взять себѣ женъ. Всѣ великіе вожаки реформаціи, Лютеръ, Кальвинъ, Кранмеръ, видѣли себя въ необходимости дать подобное завѣреніе въ своей искренности. Такимъ образомъ новыя христіанскія общества Сѣвера и Запада, наслѣдникомъ которыхъ является Америка, были основаны на широкихъ принципахъ человѣческой природы, а не на узкомъ толкованіи какого-нибудь текста.

Однако Римъ, послѣ двухъ великихъ расколовъ Христіанской Церкви, все-же пламенно стоитъ за свое правило. Онъ все-же смотритъ на женщину, какъ на соблазнъ. Къ мощамъ Св. Петра (святаго, имѣвшаго жену) не допускаютъ женщинъ, иначе какъ однажды въ году. Женщина не можетъ явиться къ Папѣ иначе, какъ въ траурномъ платьѣ. Въ Римско-Католической обѣднѣ не

дозволяется пѣть женщинамъ. Итальянская церковь конечно логична въ своей практикѣ, если нельзя сказать того же объ ея принципахъ. Гдѣ смотрятъ какъ на грѣхъ на бракъ священника, тамъ могутъ ли не презирать женщину?

Вотъ вопросъ, который слѣдуетъ предложить американскимъ безбрачнымъ школамъ: Туннерамъ Огіо и Шэкерамъ Нью-Іорка.

ГЛАВА XIX.

Возстаніе Женщинъ.

Елизавета Дентонъ, хотя и основательница школы Ясновидящихъ,—еще не есть самая смѣлая изъ американскихъ реформистокъ. Одна школа писателей, которая уже составляетъ церковь съ своими догматами и правилами, съ своими пророками и проповѣдниками, возвышается надъ всѣми мелкими мѣстными вопросами и уносится въ область, какъ говорятъ, еще болѣе благородныхъ истинъ. Права женщинъ! восклицаетъ эта школа. Что такое право въ сравненіи съ силой? Что такое обычай въ сравненіи съ природой? Что такое общественный законъ въ сравненіи съ небеснымъ фактомъ? Право женщины любить, говорятъ эти женскіе реформаторы,—мелкая подробность; ея право на трудъ—ошибка. Ни то, ни другое не должно обращать на себя вниманіе міра. Первое должно подразумѣваться, второе должно быть забыто. Право женщины любить заключается въ другомъ, гораздо высшемъ правѣ, а, по новой теоріи ея жизни, единственное отношеніе, которое она имѣетъ къ труду, это совершенное избавленіе отъ него.

Эти реформаторы не таятся, не прибѣгаютъ къ уловкамъ, а прямо бьютъ въ цѣль. По ихъ словамъ только слабые и скромные реформаторы стали бы толковать о равныхъ правахъ и законахъ. Женщины, говорятъ они, не равны мужчинамъ, а выше ихъ. Онѣ не требуютъ отъ мужчинъ любезности или рыцарскаго обхожденія; онѣ требуютъ, чтобъ они отреклись отъ всякой власти

и передали бы ее въ руки женщинъ. Выражая такое требованіе, онѣ очень хорошо знаютъ, какъ это изумитъ и оскорбитъ ихъ слушателей мужчинъ; но онѣ говорятъ женщинамъ и нимало не ожидаютъ, чтобы мужчины приняли проповѣдываемую ими истину. Онѣ призваны дать міру новое Евангеліе, исполнить предопредѣленную имъ свыше обязанность и вести борьбу,—борьбу соціальную, ни болѣе, ни менѣе. До сихъ поръ, по ихъ словамъ, женщины находились въ рабствѣ; но ихъ день насталъ, ихъ оковы расторгнуты, ихъ свободитель скоро явится. Конецъ всякимъ любезностямъ, іезуитствамъ и уступкамъ съ той и другой стороны; движеніе настоящей минуты есть ни что иное, какъ Возстаніе Женщины противъ Мужчины.

Первый принципъ новой партіи заключается въ томъ, что изъ двухъ половъ женщина гораздо совершеннѣйшее созданіе, позже развивающееся, утонченнѣе по природѣ, величественнѣе по формѣ, возвышеннѣе по типу. Различіе между мужчиной и женщиной велико и глубоко; женщина сродни херувимамъ и сарафимамъ, мужчина—собакѣ и жеребцу. Какъ человѣкъ относится къ гориллѣ, такъ женщина относится къ мужчинѣ. Женское превосходство не ограничивается нѣсколькими ступенями; оно радикальное, органическое, заключающееся въ совершенствѣ ея мозга, въ утонченности ея конструкціи; это превосходство болѣе по существу, чѣмъ по степени. Если природа творитъ все, повидимому, въ восходящей лѣстницѣ, то женщина составляетъ ступень надъ человѣкомъ въ восхожденіи природы къ формамъ ангельской жизни. Это справедливо нетолько въ отношеніи человѣческихъ существъ, но въ отношеніи всѣхъ созданій, начиная отъ женскаго моллюска и до Нью-Іоркской лэди. Человѣкъ только совершеннѣйшій образецъ животнаго, тогда какъ женщина, благодаря ея душевнымъ качествамъ, принадлежитъ къ небесной сферѣ. Онъ царь земли, она вѣстникъ неба.

Оба пола, согласно новому ученію, точно такъ же разнятся по своему назначенію, какъ и по своимъ способностямъ. Человѣкъ долженъ быть труженикомъ, воздѣлывателемъ земли; а его сестра, возлелѣянная на одной груди съ нимъ, предназначена быть пророчицей и ясновидящей. Одинъ созданъ грубымъ, сильнымъ, чтобъ онъ могъ бороться съ внѣшнимъ міромъ; другая создана

слабой, нѣжной, для того, чтобъ она могла вступать въ сношенія съ духовными мірами. Каждый полъ, такимъ образомъ, имѣетъ свою особую область, которая и ограничиваетъ его долгъ и обязанности. Мужчина долженъ работать, женщина любить. Онъ работаетъ плотью, она духомъ. Мужъ вырабатываетъ и наживаетъ, жена раздаетъ и проживаетъ; это дѣлается не изъ капризу, не для шутки, но по волѣ вѣчнаго закона. Мужчина долженъ работать и пахать, женщина расходовать и веселиться; своимъ высшимъ умомъ она заставляетъ его матерьяльныя достоинства служить своей пользѣ и красотѣ. Мужчина воздѣлыватель земли, женщина примирительница. Онъ имѣетъ дѣло съ низшими формами природы, она съ высшими. Человѣкъ побѣждаетъ землю, женщина является посредницей между землей и Богомъ.

Пророчица этой новой церкви—Элиза Фаренгамъ съ Статенскаго острова; храмъ новой вѣры еще не выстроенъ, но ея поклонниковъ, говорятъ, можно встрѣтить въ каждомъ многолюдномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ.

Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ впервые Истина о Женщинѣ озарила умъ Элизы; она тогда была бѣдная дѣвушка, необразованная, ничего незнавшая, ничего невидавшая, подобно большей части новыхъ пророчицъ; она мало читала, говорила только на одномъ языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была чрезвычайно ловка и быстра на соображенія; въ головѣ у ней было много мыслей, на языкѣ много словъ. Эта истина о женщинѣ озарила ее въ 1842 г., въ томъ самомъ году, въ которомъ говорятъ Джозефъ Смитъ получилъ отъ Бога повелѣніе возстановить на землѣ многоженство; до этой истины она дошла не путемъ индукціи, но она озарила ее свыше какимъ-то чуднымъ наитіемъ; говоря проще, она вывела свой догматъ женскаго превосходства, точно такъ же, какъ Смитъ вывелъ свой догматъ многоженства, не изъ фактовъ природы, но изъ тайниковъ своего собственнаго ума. Подобно Смиту, она или скрывала свою тайну, или повѣряла ее только своимъ друзьямъ. По женщины, говоритъ она, могутъ быстро учить другъ друга, и ея идеи распространились повсюду какимъ-то таинственнымъ путемъ. Когда истина озарила ее, она была невинной дѣвушкой; чтобы доказать силу этой истины, она вышла замужъ, сдѣлалась женой, матерью, вдовой.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ она наживала деньги и теряла ихъ; она работала собственноручно для пропитанія, похоронила своихъ дѣтей, также какъ и мужа; странствовала изъ города въ городъ, изъ штата въ штатъ; жила милостями чужихъ людей; и когда волосы у ней уже посѣдѣли и жизнь, въ которой она прошла всѣ радости и горести, клонилась къ концу, только тогда почувствовала она себя готовой на борьбу, не тайную и подъ чужимъ именемъ, но открытую, подъ знаменемъ своихъ принциповъ.

Возстаніе Женщины началось, какъ и слѣдовало ожидать, съ нападенія на чистый разумъ, который міръ, въ своемъ безуміи и несправедливости, поставилъ на высоту недосягаемую для женщины, полагающейся на свою утонченность, на свои вдохновенія. Разумъ—оплотъ мужчины, крѣпость, которую онъ выстроилъ для себя и въ которой онъ живетъ одинъ. Да, разумъ—та почва, на которой онъ создалъ всѣ свои догматы и системы, всю свою поэзію, науку и миѳологію, которые онъ съ такимъ смертоноснымъ искусствомъ обращаетъ противъ подруги своей жизни. Но когда Элиза взглянула поближе на этотъ чистый разумъ, то что она въ немъ нашла? Возвышенную силу, божественный даръ, могучую волю природы, орудіе истины? Нимало. Она увидѣла, что чистый разумъ былъ ни что иное, какъ грубый работникъ, обращавшійся съ природой путемъ тупымъ, матеріальнымъ, подбиравшій факты и года, отыскивавшій причины и слѣдствія, выводившій законы изъ гармоніи. Что значитъ способность человѣка въ сравненіи съ благодатью женщины? Что значитъ методъ противъ силы? Женщина не нуждается въ методѣ. Она знаетъ фактъ, когда его видитъ, чувствуетъ истину, когда она невидима. То, что мужчина созидаетъ въ продолженіе цѣлаго поколѣнія, трудомъ, логикой, наблюденіемъ, женщина схватываетъ однимъ взглядомъ. Для него умъ—тягостный и невѣрный руководитель; для нея созерцаніе—легкое, непогрѣшимое, небесное наитіе. Не пользовался ли человѣкъ—говоритъ Элиза—своимъ разумомъ въ продолженіе всѣхъ прошедшихъ вѣковъ и развѣ онъ открылъ главную истину жизни—естественное превосходство женскаго пола? Разумъ можетъ исполнять болѣе скромныя обязанности, приносить болѣе скромную пользу, ибо онъ можетъ научить человѣка рубить деревья, строить лодки, ловить звѣрей западнями, садить

картофель и жать рожь, огораживать свое поле и укрѣплять свой лагерь; и на основаніи этихъ приносимыхъ имъ пользъ, его можно еще будетъ терпѣть нѣкоторое время, но лишь какъ слугу неизмѣримо высшей воли женщины.

Царство науки было объявлено законченнымъ; царство спиритизма началось. Наука исчадіе мужчины, спиритизмъ исчадіе женщины. Первая—грубое, чувственное явленіе прошедшаго, второй—чистое, святое явленіе будущаго. Наука сомнѣвается, спиритизмъ вѣритъ; одно—дѣло земли, другое дѣло неба. Теперь это Евангеліе Женщины обнародовано, наука перестаетъ руководить открытіями истины, объективный міръ вскорѣ перейдетъ въ субъективный, и женщина, какъ высшее существо, озаренная внутреннимъ свѣтомъ, будетъ читать для насъ тайны неба и ада.

Элиза не учила особой теоріи богословія. Она отвергала Святаго Петра и святаго Павла, Лютера и Крамера; но вѣрила въ Сведенборга. Святые Петръ и Павелъ подчиняли женщину мужчинѣ.

Элиза съ гордостью увѣряла, что хотя ея истина о женщинахъ нова и странна, но доказательства ея справедливости совершенно убидительны для женскаго ума. Что же касается до мужскаго ума, то, по его грубости и несовершенству, ей до него не было никакого дѣла. Виргинецъ никогда не думалъ разсуждать съ своимъ невольникомъ. Истина, которую она проповѣдывала, не требовала подтвержденія мужчинъ, и она ограничивала свою проповѣдь одними женщинами, этими высшими созданіями.

Ея доказательства въ пользу истины, о женщинахъ заключаются въ слѣдующемъ силлогизмѣ:—

Жизнь возвышается пропорціонально сложности ея организма и ея функцій; организмъ женщины болѣе сложный и сумма ея функцій больше, чѣмъ всѣхъ другихъ созданій населяющихъ землю; поэтому ея положеніе въ лѣстницѣ жизни самое возвышенное, она царица всего сущаго.

Этотъ силлогизмъ и составляетъ секретъ Элизы. Самая сложная форма жизни есть ея высшее проявленіе; женская жизнь самая сложная, слѣдовательно самая высокая. Если посылки вѣрны, то и заключеніе должно быть вѣрно. Элиза такъ убѣждена въ справедливости своего силлогизма, что основала на немъ все свое ученіе. Она требуетъ для женщины не болѣе того, что дала ей природа—первенствующее мѣсто на землѣ.

Тоже самое, говоритъ Элиза, существуетъ на всѣхъ ступеняхъ животнаго царства. Самки имѣютъ болѣе органовъ, чѣмъ самцы, а органы—представители силы. Самки имѣютъ тѣ же самые органы, какъ и самцы, и кромѣ того еще двѣ великолѣпныя системы органовъ, которыхъ самцы не имѣютъ. Она говоритъ, что самцы часто физически больше, чѣмъ самки, т. е. насколько величина соразмѣряется длиною рукъ, широтою груди и объемомъ тѣла, но вмѣсто того, чтобы этотъ фактъ обратить въ пользу самца, Элиза увѣряетъ, что самецъ больше только въ грубофизическихъ частяхъ, т. е. въ костяхъ и мускулахъ; но нервовъ и мозгу у него гораздо меньше. Во всемъ, что касается высшихъ проявленій жизни, женщина гораздо развитѣе мужчины. Ея бюстъ отличается гораздо благороднѣйшимъ контуромъ, грудь—красивѣйшими очертаніями. Верхняя часть ея черепа болѣе развита. Вся ткань ея тѣла гораздо нѣжнѣе и мягче. Ея голосъ пріятнѣе, ея слухъ тоньше. Ея жилы болѣе яркаго цвѣта, кожа бѣлѣе, губы болѣе великолѣпнаго алаго цвѣта. Но важнѣе всего то обстоятельство, окончательно закрѣпляющее за женщиной ея превосходство надъ мужчиной, что мозгъ женщины высшаго качества и гораздо быстрѣе развивается.

Такимъ образомъ во всемъ, говоритъ Элиза, женщина имѣетъ преимущество надъ мужчиной. Она знаетъ старинную поговорку, что самецъ у всѣхъ животныхъ красивѣе и лучше самки, но хотя это доказывается многими примѣрами, какъ въ лѣсу, такъ и на улицѣ и на скотномъ дворѣ,—она смѣло оспариваетъ эти факты. Правда, что почти всѣ самцы-животные отличаются болѣе величественнымъ видомъ, что почти всѣ самцы-птицы имѣютъ болѣе блестящія перья, что у нѣкоторыхъ видовъ животнаго царства самцы одарены особыми украшеніями, какъ напримѣръ левъ—гривой, павлинъ—хвостомъ; но—утверждаетъ Элиза, всѣ эти внѣшніе признаки только обманываютъ глаза, — истинная красота все-таки всегда скрывается въ самкѣ. Львица благороднѣе льва; пава отличается большимъ достоинствомъ, чѣмъ павлинъ. Вся красота глупаго лѣниваго пѣтуха заключается въ его голосѣ и перьяхъ. Выщипите эти перья и вы увидите, что курица гораздо нѣжнѣе и красивѣе пѣтуха. Однако Элиза не основываетъ своихъ аргументовъ въ пользу превосходства женщинъ на примѣрѣ

птицъ; ибо полъ въ птицахъ составляетъ для нея нѣчто таинственное; и по многимъ причинамъ (преимущественно потому, что молодыхъ дѣвушекъ называютъ соловьями и лебедями) она полагаетъ, что женскій полъ въ человѣческомъ родѣ равняется мужскому въ птицахъ.

Итакъ, все, что есть лучшаго и блестящаго въ обоихъ созданіяхъ, какъ въ внѣшнихъ признакахъ, такъ и во внутреннихъ качествахъ—красота для глаза, нѣжность для осязанія, мелодичность для уха, сердце для любви, мозгъ для мысли и руководства людьми—развито въ женщинѣ въ гораздо большей и роскошнѣйшей степени. Съ своей стороны мужчина имѣетъ за себя одну только грубую силу. Однимъ словомъ, картина мужчины и женщины, которую рисуетъ Элиза, очень походитъ на картину Калибана и Миранды на ихъ одинокой скалѣ.

Для доказательства справедливости этого взгляда на природу, она обращается къ поэзіи, къ наукѣ, къ исторіи и къ искусству; она приводитъ примѣръ *Корнеліи и матери Гракховъ* (которыхъ она называетъ *двумя* замѣчательными римскими женщинами); она ѣдитъ Шекспира за его низкій взглядъ на женщину и рабскія ея изображенія; она нападаетъ на Бэкона за недостатокъ истиннаго метода и точнаго взгляда на предметы; она бранитъ Микель-Анджело за отсутствіе женской нѣжности въ его картинахъ. Какъ въ ея обращеніи, такъ и въ примѣрахъ, приводимыхъ ею, заключается много диковиннаго. Элиза объявляетъ, что Корнелія *и* мать Гракховъ были только обыкновенными матерями для позднѣйшаго времени; что Шекспиръ ничего не говорилъ о женщинѣ, что было бы достойно какъ ея, такъ и его. Порція, правда,—благоразумная, мужественная и блестящая женщина, но Элиза знаетъ сотню американокъ, которыя гораздо лучше ея. Иммогена—прелестное, чистое созданіе, но жалокъ тотъ человѣкъ, который не знаетъ дюжины двѣ болѣе прелестныхъ дѣвушекъ. Розалинда, Пердита, Офелія, Беатриса — дуры, хотя и красавицы, и Элиза не видитъ въ нихъ ничего хорошаго исключая развѣ отсутствія зла. Набожная Корделія, любящая Констанція, благородная Изабелла, какъ низко пали вы, прелестныя звѣзды утра! Дарвинъ, хотя она и признаетъ его глубокимъ мыслителемъ, ошибается говоря о строеніи человѣка, ибо онъ не нападаетъ на слѣдъ истины о женщинахъ.

Странно, говоритъ Элиза, какъ такой хорошій натуралистъ, какъ Дарвинъ, считаетъ первоначальные органы въ самцахъ за остатки потерянныхъ силъ, тогда какъ для нея ясно, что это зародыши новыхъ силъ. Какъ это ни странно, но это такъ; Дарвинъ считаетъ, что мужскіе сосцы — остатки старинныхъ органовъ, которые нѣкогда исполняли извѣстное назначеніе, другими словами, что мужскіе органы были въ какой-нибудь отдаленный періодъ ближе къ женскимъ, чѣмъ теперь. Элиза напротивъ полагаетъ, что эти сосцы—зародыши новыхъ органовъ, которые будутъ развиваться съ теченіемъ времени; другими словами, что мужскіе органы, благодаря развитію и усовершенствованію, будутъ нѣкогда походить на женскіе. Наука такъ же ошибочна, какъ поэзія, исторія и искусство. Но что такое наука? Только то, что знаетъ мужчина—мужчина, который ничего не знаетъ и который, въ лѣстницѣ созданій, стоитъ ступенью выше чимпанзе! Истинная наука показала бы, что женщина, какъ созданіе, у котораго нѣтъ ненужныхъ органовъ и непримѣняемыхъ ни къ чему силъ, стоитъ во главѣ всѣхъ существъ.

Ева Мильтона, хотя прелестнѣйшая, умнѣйшая и лучшая изъ женщинъ, не довольно возвышенна для Элизы. Ева не сотворена первая въ раю, какъ слѣдовало бы судя по ея быстрѣйшему уму, по ея болѣе смѣлому духу и болѣе возвышеннымъ стремленіямъ. Нѣтъ, новая пророчица горячо возстаетъ противъ Библіи за ея жестокій разсказъ о паденіи человѣческаго рода; она утверждаетъ, что Священное Писаніе передаетъ эту исторію такъ, какъ конечно ее передалъ бы мужчина въ видахъ своей пользы и къ явной невыгодѣ женщинъ. Она разсказываетъ эту исторію за-ново и представляетъ ее въ новомъ свѣтѣ.

По этому новому толкованію, Ева не слабое, но сильное созданіе. Она находитъ Адама въ оковахъ и освобождаетъ его. Онъ обязанъ дурнымъ закономъ жить во мракѣ и неволѣ, обязанъ вести лишь животную жизнь, не вѣдая ни добра, ни зла. Она разрываетъ его оковы и указываетъ ему на путь къ небу. Слѣдствія ея поступка самыя благородныя. Благодаря ей человѣкъ не палъ, а возвысился. Она оказала великую услугу человѣчеству, сорвавъ запрещенный плодъ.

Въ подробностяхъ исторіи паденія человѣка Элиза находитъ

много утѣшительнаго, т. е. конечно разсказывая ихъ по своему внутреннему вдохновенію. Мудрость подъ личиной змѣя обратилась къ женщинѣ, а не къ мужчинѣ, который мало заботился объ истинномъ знаніи. Соблазнъ, которому она подверглась, былъ соблазнъ духовный. Она сорвала запрещенный плодъ въ надеждѣ сдѣлаться умнѣе и божественнѣе. Мужчина только послѣдовалъ ея примѣру. Да, превосходство женщины началось въ раю!

ГЛАВА XX.

Онеидскій Ручей.

На противуположномъ концѣ человѣческой мысли, послѣ системъ Анны Ли, Елизаветы Дентонъ и Элизы Фаренгамъ, является община реформаторовъ, которые называютъ себя съ догматической точки зрѣнія Перфекціонистами, а съ общественной—Библейскими Коммунистами. Эти люди увѣряютъ, что они одни нашли истинный путь и одни дѣйствуютъ практически, тогда какъ всѣ ихъ соперники занимаются только болтовней. Они утверждаютъ, что ихъ теорія семейной жизни основана на Новомъ Завѣтѣ, больше всего на ученіи Св. Павла.

То, что сдѣлалъ этотъ Библейскій Народъ (такъ они себя называютъ) въ сферѣ жизни и мысли, конечно обнаруживаетъ въ нихъ необычайную смѣлость. Они возстановили, по ихъ словамъ, божественное управленіе міромъ; они установили равенство обоихъ половъ; они объявили бракъ обманомъ и собственность воровствомъ; они уничтожили для себя всѣ человѣческіе законы; они формально отреклись отъ подданства Соединеннымъ Штатамъ.

Основатель этой реформаторской школы,—школы, имѣющей уже своихъ пророковъ, свою семинарію, свои журналы и общины, свои ереси и преслѣдованія, своихъ мучениковъ мужчинъ и женщинъ—Джонъ Гумфрей Нойесъ. Это человѣкъ высокаго роста, блѣдный, съ волосами и бородой песочнаго цвѣта, съ сѣрыми задумчивыми глазами, съ красивымъ ртомъ и благороднымъ лбомъ. Онъ немно-

го походитъ на Карлейля; и между его учениками принято говорить, что онъ—вылитый портретъ англійскаго мудреца; эта фикція доставляетъ повидимому удовольствіе Святому. Онъ воспитывался въ Дармутской коллегіи, въ Нью-Гампширѣ; потомъ онъ былъ адвокатскимъ клеркомъ въ Пётнеѣ (Вермонтъ), богословскимъ студентомъ въ Андоверѣ (Массачузетъ), проповѣдникомъ въ Эльской коллегіи (Нью-Гэвенъ), отщепенцемъ отъ конгрегаціонной церкви, отверженцемъ, еретикомъ, агитаторомъ, мечтателемъ, теперь же онъ признается многими людьми за основателя секты, за вдохновеннаго пророка, находящагося въ личныхъ сношеніяхъ съ Богомъ.

Я провелъ нѣсколько дней на Онеидскомъ Ручьѣ, главномъ центрѣ трехъ общинъ, основанныхъ Нойесомъ: Онеиды, Валлингфорда и Бруклина. Въ качествѣ гостя отца Нойеса, я жилъ въ его семействѣ, имѣлъ съ нимъ продолжительныя бесѣды, читалъ его книги и бумаги, имѣвшія даже частный характеръ; разговаривалъ съ его учениками въ его присутствіи и наединѣ; наконецъ я имѣлъ отъ него позволеніе выписывать изъ бумагъ все что мнѣ вздумается. Представляемый мною очеркъ этой странной общины написанъ почти со словъ Нойеса и его учениковъ на самомъ мѣстѣ, когда все, что я видѣлъ, было еще свѣжо въ моей памяти.

— Вы найдете, говорилъ мнѣ Орасъ Грили, когда я отправлялся изъ Нью-Іорка,—что Онеидскіе коммунисты чрезвычайно преуспѣли въ коммерческомъ отношеніи; все же остальное вы сами увидите и тогда составите свое мнѣніе.

Изъ Онеиды, юнаго, дѣятельнаго городка на Нью-Іоркской центральной желѣзной дорогѣ, вы отправляетесь на Онеидскій Ручей по широкой пыльной дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой, позади длиннаго ряда бревенчатыхъ домиковъ съ маленькими садиками, тянется густой зеленый лѣсъ, остатокъ того удѣла, который сострадательныя Нью-Іоркскія власти отвели Онеидамъ, одному изъ шести Индѣйскихъ племенъ, прославившихся въ первоначальной исторіи Нью Іорка своею честностью и постоянной дружбой къ бѣлымъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ ручей этотъ бѣжалъ по дѣвственной землѣ. Тамъ и сямъ бревенчатый домикъ выказывался изъ-за деревьевъ; въ этихъ жилищахъ обитали остатки несчастнаго пле-

мени охотниковъ. Вода изобиловала рыбой, лѣсъ дичью. Этотъ лѣсъ рѣдѣлъ очень медленно, только пожираемый огнемъ. На нѣкоторыхъ солнечныхъ скатахъ виднѣлись небольшія поля маиса; но Онеидскій Индѣецъ былъ дурной земледѣлецъ, и земля, на которой онъ жилъ со своими женами и дѣтьми, трущоба, гдѣ встрѣчались и болота и камни, была почти не тронута рукою человѣка. Индѣйцы продали свою землю Блѣднолицымъ за самую бездѣльную сумму, ибо одни лѣса стоили гораздо дороже. Отъ этихъ вторыхъ собственниковъ Перфекціонисты купили Онеидскій Ручей, съ окружающими его лѣсами и полями, и въ двадцать лѣтъ картина совершенно измѣнилась. Дороги проложены черезъ лѣсъ; на ручьѣ выстроены мосты и плотины; устроены пильные заводы; лѣсъ очищенъ отъ мелкихъ кустарниковъ; выстроены конторы, магазины, большая городская зала; разведены луга, посажены и обведены заборомъ огороды и виноградники; заведены фабрики и заводы, желѣзодѣлательные, шелкопрядильные, пущены въ ходъ различныя ремесла, дѣланіе мѣшковъ, заготовленіе въ прокъ фруктовъ; вообще дикая лѣсная страна превращена въ великолѣпное богатое помѣстье, напоминающее Англію. Немного уголковъ въ Америкѣ могутъ состязаться въ красотѣ съ зелеными лужками и благоухающими садами, окружающими жилище Онеидскаго Семейства. Особенно обворожительна эта картина для глазъ чужестранца, явившагося на Онеидскій Ручей изъ грубыхъ округовъ, даже населенной части Нью-Іорка.

Жилище Перфекціонистовъ, стоящее на возвышенномъ мѣстѣ, замѣчательно, какъ снаружи, такъ и внутри, ибо между законами, отъ которыхъ они отреклись, находятся и семь архитектурныхъ стилей. Строитель этого громаднаго зданія—Эрастъ Гамильтонъ, нѣкогда Ново-Англійскій фермеръ и столяръ, однимъ словомъ работникъ на всѣ руки, какъ всѣ Ново-Англичане; это человѣкъ со смысломъ, съ большимъ тактомъ, не ученый, не ораторъ, но онъ обладаетъ нѣкоторыми природными способностями, которыя дѣлаютъ его достойнымъ быть руководителемъ людей гораздо низшихъ, чѣмъ онъ. Онъ—Отецъ Онеидскаго Семейства, какъ Нойесъ — Отецъ всѣхъ Перфекціонистскихъ Семей; будучи хозяиномъ дома, онъ въ тоже время и его строитель, хотя онъ увѣряетъ, что все въ этомъ домѣ, начиная отъ положенія

въ комнатѣ камина, до выбора книгъ въ библіотекѣ, результатъ особаго божественнаго откровенія. Я могу прибавить, что Отецъ Гамильтонъ пользовался свѣтомъ, даже исходившимъ изъ языческаго ума; такъ онъ почерпнулъ многое отъ моего товарища по путешествію ,Вилльяма Гейвуда, архитектора и инженера.

Въ центрѣ зданія находится большая зала, въ которую проникаютъ черезъ широкій корридоръ и таковую же лѣстницу; эта зала въ одно и тоже время часовня, театръ, концертная зала и мастерская; она снабжена скамейками, покойными креслами, столами, книжными пюльпитрами, сценой и фортепіано. Въ этой залѣ сестры играютъ и шьютъ, старѣйшины проповѣдуютъ, библіотекарь (братъ Питтъ) читаетъ новости, молодые люди и дѣвушки ухаживаютъ другъ за другомъ, т. е. насколько подобное языческое препровожденіе времени допускается въ этой любопытной общинѣ; близь большой залы находится гостиная, собственно говоря женскій будуаръ; а вокругъ этой комнаты расположены спальни семьи и гостей. Въ нижнемъ этажѣ по ту и по другую сторону широкаго корридора находятся контора, пріемная, библіотека и рабочія комнаты. Кухня, столовая, кладовыя и прачешная находятся въ особыхъ флигеляхъ. Житница помѣщается передъ домомъ, и ее отдѣляетъ только небольшой лужокъ; далѣе между зелеными деревьями живописно разбросаны мельницы, заводы, фермы, скотные дворы, конюшни и различныя мастерскія. Все помѣстье занимаетъ 600 акровъ земли; а вся семья, живущая подъ однимъ кровомъ, состоитъ изъ трехсотъ человѣкъ. Все на Онеидскомъ Ручьѣ носитъ на себѣ отпечатокъ богатства, вкуса и спокойствія; а счетныя книги ясно показываютъ, что въ продолженіе послѣднихъ семи или восьми лѣтъ Онеидская Семья нажила большія суммы денегъ, которыя они съ пользой употребили или на основаніе новыхъ заводовъ, или на обработку полей.

Мужчины не поражаютъ особенностью одежды; широкая куртка, круглая сѣрая шляпа и узкіе панталоны составляютъ ихъ обыкновенную одежду, подобно всѣмъ поселянамъ той части Америки. Они не имѣютъ особаго платья для будничныхъ дней и для праздниковъ, ибо они уничтожили всѣ празники и воскресенья вмѣстѣ съ другими человѣческими учрежденіями. Они однако признаютъ, что

Библейскіе Коммунисты — Пророкъ и Семейство.

въ дѣлѣ одежды могутъ быть откровенія свыше и что еще не сказано послѣднее слово въ отношеніи сапогъ и шляпъ. На одномъ изъ вечернихъ собраній братъ Питтъ, чрезвычайно начитанный и образованный человѣкъ, свидѣтельствовалъ въ пользу узкихъ панталонъ. Женщины носятъ особенную одежду, довольно странную, но по мнѣ очень красивую. Она можетъ быть сдѣлана изъ какой угодно матеріи и какого угодно цвѣта, хотя всего употребительнѣе коричневыя и синія утреннія платья, а бѣлыя вечернія. Матеріалами для одежды служатъ: кисея, ситецъ и грубая шелковая ткань. Женщины стригутъ коротко волосы и дѣлаютъ проборъ посреди головы. Кринолины здѣсь совершенно неизвѣстны. Туника, ниспадающая до колѣнъ, шаровары изъ той же матеріи, камзолъ, застегивающійся у горла, короткіе широкіе рукава и соломенная шляпа,—вотъ весь костюмъ, въ которомъ некрасивая женщина не слишкомъ бросается въ глаза, а хорошенькая несказанно прелестна. Мнѣ говорили, что въ соображеніе Отца Нойеса никогда не входила мысль, чтобы женщина его семьи казалась очаровательной, ибо это не согласно съ его теоріей о скромной нравственной жизни женщины; но что касается до меня грѣшника и язычника, то я не могу не засвидѣтельствовать, что многіе изъ его ученицъ одарены рѣдкой красотой и что двѣ изъ пѣвчихъ, Алиса Аклей и Гарріетъ Ворденъ, отличаются такой граціозностью формъ, такою прелестью лица и рукъ, что сердце художника преисполнилось бы радостью.

Все это вы можете увидѣть въ Онеидской Общинѣ въ нѣсколько часовъ, осматривая ее въ качествѣ простаго путешественника подъ руководствомъ брата Больса, бывшаго въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ Баптистскимъ проповѣдникомъ въ Массачузетѣ и теперь ревностнаго Перфекціониста, на котораго возложена исключительная обязанность принимать обыкновенныхъ посѣтителей. Вы видите прекрасный домъ, бархатистый зеленый лужокъ, великолѣпный огородъ и фруктовый садъ съ яблонями, персиковыми, вишневыми и грушевыми деревьями, роскошные виноградники, отлично устроенныя фермы, дѣятельныя мастерскія, многочисленный скотъ, мельницы, пильные заводы, фабрики,—вы видите вездѣ миръ, порядокъ, красоту и матеріальное благосостояніе. Вотъ что представляется обычнымъ посѣтителямъ этой общины, пріѣз-

жающимъ тысячами какъ на пикникъ, чтобы посмотрѣть на всѣ диковинки, послушать хорошую музыку и поѣсть вкусныхъ пироговъ. Конечно все это что-нибудь да значитъ, но это только внѣшніе признаки жизни, а не самая жизнь. Тайна этого страннаго успѣха, основы, на которыхъ зиждется эта община, условія, поддерживающія ее гораздо интереснѣе самаго факта; а эту тайну братъ Больсъ не открываетъ всѣмъ посѣтителямъ общины, пріѣзжающимъ туда какъ на пикникъ.

Извѣстно, что всѣ коммунистическія попытки въ Англіи, Германіи и Америкѣ, начиная отъ Гармоніи Раппа и Новой Гармоніи Овена, до Икаріи Кабе—были неудачны. Мужчины съ замѣчательнымъ умомъ, женщины съ рѣднимъ сердцемъ часто отвертывались отъ того, что они считали зломъ конкуренціи и обращались къ принципамъ ассоціаціи, какъ къ единственному спасительному пути, но ни одни изъ этихъ реформаторовъ, за единственнымъ исключеніемъ безбрачныхъ послѣдователей Анны Ли, не были еще до сихъ поръ въ состояніи создать твердой общины на коммунистическихъ основаніяхъ. Каждая изъ этихъ неудачъ имѣетъ свою исторію, свое объясненіе, показывающія, на сколько близко та или другая попытка была отъ успѣха; но факта неудачи нельзя отрицать. Соціалисты должны были удалиться изъ Нью-Ланарка, Рапписты продали Гармонію, Икарійцы были изгнаны изъ Науво. Свобода, равенство, братство до сихъ поръ никогда не платили своихъ счетовъ; а общество, которое не можетъ уплачивать своихъ издержекъ, должно рано или поздно погибнуть, хотя бы въ другихъ отношеніяхъ оно представляло земной рай. Человѣкъ не можетъ сидѣть цѣлый день подъ пальмой, щелкая орѣхи и чувствуя себя въ мирѣ съ небомъ и землею. Нужда побуждаетъ его дѣйствовать, и онъ долженъ выбирать одно изъ двухъ—или работать или умереть съ голоду. Каждая попытка и каждая неудача ассоціаціи подвергаетъ опасности самый принципъ. «Смотрите, со смѣхомъ восклицаетъ Садукей, гордясь своими землями, дворцами, садами и виноградниками, къ чему вы приходите,—когда вы возмущаете порядокъ, установленный временемъ, природой, Провидѣніемъ! Вы приходите къ нищенству, къ смерти. Да здравствуетъ вѣчно конкуренція, душа торговли, и да будетъ благословенно небо, стоящее за капиталистовъ!»

Если теорія взаимной помощи, какъ противуположная теоріи самопомощи, составляетъ истинный принципъ общественной жизни, какъ говорятъ многіе мужчины и чувствуютъ многія женщины, то отчего же всѣ попытки примѣненія на практикѣ этого принципа кончались неудачей и гибелью?

— Я вамъ это объясню, сказалъ мнѣ Отецъ Нойесъ сегодня утромъ,—всѣ попытки потерпѣли неудачу, ибо онѣ не были основаны на библейской истинѣ. Религія лежитъ въ корнѣ жизни, и твердая соціальная теорія должна всегда выражать религіозную истину. Въ истинной организаціи семьи есть четыре степени: 1) Примиреніе съ Богомъ; 2) Спасеніе отъ грѣха; 3) Братство мужчинъ и женщинъ; 4) Общность въ трудѣ и его результатахъ. Овенъ, Рипли (Ripley), Фурье, Кабе начали съ третьей и четвертой степени; они выбросили Бога изъ своей системы и ихъ дѣло лопнуло.

Нойесъ не скрываетъ своего убѣжденія, что онъ создалъ, съ помощью божественной благодати, новую и совершенную систему общества; что онъ уже установилъ испытанные на практикѣ главные принципы новаго семейнаго порядка; и что общинамъ Онеидской, Валлингфордской и Бруклинской предстоитъ только выработать нѣкоторыя подробности, для того чтобы его ученіе было принято всѣми Соединенными Штатами. Если читателю любопытно знать, какъ этотъ человѣкъ, сдѣлавшій столько въ Америкѣ и о которомъ такъ мало извѣстно въ Англіи, дошелъ до своихъ воззрѣній на религіозную, общественную и семейную жизнь,—то я представлю, со всей свободой мірянина, результаты моихъ изслѣдованій на Онеидскомъ Ручьѣ.

ГЛАВА XXI.

Святость.

Живя еще въ Пётнеѣ (въ Вермонтѣ), простымъ адвокатскимъ клеркомъ, Нойесъ былъ пораженъ тѣмъ страшнымъ религіознымъ движеніемъ 1831 года, которое послужило къ гибели стольнихъ людей въ Новой Англіи. Нойесъ, говорятъ, неожиданно сталъ

серьозенъ и мраченъ; всѣ свѣточи казалось померкли для него, и онъ остался во мракѣ, среди грозныхъ урагановъ, противъ которыхъ мелочная сила его разума не могла представить никакого отпора. Обративъ свой взглядъ вовнутрь себя, онъ созналъ по собственнымъ его словамъ присутствіе въ себѣ грѣха и смерти. Какъ могъ онъ освободиться отъ этихъ золъ? Чувствуя, что міръ и дьяволъ имѣютъ надъ нимъ сильную власть, онъ бросилъ занятія законами и принялся за изученіе болѣе древней науки богословія. Занимаясь новымъ своимъ предметомъ въ Андоверѣ, онъ подпалъ многимъ искушеніямъ, ѣлъ и пилъ въ волю и поддавался многимъ другимъ плотскимъ соблазнамъ. Юные богословы, его товарищи-студенты въ коллегіи, были веселый, разгульный народъ, смѣявшійся надъ всякими религіозными движеніями. Нойесъ наконецъ пришелъ къ тому убѣжденію, что ему надо уйдти изъ Андовера и искать Господа въ другихъ мѣстахъ; открывъ случайно Библію онъ напалъ на слѣдующій убѣдительный текстъ: «Онъ не здѣсь». Получивъ такое небесное откровеніе, онъ тотчасъ покинулъ Андоверъ и перешелъ въ Эльскую коллегію въ Нью-Гэвенѣ, гдѣ онъ сдѣлался великимъ испателемъ истины, нетолько истины въ отношеніяхъ между Богомъ и человѣкомъ, но и въ отношеніяхъ людей между собою. Посреди мечтаній столь же дикихъ, какъ тѣ, которымъ предавались Аравитяне, Нойесъ всегда сохранялъ практическій взглядъ Американца. Онъ чувствовалъ, что божественные законы жизни должны быть совершенны, что еслибъ онъ могъ постичь ихъ, то онъ открылъ бы на столько же законъ земли, какъ и законъ неба. Въ чемъ состоитъ этотъ законъ земли, не языческой законъ, подъ сѣнію котораго мы живемъ, но естественный? Онъ обратился за руководствомъ къ Священному Писанію. Въ Библіи, по его словамъ, онъ искалъ того закона жизни, которому научить не могли его школы. Вдумываясь въ слова Евангелія и изучая слова Св. Павла, онъ нашелъ въ этихъ основныхъ документахъ церкви утѣшеніе, которое не могли дать его душѣ проповѣдники Нью-Гэвена. Св. Павелъ говорилъ ясно его душѣ, но въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ понимали его слова въ Антіохіи и Римѣ.

Изученіе посланій Св. Павла привело его къ тому убѣжденію, что Христіанская Вѣра, какъ она выражается въ церквахъ Евро-

пейскихъ и Американскихъ, даже въ тѣхъ, которыя называютъ себя реформатскими, — ничто иное, какъ громадная историческая ошибка. На землѣ нѣтъ видимой церкви Христовой. Церковь Св. Павла и Св. Петра была истинная церковь — община братьевъ, равныхъ, святыхъ; но она исчезла давно, ибо Господь возвратился въ духѣ, какъ Онъ обѣщалъ, чтобы жить вѣчно посреди своего народа. Въ это вторичное пришествіе,—говоритъ Нойесъ,— Господь уничтожилъ древній законъ, закончилъ царство Адама, очистилъ своихъ дѣтей отъ грѣха и основалъ свое царство въ сердцахъ всѣхъ, которые хотятъ признать Его царство. Нойесъ утверждаетъ, что это второе духовное пришествіе было въ 70 году, тотчасъ послѣ паденія Іерусалима; съ тѣхъ поръ, по его словамъ, была одна истинная церковь и много ложныхъ, носящихъ имя Христово. Первая—церковь Его святыхъ, людей безгрѣшныхъ плотію и духомъ, признающихъ своею главою Христа, ведущихъ жизнь святую, отрицающихъ всѣ законы и обычаи и подчиняющихъ свои страсти Его волѣ; остальныя церкви, церкви міра сего, созданы гордостью и искусствомъ человѣка,—это церкви прелатовъ и кардиналовъ, престоловъ и папъ, кастровъ и пытки, распрей и междоусобій, проклятій и отлученій, безбрачія и присягъ. Дьяволъ, говоритъ Нойесъ, началъ царствовать въ одинъ и тотъ же день со Христомъ, и офиціальныя церкви Греціи и Рима, вмѣстѣ съ ихъ полуреформированными сестрами Англіи и Америки, составляютъ главнѣшія области царства дьявола. Всѣ государства земли принадлежатъ дьяволу, но истинная община, основанная Св. Павломъ и въ среду которой Господь снизошелъ, яко духъ живой, никогда не исчезала совершенно въ сердцахъ человѣческихъ, но, благостью Божьею, она сохранила въ тайнѣ свое существованіе, до того времени, пока настала минута для воскресенія апостольской вѣры и апостольской жизни, не въ развращенной Европѣ или въ отжившей Азіи, но въ юномъ, свѣжемъ обществѣ Соединенныхъ Штатовъ. Пламя этой истинной вѣры вѣчно поддерживали избранныя возвышенныя натуры. Теперь настали день Христовой Церкви. Вѣра, изгнанная изъ дѣловаго, суетящагося міра, воскресла въ сердцахъ юныхъ искателей истины— въ Эльской коллегіи; и такъ семья Христова, изуродованная въ Антіохіи, преслѣдуемая въ Римѣ и превращенная въ карикатуру

въ Лондонѣ, воскресла во всей своей чистотѣ и святости въ Валлингфордѣ, Бруклинѣ и на Онеидскомъ Ручьѣ.

Эта новая американская секта—на столько же церковь, насколько и школа,—правила жизни и правила вѣры одинаково просты. Перфекціонистъ имѣетъ право поступать какъ ему угодно. Конечно, онъ скажетъ вамъ (какъ я слышалъ отъ самаго Нойеса), что по природѣ вещей онъ не можетъ иначе поступать какъ только хорошо, ибо Святой Духъ поддерживаетъ его и руководитъ его дѣйствіями. Нѣкоторые могутъ сбиться съ истиннаго пути, ибо древній Адамъ все-еще бушуетъ въ сердцѣ человѣка; но рѣдкія исключенія не уничтожаютъ вѣчной истины. Мы точно также признаемъ, что король не можетъ поступать дурно, хотя при нашихъ королевскихъ дворахъ бываютъ самые безобразные и преступные скандалы. Перфекціонистъ не знаетъ никакого закона, ни Синайскаго, ни Нагорной Проповѣди, ни того, который принятъ въ судахъ Вашингтона и Нью-Іорка. Онъ не живетъ подъ властью закона, но подъ властью самаго Бога, т. е. онъ дѣлаетъ то, что по его собственному сознанію—добро. Господь освободилъ его, и потому для него слова ничего не значатъ; сила слова окончательно уничтожена вторымъ пришествіемъ Христа на землю. Никакая заповѣдь, никакой гражданскій законъ не обязательны для него, сына благодати, освобожденнаго отъ власти закона и отъ жала смерти. Законы существуютъ для грѣшниковъ—онъ святой; другіе люди впадаютъ въ соблазны — онъ искупленъ Духомъ Святымъ, наложившимъ на него свою печать.

Подобное направленіе ума, которое въ глазахъ язычниковъ кажется возмущеніемъ противъ всего установленнаго, называется Библейскими Коммунистами теоріей смиренія. Въ этомъ мірѣ вы можете избрать единаго господина, которому вы послужите. Вы не можете служить двумъ господамъ: Богу и Мамонѣ. Земля не совершенна; Христосъ—совершенство. Исповѣдуя Христа, вы отказываетесь отъ міра, отрекаетесь отъ него вполнѣ и навсегда. Полумѣры недостаточны для спасенія; и такъ какъ общее направленіе американской мысли (до войны) было въ пользу индивидуальности и противъ общихъ учрежденій, то никто не удивлялся слыша, что Нойесъ и его ученики формально отреклись отъ всякихъ обязанностей въ отношеніи правительства Соединенныхъ

Штатовъ. Другія секты сдѣлали тоже самое: Шекеры, Тункеры, Мормоны, Соціалисты, Икарійцы и многіе другіе. Дѣйствительно, нерѣдко до войны встрѣчались американцы высшихъ классовъ, которые считали государство за нѣчто вродѣ политическаго клуба, куда поступать и откуда выходить было можно когда угодно; но перфекціонистъ пошелъ далѣе на пути отрицанія, чѣмъ Шекеръ, Мормонъ и Соціалистъ, ибо онъ отвергаетъ законъ Божій, точно также, какъ и законы человѣческіе; онъ одинаково отрицаетъ всѣ гражданскіе законы, всѣ государственные статуты, всѣ соборныя постановленія, десять заповѣдей, нагорную проповѣдь, молитву Господню, всѣ старыя правила, всѣ старыя обязательства, принятыя на себя вольно и невольно, отъ зарока трезвости до супружескихъ обѣтовъ. Онъ не признаетъ ничего, что напоминало бы ему о старомъ человѣкѣ, о старомъ гражданинѣ. Онъ отрицаетъ церковь, отрекается отъ всѣхъ своихъ обязательствъ, презираетъ судей и полицію. Повинуясь Богу, онъ отрицаетъ всѣ предохранительныя условія жизни, изобрѣтенныя человѣкомъ. Нойесъ былъ титотеллеромъ, т. е. далъ зарокъ трезвости, но, сдѣлавшись святымъ, онъ началъ пить крѣпкіе напитки. Въ пищѣ онъ былъ воздержанъ, какъ Браминъ,—теперь онъ сталъ ѣсть мясо и пряности. Онъ былъ цѣломудренъ и ложился рано спать,—теперь онъ сталъ пропадать по цѣлымъ ночамъ, таскаться по набережнымъ и посѣщать самые развратные притоны мошенниковъ и публичныхъ женщинъ. Защищая себя передъ людьми, которые не могутъ помирить подобной жизни съ притязаніемъ на святость, Нойесъ говоритъ, что онъ предался соблазнамъ, но сила, на поддержку которой онъ надѣялся, спасла его. Онъ пьянствовалъ, объѣдался и велъ развратную жизнь съ цѣлью освободиться отъ узъ установленныхъ правилъ и системъ. Онъ сказалъ самому себѣ: «Могу ли я надѣяться на Бога, что онъ сохранитъ меня нравственнымъ? Могу ли я предать свои страсти, желанія и стремленія, все, что доселѣ сдерживалось человѣческими законами, могу ли я все это и свою собственную волю предать въ руки Божественнаго Духа и надѣяться лишь на Его благодать?» Онъ отвѣчалъ себѣ, что можетъ и долженъ подчинить руководству Духа Святаго свою вѣру, свои дѣйствія, свое спасеніе; и съ полной вѣрой, съ полнымъ спокойствіемъ, по его словамъ, ходилъ

онъ по вертепамъ нечестія—незапятнаннымъ, невредимымъ, какъ израильскіе юноши стояли въ пещи огненной.

Но какимъ образомъ, можно спросить, доходитъ человѣкъ до такого состоянія благодати? Ничто (насколько мнѣ извѣстно) не можетъ быть легче. Вамъ только стоитъ захотѣть, и дѣло сдѣлано. Добрыя дѣла не нужны, молитвы излишни; ничто не спасаетъ человѣка кромѣ вѣры. Вамъ только стоитъ встать публично рядомъ съ братомъ во Господѣ и принять исповѣданіе во Христѣ. Вы говорите, что вы освобождены отъ силы грѣха, и мгновенно ваша душа очищается отъ него. Въ этой новой американской вѣрѣ факты какъ-бы ожидаютъ словъ, и все что говорится повидимому тотчасъ же исполняется. «Онъ всталъ и исповѣдывалъ свою святость» — вотъ форма, въ которой объявляютъ, что новый агнецъ вступилъ въ стадо отца Нойеса.

Когда Нойесъ началъ проповѣдывать свою теорію нѣсколько лѣтъ тому назадъ, духъ сепаратизма и индивидуализма царилъ во всѣхъ частяхъ Новой Англіи, и многіе думали, что единственная надежда остановить этотъ потокъ, несшій американскую мысль къ общественному хаосу, заключалась въ принципѣ ассоціаціи, примѣняемомъ тогда на дѣлѣ въ такихъ общинахъ, какъ Ливанская Гора, Новая Гармонія и Брукская Ферма. Въ подобномъ смутномъ состояніи общества, неудивительно, что Нойесъ не понялъ сразу, что его теорія индивидуальной дѣятельности была невозможна на практикѣ. Человѣкъ можетъ быть закономъ для себя, но какъ же онъ можетъ быть закономъ для другаго человѣка, который самъ, въ свою очередь, долженъ быть закономъ для самаго себя? Нойесъ можетъ руководствоваться своей собственной совѣстью и Гамильтонъ также, но какъ совѣсть Нойеса можетъ быть закономъ для Гамильтона, или совѣсть Гамильтона закономъ для Нойеса, если они не пойдутъ между собою на сдѣлку? Если они не могутъ заключить такой сдѣлки, то они должны жить особнякомъ; если же они могли сойтись на чемъ-нибудь общемъ, то этимъ самымъ они постановляли законъ, обязательный для обоихъ. Выборъ между этими двумя условіями жизни неизбѣженъ: или хаосъ, или законъ.

Нойесъ встрѣтилъ множество затрудненій въ тотъ день, какъ онъ началъ жить со своими учениками и ученицами согласно не-

бесному порядку, не подъ сѣнію закона, а подъ сѣнію благодати; и прежде чѣмъ община могла практически образоваться, онъ былъ принужденъ ввести въ свою вѣру новый принципъ.

Этотъ второй принципъ называется Симпатіей; роль его въ семьѣ перфекціонистовъ почти таже, какъ и роль общественнаго мнѣнія въ остальномъ мірѣ. Симпатія исправляетъ индивидуальную волю и миритъ естественные порывы съ повиновеніемъ, свободу съ вдохновеніемъ.

Такимъ образомъ братъ можетъ дѣлать все что хочетъ, но все что онъ дѣлаетъ должно быть въ строгой симпатіи съ общимъ желаніемъ. Если общее мнѣніе противъ него, то онъ, значитъ, поступаетъ дурно, т. е. онъ совращается съ пути благодати, и единственное для него средство спасенія—возвратиться вспять и дѣлать то, что согласно съ общимъ желаніемъ. Семья всегда мудрѣе отдѣльнаго ея члена.

Человѣкъ, желающій чего-нибудь для себя, напримѣръ новой шляпы, праздника или милостивой улыбки какой-нибудь молодой сестры, долженъ посовѣтоваться со старѣйшинами. Онъ долженъ узнать объ этомъ мнѣніе всего братства; и если оно не сочувствуетъ его желанію, то онъ долженъ отказаться отъ него. Въ дѣлахъ важныхъ онъ обязанъ испрашивать совѣта у комитета старѣйшинъ, который въ свою очередь можетъ представить дѣло на обсужденіе всей семьи на одномъ изъ вечернихъ собраній.

Много времени прошло прежде, чѣмъ этотъ второй великій принципъ былъ введенъ въ общинѣ перфекціонистовъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ введенъ, эта община имѣла мало успѣха.

ГЛАВА XXII.

Библейская Семья.

Когда Нойесъ былъ еще проповѣдникомъ святости и ходилъ по различнымъ американскимъ церквамъ, онъ обратилъ въ свою новую вѣру Абигаиль Мервинъ (женщина была ему необходима, а Аби-

гаиль была такой ученицей, которой онъ по всей справедливости могъ гордиться) и Джемса Бойля; эти два первые его послѣдователи сдѣлались и первыми отступниками его вѣры. Абигаиль повидимому разсчитывала, что Нойесъ предложитъ ей свою руку, а Бойль имѣлъ надежду, что его выберутъ въ папы; но ни то, ни другое притязаніе не согласовалось съ желаніями отца Нойеса, который рѣшительно былъ противъ брака и хотѣлъ самъ сдѣлаться папой. Они были только первые отступники, ибо съ теченіемъ времени и по мѣрѣ того, какъ принципы святости познавались вполнѣ его народомъ, число единичныхъ отступниковъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Каждый человѣкъ былъ закономъ для себя; божественный духъ говорилъ въ индивидуальныхъ умахъ,—и изъ множества независимыхъ членовъ невозможно было создать церкви. Никто не хотѣлъ поддаваться, никто не хотѣлъ слушаться, никто не хотѣлъ соединяться. Послѣ четырехлѣтнихъ трудовъ Нойесъ увидѣлъ, что онъ стоитъ одинъ; всѣ его любимѣйшіе ученики бросили его: кто возвратился въ міръ, кто основалъ новую ересь, кто ушелъ въ ту самую секту, изъ которой Нойесъ привлекъ его къ себѣ. Пресса открыла противъ него огонь; его обличали въ сумасшествіи,—укоризна, которой онъ впрочемъ часто подвергался, благодаря своимъ дѣйствіямъ и своему ученію. Перфекціонисты продолжали существовать еще, но Нойесъ не былъ ихъ папой.

Наученный горестнымъ опытомъ, что нельзя вить веревокъ изъ песку, онъ обратился, подобно многимъ въ то время, къ принципу ассоціаціи. Оставленный своими старыми друзьями въ Нью-Гэвенѣ, онъ возвратился въ отцовскій домъ въ Пётней (въ Вермонтѣ), гдѣ онъ впервые почувствовалъ влеченіе къ духовной жизни. Тутъ онъ началъ съизнова свое дѣло обращенія всего міра въ новую вѣру,—онъ основалъ библейскій классъ и сталъ учить простыхъ поселянъ путямъ благодати. Нѣкоторые слушали его слова, ибо никогда быть можетъ со дней великаго Ирода и конечно тѣхъ дней, которые предшествовали англійской междуусобной войнѣ, никакой народъ не находился въ такомъ странномъ состояніи нравственнаго хаоса, какъ Соединенные Штаты въ описываемую нами эпоху. Абигаиль Мёрвинъ, покидая эту секту, объявила, что ихъ Евангельская свобода доходила до неприличія. Тоже самое нѣкогда говорилось на улицахъ Іерусалима и на улицахъ Лон-

дона, но пока язычники Нью-Іорка смѣялись надъ новой сектой. вѣрующіе укрѣплялись въ своей ревности. Что былъ для нихъ міръ со всѣми его обычаями и мнѣніями? Пѣтнейскій классъ сталъ твердъ въ своихъ стремленіяхъ, если не великъ по численности; ибо Нойесъ, видя, что качество его учениковъ важнѣе для него ихъ количества, обратилъ всю силу своего ученія, чрезвычайно обширнаго и оригинальнаго, на двѣнадцать слушателей, которыхъ его голосъ привлекъ къ нему въ его родномъ городѣ. Онъ занялся развитіемъ и укрѣпленіемъ вѣры въ этихъ ученикахъ, терпѣливо дожидаясь возможности превратить библейскій классъ въ Библейскую Семью, другими словами, онъ подготовлялъ ихъ и душей и тѣломъ къ великому опыту—жить въ одномъ домѣ безъ всякихъ затрудненій и ограниченій, которыя всегда существуютъ при жизни подъ сѣнію законовъ.

Чтобы поселить цѣлую семью учениковъ подъ однимъ кровомъ, требовался большой домъ; а большой домъ, даже въ Вермонтѣ, гдѣ всѣ зданія деревянныя, стоитъ денегъ. Отецъ Нойесъ былъ бѣденъ; вся его жизнь прошла въ странствіяхъ съ мѣста на мѣсто, у него не было нигдѣ постояннаго жилища, и такимъ образомъ пастырь, подобно своему стаду, не имѣлъ крова, гдѣ укрыться отъ грозы. Между его учениками въ Вермонтѣ была молодая дѣвушка Гарріетъ Гольтонъ изъ хорошаго семейства и съ порядочнымъ состояніемъ. Нойесъ сообразилъ, что такая женщина была бы для него божественнымъ благословеніемъ во всѣхъ отношеніяхъ, еслибъ ему удалось только жениться на ней; но его принципы мѣшали этому. Бракъ былъ совершенно противенъ его теоріи истинной Евангельской жизни, и потому какъ было ему завладѣть ею и ея деньгами? Конечно онъ не могъ предложить ей руки и сердца обыкновеннымъ путемъ, ибо она слышала, какъ онъ всегда проповѣдывалъ противъ брака, какъ признака испорченной жизни; конечно, еслибъ онъ предложилъ ей свою руку, а онъ очень нуждался въ ея деньгахъ, онъ былъ бы обязанъ сказать ей, что онъ не будетъ разсчитывать на ея вѣрность и съ своей стороны также не дастъ никакихъ клятвъ и обѣтовъ. Впрочемъ положеніе Гарріетъ было необыкновенное. У ней не было ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры; ея единственный родственникъ былъ старый, глухой дѣдъ. Она нѣсколько времени тому назадъ была

влюблена въ одного молодаго человѣка, который хотѣлъ на ней жениться; но старикъ помѣшалъ этому браку, вслѣдствіе чего Гарріетъ серьезно занемогла, и старикъ въ припадкѣ раскаянія далъ клятву, что впредь онъ дозволитъ ей дѣлать все что она захочетъ. Такимъ образомъ путь былъ открытъ для Нойеса, и онъ сдѣлалъ ей предложеніе въ слѣдующихъ словахъ (копію этого письма Нойесъ далъ мнѣ самъ въ Онеидѣ):

Объясненіе въ Любви.

Письмо Отца Нойеса къ Гарріетъ А. Гольтонъ.

Пётней,
11 Іюня, 1838 г.

Любезная Сестра,—послѣ долгихъ размышленій, послѣ цѣлаго года, проведеннаго въ ожиданіи проявленія воли Божіей, я теперь въ состояніи, благодаря комбинаціи счастливыхъ обстоятельствъ, предложить вамъ вступить со мною въ товарищество, которое не назову бракомъ, пока не объясню, въ чемъ оно будетъ состоять.

Какъ вѣрующіе, мы уже составляемъ одно другъ съ другомъ и со всѣми святыми. Этотъ первоначальный и всеобщій союзъ гораздо радикальнѣе и, конечно, гораздо важнѣе, чѣмъ всякая частная, внѣшняя связь; относительно этого союза именно сказано: что на небѣ нѣсть мужа и жены, что тамъ не женятся и не посягаютъ. Имѣя это въ виду, мы не можемъ вступить ни въ какія обязательства другъ къ другу, которыя бы ограничивали наши чувства, подобно супружескимъ обязательствамъ, существующимъ въ мірѣ. Я желаю и надѣюсь, что моя супруга и сотрудница въ жизни будетъ любить всѣхъ, которые любятъ Бога, мужчинъ и женщинъ, съ такою силою и теплотою, какія не извѣстны земнымъ любовникамъ, съ такою свободою, какъ будто она не находится ни въ какой особой связи со мною. Дѣйствительно, цѣль моей связи съ нею будетъ не монополизировать, не подвергнуть неволѣ ея сердце или мое, не развить и расширить оба сердца въ свободномъ единеніи со всеобщей божьей семьей. Если внѣшній

союзъ и товарищество мужчины и женщины, основанные на этихъ принципахъ, называются бракомъ, а я знаю, что такой бракъ существуетъ на небѣ,—я безъ малѣйшаго колебанія предлагаю вамъ мою руку и сердце съ обязательствомъ жениться въ должной формѣ, какъ только Богъ позволитъ.

Сначала я хотѣлъ представить вамъ много важныхъ доводовъ въ пользу этого предложенія; но, обдумавъ дѣло, я предпочитаю быть простымъ свидѣтелемъ, а не адвокатомъ, и потому представляю только въ краткихъ словахъ нѣсколько практическихъ соображеній, предоставляя Богу быть моимъ адвокатомъ въ этомъ дѣлѣ; обычные же, романтичные доводы предоставляю вамъ дополнить самимъ; болѣе же мелкія подробности сообщу при личномъ свиданіи.

1) Говоря просто, какъ свидѣтель, а не льстецъ, я васъ уважаю и люблю за ваши многія достоинства: духовныя, умственныя, нравственныя и физическія, и особенно за вашу вѣру, доброту, скромность и простоту.

2) Я убѣжденъ, что товарищество, которое я вамъ предлагаю, послужитъ къ нашему обоюдному счастью и усовершенствованію.

3) Оно также избавитъ по крайней мѣрѣ меня отъ многихъ упрековъ и злостныхъ толкованій, возбуждаемыхъ при настоящихъ обстоятельствахъ моимъ безбрачіемъ.

4) Оно расширитъ нашу сферу и увеличитъ наши средства быть полезными народу Божьему.

5) Я готовъ въ настоящемъ чрезвычайномъ случаѣ свидѣтельствовать своимъ примѣромъ, что я послѣдователь Павла и исповѣдую, что «женитьба честна».

6) Я также готовъ практически свидѣтельствовать противъ тѣхъ узъ свободы, которыя заставляютъ презирать всѣ законы человѣческіе и мѣшаютъ даже подчиниться имъ ради преуспѣянія Божьяго дѣла. Я знаю, что безсмертный союзъ сердецъ, тотъ вѣчный медовый мѣсяцъ, который одинъ достоинъ названія брака, не можетъ быть совершенъ внѣшнимъ обрядомъ; но я точно также хорошо знаю, что подобный бракъ никогда не можетъ быть нарушенъ внѣшнимъ обрядомъ. Вы знаете, что я не имѣю никакого ремесла, кромѣ призванія служителя Божьяго—призванія, которое до сихъ поръ подвергало меня многимъ несчастьямъ и даровало мнѣ мало зем-

наго благополучія. Если вы будете судить меня по моему внѣшнему виду или будете судить о будущемъ по прошедшему, то, конечно, вы найдете въ видимомъ непостоянствѣ моего характера и въ превратностяхъ моей судьбы много такого, что отклонило бы васъ отъ принятія моего предложенія. Касательно этого я только скажу, что сознаю въ себѣ, по милосердію Божьему, духъ твердости, постоянства и преданности къ добру, который дѣлаетъ мнѣ нестерпимымъ мое доселѣ скитальческое призваніе; и я буду такъ радостно привѣтствовать ту минуту, когда небо избавитъ меня отъ этой жизни, какъ изгнанникъ привѣтствуетъ свое возвращеніе домой, послѣ семилѣтнихъ странствій на чужбинѣ. Я не вижу причины, по которой бы мнѣ теперь не обзавестись постояннымъ жилищемъ и не вступить на путь семейной жизни. Быть можетъ вашъ отвѣтъ будетъ гласомъ вопіющимъ ко мнѣ:

«Стражъ! да прекратятся хожденія твои,
И въ мирный домъ свой ты радостно вступи.»

Вашъ во Господѣ,
Дж. Нойесъ.

Гарріетъ, оставленная на свободѣ, отвѣчала проповѣднику такъ, какъ онъ желалъ, и чрезъ нѣсколько дней они соединились; Нойесъ употребилъ ея семь тысячъ долларовъ на постройку дома, на устройство типографіи, покупку прессовъ и шрифтовъ и на изданіе газеты. Пока старикъ былъ живъ, онъ давалъ имъ достаточно денегъ на прожитіе, а послѣ его смерти Нойесъ разомъ получилъ девять тысячъ долларовъ. Онъ не таитъ того факта, что женился на Гарріетъ изъ-за денегъ; по его словамъ она была дана ему за то, что онъ проповѣдывалъ истину.

Первая семья, установленная по небесному порядку въ Пётнеѣ, заключала въ себѣ жену проповѣдника, его мать, сестру и брата; всѣ они остались вѣрны его теоріи семейной жизни. Его мать умерла за нѣсколько дней до моего пріѣзда на Онеидскій Ручей; она была въ преклонныхъ лѣтахъ и умерла въ полной увѣренности, что система, введенная ея сыномъ, была единственная истинная система совершеннѣйшаго общества христіанъ на землѣ.

Эти лица, вмѣстѣ съ нѣсколькими проповѣдниками, форме-

рами и докторами, съ ихъ женами и дочерьми, поселились въ одномъ общемъ домѣ, основавъ, какъ они странно выражались, вѣтвь небеснаго учрежденія. Все это были лица извѣстные и съ состояніемъ; прежде всего они формально отреклись отъ республиканскаго правительства и навѣки отдѣлились отъ Соединенныхъ Штатовъ.

Теперь началась для нихъ новая жизнь, болѣе смѣлая и оригинальная, чѣмъ та, которую пытались вести на Брукской Фермѣ Риплы, Дана и Готорнъ. Они положили конецъ всякимъ молитвамъ и богослуженіямъ, они уничтожили воскресенье, расторгли всѣ семейныя узы и, не производя формально никакихъ разводовъ, прекратили всѣ исключительныя, эгоистическія отношенія между мужемъ и женой. Имущество всѣхъ было соединено въ одинъ общій капиталъ; всѣ частные долги и обязательства перешли на всю общину; всѣ ѣли въ одной комнатѣ, спали подъ однимъ кровомъ и жили на общіе доходы. Сначала братья были очень строги другъ къ другу; такъ какъ писанные законы всѣ были уничтожены, то имъ приходилось для руководства слабыхъ братьевъ и для контроля надъ дурными прибѣгать къ свободной критикѣ ихъ поступковъ. Жизнь братьевъ была тяжелая. Три часа, каждое утро, они проводили въ общемъ залѣ; одинъ часъ посвящался изученію историческихъ трудовъ, могущихъ пролить свѣтъ на Библію; второй часъ безмолвному созерцанію или чтенію Священнаго Писанія; третій обсужденію того, что было прочтено или продумано. Средина дня назначалась для работъ на фермѣ; вечеръ для научныхъ занятій, чтенія, музыки и разговоровъ. Одинъ изъ братьевъ училъ остальныхъ греческому или еврейскому языкамъ; другой читалъ какого-нибудь англійскаго или германскаго писателя о герменевтическихъ вопросахъ; третій вставалъ и произносилъ критику на дѣйствія своего брата святаго. Посреди этихъ постоянныхъ трудовъ, древній Адамъ появлялся между ними и уничтожалъ миръ и согласіе. Одинъ ѣлъ слишкомъ много, другой пилъ слишкомъ много, третій сходилъ съ ума отъ любви. Между братьями возникали распри, подававшія поводъ къ различнымъ толкамъ между ихъ сосѣдями, къ различнымъ разсужденіямъ въ газетахъ, къ дракамъ въ кабакахъ и наконецъ къ процессамъ въ языческихъ судахъ. Чего они должны были всего болѣе опасаться въ своемъ малень-

комъ раю, это — евангельской свободы относительно общности имуществъ и женъ.

Нойесъ сознается, что дьяволъ проложилъ себѣ путь во второй рай точно такъ же, какъ и въ первый, и что въ Пётнеѣ, такъ же какъ въ Эдемѣ, злой духъ дѣйствовалъ чрезъ посредство женщины. Когда нравственный хаосъ въ его маленькомъ раю не могъ быть болѣе скрываемъ, онъ сталъ грустить и отчаяваться. Какъ было ему нести этотъ крестъ? Неожиданный переходъ отъ законныхъ ограниченій къ Евангельской свободѣ долженъ былъ естественно представить жестокіе соблазны страстямъ человѣка. Но какъ могъ онъ вмѣшиваться въ дѣло Божіе? Богъ далъ человѣку его страсти, его желанія, его силы. Эти силы и желанія свободны. Желанія человѣка имѣютъ свое назначеніе и свою функцію въ небесной системѣ; а когда душа свободна, то каждое дѣйствіе подразумѣваетъ опасность злоупотреблять этимъ дѣйствіемъ. Такъ неужели святые должны быть ограничены узами? Онъ этого не сознавалъ. Видя, что многіе изъ его учениковъ обезчестили свое званіе святыхъ, онъ все-же говорилъ себѣ словами Св. Павла: «Развѣ я долженъ идти вспять, потому что явились соблазны?» Для него возвратиться вспять было разорвать свою Библію и бросить свое дѣло. Онъ этого не желалъ, да и не могъ сдѣлать; потому онъ продолжалъ трудиться, усмиряя непокорныхъ, руководя беспечныхъ и изгоняя нераскаянныхъ. Если человѣкъ захочетъ переѣхать изъ одного города въ другой, говорилъ онъ самъ себѣ, то онъ не можетъ этого сдѣлать безъ значительныхъ потерь и ломки; какъ же можно было ожидать, чтобы, переходя изъ земнаго состоянія въ небесное, онъ не понесъ на пути много потерь? Перемѣна обусловливаетъ потерю. Его ученики были не подготовлены къ такимъ тяжелымъ испытаніямъ, и распри, происходившія между ними и кончавшіяся такимъ скандаломъ и удаленіемъ нѣкоторыхъ святыхъ, были отнесены имъ къ тому, что многіе не привыкли еще жить подъ благодатью.

Въ это время смутъ и неудачи были для Нойеса и минуты утѣшенія. У него явились соперники, которые основали подъ предводительствомъ Магана папы и Тэйлора перваго министра такую же перфекціонистскую общину въ Оберлинѣ, въ Ловэнскомъ Графствѣ (Огіо). Маганъ увѣрялъ, что онъ видѣлъ ви-

дѣнія, разговаривалъ съ ангелами и получалъ прямыя сообщенія отъ Бога. Тэйлоръ, ловкій издатель и краснорѣчивый проповѣдникъ, также выражалъ притязанія на божественное откровеніе. Между Нойесомъ и Маганомъ, Пётней и Оберлиномъ начала свирѣпствовать братская вражда, подобная той, которая возгорѣлась между сынами Евы. Согласно перфекціонистскимъ пророкамъ, святость и свобода — два главные элемента въ сферѣ неба, т. е. совершеннѣйшаго общества перфекціонистовъ; но въ примѣненіи правила, что каждый человѣкъ долженъ руководствоваться своимъ собственнымъ свѣтомъ, эти пророки дошли до различія во взглядахъ на важность двухъ основныхъ элементовъ. Возникли споры и распри, основались различныя школы, явились различныя толкованія. Одна сторона ставила свободу выше святости и была извѣстна подъ названіемъ *людей свободы*, а другая ставила святость выше свободы и называлась *людьми святости*. Пётней сталъ за святость, Оберлинъ за свободу,—хотя обѣ общины одинаково отрекались отъ міра и не признавали другаго руководства, какъ руководство Бога. Нойесъ возставалъ противъ Оберлина въ «*Свидѣтелѣ*»; Тэйлоръ отвѣчалъ въ «*Евангелическомъ Вѣстникѣ*»; эта словесная борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ, до тѣхъ поръ пока Пётней совсѣмъ не распался отъ внутреннихъ междуусобій, Тэйлоръ довелъ свою теорію свободы до такихъ крайностей, что подвергся преслѣдованіямъ языческихъ судовъ.

ГЛАВА XXIII.

Новыя Начала.

Когда Пётней сталъ слишкомъ жаркимъ мѣстомъ для Нойеса и его Библейской Семьи, не отъ преслѣдованій со стороны церквей религіознаго Вермонта, но единственно, по словамъ самого Нойеса, отъ оппозиціи пьяной, буйной черни,—проповѣдникъ, передавъ свой домъ и

ферму одному язычнику, удалился изъ своего роднаго города на Онеидскій Ручей,—мѣсто, по своей красотѣ, отдаленности и плодородію, казавшееся вполнѣ удобнымъ для терпѣливаго примѣненія на практикѣ его плана новой общественной и семейной жизни. Мэри Крагинъ съ энергіею принялась за это дѣло, она привела съ собою своего мужа Джорджа и еще нѣкоторыхъ друзей испытанной преданности; она сдѣлалась для этого новаго предпріятія тѣмъ, чѣмъ Маргерита Фуллеръ хотѣла быть, но не была въ отношеніи менѣе смѣлой коммунистической попытки въ Брукской Фермѣ.

Около пятидесяти человѣкъ съ такимъ же числомъ женщинъ и дѣтей соединили въ одну казну всѣ свои средства, построили деревянный домъ со службами, купили участокъ земли, который они тотчасъ принялись очищать отъ лѣса и обработывать; они еще разъ отказались отъ міра сего, со всѣми его нравами и обычаями, объявили, что ихъ семья отдѣлилась отъ Соединенныхъ Штатовъ, отъ общества людей, подобно тому, какъ Авраамъ и его родъ были совершенно отдѣлены отъ Народа Харранскаго. Новая Библейская Семья объявила себя вѣтвью видимаго Царства Небеснаго. Многіе изъ Святыхъ находились прежде въ Пётнеѣ и потому были уже опытны въ путяхъ благодати; а Ной-есъ постановилъ въ новомъ жилищѣ завѣтъ, который показался бы язычнику совершенно излишнимъ на Онеидскомъ Ручьѣ, именно завѣтъ наслаждаться жизнью.

Въ Пётнеѣ, по его словамъ, они вели слишкомъ строгую жизнь, слишкомъ много занимались науками, слишкомъ строго смотрѣли на ошибки другъ друга. Въ ихъ новомъ жилищѣ Небо не будетъ требовать отъ нихъ такой строгости. Еслибъ Богъ предназначалъ Адаму молиться и соблюдать вѣчные посты, спрашивалъ Ной-есъ, то развѣ Онъ помѣстилъ бы его въ прелестномъ саду, посреди самыхъ великолѣпныхъ фруктовъ, соблазнявшихъ его на каждомъ шагу? Нѣтъ; Творецъ благословилъ его желаніями всего хорошаго и потомъ изгналъ его изъ рая на зеленый лугъ питаться травою! Но кто эти святые Онеидскаго Ручья? Это люди въ положеніи Адама до грѣхопаденія,—люди безгрѣшные, которымъ все позволительно, ибо все невинно. Почему же имъ не ѣсть, не пить, не любить, сколько проситъ душа, подъ постояннымъ руководствомъ Духа Святаго?

Братья не постановили никакихъ правилъ, не избрали никакихъ начальниковъ. Каждый мужчина долженъ быть закономъ для себя, каждая женщина для себя; что же касается до начальниковъ, то братья объявили, что природа и образованіе дѣлаютъ людей начальниками другъ надъ другомъ, поставляя ихъ на такія мѣста, для которыхъ они рождены и подготовлены; другими словами, они говорили, что Богъ самъ управляетъ ими, съ помощью Отца Нойеса, видимаго папы и царя. Все достояніе и доходы братьевъ были отдаваемы Христу; и ими пользовались только тѣ, которые соединились съ Нимъ духовно. Жены и дочери святыхъ должны были быть столь же общими, какъ хлѣбъ и рыба.

Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ община перфекціонистовъ стойко вынесла всѣ труды, заботы и испытанія тяжелаго искуса: борьба извнѣ и нужда внутри подвергали братьевъ различнымъ соблазнамъ, которыхъ не пережили бы никакіе ревностные фанатики, кромѣ этой общины Ново-Англійскихъ фермеровъ, работниковъ и ученыхъ. Мэри Крагинъ потонула въ Гудсонской рѣкѣ, и долго не могли найдти ей преемницы. Нойесъ вступилъ въ переговоры съ Абигаиль Мервинъ, его первой ученицей, къ которой все-еще, по его словамъ, питалъ любовь духовную. Абигаиль не хотѣла и слышать о подобномъ сближеніи. Я долженъ прибавить, что она еще жива, и говорятъ Нойесъ не перестаетъ тѣшить себя надеждой, что когда-нибудь привлечетъ ее въ свое стадо. Сестра Скиннеръ сдѣлалась тогда женской главой общины—Матерью Семьи; но теперь она живетъ въ Валлингфордѣ, а сестра Дуннъ—номинальная Мать на Онеидскомъ Ручьѣ. Ея власть, мнѣ кажется, очень не велика, и я полагаю, что главной богиней на Онеидскомъ Ручьѣ можно считать или сестру Джослинъ, женщину-поэта, или сестру Елену Нойесъ. Но такъ какъ власть зависитъ отъ всеобщей симпатіи, то юныя пѣвицы—сестра Алиса и сестра Гарріетъ — повидимому не менѣе подчиняютъ людей своимъ чарамъ. Я говорю это потому, что самъ на себѣ испыталъ вліяніе этихъ чаръ. Несмотря на тяжелую жизнь и грубую пищу братьевъ, самые разнообразные и странные люди поступали въ ихъ число: Массачузетскій проповѣдникъ, корректоръ изъ лондонской типографіи, Канадскій охотникъ силками. Изъ всѣхъ этихъ новообращенныхъ въ Царствіе Небесное тотъ, который

казалось всего менѣе могъ принести пользы общинѣ, канадскій охотникъ, сдѣлался дѣйствительнымъ основателемъ ея благосостоянія. До тѣхъ поръ святые душой и тѣломъ предавались обработкѣ земли, подобно тѣмъ Шэкерамъ, у которыхъ по словамъ Старѣйшины Фредерика, Нойесъ научился первымъ основамъ общественной экономіи; но искусство ростить яблоки и груши, дѣлать сиропы слишкомъ обыиновенно и общепринято въ Америкѣ, чтобы кто-нибудь могъ этимъ нажить себѣ состояніе. Семья дѣлала все что могла, и надо сознаться, что успѣхъ ея въ этомъ отношеніи былъ такой, какого только можно было ожидать. Въ прошломъ году, судя по счетнымъ книгамъ, они продали варенья и маринованія на двадцать пять тысячъ долларовъ. Но великолѣпный домъ, дѣятельныя фабрики, роскошные сады и луга въ Онеидѣ созданы не яблоками и грушами. Они главнымъ образомъ обязаны своимъ существованіемъ ловкимъ рукамъ Сьюеля Ньюгауза, канадскаго охотника силками.

Одинъ изъ большихъ промысловъ Америки—промыслъ силками и ловушками. Въ нихъ ощущается громадная потребность, ибо страна изобилуетъ всякаго рода вредными звѣрями и гадами, начиная отъ громаднаго медвѣдя въ Скалистыхъ Горахъ до обыкновенной полевой мыши; но американскіе механики, столь ловкіе на всевозможныя хитрыя машины, отъ швейной машины до пробочника, предоставляли до послѣдняго времени производство ловушекъ исключительно германскимъ городамъ Золингену и Эльберфельду. Такимъ образомъ вся западная и сѣверная Америка получала ловушки изъ-за Рейна. Когда же братъ Ньюгаузъ поселился на Онеидскомъ Ручьѣ и сталъ заниматься машиннымъ производствомъ, онъ какъ старый охотникъ тотчасъ замѣтилъ, что нѣмецкія ловушки можно было во многомъ исправить, хотя онѣ въ своемъ родѣ были довольно хороши и дешевы; принявшись за дѣло, онъ вскорѣ сдѣлалъ ловушку гораздо легче старой, гораздо проще по формѣ и смертоноснѣе для пойманнаго звѣря. Онеидская ловушка быстро сдѣлалась предметомъ вниманія всего Мадисонскаго Графства и потомъ всего Нью-Іоркскаго Штата. Заказы на нее посыпались безъ конца; братья выстроили кузницы, наняли механиковъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣмецкихъ ловушекъ никто уже не покупалъ и они валялись грудами въ Нью-Іоркскихъ кладовыхъ. Въ одинъ годъ

семья нажила этими ловушками восемьдесять тысячъ долларовъ, и хотя доходъ впослѣдствіи уменьшился, когда другіе переняли секретъ святыхъ, все-же производство ловушекъ приноситъ Онеидѣ ежегодно и теперь около трехъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Съ перваго взгляда тотъ фактъ, что царствіе небесное на землѣ обязано своимъ существованіемъ продажѣ ловушекъ, кажется чрезвычайно комичнымъ. Осматривая кузницы и мастерскія съ отцемъ Гамильтономъ, я не могъ удержаться, чтобъ не замѣтить, что подобную работу какъ-то странно видѣть въ рукахъ святыхъ. Онъ отвѣчалъ очень серьезно, что земля находится подъ проклятіемъ, что всяческіе гады—слѣдствіе этого проклятія, и потому святые обязаны вести противъ нихъ войну и уничтожать ихъ повсюду—слѣдовательно торговля ловушками вполнѣ умѣстна и законна! Въ Нью-Іоркскомъ Штатѣ всѣ люди такіе ловкіе казуисты и адвокаты, что конечно никто не полѣзетъ въ карманъ за аргументами въ пользу того, что приноситъ ему выгоду.

Какъ бы то ни было, братья стали дѣлать ловушки, а тамъ ловушки стали поддерживать братьевъ.

Внутренніе порядки въ семьѣ повидимому шли рука объ руку съ внѣшнимъ коммерческимъ успѣхомъ. Теорія управленія безпокойными умами посредствомъ симпатіи или общаго сочувствія изъ идеи выработалась въ цѣлую науку; и главнымъ занятіемъ на вечернихъ собраніяхъ сдѣлалось теперь осуществленіе этого общаго сочувствія путемъ свободной критики. Я присутствовалъ на одномъ изъ подобныхъ митинговъ, на которомъ Сидней Джослинъ, сынъ женщины-поэта Онеидскаго Ручья, былъ подвергнутъ публичному допросу и слѣдствію. Братъ Питтъ открылъ засѣданіе описавъ молодаго человѣка нравственно и физически и выставивъ съ очевидной добротой, но и съ удивительной откровенностью, все дурное, что онъ когда-либо видѣлъ въ Сиднеѣ: его лѣность, чувственность, страсть къ нарядамъ, надутость въ рѣчи и недостатокъ уваженія къ старшимъ. Отецъ Нойесъ, отецъ Гамильтонъ и братъ Больсъ говорили послѣ Питта; ихъ замѣчанія были такіе строги; потомъ сестра Джослинъ, мать обвиненнаго, возвысила голосъ съ еще большею силою противъ него; затѣмъ встали мать Дуннъ и цѣлая толпа свидѣтелей. Бо́льшая часть изъ нихъ гово-

рила объ его добрыхъ дѣлахъ, двое или трое замѣтили даже, что со всѣми его заблужденіями Сидней человѣкъ геніальный и истинно святой, дѣлающій честь Онеидѣ; но балансъ свидѣтельствъ былъ рѣшительно противъ обвиняемаго. Никому не дозволяется защищать себя лично и тотчасъ же. Друзья могутъ замолвить за него слово и, такимъ образомъ нѣсколько измѣнить жестокое или несправедливое осужденіе, самъ же обвиненный долженъ безмолвно удалиться въ свою комнату, обдумать списокъ своихъ недостатковъ, столь щедро составленный его братьями, и если онъ имѣетъ что-нибудь сказать относительно тяжелыхъ обвиненій, взведенныхъ на него, то онъ обязанъ написать этотъ отвѣтъ и представить его, не отдѣльнымъ своимъ критикамъ, а всей общинѣ, въ одномъ изъ вечернихъ собраній.

На другой день послѣ слѣдствія надъ поведеніемъ Сиднея Джослина, слѣдующій отвѣтъ его былъ прочтенъ въ большомъ залѣ:

Общинѣ.

«Я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить мою благодарность за критику моего поведенія, представленную вчера, за совѣты данные мнѣ и вообще за чистосердечіе всѣми выраженное.

Я хочу поблагодарить мистера Нойеса за его искренность въ особенности въ прошедшія времена. Я хорошо помню, что я тогда чувствовалъ себя очень близкимъ къ нему и свободно съ нимъ разговаривалъ; я считаю эти дни счастливѣйшими въ моей жизни, я всегда сожалѣлъ, что отшатнулся отъ него. Я любилъ его и убѣжденъ, что еслибъ оставался въ тѣхъ же отношеніяхъ съ нимъ, то сдѣлался бы лучшимъ человѣкомъ и приносилъ бы большую пользу, какъ ему, такъ и всей общинѣ. Я убѣжденъ, что моя любовь къ нему все-же оказала мнѣ большую услугу и съ тѣхъ поръ она постоянно увеличивалась во мнѣ, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства; въ самые мрачные часы моей жизни его духъ поддерживалъ меня и не позволялъ мнѣ поддаться злымъ соблазнамъ. Я желаю сознаться въ моей любви къ мистеру Гамильтону и въ моемъ довѣріи къ нему, какъ къ руководителю.

Я искренно благодарю его за долгое терпѣніе ко мнѣ и за неутомимыя усилія сблизить меня съ общиной и со Христомъ.

Я исповѣдую, что Христосъ руководитъ моимъ языкомъ и чувствую въ себѣ истинный духъ смиренія.»

Сиднеи.

Болѣе всего однако меня поразило въ этихъ критикахъ, послѣ ихъ практическаго значенія для управленія людьми, которые отреклись отъ всѣхъ человѣческихъ законовъ, это не ихъ искренность, а изысканность доводовъ. Многія изъ замѣчаній были чрезвычайно глубоки и тонки, выказывая въ братьяхъ рѣдкую способность къ анализу, развитую ежедневнымъ опытомъ.

Я долженъ прибавить, что хотя многіе молодые люди свидѣтельствовали противъ Сиднея, но ни одна молодая женщина не возвысила голоса. Пожилыя женщины говорили довольно свободно, а одна старуха выразилась объ немъ такъ откровенно, что языческій юноша не стерпѣлъ бы этого. Причины этого заключались не въ томъ, чтобы молодыя дѣвушки всѣ любили Сиднея и потому удерживались отъ критики, но въ томъ, что, какъ молодыя дѣвушки, онѣ имѣли мало до него дѣла и слѣдовательно не могли знать его недостатковъ. Но тутъ мы касаемся одной изъ самыхъ глубокихъ тайнъ Онеидскаго Ручья.

Въ Семьѣ нѣтъ ни стряпчихъ, ни докторовъ; и однако братья утверждаютъ, что между ними нѣтъ ни ссоръ, ни болѣзней. Слѣдуя старинному американскому правилу, заимствованному изъ провинціальной Англіи, семья завтракаетъ въ 6 часовъ утра, обѣдаетъ въ 12, ужинаетъ въ 6 вечера; точно также арабы и всѣ дѣти природы ѣдятъ и пьютъ три раза въ сутки: при восходѣ солнца, въ полдень и при закатѣ. Нѣкоторые изъ болѣе слабыхъ святыхъ ѣдятъ мясо птицъ и звѣрей; болѣе твердые и развитые питаются только зеленью и фруктами. Отецъ Нойесъ ѣстъ мясо по привычкѣ, но очень мало, доказавъ на опытѣ, что оно не есть необходимость для его здоровья. Прошлою осенью партія святыхъ отправилась въ Канаду подъ предводительствомъ Ньюгауза для ловли бобровъ; они провели тамъ пять недѣль посреди неутомимыхъ трудовъ и возвратились съ новыми силами и съ новымъ здоровьемъ. Никто въ семьѣ не пьетъ вина и пива, развѣ только иногда немного

вишневой или крыжовниковой наливки въ-видѣ лекарства. Я отвѣдалъ три или четыре сорта такого домашняго напитка и согласенъ съ отцемъ Нойесомъ, что его ученикамъ лучше воздерживаться отъ такого питья.

ГЛАВА XXIV.

Пантагамія.

(*Сложный Бракъ.*)

Какъ описать мнѣ простыми словами внутреннюю семейную жизнь, столь откровенно обнаженную передо мною религіозными фанатиками Онеидскаго Ручья? Еслибъ мнѣ пришлось говорить объ этомъ съ Арабами, то я легко вышелъ бы изъ затрудненія, такъ какъ Арабы наслѣдовали отъ своихъ отцовъ привычку называть всякую вещь своимъ собственнымъ именемъ. Мы, Европейцы, придерживаемся совершенно другаго обычая; мы скрываемъ природу подъ краснорѣчивымъ молчаніемъ; мы удовлетворяемъ наше любопытство изученіемъ всѣхъ фактовъ, касающихся жизни деревъ, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ и старательно скрываемъ подъ темною завѣсою все, что касается жизни и природы человѣка.

Джоржъ Крагинъ, одинъ изъ сыновей Мэри Крагинъ, молодой человѣкъ, съ хорошими способностями и хорошаго образованія, болѣе же всего съ хорошей нравственностью, только-что вышедшій изъ коллегіи, гдѣ онъ получилъ докторскій дипломъ, разсказалъ мнѣ со всею откровенностью брата исторію своего сердца. Онъ повѣдалъ мнѣ, какъ впервые въ его сердцѣ проснулась любовь, какъ она была принята, какъ онъ ощутилъ чувство стыда, какъ развились въ немъ плотскія желанія, какъ онъ научился искусству самовоздержанія (составляющей дисциплину его жизни, какъ религіознаго человѣка), съ той минуты, какъ онъ созрѣлъ физически, до той, въ которую мы разговаривали на Онеидскомъ Ручьѣ. Эта исторія человѣческой души въ ея самыхъ тайныхъ стремленіяхъ — самая странная исторія, какую я толь-

ко когда-либо слышалъ или читалъ. Я записалъ ее со словъ молодаго человѣка, сидя съ нимъ въ саду подъ яблонью, но я не имѣю никакого права печатать ни одной строки изъ этой откровенной исповѣди всего, что онъ чувствовалъ, выстрадалъ и чему научился въ школѣ любви,—исповѣди произнесенной имъ скромно, серьезно, чисто научнымъ тономъ. Я видѣлъ на Онеидскомъ Ручьѣ сотню писанныхъ разсказовъ подобнаго же рода, хотя большая часть ихъ была не такъ подробна и полна. Когда-нибудь черезъ нѣсколько лѣтъ подобные документы сдѣлаются достояніемъ науки и послужатъ быть можетъ основами новыхъ теорій физіологическихъ и экономическихъ. Нынѣ онѣ тайна и должны оставаться таковой.—«Эти исторіи человѣческихъ чувствъ, сказалъ мнѣ братъ Больсъ,—будутъ лежать до тѣхъ поръ, пока общество не будетъ достаточно подготовлено, чтобы принять ихъ и извлечь изъ нихъ пользу; когда ученые начнутъ изучать жизнь человѣка, какъ они теперь изучаютъ жизнь пчелъ, то мы Библейскіе Коммунисты будемъ въ состояніи представить имъ множество старательно произведенныхъ наблюденій.»

Самую сущность ихъ семейной системы—отношенія половъ между собою—они называютъ сложнымъ бракомъ. Общность имуществъ, говорятъ они, подразумѣваетъ и общность женъ. По словамъ отца Нойеса совершенно ошибочно мнѣніе, что человѣкъ можетъ любить только разъ въ жизни и что онъ можетъ любить одинъ только предметъ въ данное время. «Мужчины и женщины, говоритъ онъ, находятъ вообще, что ихъ сила любви не расходуется однимъ медовымъ мѣсяцемъ, или не удовлетворяется однимъ милымъ. Напротивъ, тайная исторія человѣческаго сердца вполнѣ ясно доказетъ, что оно способно любить сколько бы то ни было разъ и сколько бы не было лицъ; что, чѣмъ болѣе оно любитъ, тѣмъ болѣе оно можетъ любить. Это законъ природы.» На этомъ основаніи въ библейской общинѣ, обитающей на Онеидскомъ Ручьѣ, главный фактъ семейной жизни состоитъ въ сложномъ бракѣ всѣхъ членовъ между собою, каждаго съ каждымъ и каждаго со всѣми. Этотъ обрядъ совершается при самомъ поступленіи новаго члена въ семью, все равно мужчина то, или женщина. Такимъ образомъ вся община состоитъ изъ одного брачнаго цикла, въ которомъ каждый мужчина братъ и мужъ каждой

женщины, а каждая женщина жена и сестра каждаго мужчины. Бракъ, какъ обрядъ и какъ фактъ, уничтоженъ ими навѣки во имя истинной вѣры; они громко заявляютъ свое убѣжденіе, что такое исключительное и эгоистичное учрежденіе, какъ бракъ, будетъ отвергнуто всѣми честными церквами, съ той минуты, когда міръ освободится отъ ложной идеи, что любовь—грѣхъ.

Чтобъ меня не заподозрили въ искаженіи словомъ или колоритомъ того, что совершается въ этомъ странномъ братствѣ, я приведу изложеніе соціальной теоріи отца Нойеса, имъ самимъ составленное для меня:

Отецъ Нойесъ о Любви.

«Общины вѣрятъ, въ противуположность сантиментальнымъ романистамъ и другимъ подобнымъ людямъ, что любовь можно руководить и контролировать и что она даетъ гораздо лучшіе результаты, когда ее истинно руководятъ и направляютъ. Онѣ вполнѣ отвергаютъ мысль, что любовь—неизбѣжный рокъ, которому должно предоставить свое теченіе; онѣ убѣждены, что все дѣло любви и ея выраженія должны быть подвергнуты просвѣщенному контролю самого человѣка и должны быть направлены къ достиженію наибольшей пользы. Въ общинахъ дѣло любви находится подъ спеціальнымъ наблюденіемъ отцевъ и матерей, другими словами мудрѣйшихъ и лучшихъ членовъ; объ этомъ вопросѣ часто разсуждаютъ на вечернихъ собраніяхъ, и онъ подвергается общей критикѣ. Отцы и матери руководятся въ своихъ сужденіяхъ нѣкоторыми общими принципами, выработанными и хорошо сознанными въ общинахъ. Одинъ изъ нихъ называется принципомъ восходящей связи. Въ общинахъ считается лучшимъ для молодыхъ людей обоихъ половъ находиться въ любовныхъ связяхъ съ лицами старѣе ихъ, если возможно болѣе развитыми въ духовномъ отношеніи и въ самовоздержаніи. Это только иная форма общепринятаго принципа контрастовъ. Физіологи доказали, что не слѣдуетъ соединяться въ любви людямъ одинаковыхъ характеровъ и одинаковой натуры. Коммунисты открыли, что нехорошо двумъ не-

опытнымъ и неразвитымъ духовно лицамъ находиться въ любовной связи между собою, что гораздо лучше для обоихъ быть въ сношеніи съ лицами болѣе зрѣлыми и мудрыми.

Другой общій принципъ, хорошо сознанный и примѣняемый въ общинахъ, состоитъ въ томъ, что не желательно, чтобы два лица были исключительно привязаны другъ другу, чтобы они поклонялись другъ другу, какъ идолу, несмотря на то, что этотъ обычай очень распространенъ между сантиментальными людьми. Они считаютъ подобную исключительную идолопоклонническую любовь вредной и гибельной. Коммунисты утверждаютъ, что сердце должно быть открыто для всеобщей любви, что оно должно любить всѣхъ хорошихъ и достойныхъ людей, что въ немъ никогда не должны царить исключительность, идолопоклонство и эгоистичная любовь, въ какой бы то ни было формѣ.

Третій принципъ, принятый въ общинахъ, заключается въ томъ, что никакое лицо не обязано въ какое бы то ни было время и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ входить въ связь съ тѣмъ, кто ему не нравится. Общины обязаны охранять всѣхъ своихъ членовъ отъ непріятныхъ отношеній и столкновеній между собой. Каждая женщина вольна отказать каждому мужчинѣ.

Четвертый принципъ гласитъ, что мужчинѣ, желающему войти въ сношенія съ женщиной, гораздо лучше прежде личныхъ свиданій обратиться къ посредничеству третьяго лица. Вопервыхъ потому, что дѣло такимъ образомъ подвергается контролю общины, а вовторыхъ потому, что женщина можетъ тогда отказаться отъ сдѣланнаго ей предложенія безъ стыда и затрудненія.

Подъ руководствомъ этихъ главныхъ принциповъ, практическое примѣненіе соціальной теоріи коммунистовъ встрѣчаетъ мало трудностей. По мѣрѣ того, какъ члены общинъ развиваются, духовное сознаніе ихъ просвѣтляется, и они сами руководятъ своими дѣйствіями согласно этимъ принципамъ. Главная цѣль научить каждаго самовоздержанію. Это ведетъ къ величайшему счастью въ любви и къ величайшей пользѣ всѣхъ.....»

Порядокъ жизни на Онеидскомъ Ручьѣ даетъ, гораздо болѣе власти женщинамъ, чѣмъ онѣ могутъ пользоваться подъ сѣнію законовъ; и это усиленіе власти женщинъ составляетъ основ-

ную черту всѣхъ новыхъ общественныхъ системъ Соединенныхъ Штатовъ. На Онеидскомъ Ручьѣ я видѣлъ и самъ испыталъ, насколько увеличилась власть женщинъ; а братъ Гамильтонъ увѣрялъ меня, что въ женской жизни, которую я не могъ близко наслѣдовать, заключается много очаровательнаго. Всѣ женщины повидимому дѣятельны, энергичны и довольны своей судьбой; тѣ, съ которыми мнѣ удалось говорить объ этомъ предметѣ, свидѣтельствовали, что онѣ очень счастливы. Быть можетъ существуетъ одно исключеніе изъ общаго правила; одна лэди, которую я не назову, намекнула мнѣ, что она быть можетъ когда-нибудь уйдетъ изъ общины домой къ друзьямъ.

Въ первое время существованія Онеидскаго Ручья внѣшній міръ велъ съ нимъ такую же ожесточенную войну, какъ и въ Путнэѣ; онъ издѣвался надъ свободной любовью и пистолетными выстрѣлами отвѣчалъ на отрицаніе собственности. Нойесъ во всѣхъ своихъ спорахъ съ Баптистскими и Конгрегаціональными проповѣдниками, во всѣхъ своихъ болѣе опасныхъ столкновеніяхъ съ Мадисонскими фермерами, упорно настаивалъ на томъ, что царство Христово основанное на Онеидскомъ Ручьѣ, должно быть судимо во всей его цѣлости. Гражданскіе принципы по его словамъ только подспорье религіознымъ; и на всѣ жалобы извнѣ онъ отвѣчалъ и отвѣчаетъ до сихъ поръ: «Посмотрите на нашъ счастливый кружокъ; мы работаемъ, мы отдыхаемъ, мы занимаемся науками, мы наслаждаемся жизнію; миръ царитъ въ нашей семьѣ; наши молодые люди здоровы, наши молодыя женщины красивы, блестящи; мы живемъ хорошо и не расположены болѣе нашего желанія.»

Съ теченіемъ времени враждебное чувство міра мало по малу уменьшалось, особенно съ тѣхъ поръ какъ міръ увидѣлъ, что члены этой общины, хотя быть можетъ и несправедливо толкуютъ Св. Писаніе, но искренно исполняютъ на практикѣ то, что проповѣдуютъ. Отецъ Нойесъ пользуется теперь большой популярностью въ своемъ околодкѣ, гдѣ народъ судитъ о немъ и его ученикахъ по результатамъ ихъ дѣлъ.

Но пророкъ не можетъ посвящать всю свою жизнь маленькой фермѣ и учить своихъ учениковъ собственнымъ примѣромъ, какъ надо жить на землѣ. Нойесъ находитъ, что у него есть дѣла важнѣе и возвышеннѣе, что ему предстоитъ распространить новую

вѣру и совершить нравственное завоеваніе; для этихъ цѣлей необходимы продолжительныя пребыванія въ Нью-Іоркѣ, центрѣ всей нравственной, коммерческой и духовной дѣятельности Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ «*Циркуляръ*», органъ Библейскихъ Коммунистовъ, издается его сыномъ. Для него довольно и того, что онъ по временамъ посѣщаетъ обѣ общины Валлингфордскую и Онеидскую, гдѣ его принимаютъ какъ пророка и умоляютъ какъ древнихъ пророковъ быть посредникомъ между человѣкомъ и Богомъ.

Семья на Онеидскомъ Ручьѣ состоитъ изъ трехъ сотъ членовъ; число это по словамъ библейскихъ коммунистовъ найдено на опытѣ достаточнымъ для развитія и упроченія всѣхъ достоинствъ перфекціонистской общины. Каждый день отказываютъ желающимъ вступить въ ея члены. Во время моего пребыванія на Онеидскомъ Ручьѣ, тремъ или четыремъ лицамъ было отказано, ибо система жизни, принѣняемая здѣсь, считается только опытомъ. Основы системы, по словамъ отца Нойеса, теперь уже окончательно положены. Когда выработаются всѣ подробности, то будутъ образованы другія семьи въ Нью-Іоркѣ и въ Ново-Англійскихъ штатахъ.

Находясь еще на Ливзиской Горѣ, я разговаривалъ со старѣйшиной Фредрикомъ о перфекціонистахъ. «Можно вполнѣ ожидать, что библейскія семьи будутъ быстро развиваться,—сказалъ Фредерикъ, который смотритъ на это развитіе далеко не съ сочувствіемъ,—онѣ вполнѣ удовлетворяютъ желаніямъ многихъ мужчинъ и женщинъ въ этой странѣ, мужчинъ усталыхъ, разочарованныхъ, женщинъ фантастичныхъ; онѣ даютъ, подъ прикрытіемъ религіи, свободу всѣмъ страстямъ и съ тѣмъ вмѣстѣ вселяютъ въ душу сознаніе мирнаго спокойствія. Женщины находятъ въ нихъ обширное поле для любви. Библейскіе Коммунисты даютъ религіозную хартію свободной любви, а чувство свободной любви глубоко вкоренено въ сердцѣ Нью-Іорка.»

ГЛАВА XXV.

Юная Америка.

«Мы не расположимся болѣе нашего желанія,» сказалъ мнѣ Нойесъ, подводя итогъ всѣмъ прелестямъ и пользамъ того, что онъ и его ученики называютъ новымъ библейскимъ порядкомъ. «Дѣтскій вопросъ—величайшій вопросъ на свѣтѣ,» сказалъ братъ Райтъ на собраніи Спиритистовъ въ Провиденсѣ. Что подразумѣваютъ подъ этими словами реформаторы? Въ десяти различныхъ мѣстахъ въ Соединенныхъ Штатахъ основана ежегодная выставка дѣтей, на которой даютъ награды за лучшіе экземпляры дѣтей; столько-то долларовъ даютъ за хорошіе зубы, за свѣтлые, блестящіе глаза, за розовыя щечки, за толстыя ручонки и ножонки и за тысячу другихъ незамѣтныхъ для мужскаго глаза достоинствъ, по которыхъ вѣрно оцѣниваетъ совѣтъ присяжныхъ, избранный изъ женщинъ. Что означаютъ эти факты? Развѣ дѣти стали хуже? Развѣ общественное мнѣніе поражено упадкомъ въ этомъ отношеніи? Навряд ли это такъ, ибо юная Америка такъ же кричитъ и хохочетъ, такъ же бѣгаетъ и рѣзвится, такъ же весела и румяна, какъ юная Англія и юная Франція. Говорятъ ли факты, что число дѣтей убавляется въ Америкѣ? Еслибъ это было такъ, то большинство американцевъ подтверждало бы слова брата Райта, что дѣтскій вопросъ есть важнѣйшій вопросъ нашего времени.

Дѣло въ томъ, что одинъ изъ результатовъ быстраго распространенія въ общественной и семейной жизни новыхъ женскихъ теорій составляетъ фактъ, о которомъ всѣ умные мужчины и серьезныя женщины Новой Англіи, все большинство трезвыхъ и набожныхъ людей думаютъ много, хотя рѣдко говорятъ объ этомъ публично.

На основаніи того, что я слышалъ или видѣлъ въ этой странѣ, я могу заключить, что между женщинами самыхъ высшихъ и образованныхъ классовъ существуетъ огромный заговоръ, хотя и не имѣющій официальныхъ начальниковъ, митинговъ и программъ,—заговоръ, результатомъ котораго былъ бы, еслибы этотъ

заговоръ достигъ когда-нибудь результата, тотъ удивительный фактъ, что выставки дѣтей прекратились бы въ Соединенныхъ Штатахъ по той простой причинѣ, что американцевъ не было бы больше въ Америкѣ.

Въ Провиденсѣ, главномъ городѣ Родъ-Эйланда, образцовомъ городѣ во многихъ отношеніяхъ, центрѣ тысячи благородныхъ дѣятельностей, я разговаривалъ объ этомъ предметѣ съ одной дамой, которая приводила мнѣ факты, извѣстные ей въ Вурстерѣ, въ Спрингфильдѣ, въ Нью-Гэвенѣ и въ сотнѣ другихъ лучшихъ городахъ Америки. Вотъ какимъ свѣтомъ она освящала эти факты: «Первая обязанность женщины казаться прекрасной въ глазахъ мужчинъ, такъ чтобы привлечь ихъ къ себѣ и возъимѣть вліяніе на нихъ для добрыхъ цѣлей; ея назначеніе не быть домашней вещью, рабой въ дѣтской, въ кухнѣ и въ классной. Все, что мѣшаетъ женщинѣ въ достиженіи этой цѣли, служитъ противъ ея интереса и она имѣетъ право отказаться отъ этого, какъ мужчина отказался бы платить несправедливый налогъ на его доходъ. Первая мысль жены должна быть о мужѣ и о себѣ, какъ подругѣ его жизни. Никогда не надо позволять, чтобы что-нибудь становилось между мужемъ и женой.» Я осмѣлился спросить у этой леди, мужъ которой сидѣлъ рядомъ, неужели дѣти составляютъ помѣху между отцемъ и матерью, прибавляя при этомъ, что у меня есть два мальчика и три дѣвочки, а мнѣ никогда и въ голову не приходила подобная мысль. «Конечно, отвѣчала она очень смѣло,—дѣти поглощаютъ все время у матери, портятъ ея красоту, расходуютъ ея жизнь. Пройдитесь по улицамъ, вы увидите сотни нѣжныхъ хорошенькихъ дѣвушекъ, только-что вошедшихъ въ лѣта зрѣлости; черезъ годъ онѣ выйдутъ замужъ, черезъ десять онѣ будутъ отвратительными, старыми уродами. Ни одинъ мужчина не посмотритъ тогда на нихъ. Мужья не увидятъ никакого блеска въ ихъ глазахъ, никакого румянца на щекахъ. Онѣ принесутъ свою жизнь въ жертву дѣтямъ.»

Она говорила съ жаромъ и съ твердымъ убѣжденіемъ, что ея слова могли быть произнесены любой миссъ въ глаза всему міру; она повидимому не сознавала, что, гордо защищая права женщины, она и всѣ тѣ, за которыхъ она говорила, готовы были отречься отъ всѣхъ обязанностей женщины, она не сознавала по-

видимому, что считая потерю привлекательности въ женщинѣ слѣдствіемъ домашнихъ заботъ, она признавала достовѣрнымъ тотъ фактъ, который бы отвергли всѣ мужья и отцы. Однако въ религіозныхъ Бостонѣ и Филадельфіи, точно такъ же, какъ въ нечестивыхъ Новомъ Орлеанѣ и Нью-Іоркѣ, это нежеланіе сдѣлаться матерью—одинъ изъ тѣхъ фактовъ, въ которомъ нельзя сомнѣваться, къ какимъ бы онъ результатамъ ни приводилъ, къ хорошимъ ли или дурнымъ; быстрое уменьшеніе числа дѣтей, рождающихся въ Соединенныхъ Штатахъ, подтверждается многими оффиціальными документами. Слова моего Саратогскаго пріятеля о томъ, что чрезъ сто лѣтъ не будетъ на свѣтѣ потомковъ его соотечественницъ, выражаютъ опасенія многихъ серьезныхъ людей.

Это постоянно возрастающее уменьшеніе туземныхъ дѣтей въ Соединенныхъ Штатахъ покажется для многихъ новымъ и страннымъ фактомъ; ибо въ Англіи мы постоянно слышимъ о быстромъ увеличеніи народонаселенія въ Америкѣ въ сравненіи съ Европой и о томъ, какъ высоко тамъ цѣнится каждый ребенокъ. Только въ нѣкоторыхъ округахъ не замѣчается тотъ общій законъ, который мы открыли въ Ново-Англійскихъ Штатахъ и въ высшихъ классахъ Пенсильваніи и Нью-Іорка. Въ Огіо и Индіанѣ, вообще въ западной странѣ, женщины гордятся большимъ числомъ дѣтей, а Миссурійскій хозяинъ радуется, если у него цѣлый полкъ здоровенныхъ сыновей. Здѣсь, въ Новой Англіи, въ Нью-Іоркѣ, совершенно иное. Быть можетъ это мода, быть можетъ это только безумный капризъ, но въ настоящую минуту въ Америкѣ говорятъ чувствуется общій недостатокъ матерей. Въ большихъ городахъ между водочными царицами, живущими въ чудовищныхъ отеляхъ, между болѣе благородными лэди, живущими въ своихъ собственныхъ домахъ, вы очень рѣдко встрѣтите женщину, вокругъ которой бы рѣзвилась и играла цѣлая толпа мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ у насъ въ Англіи. Законъ относительно численности потомства здѣсь скорѣе Парижскій, чѣмъ Лондонскій.

Конечно, о такомъ щекотливомъ предметѣ я желаю говорить очень осторожно и потому не выдаю своихъ словъ за безспорную истину, напротивъ съ благодарностью исправилъ бы всякую невольную ошибку, вкравшуюся въ мое изложеніе. Иностранецъ не

можетъ заглянуть въ самую глубину этой тайны семейной жизни. Дамы можетъ быть стыдятся говорить объ такомъ предметѣ, и очень естественно, что, разговаривая съ мужчинами, кромѣ своихъ декторовъ, избѣгаютъ даже отдаленныхъ намековъ. Но фактъ, что многія изъ этихъ нѣжныхъ и блестящихъ созданій не желаютъ имѣть полнаго дома дѣтей—фактъ дѣйствительный, а не одно предположеніе. Всѣ замѣчанія о дѣтяхъ, которыя въ Англіи и Германіи были бы приняты молодыми матерьми за любезности, здѣсь встрѣчаются презрительной улыбкой и пожиманіемъ плечъ. Вы никогда не должны пожелать американской леди на крестинахъ ея ребенка дожить поскорѣе до новаго такого же счастливаго дня; она можетъ принять такое пожеланіе за личное оскорбленіе. Дѣйствительно я видѣлъ однажды, какъ одна прехорошенькая особа, услыхавъ подобный комплиментъ отъ англійскаго гостя, такъ разсердилась, что встала изъ-за стола посреди обѣда и вышла изъ комнаты.

Если все это вполнѣ справедливо, то къ какому же результату приведетъ подобная мода между высшими классами, какъ не къ быстрому уничтоженію старыхъ американскихъ семействъ. Государственные люди, патріоты, мыслители, вотъ достойный предметъ вашихъ думъ! Наплывъ ирландцевъ и германцевъ быстро усиливается. Пріятно ли думать кому бы то ни было, что чрезъ три или четыре поколѣнія на американской почвѣ не останется ни одного американца? Въ виду такого возможнаго результата, не обязаны ли предпринять что-нибудь всѣ безчисленныя благородныя церкви и охранительныя школы Новой Англіи?

Грустная повѣсть, которую говоритъ вамъ каждый домъ, какъ только вы ступите на его порогъ, повторяется съ еще большею силою офиціальной переписью. Въ которыхъ изъ Американскихъ штатовъ процентъ ежегодныхъ рожденій всѣхъ больше? Въ религіозномъ ли Нью-Гампширѣ, въ нравственномъ Вермонтѣ, въ трезвомъ Мэнѣ? По всѣмъ соображеніямъ, по всѣмъ аналогіямъ это слѣдовало бы заключить, но факты противорѣчатъ всѣмъ предположеніямъ. Въ этихъ трехъ набожныхъ, нравственныхъ и трезвыхъ штатахъ процентъ рожденій всего меньше. Единственные Штаты, въ которыхъ этотъ процентъ довольно великъ и въ которыхъ замѣчается здоровое, естественное увеличеніе народонаса-

ленія, это Орегонъ, Іова, Миннезота и Миссисипи,—дикія страны, населенныя молодыми поселенцами, гдѣ мало свѣтскихъ людей и гдѣ вовсе не вѣдаютъ глупыхъ модъ. Но страннѣе всего тотъ примѣръ, который даетъ другимъ штатамъ Массачузетъ, религіозный центръ Новой Англіи, умственное средоточіе всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Массачузетѣ молодыя дѣвушки выходятъ замужъ, но рѣдко дѣлаются матерями. Онѣ подруги своихъ мужей, блестящія, умныя, полезныя ихъ помощницы. А между тѣмъ власть въ Новой Англіи переходитъ въ руки запада, и большинство молодаго поколѣнія въ Бостонѣ состоитъ изъ Германцевъ и Ирландцевъ.

Это роковое будущее Юной Америки не есть однако слѣдствіе того факта, чтобы Германцы и Ирландцы превосходили численностью туземцевъ. Эти національности безъ сомнѣнія очень велики по числу своихъ членовъ, но до сихъ поръ онѣ еще не наклонили вѣсовъ въ свою пользу. Число браковъ все-еще выказываетъ преимущество на сторонѣ туземцевъ. И только когда вы дойдете до числа рожденія, то балансъ обращается въ противуположную сторону. Подъ сѣнію конституціи Соединенныхъ Штатовъ числа выражаютъ силу, числа дѣлаютъ законы, числа издаютъ налоги, числа распоряжаются землею. Власть лежитъ въ рукахъ, а большинство въ Массачузетѣ мало по малу переходитъ къ Ирландцамъ, къ Феніямъ и Молли-Магвайерамъ. Въ настоящую минуту иностранцевъ считается одинъ человѣкъ на пять, но такъ какъ у иностраннаго меньшинства дѣтей рождается больше, чѣмъ у туземнаго большинства, то пропорція ежегодно измѣняется. Черезъ двадцать лѣтъ эти чужеземныя дѣти составятъ большинство въ Масачузетѣ.

Какъ образованныя царицы Бостона будутъ выносить первенство такого класса людей?

ГЛАВА XXVI.

Обхожденіе.

«Какое ваше мнѣніе объ этой странѣ?» спросила меня одна англичанка, проведшая два года въ среднихъ штатахъ, въ Огіо и

Кентуки. Хотя я прожилъ тогда цѣлыхъ пять дней въ Нью-Іоркѣ, я не могъ еще составить себѣ окончательнаго мнѣнія о добродѣтеляхъ и недостаткахъ тридцатимилліоннаго народа; поэтому я отвѣчалъ уклончиво: «Мнѣ кажется, это свободная страна». «Свободная? воскликнула она, поднимая плечами, «вы еще не оглядѣлись хорошенько; поживите-ка мѣсяца три или четыре и тогда я съ любопытствомъ спрошу вашего мнѣнія о всемъ, что вы увидите и услышите. Свободная! Мужчины достаточно свободны, но то, что они называютъ своей свободой, я бы скорѣе назвала дерзкимъ нахальствомъ.»

Я часто вспоминаю эти слова, но никогда не были они такъ живы въ моей памяти, какъ сегодня во время моей прогулки по улицамъ Филадельфіи, послѣ того, какъ я окончилъ срокъ моего испытанія и проѣхалъ по Америкѣ по крайней мѣрѣ десять тысячъ миль. Англійская леди, постоянно жившая въ средѣ утонченныхъ свѣтскихъ людей, привыкшая къ тому, что бы ей услуживали безмолвныя, предупредительныя горничныя и слуги, конечно впала бы въ такое же заблужденіе, какъ моя знакомая, и предположила бы, что единственныя вольности, существующія въ Америкѣ, это вольности, которыя американцы себѣ позволяютъ въ отношеніи васъ.

Всѣ потомки Тевтонской расы имѣютъ привычку смотрѣть искоса на иностранцевъ. Эта привычка всасывается съ молокомъ. Древніе Скандинавскіе Боги имѣли ее, и мы, ихъ наслѣдники, не можемъ увидать незнакомаго лица или новой, необычной одежды чтобы не поднять крика или не закидать ихъ грязью. Въ присутствіи чужестранца джентльменъ принимаетъ на себя видъ холоднаго презрѣнія, а грубая чернь хватается за каменья.

Эта привычка сопровождаетъ насъ всюду во время нашихъ странствій по свѣту; у англичанъ она принимаетъ форму холодной гордости, у американцевъ—хвастливости. Конечно не всѣ такъ поступаютъ. Люди съ возвышеннымъ сердцемъ, обширной опытностью и мягкимъ характеромъ не станутъ выражать свою гордость оскорбительной холодностью или свою силу хвастливой болтовней. Но люди обыкновенные, рядовые своей расы, не имѣющіе ни возвышенной души, ни обширной опытности, ни мягкаго характера постоянно дѣйствуютъ такъ, что чужестранцы

считаютъ англійскую холодность и американскую хвастливость за основныя черты Англо-Саксонской расы. Я не могу сказать, которая изъ этихъ двухъ системъ заявленія своихъ способностей, своей силы, славы и богатства поражаетъ непріятнѣе людей иного происхожденія чѣмъ мы; итальянцы и французы увѣряли меня, что они отдаютъ пальму первенства въ этомъ отношеніи англійскому гордому, ничѣмъ несокрушимому высокомѣрію. Янки говоритъ имъ прямо словами или взглядомъ: «Я такой же какъ и вы— нѣтъ, гораздо лучше васъ.» Они знаютъ сразу въ чемъ дѣло. Англичанинъ же ничего не говоритъ; они не могутъ защищаться противъ него, и это холодное молчаніе такъ же горько, какъ и оскорбительно. Мы, англичане, склонны судить о слабостяхъ американцевъ почти такъ же, какъ французы и итальянцы судятъ о нашихъ слабостяхъ, только къ этому еще примѣшивается чувство семейнаго раздраженія; такимъ образомъ нашимъ заатлантическимъ братьямъ жестоко достается отъ насъ при подобныхъ сужденіяхъ о ихъ недостаткахъ.

Въ древней странѣ, какъ Англія, гдѣ общество болѣе окрѣпло, чѣмъ въ Америкѣ, гдѣ личныя фантазіи сдерживаются общественнымъ мнѣніемъ, принимающимъ форму моды, — обыкновенные люди считаютъ внѣшній лоскъ, нѣжность тона и однообразіе выраженій гораздо важнѣйшими условіями жизни, чѣмъ они могутъ казаться такимъ судьямъ, какъ Миллъ. Конечно, ни одинъ свѣтскій человѣкъ, хотя бы онъ былъ и философомъ, не станетъ презирать прелести хорошихъ манеръ. Леди, сидящая со мной рядомъ за обѣдомъ, оказываетъ мнѣ положительную услугу, если она хорошо одѣта, говоритъ нѣжнымъ тономъ, ѣстъ и пьетъ прилично, мило улыбается по временамъ. Джентльменъ же, сидящій напротивъ и постоянно говорящій всему обществу словами и взглядами, что онъ лучше всѣхъ, отбиваетъ у меня всякій аппетитъ и лишаетъ вино всякаго букета. Манеры могутъ быть только мелкой размѣнной монетой общества; но когда на этихъ кусочкахъ серебра стоитъ истинное клеймо монетнаго двора, то ихъ принимаютъ по нарицательной цѣнѣ вездѣ и во всякое время. Въ минуту крайности нѣсколько центовъ въ кошелькѣ могутъ быть гораздо цѣннѣе человѣку, чѣмъ мѣшокъ долларовъ, хранящійся у банкира. Что дѣлаетъ хорошія манеры столь драгоцѣнными и что

возвысило ихъ на степень изящнаго искусства, это то обстоятельство, что въ общественныхъ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами могутъ проявиться только внѣшнія мелочныя стороны человѣческой натуры. На улицахъ, въ гостинницахъ, на желѣзныхъ дорогахъ внутренній характеръ человѣка не имѣетъ случая выказаться. Проходящимъ мало дѣла до того, какой вы человѣкъ, но ваши поступки, ваше обхожденіе могутъ или доставить ему удовольствіе, или подвергнуть его страданіямъ.

Янки, какимъ мы его себѣ представляемъ изъ книгъ и водевилей,—человѣкъ, вѣчно надрѣзывающій перочиннымъ ножомъ свою палку, высовывающій ноги въ окно, жующій свой рульный табакъ, сплевывающій вамъ его прямо въ лице и болтающій безъ умолку, переходя отъ одной догадки къ другой, отъ одного предположенія къ другому, быстро соображая, кто вы, что дѣлаете, откуда ѣдете, какое у васъ состояніе, женаты ли вы, сколько у васъ дѣтей, какихъ вы политическихъ мнѣній, жива ли у васъ бабушка или нѣтъ. Это полное олицетвореніе великой идеи личной свободы не такъ часто встрѣчается, какъ бывало лѣтъ двадцать тому назадъ. Отыскивая повсюду этотъ идеалъ моихъ мечтаній и очень рѣдко находя самую слабую тѣнь его, я чувствовалъ, какъ не доставалъ мнѣ этотъ элементъ эксцентричности и юмора посреди долгихъ, скучныхъ путешествій, во время которыхъ я проѣзжалъ тысячи миль въ совершенномъ безмолвіи. Въ фургонѣ отъ Солёнаго Озера до Кирнэ, на пароходѣ отъ Омахи до Сентъ-Луи, въ вагонѣ отъ Индіанополиса до Нью-Іорка, я часто желалъ, чтобы вдругъ рядомъ со мною очутился одинъ изъ такихъ живыхъ болтуновъ, которые—такъ насъ увѣряли въ книгахъ и на театрѣ—постоянно пыряютъ палкой вамъ въ бокъ, вмѣшиваются въ вашъ разговоръ, болтая о томъ, чего сами не знаютъ, и подъ конецъ всегда выбиваютъ вамъ глазные зубы; но такой идеалъ не являлся, точно также какъ въ Дублинѣ вы никогда не увидите остроумнаго извощика, въ Дамаскѣ глупаго, жестокаго паши, въ Мадридѣ щепетильнаго Дона—этихъ друзей вашего воображенія, которыхъ вы такъ любите въ книгахъ, но никогда не встрѣчаете въ дѣйствительной жизни!

Вмѣсто этого исчезнувшаго юмориста, вы видите рядомъ съ собою въ вагонѣ, на пароходѣ, за общимъ столомъ въ гостинни-

цѣ человѣка, который можетъ быть очень уменъ и блестящъ, но въ тоже время серьезенъ и задумчивъ; онъ очень рѣдко обращается къ вамъ съ распросами и отвѣчаетъ коротко; это человѣкъ занятой и скрытный, вообще скорѣе походящій по своему безмолвію на Англичанина, чѣмъ на болтливаго, ловкаго Янки (конечно книжнаго), хотя онъ можетъ быть и надрѣзываетъ ножикомъ палку и жуетъ табакъ, а ужь во всякомъ случаѣ отплевывается по сторонамъ. Что можетъ побудить человѣка надрѣзывать ножомъ палку, когда онъ занятъ, обдумывая планъ военной экспедиціи, сочиняя поэму или чертя проектъ новаго города? Англійская ли это привычка, потерянная нами, подобно покачиванію въ покойномъ креслѣ и произношенію словъ въ носъ? Я не думаю. Не скорѣе ли это остатокъ какого-нибудь Индѣйскаго обычая? Альгонкины вели свои счеты надрѣзывая черточки на вѣткѣ дерева; а когда Покохонтасъ прибыла въ Англію, то ея свита привезла съ собою цѣлый пукъ палокъ, чтобы на нихъ отмѣчать все, что она увидитъ у блѣднолицыхъ. И такъ надрѣзывать ножомъ палку—вѣроятно остатокъ Индѣйскаго обычая, и джентльменъ, сидящій противъ меня, не помышляя быть можетъ о Покохонтасѣ и ея свитѣ, отмѣчаетъ на своей трости главныя идеи своей будущей рѣчи на выборахъ. Я бы очень хотѣлъ знать также, научился ли онъ въ школѣ жевать табакъ и что онъ почувствовалъ положивъ впервые въ ротъ эту колбасу?

На желѣзной дорогѣ, въ бальной комнатѣ, на улицѣ вы имѣете дѣло съ обычаями и обхожденіемъ человѣка, но очень мало заботитесь объ его добродѣтеляхъ или способностяхъ. Въ моемъ путешествіи изъ Колумба въ Питсбургъ, я провелъ около 20 часовъ въ обществѣ Миссурійскаго *босса*. *Боссъ* значитъ хозяинъ (это слово Голландское и изъ Нью-Іорка быстро распространилось по Западу). Въ Лондонѣ онъ былъ бы капиталистомъ, въ Каирѣ эфенди; въ первомъ городѣ онъ имѣлъ бы видъ джентльмена, во второмъ владѣтельнаго принца. Онъ былъ повидимому добрый малый, но ни одеждой, ни разговоромъ, ни внѣшнимъ видомъ не напоминалъ тотъ изящный типъ, который въ Европѣ принято называть джентльменомъ. Свѣтская лэди не прикоснулась бы къ нему даже кончикомъ своего вѣера.

Откуда берется эта граціозность, которой и названія не под—

берешь, это нѣжное, рыцарское обхожденіе, которое, скругляя всѣ углы, сглаживая всѣ неровности, дѣлаетъ человѣка пріятнымъ и очаровательнымъ въ глазахъ ближнихъ? Дѣло ли это расы? Мы англичане одарены этимъ качествомъ въ высшей степени; быть можетъ оно въ насъ еще естественнѣе, чѣмъ въ Голландцахъ. Это качество никогда не дается легко и сразу, мы должны долго трудиться, и то при всѣхъ нашихъ стараніяхъ мы рѣдко его достигаемъ. Никто, говоритъ старинная поговорка, не можетъ отличаться хорошимъ произношеніемъ, истинно благородной наружностью и достойнымъ видомъ не имѣя аристократки бабушки; ибо въ обществѣ, также какъ въ геральдикѣ, джентльменомъ дѣлаютъ только три поколѣнія. Такъ въ обыкновенномъ разговорѣ мы подъ выраженіемъ хорошія манеры подразумѣваемъ аристократическое происхожденіе, а подъ выраженіемъ чистая кровь мы подразумѣваемъ и личную красоту.

Но это общепринятое употребленіе словъ не можетъ выразить и объяснить дѣйствія общаго закона. Между германскими племенами, въ которыхъ очень сильна склонность къ индивидуальности, эта внѣшняя деликатность обхожденія развивается очень медленно и скоро исчезаетъ; ею обладаютъ только люди, имѣющіе средства и много свободнаго времени, люди нравственно развитые и преданные умственному труду. Въ Латинцѣ, Грекѣ, Арабѣ для появленія этого качества повидимому не требуется никакихъ усилій, никакого промежутка времени. Итальянскій поселянинъ часто отличается лучшими манерами, чѣмъ Англійскій лордъ. Отчего это? Не оттого, что сельскіе нравы даютъ изящное воспитаніе, какъ мечтаютъ поэты, ибо англійскій молодецъ-пахарь не имѣетъ себѣ соперника въ Европѣ въ глупости и неловкости, развѣ только Голландскаго поселянина. Даже Итальянецъ, всегда и во всемъ сохраняющій свои блестящія манеры, не можетъ сравниться съ еще болѣе ловкимъ и мягкимъ Грекомъ. Туземецъ Аѳинъ, Смирны, Родосса обманетъ васъ съ такой граціей, что вы почти готовы ему простить. Но и онъ, въ свою очередь, долженъ уступить пальму первенства простой, безъискусственной красотѣ, отличающей каждое движеніе Араба. Путешествуя по Востоку, вы всегда спрашиваете себя, кто училъ погонщика кланяться и улыбаться? Отъ кого заимствовалъ шейхъ свою величественную граціозность? Европейская лэди, очутившись

ночью въ арабскомъ лагерѣ, не почувствовала бы ни малѣйшаго страха, если она только не предупреждена прежнимъ опытомъ, ибо шейхъ, въ палатку котораго ее приведутъ, отличается въ высшей степени тѣмъ даромъ слова и обхожденія, который можно встрѣтить и то рѣдко въ людяхъ самыхъ высшихъ классовъ. Чему обязанъ Бедуинъ своимъ гордымъ, княжескимъ видомъ? Конечно не своему богатству и власти, ибо все его состояніе заключается въ стадѣ овецъ или барановъ, и не умственнымъ усиліямъ, ибо онъ едвали умѣетъ читать и писать. Шейхъ, вселяющій такое довѣріе къ себѣ, далеко не государь или священная особа, обязанная по природѣ и обычаямъ дѣлать добро, нѣтъ—онъ можетъ быть воромъ, каторжнымъ, убійцей; рука, такъ граціозно васъ привѣтствующая, можетъ быть запятнана кровью. Однако онъ смотритъ царственной особой. Всѣ восточные жители одарены этой неопредѣленной чарующей силой. Сирійскій поселянинъ, приглашая васъ войти въ его хижину, осѣняетъ себя крестомъ и говоритъ: «да будетъ міръ съ тобою»; онъ выказываетъ столько достоинства и изящества въ каждомъ движеніи, что лучше поступить не съумѣлъ бы и халифъ. Все у него естественно, просто,—граціозность и величіе кажутся его второй натурой и напоминаютъ его чистокровнаго коня.

Оставляя Востокъ, вы разстаетесь съ этой безъискуственной, роскошной любезностью, съ этимъ очаровательнымъ обхожденіемъ. Менѣе встрѣчаете ихъ въ Александріи, чѣмъ въ Каирѣ, менѣе въ Смирнѣ, чѣмъ въ Дамаскѣ. Чѣмъ вы далѣе будете направляться на Западъ, тѣмъ обхожденіе становится грубѣе и то съ самой строгой послѣдовательностью. Говоря вообще, даръ казаться мягкимъ и граціознымъ, который мы называемъ хорошими манерами, уменьшается въ правильной пропорціи отъ Востока къ Западу; въ Европѣ онъ всего болѣе преобладаетъ въ Стамбулѣ, всего менѣе въ Лондонѣ; во всемъ свѣтѣ (насколько я его видѣлъ) всего болѣе въ Каирѣ, всего менѣе въ Денверѣ и на Солёномъ Озерѣ. Законъ, управляющій крайними звеньями этой великой цѣпи, также справедливъ для всѣхъ промежуточныхъ звѣньевъ; обхожденіе людей утонченнѣе въ Сентъ-Луи, чѣмъ на Солёномъ Озерѣ; въ Нью-Іоркѣ—чѣмъ въ Сентъ-Луи; въ Лондонѣ—чѣмъ въ Нью-Іоркѣ; въ Парижѣ—чѣмъ въ Лондонѣ; въ Римѣ—чѣмъ въ Парижѣ; въ Аѳинахъ—чѣмъ

въ Римѣ; въ Стамбулѣ—чѣмъ въ Аѳинахъ; въ Каирѣ и Дамаскѣ—чѣмъ въ Стамбулѣ. Если я когда-нибудь проѣду еще далѣе на Западъ въ Калифорнію, то вѣроятно найду что обхожденіе грубѣе въ Сан-Франциско, чѣмъ въ Сентъ-Луи и на Солёномъ Озерѣ.

ГЛАВА XXVII.

Свобода.

Можетъ ли изслѣдователь законовъ природы сказать, въ чемъ заключается причина, что обхожденіе и манеры становятся грубѣе, чѣмъ дальше мы подвигаемся изъ Узбеи къ Пенсильванской Аллеѣ? Въ чемъ заключается тайна этого искусства? Откуда черпается оно? Отчего Саксонецъ менѣе имъ одаренъ, чѣмъ Персіянинъ? Какъ человѣкъ—Персіянинъ менѣе благородный типъ, чѣмъ Арабъ, Арабъ—чѣмъ Галлъ, Галлъ—чѣмъ Бриттъ; отчего же низшая раса превосходитъ высшую въ утонченности манеръ? Развѣ манеры ничто иное, какъ признакъ отсутствія свободы? Развѣ деликатное обхожденіе, мягкій тонъ и тихій голосъ—результатъ подчиненія индивидуальной силы общественному порядку? Развѣ мы учтивы потому, что мы не существа независимыя? Однимъ словомъ хорошія манеры составляютъ ли одно изъ проявленій свободнаго образованія или только качество присущее рабу?

Два факта не подлежатъ сомнѣнію: 1) Прелесть хорошихъ манеръ не имѣетъ почти никакой цѣны въ дѣятельной республикѣ. Никакой свободный народъ не отличается хорошими манерами, каждая нація рабовъ обладаетъ ими съ избыткомъ. Въ Америкѣ Негръ отличается хорошими манерами, а Чіенинъ нѣтъ; въ Европѣ Грекъ въ этомъ отношеніи стоитъ выше Галла; въ Азіи Персіянинъ и Индустанецъ выше Армянина и Турка. 2) Вы рѣдко встрѣтите хорошія манеры у людей геніальныхъ. Это самое слово въ искусствѣ и литературѣ означаетъ посредственность; манерность стиля выказываетъ полное отсутствіе индивидуальности и своеобразности. Люди съ сильнымъ характеромъ не могутъ

Попробуйте обѣщать сколько вамъ угодно долларовъ уличному мелкому торгашу, если онъ пойдетъ къ вамъ въ услуженіе; и хотя на эти деньги вы могли бы купить въ Англіи съ дюжину чиновниковъ, грубый Американецъ вамъ отвѣтитъ: «Я такой же человѣкъ, какъ и вы, я имѣю такое же право голоса, я могу быть выбранъ въ конгрессъ и въ президенты также, какъ и вы.» И въ этомъ онъ будетъ правъ. Портной живетъ въ Бѣломъ Домѣ. Одинъ изъ популярнѣйшихъ президентовъ послѣ Вашингтона былъ дровосѣкъ. Въ этой свободной странѣ всѣ поприща открыты для каждаго. Такъ всегда было въ Сѣверныхъ Штатахъ, а послѣ войны этотъ сѣверный обычай быстро распространяется повсюду. Даже въ Виргиніи скоро не будетъ различія въ классахъ. Въ Огіо рожденіе ничего не значитъ; въ Цинциннатѣ говорятъ, что никто не нуждается въ предкахъ. Каждый человѣкъ долженъ самъ себя сдѣлать. Никто не заботится о томъ, чѣмъ былъ человѣкъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ; годъ считается вѣкомъ въ этой быстро шагающей странѣ; дѣйствительно, либеральный взглядъ доведенъ до такой крайности, что не глядятъ даже косо на человѣка, побывавшаго въ тюрьмѣ, если только онъ ловко говоритъ и чисто одѣвается. Моризэ, Нью-Іоркскій шулеръ, содержатель рулетки, боксеръ, сидѣвшій не разъ въ тюрьмѣ, смѣло можетъ расхаживать по улицамъ въ бѣлыхъ перчаткахъ и подавать голосъ въ Капитоліи. Каждое мѣсто, каждое званіе въ республикѣ доступно для генія, для дѣятельнаго и ловкаго человѣка.

Поэтому никакой бѣлый не долженъ отчаяваться, какъ бы дурно его настоящее положеніе ни было, не долженъ идти въ услуженіе, подобно рабу или чужестранцу. Еслибъ онъ, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, упалъ бы такъ низко, то всѣ прежніе друзья отвернулись бы отъ него, и онъ увидѣлъ бы себя въ положеніи брамина вышедшаго изъ своей касты.

Точно также вы не увидите въ свободныхъ гражданахъ Великой Республики той предупредительности, которая въ Англіи и во Франціи подразумѣваетъ желаніе получить на водку. Никакой природный Американецъ не возьметъ отъ васъ ни гроша на чай. Извощикъ можетъ васъ обмануть, заломить втрое, но онъ никогда не возьметъ ни гроша болѣе той платы, за которую подрядился. Никакой носильщикъ, никакой гонецъ не приметъ отъ

васъ подарка за свою услугу или быстроту. Мальчишки, продающіе газеты, ни за что не возьмутъ нѣсколько лишнихъ грошей за промѣнъ; и мнѣ не разъ бросали съ презрѣніемъ въ руку предложенное на водку..... Такимъ образомъ никто вамъ не предлагаетъ своихъ услугъ на улицахъ, ибо, не гонясь за на-водку, никто не обращаетъ вниманія на ваши нужды. Если вы новичекъ и къ тому же безпечный, то вамъ придется самимъ принести себѣ воду въ гостинницѣ, самимъ таскать ваши чемоданы на желѣзной дорогѣ или носить письма на почту, однимъ словомъ дѣлать то, что въ Лондонѣ для васъ всякій бы сдѣлалъ за шиллингъ, а въ Парижѣ за франкъ. Помогай самъ себѣ, вотъ правило для чужестранцевъ въ этихъ свободныхъ штатахъ.

Быть можетъ свобода, съ которой каждый человѣкъ беретъ то, что ему нужно, поражаетъ чужестранца болѣе всѣхъ другихъ вольностей, которыми пользуется Американецъ. На желѣзной дорогѣ всякій сядетъ на ваше мѣсто, сдвинетъ вашъ мѣшокъ, возьметъ вашу книгу. Никогда при этомъ Американцу и въ голову не придетъ спросить позволенія. Однажды я далъ сосѣду въ вагонѣ посмотрѣть на книгу, которую я читалъ; онъ продержалъ ее два дня и двѣ ночи и потомъ преспокойно спросилъ, читаю ли я ее. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ также спокойно замѣтилъ: она презабавная, вамъ будетъ пріятно! На Пенсильванской желѣзной дорогѣ, одна лэди вошла въ мой особый вагонъ, подъ предлогомъ взглянуть на какую-то рѣку, и, не говоря ни слова, осталась тутъ на все время путешествія, несмотря на то, что я заплатилъ особую плату за свое мѣсто. Если за обѣдомъ въ гостинницѣ вы спросите себѣ особое кушанье, то вашъ сосѣдъ, если оно ему понравится, безъ малѣйшей церемоніи полезетъ къ вамъ въ блюдо. Когда я уѣзжалъ изъ Города Солёнаго Озера, сестра Алиса, дочь Бригама Юнга, дала мнѣ на дорогу ящикъ великолѣпныхъ яблоковъ; на одной изъ станцій я увидѣлъ, что одна лэди, ѣхавшая со мной въ фургонѣ, открыла мой ящикъ и преспокойно ѣла яблоки; замѣтивъ, что я смотрю на нее съ удивленіемъ, она прехладнокровно сказала: я пробую лучше ли ваши яблоки моихъ. На далекомъ западѣ, Американецъ не спросясь будетъ стрѣлять изъ вашихъ пистолетовъ и надѣнетъ ваши перчатки. Каждый человѣкъ здѣсь считаетъ себя вправѣ вычистить свое

платье вашей щеткой, причесать себѣ волосы вашимъ гребнемъ и согрѣться въ вашемъ тепломъ пальто.

Все это дѣлается далеко не съ намѣреніемъ васъ оскорбить. Каждый Американецъ беретъ у васъ что ему нужно, но готовъ и вамъ одолжать, что вамъ потребуется. Нельзя сказать, чтобъ это обращеніе было утонченное, но искренность его чрезвычайно пріятна. Всѣ кого вы встрѣчаете на улицахъ отличаются манерами, которыя въ Европѣ назвали бы оригинальными; но здѣсь никто не понялъ бы вашихъ жалобъ.

ГЛАВА XXVIII.

Законъ и Правосудіе.

Однажды въ разговорѣ государственный секретарь Сьюардъ задалъ мнѣ вопросъ, который каждый американецъ всегда дѣлаетъ англійскому путешественнику.—Ну, сэръ, какого вы мнѣнія о нашей странѣ? Я отвѣчалъ; шутя: я нахожу, что ваша страна такъ свободна, что въ ней никто кажется не имѣетъ никакихъ правъ. Какъ всѣ подобныя замѣчанія, мои слова были нѣсколько преувеличены, однако онѣ выражаютъ отчасти то впечатлѣніе, которое произвело на меня все видѣнное мною въ Соединенныхъ Штатахъ.

Американцы болѣе всѣхъ на свѣтѣ, даже насъ англичанъ, хвалятся тѣмъ, что они любятъ законъ и твердо держатся его. Это хвастовство совершенно справедливое. Не имѣя государственной религіи и установленной церкви, они повидимому съ тѣмъ большей вѣрой преданы писанному закону, каковъ бы онъ ни былъ, установленный ли конституціей, или изданный конгрессомъ, или только поясненный Верховнымъ Судомъ. Они льнутъ къ нему, какъ утопающій къ спасительной скалѣ, среди грозной бури.

Все въ свободной странѣ открыто. Тотъ свѣтъ, который говорятъ окружаетъ своими лучами королевскіе престолы въ Европѣ, освѣщаетъ здѣсь одинаково всѣ предметы и возвышенные и

низкіе. Ничто не можетъ совершиться втайнѣ; никому не дозволяютъ жить взаперти. Всѣ здѣсь какъ-бы ѣздятъ въ стеклянныхъ каретахъ, въ которыя каждый прохожій бросаетъ камнемъ. Критика—первая обязанность общества; въ нѣкоторыхъ сектахъ, какъ напримѣръ у Библейскихъ Коммунистовъ, критика принимается за единственный элементъ власти и управленія. Жизнь здѣсь—уличная процессія. Общественное мнѣніе Нью-Іорка знаетъ, видитъ, обсуждаетъ все, отъ свѣтской болтовни въ изящномъ будуарѣ Мадисонскаго сквэра, до ночныхъ оргій въ погребкѣ Лувра. Проповѣдниковъ разбираютъ, прессу подозрѣваютъ, правительство обвиняютъ. Капиталъ подвергается нападеніямъ, и за каждымъ предпріятіемъ зорко слѣдятъ. Каждый человѣкъ думаетъ за себя, судитъ по-своему о самыхъ утонченныхъ и самыхъ святыхъ предметахъ:—о любви, бракѣ, собственности, нравственности и религіи. Законъ и Правосудіе не всегда избѣгаютъ этой страсти къ обсужденію; но по общему безмолвному согласію на нихъ смотрятъ, какъ на самые послѣдніе предметы, до которыхъ человѣкъ можетъ коснуться, и то самымъ почтительнымъ образомъ.

Законъ, какой бы онъ ни былъ, конституціонный, общій для всѣхъ или мѣстный для какого-нибудь штата, даже постановленіе городскаго муниципалитета, благородно уважается каждымъ природнымъ американцемъ. Члена Верховнаго Суда окружаютъ такимъ уваженіемъ въ Вашингтонѣ, къ которому не привыкли судьи въ Европѣ; это уваженіе почти равняется тому, которое питаютъ въ Мадридѣ къ архіепископу или въ Римѣ къ кардиналу. Судьи въ штатахъ занимаютъ мѣсто въ обществѣ, равняющееся мѣсту нашихъ епископовъ. Даже сельскій судья, хотя и избираемый толпой, всегда зовется сквайромъ.

Это уваженіе къ закону и ко всѣмъ должностнымъ лицамъ такъ велико въ Америкѣ, что оно изумляетъ путешественника и часто дѣлается для него источникомъ непріятностей. Всѣ такъ смиренно слушаются каждой собаки, исполняющей законную должность, что каждая собака, исполняющая какую-нибудь должность, очень склонна зазнаваться. Поэтому рѣдко встрѣтишь въ Америкѣ должностное лицо—учтивое и предупредительное. Онъ можетъ обладать гораздо высшими качествами, но учтивости и предупредительности

у него не спрашивайте. Продавецъ газетъ не дастъ вамъ газеты, если не захочетъ. Полисменъ едвали удостоитъ указать вамъ дорогу. Кондукторъ на желѣзной дорогѣ посадитъ васъ въ любой вагонъ, въ дамскій, курительный, однимъ словомъ куда ему угодно. Толпа вѣчно занятыхъ и свободныхъ Американцевъ переноситъ все это терпѣливо, пожимая плечами и говоря, что этому горю нельзя помочь. Возвращаясь однажды изъ Ричмонда съ ночнымъ поѣздомъ, я съ мистеромъ Лоренсомъ Олифантомъ и многими другими пассажирами прибылъ на станцію Аквіа-Крикъ въ часъ; оттуда до Вашингтона оставалось четыре часа ѣзды, и такъ какъ мы очень устали, то просили кондуктора дать намъ тотчасъ же ключи отъ нашихъ постелей. «Я буду къ вашимъ услугамъ, когда покончу свои дѣла», вотъ все, что мы могли отъ него добиться, и мы, большое общество дамъ и мужчинъ, ждали по крайней мѣрѣ съ часъ, прежде чѣмъ онъ покончилъ со своими дѣлами и выкурилъ свою трубку. И однако никто не сказалъ ни слова, кромѣ мистера Олифанта и меня. Человѣкъ этотъ исполнялъ свою должность; а слѣдовательно съ точки зрѣнія Американца онъ воленъ дѣлать что хочетъ. Вотъ какъ они разсуждаютъ: отнимите должность у этого человѣка и онъ будетъ такой же какъ и мы; всѣ люди свободны и равны; прибавьте должность къ равенству, вѣсы покачнутся и должностное лицо станетъ гораздо выше васъ. Не разъ пытался я доказать своимъ друзьямъ, что этотъ обычай уважать законъ и закономъ поставленныхъ лицъ, хорошій самъ по себѣ, доведенъ ими до крайности, и что можетъ кончиться тѣмъ, что они поддадутся смѣлому деспоту, который наложитъ свою руку на ихъ свободу, какъ Цезарь, во имя закона и порядка!

Часто, это глубокое уваженіе къ закону даетъ поводъ къ самымъ страннымъ явленіямъ. Я могу привести два примѣра, одинъ мнѣ разсказывали на Ясномъ Ручьѣ, близъ Денвера, другой въ Касовомъ Мѣстечкѣ, въ Пенсильваніи.

Черный Медвѣдь, Чійеннскій воинъ, содралъ однажды кожу съ головы бѣлаго человѣка и былъ схваченъ жителями Денвера. По ту сторону Англійской границы его тотчасъ бы судили и повѣсили, ибо не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ его преступленіи; но Американцы питаютъ такое высокое уваженіе къ внѣшнимъ формамъ правосудія, что они никогда не дозволятъ приговорить убійцу къ

смертной казни не подвергнувъ его сначала всей утонченной процедурѣ современныхъ судовъ. Поэтому Чернаго Медвѣдя отвезли изъ Колорадо въ Вашингтонъ за двѣ тысячи миль отъ мѣста его преступленія; ему дали ловкаго адвоката для защиты, и такъ какъ главный свидѣтель его преступленія былъ далеко, то присяжные истолковали сомнѣніе въ его пользу. Освобожденный судомъ онъ сдѣлался львомъ всего города, особенно между романтичными лэди. Его возили въ Индѣйское управленіе; ему позволили пожать руку президенту; ему поднесли на память пару пистолетовъ и шитые кушаки; и онъ возвратился въ Чійеннскій лагерь уже не простымъ Индѣйцемъ, а могущественнымъ предводителемъ, заслужившимъ по мнѣнію его народа почести и награды отъ бѣлыхъ за то лишь, что онъ содралъ кожу съ головы ихъ же бѣлаго брата.

Вилльямъ Дуннъ, изъ Касскаго Мѣстечка, въ Потсвиллѣ, былъ управляющимъ копей Нью-Іорко-Шилькильской компаніи; это былъ человѣкъ знающій, совершенный джентльменъ и пользовался большимъ вліяніемъ въ угольныхъ копяхъ этого живописнаго и богатаго округа Пенсильваніи. Я провелъ тамъ нѣсколько дней и слышалъ разсказываемую исторію отъ его преемника. Однажды Дуннъ шелъ по улицѣ, среди бѣлаго дня, какъ вдругъ къ нему подошелъ ирландецъ работникъ и очень грубо потребовалъ себѣ праздника. «Нѣтъ, вы его не получите, отвѣчалъ Дуннъ,—ступайте за работу.» Не говоря ни слова, ирландецъ выхватилъ изъ-за кушака пистолетъ и убилъ Дунна на мѣстѣ. Его тутъ же схватили, такъ сказать на самомъ актѣ преступленія и предали суду. Но судъ Потсвиллскій освободилъ его. Въ этомъ громадномъ угольномъ округѣ, съ богатыми городами и мѣстечками, выросшими въ теченіе двѣнадцати лѣтъ на мѣстѣ глухихъ лѣсовъ, находится до 60,000 Ирландцевъ. Они очень бѣдны и совершенно необразованны, но каждый изъ нихъ имѣетъ право голоса, и всѣ 60,000 дѣйствуютъ какъ одинъ человѣкъ. Поэтому всѣ выборы зависятъ отъ нихъ, они назначаютъ судей, служатъ присяжными, контролируютъ суды. Между ними существуетъ тайное общество, называемое Молли-Магвайеры, имя и обычаи котораго перенесены изъ Ирландіи. Судья, судившій убійцу, былъ избранъ Молли-Магвайерами; присяжные были сами Молли-Маг-

вайеры. Съ дюжину Молли-Магвайеровъ явилось въ качествѣ свидѣтелей и показали подъ присягой, что убійца былъ въ шестидесяти миляхъ отъ того мѣста, гдѣ цѣлая толпа видѣла, какъ онъ застрѣлилъ Вилльяма Дунна. Адвокатъ объявилъ, что это дѣло было одно изъ многочисленныхъ дѣлъ, основанныхъ на ошибкѣ. Судья въ своей заключительной рѣчи принялъ ту же точку зрѣнія, и присяжные не задумываясь объявили—невиновенъ. Убійца живъ до сихъ поръ. Могущественная компанія, вѣрный слуга которой былъ такъ дерзко убитъ, не могла ничего сдѣлать и молча назначила новаго управляющаго на его мѣсто. Одинъ джентльменъ, къ которому обратились съ подобнымъ предложеніемъ, отвѣчалъ, что онъ возьметъ это мѣсто лишь только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ его покрыли броней.

Приведите подобные примѣры замѣчательнѣйшимъ умамъ Пенсильваніи, и они вамъ отвѣтятъ, что «этихъ людей нельзя наказывать и что надо ждать и подготовлять неусыпнымъ трудомъ лучшее будущее. Эти преступники, говорятъ они, не Американцы; они пріѣзжаютъ къ намъ изъ Европы, развращенные, дикіе, невѣжественные; они пьянствуютъ, ссорятся, составляютъ тайныя общества; на своей родинѣ они платятъ ренту дубиной, а здѣсь требуютъ праздника съ пистолетомъ въ рукахъ и прибавки жалованья съ зажженнымъ факеломъ. Но что намъ дѣлать? Развѣ мы можемъ закрыть наши порты кораблямъ съ такими эмигрантами? Или намъ перемѣнить нашу судебную систему, гордость 36 милліоновъ трезвыхъ, трудящихся людей, ради наказанія низкой Ирландской черни?» Къ этому они прибавляютъ съ благородной вѣрой въ нравственное развитіе народа, что зло надо предоставить самому себѣ для исправленія, что совершится по ихъ разсчетамъ въ двадцать пять лѣтъ. «Дѣти этихъ Молли-Магвайеровъ, говорилъ мнѣ умный и блестящій мэръ Филадельфіи Мортонъ Макмайкель, будутъ совершенно приличные люди. Мы воспитаемъ ихъ въ нашихъ школахъ и образуемъ ихъ согласно нашимъ обычаямъ; ихъ же дѣти будутъ богатыми, настоящими Американцами и едвали будутъ помнить о существованіи такого общества какъ Молли-Магвайеры.»

ГЛАВА XXIX.

Политика.

Общество зиждется и поддерживается равновѣсіемъ двухъ коренныхъ элементовъ въ человѣкѣ — разъединяющаго духа свободы и соединяющаго духа союза, — двухъ силъ, подобныхъ центробѣжной и центростремительной силамъ, заставляющимъ планеты двигаться вокругъ солнца. Постоянно дѣйствуя и по противуположнымъ направленіямъ эти силы сдерживаютъ другъ друга; одна разбивая массы на единицы, другая соединяя единицы въ массы. Только при правильномъ равновѣсіи этихъ силъ народъ можетъ вполнѣ пользоваться политическою жизнью посреди общественнаго міра и порядка.

Во всѣхъ людяхъ эти силы разъединяющія и соединяющія почти одинаковы, подобно соотвѣтственнымъ имъ силамъ въ природѣ; но нѣкоторыя расы имѣютъ немного болѣе первой силы, другія немного болѣе второй. Латинская раса отличается большей наклонностью къ союзу, чѣмъ Саксонская, а Саксонская большей любовью къ свободѣ. Каждая изъ нихъ способна къ соединенію общественнаго порядка съ личной независимостью; но пути, по которымъ каждая изъ этихъ расъ достигнетъ подобной цѣли, будутъ удаляться въ различныя направленія и подъ различными углами отъ прямаго пути. Латинскій народъ будетъ бояться свободы, къ которой онъ стремится, а Саксонскій будетъ всегда относиться подозрительно къ имъ самимъ избранному правительству. Сравните внутренній строй Римской церкви и Саксонской, сравните политическую жизнь Америки съ политической жизнью Франціи! Римъ отличается такой правильной организаціей, до которой никогда не достигнуть Аугсбургу, Лондону или Женевѣ, но зато Лондонъ, Аугсбургъ и Женева пользуются такой свободой, о которой Римъ никогда и не мечталъ.

Во Франціи общественное мнѣніе—не одна какая-нибудь партія или школа, но большинство здраваго народа, склоннаго поддерживать власть противъ требованій отдѣльныхъ личностей; въ Амери-

кѣ, напротивъ, дѣятельность всѣхъ политическихъ обществъ, коллегій и корпорацій, всѣхъ философовъ и политическихъ агитаторовъ направлена сознательно и безсознательно къ ослабленію общественной власти въ пользу индувидуальныхъ правъ. Франція не потеряла своей любви къ свободѣ; и Америка не забыла своего уваженія къ закону, ибо это элементарные инстинкты человѣческой души, безъ которыхъ въ какой бы комбинаціи они ни являлись, общество такимъ, какимъ мы его понимаемъ, немыслимо. Но въ конечныхъ результатахъ, какъ на почвѣ мысли, такъ и на почвѣ политики, одна нація всегда стремится къ военному деспотизму, другая къ народной власти; Франція всегда ищетъ спасенія въ дисциплинѣ, въ арміи; Америка —въ борьбѣ прессы и каѳедры, посреди которой каждый имѣетъ безграничное право говорить и думать что хочетъ.

Каждое изъ этихъ стремленій имѣетъ своего рода опасности. Если французъ склоненъ пожертвовать независимостью могуществу, то американецъ склоненъ пожертвовать могуществомъ независимости. Во Франціи опасность заключается въ слишкомъ тѣсномъ сплоченіи отдѣльныхъ политическихъ единицъ, въ Америкѣ—въ слишкомъ большомъ ихъ разъединеніи.

Въ. продолженіе двадцати лѣтъ, предшествовавшихъ войнѣ, стремленіе Американцевъ къ разъединенію доходило до крайности, нетолько въ одномъ какомъ-нибудь обществѣ, но во всѣхъ, не въ одной только какой-нибудь корпораціи, но повсюду. Это разъединеніе существовало нетолько между различными расами, но и людьми одинакаго происхожденія, нетолько между штатами, но и между церквами, нетолько въ политикѣ и религіи, но и въ наукѣ, въ литературѣ и общественной жизни. До тѣхъ поръ пока война не разразилась надъ Соединенными Штатами, какъ жестокая Немезида, и не пробудила ихъ отъ тяжелаго сна, нравственная атмосфера Америки была заражена духомъ разъединенія; почти каждый человѣкъ съ замѣчательнымъ умомъ и оригинальнымъ геніемъ стремился, или казалось что стремился, подъ вліяніемъ какой-то внутренней силы къ возстанію противъ всѣхъ естественныхъ и государственныхъ законовъ. Права обществъ, права классовъ, права собственности,—права штатовъ, права округовъ, права городовъ, — права церквей, права часовенъ, права храмовъ,—права лицъ, пра-

ва половъ,—права полигаміи, безбрачія и пантагаміи,—право труда, развода и ремесла,—права Негровъ, права Индѣйцевъ, права женщинъ, права дѣтей:—вотъ образцы тѣхъ безконечныхъ формъ, въ которыя вылилось общее чувство разъединенія. Кто поднималъ голосъ въ пользу единства? Кто стоялъ за центральное правительство, если только оно не приносило ему матеріальныхъ выгодъ? Кто училъ бѣдныхъ уважать законъ? Можно ли было встрѣтить въ тѣ времена въ Бѣломъ Домѣ богатыхъ, ученыхъ, геніальныхъ представителей Соединенныхъ Штатовъ? Какой поэтъ, ученый или проповѣдникъ ставилъ себѣ за правило уважать свободу, сохраняемую и контролируемую общественнымъ мнѣніемъ? Иногда случалось, что какой-нибудь геніальный человѣкъ принималъ офиціальную должность, обыкновенно въ чужестранномъ городѣ, гдѣ вдали отъ своей родины онъ забывалъ ее и воспѣвалъ въ романѣ или поэмѣ чужія націи, давно прошедшіе вѣка. Вашингтонъ Ирвингъ обозрѣвалъ Альгамбру. Банкрофтъ жилъ въ Лондонѣ. Ричъ забавлялся въ Парижѣ. Готорнъ мечталъ въ Ливерпулѣ. Мотлей рылся въ архивахъ Гаги. Пауэръ переселился во Флоренцію. Мозьеръ и Стори обитали въ Римѣ. Лонгфелло, предавшись своей Золотой Легендѣ, забылъ казалось, что окружающая его природа и жизнь представляли такія же поэтическія темы. Никто повидимому не цѣнилъ Американской природы, Американскаго закона. Навремя все самое блестящее въ странѣ было какъ-бы покрыто мрачной дымкой.

Нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ людей, самыя молодыя звѣзды Ново-Англійскихъ школъ, отрекались отъ своихъ обязанностей гражданина и, живя въ Массачузетѣ, въ Конектикутѣ и Род-Эйландѣ, объявляли себя публично свободными отъ всякихъ обязательствъ въ отношеніи Соединенныхъ Штатовъ. Говорятъ, что Рипли, Дана, Готорнъ, Чаннингъ, Куртисъ, Паркеръ, всѣ или нѣкоторые изъ нихъ, прежде чѣмъ начать новую жизнь на Брукской Фермѣ, явились въ судъ и офиціально отреклись отъ всѣхъ правъ и обязательствъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ. Бойль, Смитъ и Нойесъ были только трое изъ тысячи умныхъ людей, рожденныхъ въ Новой Англіи, воспитанныхъ въ ея школахъ, посвященныхъ проповѣдниками ея церквей—которые отказались отъ всякихъ сношеній съ великой республикой, хуля ея учрежденія и презирая ея вла-

стей. «Ха, ха, ха, восклицалъ громовымъ голосомъ Нойесъ, сокрушитель идоловъ,—неужели вы думаете, что небо—республика, что раемъ управляетъ большинство, что ангельскія званія выборныя, что Богъ президентъ, а его министры отвѣтственны передъ чернью?» И на это восклицаніе внимавшая ему толпа громогласно отвѣчала: нѣтъ!

Въ церкви происходило почти то же, что и на политической аренѣ. Старая, величественная церковь, имѣющая свой корень въ древнемъ отечествѣ, въ Англіи, давно уже перестала быть общенароднею церковью въ Америкѣ, если численность можно принять за мѣрило силы; но даже и эта церковь высшаго класса, аристократія, церковь богатая, строгая, образованная, не могла вполнѣ избѣгнуть общей въ то время страсти въ разъединенію. Проповѣдники стремились только, если можно такъ выразиться, къ увеличенію своего содержанія, а многіе прихожане, оскорбленные подобнымъ себялюбіемъ церковнослужителей, бросали свою церковь и уходили въ какую-нибудь секту—къ Библейскимъ Коммунистамъ, къ Шэкерамъ, къ Универсалистамъ.

Веслеянская церковь, по числу своихъ членовъ самая большая въ Соединенныхъ Штатахъ, раздѣлилась на двѣ большія секты: на Сѣверную Методистскую Епископальную церковь и на Южную Методистскую Епископальную церковь. Поводомъ, а не причиной, этого раздѣленія былъ вопросъ о Неграхъ, неожиданно въ то время получившій важность. Въ сѣверной отрасли Методистской церкви произошли новые безпорядки и вторичный расколъ по вопросамъ о власти епископовъ и о правахъ прихожанъ; послѣдній вопросъ заключался въ томъ—имѣютъ ли право Методистскіе прихожане продавать ромъ. Результатомъ этого раскола была новая религіозная община, теперь чрезвычайно могущественная. Американская Веслеянская Методистская церковь. Около восьми или девяти церквей основалось такимъ образомъ изъ первоначальной церкви Веслея и Витфильда, не считая отдѣльныхъ отщепенцевъ.

Послѣ Методистовъ, по численности, идутъ Баптисты, которые точно также отличались религіозною ревностью и съ успѣхомъ боролись съ міромъ, плотью, дьяволомъ, но поддались роковому духу разъединенія. Въ короткое время эта церковь раздѣлилась на Старую Школу Баптистовъ, Субботниковъ, Кэмбеллитовъ, Семидневныхъ

Германскихъ Баптистовъ, Туникеровъ, Свободолюбивыхъ (Free-will) Баптистовъ, съ ихъ подраздѣленіемъ на просто Свободныхъ Баптистовъ, и на многія другія меньшія секты.

Въ Конгрегаціональной церкви, которая гордится тѣмъ, что въ ея рядахъ находятся самые образованные проповѣдники и профессора Соединенныхъ Штатовъ, возникли безконечные расколы. Изъ этой церкви образовались Милленьялисты, Тэйлориты и странная ересь Перфекціонистовъ, основанная однимъ изъ учениковъ Эльской коллегіи. Отъ Милленьяннстовъ, думавшихъ, что міръ скоро кончится и настанетъ день страшнаго суда, возникли Миллериты, которые увѣряли, что міръ кончится въ назначенный день. Перфекціонисты, объявлявшіе, что міръ уже кончился и день суда насталъ, раздѣлились на Пётнеитовъ и Оберлинитовъ, которые бросали грязью другъ въ друга.

Духъ сепаратизма распространился даже до уединеннаго селенія Моравскихъ Братьевъ, до Виелеема въ красивыхъ Легигскихъ горахъ; и тамъ молодые люди стали предаваться сомнѣнію и вопрошать справедливость книгъ и законовъ, такъ что кончилось тѣмъ, что Пенсильванскіе Моравцы потеряли нѣкоторые изъ своихъ обычаевъ, придававшихъ отличительную особенность ихъ церкви.

Ни одна секта не избѣгла этой страсти къ сепаратизму, независимости и индивидуальности, ни Унитарьяне, ни Омишскіе Братья, ни Рѣчные Братья, ни Винебренарьяне, ни Сведенборгіанцы, ни Швенкфельдеры. Быть можетъ секту такъ-называемыхъ Выходцевъ *(Come-outers)* можно принять за конечное выраженіе этого духа разъединенія, ибо они отдѣлились отъ старыхъ, по ихъ словамъ умирающихъ, церквей только ради принципа сепаратизма и ради надежды ослабить тѣ религіозныя общины, въ которыхъ они прежде состояли. Эти Выходцы имѣютъ только два принципа въ своей вѣрѣ, одинъ общественный, другой догматическій; они исповѣдуютъ, что мужчины и женщины равны и что всѣ церкви — мертвыя и проклятыя учрежденія.

Американское общество должно было пройти чрезъ всѣ эти испытанія; и нельзя сказать, чтобъ оно отдѣлалось отъ всѣхъ своихъ недуговъ безъ раны или тяжелаго слѣда, ибо, въ общемъ ослабленіи всѣхъ узловъ и связей, люди стали играть самыми священными истинами. Собственность подвергалась нападкамъ.

Въ газетахъ, съ церковныхъ каѳедръ открыто говорили, что частная собственность — грабежъ общаго народнаго фонда, что никто не имѣлъ права накоплять богатства, что никто не могъ имѣть притязанія на исключительное господство надъ женой и дѣтьми. Проповѣдники стали говорить противъ святости брака; женщины начали сомнѣваться слѣдуетъ ли имъ любить своихъ мужей и ухаживать за своими дѣтьми. Нѣкоторыя лэди ввели въ моду смѣяться надъ матерями; дошло даже до того, что въ Бостонѣ, въ Ричмондѣ и Нью-Іоркѣ считалось приличнымъ образованной женщинѣ не имѣть вовсе дѣтей. Низкіе, преступные люди, большею частью женщины, явились во всѣхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ и предлагали научить молодыхъ женъ тѣмъ роковымъ секретамъ, благодаря которымъ въ старыхъ государствахъ, преимущественно во Франціи, часто извращались законы природы. Много большихъ домовъ показываютъ въ Нью-Іоркѣ, гдѣ проживали эти преступныя созданія, открывшія въ Америкѣ свой отвратительный торгъ.

Религія, наука, исторія, нравственность были отброшены реформаторами, какъ жесткія путы, связывающія индивидуальную свободу. Что значилъ установленный догматъ или законъ для человѣка, рѣшившагося все испытать, все подвергнуть критикѣ? Свобода, доведенная до крайности, привела нѣкоторыхъ къ коммунизму, другихъ къ свободной любви. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, догматъ совершенной свободы, какъ не право каждаго человѣка дѣлать все что онъ хочетъ, еслибы даже его желанія коснулись дома или жены его ближняго? Нѣкоторые изъ этихъ смѣлыхъ реформаторовъ, какъ Нойесъ и Маганъ, положили въ основаніе своей вѣры религіозныя чувства; другіе, подобно Овенистамъ и Фурьеристамъ, основывали свою теорію на научной аксіомѣ; третьи же, съ болѣе поэтическимъ настроеніемъ, энтузіасты Брукской Фермы, избрали средній мистическій путь и признали Богомъ природу и справедливость. Всѣ эти школы практическихъ соціалистовъ отдѣлились отъ міра и отреклись въ болѣе или менѣе ясныхъ выраженіяхъ отъ подданства Соединеннымъ Штатамъ.

Какая благородная душа, говорили тогда, можетъ отдать себя въ неволю догматамъ, законамъ, прецедентамъ? Каждый человѣкъ долженъ быть самъ для себя закономъ. Крайняя степень свободы,

до превращенія свободы въ хаосъ, это такой общественный строй, при которомъ никто не обладаетъ никакими правами. И этой степени почти достигли многія части Америки наканунѣ войны.

Семейная жизнь едвали была менѣе поражена этимъ повсюду проникающимъ духомъ разъединенія; распри, начинаемыя у домашняго очага, переносились на женскіе митинги, собираемые для обсужденія самыхъ фантастичныхъ теорій, объ отношеніяхъ мужчинъ къ женщинамъ, мужей къ женамъ, отцовъ къ дѣтямъ. Женщины поднимали голосъ противъ своей обязанности няньчить дѣтей, противъ святости брака, противъ вѣчности брачныхъ обѣтовъ. Онѣ требовали правъ, которыя изумили бы и огорчили такіе образцы совершенства въ женщинѣ, какъ лэди Рэчель Россель и лэди Дженни Грей. Каролина Долль требовала, чтобы женщина имѣла право заниматься какимъ ей угодно ремесломъ. Маргерита Фуллеръ учила своихъ читателей равенству мужа и жены. Мэри Крагинъ проповѣдывала теорію свободной любви для женщинъ и на практикѣ примѣняла эту теорію. Элиза Фаренгамъ побуждала женщинъ возстать противъ мужчинъ на томъ основаніи, что женщины во всѣхъ отношеніяхъ гораздо выше мужчинъ.

Какою непостижимою, великою мощью должно было обладать это юное общество, чтобы перенесть съ такой ничтожной потерей борьбу стольких противуположныхъ силъ! Какая энергія, какая стойкость, какая твердость должны были скрываться въ молодой Саксонской Республикѣ!

ГЛАВА XXX.

Сѣверъ и Югъ.

Если вопросъ о Неграхъ послужилъ поводамъ къ борьбѣ, вспыхнувшей въ Чарльстонской гавани и возбудившей кровавую междуусобную войну, то причина войны была болѣе глубокая, чѣмъ желаніе Юга удержать рабство. Негръ былъ знаменемъ и ничѣмъ болѣе. Даже право штатовъ жить своей собственной жизнью, издавать и отмѣнять законы, расширять или съуживать

свою дѣятельность, дѣйствовать согласно или несогласно съ сосѣдними штатами, — только предлогъ и боевой крикъ. Причины борьбы, покрывшей костями Виргинскія поля, кроются гораздо глубже. Плантаторская война не могла бы продолжаться болѣе мѣсяца, война сепаратистская—болѣе года. Обѣ стороны вступили въ смертельный бой подъ другими знаменами; источникъ обуревавшихъ ихъ страстей былъ глубже, богаче. Не изъ-за такой нищенской ставки милліонъ англійскихъ братьевъ проливалъ кровь другъ друга. И когда же народы, вступая въ борьбу, выставляли на своихъ знаменахъ истинную причину борьбы? Народы обыкновенно творятъ великія дѣла подъ бездѣльными предлогами; такъ Италія была создана, чтобы выполнить легкомысленное слово. Люди—тѣ же во всѣхъ климатахъ. Ставка, за которую Югъ боролся съ Сѣверомъ, была ни что иное, какъ то—въ чемъ будетъ заключатся Принципъ Національной Жизни.

Какая идея должна лежать въ основѣ всѣхъ общественныхъ учрежденій и политическихъ теорій этой великой республики? Въ конституціи, которая въ сущности есть только сдѣлка, временная мѣра, этотъ вопросъ составляетъ зіяющую бездну. Съ каждымъ годомъ эта бездна все болѣе и болѣе увеличивалась, и благоразумные люди часто говорили, что эту бездну нельзя иначе наполнить, какъ принеся по древнему обычаю громадную, великую, общенародную жертву.

По одну сторону бездны лежали Южные Штаты, населенные большею частью потомками Стюартовскихъ Кавалеровъ, людьми храбрыми, гордыми, представителями привиллегіи, образованія, рыцарства; людьми, которые отличались въ высшей степени внѣшнимъ лоскомъ, придаваемымъ человѣку рожденіемъ, образованіемъ и властью; по другую сторону бездны находились Сѣверные Штаты, населенные большею частью потомками Пуританъ, ловкими купцами, искусными ремесленниками, представителями ума, дѣятельности, равенства; людьми, обладавшими вполнѣ всѣми добродѣтелями, порождаемыми вѣрою, благороднымъ честолюбіемъ и успѣхомъ.

Здѣсь стоялъ Южанинъ съ его утонченными манерами, аристократическою томностью и преданіями; тамъ работникъ Сѣверянинъ съ головою полной мыслей, съ сердцемъ полнымъ вѣры, съ могучими, искусными руками:—который изъ этихъ двухъ людей долженъ былъ предписывать законъ великой республикѣ?

На Югѣ было два класса,—благородный и рабочій, одинъ управлялъ и сражался, другой работалъ и повиновался. Между этими двумя отраслями Южнаго населенія зіяла глубокая бездна; онѣ разнились и происхожденіемъ и развитіемъ и цвѣтомъ; высшая раса была чистой древней англійской крови, прямо происходила отъ блестящихъ свѣтилъ Елизаветинскаго двора; низшая же порода была африканская, и ея родоначальники стояли на самой низкой ступени варварства и рабства въ знойныхъ степяхъ и гнилыхъ болотахъ Африки. Чрезъ эту бездну невозможно было перебросить моста. Сама природа, казалось, не могла соединить эти крайности въ одно цѣлое. Въ глазахъ своихъ господъ, особенно лэди, эти негры на рисовыхъ поляхъ и хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ были только рабочимъ скотомъ, имѣвшимъ тѣ же права, какъ мулы и волы, т. е. право быть накормленнымъ и убраннымъ подъ кровъ въ возмездіе за ихъ работы. Они имѣли еще право на милостивое съ ними обхожденіе господъ, т. е. насколько этого заслуживала ихъ грубая порода. Во многихъ штатахъ черные не смѣли учиться писать и читать; они не могли жениться и быть вѣрными, неразлучными супругами; они не могли распоряжаться своими дѣтьми; они не могли владѣть какъ собственностью свиньями, коровами, утками и другой живностью; они не имѣли права покупать и продавать, наниматься въ работники и носить фамилью. Между собою они могли еще кое-какъ тягаться, но противъ бѣлаго негръ не смѣлъ возвысить голоса въ судѣ или подать жалобы. Негръ, по словамъ Верховнаго Судьи Тана, не имѣлъ никакихъ правъ, которыя бѣлый былъ бы обязанъ уважать, т. е. другими словами онъ не имѣлъ ровно никакихъ правъ.

Но все-же должно сказать, что убыль жизни на Югѣ, несмотря на широкій просторъ данный плантаторамъ злоупотреблять своей властью, была гораздо менѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ рабовладѣльческихъ странахъ, даже на американской почвѣ. Виргинія была земнымъ раемъ въ сравненіи съ Кубой и Бразиліей. Нѣкоторая мягкость характера и лучъ набожности удерживали плантаторовъ англійской крови отъ тѣхъ жестокостей, которыя творились ежедневно Испанцами и Португальцами на далекомъ Югѣ. Чарльстонъ не былъ пріятнымъ жилищемъ для негра-невольника; законъ его не защи-

щалъ, и часто ему приходилось выносить на себѣ всю жестокость капризнаго, гнѣвнаго тирана; онъ былъ близко знакомъ съ палкой, съ оковами, съ ищейками и тюрьмой; но все-же въ сравненіи съ положеніемъ невольниковъ въ Гаваннѣ, въ Ріо, въ Сан-Доминго, его жизнь походила на жизнь балованнаго ребенка. Вѣрнѣйшее мѣрило благоденствія народа въ данную минуту это— процентъ его размноженія. Если какую-нибудь расу угнетаютъ чрезмѣрно, то природа протестуетъ противъ зла своимъ верховнымъ протестомъ. Раса эта вымираетъ. Негры вымирали въ каждой рабовладѣльческой странѣ на американской почвѣ, за исключеніемъ только тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находились подъ властью Англо-Саксонцевъ. Какъ дурно ни было обхожденіе съ неграми Англо-Саксонскихъ плантаторовъ, и на континентѣ, и на сосѣднихъ островахъ, они одни давали возможность размножаться Африканской расѣ. Этотъ фактъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы съ самаго начала перевезли въ наши тринадцать колоній пятьсотъ тысячъ негровъ, мы заставили ихъ работать въ потѣ лица, но все-же мы въ концѣ концовъ обходились съ ними настолько милостиво, что ихъ число теперь въ девять разъ больше, чѣмъ во времена ихъ предковъ. Въ Испанской Америкѣ, напротивъ, въ настоящую минуту негровъ вдвое меньше, чѣмъ ихъ было вывезено изъ Африки. Это повидимому маловажный фактъ, мы его разсказали въ одной строчкѣ, но сколько тутъ скрывается роковыхъ драмъ страданій и смерти! Когда сведется великій итогъ всего, что мы сдѣлали и чего мы не сдѣлали, когда противъ насъ будутъ громко вопіять всѣ наши беззаконія, то не будемъ ли мы въ состояніи, въ видѣ хоть малаго искупленія за наши великіе грѣхи, указать на это увеличеніе чернаго народонаселенія въ нашихъ владѣніяхъ?

Туристъ, пріѣзжавшій въ Америку изъ Стараго Свѣта и принадлежавшій самъ къ нетрудящемуся классу людей, чувствовалъ себя какъ-бы дома въ роскошныхъ жилищахъ южныхъ плантаторовъ. Дома ихъ были хорошо выстроены, мебель въ комнатахъ роскошная, обѣдъ и вина отличные, книги, картины, вазы такія же, какія онъ привыкъ видѣть въ Европѣ. Онъ находилъ тутъ множество слугъ и лошадей, великолѣпные парки и лѣса. Въ одномъ мѣстѣ онъ славно охотился, въ другомъ славно ловилъ рыбу.

Почти всѣ молодыя лэди привыкли ѣздили верхомъ, танцовали и пѣли. Мужчины отличались открытымъ, любезнымъ обращеніемъ, смѣлой отвагой, гостепріимствомъ. То, что поразило бы его непріятно, или скрывалось далеко отъ его взоровъ или облекалось въ живописную, комическую оболочку. Онъ слышалъ о рабствѣ только шуточныя замѣчанія, онъ ходилъ на плантаціи, только чтобы посмотрѣть на комическое зрѣлище. Для его удовольствія собирали негровъ и заставляли ихъ пѣть и плясать. Послѣ такого представленія, на которое путешественникъ любовался, съ удовольствіемъ попивая пуншъ, онъ возвращался домой, въ какомъ то-странномъ смущеніи, вполнѣ увѣренный, что негры любятъ свои оковы. Въ Миссури и въ Виргиніи я видѣлъ достаточно доказательствъ, какъ легко обыкновенные туристы обманываются наружной веселостью и смѣхомъ негровъ. Негръ созданіе смиренное, любящее, пластичное,—за доброе слово, за рюмку водки онъ готовъ пѣть и плясать. Кромѣ того онъ терпѣливъ до невозможности. Въ Омахѣ я однажды видѣлъ, какъ бѣлый билъ чернаго мальчишку на улицѣ. На мой вопросъ о причинѣ такого страннаго поведенія бѣлаго, мальчикъ отвѣчалъ: «я говорилъ, что негры имѣютъ право голоса, а этотъ джентльменъ увѣряетъ, что негры не люди.» Однако мальчикъ нимало не жаловался, что его били, но даже громко смѣялся, словно это ему нравилось. Еслибъ этотъ бѣлый былъ его господиномъ, онъ тоже бы смѣялся; и по всей вѣроятности мнѣ вся эта сцена показалась бы милой шуткой.

Югъ нравился Англичанамъ гораздо болѣе Сѣвера, ибо гости и хозяева чувствовали себя гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ въ странѣ Янки. Голубое небо, любезная хозяйка, лѣнивая, роскошная жизнь—все заставляло англичанина забывать, на какомъ основаніи зиждилось это великолѣпное зданіе.

Въ Сѣверныхъ Штатахъ подобный туристъ нашелъ бы мало предметовъ по своему вкусу. Дома въ помѣстьяхъ, исключая окрестностей Филадельфіи, гдѣ старый англійскій стиль все-еще въ ходу, не такъ велики и не такъ великолѣпны, какъ на Югѣ; климатъ гораздо холоднѣе и негдѣ было лѣниво слоняться взадъ и впередъ безъ всякой цѣли. Онъ самъ ничего не дѣлалъ, а никому вокругъ него не было времени помочь ему или позабавить

его. Мужчины всѣ заняты своими дѣлами, они не охотятся, не удятъ рыбу, не тандуютъ; они разговариваютъ только о своихъ фабрикахъ, дорогахъ, копяхъ и т. д.; они всегда торопятся, всегда задумчивы, всегда поглощены дѣломъ, словно весь міръ лежитъ на ихъ рукахъ и они боятся его уронить. Женщины такъ же заняты своими заботами и хлопотами. Онѣ не проводили цѣлыя утра въ болтовнѣ и въ прогулкахъ по саду; учтивый гость не успѣвалъ вымолвить и половины своихъ комплиментовъ, какъ всѣ дамы, поспѣшно позавтракавъ, расходились по школамъ, мастерскимъ и т. д. Правда, что когда ему удавалось поговорить съ ними о научныхъ предметахъ, о политикѣ и литературѣ, его поражали ихъ знанія, ихъ начитанность; онѣ знали самыя послѣднія явленія въ литературѣ и наукѣ; онѣ оказывались блестящими, свѣдущими людьми, которые ничего не упускали изъ виду и все умѣли примѣнить къ дѣлу, даже иногда совершенно неожиданно изъ него самого извлекали пользу. Но все-же онъ, лѣнтяй, не имѣвшій никакого занятія, не могъ находить много удовольствія въ ихъ дѣловыхъ разговорахъ. Объ немъ мало думали, мало заботились, ибо всѣ мысли, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, были заняты ихъ собственными дѣлами. Когда ему хотѣлось погулять, поваляться на диванахъ, помечтать, то его хозяинъ долженъ былъ идти въ банкъ, а его хозяйка должна была учить дѣтей въ школѣ. Ему говорили постоянно что онъ долженъ самъ забавляться до обѣда. А тамъ всегда требовалось посѣтить копи или новый мостъ, или попробовать какую-нибудь машину. Какое ему было дѣло до угля, мостовъ и машинъ! Онъ поспѣшно выкуривалъ папироску и съ слѣдующимъ поѣздомъ отправлялся въ Ричмондъ.

Въ этихъ солнечныхъ южныхъ домахъ съ ихъ длинными галереями и веселыми лужками никто не былъ занятъ, никто не торопился. У всѣхъ было время поболтать, полюбезничать. Въ такомъ пріятномъ препровожденіи времени проходили дни. Никто не думалъ тамъ работать, ибо работа была дѣломъ невольниковъ. Работа считалась стыдомъ на Югѣ. Общество говорило своимъ членамъ: «вы не будете работать и избѣгнете проклятія.» И бѣлые никогда не прикасались рукою къ плугу. «Работать! сказалъ однажды здоровый молодецъ въ Тенесси, человѣку, у кото-

раго онъ просилъ милостыню,—слава Богу, съ тѣхъ поръ какъ я на свѣтѣ, я никогда не работалъ, и теперь я не стану перемѣнять своего образа жизни; вы можете меня повѣсить, если хотите, а работать вы меня никогда не заставите.» Въ этихъ словахъ выразился весь духъ Юга. «Въ одномъ мы были виноваты, говорилъ мнѣ одинъ джентльменъ въ Георгіи,—наша гордость не позволяла намъ учить нашихъ дѣтей. У насъ на Югѣ не было почти учителей. Мы были хорошо образованы, у насъ было нѣсколько хорошихъ ученыхъ и много краснорѣчивыхъ ораторовъ; но мы были принуждены посылать къ нашимъ врагамъ въ Кэмбриджъ и Нью-Гэвенъ за учителями, какъ мужчинами, такъ и женщинами, а они сдѣлали изъ нашихъ дѣтей почти ревностныхъ Янки.» Преподаваніе—работа, а житель Георгіи не могъ ни работать, ни признавать святости труда. Во время одного изъ тѣхъ нравственныхъ урагановъ, которые иногда охватывали эти лѣнивые города, Южане познали все зло, скрывавшееся въ такомъ положеніи дѣлъ, и было рѣшено основать большой университетъ на Югѣ и пригласить на его каѳедры знаменитѣйшихъ представителей науки и литературы Сѣвера и Европы. Между прочимъ разсчитывали на профессора Агасиса, котораго намѣревались поставить во главѣ новаго учрежденія. «А каково будетъ наше общественное положеніе?» спросилъ великій ученый, самъ разсказывавшій мнѣ эти подробности. Въ этомъ заключался весь вопросъ. Каково могло быть положеніе учителя на Югѣ? Въ рабовладѣльческомъ обществѣ учитель не могъ имѣть никакого положенія и потому проектъ о приглашеніи лучшихъ ученыхъ изъ Оксфорда и Берлина, изъ Бостона и Нью-Гэвена былъ преданъ забвенію. Въ сѣверныхъ городахъ не было ни благороднаго класса, ни невольничьяго. Вмѣсто того тамъ были люди ученые, дѣятельные, предпріимчивые, люди такого же высокаго происхожденія, какъ и южное рыцарство, но съ новыми понятіями, обычаями и вѣрой. Средніе вѣка и новыя времена не могли сойтись и жить мирно; каждая страна хотѣла повелѣвать Великой Республикой—тамъ рыцарство съ его славою и пороками, здѣсь равенство съ его ревностью и надеждами.

Который изъ этихъ двухъ принциповъ—привиллегія или равенство—долженъ былъ управлять Великой Республикой?

ГЛАВА XXXI.

Негры.

Бѣлые имѣли и имѣютъ, можетъ быть, до сихъ поръ возможность жить здѣсь въ Виргиніи, въ Алабамѣ, Миссисипи и въ обѣихъ Каролинахъ особой общественной и политической жизнью, совершенно отдѣльной отъ жизни ихъ братьевъ въ Пенсильваніи, Массачузетѣ и Огіо; но путь, которымъ въ такомъ случаѣ они должны идти, прямо противорѣчитъ ихъ гордости и всѣмъ ихъ врожденнымъ понятіямъ; путь этотъ — союзъ съ неграми посредствомъ брака.

Задолго до того, какъ стало употребительнымъ выраженіе смѣшеніе разной крови, задолго до того, какъ юныя красавицы въ кудряхъ и шиньонахъ стали публично проповѣдывать смѣшеніе расъ, нѣкоторые основательные, искренніе люди признавали спасительное свойство Негритянской крови. Чаннингъ подготовилъ путь Аннѣ Дикенсонъ. Въ своей цвѣтистой прозѣ Ново-Англійскіе проповѣдники придали неграмъ такую утонченную, чувствительную организацію, о которой и помыслить не могли бѣдные бѣлые Сѣвера. Бѣлые могли быть одарены въ бо́льшой степени всѣмъ, что касается грубой, эгоистичной стороны человѣческаго ума; но относительно нравственной природы человѣка, относительно религіозныхъ инстинктовъ, семейныхъ привязанностей и привлекательности обхожденія, негръ стоялъ неизмѣримо выше бѣлаго, какъ существо болѣе мягкое, нѣжное и возвышенное. Онъ гораздо воспріимчивѣе ко всѣмъ внѣшнимъ ощущеніямъ; на него гораздо сильнѣе дѣйствуютъ пѣніе птицъ, плачъ дѣтей, жаръ полудня и тишина ночи. Онъ гораздо чаще видитъ сны; отличается лучшимъ слухомъ въ музыкальномъ отношеніи, бо́льшей ловкостью въ танцахъ. Онъ разумнѣй относится къ вопросу о цвѣтѣ кожи, онъ болѣе привязанъ къ мѣстности, болѣе находитъ утѣхи въ религіозномъ поклоненіи, яснѣе сознаетъ, что Богъ—отецъ всѣхъ людей. Эти фантастическія изображенія негра, рисуемыя въ Ново-Англійскихъ кабинетахъ за тысячу миль отъ рисовыхъ полей и

хлопчатобумажныхъ плантацій, достигли своего крайняго выраженія въ «*Хижинѣ Дяди Тома*».

Много добрыхъ людей на Сѣверѣ начало мало по малу думать, что было бы чрезвычайно полезно, въ видахъ усиленія расы блѣдныхъ и желчныхъ людей Юга, поженить ихъ сыновей и дочерей на столь одаренныхъ и впечатлительныхъ созданіяхъ, какъ Негры. Когда вспыхнула война это мнѣніе стало распространяться повсюду, и чѣмъ сильнѣе борьба свирѣпствовала, тѣмъ сильнѣе это мнѣніе укоренялось; теперь же, когда война кончилась и Югъ распростертъ у ногъ своихъ побѣдителей, въ Новой Англіи существуетъ партія, которая съ радостью бы поженила на неграхъ все бѣлое населеніе на югъ отъ Ричмонда, еслибъ только нашлось для этого средство. Часто я слыхалъ, какъ люди серьезные объявляли публично сочувствующимъ слушателямъ, что браки бѣлыхъ съ черными улучшили бы блѣднолицую расу. Конечно эти браки должны были совершаться вдали отъ тѣхъ, которые проповѣдывали ихъ пользу. Я встрѣчалъ многихъ лэди, которыя не колеблясь объявляли свою твердую увѣренность, что было бы чрезвычайно полезно нѣжнымъ миссъ Чарльстона и Саванны выйти замужъ за негровъ. Но я не видалъ ни одной лэди, которая бы сказала, что ея собственнымъ дочерямъ было бы полезно выйти за негровъ.

Война произвела большую перемѣну въ общественномъ мнѣніи въ пользу негра; это теперь любимецъ всего Сѣвера; о немъ не иначе говорятъ какъ о *цвѣтномъ джентльменѣ;* уже болѣе нѣтъ и помина о *проклятомъ черномъ подлецѣ* стараго времени. Онъ ѣздитъ въ вагонахъ рядомъ со своимъ бѣлымъ братомъ; онъ имѣетъ право войти въ церковь и молится на одной скамьѣ съ бѣлымъ. Государственные люди произносятъ объ немъ рѣчи, женщины ораторы восхваляютъ его. Капитанъ Антони, одинъ изъ Ново-Англійскихъ ораторовъ, говорилъ публично при мнѣ, что еслибъ ему потребовалось найти на Югѣ хорошее сердце, то онъ искалъ бы его подъ черной кожей, еслибы потребовалось найти хорошую голову, то онъ искалъ бы ее подъ курчавыми волосами. Эти странныя слова говорились къ Канзасѣ, и я долженъ сознаться, что рѣчь капитана Антони была одна изъ самыхъ умныхъ когда-либо мною слышанныхъ.

Дѣло въ томъ, что негръ—человѣкъ будущаго. Въ виду того, что негры вскорѣ вѣроятно получатъ право голоса, за ними теперь ухаживаютъ, ихъ ласкаютъ, имъ льстятъ. Во время войны негры доказали, что они люди; черные и бурые молодцы, взявшіе Ричмондскій фортъ, сдѣлали навѣки людьми всѣхъ черныхъ своихъ братій.

Шесть лѣтъ тому назадъ, говорятъ, ни одна леди въ Бостонѣ, Нью-Іоркѣ и Филадельфіи не потерпѣла бы негра-слуги; негръ считался обманщикомъ, лгуномъ, воромъ, пьяницей. Я не скажу, чтобъ это мнѣніе совершенно исчезло и теперь; оно быть можетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранится еще годы, но оно сильно измѣнилось, и я слыхалъ отъ очень приличныхъ леди въ Бостонѣ и Нью-Іоркѣ, что онѣ чрезвычайно довольны своими слугами неграми. Они очень услужливы, опрятны, проворны, добродушны и благодарны. Нѣкоторые очень красивы и отличаются тѣмъ достоинствомъ и той граціей, которыя присущи хорошей крови. Здѣсь, въ Ричмондѣ, и во всѣхъ гостинницахъ отъ Нью-Іорка до Денвера, Негры служатъ за общимъ столомъ, одѣваютъ и брѣютъ васъ, чистятъ ваши сапоги; и несмотря на то, что я имѣлъ дѣло по крайней мѣрѣ съ нѣсколькими сотнями черныхъ слугъ, ни отъ одного я не слышалъ грубаго слова, ни у одного не видалъ надутаго лица.

У одного негра въ Ливенвортѣ мы спросили, отчего онъ не женится, такъ какъ онъ уже нажилъ порядочное состояніе. «Нѣтъ саръ, я не женюсь, отвѣчалъ онъ,—никакая бѣлая леди не пойдетъ за меня, а я не возьму бѣлой женщины, которая пойдетъ за меня только изъ-за денегъ.» На нашъ вопросъ, почему онъ не женится на своей соотечественницѣ, онъ отвѣчалъ съ презрительной улыбкой: «Господи, саръ, неужели вы думаете, что я женюсь на чёрной негритянкѣ?» И однако онъ самъ былъ негръ чистой крови, черный какъ уголь.

Что негръ способенъ по своему трудолюбію, общественнымъ склонностямъ и добродушію достигнуть высшей степени гражданской жизни, въ этомъ почти нѣтъ сомнѣнія. Нѣкоторые изъ негровъ уже теперь богатые и ученые люди; есть между ними адвокаты, проповѣдники и актеры. Многіе желаютъ учиться и сдѣлать себѣ хорошую карьеру. Вотъ напримѣръ Эли Браунъ, дворецкій

въ Ричмондской гостинницѣ; этотъ человѣкъ, съ блестящими глазами, съ смѣтливымъ умомъ и ловкими руками, былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ невольникомъ. Онъ тайкомъ научился читать, подъ страхомъ палки своего господина, а со времени освобожденія онъ научился и писать. Въ этомъ черномъ молодцѣ я нашелъ больше здраваго смысла, понятія о различіи между добромъ и зломъ, сознанія справедливости и истинной политики, чѣмъ въ большинствѣ обыкновенныхъ американскихъ ораторовъ. «Скажите мнѣ, Эли, хотите ли вы имѣть право голоса?» спросилъ я его однажды послѣ обѣда, когда онъ стоялъ за моимъ стуломъ. «Не теперь, саръ, отвѣчалъ онъ, — я еще не довольно читалъ и не все еще понимаю. Когда-нибудь, лѣтъ черезъ двадцать или двадцать пять, я бы желалъ имѣть право голоса наравнѣ съ другими.» Не гораздо ли достойнѣе такой благоразумный человѣкъ имѣть голосъ на выборахъ, чѣмъ тѣ кабачные крикуны, которымъ и въ голову никогда не придетъ, чтобы они чего-нибудь не знали.

Вчера вечеромъ я пошелъ гулять съ Эли по городу, не для того, чтобы взглянуть на кабаки, народные концерты или другія какія трущобы, но чтобы познакомиться со школами негровъ. Онѣ большею частью находятся или на чердакахъ, или въ подвалахъ; это бѣдныя комнаты, очень скудно снабженныя скамейками, столами и книгами. Въ нѣкоторыхъ школахъ учитель бѣлый, но во многихъ черный или мулатъ. Старики и молодые одинаково стремятся въ эти скромныя школы; вы увидите тутъ рядомъ за азбукой и шестидесятилѣтняго и шестилѣтняго негра. Всѣ работаютъ съ энергіею, съ твердою рѣшимостью побороть всѣ трудности и достичь знанія. Эти люди не дожидаются, чтобы міръ пришелъ къ нимъ со всѣмъ его образованіемъ и со всѣми его средствами къ распространенію народнаго просвѣщенія; они сами приступили къ дѣлу своего освобожденія отъ невѣжества и порока. Въ одномъ Ричмондѣ находится сорокъ подобныхъ негритянскихъ школъ.

Въ виду людей одушевленныхъ такимъ духомъ, плантаторы не могутъ попрежнему спать и ржавѣть въ своей старой гордости. Знаніе—сила, и всякій слабый человѣкъ терпитъ пораженіе. Но хотя плантаторъ можетъ и долженъ приготовиться для борьбы съ новымъ классомъ людей на его собственной землѣ, — слѣдуетъ

ли изъ этого, что онъ долженъ смѣшать свою кровь съ кровью своихъ бывшихъ рабовъ?

Чувство отвращенія къ негру, даже въ мимолетныхъ столкновеніяхъ въ церкви, на желѣзной дорогѣ, въ гостинницахъ — еще очень сильно, хотя оно и можетъ уменьшиться современемъ по мѣрѣ того, какъ негръ пріобрѣтетъ болѣе свободы, богатства и образованія; это чувство замѣчается нетолько въ Ричмондѣ, гдѣ негръ былъ просто вещью, предметомъ купли и продажи, котораго господинъ могъ морить голодомъ, бить, терзать сколько угодно, но и на западѣ и на сѣверѣ, въ Индіанополисѣ, Цинциннати и Чикаго. Со времени окончанія войны негръ получилъ законное право ѣздить въ омнибусахъ, на конножелѣзныхъ дорогахъ и вообще по всѣмъ путямъ сообщенія, существующимъ на улицахъ; но во многихъ случаяхъ онъ не смѣетъ пользоваться своимъ правомъ. Извощикъ не посадилъ бы его въ свой кэбъ, кондукторъ не впустилъ бы его въ вагонъ, въ которомъ сидятъ лэди. Однажды, проѣздомъ чрезъ Огіо, штатъ, въ которомъ негровъ очень много, я былъ чрезвычайно удивленъ, что въ вагонахъ, не было видно ни одного чернаго лица, и потому нарочно пошелъ обозрѣвать весь поѣздъ; между тендеромъ и багажной платформой я увидѣлъ особый вагонъ грязный и вонючій до невозможности, въ которомъ сидѣло съ дюжину свободныхъ негровъ, заплатившихъ за проѣздъ ту же цѣну какъ и я. «Отчего эти негры ѣдутъ особо, а не въ общихъ вагонахъ?» спросилъ я у кондуктора. «Ну, отвѣчалъ онъ, съ неожиданнымъ блескомъ въ глазахъ,—они пожалуй имѣютъ на это право, но, чортъ возьми, я бы желалъ видѣть, какъ бы они вошли въ порядочный вагонъ.» Выраженіе его лица при-этомъ напомнило мнѣ отвратительное лицо Большой Лоси, одного изъ Чійеннскихъ предводителей, моихъ знакомыхъ въ степи. Здѣсь въ Виргиніи всѣ компаніи желѣзныхъ дорогъ выставили объявленія, что негръ заплативъ за билетъ имѣетъ право сѣсть въ любой вагонъ согласно правиламъ; но, милосердное небо! какой негръ посмѣетъ войти въ вагонъ, въ которомъ сидятъ бѣлые? Самъ любитъ свою свободу, по временамъ онъ позволяетъ себѣ выказать эту свободу какой-нибудь грубостью своему старому господину; но еще болѣе любитъ онъ свою шкуру, и въ странѣ, гдѣ каждый носитъ въ карманѣ револьверъ,

Самъ знаетъ, что̀ онъ можетъ себѣ позволить и далѣе чего онъ не долженъ идти. Обычаи не измѣняются писаннымъ закономъ; и еще не скоро настанетъ день, когда бѣлые и черные будутъ обходиться другъ съ другомъ свободно и дружески.

Въ Массачузетѣ и Род-Эйландѣ вы услышите отъ сторонниковъ смѣшенія бѣлой крови и черной, что это ни мало не новая метода, что она давно существовала въ Виргиніи, Каролинѣ и Алабамѣ. Вамъ говорятъ, что это смѣшеніе—фактъ, а не теорія, южный обычай, а не сѣверный проектъ. Васъ поведутъ на улицы, въ гостинницы, въ цирюльни, и вамъ укажутъ на желтокожихъ негровъ, изъ которыхъ одни блѣдны какъ Мавры, другіе бѣлы какъ Испанцы; у васъ тогда спросятъ откуда явились въ неграхъ Саксонскія черты, сѣро-голубые глаза, нѣжныя руки? Вамъ покажутъ негритянку съ золотистыми волосами. Развѣ эти факты доказываютъ, что бѣлая кровь не можетъ смѣшаться съ черной? Поѣзжайте въ Ньюпортъ и Саратогу; эти пріюты лѣни изобилуютъ неграми, изъ которыхъ каждый можетъ служить доказательствомъ противуположной истины. То, что вы увидите въ Ньюпортѣ и Саратогѣ, встрѣчается на Ніагарѣ, на Ливанскихъ Источникахъ и на всѣхъ водахъ Соединенныхъ Штатовъ. Къ сѣверу отъ Потомака очень рѣдко встрѣтить чистаго Африканскаго негра. Многіе изъ слугъ мулаты, еще большее число квартероны и октороны. Почти во всѣхъ ясно видны слѣды англійской или испанской крови; это обнаруживается въ цвѣтѣ кожи, въ чертахъ лица, въ осанкѣ. Вотъ этотъ блѣдный, бѣловатый негръ, Питъ напоминаетъ испанскаго гранда. Мой пріятель Эли сильно смахиваетъ на судью. Кто знаетъ, откуда Питъ и Эли почерпнули свою, полную достоинства осанку? Въ Виргиніи и Каролинѣ вы встрѣтите на каждомъ шагу черныя сплюснутыя лица, съ толстыми губами, низкимъ лбомъ и открытыми ноздрями. Подобное лице конечно не красиво, хотя нѣкоторые изъ его обладателей далеко не такіе грубые дикари, какъ вообще предполагаютъ. Многіе изъ нихъ дѣятельные, блестящіе люди; Гарри Пирманъ—чистокровный негръ. Но даже въ Ричмондѣ въ неграхъ много примѣси Саксонской крови; Эли Браунъ и Питъ—мулаты, а большинство слугъ въ Соединенныхъ Штатахъ квартероны. Поэтому достовѣрно, по словамъ Ново-Англій-

скихъ мыслителей, что смѣшеніе расъ не новое дѣло для Юга, а уже давно извѣстное.

Однако до сихъ поръ эта система смѣшенія расъ примѣнялась къ дѣлу, между бѣлыми, только мужчинами; новый планъ о смѣшеніи бѣлой крови и черной, повидимому, лишь отрасль той великой теоріи о равенствѣ обоихъ половъ, которая такъ смущаетъ и терзаетъ нынѣ общество. До сихъ поръ только мужская Саксонская кровь переходила въ жилы негра; поэтому, зоркій наблюдатель, капитанъ Антони, говорившій, что хорошее сердце и хорошую голову можно только найти подъ черной кожей и волнистыми волосами, — увѣрялъ, что онъ потому вѣритъ въ мужество и великія способности негра, что лучшая кровь Виргиніи и Каролины течетъ въ жилахъ негровъ. Въ продолженіе десяти поколѣній, говоритъ онъ, — юноши южной англійской аристократіи имѣли любовницъ негритянокъ; почти во все это время производство невольниковъ было одной изъ выгоднѣйшихъ отраслей торговли на Югѣ. Отцы не стыдились давать для потѣхи своимъ наслѣдникамъ хорошенькую квартеронку и потомъ продавать плодъ ихъ незаконной любви. Когда такимъ образомъ, по словамъ капитана Антони, южный аристократъ проживалъ свою юность, когда сердце у него черствѣло и мозгъ тупѣлъ, его обыкновенно женили на бѣлой дѣвушкѣ, которая ему рождала хилыхъ дѣтей и сохраняла для потомства его имя. Не ясно ли, спрашиваетъ ораторъ, что вся свѣжесть силъ аристократическихъ семействъ переходила въ поколѣніе негровъ?

Если такой порядокъ могъ существовать съ одной стороны, то отчего же ему не существовать и съ другой? прибавляютъ реформаторы. Если бѣлый хорошо дѣлаетъ любя черную наложницу, то отчего же бѣлая женщина поступила бы дурно выйдя замужъ за негра? Такимъ образомъ оказывается изъ разсмотрѣнія всѣхъ фактовъ и мнѣній, что эта неожиданная и опасная теорія смѣшенія расъ есть ничто иное, какъ попытка распространить на всѣхъ свободу, которой до сихъ поръ пользовались только избранные, — попытка придать законную и нравственную санкцію тому, что уже составляетъ обычай одного изъ половъ.

Но эта идея о введеніи браковъ между бѣлыми женщинами и черными неграми возбуждаетъ самую дикую ярость между мужчинами,

исключая нѣкоторыхъ поэтовъ и философовъ. Заговорите объ этомъ предметѣ за общимъ столомъ въ гостинницѣ, и самые спокойные, почтенные джентльмены сожмутъ кулаки и заскрежещутъ зубами. Американцы вообще не обижаются шутками, но вы никогда не должны шутить въ обществѣ насчетъ любви негровъ къ бѣлымъ женщинамъ. За простой комплиментъ, который онъ не долженъ себѣ позволить, негръ можетъ подвергнуться жестокимъ истязаніямъ и даже висѣлицѣ. Никакое наказаніе не считалось бы слишкомъ жестокимъ для такого преступника. Одинъ пріятель разсказывалъ мнѣ, что онъ самъ видѣлъ на западѣ, какъ разъяренная толпа обошлась съ негромъ, оскорбившимъ бѣлую дѣвушку; все преступленіе его заключалось въ томъ, что онъ поцѣловалъ ее и повидимому еще хотѣлъ позволить себѣ другія съ ней вольности; на крикъ ея подоспѣлъ какой-то солдатъ, уроженецъ Огіо, и схвативъ негра потащилъ его въ фортъ Галскъ, гдѣ его били, топтали, обмазали дегтемъ, облѣпили перьями, жгли на медленномъ огнѣ, сдирали съ него кожу и наконецъ полумертваго впихнули въ боченокъ и выбросили въ степь, гдѣ его разнесли по кускамъ волки и вороны.

Мой пріятель самъ солдатъ и родомъ изъ Миссури не подозрѣвалъ, что меня поразитъ его разсказъ, что я найду наказаніе негра несоразмѣрнымъ съ преступленіемъ, а поступокъ солдата изъ Огіо неизмѣримо преступнѣе. Въ западной странѣ жизнь считается ни во что. Никто тамъ не дорожитъ каплей крови, какъ мы въ Старомъ Свѣтѣ. Жизнь бѣлаго человѣка очень дешева, дешевле жизни лошади; жизнь чернаго цѣнится въ ничто—дешевле собаки. Я все это зналъ, и потому равнодушіе моего пріятеля ни мало меня не удивило.

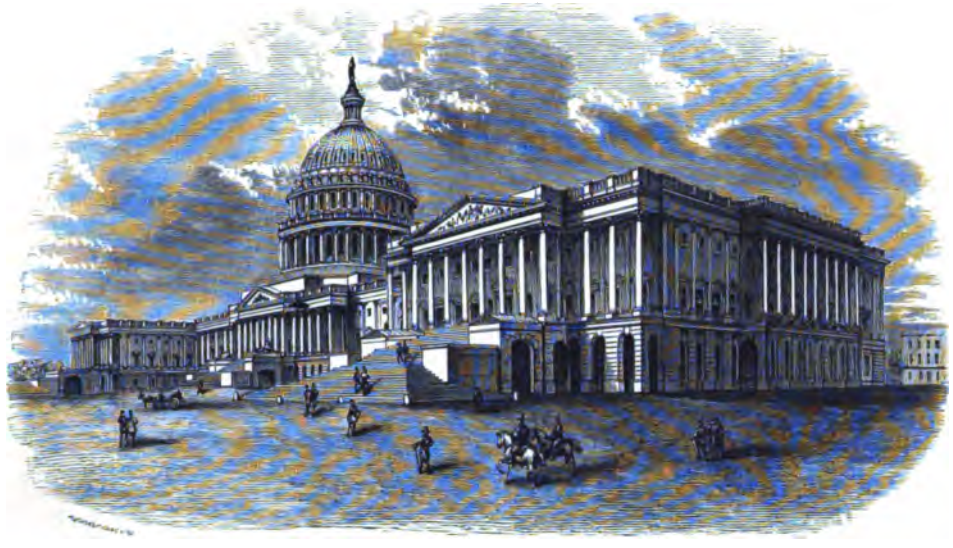
Быть можетъ придетъ время, когда, согласно предсказаніямъ проповѣдниковъ и поэтовъ, негръ и саксонка будутъ мужемъ и женой; но день, въ который они пойдутъ въ церковь для совершенія вѣнчальнаго обряда, не вовбуждая гнѣва и мести всѣхъ бѣлыхъ, еще повидимому долго не настанетъ.

ГЛАВА XXXII.

Возстановленіе Союза.

Въ великой борьбѣ, происходящей въ настоящее время во всѣхъ частяхъ Республики по вопросу о томъ, какая лучшая теорія возстановленія Соединенныхъ Штатовъ, т. е. по какому плану должно быть выстроено зданіе Новой Америки, каждая партія написала на своемъ знамени слово Союзъ. Подъ сводами Новаго Капитолія люди Сѣвера и Юга одинаково пламенно и краснорѣчиво стоятъ за Союзъ. Это слово постоянно на языкѣ всѣхъ ораторовъ, вѣчно попадается на страницахъ всѣхъ писателей. Единство есть политическая религія нетолько людей официальныхъ, но и всѣхъ желающихъ добра отечеству, желающихъ ему послужить. Вы не услышите никакого другаго крика. Не раздѣлять это общее требованіе считается преступленіемъ. «Мы всѣ стоимъ за Союзъ,—говорила мнѣ одна Виргинская лэди,—за такой союзъ, какимъ онъ былъ, если это возможно; наше единственное желаніе возвратиться къ тому положенію, въ которомъ мы находились въ 1861 г.» Насколько мы слышали въ Ричмондѣ, эти слова повидимому выражаютъ общее желаніе; къ сѣверу отъ Потомака точно также желаютъ покончить съ послѣдними пятью годами междуусобія и распри.

На новыхъ выборахъ, каждый кандидатъ на официальное мѣсто принужденъ былъ общественнымъ мнѣніемъ, хотя и противъ собственной воли, принять этотъ пароль націи для себя и для своихъ друзей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый кандидатъ обвинялъ своихъ противниковъ въ противусоюзныхъ тенденціяхъ, въ сепаратизмѣ,—выраженіе, подразумѣвающее, при настоящемъ положеніи вещей, измѣну и всевозможныя нечестія. Союзъ, единство — слова нѣжныя, сладкія, чарующія. Каждая партія хочетъ завладѣть этими словами, какъ своею собственностью. Сепаратизмъ,—слово, столь пріятное для уха въ Ричмондѣ, Ралэ и Новомъ Орлеанѣ тридцать мѣсяцевъ тому назадъ,—теперь клеймо позора. День сепаратизма прошелъ. Республиканцы называютъ



Новый Капитолій, Въ Вашингтонѣ.

своихъ враговъ демократовъ сепаратистами; демократы называютъ своихъ враговъ республиканцевъ точно также сепаратистами. Каждая сторона пишетъ «Союзъ» во главѣ своей программы; этотъ одинъ и тотъ же крикъ, слышащійся въ противуположныхъ лагеряхъ, часто смущаетъ свободныхъ и независимыхъ избирателей. Даже здѣсь въ Ричмондѣ, столицѣ гордаго побѣжденнаго дѣла, гдѣ улицы еще закопчены отъ огня, гдѣ всѣ окресности пропитаны кровью,—даже здѣсь едва ли вы услышите между людьми умѣренными и здравыми другой крикъ, какъ Союзъ! Нѣкоторые конечно придерживаются съ пламенною ревностью памяти прошлаго; но съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ ряды этихъ сантиментальныхъ мучениковъ. Молодые люди, чувствуя, что вся ихъ жизнь въ будущемъ, а не въ прошедшемъ, всѣ мало по малу переходятъ къ болѣе широкому и практическому взгляду на вещи. Они видятъ, что дали бой и проиграли призъ, за который боролись. Рабство исчезло; права Штатовъ также. Мечта независимости разсѣялась. Люди, безнадежно скомпрометированные послѣдними событіями, понимая, что побѣдившіе штаты никогда не вручатъ имъ снова политической власти, могутъ проповѣдывать благородство и добродѣтель отчаянія; но молодые люди чувствуютъ, что безмолвіемъ и гнѣвомъ не измѣнить результатовъ великихъ побѣдъ Шермана, Шеридана и Гранта. За исключеніемъ нѣкоторыхъ женщинъ, благородныхъ, возвышенныхъ, но не логичныхъ и не практичныхъ, немногіе на Югѣ (по крайней мѣрѣ я такъ слышалъ) смотрятъ иначе, какъ съ гордой, пламенной радостью на будущее возстановленіе союза ихъ страны съ свободной и могущественной республикой.

Ричмондъ въ настоящее время находится не въ очень восторженномъ настроеніи; съ тѣхъ поръ какъ онъ покрѣнъ сѣверянами, эта бывшая столица возстанія приняла на себя гордый, холодный видъ. Однако когда выборы придали Ричмонду нѣкоторое одушевленіе — весь энтузіазмъ обратился на старое звѣздное знамя. Надняхъ за однимъ обѣдомъ какой-то политикъ провозгласилъ тостъ: «за побѣжденное знамя».—«Тише, господа,—сказалъ сынъ генерала Ли,—время прошло для такихъ тостовъ. У насъ нѣтъ теперь другаго знамени, какъ славное звѣздное, и я не буду сражаться подъ другимъ знаменемъ, не буду пить за другое знамя.»

Судя по тону и характеру политическихъ разговоровъ, которые слышишь повсюду въ Ричмондѣ, я полагаю что нельзя подозрѣвать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми Нью-Іоркскими газетами, чтобы этотъ патріотизмъ Виргиніи былъ результатомъ страха или хитрости; по моему смиренному мнѣнію никакая невзгода, какъ бы велика она ни была, никакое лишеніе, какъ горько оно ни было бы, не могли заставить этихъ гордыхъ Виргинцевъ просить возобновленія дружескихъ сношеній съ Сѣверомъ иначе, какъ на основаніи обыкновенныхъ политическихъ соображеній. Возвращеніе къ болѣе здравымъ чувствамъ со стороны этихъ побѣжденныхъ воиновъ есть повидимому естественный результатъ событій. Жизнь, открывающаяся передъ ними,—новая жизнь. Рабство исчезло, и ненависть, возбуждаемая рабствомъ, также мало по малу стушевывается. Люди должны смотрѣть прямо въ глаза своей судьбѣ, и хорошо, когда они дѣлаютъ это не дозволяя затемнять свое сужденіе страстямъ, обыкновенно наполняющимъ сердца побѣжденныхъ. Какъ плантаторамъ сохранить свое положеніе, нетолько въ Великой Республикѣ, но и въ Каролинѣ и Виргиніи? Въ настоящее время они составляютъ аристократію безъ подчиненнаго рабскаго класса. У нихъ громадныя помѣстья, но нѣтъ ни капиталовъ, ни фабрикъ, ни кораблей, ни работниковъ. У нихъ огромные долги; они почти не имѣютъ прямыхъ и непосредственныхъ сношеній съ иностранными государствами. Хуже же всего то, что ихъ окружаетъ на ихъ поляхъ и въ ихъ домахъ народонаселеніе, принадлежащее къ гораздо нисшей расѣ, чѣмъ они сами. Каждый благоразумный человѣкъ признаетъ, что для англійской аристократіи на Югѣ всего выгоднѣе вступить въ тѣсный союзъ съ англійскими гражданами Сѣвера, хотя бы тѣ въ качествѣ побѣдителей и предписали тягостныя условія для возвращенія въ лоно отечества блудныхъ сыновъ.

Негры сильны своей численностью и своимъ племеннымъ единствомъ; они очень любятъ деньги и умѣютъ, какъ наживать ихъ, такъ и беречь. Можно ли помѣшать неграмъ разбогатѣть, воспитывать своихъ дѣтей въ хорошихъ школахъ, стремиться забрать въ свои руки власть и силу? Они непремѣнно возвысятся, какъ индивидуально, такъ и цѣлымъ классомъ. Недалекъ тотъ день, когда въ такихъ Штатахъ, какъ Алабама и Южная Каролина, откроется послѣдняя борьба за первенство между бѣлою и черною расою. Въ

этотъ роковой день не лучше ли бѣлому имѣть себѣ поддержку въ силѣ и предпріимчивости своихъ сѣверныхъ братьевъ!

Въ этихъ полутропическихъ странахъ Республики бѣлый падаетъ въ обморокъ отъ жары, а черный благоденствуетъ. Природа, поэтому, поставила бѣлаго плантатора въ невыгодное положеніе на южной почвѣ. Въ продолженіе лѣтъ двѣнадцати или болѣе негры, еще вчера согбенные подъ игомъ рабства и нищеты, будутъ подвергаться, быть можетъ, тяжелымъ испытаніямъ, ибо они пустили глубокіе корни въ почву, не знаютъ никакихъ промысловъ, безграмотны, имѣютъ очень мало денегъ и почти никто изъ нихъ не имѣетъ друзей. Передъ ними широко раскрывается міръ, въ которомъ они могутъ на свободѣ или работать или умирать съ голоду. Сначала они должны исполнять должности слугъ въ семействахъ и работниковъ на плантаціяхъ своихъ бывшихъ господъ; однако и теперь уже есть примѣры, что негры сдѣлались плантаторами на свой собственный счетъ, выработавъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сумму, достаточную для арендованія земли и покупки необходимыхъ орудій.

Вотъ хоть посмотрите на моего пріятеля Генри Пирмана, негра, поселившагося въ Гаррисонскомъ фортѣ, посреди міазмовъ напоеннаго кровью великаго поля битвы. Никакой бѣлый естественно не хотѣлъ арендовать такой земли, и потому ея владѣлица, у которой послѣднія событія посбили гордости, съ радостью отдала въ аренду Генри большой участокъ лѣса. Въ его хижинѣ только одна комната, въ которой онъ живетъ съ своей красивой, черной женой, четырьмя дѣтьми и громаднымъ количествомъ куръ и пѣтуховъ. Генри былъ рабомъ до тѣхъ поръ, пока Грантъ не пробился сквозь эти укрѣпленныя линіи, до тѣхъ поръ, пока война не освободила всю его расу. По счастью для него, онъ былъ рабомъ въ домѣ одного изъ тѣхъ богатыхъ Виргинцевъ, которые ни во что не ставили законы. Одна изъ дочерей его господина, болѣе изъ шутки, чѣмъ съ серьезной цѣлью, научила его читать, несмотря на всѣ запрещенія. Ея отецъ былъ губернаторомъ въ Виргиніи, и потому она издѣвалась одинаково и надъ судьями и надъ полиціею. Генри прочелъ Библію и сдѣлался членомъ Баптистской церкви. Подобно всѣмъ своимъ братьямъ неграмъ, онъ очень склоненъ къ религіозному энтузіазму, подверженъ снамъ и

видѣніямъ. Такъ однажды, еще въ юности, онъ услышалъ голосъ, который ему говорилъ, что онъ будетъ свободнымъ гражданиномъ, женится и будетъ имѣть свою собственную ферму. Много лѣтъ прошло, прежде чѣмъ сбылся его сонъ, но онъ ждалъ и молился; наконецъ обѣщанное благополучіе ниспослано было ему небомъ. Какъ только армія освободителей вступила въ Ричмондъ, онъ покинулъ своего господина, несмотря на то, что онъ былъ очень добръ къ нему и предлагалъ ему остаться въ качествѣ наемнаго слуги; но Генри терзала жажда свободы, тайный голосъ побуждалъ его выйти изъ города въ поле; такимъ образомъ онъ поселился въ глухой, лѣсной странѣ безъ денегъ, безъ плуга, безъ лошадей или скота, безъ сѣмянъ, съ одной только женой и тремя дѣтьми, которыхъ надо было кормить. Прошлый годъ былъ для него самымъ труднымъ искусомъ, но онъ вложилъ душу въ свое дѣло и стойко шелъ къ своей цѣли. Рано вставая, поздно ложась, надрывая свою спину и истощая свой желудокъ, онъ наконецъ получилъ возможность отправить на рынокъ немного картофелю, томатовъ и луку. На вырученныя деньги онъ купилъ земледѣльческія орудія и заплатилъ за аренду. Съ терпѣніемъ и мужествомъ прожилъ онъ зимніе мѣсяцы. На второй годъ онъ распространилъ свое дѣло и теперь имѣетъ въ арендѣ сто сорокъ акровъ земли, въ обработкѣ которой ему помогаютъ двое негровъ; одинъ изъ нихъ отецъ его жены. Четверть выручаемаго имъ дохода идетъ на уплату аренды; остальныя три четверти онъ дѣлитъ на двѣ равныя части, и одну изъ нихъ онъ отдаетъ своимъ помощникамъ неграмъ, а другую беретъ себѣ. Генри умный, предпріимчивый, набожный человѣкъ; онъ честолюбивъ, если не для себя, то для дѣтей. Одинъ изъ нихъ вскорѣ начнетъ ходить въ школу, теперь еще онъ пока долженъ работать на фермѣ. «Я слышалъ голосъ ангела говорившаго мнѣ во снѣ, объяснилъ мнѣ этотъ простой, вѣрующій негръ, — что я долженъ воспитать своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ, а какъ человѣкъ можетъ воспитать дѣтей въ страхѣ Божіемъ, какъ не научивъ ихъ читать и писать?»

Поле дѣятельности для тружениковъ, подобныхъ Генри Пирману, чрезвычайно обширно. Двѣ трети земли въ Виргиніи до сихъ поръ не очищены и не пущены въ дѣло; дѣйствительно, этотъ старый живописный штатъ богатъ лѣсами, углемъ, водою

и всякаго рода минеральными богатствами, на которыя до сихъ поръ безпечные жители не обращали вниманія. Съ каждымъ годомъ число негровъ-фермеровъ будетъ увеличиваться на этихъ пустынныхъ необработанныхъ земляхъ Виргиніи; а когда негры разбогатѣютъ и цивилизуются, то какъ можно будетъ помѣшать тому, чтобы сила общественная и политическая не перешла въ ихъ руки? Въ нѣкоторыхъ штатахъ Юга негровъ очень много; въ одной Южной Каролинѣ ихъ болѣе половины народонаселенія, такъ что Южная Каролина, управляемая всеобщей подачей голосовъ, выбрала бы себѣ законодательное собраніе изъ негровъ и быть можетъ даже негра губернатора. Черные идутъ въ гору гораздо быстрѣе бѣлыхъ. Современемъ они будутъ имѣть корабли, банки, копи, мельницы, заводы, и когда въ ихъ рукахъ будутъ и деньги и голоса, то какъ бѣлымъ удержать свое превосходство въ этихъ полутропическихъ странахъ иначе, какъ вступивъ въ союзъ со своими бѣлыми братьями Сѣвера?

Конечно, въ то время какъ все, и надежды на хорошее и опасенія дурнаго, побуждаетъ Сѣверъ и Югъ соединиться вмѣстѣ, каждая сторона стремится основать Новую Америку на принципахъ наивыгоднѣйшихъ для себя. Лишенные по милости войны своихъ рабовъ, угнетенные долгами, какъ частными, такъ и общественными, южные плантаторы желали бы вступить въ прежній союзъ, какъ равные, если возможно болѣе чѣмъ равные. Подъ сѣнію старой конституціи они были болѣе, чѣмъ равные, ибо они подавали голосъ за себя и за своихъ невольниковъ; а чѣмъ они были въ прошлыя времена, тѣмъ желаютъ они быть и теперь.

Но государственные люди Сѣвера, гордясь своими недавними побѣдами, не помышляютъ вложить свои мечи въ ножны до тѣхъ поръ, пока вполнѣ не достигнутъ тѣхъ цѣлей, за которыя они сражались; а одна изъ этихъ цѣлей заключается въ томъ, чтобы помѣшать въ будущемъ Чарльстонскому плантатору имѣть бо́льшую власть въ государственномъ управленіи, чѣмъ Бостонскій заводчикъ или Нью-Іорскій банкиръ. Такую бо́льшую власть конституція дала Чарльстонскому плантатору на томъ основаніи, что онъ владѣлъ невольниками, ибо представительство въ Капитоліи было основано на количествѣ народонаселенія; такимъ образомъ пять негровъ считались за трехъ свободныхъ человѣкъ, и

ихъ господа подавали голосъ нетолько за себя, но и за своихъ рабовъ. Въ настоящую минуту политическая борьба вертится всецѣло вокругъ этого вопроса.

Двѣ умѣренныя партіи будутъ вести главнымъ образомъ борьбу за первенство въ предстоящіе годы, — Республиканская и Демократическая. Республиканцы сильны на Сѣверѣ и слабы на Югѣ; Демократы напротивъ сильны на Югѣ и слабы на Сѣверѣ; но каждая изъ этихъ партій имѣетъ своихъ сторонниковъ и свою организацію въ каждомъ штатѣ. Они отличаются другъ отъ друга во многихъ чертахъ, но главный вопросъ, раздѣляющій ихъ теперь, относится до тѣхъ гарантій, какія надо потребовать отъ бывшихъ мятежниковъ, прежде чѣмъ ихъ допустить въ конгрессъ и дозволить вступить въ борьбу за власть въ Республикѣ.

Республиканцы говорятъ, что всѣ бѣлые въ Союзѣ, т. е. всѣ избиратели, должны быть равными передъ избирательной урной, что каждый человѣкъ долженъ подавать голосъ однажды и за себя одного, безъ различія—Сѣверянинъ ли онъ, или Южанинъ. Негра они совершенно оставляютъ въ сторонѣ; онъ для нихъ малолѣтній, не имѣющій никакихъ политическихъ правъ. Эта перемѣна въ избирательномъ законѣ не можетъ быть сдѣлана и приведена въ дѣйствіе иначе, какъ по измѣненіи конституціи. Американская хартія основала систему представительства на числѣ всего народонаселенія, а не на числѣ избирателей. Негры считались въ итогѣ народонаселенія и ихъ господа пользовались, въ политическомъ отношеніи, ихъ пребываніемъ въ странѣ. Въ Старой Америкѣ плантаторы, пользовавшіеся этимъ правомъ, быть можетъ и справедливо представляли негровъ, т. е. насколько негры въ то время думали и чувствовали; но Старая Америка исчезла навѣки; плантаторъ не можетъ болѣе представлять своего раба, и вмѣстѣ съ невольничествомъ должно исчезнуть право бѣлаго подавать голосъ вмѣсто негра. Въ будущемъ всѣ бѣлые Соединенныхъ Штатовъ должны имѣть равныя избирательныя права; на этомъ основаніи республиканцы составили билль, измѣнявшій конституцію настолько, чтобы представительство въ конгрессѣ было основано не на численности народонасенія, а на числѣ избирателей. Большинство въ новомъ конгрессѣ конечно будетъ въ пользу этого билля.

Демократы, напротивъ, утверждаютъ, что всякое измѣненіе въ конституціи незаконно, революціонно и ненужно. Они говорятъ, и въ теоріи они правы, что представительство должно быть основано на численности народонаселенія, на великомъ, естественномъ фактѣ, легко опредѣляемомъ и очевидномъ, а не на капризѣ, на минутномъ, мѣстномъ актѣ, который можетъ быть изданъ сегодня, а завтра отмѣненъ. Они признаютъ вмѣстѣ съ умѣренной отраслью республиканской партіи, что негры, въ настоящемъ ихъ невѣжественномъ состояніи, еще недостойны пользоваться избирательнымъ правомъ; но они прибавляютъ, что такъ какъ негры не могутъ подавать голоса сами за себя, то надо дозволить ихъ болѣе образованнымъ сосѣдямъ исполнить за нихъ эту обязанность, подобно тому какъ это дѣлается избирательными классами въ Европейскихъ Государствахъ. Демократы имѣютъ то большое преимущество на своей сторонѣ, что они повидимому стоятъ за законъ и конституцію; но ихъ разсужденія противъ конституціонной поправки конечно совершенно пусты и нелогичны. Однако президентъ Джонсонъ и его кабинетъ раздѣляютъ мнѣнія Юга противъ принятія конституціонной поправки.

Каждая партія находитъ нѣкотораго рода сочувствіе въ противуположномъ лагерѣ. Сѣверные Радикалы возстаютъ противъ Конституціонной Поправки, считая ее ненужной и незаконной; они утверждаютъ вмѣстѣ съ демократами, что представительство должно быть основано на естественной численности народонаселенія, а не на числѣ законныхъ избирателей; они утверждаютъ вмѣстѣ съ республиканцами, что всѣ бѣлые должны имѣть одинаковыя избирательныя права; но вмѣстѣ съ тѣмъ они говорятъ наперекоръ обѣимъ партіямъ, что неграмъ слѣдуетъ дозволить подавать голосъ самимъ за себя. Подобнымъ же образомъ Южные умѣренные демократы, хотя придерживаются теорій, съ которыми Сѣверъ никогда не согласится, готовы признать теорію республиканцевъ о равенствѣ правъ бѣлыхъ. Эта партія мирной сдѣлки быть можетъ самая сильная, по численности, на Югѣ; но надежды болѣе фанатичныхъ людей такъ распалены дѣйствіями президента Джонсона и его агентовъ, что Югъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ и неудовольствіемъ смотритъ на своихъ хладнокровныхъ, благоразумныхъ гражданъ.

Мы не должны судить объ этихъ партіяхъ поспѣшно и съ предубѣжденіемъ. Послѣ своихъ пораженій на полѣ битвы, Югъ очень легко можетъ убѣдить себя, что онъ вправѣ требовать многаго, вправѣ воспользоваться для своей выгоды разногласіемъ своихъ враговъ.

ГЛАВА XXXIII.

Единство.

Итакъ главная преграда для возстановленія Единства, возможность котораго обусловливается послѣдними событіями и которое удовлетворяло бы интересамъ всѣхъ партій, не заключается въ характерѣ Сѣвера или Юга, но въ существованіи писаннаго закона; а законъ Американцы привыкли съ дѣтства чтить почти такъ же, какъ Слово Божіе.

Если какое-либо произведеніе человѣческаго пера имѣетъ святость въ глазахъ Американцевъ, то это конечно ихъ конституція. Дѣйствительно, иностранецъ едва ли можетъ понять то уваженіе, часто доходящее до страха, съ которымъ иногда относятся къ органической хартіи храбрые Виргинцы, практическіе Пенсильванцы и блестящіе Ново-Англичане. Внѣ неограниченной любви къ ней великаго народа, эта органическая хартія, съ какой бы точки зрѣнія на нее ни взглянуть, далеко не представляетъ изслѣдователю политическихъ вопросовъ совершеннѣйшаго плода человѣческаго генія. Она имѣетъ не болѣе ста лѣтъ давности и потому не отличается тѣмъ блестящимъ ореоломъ, которымъ время осѣняетъ древнія учрежденія. Эта хартія не была плодомъ туземной почвы и англійскаго ума, но экзотическое растеніе, перенесенное съ чуждой и искусственной почвы Франціи. Въ день ея принятія она была ничто иное какъ сдѣлка, и всегда съ самаго того дня служила преградой къ развитію Соединенныхъ Штатовъ. Принципы лежащіе въ ея основѣ находятся въ прямомъ антагонизмѣ съ тѣмъ великимъ актомъ, который часто переплетается въ одну книгу съ конститу-

туціей; мы говоримъ о Декларацiи Независимости, ибо, въ противность этому акту освобожденія, конституція отвергаетъ, что всѣ люди свободны и равны, и отказываетъ цѣлому классу народа въ правѣ на свободный трудъ.

Никто конечно не забылъ какъ часто и съ какимъ полнымъ успѣхомъ приводили эту конституцію въ доказательство того, что великіе основатели Республики не считали негра-раба за человѣка. Если всѣ люди дѣлаются свободными и равными самымъ фактомъ ихъ рожденія, то несомнѣнно, что созданія, находящіяся въ рабствѣ, не люди. Но каждый также знаетъ, что декларація независимости выражаетъ истинные и конечные взгляды основателей Республики, тогда какъ конституція была только временной, политической сдѣлкой. Тѣ самые люди, которые подписали ее, уже желали въ ней измѣненій; въ первомъ тяжеломъ испытаніи, которому подверглось политическое зданіе Соединенныхъ Штатовъ, эта конституція оказалась причиною тысячи невзгодъ. Благодаря конституціи, страна эта пришла въ такое положеніе, что минетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ совершившіеся факты, которыхъ измѣнить невозможно, будутъ приведены въ гармоническое соотношеніе съ писаннымъ закономъ.

Въ то время, какъ Американцы заняты исправленіемъ и передѣлкой своей конституціи, не хорошо ли бы они сдѣлали, задавъ себѣ вопросъ: какая польза въ этомъ архивномъ документѣ? Въ самомъ лучшемъ случаѣ, когда буква конституціи справедлива во всѣхъ мелочахъ, справедлива съ точки зрѣнія божественнаго, нравственнаго управленія людьми и съ точки зрѣнія счастья и благосостоянія народа, именемъ котораго составлена эта конституція, — она ничто иное какъ опредѣленіе фактовъ. Это дѣло прошедшаго; это лѣтопись того, чѣмъ былъ народъ и что онъ теперь. Но подъ словомъ опредѣленіе подразумѣвается ограниченіе, съуживанье. Зачѣмъ же жизнь великаго народа подводить подъ узкія рамки писанной фразы? Какъ страна, быстро идущая впередъ, можетъ ограничить свою будущую животворную силу? По какому праву можетъ свободная Республика помѣшать развитію идей и теченію событій? Въ деспотическомъ государствѣ, гдѣ люди не свободны и не равны, гдѣ нельзя ждать никакого прогресса и гдѣ благоденствіе не желательно, писанный законъ, неизмѣняемый,

подобно Мидійскому или Персидскому, можетъ еще имѣть смыслъ, ибо подъ деспотическою властью народъ никогда не можетъ надѣяться достичь того высшаго положенія, въ которомъ онъ самъ себѣ законъ. Въ странѣ, какъ Америка, истинной конституціей долженъ быть живой фактъ, а не кусокъ бумаги или сомнительная фраза. Англія никогда не имѣла писанной конституціи. И какъ могла она имѣть ее? Ея конституція—ея жизнь. Все то, чѣмъ она была, все то, что она когда-либо сдѣлала, все то, что она выстрадала,—вотъ ея конституція, ибо все это выражаетъ ея жизнь. Что выиграла бы она стараясь написать повѣсть своей жизни въ двѣнадцати параграфахъ? Она бы сковала сама себя оковами. Вотъ и все. Дюжина фразъ не могла бы выразить всей ея жизни. Многія изъ условій этой жизни ясны, очевидны, другія скрыты; никто не можетъ вспомнить всего прошедшаго, ни предвидѣть всего будущаго. Отчего не довольствоваться тѣмъ, что нація живетъ? Пришло ли бы кому-нибудь въ голову, кромѣ сумасшедшаго, даровать конституцію саду и повѣсить бумажныя оковы на цвѣты и растенія? А люди въ свободной странѣ подвержены измѣненіямъ и развитію болѣе, чѣмъ цвѣты и растенія. Подумалъ ли бы кто составить конституцію для науки, для химіи, астрономіи или физики? Гдѣ дѣло идетъ о развитіи, о естественномъ ростѣ, тамъ должны быть порядокъ, система, но не конечныя теоріи или непогрѣшимые писанные законы.

И какую пользу приноситъ конституція? Или вы боитесь, что народъ забудетъ свои принципы и измѣнитъ своей свободѣ, если вы не удержите его писанными параграфами? Это всеобщій страхъ. Но посмотрите, что скрывается подъ этимъ страхомъ, и тогда скажите справедливъ ли онъ. Такъ какъ люди не могутъ отдалиться отъ своей природы, отшатнуться отъ своихъ инстинктовъ и страстей, то мы должны предположить, что конституція имѣетъ жизнь особую отъ жизни народа; это политическая фикція, а не нравственная и общественная истина. Если конституція существуетъ въ крови, въ мозгу блестящаго, стойкаго народа, если это естественный плодъ всего, что онъ сотворилъ, и всего, что творитъ теперь, то вамъ нечего бояться, чтобы эту конституцію забыли или чтобы ей измѣнили. Если же это чуждый народу регламентъ, то съ какого права вы ему навязываете его?

Въ настоящемъ положеніи общественнаго чувства относительно конституціи, я не думаю, чтобы терпѣливо выслушали человѣка, который бы предложилъ освободить народъ приличнымъ уничтоженіемъ этой конституціи. Время для такого дѣла еще не настало. Теперь только мечтаютъ объ исправленіи дурнаго учрежденія, о томъ чтобы выбросить изъ конституціи тѣ постыдныя статьи, которыя ввели въ нее рабовладѣльцы. Только радикалы предлагаютъ привести ее въ гармоническое соотношеніе съ Декларацією Независимости. Но не полезно ли было бы политикамъ, обсуждающимъ этотъ вопросъ, спросить себя: не лучше ли ограничить свою задачу только уничтоженіемъ вредныхъ статей? Отчего не открыть конституцію для дальнѣйшаго развитія, устранивъ всѣ ея ограниченія? Зачѣмъ прибавлять новыя статьи къ документу, котораго несостоятельность признается всѣми? Они знаютъ, что еслибы не существовала эта бумажная преграда, то распря между Сѣверомъ и Югомъ окончилась бы пораженіемъ Ли. Зачѣмъ поэтому подготовлять новыя затрудненія своимъ дѣтямъ, усложняя органическіе статуты новыми сдѣлками?

Черезъ нѣсколько лѣтъ Сѣверъ и Югъ будутъ снова составлять одно цѣлое, права штатовъ будутъ забыты и негръ займетъ принадлежащее ему мѣсто. Свободная республика не можетъ наслаждаться спокойствіемъ деспотическаго государства; она не можетъ соединить въ себѣ неподвижность Пекина съ дѣятельностью Сан-Франциско, порядокъ Міяко съ шумомъ и жизнью Нью-Іорка. Въ будущемъ, какъ и въ прошедшемъ, ее ожидаетъ и приливъ и отливъ; сегодня общественное мнѣніе будетъ склоняться въ пользу индивидуальности, сепаратизма и свободы, завтра оно снова перейдетъ на сторону единства, братства, государства; но эти приливы и отливы общественнаго мнѣнія будутъ широкой волной переливаться съ запада на востокъ, съ востока на западъ, не причиняя вторичнаго потопа. Вопросъ о правѣ отдѣльнаго штата выдти изъ Союза съ другими штатами, вопросъ, который не былъ ясно поставленъ конституціею, теперь разрѣшенъ фактически. По этому вопросу не возникнетъ болѣе войны, но страсти будутъ бушевать, ораторы возобновятъ борьбу, хотя и не на полѣ брани; съ одной стороны будутъ краснорѣчиво ратовать за права человѣка, съ другой за власть государства. Кто можетъ сказать, чья

ревность святѣе? Одна сторона будетъ стоять за личную свободу, другая за народную мощь. Оба эти элемента безсмертны. Одинъ вѣкъ будетъ бороться за свободу, другой за могущество, смотря по тому, какой геній, Саксонской или Латинской расы, возьметъ верхъ. Когда обѣ эти силы придутъ въ равновѣсіе, тогда только Республика будетъ пользоваться въ высокой степени свободой и могуществомъ.

Когда арміи Сѣвера и Юга встрѣтились лицомъ къ лицу послѣ паденія Форта Сумтера,—было поднято истинное знамя войны и бой былъ данъ въ защиту широкихъ принциповъ. Тогда стало ясно, что исходъ борьбы долженъ былъ рѣшить, какой принципъ поставитъ Великая Республика на своемъ знамени? Будетъ ли зданіе ея основано на принципахъ Рыцарства или на принципахъ Равенства. Будетъ ли трудъ считаться постыднымъ? Сдѣлается ли Новая Америка рабовладѣльческой державой или свободнымъ народоправствомъ?

Подъ стѣнами Ричмонда былъ данъ бой за эти принципы,—бой честный, открытый, въ которомъ обѣ стороны своей храбростью, искусствомъ и гордостью напомнили великія битвы при Несби и Марстонъ-Мурѣ; но Кавалеры были побѣждены, и Средніе Вѣка потеряли свой послѣдній оплотъ.

Когда царство воинственнаго сепаративнаго духа пришло къ концу, посреди всеобщаго опустошенія, смерти и огня, то духъ міра и единства проснулся въ сердцахъ Американцевъ, гдѣ онъ такъ долго дремалъ. Начался новый порядокъ вещей, сначала не твердо, не безъ ошибокъ и опасеній, но все-же началось царство болѣе благородныхъ идей. Теперь же очевидно, что эти идеи съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ все большую и большую силу, хотя имъ приходилось бороться съ людскими страстями и коварствомъ, которыя гораздо страшнѣе штыковъ и пушекъ. Много лѣтъ пройдетъ, быть можетъ, прежде чѣмъ духъ Единства водворится во всей своей силѣ на Югѣ, но герольды уже протрубили и воины подняли свои знамена. Цѣлость жизни пріидетъ современемъ; теперь довольно и того, что желаніе Единства воскресло на Югѣ.

Да; здѣсь въ Ричмондѣ, посреди храбрыхъ воиновъ Юга, пострадавшихъ всего болѣе отъ войны, посреди людей, пораженныхъ въ ихъ самыхъ сердечныхъ чувствахъ и въ ихъ матеріальныхъ

средствахъ, многіе сознаются публично, что они совершенно измѣнились. Они все тѣ же люди, что и до войны, но они рѣзко обернулись лицемъ въ противуположную сторону. Нѣкоторые конечно не способны на такую перемѣну; они принимали слишкомъ дѣятельное участіе въ прошедшемъ и пали вмѣстѣ съ этимъ прошедшимъ. Люди, послѣднее дѣйствіе которыхъ было сжечь этотъ городъ и бѣжать, оставивъ почернѣвшія стѣны, разрушенныя зданія и пустыя улицы живымъ памятникомъ ихъ отчаянія, могутъ считать себя вправѣ быть услышанными на Югѣ, но почти всѣ признаютъ, что если прошедшее принадлежитъ имъ, то есть будущее, въ которомъ они не могутъ принять никакого участія. Побѣдители отмѣтили ихъ клеймомъ, и они не будутъ въ состояніи впредь занимать никакихъ важныхъ, вліятельныхъ мѣстъ. Ихъ друзья могутъ сожалѣть объ этомъ, но всему народу надо жить, и Южане не погубятъ себя навѣки ради немногихъ, которые въ своемъ энтузіазмѣ довели ихъ до разоренія и смерти. Дѣйствительно, время измѣнилось; то же бурное море гровно катитъ свои валы, но только вмѣсто отлива сепаратизма бѣжитъ приливъ единства.

Хотя и поздно, но многіе изъ плантаторовъ видятъ теперь, что, побуждаемые своей пламенной торопливостью и нетерпѣливой храбростью, они зашагали слишкомъ быстро и зашли слишкомъ далеко, такъ что въ безумномъ стремленіи къ свободѣ они готовы были уничтожить законъ и ради независимости пожертвовать могуществомъ. Въ страстной погонѣ за свободой они забыли всю спасительную силу порядка и необходимаго равновѣсія элементовъ. Чтобы достигнуть своего дорогаго желанія, отдѣлиться и стоять самимъ за себя, они были согласны расторгнуть всѣ общественныя узы и возвратить міръ за тысячу лѣтъ назадъ. Они видятъ теперь свое заблужденіе и съ радостью бы передѣлали все совершившееся, т. е. насколько можно передѣлать подобные факты. Нѣкоторые все-еще носятся съ своею гордостью и отчаяніемъ; они не видятъ ничего хорошаго въ будущемъ и желаютъ для Юга судьбы Польши. Другіе безмолвствуютъ и съ горькой улыбкой презрѣнія смотрятъ на Янки, стоящихъ на часахъ, и на суетящихся по улицамъ негровъ; но время оказываетъ свое врачующее дѣйствіе на эти болѣзненные умы. Они чувствуютъ, что, проигравъ

свое дѣло, должны покориться природѣ, ибо Англо-Саксонецъ не можетъ унизиться до положенія Поляка.

Я не хочу сказать, чтобы здѣсь въ Ричмондѣ знамя Роберта Ли было втоптано въ грязь; нѣтъ, оно и не должно быть втоптано въ грязь, ибо это знамя развѣвалось надъ людьми, которые вооружились за дѣло, покрывшее ихъ славой и котораго они ни мало не стыдились. Я говорю только, что знамя Ли свернуто вокругъ своего древка и сдано въ архивъ вмѣстѣ со многими воспоминаніями прошедшаго, съ рыцарскими заблужденіями и романтическими стремленіями Юга. Эти храбрые люди возвратились къ здравому смыслу, если не къ братской любви; они видятъ, что прошедшее—прошедшее, что злоба напрасна, что бой оконченъ и что они все-еще могутъ занять мѣсто въ государствѣ. Теперь они ничто, ниже, чѣмъ низшій классъ бѣлыхъ на Югѣ, ниже, чѣмъ собственные ихъ негры. Это положеніе не можетъ продолжаться. «Большая часть нашей молодежи— говорилъ мнѣ одинъ Виргинецъ — стоитъ за вступленіе въ конгрессъ съ помощью сдѣлки; они не хотятъ измѣнить своимъ старымъ вожакамъ, но они хотятъ жить и потому не могутъ вѣчно оставаться внѣ союза.» Эти молодые люди, противъ которыхъ побѣдители не имѣютъ ничего, теперь уже почти забыли послѣднія пять лѣтъ. Молодежь смотритъ впередъ, и передъ нею развѣвается одно только звѣздное знамя.

Потому на этихъ самыхъ улицахъ Ричмонда, люди, которые вчера еще боролись за конфедеративный флагъ, теперь шопотомъ, съ искреннимъ сожалѣніемъ и откровеннымъ чувствомъ говорятъ о союзномъ звѣздномъ знамени. «Наше самое большое несчастье—сказалъ мнѣ одинъ солдатъ изъ Георгіи — заключалось въ томъ, что мы перемѣнили знамя; намъ надо было держаться стараго знамени и смѣло возстать за союзъ; намъ надо было бороться за конституцію и сдѣлать нашихъ враговъ сепаратистами; тогда мы одержали бы побѣду, ибо весь западъ былъ бы за насъ; тогда, вмѣсто того, чтобы пресмыкаться въ этихъ почернѣвшихъ улицахъ, мы имѣли бы свои пикеты на Ніагарѣ и часовыхъ въ Фаніёль-Голлѣ.» Быть можетъ онъ правъ. Но не покаяніе ли это послѣ смерти? Можно ли было въ началѣ войны встрѣтить на Югѣ подобную мысль о вѣрности старому знамени, о сохраненіи вели-

кой республики? Тогда безумная страсть вела всѣхъ къ сепаратизму. Если теперь восторжествовали болѣе благоразумныя идеи, то не слѣдствіе ли это тяжелыхъ испытаній и горестныхъ потерь? Тѣ, которые теперь основываютъ всѣ свои надежды на союзѣ, которые смотрятъ на Капитолій и на Бѣлый Домъ, какъ на единственное средство спасенія, въ тѣ времена исповѣдывали совершенно иную теорію; они надѣялись тогда на свободу, на независимость, на индивидуальность. Эта теорія не привела ихъ ни къ чему; уединенное положеніе не принесло имъ пользы. Законъ и политика были противъ нихъ; они не могли бороться съ общественными инстинктами. Они вступили въ бой за сепаратизмъ и потерпѣли пораженіе; потерпѣвъ же пораженіе, они лишились и приза и ставки, лишились всего, за что боролись, всего, что поставили на карту.

По счастію для міра, они были побѣждены, они проиграли свое дѣло; были побѣждены по закону природы, проиграли свое дѣло по небесному предопредѣленію. Никакая невзгода въ политическомъ мірѣ не могла бы сравняться съ успѣхомъ рабовладѣльческой державы, основанной на развалинахъ славной республики. Всѣ свободные народы почувствовали бы этотъ ударъ; всѣ честные люди пострадали бы отъ него; но хотя ихъ дѣло было ложное, ихъ политика отсталая, ихъ знамя сепаратистское,—какую однако великую борьбу вели Южане! Люди, которые со славой погибаютъ за свои убѣжденія, какъ бы ложны онѣ ни были, всегда поразятъ человѣческое воображеніе и всегда заслужатъ любовь мужественнаго народа. Сражаясь за несправедливое, заранѣе проигранное дѣло, плантаторы Виргиніи, Алабамы и Миссисипи шли въ бой словно на пиръ; многіе желавшіе ихъ пораженія не могли мысленно не нестись вмѣстѣ съ ними въ кровавую сѣчу, не могли не слѣдить съ тревожно бьющимся сердцемъ и съ горящими глазами за ихъ быстро несущимися конями. Храбрость дѣйствуетъ электрически. Мечъ Джаксона, развѣвающееся перо Стюарта приковывали къ себѣ ваше воображеніе. Нечестивость ихъ борьбы не превосходила ихъ храбрости. Вѣрные своимъ ложнымъ богамъ, своимъ абсолютнымъ теоріямъ, они доказали на дѣлѣ свою личную честь; пользуясь всевозможной роскошью на землѣ, они переносили всевозможныя лишенія, голодъ, язвы, и кончали свою

дотолѣ изнѣженную жизнь во рву, на голой землѣ. Повсюду вокругъ этихъ Ричмондскихъ стѣнъ, подъ песчаными буграми, подъ грудами падшихъ листьевъ покоятся кости юношей и стариковъ, нѣкогда составлявшихъ гордость и славу тысячи Англо-Саксонскихъ семействъ. Дай Богъ, чтобы груда песку могла прикрыть ихъ нечестіе!

На этомъ веселомъ горномъ откосѣ Виргиніи, радующемъ человѣческій глазъ своими густыми лѣсами и журчащими потоками, религіозный Сѣверъ скрываетъ во многихъ могилахъ и подъ многими бѣлыми плитами останки своихъ славныхъ сыновъ. Тутъ покоятся гробовымъ сномъ юноши, пришедшіе съ фермъ Огіо, съ заводовъ Вермонта, изъ школъ Массачузета; они явились сюда громко распѣвая свои религіозные гимны; они отказались отъ спокойной жизни, отъ науки, отъ любви, чтобы спасти свое отечество отъ разъединенія, междоусобій и политической смерти. Подъ звуки своихъ гимновъ они падали отъ изнеможенія по дорогѣ; съ крикомъ *аллилуія* на устахъ они умирали въ сѣчѣ и въ траншеяхъ. Новая Англія отдала этому горному откосу своихъ лучшихъ и храбрыхъ сыновъ. Я знаю улицу въ Бостонѣ, въ которой каждый домъ оплакиваетъ свою жертву войны; во многихъ домахъ ученыхъ и поэтовъ видалъ я Рахиль, плачущую съ гордостью о дѣтяхъ своихъ, ибо ихъ нѣтъ. Эти герои спятъ на откосѣ горы въ *предѣлахъ того* самаго города, который дерзко вызвалъ ихъ на бой и безжалостно умертвилъ ихъ; они вступили наконецъ въ него, какъ побѣдители, и здѣсь въ своихъ могилахъ будутъ вѣчно стоять безмолвными часовыми святаго дѣла. Слава имъ изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе!

Вонъ тамъ, неподалеко внизу, въ болотахъ, въ пустынномъ долѣ у разоренныхъ окоповъ, у сбитыхъ фортовъ, на берегу рѣки—покоятся останки разбитыхъ, побѣжденныхъ полчищъ. Тутъ лежатъ молодые и старые воины, прилетѣвшіе на своихъ боевыхъ коняхъ съ хлопчато-бумажныхъ плантацій Луизіаны, съ рисовыхъ полей Каролины, изъ богатыхъ помѣстій Георгіи. Сражаясь за дѣло, которое съ колыбели ихъ учили считать правымъ, они были столь же честными, храбрыми и гордыми воинами, какъ и ихъ болѣе могучіе и искусные противники. Но сильные были правы и правые были сильны; слабые пали въ роковомъ столкновеніи. Они пали рядомъ

съ побѣдителями, исполнивъ свой долгъ, удовлетворивъ своей благородной страсти. Многими нѣжными услугами, многими привѣтливыми словами помѣнялись падая эти враждующіе братья,—братья, говорившіе однимъ и тѣмъ же языкомъ, творившіе одну и ту же молитву, имѣвшіе одно отечество, одного Бога. Они умерли на одномъ полѣ, ихъ кости убѣлили одну землю. Тамъ и снимъ набожная рука собрала прахъ воиновъ соперниковъ, какъ они нали другъ подлѣ друга; и теперь въ одной общей могилѣ спятъ рядомъ братья, поднявшіе руку другъ на друга, спятъ рядомъ побѣдитель и побѣжденный, защитникъ Союза и мятежникъ, возставшій противъ него.

Дай Богъ, чтобы всегда было такъ! дай Богъ, чтобы набожный Сѣверъ, столь же великій въ своемъ милосердіи, какъ и въ своей храбрости, забылъ прошедшее. Мертвые не могутъ враждовать, и передъ костями убитаго воина да не спрашиваетъ никто, къ какой партіи и къ какой странѣ принадлежалъ мертвецъ, а пусть предадутъ эти кости вѣчному покою, рядомъ, въ одной могилѣ—и блуднаго и вѣрнаго отечеству сына. И ты, веселый откосъ Ричмонда, на которомъ заходящее солнце такъ долго освѣщаетъ своими пурпурными лучами несмѣтныя могилы, ты долженъ быть и для Сѣвера и для Юга мѣстомъ мира и покоя, знаменемъ Новой Америки, вѣчнымъ символомъ ихъ примиренія, хотя и вѣчнымъ свидѣтелемъ ихъ борьбы.

КОНЕЦЪ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.		*Строки*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
40	Сн.	14	имъ	его
48	—	16	Селено Озеро	Солёнаго Озера
64	—	9	состояніе	состоянія
68	—	3	суду, присяжныхъ	суду присяжныхъ
79	Св.	14	было, извѣстно	было извѣстно
84	—	12	Уты	Утахи
86	—	7	ихъ загоняютъ	воловъ загоняютъ
94	Сн.	6	надъ нимъ.	надъ ними.
98	—	10	Снэковъ	Сенековъ
102	Св.	7	Снэки	Сенеки
—	Сн.	5	Вазачскихъ	Вазатчскихъ
103	Св.	13-14		
104	Сн.	12	Вазачскаго	Вазатчскаго
112	Св.	9	Кимболя	Кимбаля
115	—	12		
117	Сн.	14	созданіи	созиданіи
161	Св.	1	копютъ землю	капаютъ землю
180	—	17	ложь и откровеніе	ложь, и откровеніе
188	Сн	6	Пратъ	Праттъ
190	—	14		
191	Св.	9		
189	Сн.	3	то	что
191	Св.	11	Агаръ	Агарь
192	Сн.	6—5	Солёно Озерномъ Городѣ	Городѣ Солёнаго Озера
198	—	4—3		
195	—	10	Солёно Озерный Городъ	Городъ Солёнаго Озера
200	—	4		
213	Св.	11	собственнога	собственнаго
217	—	3	Род—Айландъ	Род—Эйландъ
222	—	1	предѣлить	опредѣлить
235	Сн.	8	Гольтенъ	Гольтонъ

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
245 Св.	16	поидимоому	повидимому
286 —	15	Айландскомъ	Эйландскомъ
299 —	5	отчечѣ	отчетѣ
303 Св.	5	Родъ—Айланда	Родъ—Эйланда

ГРУБЫЯ ОПЕЧАТКИ ВЪ ПОДПИСЯХЪ ПОДЪ РИСУНКАМИ:

Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Робертъ Видьсонъ	Робертъ Вильсонъ
Главная Улица, Въ Городѣ	Главная улица въ Городѣ

Спб., Невскій Пр., № 42.

ВЪ «РУССКОЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ»

ПРОДАЮТСЯ:

В. УЭВЕЛЛЬ. Исторія индуктивныхъ наукъ отъ древнѣйшаго и до настоящаго времени. Переводъ съ 3-го англійскаго изданія А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича. Съ дополненіями по нѣмецкому изданію **Литтрова.** Подписная цѣна на всѣ три тома 7 р. с., изъ которыхъ 5 р. 50 к. вносятся при полученіи I и II томовъ (вышли), а остальные 1 р. 50 к — при выходѣ III т. — Изданіе будетъ окончено въ 1867 г. По выходѣ III-го тома цѣна будетъ 8 р. или 8 р. 50 к. Отдѣльно томы продаваться не будутъ.

ЭД. ЮМАНСЪ. Новѣйшее образованіе. Его истинныя цѣли и требованія. — Сборникъ статей въ защиту научнаго воспитанія, проф.: Тиндаля, Даубени, Генфри, Гекели, Педжета, Уэвелля, Фарадея, Дрэпера, Массона, Де-Моргана, Овена; д-ровъ: Годгсона, Карпентера, Гукера, Акланда, Форбеса, Грове, Герб. Спенсера, сэра Джона Гершеля, сэра Чарльза Ляйэлля, д-ра Сегэна, и другихъ. Съ приложеніемъ лекціи **МИЛЛЯ:** «объ университетскомъ воспитаніи», читанной въ февралѣ 1867 г.— Пер. съ англійскаго, съ предисловіемъ М. А Антоновича Цѣна 2 р. 25 к. с. Въ отличномъ англійскомъ коленкоровомъ переплетѣ—2 р. 75 к.

Д. Г. ЛЬЮИСЪ. Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящихъ временъ. Перев. съ англійскаго подъ редакціей В. Д Спасовича и А. Н. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. 50 к.

Д. Г. ЛЬЮИСЪ. Жизнь Гете. Ч. I. Пер. съ англійскаго А. Н. Невѣдомскаго. Цѣна съ билетомъ на 2-ю часть 4 р.

ГЕОРГЪ МАРШЪ. Человѣкъ и природа, или о вліяніи человѣка на измѣненіе физико-географическихъ условій природы. Съ англійскаго перевелъ А. Н. Невѣдомскій. Ц. 3 р.

П. Ж. ПРУДОНЪ. Французская демократія (De la capacité politique des classes ouvrières). Ц. 1 р. 25 к.

Д. ПЭДЖЪ. Философія геологіи. Краткій обзоръ цѣли, предмета и свойства геологическихъ изслѣдованій. Съ англійскаго перевели П и А. Крапоткины. Цѣна 1 р. с.

АДОЛЬФЪ КЕТЛЕ. Соціальная система и законы ею управляющіе. Цѣна 1 р. 25 к.

ГОНЕГГЕРЪ. Исторія литературы и культуры XIX вѣка. Перев. В. А. Зайцева. Ц. 1 р. 50 к.

БРАУНЪ-СЕКУАРЪ. Физіологія и патологія центральной нервной системы. Пер. съ англійскаго д-ра Л. Н. Симонова. Ц. 2 р. 50 к.

БРАУНЪ-СЕКУАРЪ. Лекціи о распознаваніи и леченіи главнѣйшихъ формъ паралича нижнихъ членовъ. Пер. Д-ра Л. Н. Симонова. Ц. 90 к.

РИНДФЛЕЙШЪ. Патологическая гистологія. Вып. I-ый. Общая часть. Болѣзни крови и кровеносныхъ сосудовъ. — Пер. д-ра Ю О. Гольдендаха. Цѣна 1 р. 85 к.

КАРЛЪ ФОГТЪ Физіологическія письма. Переводъ Н. Бабкина и С. Ламанскаго. Выпуски I и II. (Изданіе второе). Ц. 1 р. 70 к.

Ж Ж РУССО. Собраніе сочиненій. Т. I. (О воспитаніи: «Эмиль» и мелкія статьи) Ц. 3 р.

Т. Г. БОКЛЬ Исторія цивилизаціи въ Англіи. Изд. Н. Тиблена. 2 т. Ц. 4 р. 50 к.

Р. ОВЕНЪ. Образованіе человѣческаго характера. Ц. 50 к.

МАСЕ. Исторія кусочка хлѣба. Ц. 1 р. 25 к.

КУНО ФИШЕРЪ. Фр. Бакон ъ Веруламскій. Реальная философія и ея вѣкъ. Пер. Н. Н. Страхова. Ц. 1 р. 75 к.

Печатаются и поступятъ въ продажу въ теченіе 1867 г.:

В. Уэвелль. Истор. индукт. наукъ. Т. III. Пер. М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина.

І. Вентамъ. Избранныя сочиненія. Т. I. Пер. А. Н. Пыпина и А. Н. Невѣдомскаго.

Дж. Гершель. Объ изученіи естественныхъ наукъ. Пер. съ англійскаго.

Д. Льюисъ. Жизнь Гете. Ч. II. Пер. А. Н. Невѣдомскаго.

Дж. С. Миллъ. О важнѣйшихъ вопросахъ познанія. (Обзоръ философіи Гамильтона). Пер. съ англійскаго Хмѣлевскаго.

Риндфлейшъ. Патологическая гистологія. В. 2-ой.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Гоббъ Левіаѳанъ.—Пер. съ латинскаго.

Макіавелли. «Государь» (Il Principe) и «Разсужденія на первую декаду Тита Ливія». Пер. съ итальянскаго.

Ю. Жуковскій. Исторія политической литературы XIX столѣтія. Т. I.

EN8
H312

Stanford University Libraries
3 6105 124 417 184

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.